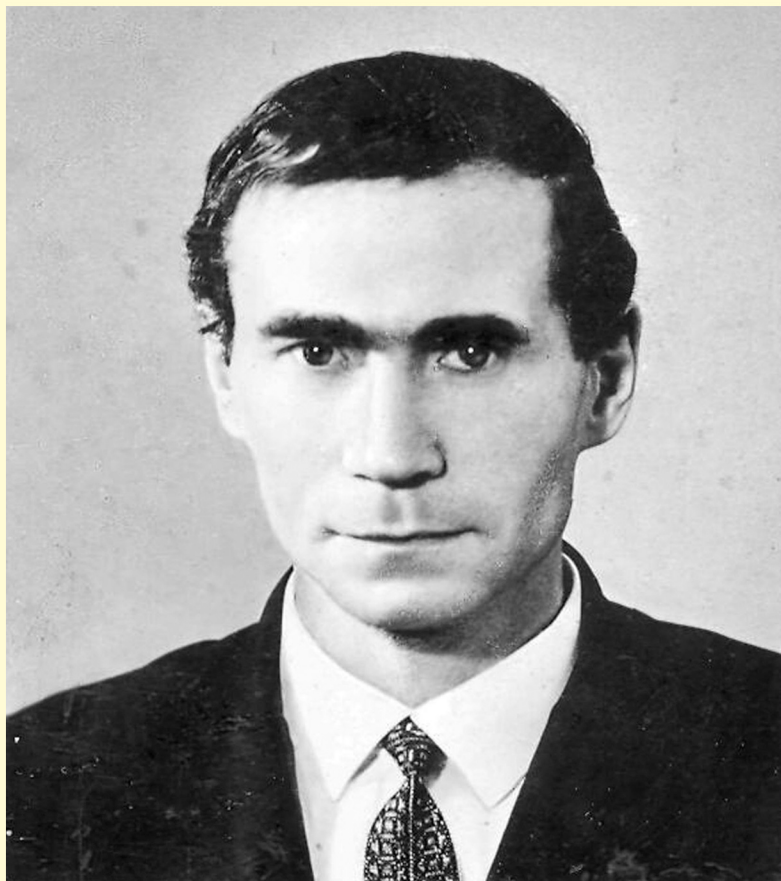

Коммир Петрович
Крижановский

Диагноз-империя

Статьи. Письма.

**Коммир Петрович
Крижановский**

Диагноз-империя
Статьи. Письма.

В книге собраны статьи и очерки замечательного историка и философа Коммира Петровича Крижановского. Сквозной нитью через всю книгу проходит тема философии истории. К.П.Крижановскому удалось вывести закономерности исторического развития общества в зависимости от соотношения интенсивных и экстенсивных факторов и на основании этого проанализировать особенности развития России — от зарождения империи и до наших дней, Украины и других стран, объяснить причины возникновения сталинизма и фашизма. В книге анализируются события Второй мировой войны, а также перестроечных лет.

Статьи К.П.Крижановского оказываются как никогда актуальными в наше время. Сегодня крайне важно донести до людей историческую правду: «... не поняв прошлого, вперёд можно двигаться только вслепую... Сам путь станет несравненно длиннее, а за прогресс ... придётся платить деградацией. Такова цена историко-философской слепоты. Почему бы нам не прозреть?»

Редактор, корректор
Крижановская Светлана Григорьевна

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коммир Петрович Крижановский родился 30 ноября 1925 года в г. Виннице. Отец его — Пётр Михайлович Крижановский был участником революции, позднее стал офицером. Мать его в 1938 г. была репрессирована, через четыре месяца после ареста погибла от пыток в тюрьме. По свидетельствам исследователей, а также очевидцев того страшного времени, она, несмотря на мучения, никого не выдала (а в сфабрикованном чекистами деле фигурировало ещё 12 человек). Индивидуальной могилы нет — осталось только место коллективного захоронения замученных чекистами людей. Она была известным в городе человеком, руководителем профсоюза на швейной фабрике, позднее — студенткой старших курсов мединститута, который так и не успела закончить. Училась она хорошо, за успехи в учёбе даже была премирована поездкой в Крым. Всегда рада была в учёбе помочь другим студентам.

Арест мамы случился на глазах маленького Коммира и на всю жизнь врезался ему в память. Ему было 12 лет. Жили они тогда в комнате общежития мединститута. Мать успела составить текст телеграммы мужу — он служил в Ленинграде в танковых войсках майором. Пётр Михайлович тут же приехал. Наверное, то, что он жил в Ленинграде, спасло ему жизнь: его не арестовали вместе с женой, а только разжаловали в рядовые. Пётр Михайлович остался в Виннице, где и прожил всю свою жизнь. Лишь в 1957 г. жена была посмертно реабилитирована.

В 1941 г. Пётр Михайлович ушёл рядовым на фронт, в 1945 г. вернулся вновь майором. Служил он в легендарном партизанском отряде Дмитрия Медведева. Базировался отряд в Ровенской области, в тылу врага. За годы войны было произведено свыше 1000 диверсий. Когда после войны, уже в хрущёвскую оттепель, Пётр Михайлович захотел написать воспоминания о герои-

ческом прошлом, ему не разрешили, сказав, что сведения о боевых операциях засекречены. А жаль. Устно же он о своём участии в Отечественной войне никогда не рассказывал, так как ему, по-видимому, было тяжело вспоминать, а вот об участии в революции рассказывал охотно. После войны ему предлагали служить в армии, но он отказался. Будучи честным и совестливым человеком, он не стремился подняться по служебной лестнице, работал всю оставшуюся жизнь в исполкоме завкабинетом.

Во время Великой Отечественной войны Коммир Петрович с 17-летнего возраста служил во Владивостоке — разгружал тяжёленные ящики с боеприпасами. Кормился впроголодь, а рядом, по всему городу — горы сушёной рыбы, но за кражу одной рыбки — расстрел или 10 лет лагерей. Никто и не рисковал. А рыба часто пропадала.

В 1946 году, после демобилизации, поступил в Винницкий пединститут на исторический факультет, который закончил в 1950 году. В этом же институте спустя 12 лет, в 1962 г., Коммир Петрович начинал свою педагогическую деятельность: сначала преподавателем-почасовиком, а спустя два года — штатным преподавателем. В 1955 г. окончил с отличием заочное отделение философского факультета МГУ. Затем — аспирантуру Киевского университета. Автор свыше 40 научных статей.

К началу 60-х годов К.П.Крижановский уже чётко осознал, в чём порочность системы, сложившейся в стране, и предсказал её гибель. Он всей своей деятельностью — и теоретической, и практической — последовательно и непоколебимо способствовал смене строя. Был борцом за новую демократическую и независимую Украину, за установление демократии в России.

В 1972 и 1977 годах подвергался политическим репрессиям КГБ и властей. В 1972 году донос написала на него Дучал, преподавательница той же кафедры, где работал Коммир Петрович. В 1977 г. к Дучал присоединился Вячеслав Швед, аспирант, завербованный КГБ и подосланный к Коммиру Петровичу. В 1977 г. начались гонения на украинскую интеллигенцию. Более нейтрального П.Шелеста сменил написавший на него донос В.Щербицкий. Брежнев прямо сказал Щербицкому: «Идите и правьте Украиной».

В итоге тысячи людей оказались за решёткой с обвинениями в «национализме» и «антисоветской деятельности». Минимальный срок по такой статье обычно давали 7 лет. Коммира Петровича обвинили сразу по нескольким статьям: «за национализм», «за антисоветскую деятельность» и «за пропаганду религии» (по работе он был связан с верующими, с баптистами, хорошо относился к ним; к рождению дочери ему даже подарили большую корзину роз — вот и добавили «статью»). Его исключили из партии и уволили из пединститута, где он преподавал 14 лет; дело его «раскручивалось», и он был на грани ареста. Спасло К.П.Крижановского то, что он жил не в столице — Киеве, Москве, а в небольшом городе, где все друг друга знали или имели общих знакомых, и то, что отец его, П.М.Крижановский, был известным в городе человеком, участником революции и Великой Отечественной войны. Его уважали, и, по-видимому, не захотели отравить его жизнь, его старость. Важную роль сыграла и активная позиция Коммира Петровича и его жены Светланы Григорьевны, начавшим писать в высокие партийные инстанции: в Комиссию при ЦК КПУ и т.п. В результате всего этого, после года с небольшим разбирательств (и вынужденной безработицы) Коммир Петрович начал преподавать историю — но уже в вечерней школе, был восстановлен в партии (правда, со строгим выговором). Нужно ли говорить, что к его урокам в школе всегда было особое внимание со стороны директора и т.п. В школе он работал вплоть до наступления пенсии, а также несколько лет после этого, на полставки — уже в сельской школе.

В 1989 году Коммир Петрович вместе с семьёй переехал в Подмосковье, но продолжал бывать на Украине.

По свидетельству тех, кто знал Коммира Петровича, он был не сухим, чопорным, а живым, искренним, отзывчивым человеком. Любил путешествовать. Увлекался шахматами, футболом, хорошо разбирался в живописи, музыке. Но больше всего любил читать. Он любил делиться своими знаниями и делал это всегда увлекательно. Он мог изложить серьёзный материал в доступной собеседнику форме, вкрапляя в рассказ интересные детали и факты. И учил сопоставлять факты, анализировать, а не принимать их на веру, в общем — мыслить.

В 1989 году К.П.Крижановский написал серьёзное исследование по философии истории. Этой темой он продолжал заниматься в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Он сумел рассмотреть проблемы под новым углом зрения и сделать научное открытие: вывести закономерности исторического развития общества в зависимости от соотношения интенсивных и экстенсивных факторов.

- 1) Исследование всеобщей истории с точки зрения интенсивного и экстенсивного развития.
- 2) Понимание необходимости как движущей силы развития человека.

В 1990-х годах к этому исследованию добавились:

- 3) Теория фашизма и его определение.
- 4) Рассмотрение фашизма как частного случая экстенсивного развития общества.

Всё это составило основу книги.

В книге также собраны статьи, написанные в 1990-е годы. Это — и статьи о чеченской войне, начавшейся в 1994 г., и серия статей о российской армии, о событиях Второй мировой войны и другие. Часть из них напечатана в журналах «Новое время» и «Социум». В книгу также включена переписка с друзьями и отдельные воспоминания о Коммаре Петровиче.

К.П.Крижановский активно приветствовал перестройку. В ноябре 1989 г. он был введён в состав Исполнительного Комитета Украинского Хельсинского Союза. Он — один из организаторов в 1990 г. Украинской Республиканской партии, создатель программы этой партии.

Он — лектор, неоднократно объездивший всю Украину, её крупнейшие университеты, шахты Донбасса, заводы Запорожья, Мариуполя, Подолья, воинские части. Он вёл большую работу, разъясняя людям и освещая лучом знания всю сложность проблем, которые возникли в переходный период новой независимой Украины.

В 1991 году был инициатором создания Общества свободомыслящих в России.

Борец с мракобесием, фашизмом, антисемитизмом, расизмом. Трагически погиб 31 марта 1995 года.

В своём интервью К.П.Крижановский говорил: «Я ... всю жизнь занимаюсь философией истории. ...То есть, вопросами, которые касаются развития общества. Почему общество развивается или почему оно деградирует, какова причина этого? Куда идёт общество — каждое в отдельности и человечество вообще?»

Можно сказать, что тема философии истории сквозной нитью проходит через все работы, собранные в этой книге. Поэтому деление на разделы, может быть, несколько условно. Тем не менее, оно позволяет структурировать материал, сделать более удобным его восприятие. Мы не всегда следовали хронологическому порядку, объединяя работы разных лет, близкие по тематике.

Книга читается легко, несмотря на серьёзность затрагиваемых проблем и глубину содержания: статьи написаны живым, образным языком, приводятся интересные исторические и литературные факты.

Открывает книгу большая статья «Пути развития общества», в которой на примере России дан анализ исторического развития общества сквозь призму философских категорий. Доминирование экстенсивных факторов практически во всех сферах жизни — в экономике, политике, армии и др. на протяжении 400 лет определило основной ход Российской истории. «Научившись добывать средства к жизни на чужих землях, Россия потеряла способность к саморазвитию. И экстенсивный стиль бытия постепенно овладел и экономикой, и управлением, и образом мыслей». Вывод: пока Россия будет идти по экстенсивному пути, она не сможет стать по-настоящему развитым, демократическим государством.

Анализу российской истории (как минувших дней, так и современной — ведь, по сути, фундамент системы остался прежним) посвящены также статьи, опубликованные в 1990-х годах в журналах «Новое время» и «Социум». Названия статей говорят сами за себя: «Диагноз — империя», «Раб неделим», «Знаем ли мы старую, добрую российскую армию?» и др.

Крайним проявлением экстенсивного пути развития К.П.Крижановский считал фашизм. Он работал над теорией фашизма, собирался написать большую статью. К сожалению, жизнь Коммира Петровича трагически оборвалась 31 марта 1995 года.

«Фашизм — это добровольное растворение народа в государстве на основе экстенсивного развития», — написал он 30 марта. Он анализирует германский фашизм и сравнивает его с тоталитарным режимом в СССР. «Может ли у нас возникнуть фашизм? Нет, в чистом виде его не будет, ибо религиозного и расового прецедента в прошлом не было. Но в смеси с другими идеологиями возможно... Это пропаганда расизма и шовинизма, ...это развитие в народе самых низменных чувств и инстинктов, пробуждение худшей из традиций. Но главное — это диктатура, политическая диктатура...». Увы, наше время подтверждает эти слова.

Актуальными в наши дни, когда ведутся разговоры о борьбе с фальсификацией истории, а сама история искажается, являются и работы К.П.Крижановского о событиях Второй мировой войны — статья «Лица и маски» и письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь» о Керченской трагедии 1942 г. В целом, планировался цикл статей на военную тематику.

В следующем разделе собраны статьи и размышления о философии истории. Автор рассматривает философские категории необходимости, закономерности и случайности, биологического и социального, факторы экстенсивные и интенсивные, субъективные и объективные и др. в приложении к истории. Интересны размышления о роли компенсаторного фактора.

К.П.Крижановский проводит сравнение стран с различным строем, исследует пути становления демократии и причины возникновения диктатуры. Ряд статей посвящён анализу революций в разных странах.

Ещё один раздел объединяет статьи и очерки разных лет, написанные по поводу текущих событий. В них не только описание событий, но и глубокий анализ ситуации. Открывает раздел статья, написанная в 1968 году как отклик на вторжение советских войск в Чехословакию. «Ничего не могло сильнее подорвать авторитет социализма, чем 50 лет развития СССР. Социалистическая идея была у нас полностью скомпрометирована и уничтожена. В нашей стране народ так и не избавился от диктатуры, которая достигла апофеоза во время правления Сталина и К°, иначе говоря, партийных и государственных бонз», — пишет автор и проводит парал-

лель между сталинизмом и фашизмом (1968 год!). В этой статье высказывается мысль о необходимости замены экстенсивной экономики на интенсивную. В статье «От Брежнева к Андропову», написанной в 1982–1984 годах, анализируется система (политическая и экономическая), созданная в СССР: «...такой прогнившей, никчемной системы ещё не знало человечество». Этим же проблемам посвящены статьи «Почему наша страна дошла до критического уровня развития?» и «Экономическое и внеэкономическое принуждение».

Ряд статей и очерков посвящён событиям перестроечных лет. И здесь также важно отметить историко-философский подход автора, умение из отдельных событий вывести общие закономерности. Коммир Петрович сам принимал активное участие в демократических митингах, был в числе защитников Белого Дома в августе 1991 года. Поэтому его статьи интересны ещё и как взгляд очевидца. Сразу после победы над ГКЧП он анализирует августовские события («Почему мы победили»): «...победа 21 августа — это итог борьбы народа за все эти годы. Народ впервые стали бояться, впервые считаться с ним. И когда — в момент путча. Два фактора тут сошлись: борьба народа и страх правителей». «...когда люди перестают бояться тоталитарной системы, её начинает трясти от страха. Нельзя дрожащими руками дирижировать государственным переворотом». Но практически сразу после путча К.П.Крижановский пишет открытое письмо к демократическим лидерам — Б.Н.Ельцину и Г.Х.Попову. «Создались условия для того, чтобы империя была навеки похороненной, а республики заключили двухсторонние договоры. И в этот момент вы оба, ещё вчера глубоко уважаемые люди, выступили с позиций реанимации империи, самодержавных угроз и требования пересмотра границ. Вы просто повторили угрозы крайних правых шовинистов». К сожалению, как показала дальнейшая история, имперское мышление пришедших к власти победителей привело к чеченской войне.

Национальному вопросу — и особенно положению на Украине — посвящён следующий раздел. Коммир Петрович любил Украину, в годы перестройки активно участвовал в политической жизни, много сделал для создания Республиканской пар-

тии, приветствовал провозглашение Украиной независимости. В письме к Л.Г.Лукияненко он даёт глубокий анализ ситуации на Украине, проводит исторические параллели и предлагает конкретный план, которым должна руководствоваться партия для решения экономических и политических проблем страны. Он считал, что «идея независимой Украины повиснет в воздухе, не опираясь на новую социальную почву, но перестройка старого социально-экономического строя возможна только в независимой Украине».

В следующем разделе собраны очерки автора на разные темы: размышления о прочитанных книгах и их авторах, заметки о выступлении А.И.Солженицына и о творчестве С.М.Михоэлса. Сюда же включено интервью на украинском радио (1994 г.). В нём Коммир Петрович предстаёт интересным собеседником, умеющим увлечь слушателей.

В книге приведены письма К.П.Крижановского — в редакции журналов, ответы на письма членов Союза свободомыслящих. (В 1991 г. К.П.Крижановский, борясь с наступлением мракобесия и клерикализма, опубликовал в журнале «Новое время» обращение с призывом создать Союз свободомыслящих. Ему пришлось много писем со всех концов страны, и такой Союз был создан). Переписка Коммира Петровича с друзьями интересна не только бытовыми подробностями (которые живо и ярко описывают события, особенно перестроечных лет), но и разнообразием тем и глубиной содержания (например, письмо-очерк о Н.С.Хрущёве). В письмах раскрываются его личные черты — доброта, отзывчивость, такт.

Особый раздел составляют материалы дела К.П.Крижановского, сфабрикованного в 1977 году.

Завершает книгу письмо-воспоминание о Коммаре Петровиче Л.Г.Лукияненко. «А я время от времени всё вспоминаю его светлые искренние глаза и думаю: почему так мало на земле таких бескорыстных самоотверженных людей, как г-н Крижановский? На земле меньше было бы бед и больше людской теплоты».

Эта книга создавалась, чтобы сохранить память о Коммаре Петровиче Крижановском. Но это не значит, что статьи и дру-

гие работы, приведённые в книге, устарели. Напротив, они оказались как никогда актуальными в наше время. «Люди становятся равнодушными к голосу демократов-преобразователей. Их разочарование переходит в равнодушие. ...Вот тогда-то и появляется сильная личность или тот, кто её имитирует», — писал автор. Действительно, надежды, рождённые перестройкой, не сбылись, а страна снова продолжает следовать по своей извечной экстенсивной колее.

Сегодня, когда нас захлёстывает изобилие информации — в основном, фальшивой и недостоверной, — крайне важно не растерять и донести до людей историческую правду: «... не поняв прошлого, вперёд можно двигаться только вслепую. Карабкаясь в горы, падая в ямы, сворачивая назад. И оставляя за собой кровавый след. Сам путь станет несравненно длиннее, а за прогресс, как и раньше, придётся платить деградацией. Такова цена историко-философской слепоты. Почему бы нам не прозреть?». Надеемся, что работы К.П.Крижановского будут способствовать так необходимому нам прозрению — историческому просвещению общества.

А.К.

**СТАТЬИ,
РАЗМЫШЛЕНИЯ,
ОЧЕРКИ**

ПУТИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Сейчас много пишут о фактах злодеяний сталинской эпохи, о диком произволе в годы брежневщины, о том, что и ныне ещё многое недалеко ушло от прошлых времён. Слов нет — сталинщина, наверное, самый кровавый период не только у нас, но и во всей мировой истории. Миллионы были поставлены к стенке, десятки миллионов стали рабами в концлагерях. По сути, вся страна превратилась в одну гигантскую тюрьму с надзирателями, доносчиками и палачами. Сто миллионов крестьян были фактически лишены всех гражданских прав, возвращены в крепостное состояние и обречены на беспросветную нужду и периодическое вымирание от голодовок. Рабочих, по сути, приковали к станкам: по закону 1940 года, завершившему этот процесс, они наказывались тюремным заключением только за переход на другое предприятие. Ну, а интеллигенция была раздавлена и физически, и морально.

Всё это так, но что же стало причиной этих беспрецедентных событий? Обычно ответ однозначен: Сталин. Развивая эту мысль, исследователи в последнее время утверждают: не будь Сталина — и путь был бы иным. Была альтернатива сталинизму, и если бы окружавшая Сталина партийная верхушка вовремя поняла, куда он ведёт страну, они бы его убрали, то и развитие пошло бы совсем по другому пути. Сменилась личность — сменился и путь. Выходит, всё зависит от личности, точнее, от вождя? Ибо при таком понимании истории остальные личности куда-то проваливаются. Исчезает всё, остается один рулевой.

Итак, если при Сталине ему одному приписывались все «успехи», то теперь он один виноват во всех катастрофах. Если же вся история страны с диктаторским режимом зависит от характера тех или иных правителей, то тогда прав Светоний, написавший исто-

рию раннего императорского Рима в виде истории двенадцати цезарей.

Другая концепция развития проповедует жёсткий детерминизм. Здесь уже не остаётся места ни случайности, ни отдельной личности. Любой человек — лишь винтик, который всегда можно заменить другим. У нас установилась простая до убожества, но зато государственная теория экономического детерминизма. Завтрашний день любой страны можно было легко определить по её сегодняшнему уровню развития производительных сил. Фактически же для этого достаточно было посчитать количество предприятий тяжёлой индустрии. Такой подход полностью избавляет от необходимости изучать историю, традиции, психологию народа. И если для решения задачи достаточно таблицы умножения, то зачем привлекать дифференциальное исчисление?

До чего же простая и удобная концепция! А главное — доступная всем. Даже тем, кто в истории ровным счётом ничего не смыслит. Так и хочется по этому поводу повторить слова Маркса: я не марксист. Действительно, странная судьба у теории Маркса. Странная, но, увы, типичная. Политики просто приспособили её к своим повседневным нуждам. Нет, теорию не развивали и не углубляли, она не стала ступенькой в научном познании советского общества. Зато её обожествили, возвели на пьедестал и стали на неё молиться. Правда, для этого пришлось её до неузнаваемости обкорнать. Из пышного дерева сделали дубину и стали бить по головам инакомыслящих, а затем всех, у кого эта голова имелась.

Но мы отвлеклись. Теория жёсткого картезианского детерминизма прекрасно уживалась с азиатским культом Отца народов. Было указано, что великая личность дальше всех видит и глубже любых прочих понимает безбрежную историю человечества. И только она одна может создать такие условия, при которых все законы как бы выстроятся в ряд и, подталкивая один другого, будут покорно следовать мысли и железной воле вождя. Мало того. Тот же Отец учил, что законы при очень большом желании можно изменить. Во времена сверхдиктатуры вообще казалось, что законы общественного развития растворились в мыслях и желаниях вождя. Куда он направит страну, туда она и пойдёт. Впрочем, мно-

гие и сейчас понимают общество вроде отары овец, которая без пастуха так и не найдёт желанной травки.

Ладно, оставим в покое Отца и перейдём к детям. Ещё несколько лет, и закончится четвёртый десяток с тех пор, как народ остался «сиротой». Времени было более чем достаточно. И что же? Одни как уныло бубнили о производительных силах и производственных отношениях, так и продолжают по сегодняшний день. Другие заявляют или молча подразумевают, что общественное развитие — это вообще кантовская вещь в себе, дело совершенно непознаваемое, поэтому надо решать проблемы сегодняшнего дня и не копать ни в прошлом, ни в будущем. Третьи, прерывая свои рыдания истерическим криком, плачут о наилучшем на земле великом русском народе и о чистой, как их слеза, святой Руси, которую разрушили злые большевики, они же были коварные евреи. Четвертые бросились к богу. Уж он-то должен знать, что натворил на земле. Пятые... Эти собираются вырвать все бороду у Маркса за то, что он не разметил российскую дорогу на сто лет вперёд.

А причины того, что произошло у нас за последние 70 лет, так и остались непонятны. Да, «ленинско-сталинская теория общественного развития» была попросту высосана из пальца и создана по принципу «чего изволите?» Да, доверие к общественным наукам у нас опустилось почти до нуля. Но разве это значит, что теория вообще не нужна? Несомненным фактом является то, что отсутствие научной теории социального развития никогда ещё в истории человечества ни к чему хорошему не приводило. Мрачайший пример тому — ушедшая в прошлое эпоха. Она держалась, в частности, на отсутствии такой теории и на ужасающей безграмотности в вопросах общественного развития. Разумеется, не одна темнота родила слепую веру, без которой был бы невозможен кровавый террор. Да и откуда взялась сама темнота? Но об этом ниже.

Нет, я не думаю, что в обозримом будущем человечество сможет создать в виде абсолютной истины теорию собственного развития. Да и не хотел бы я ещё раз жить в обществе, где всё подчинено государственной цели и где великая цель оправдывает любые

средства для её достижения. Нет, крошечный мрак сегодня ради светлого будущего завтра выгоден только мафии.

Скажут: прошлое уже не повторится. Мы ведь так много узнали о нём. Но почему же? Если не в виде трагедии, то в виде трагического фарса, как во времена Хрущёва и Брежнева, — сколько угодно. Ведь смех над системой, которую ты терпишь, — это смех и над самим собой. Смех сквозь слёзы.

Думается, вообще, стремление создать всеобъемлющую теорию и запрограммировать каждый шаг общества ведёт своё начало от блестящих успехов естественных наук в XIX веке. Как дрова в печку, шли в дело любые теоретические построения — от гениальных до никчемных, но создать такую теорию и обозначить пунктирами путь движения вперёд так и не удалось. Даже сейчас пишут о том, что лишь математизация социальных наук способна сделать их подлинно научными. Это глубочайшее заблуждение.

Хоть сближение математики и истории плодотворно и на этом пути возможны некоторые открытия, но так теории не создашь. Человеческий мир, объединённый нынче в сложнейшие социальные построения, бесконечен в своём разнообразии. И подвержен действию не только закономерностей, но и случайностей. Путь познания социального развития необычайно сложен. Да и труден этот взгляд изнутри. Не только потому, что он часто ведёт прямо на Голгофу. Но и потому, что мнение человека всегда колеблут его симпатии и антипатии. Чистое познание возможно лишь в естественных науках. А в мире социальных явлений человек всегда полон традициями и страстями общества, которое он же и изучает.

Трудно, необычайно трудно найти здесь рациональное зерно, да ещё же сохранить его, а не выбросить, приняв за плевел. Очень нелегко пойти против устоявшихся традиций, особенно когда они ещё не расшатаны жизнью. Трудно идти против разъярённой толпы, но ещё труднее — против самого себя. Так что же, создание эйнштейновской теории социального развития и не нужно, и не возможно? Как абсолютной истины — да. Как относительной истины, постоянно развивающейся и изменяющейся, состоящей,

увы, не только из рациональных зёрен, но и из плевел, — и нужно, и возможно. А в нашей стране и в наше время теоретический поиск необходим как воздух.

Позади пропасть, в которую неведомо почему свалилась наша страна. Впереди — глобальные экономические изменения, которые, вроде бы, должны из этой пропасти вытащить. Возникает масса вопросов, которые требуют немедленного ответа. Почему мы дошли до такой жизни? И почему мы её терпим? Наш дом перекошен: достаточно ли его перестроить или для этого нужно менять фундамент? А не приведут ли экономические перестройки к непредсказуемым политическим?

И много иных. Вопросы экономические, исторические, философские переплетаются один с другим. И это не случайно. Понять развитие мыслимо, лишь опираясь на знания политической экономии, философии и истории. Как раз на стыке этих наук можно обнаружить теоретические нити, и с их помощью постепенно удастся связать в единое целое основу для науки, которая называется философия истории. Её методика очень специфична. Опытным путём её гипотезы не проверишь.

Поэтому, с одной стороны, надо опираться на уже известные законы философии и политической экономии, а с другой — найти такие же закономерности в самой истории с помощью её богатейшего фактического материала. Кстати, почти неизвестного нашему народу. Здесь поможет и метод исторических аналогий, который так любят у нас ругать. Не забудем и психологию. Ведь историю творят конкретные люди. Наконец, задача философии истории — не только отыскать единые общечеловеческие закономерности, но и найти их специфическое отражение в истории России.

Итак, вопросы поставлены, но чтобы ответить на них, необходимо сначала дать определение тем философским понятиям, которые помогут нам разобраться в прошлом и проложить от него мостик к будущему. Прежде всего, это категория необходимости. «Необходимое есть, таким образом, то, что опосредовано кругом обстоятельств, оно таково, потому что обстоятельства таковы, и в то же время оно таково непосредственно, оно таково, потому, что

оно есть». (Г.Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 1, стр. 328)¹.

Действительно, необходимость — это сущность, условия рождают и поддерживают её основания. Стоит исчезнуть условиям, как необходимость сразу или в ближайшее время исчезает. Необходимость — это и действительность и, если она существует определенное время, да ещё в виде социального явления, люди перестают замечать её основание и поддерживающие её условия. Им начинает казаться, будто и своим рождением, и самим существованием она обязана самой себе. А как только в сознании человека исчезает истинная связь, она восстанавливается уже в виде мифа или даже принимает мистическую форму.

И ещё. Может ли со временем действительность потерять свою необходимость, но продолжать существовать как ни в чём не бывало, хотя бы и по традиции? Да, сила традиции в истории играет колоссальную роль, да, её у нас привыкли не замечать и всерьёз не изучают. Она не вписывается в исторические схемы. Но даже традиция сама по себе не в силах долго поддерживать социальную систему, которая потеряла необходимость. Если социальный строй никого не устраивает — он вскоре рухнет, и никакая традиция его не удержит.

По Гегелю, существуют три момента процесса необходимости: условия, предмет и деятельность. Не вдаваясь в философские глубины, следует отметить, что необходимость как процесс невозможна без условий и без деятельности. И что условия без деятельности остаются лишь абстрактной возможностью, а деятельность без условий не в силах превратить возможностью в действительность.

Продолжим этот экскурс в чистую философию. И с помощью философского ключа попробуем открыть для себя некоторые истины. Ну, прежде всего можно сказать, что всё поведение человека — стоит к нему внимательно присмотреться — несёт неизгладимую печать необходимости. В самом деле, что бы ни творил человек, каждое его действие порождается какой-то необходимостью.

---

¹ Здесь и далее в тексте приведены ссылки автора.

стью — биологической или социальной, часто обеими одновременно. Иначе говоря, каждый поступок человека имеет свою причину, хотя бы даже сама причина была случайной. Рефлексия это или обдуманное действие, но его подтолкнула необходимость. Неважно, какая это была внутренняя сила: разум, чувства, рефлекс, инстинкт, привычка...

Здесь проявляется характер человека, а он уникален и типичен. Зная человека, можно вычертить линию поведения в разных ситуациях. Разумеется, линия эта будет приблизительной, но зато верной. А это уже говорит не только о типичности характеров, но и о типичности ситуаций. Если поведение человека определяла случайность, оно было бы непредсказуемо. Да, но ведь на каждом шагу человека встречают случайности, и не только маленькие. Бывают такие, которые переворачивают потом или даже сразу всю жизнь. Вспомним, например, случайную встречу Ромео и Джульетты. Никаких шансов ещё раз увидиться у этих представителей враждующих кланов не было. Редчайшая случайность...

Разберёмся уже до конца. Речь здесь идет не о том, чтобы отрицать случайность и стать на путь неумолимого детерминизма. Кстати, эта дорога прямо ведёт к вере в роковую предопределённость. Философия учит, что крайности сходятся. Не приходится удивляться тому, что на тот же путь приводит и понимание истории как цепи ничем не объяснимых случайностей. Ведь обе крайности смотрят на человека как на бессильное существо, которое намертво привязано то ли к слепой случайности, то ли к жёсткому детерминизму.

Любителям философии можно порекомендовать «Персидские письма» Монтескье, где ещё в начале XVIII века исторический фатализм был подвергнут философскому анализу с помощью неистощимого французского юмора. Один персидский вельможа, прогуливаясь по берегу канала со своим другом, нечаянно столкнул его в воду. Друг утонул. И с этого момента начинается неумолимая цепь явлений, которые в конце концов привели... к убийству в 1610 году веротерпимого французского короля Генриха IV. Да, смеемся мы над философской нелепостью, но в условиях сталинского режима оба направления заново возродились и сейчас очень живучи.

Итак, речь идёт вот о чём. Жизненный путь человека пересекает какое-то явление. Случайно пересекает или закономерно — это не имеет значения. Человек на него отреагировал. Так возникла необходимая связь. Крутит ли человек рукоятку станка или смотрит на звёздное небо, хозяйничает на кухне или стоит в очереди, изучает учебник, или гладит волосы любимой девушки — везде в основе лежит необходимость.

И вот тут возникает вопрос выбора. Сам ли человек притягивает на свой жизненный путь нужные ему явления или они, случайные и необходимые, в изобилии сыплются на него? И ещё. Выбирает ли человек одни явления и пропускает мимо себя другие или связь устанавливается с каждым из них? На первый вопрос можно ответить так. Чем активнее человек и чем свободнее общество и он сам, тем больше явлений, приход которых он предвидел или сам привёл их на свой жизненный путь. Чем пассивнее человек и чем меньше свободы в обществе, тем чаще ему приходится иметь дело с навязанными явлениями или неожиданностями. Конечно, играют тут роль и другие факторы, но эти — свобода и активность личности — главные.

Казалось бы, чем свободнее человек, тем меньше он зависит от объективных законов и тем поступки его субъективнее. Такой «философии» нас и учили со сталинских времен. А так как считалось, что у нас самое свободное общество в мире, то всякие большие и маленькие вожди позволяли себе просто не обращать внимания на экономические и социальные законы. Учёба и диалектика спора, напряжённый труд по совершенствованию структуры общества и его взаимосвязи с природой — от всего этого вожди избавили себя. И почему не облегчить себе жизнь, если данные факторы просто перестали быть необходимыми в том, что сейчас вежливо называют командно-административной системой?

Умей прочитать и выполнить даже невысказанное желание в глазах вышестоящего вождя и умей гнать план — больше, собственно, ничего для системы и не нужно. А там — хоть ходи по головам людей и превращай природу в пустыню: ничего, система переживёт. Почему переживёт — это уже отдельная тема, и мы её рассмотрим ниже. А сейчас вспомним, как при Ленине говорили,

что у нас кухарка будет управлять государством, А почему бы и нет? Если в этом была необходимость, кухарка бы овладела широким кругом знаний, научилась считаться с людьми и природой — а это главное в таланте управления — и привыкла каждый свой шаг мерить интересами трудящихся.

И ещё. Избранная в свободной конкурентной борьбе с другими такими же, как она, причём на время, а не на всю жизнь, бывшая кухарка дорожила бы вниманием своих избирателей и старалась защитить их.

В истории человечества было лишь несколько случаев, когда наделённый огромной властью человек добровольно отказывался от неё. И до сих пор историки ищут причину, которая заставила правителя это сделать. Но ни одна система от места под солнцем никогда не отказывалась. Лишь мощный революционный напор масс сметал старую систему с исторического пути.

Сейчас у некоторых историков появилась новая мода: доказывать, что в России все революции шли сверху. Это старая песня — искать в нашей стране уникальность, на которую не распространяются исторические законы. «Умом Россию не понять, ... в Россию можно только верить». Увы, следует огорчить всех искателей бессмертия русской системы. Уникальных явлений в природе не существует. Всё повторяется. А исторические законы действуют с такой же неумолимой силой, как и законы природы. Разумеется, можно спрятать голову в песок и не видеть явление, которое надвигается. Но от этого оно исчезает только в воображении.

Ниже мы остановимся на петровских реформах и на отмене крепостного права, которые выдаются услужливыми историками за революции. А сейчас лишь заметим, что и здесь мы узнаём ту же закономерность: человек видит только то, что хочет видеть. И в служебном рвении не желает заметить даже слона: реформы самодержавие проводило, чтобы себя укрепить и сохранить, и этой цели оно в основном достигло. Ящерица тоже жертвует своим хвостом, но от этого не перестаёт быть ящерицей.

Итак, поступок человека всегда обусловлен необходимостью. Но что подталкивает к нему человека — биологическое или социальное? У нас обычно всё привыкли сводить к социальному. А

биологическое, мол, под влиянием социального меняется в любом направлении. Человек вроде как «табула rasa». Трудно осмыслить, какой это безмерный вред нанесло школе. Но и в понимание истории внесло огромную путаницу. Даже поведение русских царей во всём объясняется классовыми интересами. Как будто в политике не отражалась личность каждого из наделённых абсолютной властью правителей. И только Пётр I да Иван Грозный оставили собственные отпечатки на дорогах истории. Да и у них главное во всём — борьба за интересы своего класса или абстрактной России в целом.

Удивительный поворот на 180° происходит у наших историков и публицистов, когда речь идёт о Сталине. Он, наоборот, классовых интересов не выражал, а все зверства творил в силу своей подозрительности и дурного характера. И это у нас называется марксистско-ленинским историческим подходом. Можно подумать, что из всех российских правителей только у Сталина было своё лицо. Не место здесь детально разбирать феномен Сталина, но и пройти мимо никак нельзя. Сначала попробуем приложить к сталинской эпохе стереотип классового подхода. И оказывается, что понять Сталина чисто социально совершенно невозможно. В интересах какого класса он убил десятки миллионов людей? В чьих интересах он допустил Германию до Волги? Во имя кого он уничтожил большую часть правящей номенклатуры?

А вот с биологической стороны многое сразу становится на место. Патологическая, маниакальная жажда власти, власти безмерной — над политикой, экономикой, правом, моралью, да буквально над всем — это ведь явление биологическое. Садистская жестокость — оттуда же. Значит, правы те, кто самые чудовищные в истории злодеяния объясняют тем, что диктатором стало чудовище? Нет, конечно. Сводить всё к биологии не менее примитивно, чем ограничиться одним классовым подходом.

В самом деле, почему даже после ленинского письма коллеги не сняли его? А ведь рядом было столько подходящих кандидатур. Почему в 1924–1926 гг., когда уже начал вырисовываться злоежский образ будущего диктатора, они поддержали Сталина в борьбе с Троцким, Зиновьевым, Каменевым и буквально подставляли

ему трон? Почему в 1929 году, когда он уже надел на себя мундир вождя, они его не сорвали? Мало того, ещё и поддерживали в борьбе против очень влиятельной группировки Бухарина.

Значит, все эти годы он им был необходим. В нём они видели сильную руку, потом диктатора и, наконец, вождя, который сможет — где демагогией, а где и топором — обуздать миллионы пробуждённых двумя революциями активистов народных масс. Массы были очень опасны, ибо требовали плодов революции — и прежде всего передачи власти в руки народа. А с властью расставаться ох как не хотелось... Давно ужеплыли в руки не только политические, но и экономические привилегии. Но хотелось ещё и ещё больше. И дать это могла только диктатура вождя. Ведь при ней каждый из них тоже становился маленьким вождём.

Другое дело — 1934 год. Сталин совершил такие преступления, перед которыми содрогнулся мир. Он предстал в образе палача. Разумеется, те, кто не хотел этого видеть, — не видели и тогда, и даже позже. Сталин страшно скомпрометировал саму систему. Самое время заменить его другим. Почему же XVII съезд партии, обсуждавший этот вопрос, проявил такую нерешительность? Да потому, что к указанной выше необходимости в Сталине добавилась ещё одна. Ведь не своими же, а руками сидящих в зале людей Сталин убивал, расстреливал, отправлял в концлагеря, морил голодом...

Снятие Сталина неминуемо привело бы к его разоблачению. И разве не заметили бы тогда, что и руки голосовавших покрывали пятна крови? Таким образом, в феномене Сталина мы видим кошмарное соединение биологической патологии и социальной деградации. Возникает, правда, вопрос: а как же народ все это терпел? Но это уже другая тема, и мы рассмотрим её ниже.

В заключение, мы коснёмся ещё некоторых проблем: альтернативы, цели и рукотворной необходимости. Фатальной необходимости в истории не существует. Что народ обязательно по пути к цели должен был пройти именно такую дорогу (трюизм в наших учебниках истории) — это ни на чём не основанная чепуха. Альтернатива всегда существует, просто она в силу недостаточности оснований не может превратиться в необходимость. Иногда

хватает случайности, чтобы она победила (например, гибель тирана). Так что каждый исторический феномен требует конкретного рассмотрения как основания необходимости, так и её альтернативы.

Цель тоже необходима. Разумеется, мы имеем в виду цель, к которой движается общество, а не её демагогическую фикцию. Чтобы улучшить и продолжить свою жизнь, человек и общество должны постоянно перед собой всё новые цели. Даже неосознанные, они всё равно существуют, ибо необходимость подталкивает к ним. И человек или общество приближают себя к цели, даже не подозревая об этом. Поставить же осознанную цель ещё тогда, когда нет никаких условий для её осуществления, нет даже биологических и социальных, которые могли бы побудить человека стремиться к ней, — невероятно трудно, и бывает это очень редко. Людей, которым этого удалось достичь, немного. Вначале их называют свихнувшимися фантазёрами, а потом — да, только потом — великими пророками. Феномен этот заметили давно, он присутствует уже в Библии. Вспомним и один из самых трагических в истории человечества — образ Кассандры.

Но обычно общество ставит перед собой цель лишь тогда, когда созрели для этого условия. Известно, что когда во второй половине XVIII века мануфактуры в Англии исчерпали свои возможности, была найдена и провозглашена идея механизации производства. Закипела напряжённая вдохновенная работа умов, вскоре появилась паровая машина Уатта.

А во второй половине XX века, когда уже не рука, а голова не поспевала за темпом производства, началась НТР. Конечно, ретроспективно и на бумаге всё это выглядит достаточно просто и прямолинейно. А в жизни пришлось для перехода с ручного на машинный труд осуществить грандиозную и очень сложную техническую революцию, ряд социальных революций, урбанизацию и совершенно изменить условия жизни людей. Да и необходимости не просто превращаются из возможности в действительность.

Второй пример из сегодняшнего дня. Насколько же извилистым путём идёт развитие, если за несколько десятилетий всеобщая необходимость трижды меняла своё лицо. Сначала вместо

угля главным энергоносителем стала нефть, её внезапное подорожание в несколько раз с 1973 года сделало актуальным массовое строительство АЭС. Чернобыль, увы, только на Западе привёл к резкому замедлению строительства АЭС. А капиталы всё больше переключаются на использование возобновляемых источников энергии. Этому же способствовала и быстро растущая экологическая угроза. Необходимость заставила экономику Запада, при активном содействии правительств, выдвинуть экологическую чистоту производства на первый план. И уже ряд городов США, Западной Европы и Японии с постоянным смогом над ними стали нынче бездымными городами.

Был ли фатальным именно такой путь? Нет, конечно. Если бы выдающиеся учёные взяли за разработку экологически малотоксичных и чистых двигателей раньше, а правительства не пожалели на это денег, то к 1973 году такие конкурентоспособные двигатели уже существовали бы, по крайней мере в единичных экземплярах. Оставалось только запустить их в массовое производство, и капиталы вместо АЭС пошли бы сюда. И не всегда необходимость успешно пробивает себе дорогу, хотя бы цель была ясно осознана и на неё не пожалели и средств, и энергии мысли. Когда-то термоядерный синтез казался быстро решаемой проблемой. Нужен только хороший напор — и дело будет сделано. Но вот прошло 40 лет, а орешек оказался настолько крепким, что его до сих пор не разгрызли. Если бы это предугадали с самого начала, вероятно, большая часть затрат пошла на развитие других энергоносителей.

Интересно и другое. С течением времени развитые страны в состоянии ставить перед собою всё более грандиозные технические задачи. И решать их во всё более сжатые сроки. Каждая такая задача похожа на гору, за которой не видно следующей, ещё более высокой. Пример с термоядерным синтезом, скорее, принадлежит к числу исключений, чем правил. Общество ставит перед собой всё более короткие по времени, хотя и всё более масштабные задачи. Ещё не овладев целиком первой горой, оно уже начинает штурм следующей. Так, ещё не закончив механизацию всего производства, развитые страны уже взяли за его автоматизацию, не закончив второго процесса, перешли к третьему — компьютери-

зации всего производства и быта. Обладая огромным экономическим потенциалом самоорганизующейся системы, развитые страны в состоянии решать сразу две грандиозные задачи. Мало того. Решение следующей (например, компьютеризации) помогает решить до конца и предыдущую — автоматизацию.

У нас всё иначе. В силу громадного отставания нам приходится решать сразу три проблемы, а это уже очень трудно. Ведь механизация у нас ещё очень далека от экватора, о причинах будет сказано ниже. Физическим трудом заняты десятки миллионов людей в промышленности и сельском хозяйстве, почти вся торговля и быт базируется на ручном труде. А мы уже много лет решаем проблему автоматизации, и сейчас, лишь немного успев на этом пути, уже должны начать штурм следующей горы — компьютеризации. Прошлые, не доведённые до конца задачи, тяжёлым грузом лежат на народном хозяйстве, мешая быстрому развитию. Выход здесь только один: как можно энергичнее взяться за решение самых главных проблем, связанных с компьютеризацией всей жизни страны. Ибо чем выше мы поднимемся на этом пути, тем быстрее и легче можно будет решать и все прошлые задачи. Но не надо забывать, что решение крупнейших технических проблем лишь опосредованно влияет на социальную структуру общества. И само по себе изменить её не в состоянии.

Другое дело, когда под влиянием уже возникшей необходимости появляются новые социальные идеи. При отсутствии демократии они сразу же подвергаются цензуре, запрещению и фальсификации, а их авторы вместо признательности получают сроки или изгоняются из страны. Оно и не удивительно. Ведь любая крупная социальная идея прямо нападает на существующую систему и требует замены старых социальных решений новыми. А значит, сразу же задевает интересы правящей элиты. Необходимость все равно пробьёт себе дорогу, но уже в ожесточённой социальной борьбе. А может ли необходимость быть рукотворной? Да, может, достаточно умные и волевые люди, осознав её, создают себе такие условия, выйти из которых они могут, только решив поставленную задачу. Каждый тут поступает по-своему. Виктор Гюго, чтобы ничто не отвлекало при написании одного из его прекрасных рома-

нов, остриг себе половину головы, а ножницы выбросил со второго этажа. Теперь он мог появиться среди людей не раньше, чем отрастут волосы.

И общество тоже может загнать себя или часть своих граждан в угол, откуда есть только один выход — через решение проблемы. Практиковалось это издавна. Так, в древней Спарте, где все — или рабы, или солдаты, решено было ликвидировать товарно-денежные отношения. Законодатель Ликург «вывел из употребления всю золотую и серебряную монету, оставив в обращении только железную, да и той при огромном весе и размерах назначил ничтожную стоимость, так что для хранения суммы, равной десяти минам (*умеренная сумма — К.К.*), требовался большой склад, а для перевозки — парная запряжка». Мало того. Ликург «велел закалять железо, окуная его в уксус, и это лишало металл крепости, он становился хрупким и ни на что более не годным...». (Плутарх, «Сравнительные жизнеописания». Т. 1, стр.59). И цель была достигнута: торговля прекратилась, а от ремесла почти ничего не осталось. Общество было отброшено далеко назад и многие столетия пребывало в своеобразной стадии дикости. А почему бы и нет? Если необходимость в развитии общества отсутствует, общество деградирует. Или вот пример из сегодняшнего дня. Необходимость очистить окружающую среду от ядовитых выхлопов привела ряд стран Запада к решению заменить или полностью реконструировать весь автомобильный парк страны. Но как это сделать, если производство автомобилей находится в руках частных корпораций? Механизм тут давно отработан. И производители, и владельцы предупреждены, что все машины со старыми типами двигателей с определённого года будут обложены таким налогом, что выгоднее будет купить новый автомобиль, чем держать старый.

И последнее. Ну а если государством создаются условия, при которых целое социальное явление перестаёт быть необходимым? Если граждане не поднимутся на борьбу, они станут свидетелями того, как это явление отмирает у них на глазах. Так происходит сейчас с украинским языком на Украине. Мало говорить о том, что это возвращение к царскому колониальному режиму, к варварству и дикости. Надо понять явление, а ведь корни его в том, что если

у необходимости осталась биологическая и социальная основа, но исчезли условия, необходимость как предмет исчезает, хотя основа может отмирать ещё долго.

Как же это могло произойти в республике с богатейшей национальной культурой, мало того, с территорией больше любой европейской страны, с населением и экономическим потенциалом, равным Франции? А очень просто. Украинский язык был изгнан из государственных учреждений, почти из всех институтов, из большинства школ и техникумов, из всех кинофильмов, а в последние годы в телевидении остался только на устах у дикторов. Государство не пожалело денег, и даже всю уличную топонимику недавно поменяло на русскую.

Таким образом были созданы все необходимые условия для того, чтобы украинский язык стал излишним, превратился как бы в предмет роскоши. Раз так, то почему же родителям учеников не подавать заявлений в школу с просьбой освободить их перегруженных детей от ненужного предмета? Другое дело, насколько должен деградировать народ в сталинско-брежневские времена, чтобы дойти до такой жизни и до такой степени потерять чувство национального, а с ним и человеческого достоинства. Но факт остаётся фактом. И единственный способ его изменить — это сделать язык необходимым.

Мы закончили рассмотрение понятия необходимости. Но этого мало. Чтобы разобраться в философии истории нашей страны, нужно понять и роль категорий экстенсивного и интенсивного развития. Начнём с определения, ибо ясного понимания обоих понятий нет не только в народе, но и в литературе. Хотя повторяют оба слова все, кому не лень. Экстенсивным является производство, в котором увеличение продукции идёт за счёт такого же роста затрат живого труда. Иначе говоря, при тех же затратах труда — тот же объём продукции. Интенсивным является производство, в котором при тех же затратах живого труда мы получаем всё большее количество продукции. Иначе говоря, рост объёма производства зависит не от роста объёма труда, а от других факторов.

В первом случае затраты труда на единицу продукции остаются теми же или даже растут. Во втором они, быстрее или мед-

леннее, уменьшаются. И хотя надо понимать тот или другой тип как преобладающий, а не абсолютный, между ними лежит целая эпоха. Итак, расширенное воспроизводство может быть экстенсивным, а может быть интенсивным. Тогда процесс интенсификации — это быстрый процесс вытеснения труда экстенсивного и замены его интенсивным. Это качественный сдвиг в экономике. Пути его достижения кажутся достаточно простыми. Раз механизация и автоматизация труда даёт его экономию, значит, чем больше техники и чем выше её уровень, тем ниже затраты труда на единицу продукции.

Последние 60 лет, да во многом и сейчас, так и понимают путь к интенсивному труду. Впрочем, почему исчезла необходимость в правильном понимании — это уже разговор особый. Ибо ещё раз хочется напомнить: если очень долго нет движения вперёд, то дело здесь не в теоретических ошибках. На самом деле любой технический переворот связан с громадными социальными сдвигами или даже революцией. И если есть возможность, пусть даже не всегда и не во всём, но пойти другим путем (а у России она имелаась), то эта возможность и будет претворена в действительность. И первый путь перестанет быть единственно необходимым. Французы говорят: во всем ищите женщину. В философии истории можно было бы сказать: во всём ищите интерес — классовый и личный. О том, что это за путь, который дал возможность России развиваться не развиваясь, — мы поговорим позже.

Понятие интенсификации производства можно определить просто: это экономия живого труда. Почему живого, а не живого и овеществлённого труда? Второе тоже важно, но главное и определяющее — первое. Так, экономия овеществлённый труд, мы можем заменить целый ряд дорогостоящих деталей дешёвыми и гнать брак. А брак — это неудовлетворённая потребность и значит, дополнительные затраты живого труда. Но ведь к тем же результатам приведёт и экономия живого труда, например, если высокооплачиваемых специалистов заменить неспециалистами с низкой оплатой. Это ошибка. Нельзя смешивать денежные и трудовые затраты. Неспециалисты израсходуют гораздо больше времени, да ещё сотворят массу брака, так что в итоге это будет не экономия, а

громадная растрата живого труда. Вот такой колоссальной растратой живого труда является система экстенсивного производства. Именно поэтому, чтобы выжить, она должна приспособить к себе и всю социальную систему. Так оно и было в истории России. К ней мы теперь и перейдём.

В 1552 году войска Ивана Грозного впервые вышли на Волгу и завоевали Казанское ханство. Это был поистине роковой год для России. Ибо именно с него начинается эпопея бесконечных завоевательных войн, которым 400 лет не видно было конца. Ненасытный Молох войны пожрал неисчислимые миллионы человеческих жизней и львиную долю труда. Но даже это не самое главное. Россия потеряла необходимость развивать свою собственную страну, зато война научила её добывать средства к жизни на чужих землях. Волга, Сибирь, Прибалтика, Кубань, Белоруссия, Украина, Финляндия, Польша, Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, Дальний Восток, Маньчжурия. И так шаг за шагом все 400 лет.

Результат для России оказался просто катастрофическим. Её собственное развитие приобрело черепаший темпы и уродливый характер. Прежде всего это сказалось на главном факторе развития — социальной активности масс. Отныне она была направлена не столько на развитие своей, сколько на завоевание и освоение чужих земель. Из России хлынул мощный поток бегущих от непрерывной войны и крепостного гнёта на Восток, затем на Юг и на Запад. Как всегда, бежали самые активные, оставляя на местах более пассивных и нерешительных. Наиболее активное, что рождалось здесь, стремилось поскорее покинуть родную землю. Благо, выбор становился всё большим. Туда же ехали многие купцы, там же оседали бывшие солдаты.

Сделаем небольшое отступление. Наши историки, философы и другие обществоведы любят повторять фразы вроде: «главное в производительных силах — это люди», «народ — движущая сила исторического развития», «самый ценный капитал — это люди» и т.п. Но как только дело касается конкретного анализа, люди как-то выпадают, а их место занимают орудия труда. Развитие техники занимает ведущее место в учебниках, ну а народ предстаёт перед нами в форме чего-то неизменного — фактически, это какая-

то абстрактная величина. Развитие или деградация самого народа здесь совершенно не учитывается.

Изменение национального состава, а с ним и образа жизни, взаимовлияние разных культур и косная сила традиций — всё это как бы не существует для наших историков. Фактически, давным-давно почти единственным мерилем прогресса является уровень техники. Так, если при Петре I мануфактур стало больше, чем при Алексее, то страна в целом поднялась на более высокий уровень. А так как техника, медленнее или быстрее, но всё время развивалась, то отсюда выводится так нужная историкам линия непрерывного прогресса России. Впрочем, кто платит за музыку, тот и заказывает её. Историки лишь выполняли социальный заказ. Отсюда до неузнаваемости искажённая и сведённая к упрощенной схеме история нашей страны.

Досталось и Марксу. На него ссылаются, главным образом чтобы показать ведущую роль производительных сил, сведённых к орудиям и предметам труда, а также для цитирования так редких у Маркса похвальных слов в адрес России и её государственных деятелей. С этой целью безжалостно выдёргиваются из контекста отдельные слова, зато полностью замалчиваются и остаются широкому кругу читателей совершенно неизвестными очень интересные исследования Марксом истории, экономики, этнографии и даже религии народов России. Маркс видел в народе субъект истории, вечно движущийся, меняющийся, по-разному в разное время влияющий на ход тех или иных исторических процессов. Маркс предупреждал, что изменения исторические отнюдь не связаны напрямую с изменениями экономическими. Процесс этот очень сложный и в каждом отдельном случае требует специального изучения. Фактор политический, национальный, религиозный может сыграть в жизни страны решающее значение и определить её развитие на века вперёд.

Так, рассматривая причины глубокого упадка Испании, которое началось в XVI веке и затянулось до XX века, Маркс называет как одну из главных причин изгнание из страны евреев в 1492 году. Ремеслом и торговлей издавна занимались евреи, и их изгнание привело обе отрасли в полный упадок. Казалось бы, ну

что ж тут такого? Образовался вакуум, его быстро заполняют другие. Если рядом есть полноценная замена, история тут же пустит её в дело. А если нет? Тогда вакуум останется надолго. И это может иметь для страны самые трагические последствия. Так, разгром Иваном IV Новгорода и массовое убийство ремесленников отнюдь не привели к появлению равноценного торгового, ремесленного и культурного центра.

Сейчас стали писать о той страшной роли, которую сыграли в трагедии 1941–1942 годов массовые расстрелы командного состава Красной Армии в кровавые 30-е годы. Да и вообще, все наши беды, которые привели, в конце концов, к настоящей деградации всего общества, разве не связаны они напрямую с массовым истреблением наиболее активной части народа? Отчего мы до сих пор ещё не можем прийти в себя. Но к этому вопросу мы ещё вернёмся.

Одним из важнейших источников понятий, без которого трудно представить себе историю как науку, является категория аналогии. Однако у нас полвека ею мало пользовались, особенно по отношению к современной истории. Дело в том, что великий вождь хотел видеть Россию, российскую историю и своё собственное правление как нечто совершенно уникальное. Даже в изданной уже после смерти Сталина многотомной «Исторической энциклопедии» не нашлось места для этого понятия. А между тем, в истории ведь всё повторяется. Увидеть — ещё не значит понять. Но увидеть крупное историческое явление в разных странах — это значит заметить его необходимость. Ведь одна и та же необходимость порождается сходством условий. Сам же человеческий характер со времён «Песни песней» мало изменился. Изучая условия, а также действие необходимости в разных странах, мы находим историческую закономерность.

Удивительно схожи во многом причины российской и испанской отсталости. И там, и тут начало было положено открытием эпохи завоевательных войн. Даже хронологически они близки: 1492 и 1552 годы. В обеих странах это привело к массовому оттоку населения на новые места. Повторяем, не просто населения, а наиболее смелой и активной его части. А это немедленно отраз-

илось на развитии коренных районов. Особенно быстро и разрушительно это сказалось на Испании, где ситуация особенно ухудшилась из-за изгнания евреев. Если к концу XV века в стране была развита торговля и ремесло, быстро росли города и развивалось сельское хозяйство, то уже через столетие картина разительно изменилась. Упадок ремесла и торговли привел к упадку и города, а упадок городов — к упадку культуры. Дегradировало и сельское хозяйство.

Но политика непрерывных экспансий и в России, и в Испании трагически отразилась и на политическом положении народа. В конце XV века в Испании расцветали свободные города, они имели свое самоуправление, суд и даже войско. Через столетие все эти свободы были раздавлены сапогом абсолютизма. В России так и не успели появиться свободные города с самоуправлением и культурой (они были на Украине), а то немногое, что было, к концу XVII века, вместе с Земскими соборами абсолютизм уничтожил. И вот тут начинается ответ на поставленный в самом начале вопрос: как же возникла в нашей стране такая дикая форма диктатуры, как русский царизм и такая кошмарная чума, как сталинизм? Разумеется, в начале всего лежало монгольское иго. Раболепие, холуйство, предательство, послушание — всё это ведёт своё начало от тех 240 лет. Достаточно вспомнить героя Ледового побоища Александра Невского и собирателя русских земель Калиту: оба всю жизнь усердно подавляли народные восстания против монголов и даже разрушали города. Вероятно, благодаря таким, как они, монгольское иго продержалось в России на 110 лет дольше, чем на Украине и в Китае. Но едва наступил этот долгожданный день освобождения, как уже через 70 лет пошли завоевательные войны. И только зарождавшиеся ростки свободы, демократизации, человеческого достоинства, словом, всего того, что называется европейской цивилизацией, — армейским сапогом российского самодержавия были раздавлены в период от Ивана Грозного до Петра I.

Да, конечно, европейская цивилизация выросла не на голом месте. И не как подарок свыше, а в ожесточённой, мужественной и нередко героической борьбе с диким произволом феодализма.

И из мрака средневековья один за другим поднимались светлые островки будущего буржуазного общества — свободные города. Сотни лет их развития родили не только европейскую культуру, но и чувство человеческого достоинства в миллионах людей. И ещё — уверенность, что свобода — самое драгоценное для общества и человека и потому её надо постоянно беречь. Это была великолепная школа. Россия в ней никогда не училась.

Но общество — не ребёнок. Это дитя если рождается уродом, то уж навсегда. А общество с течением времени может неизвестно измениться. Были бы условия и время. Времени было более чем достаточно — от 1552 до 1953 года прошло ровно 400 лет. А от конца монгольского ига (1480 г.) до 1985 г. — и того больше — 500 лет. А условия? Их-то как раз и не было. Вот почему Сталин через 400 лет смог повторить правление Ивана Грозного в ещё более чудовищных масштабах.

Вспомним: необходимость состоит из условий, предмета и деятельности. То же самое можно сказать и в том случае, когда необходимость так и не превратилась из возможности в действительность. Условия для этого были: 400 лет непрерывных завоевательных войн и присоединений. Но на одном грабеже так долго не продержишься. Если бы не возникла экономическая система, приспособленная к такому способу жизни, то развитие страны должно было бы рано или поздно пойти по другому пути. Или просто перестать развиваться, как это было с Монголией. Потеряв почти всё активное население и живя только за счёт грабежа, страна так и не поднялась выше уровня кочевого скотоводства ни во времена, когда она владела почти всей Азией и большей частью Европы, ни позже, когда все завоеванное потеряла. Вероятно, то же самое ждало бы и Россию, не будь у неё предшествующего развития во времена Киевской Руси. И если вначале не было условий, а потом исчезла необходимость идти по пути Запада, то своеобразное экономическое развитие всё же продолжалось. Но если деятельность интенсивная так и не появилась, то экстенсивная получила в России, как нигде, исключительно благоприятные условия для развития.

Главный фактор — это возможность непрерывно 400 лет расширять свою территорию. Далее — процесс переселения туда наи-

более активной части населения, что, кстати, всегда предотвращало возможность социального взрыва в центре и крушения системы. Пар постоянно можно было выпускать, да он и сам вырывался.

Теперь, вместо того, чтобы совершенствовать орудия труда, а вместе с ними, в конечном счёте, и всю социально-экономическую систему, получая с одного и того же гектара земли всё больше продукции, можно было обрабатывать два, три, четыре гектара всё теми же примитивными средствами.

Но если бы поглощались только гектары, то, раньше или позже, не хватило бы людей, и интенсивный способ стал бы неизбежен. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этого не произошло, потому что захватывались уже заселённые территории и даже такие развитые, как Украина и Прибалтика. Как мы уже знаем, экстенсивный способ развития требует непрерывного роста количества живого труда. А вместе с ним роста количества гектаров обрабатываемой земли, орудий труда и т.п. Понятно, что такая экономическая система требует и соответствующего политического оформления. Непрерывные захватнические войны и желание удержать захваченное создаёт необходимость в громадной армии, чья боеспособность не должна отставать от уровня, достигнутого соседними народами. Далее нужна централизация власти. И чем сильнее, тем лучше.

Отсюда и рождается такая безграничная царская власть, о которой самые абсолютистские короли Европы и мечтать не могли. В свою очередь, неслыханная централизация потребовала создания гигантского бюрократического аппарата. Всесильный Николай I как-то заметил: «Россией правят сто тысяч столоначальников». И вот итог трёхсотлетнего экстенсивного развития: «...правительство делалось всё сильнее и сильнее. В настоящее время оно обладает такой силою, какой никогда не имело: огромное войско, покорное его единому мановению, огромная бюрократия... всеобщая безропотная покорность, к которой нас приучили века прошедшей истории, — всё это делает власть правительства безграничною и безусловною. Всякое прекословие тотчас заглушается, всякий ропот тотчас подавляется, всякая прихоть тотчас может быть приведена в исполнение в са-

мых отдалённых частях империи». (Голоса из России. Сборники А.И.Герцена и И.П.Огарёва, книга 4. М., 1974, стр. 66–68). «Выставить же известную норму правительственных целей и убеждений и всё гнуть под неё, уничтожая всякое отклонение, сделать народ безгласным и безмолвным перед своим правительством, значит убить в нём всякую жизнь и уничтожить один из основных законов общества. Такое поглощение народной деятельности правительством есть подавление разнообразия в пользу единства, замещение живого организма мёртвой машиною, поставление внешней формы на место внутреннего развития сил». (Там же, стр.70). Убийственная характеристика сталинизма, не правда ли? Да вот написана она ещё за четверть века до того, как Сталин родился. И не революционером, а либералом — известным публицистом Б.Н.Чичериным.

Но к финалу мы еще вернёмся, а сейчас по этапам рассмотрим тот путь народа на Голгофу, который наши историки умильно именуют «прогрессивным развитием России». Поставим в ряд и сравним. Экстенсивное производство: медленный, но рост потребностей и их удовлетворение за счёт более быстрого роста количества живого труда. И далее, вследствие необходимости. Непрерывное поглощение всё новых народов и территорий. Усиление централизации и рост бюрократии. Растущее значение принудительных факторов, которые с течением времени становятся всё более самодовлеющими, т.е. всё больше работают сами на себя — на самодержавие, армию, охранку. Подавление всех свобод народа и превращение его в рабочее стадо. Деградация как верхов, так и низов. Если потребность можно удовлетворить экстенсивным путём, то зачем тогда интенсификация. Всё растущее отставание страны. Под таким углом зрения рассмотрим правление следующих царей: Ивана IV, Петра I, Екатерины II, Николая I.

Правление Ивана Грозного было первой и вполне успешной попыткой установить в стране ничем не ограниченную власть царя. Он воспользовался той слабостью демократических начал, о которых шла речь выше. Что удивительно, так это то, что именно при нём экстенсивный способ развития приобрёл характерный для России вид. Но удивительно только с первого взгляда. А вооб-

ще, если необходимость может воплотиться в действительность, то этот процесс сразу же и происходит.

Таким образом, правление Ивана Грозного не уникальное, как его обычно стараются представить и сторонники, и противники, а типичное. В самом деле, здесь из всех перечисленных выше факторов нет, пожалуй, только развитой бюрократии. Всё остальное в наличии: захват Поволжья и двадцатипятилетняя неудачная война за Прибалтику, самодержавие (правда, ещё поразительно похожее на обыкновенную банду), возросшая роль армии и безграничная власть охраны, отмена Юрьева дня и закрепощение крестьянства и, наконец, развязанная против своего народа война, так похожая на ту, которую вёл «отец и учитель» через 400 лет. Иван впервые назвал себя самодержцем, а своих подданных рабами и отстаивал идею полной вседозволенности действий царя, ибо тот отвечает только перед богом. И всю жизнь, благо были условия, он старался эту идею сделать краеугольным камнем своей власти.

Современник писал о нём: «...и стал он мятежником в собственном государстве». Другой, тоже современник, отметил: «...на рабы, от бога данные ему, жестокосерд, на пролитие крови дерзостен и неумолим, множество народа от мала до велика при царстве своём погубил, многие города свои попленил и много иного содеял над рабами своими, но этот же царь Иван и много доброго совершил, воинство свое весьма любил и на нужду его из казны своей неоскудно подавал». (В.О.Ключевский. Сочинения. М., 1957. Т. 2, стр. 196).

Из всего доброго современник нашел только любовь к армии и умение тратить на неё казну. Тоже типичное качество русских самодержцев. Карамзин сравнивает царствование Ивана IV с монгольским нашествием, а Ключевский пишет: «Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устройство пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нём и после него: важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены». (Там же, стр. 198). Но ведь то же самое можно сказать о большинстве русских царей. В кровавой купели родилось русское самодержавие. В кровавом море оно завершало свою

историю. Иван создал тот прецедент, которому потом сотни лет старались подражать все самодержцы.

Через сто лет после Ивана на русский престол поднялся Пётр I. Какими только эпитетами не награждают его русские историки и литераторы. Украинские, со времён Шевченко, тоже награждали, но ...диаметрально противоположными. Что-то похожее и в отношении Екатерины. Кто же из них прав? Итак, взяв власть в руки, Пётр, по примеру своих предшественников, немедленно развязал войну. Она была удачной, и он захватил у Турции область, прилегающую к Азову. Тем самым утвердив свой авторитет — выполнив первое, что ждали от русского царя. Поездка в Германию, Голландию, Англию, где Пётр провел 15 месяцев, доказала царю, насколько Россия воистину дикая страна по сравнению с Западом. Но Пётр, будучи в Англии и Голландии, ухитрился не заметить, что своими успехами обе эти страны обязаны буржуазному строю. Он видел лишь количественную сторону и считал, что если построить много мануфактур в России, то она станет такой же богатой, с развитой торговлей и громадными культурными городами. Ну, а способ давно известный в России — насилие.

Вся жизнь Петра прошла в войнах: почти двадцатилетняя (с перерывом) шведская, две турецких, войны в Польше и Германии и даже в последние годы жизни — персидская. Четверть века кровавой войны, безмерные человеческие жертвы, разорение армиями огромных территорий, а результат? Захват Эстонии, северной Латвии, да еще Дагестана и части Азербайджана, но обе эти страны были вскоре потеряны. И ради этого стоило разорить военными действиями Украину, Белоруссию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Финляндию, Молдавию, да ещё часть Закавказья.

Но дело в том, что даже сам ход войны отразил то страшное для самодержавной страны явление, что жизнь миллионов людей часто зависит не столько от разума, сколько от чувств её правителя. Вместо того чтобы победу под Полтавой довести до победы над Швецией, Пётр бросился на Турцию. Прутский поход 1711 года закончился грандиозным поражением, армия во главе с Петром была окружена, и он остался в живых лишь потому, что согласился отдать завоёванный в молодости Азов. А чтобы снова сделать своим

союзником Польшу, он вернул ей Правобережную Украину, которую, после подавления грандиозного восстания Палия, Россия уже 7 лет считала своей.

В 1714 году, потерпев поражение на море и на суше, потеряв Финляндию, Швеция стояла на пороге военного поражения. И тут Пётр снова решил удивить мир. Он прекратил войну на пороге мира, заключил союз со Швецией, мало того, обещал ей помочь отвоевать потерянные в Польше территории. Но авантюры в Польше и Германии успеха не имели. Через несколько лет война со Швецией возобновилась и ещё через четыре года наконец закончилась. Разве в стране с демократической формой правления была бы возможна война в форме сплошного политического сумасбродства?

Тяжелейшая война потребовала крайнего напряжения сил. Прежде всего это отразилось на резком усилении централизации власти. Что, в свою очередь, привело к бюрократизации всей системы правления. Жизнь человека внутри такой системы всё больше зависит уже не только от сумасбродств царя, но и от прихоти самого маленького чиновника. Опорой подобной дикой системы может быть только армия. Пётр наделяет огромной властью чиновника, и особенно офицера. Но этого мало. Надо было и солдата полностью оторвать от народа. Восстание стрельцов показало, насколько это необходимо, и вот Пётр превращает армию в бесчувственный кнут. Военная реформа, которая вызывает чувство умиления у наших историков, принесла народу неисчислимые бедствия. Раньше, в мирное время, солдатские и рейтарские полки распускали по домам. Теперь в армию забирают на всю жизнь. Раньше значительная часть армии формировалась из добровольцев. Теперь все они шли по рекрутскому набору: 20 тяглых дворов — 1 солдат. В случае гибели или побега ему на смену шёл следующий. Таким образом, какие бы потери ни несла армия, её численность не должна была уменьшаться. И здесь победил экстенсивный подход.

Отныне, как бы генералы бездарно ни растрачивали людей, они всегда получают непрерывное пополнение. А раз отпадает необходимость дорожить солдатом, то и воевать начинают всё чаще не столько

умением, сколько числом. Уже в Полтавском сражении российская армия была вдвое больше шведской. Привычка смотреть на солдат не как на людей, а как на материал, которого всегда хватает, сохранилась до нашего времени. Даже в последний год Отечественной войны, когда германская армия по вооружению и численности была в несколько раз меньше нашей и воевала на нескольких фронтах, — даже тогда наши потери были выше немецких в 2,2 раза.

До Петра не только гарнизоны, но и части дальних походов формировались на территориальной основе (как и у нас после Гражданской войны) и полки состояли из земляков. Разумеется, для тирании лучше всего, если людей связывает одна служебная цель. И к концу правления Петра только треть армии, состоявшая из казаков, сохраняла этот принцип.

Раньше государство содержало армию. Пётр прикрепляет к полку определенные сёла, которые обязаны были его кормить. Рекрутов тоже распределяли партиями по постоянным дворам, где их обучали офицеры и солдаты-инвалиды. Но эта свинцовая тяжесть стала просто невыносимой, когда Пётр ввел подушный налог. Мало того, что сам налог просто опустошал крестьянский двор. Он тоже собирался при содействии полков. «...Шесть месяцев в году сёла и деревни жили в паническом ужасе от вооружённых сборщиков... Не ручаюсь, хуже ли вели в завоёванной России татарские баскаки времен Батыя... никто ни о чём больше не думает, как лишь о том, чтобы взять у крестьянина последнее в подать и тем выслужиться». (В.О.Ключевский. Курс русской истории. М., 1958. Т. 4, стр. 98–99).

Очень знакомая картина, не правда ли? Крестьяне за бесценок отдавали всё, даже пожитки, даже землю и бежали куда глаза глядят. А оставшиеся вымирали от голода и нужды. Как и во времена Ивана Грозного, страна страшно обезлюдела. Так, в Казанской губернии вскоре после смерти Петра один пехотный полк не досчитался более половины назначенных на его содержание крестьян — это 13 тысяч ревизских душ. А ведь таких гарнизонов, больше похожих на банду грабителей, насчитывалось в 10 губерниях 126.

Наши историки обычно пишут, что Пётр действовал исключительно в интересах дворянства. Позволю себе ещё раз напомнить,

что экстенсивное развитие рождает такую централизацию и такую тиранию, что государство приобретает самодовлеющую силу и всё больше работает на себя, на свои собственные интересы, на прихоти и сумасбродства вождя. В России это проявилось ещё при Иване Грозном, но особенно резко — при Петре I. Именно он выдвинул фантастическую идею: паразитический класс, давно привыкший к безделью, вдруг превратится в хороших солдат и офицеров, в отличных и умелых чиновников. Уже в 1704 году самые знатные молодые князья были определены в армию солдатами. Всех дворян обязали служить в армии или в чиновниках.

Позже был издан указ о том, что за неявку на призывной пункт дворянин лишается всего состояния, причём половину отдают доносчику. А в 1704 г. все, кто уклонялся от службы, объявлялись вообще вне закона, и любой мог безнаказанно такого дворянина убить и забрать себе его имущество. И это в интересах дворянства? Все дворяне обязаны были вначале служить в гвардии солдатами. Без этого их запрещалось производить в офицеры. Державин, а сам он из старого, ещё из татар, дворянского рода, почти через 40 лет после Петра I по традиции служил сначала солдатом. А кроме целодневной муштры, «...солдат то и дело отряжали на работу — вроде уборки снега, очистки каналов, доставки продовольствия из магазинов и, наконец, офицеры гоняли их по своим поручениям. Отпусков не было». (В.Ф.Ходасевич. Державин. М., 1933, стр. 13).

Служба была пожизненной. Мало того. Двери в дворянский класс были широко распахнуты для тех, кто служит. Они за стаж получали потомственное дворянство. Конечно, и дворянам нужна была сильная армия и мощное государство, но не такой же ценой. Интересы самодержавия вышли на первое место, а они далеко не всегда совпадали с интересами дворян. И чем крепче чувствовал себя на престоле тот или иной царь, тем меньше он считался с чистотой дворянскими интересами.

И дворянство отдавало себе в этом отчёт. Тысячами, подкупая врачей, судей, чиновников, используя родство и знакомство, дворяне уклонялись от службы. Но и в армии, уже став офицерами, сословное воинство, как писал современник, «о том лишь печётся, как бы домой быть... и на службе только и смотрят, чтоб

где во время боя за кустом притулиться, а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притуляются в лесу или в доме». (В.О.Ключевский. Там же. Т. 4, стр. 72). «...и меняли своих голов на неприятельскую голову по три и по четыре, и гораздо больше». (Там же).

Первых 10 лет войны обошлись в 300 тысяч человек только из призванных по рекрутскому набору. А ведь треть армии состояла из казаков, да ещё было немало частей, набранных из восточных народов. Но казарма ещё страшнее поля боя. Это были настоящие солдатские морильни. Вебер, брауншвейгский резидент, в своих записках о России пишет, что «при дурном устройстве содержания гораздо больше рекрутов гибнет ещё в учебные годы от голода и холода, чем в боях от неприятеля». (Там же, стр. 68).

А ведь даже после окончания всех войн в 1725 г. на армию шло две трети бюджета страны. Не надо забывать, что чем больше народов поглощалось Россией и чем шире распространялся в ней принудительный труд, тем мощнее должна быть армия — главная опора самодержавия. Но есть нечто ещё более страшное, чем военная реформа. Уже при отце Петра, Алексее крестьянин всё больше превращался из крепостного в раба. Пётр этот процесс завершил и юридически закрепил.

Раньше всех крестьян можно было разделить на холопов (рабов), крепостных, государственных и свободных (вольница). Причём, холопы тоже делились на четыре категории, и лишь одна из них была вечной. Уже в 1700 году Петр потребовал вольноотпущенных записывать в солдаты, а негодных определять на другую службу. «Или солдат, или холоп, или галерный каторжник — таков выбор карьер, предоставленный целому классу вольных людей». (В.О.Ключевский. Там же. Т. 4, стр. 10). Затем все холопы были сведены к одной категории — вечной. И наконец, все крепостные низведены до уровня холопов, а сами холопы были обложены податью, наравне со всеми крестьянами.

Помещик теперь по закону мог продать не только крестьянскую семью без земли, но и вразброс любого члена семьи. Так крепостной строй превратился в рабовладельческий. Это был громадный шаг назад — уже не развитие, а деградация.

Наши историки, увлечённые линией поступательного развития, так и не заметили установления в России рабства. И до сих пор как ни в чём не бывало трактуют период рабства как крепостной. Между тем, даже до середины XIX века, богатство помещика оценивается не количеством земли, а числом душ — т.е. рабов, которых всегда можно было продать. Как тут не согласиться с Ключевским, когда он пишет: «Законодательство Петра отбрасывало общество далеко назад к знакомой на Руси греко-римской норме: «Рабство неделимо, состояние рабов не допускает никаких различий: о рабе нельзя сказать больше или меньше: он раб». (В.О.Ключевский. Там же. Т. 4, стр. 105). И здесь мы видим хоть и страшное, но типичное явление для экстенсивного развития. Если уже узаконенное рабство длилось полтора века, то значит, оно было необходимо.

Дело в том, что экстенсивный способ развития периодически переживает нехватку живого труда. Это связано с рядом причин — и не только экономических. Рост потребностей время от времени опережает возможность их удовлетворения. Особенно это заметно во время войны, после голода, террора или массового бегства народа. Тогда остаётся одно — возможно крепче привязать трудящегося к месту его работы и заставить трудиться как можно дольше. Легче всего это сделать, лишив его всяких прав. И чем ниже производительность, тем больше удлинить время труда. А экстенсивная система постоянно страдает от того, что массы людей заставить хорошо работать невозможно. Такая система обычно опирается на принудительный труд. Но он всегда малоэффективен. Вот и пытается государство компенсировать ничтожные результаты увеличением количества. Фактически, экстенсивная система всегда тяготеет к высшей форме принудительного труда — рабству.

Чтобы представить себе, какой это был шаг назад, достаточно взглянуть на Запад. В Швеции и Норвегии крепостного права вообще не было. Развитие товарно-денежных отношений и грандиозные крестьянские восстания привели к падению крепостного права в Англии, Франции, в Северной и Центральной Италии ещё в XIII–XV веках. Так расчищался путь к интенсивному раз-

витию, а затем, через голландскую, английскую, французскую и другие революции, к его политической форме — буржуазному строю.

А в России всё идет наоборот. В конце XVI века устанавливается крепостной строй, а в начале XVIII века — рабовладельческий. На Западе (кроме Германии, Австрии и некоторых стран Восточной и Южной Европы) господствует наёмный труд. В России же устанавливается самая грубая форма принудительного труда — рабство. На Западе создаются всё более благоприятные возможности для регулирующего действия закона единства и борьбы противоположностей. И не только в экономической, но и в социальной сфере. В свободной борьбе старое непрерывно размывается и заменяется новым. В результате, вся жизнь общества постоянно совершенствуется. Достаточно взглянуть на современный Запад и сравнить его с тем, который описан в трудах Маркса и Энгельса, чтобы увидеть огромный прогресс. Прежде всего, если тогда было безраздельное господство буржуазии, то сейчас она разделяет власть с представителями разных слоёв населения.

В конечном счёте, процесс непрерывной интенсификации производства требует и непрерывных прогрессивных изменений в обществе. Экстенсивное же развитие требует установления самых диких форм принуждения во всей социальной сфере и самых реакционных — в политической. И всё-таки, что помогло самодержавию от Ивана IV до Петра I утвердить свою безграничную власть? Здесь есть два взаимосвязанных фактора, на которых мы ещё не останавливались.

Дело в том, что во всех восточных деспотиях частной собственности на землю не было. Её владельцем считался царь. Поэтому он обладал правом дарить и отбирать землю. Отсюда его огромная власть. Даже самые знатные и самые сильные зависели от милости царя. Последний штрих на этом пути был сделан Петром I. Вотчинное (наследственное) землевладение было окончательно ликвидировано и сведено к помещичьему. А помещик являлся собственником земли лишь до тех пор, пока служил царю. И дети его должны были подтвердить право на землю службой. Вот так класс дворян попал в полную зависимость от царя.

Нет, власть русских владык простиралась далеко за пределы социальной необходимости. Она позволяла им удовлетворять самые необузданные, самые низменные страсти. Вот два примера из пребывания Петра I за границей.

В Лейдене он заглянул в анатомический театр доктора Бюрграва «...и, заметив, что некоторые из русской свиты высказывают отвращение к мёртвому телу, заставил их зубами разрывать мускулы трупа». (В.О.Ключевский. Там же. Т. 4, стр. 25). В Дептфорде, в Англии, Пётр с увлечением с утра до вечера строил корабль. Когда гости уехали, домовладелец подал счёт. «Ужас охватывает, когда читаешь эту опись... Полы и стены были запачканы следами веселья, мебель поломана, занавески оборваны, картины на стенах прорваны — так как служили мишенью для стрельбы, газоны в саду так затоптаны, словно там маршировал полк в железных сапогах». (Там же, стр. 26).

А вот домашний пример по описанию современника: «...запершись дня на три для пьянства столь великого, что невозможно описать и многим случалось от того умирать...». (Там же, стр. 20). Самодержавие на всё накладывало свой отпечаток, даже самые полезные вещи делались по его образу и подобию. «Школа, превратившая воспитание в дрессировку зверей, могла только отталкивать от себя». (Там же, стр. 243). Можно сказать так: чем больше власти у тирана, тем меньше он нуждается в правах. И чем больше у него власти, тем меньше прав у народа.

Пётр сумел уравновесить доходы с чудовищными расходами и без дефицита закончить своё царствование. Но какой ценой? Немыслимый по своей тяжести подушный налог был дополнен таким количеством прямых и косвенных налогов, что фактически была сдавлена вся человеческая деятельность и все потребности. Уж на что у нас горады Минфин и Госкомцен, но даже они до такого не дошли. Пока, конечно. Возникло целое финансовое ведомство прибыльщиков, которое только тем и занималось, что изобретало новые налоги, за каждое предложение следовала щедрая награда.

Были обложены все виды ремесла и торговли, бани, пчёлы, бороды, рыба, табак, мел, соль, шахматы, карты, водка, дубовые

гробы, браки (но лишь у «инородцев»), да буквально вся жизнь и даже смерть. Недоимщиков били батогами или ссылали на каторжные работы. В результате, например, в сёлах соль стала так редка и дорога, что многие ели без соли, болели и умирали. И по каждому налогу работала отдельная канцелярия: рыбная, банная, медовая и т.п. — целая армия чиновников кормилась на грабеже народа.

И сразу возникает аналогия со сталинскими временами, когда тонкие специалисты по курам, плодовым деревьям, пчёлам, поросётам, займам и другим акцизным соблазнам не давали колхознику буквально голову поднять. Создаётся впечатление, что правители России страстно желали не только выдавить из сельского хозяйства всё, но и намертво зажать его в железные тиски. На этом сложном пути приходилось преодолевать немало трудностей, но все эти кормчие с коронами и без них обычно успешно достигали так желанной цели.

Рабство и татарские набеги властей не только не давали развиваться сельскому хозяйству, но и держали крестьянина в ужасающей нищете, на грани голода. Если он что-то и продавал, то лишь для уплаты налога. Как следствие, рынок был очень узок и очень медленно развивался. У нас историки с упоением пишут о прорубленном окне и флагах, плывущих в Россию. Но, во-первых, окно в Европу было давно создано. Даже во время войны со Швецией в Архангельск приходило ежегодно свыше ста кораблей. Лишь в 1724 году в Петербург их пришло больше.

Само же место для столицы и порта было скорее полигоном для демонстрации императорской мощи, ибо менее подходящее найти, наверное, невозможно. Громадное болото, низкая равнина, постоянно заливаемая морем через реку, очень мелкий рейд. Даже Пётр в этом должен был убедиться и в конце жизни приказал найти более подходящее место. Оно было найдено возле Таллинна, но гигантские усилия с налёта достроить там порт не увенчались успехом. И по сегодняшний день, не жалея никаких средств, мы спасаем от гибели творение Петра.

Что это за великий — неважно, вождь или царь, если в голове его не роятся идеи немыслимых строек, которыми он напавал

сразит мир. Это крепко усвоили ещё фараоны. Они, видно, и были авторами так популярного нынче афоризма: «а за ценой не постоим». Современники считали, что на самой первой петровской стройке — Таганрогского порта — погибли сотни тысяч человек. Чтобы читатель представил себе, какова эта цифра, напомним, что по переписи 1724 г. насчитывалось 5,5 млн. ревизских (мужских) душ: крестьян и посадских людей. Люди работали, как рабы на пирамидах: раздетые, голодные, день и ночь под палками. Стройку так и не довели до конца, вскоре порт вернули туркам.

Затем сотни тысяч телами своими сложили фундамент новой столице. «Едва ли найдётся в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем легло рабочих в Петербурге и Кронштадте». Петербург стал «великим кладбищем для народа». (Там же, стр. 125). Много лет строили 7 каналов, из которых только один был закончен, большинство других заброшены ещё при Петре. А цена всё та же — сотни тысяч человек. Особенно была опустошена Украина, ведь здесь значительная часть населения была свободной. А свободный ещё в 1700 г. был приравнен к преступнику...

После Петра самодержавие уже не развивалось. Но тюремные стены простояли ещё 200 лет. Действенную силу имели петровские реформы. Они хорошо приспособили всю систему правления к экстенсивному развитию. Так хорошо, что их красные нити пронизывают всё наше общество. Да, в сущности, разве сталинские реформы не были продолжением петровских? Оно и не могло быть иначе. Ведь тот и другой действовали в одном направлении — укреплении самодержавия, приспособлении к его к нуждам века. Вышеприведенные факты говорят сами за себя. Не повторяя их, попробуем провести аналогию.

Пётр I установил в России рабовладельческий строй, Сталин — крепостной для крестьянства, полукрепостной — для рабочих и рабовладельческий — для многих миллионов в концлагерях. Не только в экономическом, но в социальном, культурном и даже нравственном плане то и другое было громадным шагом назад. Оба они верно служили экстенсивному фактору, а он поддерживал их.

Для обоих правителей важнейшей целью внешней политики была экспансия и захват всё новых народов и территорий. Не утомляя читателя перечислением того, что было повторно или впервые поглощено при Сталине и до него, упомяну один феномен, думаю, не всем известный. До войны между Монголией и СССР находилась Тувинская народная республика. На её территории могли разместиться две Венгрии. 1944 году она была просто, без всяких ссылок на «братскую помощь», присоединена к СССР.

Для обоих главным средством достижения цели было насилие. А главным следствием в экономике — отчуждение, и не только орудий и средств производства, но и почти всех результатов труда. Оно даже логично: если производитель — собственность помещика или государства, то и труд принадлежит ему же.

У обоих социальная основа — доминант политики над экономикой. Как ни парадоксально звучит, но этого требует экстенсивное развитие. Ему такое доминирование необходимо. Ибо если бы экономику оставили в покое и дали ей нормально развиваться, то интенсивные элементы стали бы, несмотря ни на что, развиваться быстрее. Экстенсивная система требует непрерывного разрушения с помощью политического насилия всех интенсивных факторов. И каждый из отцов народа, если не умом, так традицией и инстинктом, чувствует, что вся его необъятная власть держится на экстенсивном развитии. Служа себе, он служит и ему.

Правовая основа у обоих — деление народа на элиту, которой всё можно, и народ, которому почти ничего нельзя. Узаконенное беззаконие. Народ сдавлен — и не столько законами, сколько инструкциями, нередко секретными, и самовластием элиты. Для неё законов как бы не существует. В народе постоянно воспитывается чувство превосходства над другими народами, отвратительный великорусский шовинизм, культ солдатчины и культ войны, раболепие и покорность. Так формировалась душа народа. Идеалом человека становится солдат. Идеалом поведения — рабское послушание. Идеалом чувств — слепая вера. Идеалом отношений — собачья преданность и барская милость. Это идеалы экстенсивного общества. Они были ему необходимы, и оно их создало.

В таких условиях минуло полтора столетия. За это время революции и развитие капитализма сделали лицо Европы удивительно помолодевшим. Какой предстала перед миром Россия в середине XIX века? У нас сохранились драгоценные свидетельства умных и проницательных людей, и, читая их, у нас перед глазами возникают картины одна ярче другой. Но не только живопись, это и логика. Эти люди умели и видеть, и понимать. Такого всестороннего анализа российской жизни мы больше нигде не найдём. Перед нами — «Голоса из России», подборки наиболее интересных писем А.И.Герцену в период 1855–1860 гг.

В этот период сборники выходили один за другим. Писали, в основном, либералы, сторонники конституционной монархии, более умного и человеческого управления. Их-то уж никак не обвинишь в слишком левой, революционной предвзятости. Впрочем, предоставим слово им самим. Начнём с характеристики самодержавия. Послушаем, что о нём писал в 1855 году Б.Н.Чичерин, именно тогда ставший известным благодаря своим статьям с анализом социального строя России.

«...Правительство делалось всё сильнее и сильнее. В настоящее время оно обладает такою силою, какой никогда не имело: огромное войско, покорное его единому мановению, огромная бюрократия ...всеобщая безропотная покорность, к которой нас приучили века прошедшей истории — всё это делает власть правительства безграничною и безусловною. Всякое прекословие тотчас заглушается, всякий ропот тотчас подавляется, всякая прихоть тотчас может быть приведена в исполнение в самых отдалённых частях империи».

«Выставить же известную норму правительственных целей и убеждений и всё гнуть под неё, уничтожая всякое отклонение, сделать народ безгласным и безмолвным перед своим правительством, значит убить в нем всякую жизнь и уничтожить один из основных законов общества. Такое поглощение народной деятельности правительством есть подавление разнообразия в пользу единства, замещение живого организма мёртвой машиною, доставление внешней формы на место внутреннего развития сил. Ибо правительства, подавивши народную жизнь,

непременно становятся одной внешней формой и мёртвой машиною».

Войско сделалось образцом для всего государственного управления, всё должно было идти на военный лад. Военная дисциплина сделалась основным государственным началом. Она насаждалась всюду — и на службе, и в частных отношениях, и в общественном воспитании: «... в учебных заведениях стали вводить военный строй и учение». Мы уже отмечали, что чудовищная централизация сделала необходимой создание громадной армии чиновников, и она всё больше становится самодовлеющей силой. Чичерин и другие либералы считали это крупнейшим пороком и требовали его устранить. Но ведь иначе править самодержавие просто не могло! Устранить этот порок можно было только вместе с самодержавием.

«Служение государству превратилось в служение начальникам ... везде на первом плане стоят отношения личные... каждый может выиграть гораздо больше личным угождением, нежели исполнением служебных обязанностей. С другой стороны, бюрократическая рутина привела к страшному умножению письменности, которая стала на место настоящего дела. Исполнить дело — значит отписаться».

«Отсюда происходит одно из величайших зол, которыми страдает Россия. Это господствующая всюду официальная ложь... всякое официальное изъятие есть ложь. Все отчёты из донесения высших сановников суть ложь, все отчёты и донесения губернаторов и других областных властей суть ложь, все статистические сведения суть ложь, все уверения в преданности и любви есть ложь...».

«Другое, не менее важное зло ...есть всеобщее развращение чиновников, как гражданских, так и военных... управление существует только для пользы правителей, образующих бюрократически организованную корпорацию, основанную на взаимной помощи при грабительстве и угнетении подвластных им лиц».

«Третье господствующее зло — всеобщая неспособность правителей». «...Неспособность есть как бы патент на получение значительной должности». «Казна есть естественный враг частных людей. ...Она стремится только к тому, чтобы выжать из поддан-

ных как можно более денег, а подданные со своей стороны не считают предосудительным грабить и обманывать казну, когда могут делать это безнаказанно».

(Голоса из России. Сборники А.И.Герцена и Н.П.Огарёва, выпуск 2, книга 4. М., 1976 г., стр. 66–67, 70, 83, 86, 88–90, 96–97).

Другой известный критик и публицист Н.А.Мельгунов подметил ряд характерных черт российской бюрократии. Марширующая и пишущая армии... Бюрократ уверен, что «не он существует для нации, а нация для него. ...Стоячий воротник чиновника возбуждает страх, подобострастие, лукавство, презрение, все низшие движения души». «Бюрократия у нас — она пуше холеры», «...навлекла на Россию заслуженное прозвание «бумажного царства». Мельгунов сообщает, что только через почту в столицу прибывает ежегодно 3 млн. пакетов разных ведомств. Интересно, сколько их приходит теперь? И далее: «Где буква, а не дух, там и механизм, где идеалом полицейское государство, там необходимы бесчисленные концы вожжей в руках одного вожатого». «В России проглядывает часто даже поэзия канцеляризма. На Псковском шоссе были устроены заставы, и каждой заставе даны канцелярии. Для канцелярий в русских размерах нужны высокие начальники, чиновники, писаря, команда, просторное помещение. Что ж вышло? На жалование и содержание шоссежных канцелярий с их тратами пошли все сборы с шоссе». Но чиновники не одним жалованием держатся: «...да и нет в Америке, как нет и в Европе наших клейких чиновничьих рук, к которым на четыре рубля прилипает три, и только один идёт в дело». Такой была пишущая армия. А как выглядела марширующая?

Мельгунов даёт такую характеристику причин и следствий создания самодержавием громадной армии: «Мы нетерпимостью своей, гордостью и упорным консерватизмом всех подняли против себя — и народы и правительства. ...У нас теперь нет армий, нет прочных и естественных союзников, мы предоставлены самим себе, отчуждены от всех и одиноки». Это уже финал. А началом «было создание огромной армии, какой никогда не видела у себя Россия. К сожалению, такая мера не осталась без вредных для нас последствий. Она повела за собой:

- 1) усиление войск прочими европейскими государствами, постоянное, всё более увеличивающееся опасение на Западе;
- 2) колоссальные, по нашим далеко не колоссальным средствам, издержки на содержание армии. Одни говорят, что эти издержки превышают треть всех государственных доходов, другие же, что поглощает чуть не половину». «Численно армия больше двух французских — свыше 1 млн., но при в 2 раза большем населении и в 2 раза меньших доходах». «Войско обратилось у нас в разорительную игрушку, на неё тратился цвет населения и добытые кровью, потом да народным развращением сотни миллионов рублей, чуть не половина всех государственных доходов. Это войско, игрушка и угроза вместе, ополчило наконец Европу...»;
- 3) «обременительные наборы — самое тягостное из последствий развития наших военных сил. Они пожирают значительную часть молодого народонаселения...».

Н.А.Мельгунов доказывает, что армия нравственно калечит молодёжь страны: «Никогда ни в одной стране мира не существовало такого множества военно-учебных заведений всякого рода, как теперь в России». «Молодой человек, выйдя из такой школы, отвыкает от семьи, от родины и безраздельно всею душою принадлежит одному царю. Страшный рычаг, годный на всякое употребление». Пожалуй, нам стоит задуматься над этими словами, особенно в момент, когда у нас под предлогом экономии средств разворачивается кампания по восстановлению профессиональной армии. И после тбилисского кровавого воскресенья...

«Сверх того, в последнее время введено существовавшее уже давно в гимназиях ротное и батальонное учение, обязательное для всех студентов и восстановлены кафедры военных наук». А вот как казарма смотрела на студентов: «Ну какая польза от вашей образованности, коли вы не умеете стоять перед начальником, — сказал когда-то один молодой полковник офицеру из студентов. — Мне нужны не умники, а исполнители — другое лицо». И вот нравственный результат для общества. «Новые поколения выросли и растут в духе казённой формалистики и военной дис-

циплины, всё живое, самобытное в них немилосердно подавлено, и общественное воспитание более или менее превращено в общественную дрессировку». (Там же, выпуск первый, часть первая, стр. 73, 76, 78, 84, 86, 87, 123, 127, 130, 131, 132, 134; выпуск второй, книга четвёртая, стр. 136).

А теперь более подробно остановимся на самой армии, благо у нас есть очень хороший документ: статья брата Бориса Николаевича Чичерина, офицера лейб-гвардии, вышедшего в отставку в 1855 году, «О полковых командирах и их хозяйственных распоряжениях». Этот взгляд изнутри особенно ценен своей точной документальностью. Армия превратилась ещё во времена Петра в гигантское поле для грабежа солдат, хищений у казны и уничтожения личности.

«Подчинённый нигде не находит защиты и ограды, он не смеет возвысить голос, но зато он делается негодным для всякого самостоятельного действия».

«Нужно с прискорбием сознаться, что мы не можем гордиться нашими офицерами... невежество, нерадение к службе, праздность, сильная наклонность к разгульной жизни, отсутствие сознания собственного достоинства — вот их отличительные черты».

«Если же подчинённый успел раболепством и низкопоклонством заслужить их благорасположение, то и он удостоивается самых лестных отзывов, под прикрытием которых может позволить себе всевозможные злоупотребления. Дело в том, что у нас военная, как и гражданская служба, сверху донизу вся основана на протекциях». Крымская война дала ответ, чего стоят такие кадры.

«Настоящая война, кажется, показала, что лучшие офицеры — не воспитанники военно-учебных заведений, а люди более образованные, окончившие курсы в университетах. Будучи более развиты, они имеют свои суждения ... и потому на них можно более положиться, нежели на людей, слепо исполняющих приказания...». Зачем тогда целая армия офицеров? Наверное, для внутреннего употребления.

Пользуясь уникальным документом, рассмотрим хозяйственную жизнь полка в середине XIX века. Нет, нельзя не заметить, что командир полка вёл напряжённую, творческую жизнь. Он уму-

дрялся сотворить всё из ничего. А это, по Библии, умел только бог, но даже ему это удавалось далеко не всегда. «Вот почему солдаты, получающие шинель на четыре года, ходят в хорошей шинели не более года, остальные три носят шинель, не предохраняющую даже от стужи». А почему солдаты ходят в странных укороченных сапогах и оборванных до дыр мундирах без лацканов? Сукно мочат и потом растягивают, оно теряет плотность, но зато на десятую долю становится шире. Сапоги вообще делались из обрезков и укороченные. Разумеется, если раз в год бывает смотр, их передевают во всё новое. А деньги на мундиры выдаются ежегодно. Почти все они оседают с помощью всякого рода махинаций в кармане командира полка. Только на одних лацканах он имеет 2500 рублей серебром в год — сумма по тем временам сказочная. Так, столоначальник — самый младший по чину, но уже господин, получал 25 рублей в год. Из них 1000 рублей идёт казначею и военному комиссариату, а остальные в виде чистого дохода — ему.

Так же присваивает командир полка себе большую часть сумм, ассигнованных на амуницию и обоз. На школу кантонистов (детей, отобранных у родителей для службы) выделялось в год 1116 рублей, но не более 300–400 туда попадало. Несчастные дети, которым казарма заменила родителей, а кулак и палка — всё человеческое воспитание, были к тому же лишены и одежды, и еды и умирали один за другим. Для питания солдат государство отпускало, как писал Б.Н.Чичерин, суммы достаточные, в войну они были гораздо выше. Кроме того, в Крымскую войну, зная, как бедствуют солдаты даже в мирное время, по всей стране собирали пожертвования для солдат. Но и эти деньги шли туда же — в лапы ненасытных офицеров.

«Между тем, в мирное время солдаты содержатся дурно, а в военное — ещё хуже. ...Страшная смертность господствует всюду, госпитали наполнены больными, и причина тому — дурное содержание. ...Всё это относится к гвардейским полкам — что же после этого должно быть в армейских полках». Б.Н.Чичерин так описывает посещение кухни полка: «Едва я отворил дверь, как почувствовал весьма неприятный запах. Я решился, однако же, по-

пробовать их щей и каши. Это были не щи, а горько-вонючая жидкость. Они были сварены из прогорклой капусты и вонючей говядины, каша была из дурных круп с горьким маслом. В гвардейских полках пища бывает немногим лучше. После этого не удивительно, что наши несчастные солдаты так страдают, что во всех полках большая смертность и страшное развитие болезней».

В кавалерийских полках громадный источник доходов для командира полка, офицеров и унтер офицеров — фураж. В конечном итоге, лошади получают сено самого низкого сорта, часто даже гнилое. А чтобы лошади не подошли, «когда полк идёт походом, или стоит в какой-нибудь деревне, многие эскадронные командиры позволяют себе посылать солдат косить чужую траву, утащить где-нибудь сена, снопов...».

Даже периодическая замена лошадей происходит таким образом, что командир полка заводит себе собственную конюшню отличных лошадей и торгует ими. Большую часть он продаёт своим же офицерам, часть насильно. Но всегда втридорога. А офицеры сдирают с солдат. Это «организованная система грабительства». И в результате: «Солдаты мрут от голода и холода, а полковой командир наживает себе капитал». А наши писатели, историки и родное телевидение так любят показывать бравых гусар, что сейчас это стало государственной модой. Прямо-таки идеальные мужчины — и хорошо откормленные, страшно благородные, и даже очень честные. И здесь идёт строительство в сознании людей той идеализированной России, с её великолепной и всегда побеждающей армией, которой в природе никогда не было.

И не только постоянные физические мучения убивали солдат, но и нравственная пытка. Зная нечеловеческие страдания в казарме, родственники, собрав последнее, пытались помочь. «Казначей принимает по почте солдатские письма с деньгами, в полк ежемесячно приходит от 300 до 500 рублей и более. Эти письма он обязан тотчас же передать в роты или эскадроны. Но обычно это не делается, а казначей оставляет деньги у себя, пускает в оборот и отдаёт их по принадлежности лишь тогда, когда извлечёт из них пользу. Этого мало, многие возвращают только часть этих денег, некоторые же предпочитают вовсе не отдавать, они жгут письма,

а деньги оставляют себе. А комиссариат? Кто не знает, что это учреждение есть не что иное, как притон мошенников».

Ну, а как же новый командир полка принимает такую ободранную до нитки организацию? «При сдаче полка новый командир полка получает солидную сумму от сдающего. Редко менее 5 тысяч серебром, а часто гораздо более. Иногда эта сумма доходит до 25000».

И вот итог: «В настоящую войну этих несчастных погибало гораздо больше вдали от театра войны, чем на поле брани». От Петра I до Николая II самые тяжёлые потери российская армия несла в казарме. Странная вещь самодержавие. Больше всего оно заботилось об армии, доброй половины бюджета на неё не жалело, народ раздевало. А по стране бродили странные существа, чем-то похожие на беглых каторжников (на Украине их называли «москали»): где украдут, где отнимут, а где милостыню выпросят. Потом с ротным, который их отпустил «на пропитание», деньгами поделятся.

Да, но всё же, где добывало государство столько денег на армию? «Для покрытия этих чрезвычайных расходов у нас сыздавна создан и в последнее царствование значительно усилен не существующий нигде, кроме России, и гибельный по своим последствиям огромный косвенный налог: винные откупа». «...Граф Канкрин сказал однажды в государственном совете: «Легко вам нападать на откупа! Ведь у нас — что кабак, то батальон». Так что массовое распространение кабаков и спаивание миллионов людей пошло ещё с Петра I, но особенно усилилось при Николае II и имело своей целью покрытие военных расходов. В конечном счёте, и это — результат экстенсивного развития.

Самодержавие и право — вот на чём необходимо теперь основываться. «Вся Россия разделена на вотчины частные и вотчины государственные, и всюду господствует полный произвол», — пишет А.М.Унковский, левый либерал, предводитель дворянства Тверской губернии. «Законы лежат под спудом в тяжёлых и толстых книгах, не имея никакого отношения к народной жизни». «Суда в России вовсе нет, ибо наш суд в действительности не имеет никакой власти. Наш суд является только бесполезною фор-

мальной машиной, исполняющей волю полновластной исполнительной власти». (Там же, выпуск третий, книга 9, стр. 6, 8, 12). Можно подумать, что в России не издавали никаких новых законов. Как бы не так! «Вообще, законодательство бродит в каком-то чаду», — пишет Б.Н.Чичерин. И он же свидетельствует: «У нас есть система судопроизводства, которая никого не ограждает». (Там же, книга 4, стр. 92). Ну, а как же законы? «Что вы говорите про законы? Законы пишутся для низших сословий, а не для нас», — цитирует Б.Н.Чичерин слова «одного высшего сановника» и продолжает: «...законы ни для кого не пишутся, потому что они все подчинены личному толкованию и произволу главного или местного начальника...» (Там же, часть 1, выпуск 1, стр. 89).

К.П.Победоносцев, тогда ещё либерал, а через 20 лет — оголтелый реакционер, фактический правитель России в мрачнейшие времена Александра III, писал в 1859 году: «и всегда главной причиной беззакония, не переставшего повторяться, будет именно то, что нарушители закона почти никогда не подвергается ответственности и потому почти никогда не опасаются. Нельзя же серьёзно назвать ответственностью замечание или выговор». (Там же, книга 7, стр. 26).

А как же те, кто стоит на страже закона? «...в силу той же лицемерной системы у нас введена чуть ли не в степень догмата безответственность не только высших, но и низших чинов полиции, тогда как одно слово «полиция» в мнении народа и в самом деле стало синонимом взяточничества, насилия и всякого беззакония». (Там же, стр. 30).

Как у Собакевича каждый предмет говорил: «И я тоже Собакевич», так и самодержавие тысячу раз повторяет себя в своих чиновниках. Вл. Лафит де ла Пельпор писал: «Разве в России не всё зависит от воли, от прихоти, от слабостей, от характера, ума, души единого царя? Разве наместники царские не суть представители самодержавной власти, представленной вдали от глаз царей на изнанку? Разве каждый становой не есть самодержец своего округа, сотский — своей сотни, десятский — своей деревушки? Разве всякий чиновник, будь он хоть четырнадцатого класса, не есть самодержец всех и каждого, кто попадёт ему под лапы?

Разве, наконец, сам дворянин, будь он самый мелкопоместный, не есть самодержец своих несчастных крепостных? Какой же тут может быть закон, довольно силён, чтобы удержать шестьсот двадцать тысяч самодержцев от всякого рода бесчинства, буйства, кражи, грабительства, безначалия, насилия, беззакония?» (Там же, книга 6, стр. 50–51). И вот результат самодержавного правления: «сёла и деревни в пух разорены, дорог нет, бродяг и нищих на каждом шагу встречаешь. Буйство, зверство, грубость, распутство господ соблазнили и перешли в нравы мужиков». Ведь это «ярмо рабства». (Там же, книга 6, стр. 36, 44).

Продолжим эту мысль и попытаемся рассмотреть, изменился ли характер народа под влиянием экстенсивного развития в самодержавно-рабовладельческом исполнении. Вот что пишет неизвестный автор: «Подлость — лишь краеугольный камень всего общественного здания России, она проникает во все отношения... ибо мы только по имени перестали быть холопами, а в душе сохранили все свои веками приобретённые холопские привычки, свою холопскую преданность, свою холопскую трусость, своё холопское низкопоклонство». (Там же, часть 2, выпуск 1 стр. 119).

«Подданный был холопом своего государя, крепостной крестьянин мог быть только холопом своего помещика. Таковым он и сделался: два совершенно различных установления — прикрепление к земле и личное рабство перемешалось, и мало-помалу сословие крестьян слилось с сословием рабов», — писал Б.Н.Чичерин. И дальше: «Чувство права, чувство законности, и без того не слишком сродное русскому человеку, стало совершенно чуждым...» (Там же, стр.155). Дегradировали оба сословия: «помещик стал вообще ленив, беспечен, расточителен, неспособен ни на какое серьёзное дело, горд и тщеславен, раболепен к высшим и груб в отношении к низшим... Со своей стороны, крестьянин... сделался так же ленив и беспечен, как барин, скрытен, лукав и лишён всякого понятия о нравственном своем достоинстве. Без сомнения, крепостное право много содействовало тому, что чувство нравственного человека и гражданина исчезло у нас совершенно». (Там же, стр.160).

Чичерин считает, что корни этого явления тянутся ещё в монгольские времена. Жаль, но он ни слова не сказал, что же

их питало так долго. Но времена Ивана III бояре «...Без борьбы, без насильственного переворота — из вольных слуг они прямо становятся холопами, ибо не понимали другого подданства, кроме рабства. ...Вместо прежнего: слуга, начинает подписываться: холоп твой такой-то. ...Бывший удельный князь, старший потомок Рюрика, знаменитый боярин, бывший вольный человек, пишет: «холоп твой Васька или Юшка бьёт тебе челом», и это он не считает унижением своего достоинства, ибо понятия о личном достоинстве не было у наших бояр». (Там же, книга 3, стр. 44). «Не раз уже было замечено, что понятия о личном достоинстве не было у наших бояр. В грамотах царю писались они холопами и полуименами, правильнее — кличками... их пороли розгами, били батогами; всё это им было нипочём». (Там же, книга 3, стр. 43–44, 60).

Прошли столетия. И вот итог обратной связи: «Человек, который за каждое оппозиционное слово, за каждую смело высказанную мысль может быть всегда схвачен и подвергнут произвольному наказанию, есть раб, а не гражданин». (Там же, книга 4, стр. 120). Другие публицисты высказывали ту же мысль. Неизвестный автор писал в 1858 году в «Колокол»: «Холопство и лень — доисторические черты русского народа... они чисто русского происхождения».

«В России никакой противозаконный или противучеловеческий поступок никого не удивляет, не возбуждает ничьего негодования; ропщет только тот, кто от этого страдает». «...Это лакейство, эта лень думать и трудиться, неумение управляться самим собою, недостаток единодушия, искание кнута». (Там же, книга 6, стр. 120, 121, 125, 128).

«Труд, бережливость, честность, право — идеи, русскому человеку непонятные. Царская милость, барская спесь — вот предел стремлений, цель его жизни, лакейство и плутовство — пути или средства её достижения... можно написать в России поэму: холуи и господа». Автор подметил ещё одну черту экстенсивного развития: «Забота о будущем не в нашем духе, на словах готовы мы взвалить на плечи хоть всё человечество, на деле боимся всякого труда, всякой мысли, живём настоящей минутой...».

Между характером народа и режимом существует прямая связь: «...разве несправедлива аксиома, которая выражается по-словницей «По Сеньке и шапка» и в этом случае значит, что всякий народ управляется так, как он хочет?» Иначе говоря, народ имеет то правительство, которое он заслуживает. И как вывод: «Жалка судьба реформ в России». (Там же, книга 6, стр. 119, 122–123).

Но деградация народа шла не только от социально-экономической системы; громадную роль тут сыграла и пропаганда русского шовинизма, веками внедрявшаяся, как яд, в плоть и кровь народа. Б.Н.Чичерин писал, что самодержавие боролось за «обрушение иноплеменных народов... стремление создать, хотя бы насильственным образом, единство вероисповеданий, законодательства и администрации». В нашей стране даже сейчас упорно и любой ценой пытаются добиться того же. И это — порождение экстенсивной системы. При непрерывном количественном росте легче всего управлять из центра, если все вещи и люди одинаковы.

Поэтому царизм веками, и в основном безуспешно, пытался сделать однообразно русскими все народы страны. И это был, пожалуй, единственный случай, когда самодержавие опиралось не только на свою администрацию и дворянство, но и на весь народ. Его сознание отравлялось мыслью о том, что народ этот — самим богом избранный вести за собою другие народы, что он самый способный и вообще самый лучший на земле. Что Москва — это центр мира, третий Рим, а четвёртого не будет. Что все народы России должны постепенно слиться с русским народом, забыть свой язык, историю и культуру. Эта идеологическая отравка, увы, проникла даже в сознание русской интеллигенции, и не только правой. Но мы ещё вернёмся к этой теме, а сейчас послушаем, как её поняли ещё 130 лет назад.

Н.А.Мельгунов пишет: «Не одна вера отцов, но и язык, и всё национальное образование сделалось предметом самой неумолимой русификации. А заставить полюбить нельзя по приказу». «Мы были помешаны на однообразии, какой же ожидать тут жизни?» (Там же, часть 1, выпуск 1, стр. 116, 117). Б.Н.Чичерин пишет: «Но, как правительство, так и помещики равно утверждают, что либеральные стремления — не что иное, как подражание

Западу, нисколько не приложимое к России. Россия, по их мнению, страна совершенно непохожая на другие... Никто, впрочем, до сих пор не потрудился объяснить, что это за странные особенности. Кажется, это обыкновенно то, что выгодно для властей». (Там же, книга 4, стр.117).

Известный общественный деятель и революционер Серно-Соловьевич пишет в 1860 году: «Вся западная половина государства состоит из завоёванных частей, у них всегда будут существовать побуждения отделиться от России... эти побуждения могут возникнуть с необыкновенною силою...». (Там же, книга 8, стр. 63). И, как будто предвидя будущую чёрную сотню, «Память» и всех ревнителей «истинно русского духа», Б.Н.Чичерин пишет: «...и в старании своём казаться истинно русскими они похожи на тех обезьян, которые, хотя и подражают всем человеческим действиям, но всё же сохраняют свои обезьяньи ухватки...». (Там же, книга 3, стр.74).

Что же касается расовой чистоты, то Б.Н.Чичерин убедительно доказывает, что её не существовало даже среди аристократии. Изучая родословную книгу, он нашёл там «кроме 164 родов Рюриковичей, потомков князей варяжских и 96 родов неизвестно откуда пришедших». Мало того, из 38 самых древних княжеских родов «в числе людей, более или менее замечательных, мы находим одного второстепенного полководца, четырёх мужей, с усердием продвигавшихся на поприще гражданском, и двух посредственных писателей. Итого семь». Более замечательных лиц произвели княжеские роды, въезжие в Россию, но приписанные к русскому титулованному дворянству. «...Древняя наша аристократия осталась преимущественно на службе придворной. Она даёт государству не полезных деятелей... а царедворцев».

И ещё — для умилённых стариной и русским дворянством: «Что сделали предки для России? Предки римских гусей, по крайней мере, Рим спасли. Предки же наших гусей даже и Рима не спасли, а если они отечества не погубили, то, конечно, не их была вина. Они со своей стороны сделали всё, что могли». И вывод: «Русская аристократия перед царской властью есть ничтожество из ничтожеств». (Там же, книга 3, стр. 63, 77–78, 85–86, 104).

Как мало, по существу, изменилось у нас, если слова, которые я приведу ниже, звучат так, будто их произнес кто-то из нас: «На что же нам ещё охранительных элементов? Хоть бы немножко нам элементов прогрессивных! Мы бы вздохнули свободнее, ибо для всякого народа нужны не только старина и покой, но также новизна и движение. Иначе зачерствеет он и затупеет в своей косности, заглохнут все данные ему от природы живые силы и способности, и обратится он в мертвячину, которая или растлеет, уступая место другим, или останется обломком прошедшего — как вечный урок будущим поколениям». (Там же, стр.102).

Завершив аналогии, рассмотрев ещё одно, до боли знакомое, понятие. «Гласность? Великое слово! ...гласность есть тот же свет. Да озарится Россия светом гласности...». (Там же, часть 1, стр. 145). «Но утешимся. Есть средство против столь общего зла, есть лекарство против столь смертоносной язвы; но к нему-то у нас и не решаются прибегнуть. Это единственно целебное средство есть — ГЛАСНОСТЬ. Гласность вносит свет во тьму... мешает в мутной воде ловить рыбу... исцеляет даже слепых...». (Там же, книга 3, стр.148). Мало того. Контроль правительственный необходимо «заменить его другим, самым бдительным, самым могущественным, самым грозным, — это гласностью». (Там же, книга 4, стр. 174). Ну а как же пробивался «свет во тьме» в России?

«В Москве упал колокол с Ивановской башни, и газеты не смеют об этом говорить, ибо это случилось в день присяги. Покойный государь скончался 13 февраля утром, и вечером того же дня вся Европа знала об этом, только в Москве узнали... лишь на третий день, да и то не все, потому что в газетах было объявлено о ней лишь 4 дня спустя». (Там же, часть 1, стр. 106). «В Москве и даже в Петербурге совершаются дела вопиющие, чудовищные, от которых волосы становятся дыбом. Кто про них знает? Кому до них нужда?» (Там же, стр. 106). «Общественное мнение подавлено всеми средствами, и непроницаемый мрак окружает все действия правительственных властей». (Там же, часть 1, выпуск 1, стр. 93). «Честность считается вещью совершенно непозволительной». (Там же, стр. 94). «Вокруг теперь всё молчит или вторит». (Там же, часть 1, стр.143). «О гласности мы можем только мечтать». (Там

же, книга 7, стр. 32). Оказывается, гласность — это вековая мечта, которую каждое поколение бережно передавало следующему.

И даже в институтах «программы и лекции преподавателей, их методы и взгляд на науку подвергнуты самому строгому надзору, самым разнообразным ограничениям». (Там же, книга 1, стр.132).

Удивительное сходство, скажет читатель. И даже, как говорят, в отсутствии наличия. После полярной ночи и серый рассвет кажется сияющим солнцем. Тем более, если солнца ещё никто не видел. При свете государственной дарованной гласности мы не замечаем ни клетку, ни птицу в ней. Или не решаемся заметить? Как и 130 лет назад. А птица в клетке — свобода слова. И разница между ними весьма огромная. Если гласность что разрешено, то и освещает, то свобода слова — требует. Если первая зависит от снисходительности начальства, то вторая — только от воли и желания народа. И если одна имеет пределы, до которых можно прийти, то другая — птица, для которой границ не существует. Свобода слова, как Христос в яслях: только родившись, она начнёт творить чудеса. Вот почему созданные за последний год законы и инструкции куют решётки прямо-таки из легированной стали — как бы она не вырвалась на волю.

Вот такой была Россия в середине прошлого века. Остаётся провести аналогию и сделать выводы. А, впрочем, зачем? Пусть этим займутся сами читатели, ведь всё так знакомо, будто написано только вчера. А мы пока рассмотрим развитие экстенсивной системы в последние 60 лет коронованного самодержавия. Интересная была эпоха. Крайне бурная и очень своеобразная. Начнём с главного — дальнейшего расширения территории. И вот тут-то Россия впервые и споткнулась. Да, конечно, длившаяся 300 лет экспансия должна же была когда-нибудь кончиться. Неизбежное и произошло к концу XIX века.

Самодержавие собственными усилиями создало себе на этом пути непреодолимые препятствия. С одной стороны, медленное мучительное развитие в тюремных стенах всё больше ослабляло страну изнутри. С другой стороны, экспансия России становилась всё более опасной для её европейских соседей и привела в середине XIX века к консолидации их. Чему спо-

собствовала роль жандарма Европы, которую активно играла Россия во времена Николая Палкина. Русские цари, как и их окружение, так ничего не поняли и продолжали вести себя, как в добрые старые времена. В результате Россия одну за другой проиграла три войны, а единственную выигранную, да и то ценой огромных потерь, турецкую войну 1877–1878 годов она проиграла за дипломатическим столом из-за дружного отпора Европы. И если предыдущие военные победы поддерживали экстенсивное развитие и реакционнейший в Европе режим, то каждое из трёх поражений привело к крупнейшим социальным изменениям внутри страны. Поражение в Крымской войне способствовало падению рабовладельческой системы, личному освобождению крестьян, а значит, и резкому сужению возможностей дальнейшего экстенсивного развития. Одновременно путь присоединений на Западе был перекрыт. И открыть его теперь уже могла только мировая война.

Поражение в русско-японской войне способствовало революции 1905–1907 г.г. Одновременно был перекрыт и путь поглощений на Востоке. А поражение в первой мировой войне, разгром русской армии и изгнание её из Польши, части Украины, Белоруссии и Прибалтики привело к Февральской революции. Что военные поражения часто ведут к политическому обновлению и затем к экономическому подъёму страны, а военные победы к обратным результатам — тоже закономерность из арсенала философии истории. Пример ФРГ и Японии, буквально воспрянувших из пепла, — самый свежий. Консервация сталинизма как политической системы ещё на четыре десятилетия после успешной войны — из той же серии диалектических противоречий.

Итак, возможности России для дальнейшего расширения, по крайней мере при такой социальной системе, были исчерпаны. Но с середины и до конца века самодержавие успело поглотить ещё немало народов и территорий. Одна Средняя Азия чего стоит. А чтобы читатель хоть немного представил себе, какой ценой совершались присоединения, которыми так умиляется наша история, а заодно подумал, не оттуда ли тянутся кровавые воскресные традиции, приподнимем завесу над завоеванием Средней Азии.

Оно завершилось в 70-е годы, после подавления грандиозного Кокандского восстания.

Из рапорта генерал-губернатора Туркестана Кауфмана от 17 октября 1875 г.: «Произведя пожар в городе и нанеся огромные потери защитникам его, отряд возвратился, сжигая на пути кипчакские кишлаки». Из его же донесения от 11 февраля 1876 г.: «...должен присовокупить только, что от действия нашей артиллерии 8-го числа погибло в Андижане 20 тысяч жителей, как сообщает генерал-майор Скобелев...». Думается всё-таки, что не от «действия артиллерии», а от кровавой резни, устроенной после взятия города тоже по старой доброй русской традиции. Конечно, это не миллион афганцев, но можно поверить Кауфману: «Истинно молодецкие войска наши от начальника до младшего вели себя героями». (Там же). Тем более, что всю работу приходилось выполнять вручную. Как и в Тбилиси, уже в наши дни. Сегодняшние наши достижения позволяют сжигать село и перестрелять его жителей, даже не выходя из кабины танка или самолёта. Отсюда разница результатов. Впрочем, это ведь только в одном городе... Аналогия на этом не кончается. Наш же историк писал, правда, ещё 42 года назад: «Восстание в Кокандском ханстве явилось ответом на военно-колониальный режим, установленный царизмом в завоёванных областях Средней Азии».

Вот некоторые примеры. Сначала генерал-губернатор решил построить в Ташкенте громадную ярмарку в «русской части» (как быстро она появилась). Такая ярмарка действовала в «туземной части», её просто решили «перевести» в русскую. Так же просто у местных жителей забрали 300 гектаров орошаемых земель, заплатив им чисто номинальную плату — 1 копейку за квадратный сажень (многие возмущённые владельцы вообще денег не взяли). Затем с населения же содрали деньги и построили сооружение, куда покупатели так и не явились. «Таким образом, ярмарочные сооружения, на постройку которых было затрачено, из разных источников, более полумиллиона рублей, оставаясь незаянтыми, обратились в груды развалин...». (Там же). Как мы видели, советская государственная канальная система, тянется своими традициями к временам Петра I. Её принцип: лишь бы постро-

ить, а там видно будет, хорошо усвоил генерал Кауфман. И решил оросить Голодную степь, построив канал длиною в 100 вёрст. Российский чиновник — неважно, военный он или гражданский и было это 100 лет назад или только вчера, когда дело касается воплощения его мундирной мечты в действительность, — действует быстро. А Средняя Азия, не успели её поглотить, уже стала излюбленным полигоном для всех тех, кому так хочется вырезать свое имя на теле планеты.

Итак, обязали по наряду поставить людей с платою им за пищу 5 копеек в день и израсходовали «натуральной повинностью» 948 рабочих дней. Да ещё из казны взяли 135 тысяч. Оба действия нарушали сразу два закона, мало того, канал строился «по неполным, непроверенным и неутверждённым техническим сметам», как признал это позже сам генерал-губернатор, правда, уже новый. Ну, а результат? За пять лет прорыли 12 вёрст, израсходовали 657 тысяч рублей и канал «в настоящее время заброшен и заносится песками». (Там же, стр. 282–283). Знакомая картина, скажет читатель. А вот ещё одна.

В 1871 году «господа ташкентцы», как именовал их Салтыков-Щедрин, организовали Товарищество, куда вошла высшая администрация края, включая генерал-губернатора. Цель, как и у Чичикова, была самая полезная: «улучшение пород местных лошадей». Ну, а путь к ней известен. Взяли ссуду в казне, извлекли из общественных сумм и разных источников 48500 рублей. Затем — нет, не урвали, а отвели 23000 десятин земли, привлекли «натуральную повинность», да ещё определили из общественных сумм выдавать «на поддержание конного завода» ежегодно 3000 рублей. Ну, и какую же они породу всё-таки вывели? Да всё ту же, российскую, неумирающую — Геркулесовскую. Товарищество оказалось несостоятельным должником...

Не все приобретения доставались ненасытной экстенсивной системе кровавым путём. Вот один из последних подарков судьбы. В середине 50 годов XIX века в Китае вспыхнуло грандиозное тайпинское восстание. Крестьяне и ремесленники под коммунистическими лозунгами разгромили все императорские армии и захватили весь центральный Китай, освободив от власти поме-

щиков и маньчжурского гнёта большую часть населения страны. Разумеется, раз жертва так ослабела... Короче, Англия и Франция объявили войну Китаю. Ну разве Россия могла остаться в стороне? «Царизм и на этот раз использовал тяжёлое положение маньчжуров. Когда союзники наступали на Тяньцзинь, Муравьёв принудил маньчжуров подписать договор... Этот договор был подписан в городе Айгуне 28 мая 1858 года. Царь наградил Муравьёва титулом графа Амурского». (Новая история колониальных и зависимых стран. М., 1940. Т.1, стр.331). Да, до войны ещё иногда писали правду и успели выйти немногие добротные книги по истории.

Вот так тихо и без лишнего шума у Китая урвали гигантскую Амурскую область — от Забайкалья до Тихого океана. Но аппетит приходит во время еды даже у хищников: «Между тем, война возбудила аппетиты русских...» (История XIX века под ред. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 6, стр.309). Через два года: «Англо-французские войска стояли у самого Пекина... кабальный мирный договор... Россия и на этот раз использовала обстановку. 14 ноября русский посол подписал с Гуном новый договор в Пекине. По этому договору к России окончательно переходил Уссурийский край». (Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1, стр. 337). Так была захвачена нынешняя территория Приморского и южная часть Хабаровского края. Именно как захват понимала это советская историческая наука в 20-е и 30-е годы. И лишь после войны была выработана партийная «историческая концепция»: Россия, мол, никогда ничего не захватывала, а только воссоединяла и присоединяла на добровольных началах. Два приведенных примера типичны. Они показывают, какая это была добровольность.

Но у нас не пожалели ни бумаги, ни денег и издали целые книги, где «подтверждают» это пунктами договора. Начисто забывая такую мелочь, что к горлу был приставлен нож, и лишь тогда рука подписала. Насколько важен подобный вопрос для экстенсивной тоталитарной системы, видно по тому, что как-то сам Отец, отодвинув на время все свои жуткие заботы о народе, написал опус, где в самой примитивной форме, полной высокомерия и наглости, напал на известную работу «Внешняя политика русского царизма», и где защищал эту политику от Энгельса.

И пока здесь не будет полностью восстановлена историческая правда, нечего и думать о воссоздании истории как науки. А что стоит народ, не знающий своей истории, мы уже продемонстрировали и себе, и всему миру.

Да, Россия была тюрьмой народов. Да, Россия состояла не только из метрополии, но и из колоний. Да, исключением из правил она не была. Разве что с одной очень существенной поправкой: у неё колонии располагались не за морями и океанами, а тут же ...за рекой. Тем удобнее было беспощадно эксплуатировать человеческий гений и расхищать природные ресурсы. На том и держалась экстенсивная система и самодержавный строй. За исключением Украины, Прибалтики и Польши, такой режим мало изменился во всех остальных колониальных регионах до самого финала царского самодержавия. Развитие капитализма если и коснулось их в чём-то, то главным образом в виде ещё более подлого обмана, массового спаивания и лютого грабежа.

Рассмотрим вначале развитие села — ведь там даже в конце XIX в. жили почти все подданные Российской империи. Процесс развития капитализма и рождения интенсивной системы труда — вообще процесс яркий и интересный. Да и не так уж он далёк от знакомых нам картин, чтобы не увидеть в нём никаких аналогий. Нужны факты? Но ими на редкость изобилует знакомая большинству читателей по названию работа В.И.Ленина «Развитие капитализма в России». Труд вышел в свет в 1899 г., при втором издании в 1908 г. автор дополнил его, и поэтому явления рассмотрены до конца XIX века. Начнём с хорошо знакомого читателем соотношения: на финише века 30 тысяч крупных помещиков имели без малого столько же земли, сколько 10,5 млн. крестьянских хозяйств. Разумеется, если бы все помещичьи хозяйства превратились в капиталистические или вся земля перешла к крестьянам, развитие села быстро пошло бы по фермерскому пути. А интенсификация сельского хозяйства изменила бы всю жизнь страны. «Но подобный переход к совершенно иной системе не мог, конечно, произойти сразу, не мог по двум различным причинам. Во-первых, не было ещё налицо тех условий, которые требуются для капиталистического производства. Требовался класс людей, привыкших

к работе по найму, требовалась замена крестьянского инвентаря помещичьим; требовалась организация земледелия как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела... Другая причина того, почему невозможен был сразу переход к капиталистической постановке дела, состояла в том, что барщинная система хозяйства была лишь подорвана, а не уничтожена окончательно». (Тут и далее: В.И. Ленин, собр. соч. Т. 3, стр. 159–160).

Действительно, после реформы у крестьян не только была отрезана часть их земли, но помещикам были переданы леса, пастбища, водопои и т.п. Вести без них хозяйство крестьянин не мог и должен был арендовать у помещика за отработки. У помещика оставалась возможность жить по-старому, а крестьянин не в силах был из старого вырваться. Да и самодержавие было тут как тут со своим полицейским аппаратом. «Возможность «внеэкономического принуждения» тоже оставалась: временнообязанное состояние, круговая порука, телесное наказание крестьянина, отдача его на общественные работы и т.д.». (Там же, стр. 160).

И опять мы видим, что все нити ведут к самодержавию. Только революция могла бы разрубить этот гордиев узел. Сама отработка фактически означала, что крестьянин как бы продаёт себя помещику, и тот может использовать его на любых занятиях — от работы на полях до починки крыши. Отработка была самой настоящей барщиной. Автор знаменитых в то время «Писем из деревни» помещик-капиталист Энгельгардт, которого цитирует Ленин, пишет: «работу же, на которую крестьянин обязался, начальство заставит его выполнить, хотя бы у него самого свой хлеб оставался несжатым». «Только многие годы рабства, крепостной работы на барина могли выработать такое хладнокровие» (только кажущееся, с которым земледелец оставляет под дождём свой хлеб, чтобы возить чужие снопы). (Там же, стр. 169). Здесь речь идёт об истоках национальной русской черты — терпения, которое так хвалил Сталин.

А ведь книга Энгельгардта вышла в 1897 году — почти через четыре десятилетия после отмены рабства. Ленин показывает тесную связь между самодержавием и опекаемыми остатками рабства: «Без той или иной формы прикрепления населения к ме-

сту жителям, к «общине», без известной гражданской неполноправности, отработки — как система — были бы невозможны. Само собой разумеется, что неизбежным следствием описанных черт отработочной системы является низкая производительность труда; приёмы хозяйства, основанного на отработках, могут быть только самые рутинные: труд закабалённого крестьянина не может не приближаться по своему качеству к труду крепостному». (Там же, стр. 169).

Да, это всё тот же хорошо знакомый нам экстенсивный труд в принудительной форме. И в результате, крестьянин не имел ни средств, ни времени, нередко даже сил нормально обработать свою собственную землю. Отсюда постоянно низкие урожаи у большинства крестьян. Истощённый скот (а у многих и его не было), жалкий инвентарь, плохие семена, недостаток и однообразие удобрений — где уж тут повышать урожай и продуктивность скота. Так и через четыре десятилетия после реформы, которую сейчас входит в моду называть «революцией сверху», большинство крестьян вело экстенсивное хозяйство, как и добрая половина помещиков, у которых они обрабатывали землю и ухаживали за скотом. Но, по мере того, как старая система всё больше заходила в тупик, интенсификация становилась всё более необходимой. Её несло с собой капиталистическое развитие, а оно, несмотря ни на что, пробивало себе дорогу. На массовом разорении крестьян, на горе и слезах поднимался российский капитализм в селе. Кулаки и часть помещиков, используя почти дармовую рабочую силу, не пропивают и прогуливают дома и за границей, как многие помещики, свою прибыль, а, вкладывая её в землю, начинают поднимать урожай и продуктивность скота. Они покупают всё больше машин, всё лучше и грамотнее организуют обработку земли, разводят породистый скот. Это уже элементы интенсивного развития.

Но российские условия мешают им превратиться в систему. Так, на юге Украины массовое применение сельскохозяйственных машин привело к резкому падению стоимости рабочей силы, мало того — к возможности замены работы взрослых трудом женщин, подростков и даже детей. Возникновение целой армии резервных рабочих до того обесценило труд, что «многие хозяева, имея

свои машины, предпочитали ручную уборку машинной». (Там же, стр. 197). Иначе говоря, сделали поворот назад — к экстенсивному труду. И снова мы видим: как только появляется возможность, интенсификация заменяется экстенсивным развитием. Так было всегда. А ведь такой поворот неизбежно тянет назад и социальные отношения. Мы же потом удивляемся: откуда всё это пришло.

Впрочем, одного феномена мало. Нужны ещё. Постепенно они выстроятся перед читателем в ряд, как ведьмы перед Макбетом. Важно то, что сегодня они у нас в полном наличии. Не хватает лишь резервной армии труда, но она завтра появится. Если социальная структура, общественная организация и психология к этому времени не переживут коренного перелома, то мы ощутим настолько мощную тормозящую силу экстенсивных факторов, что нас потянет назад — в ночь, в кровь и слёзы... Но к этой проблеме мы ещё вернёмся.

Ленин прямо называет развитие сельского хозяйства на юге экстенсивным. А ведь степные районы Украины, Дона, Поволжья и Оренбургской губернии были районами, где быстрее всего развивалось земледелие и капиталистические отношения в сельском хозяйстве. Мы снова видим типичное для России явление, когда быстрота развития связана не с интенсивным, а с экстенсивным способом. Картина, нарисованная Лениным, давно знакома: это освоение громадных земель и такой же громадный приток переселенцев. Ленин называет этот регион колонией центральных районов. И сравнивает его с тем, что творилось в Башкирии (по книге Ремезова «Очерки из жизни дикой Башкирии») — живое описание того, как «колонизаторы сводили корабельные леса и превращали «очищенные» от «диких» башкир поля в «пшеничные фабрики». Это — такой кусочек колониальной политики, который поддерживает сравнение с какими угодно подвигами немцев в какой-нибудь Африке». (Там же, стр.218).

Сотни тысяч, а то и миллионы прибывали каждое лето в степные губернии. Кто считал, сколько из них тем же летом погибало от непосильного труда, истощения и болезней? Вот несколько иллюстраций: «...дети не моложе 8 и не старше 14 лет; они исполняют обязанности свинаярей, телятников, полольщиков и погоны-

чей у плугов. Служат они нередко из-за одних харчей и одежды». (Там же, стр.197). Среди бесправной массы людей защищённый самодержавием капитал искал самую дешёвую рабочую силу и находил её среди женщин и детей. Среди местных экономических рабочих Елисаветградского уезда Херсонской губернии дети составляют 10,6%. (Там же, стр.197). В 1891 г. таких рабочих, пришедших в эти две степные губернии, насчитывалось 2 миллиона. Кстати, лишь 10% из них прибыло по железной дороге. Так что слово «пришли» надо понимать буквально.

В Херсонскую губернию 70% приходили пешком, нередко босиком «бредут за сотни, тысячи вёрст вдоль полотна железных дорог и берегов рек». (Там же, стр.204). А что ждало их на месте? В большинстве случаев — казармы, нередко землянки. Рабочие сильно мучились и болели от тесноты, темноты, холода и сырости. Рабочий день продолжался от 12,5 до 15 часов. Масса людей страдала от профессиональных заболеваний или получала травмы. И всё это уже после массового внедрения жнеек, молотилок и других сельскохозяйственных машин. Да, машины в условиях самодержавной России принесли в сельское хозяйство понижение цены на рабочие руки и ухудшение условий их труда.

Развивая элементы интенсификации (замена ручного труда машинным, повышение производительности и качества труда), капитализм, ещё совсем юный в России, пытался выжать всё возможное из экстенсивных форм развития: удлинение рабочего дня, уменьшение относительно прибыли (а она на юге была постоянно велика) расходов на жильё, охрану труда, санитарные условия, словом, на всю социальную инфраструктуру. Всё это понятно. Капитализм охраняем всей медью самодержавия, а против них — совершенно неорганизованная масса сезонных рабочих. Необходимости в заботе об условиях труда и жизни рабочих не было никакой. Как говорится, себе дороже. Зато такие условия создавали исключительную возможность получения сверхприбыли, иногда просто фантастической.

Но вот тут-то и возникает интересный вопрос: зачем же рабочие сами добровольно обрекали себя на такие, казалось бы, невыносимо тяжёлые условия труда и быта? Неужели только ради де-

нег? Посудите сами. Чтобы добраться за тысячу вёрст или дальше в эти желанные края, отнюдь не на поезде, и вдобавок заплатить ещё и круглую сумму за паспорт, крестьянину приходилось продавать часть хозяйства или даже брать в долг под отработку. Так что разница между огромными для сезонника затратами и полученной зарплатой окажется не столь уж значительной. А если добавить сюда вполне реальный риск заболеть по дороге или уже на месте в горячую страду, получить травму и в итоге погибнуть или вернуться инвалидом. Да стоила ли овчинка выделки? Значит, одними деньгами это не объяснишь — ежегодное паломничество на юг до двух миллионов крестьян. Видно дело в чём-то другом. Но в чём? Думается, что второй, может быть, не менее важной причиной, было чувство свободы. Крестьянин на время полностью разрывал со всеми многовековыми путами: зависимостью от помещика с его отработками, от чиновника с его откупам и налогами, от попа и урядника с их надзором и поборами, от мира с его окостеневшими традициями. Разрывал и превращался, хоть на время, в совершенно свободного человека, который мог идти куда угодно, наниматься к кому угодно, а если не дадут намеченную сумму, пролежать целый день и отказывать всем.

Рабочий нанимался не на сезон и не закабалял себя наперёд, а договаривался подённо или понедельно. Чувство свободы среди таких же, как он, людей, наверное, было достаточно могучим, чтобы перевесить всю тяжесть и риск труда и все проблемы тысячекилометровой прогулки. Не правда ли, это в чём-то похоже на массовое паломничество в средние века к святым местам. И там с неудержимой силой влекла не одна вера, но и манящее чувство раскованности, освобождения от феодальных пут и традиций и возможность сыграть на сцене жизни иную роль. Год или годы человек мысленно проигрывал свою будущую роль, и это помогало ему в самые трудные минуты тусклой, однообразно тяжёлой и унижающей его жизни. А потом ещё надолго хватало рассказов и воспоминаний.

Свобода — великая движущая сила, её роль в жизни народа у нас практически не исследована. Но об этом речь ещё впереди.

А теперь рассмотрим, насколько проник процесс интенсификации в российскую промышленность. После 1861 года капита-

лизм — сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее — двинулся вперёд. Казалось бы, такими же темпами пойдет вперёд интенсификация производства. На самом деле, как мы видели, так нигде не произошло. Дело всё в той же необходимости. Если капиталист может обойтись без интенсификации, он со вздохом облегчения обойдётся. Ведь она требует не только дополнительно-го вложения капиталов, но и перестройки всего хозяйства — от оборудования и технологии до обучения и стимулирования. Пока рабочий бесправен и не имеет ни законов, ни организаций, его защищающих, пока капиталиста не будет пробирать мороз по коже от грозного слова «забастовка» — до тех пор он будет широко использовать все возможности экстенсивного развития: до предела длинный рабочий день и крошечный отпуск, ручную работу и детский труд. Короче, всё то, что дешевле и проще интенсификации. И что замедляет развитие производства, пока такие возможности сохраняются.

Само по себе развитие капитализма здесь немного изменит, наоборот, интенсификация будет сведена к минимуму, пока такое положение сохранится. Мало того, всё движение общества вперед замедлится. Даже внутренний рынок будет слишком узок из-за бедности народа, отсюда захваты колоний и искусственное об-разование внешнего рынка. Что всё равно проблемы не решает.

Из этого тупика может вывести только организованная борьба работников за свои права. Она заставляет капиталиста повышать расценки, сокращать рабочий день, удлинять отпуск, улучшать условия труда, и тогда оказывается, что гораздо выгоднее интенсифицировать производство. Рост зарплаты и свободного времени способствует появлению новых потребностей, расширяется рынок. Все эти качественные изменения содействуют развитию капитализма в условиях непрерывной интенсификации производства. И только тогда она становится действительно необходимой.

Каждая по-своему, но все развитые капиталистические страны прошли через эти стадии. В России ещё несколько десятилетий после реформы капитализм развивался в условиях первой стадии — не столько за счёт интенсификации, сколько за счёт экстенсивных факторов. А их было более чем достаточно. Самодержавный

строй и бесправие народа, необозримые просторы ещё не освоенных земель и нарастающий поток текущих из села в город разорённых крестьян, готовых работать за кусок хлеба, слабость рабочего класса и огромная колониальная империя. Но к концу века положение стало меняться.

В условиях жесточайшей эксплуатации, охраняемой всей мощью самодержавия, сама необходимость заставила вчерашних крестьян быстрее проходить процесс урбанизации, активнее включаться в политическую борьбу, смелее и организованнее защищать свои классовые интересы. Да, этот класс чего-то стоил. Недаром столько надежд с ним связывали лучшие умы России. Пусть лишь в 1897 г. рабочим удалось добиться издания закона об ограничении рабочего дня 11,5 часами. Но зато после какой упорной борьбы! Это была настоящая победа. Сколько их ждало рабочий класс впереди.

Забастовки становятся всё чаще, рабочий класс создает свои объединения, приобретает уверенность и закалку в классовой борьбе. И никакие бандитские акции самодержавия остановить этот процесс уже не могут. Приходится капиталистам идти на всё более серьезные политические и материальные уступки. А это стимулирует процесс интенсификации производства. Такова здесь обратная связь.

А вот как это выглядит в цифрах и фактах. Если в 1863 г. в России насчитывалось 11 тысяч заводов, то в 1879 г. их число упало до 8 тысяч. Странное, на первый взгляд, пореформенное развитие. Но в том-то и дело, что тут уже начинают действовать элементы интенсификации. Число рабочих за это же время выросло на 40%, а объём производства в рублях — на 120%. Предприятия укрупняются, а труд становится втрое производительнее. За следующих 12 лет количество заводов и фабрик почти удваивается, армия рабочих вырастает в полтора раза, а произведенная продукция — более чем вдвое. Экстенсивное развитие вширь идет параллельно с интенсивным развитием вглубь. За 40 лет продукция промышленности выросла в 7 раз, тогда как во Франции — в 2,5 раза, а в Англии — более чем вдвое. При этом почти весь прирост приходится на последние 20 лет. Темпы вполне достаточны для того, чтобы говорить о

процессе индустриализации. Но если к этому добавить чёрную металлургию, добычу угля и нефти, то скорость роста здесь просто поражает: таких темпов у нас не было (даже по официальным данным), в годы первой и второй пятилеток. Судите сами.

За 20 лет добыча каменного угля выросла более чем в 6 раз, добыча нефти — в 37 раз, выплавка чугуна — в 5 раз, выплавка стали — в 25 раз. (Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т 3, стр. 189). Приходится опять повторять: и всё это без массовой резни, голода и концлагерей. При таких темпах Россия в самом ближайшем будущем, где-то лет через 20–30, должна была стать в ряды самых развитых стран мира. Но этого не произошло. Экстенсивная система развития, управления и мышления была к таким темпам совершенно не приспособлена. Намертво связанный с нею рынок не выдержал.

И разразился грандиозный экономический кризис 1900 — 1903 г.г. За 4 года уровень производства упал на 6%. Особенно сильный нокаут пережила тяжёлая промышленность. Там уже работала половина рабочих. Даже в 1903 г. в металлургии половина мощностей стояла. Затем царизм влез в войну и дождался революции. И лишь с 1909 г. начался новый цикл экономического подъёма, он продолжался до мировой войны.

За пять лет — с 1908 по 1913 годы — общий объём промышленной продукции вырос в полтора раза, в том числе, тяжёлая промышленность поднялась на 76%. Темп стал ещё выше, чем в докризисные годы, но и застой ведь длился около десятилетия. Некоторые отрасли из него так и не вышли. В текстильной промышленности, одной из самых крупных отраслей, продолжалась депрессия, главная причина — слабая покупательная способность крестьян. Пятнадцать последних перед войной лет показали, что создание интенсивной системы народного хозяйства в условиях самодержавия невозможно. Опять, уже в новое время, эта дьявольская система тормозила всё социальное развитие страны, что сдерживало развитие экономическое, тем самым вызывало и углубляло кризисные застои.

С завидным умением самодержавие научилось все противоречия доводить до самой крайней точки. Правда, каждая гибнущая

система сама выкапывает себе яму. Так что явление это типично. Но в России наглость и глупость самодержавия, действительно, достигли высот, в истории неслыханных. Ну зачем, в самом деле, нужно было в XX веке расстреливать 100 тысяч жителей столицы, пришедших к царю с верой и надеждой? Правда, так же непонятно, зачем уже в наши дни устраивать второе кровавое воскресенье... Мало того, уже испытав на себе, к чему это привело, царизм спустя 6 лет повторил кровавую бойню на далёких Ленских приисках, что вызвало бурю демонстраций и забастовок по всей стране. Зачем нужно было уже после подавления революции 1905 года поставить смертный приговор на конвейер и сделать виселицу частью пейзажа?

Вообще, российское самодержавие воплотило в себе все самое худшее: упрямство, доведенное до самодурства, глупость — до идиотизма, безнравственность — до подлости, жестокость — до садизма... Всё это нам хорошо знакомо, хоть от крушения самодержавия прошло уже с лишком 70 лет. Потому, что все эти черты возродились в сталинизме. Многие же понять этого не хотят и противопоставляют кровавый цвет сталинизма голубому самодержавия. Не замечая, что голубыми там были только мундиры жандармов.

Иначе говоря, процесс идеализации русского централизованного государства, начатый ещё в 30-е годы, казалось, достиг апогея к началу 80-х. Но нет, именно сейчас пошли дальше. В кругах «истинно-русских» на пьедестал подняли уже и Николая Кровавого вкупе со Столыпиным-вешателем. Давно прошли те времена, когда юноше предлагалось делать жизнь «с товарища Дзержинского». Сейчас образцов для подражания в коронах и шитых золотом мундирах — хоть пруд пруди.

Жизнь рождает чувства, а чувства — мифы. Теперь, чтобы избавиться от мифа, надо изменить социальные чувства, а это уже очень непросто. Даже с помощью знаний. Что ж, мифы — на то они и мифы, чтобы в знаниях не нуждаться. А пока историческим знаниям, да ещё направленным против мифов, пробиться в печать весьма трудно. И мифы свободно кочуют по страницам газет, журналов и книг. Это естественно. Как ребёнок

без сказки, так экстенсивная система жить не может без мифов. Великий Ф. Бэкон ещё в XVII веке назвал идолом, или призраком рода, искажённое отражение вещей, связанное с тем, что человек примешивает к их природе свою собственную. Человек видит мир не таким, каким он есть, а каким он хотел бы его видеть. Объективная природа вещи закрывается субъективным призраком. Рассмотрим некоторые из них.

Народовольцы стремились одним ударом покончить с царизмом. Средством они избрали террор. Если бы они не убили в 1881 г. Александра II, он издал бы Конституцию, её оставалось только подписать, но он не успел. И тогда страна пошла бы по совсем другому пути. Мало того, народовольцы создали дурную традицию и, следуя ей, Сталин пошёл по пути террора. Итак, сталинизм ведёт свое начало не от самодержавия, а от «Народной воли». В такой концепции сразу достигается несколько целей. Во-первых, в очередной раз «ставится на место» интеллигенция, ведь это она создала народничество. Во-вторых, революционеры низводятся до уровня простых убийц, а Сталин поднимается до высоты тех, кто действовал по принципу: свержение самодержавия оправдывает любые средства, значит, у него тоже была великая цель. В-третьих, самодержавие обеляется, ибо ведь не оно — родоначальник сталинизма. Как видим, один миф рождает целую серию себе подобных. Впрочем, нам это не вновь, последние 60 лет у нас мифотворчеством занимаются все, кому не лень. Конечно, по инициативе сверху. Раньше на каждой такой раскрашенной химе как бы просвечивала невидимая надпись: «Не трогать! Опасно для жизни!» Сейчас надпись исчезла, но химеры остались. На примере одной из них увидим, чего стоят все остальные.

4 августа 1878 года Сергей Кравчинский среди белого дня заколол кинжалом известного всей России кровавого палача шефа жандармов Мезенцева. А через год начался организованный террор. Но к этому времени народническое движение насчитывало полтора десятилетия и уже 8 лет занималось самой деятельной просветительской работой и революционной пропагандой. Это они первые развернули открытую борьбу за свободу слова, печати, митингов и демонстраций, первыми пытались организовать и

поднять крестьян на революцию за раздел земли, за свержение самодержавия, за свободу всем угнетённым народам. Даже когда из «Земли и воли» в 1879 г. выросла «Народная воля», она приняла прежние цели борьбы и лишь как одно из средств на пути к цели выдвинула террор. Правда, вскоре террор стал главным средством. Чтобы понять, почему, надо хоть немного углубиться в бурную историю 70-х годов.

Террор развернуло самодержавие ещё в 1861 году, сразу после начала крестьянских волнений. Как известно, у крестьян отрезали часть земли, накладывали чудовищный выкуп да еще заставляли их как «временнообязанных» — т.е. уже не как рабов, но крепостных, — работать на своих помещиков. Против такой реформы осмелилась выступить пусть небольшая, но часть интеллигенции. Тогда жестокий террор с 1862 г. обрушился и на неё. Чем дольше царствовал Александр II, тем больше ему мерещились со всех сторон революционеры. Кровавое подавление восстания в Польше, виселицы и каторга для тысяч людей, дикий разгул русского шовинизма — всё это подняло лучших людей страны на борьбу. Отсюда выстрел Каракозова в царя в 1866 году и новое усиление террора. В 70-е годы самые светлые, самые беззаветные молодые интеллигенты пошли в народ. Студенты, получившие блестящее образование, надевали рабочие блузы и шли работать на заводы, а после массовых арестов 1874–75 гг. — в село. Там они организовывали школы, обучали крестьян грамоте и одновременно открывали им, в каком социально-экономическом строе они живут и как с ним бороться.

В ответ самодержавие развязало такой террор, какого не было даже при Николае I. Уже не десятками, даже не сотнями, а тысячами по всей стране арестовывали интеллигентов и рабочих. Многие из них никакого отношения к народникам не имели. Арестовывали за простое сходство лица, фамилии, по грязному доносу. В любом случае, суд был коротким. Многим предстояло погибнуть в ужасных условиях сибирских каторжных рудников или в глухих казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. А невинных «только» ссылали. Рассказывают анекдотический случай. Когда одесский суд убедился, что перед ним не тот, кого судят, а

совсем другой, его однофамилец, он принял решение, достойное самодержавного идиотизма: «в связи с этим ограничиться ссылкой». Впрочем, попадались и более смелые судьи, которые оправдывали, что всегда вызывало озлобление царя. Полный постоянного страха, он жаждал крови.

В 1877–78 гг. в Петербурге прошли два грандиозных судилища: «Процесс 50-ти» и «Процесс 193-х». Вот, к примеру, последний. Число арестованных превышало 4 тысячи. Многие из них отбыли несколько лет предварительного тюремного заключения. К началу процесса 97 человек умерли или сошли с ума. Хотя подсудимые были членами 30 разных пропагандистских групп, их всех обвинили в «преступном сообществе». От царя ожидали милости, но он лишь ужесточил приговор. Так, почти все оправданные были сосланы.

А террор всё нарастал. И не было силы, которая бы остановила его. Вот это и стало главной причиной образования «Народной воли» и перехода к индивидуальному террору. Покушения совершались на самых кровавых палачей. Безответный террор самодержавия, считали народовольцы, превращает народ в тупое, покорное стадо, где главными чувством становится страх. Надо научить людей сопротивляться. А для этого нужен пример. Вот истинная причина перехода к террору. И если народовольцам не удалось поднять народ на революцию, да на это и надежд было мало, то цели, указанной выше, они достигли. По крайней мере, три года внимание всей России было приковано к ним.

Самодержавие впервые оказалось бессильным, и это, конечно, авторитета ему не прибавило. Царь ввёл осадное положение в мирное время, передал диктаторские полномочия Лорис-Меликову, и тот действительно подготовил проект государственной реформы, который царь не успел подписать. Но что это была за реформа? Создание совещательного органа из выборных представителей, решения которого должны были утверждаться Государственным Советом (его членов назначал царь), а затем самим императором. Так что самодержавие сохраняло всю полноту власти за собой. Это была не реформа, а жалкая пародия на неё. И даже такой «орган» царь мог разогнать в любой момент, когда нажим на самодержавие

ослабнет. Как он и поступал позже с Думой. И даже в последние для себя дни Февраля Романовы не желали расставаться даже с частицей своей безграничной власти. Может, потому что она тогда обрела бы какие-то границы. Они предпочли расстреливать демонстрантов... И когда эту семью, дававшую России одних лютых тиранов, саму поставили к стенке, многие ли тогда пожалели её?

И ещё один миф. О мудром Столыпине, чья реформа со временем мирно превратила бы страну в буржуазную монархию. Если бы не революция... Личность первого министра идеализируют так, что мифический образ с ним самим не имеет ничего общего. Крупный помещик, владевший 7,5 тыс. десятин земли, как губернатор Саратовской губернии получивший личную благодарность Николая II за кровавое подавление крестьянского движения, он вскоре после этого был назначен министром внутренних дел и почти одновременно — председателем Совета министров. В том же 1906 году и появился указ о реформе. Но в те годы Столыпин не меньше прославился дикой жестокостью при подавлении революции и массовыми казнями после неё. Известно, что виселицы с того времени стали называть «столыпинскими галстуками».

Цель реформы состояла в спасении слабеющего самодержавия путём опоры уже не только на помещиков, но и на кулаков. Их объединёнными усилиями крестьянское движение будет раздавлено. А чтобы выпустить остатки пара из готового взорваться котла, было организовано массовое переселение крестьян в Сибирь. Реформа в смысле поставленной цели провалилась. Ибо она привела к такому обострению классовых противоречий в деревне, которое неизбежно вело к революции. За 9 лет реформы 74% домохозяев не желали выходить из общины. Так что реформа затронула лишь четверть крестьянских хозяйств. Часть вышедших поспешила купить через Крестьянский банк помещичью землю, но, не имея чем её как следует обработать, ссуду вернуть не смогла и разорилась.

Часть выехала в Сибирь, продав свою землю, но, попав по дороге в лапы чиновничьей мафии, потеряла все свои сбережения и с величайшим трудом устроилась на новом месте. Очень многие погибли от истощения и болезней. 18% совершенно обездоленных

переселенцев сумели вернуться, но именно эти люди, прошедшие огонь, воду и медные трубы и потерявшие всё, стали опаснейшими врагами самодержавия на селе. В свою очередь, кулаки, получив солидную ссуду и купив землю помещиков или разорившихся крестьян и опираясь на крепкое хозяйство, прибыль могли получить и высокую — за счёт экстенсивных факторов. Ибо кулаку эти факторы приносили прибыли едва ли не больше, чем интенсивные. Плюс ещё прямой обман, закабаление крестьян-должников и прочие традиции прошлого. Ведь крестьянин как был, так и остался экономически и политически совершенно бесправным. А кулак в селе — ещё и ростовщик. И поэтому усилия он тратит не столько на интенсификацию хозяйства, сколько на грабёж своих же односельчан. Неплохо было бы ему под крылышком царизма, да вот крестьяне ненавидят его не меньше, чем помещика. И начинают поджоги... Кулак обозлён на самодержавную администрацию, которая, хоть и стоит ему недёшево, но порядок в селе навести не в силах. В целом, реформа лишь ослабила позиции самодержавия в селе. Развитие капитализма там ускорилося, но мы уже видели, как тормозили его российские условия.

И так в России везде. Даже там, где на виду одно интенсивное развитие, копнёшь поглубже — обязательно обнаружишь экстенсивные факторы. Правда, если бы не самодержавный строй... Но ведь тут обратная связь. Так и напрашивается аналогия: не потому бесправен крестьянин, что по нему прошла коллективизация, а наоборот, коллективизация стала возможна лишь потому, что крестьянин был совершенно бесправен. И это тема для отдельного разговора.

Если промышленности страшно мешали самодержавие и старые рабовладельческие традиции и всё новое тут буквально должно было прорубаться сквозь джунгли, то сельское хозяйство было попросту больным и таким оставалось до самой революции. В самом деле, в 70-е годы, когда развитие городов начинает набирать темп, в селе развивается тяжелейший аграрный кризис, и противоречие здесь явно не диалектического происхождения. Начав, вроде, выздоравливать в 80-е годы, село в 1891 г. пережило неурожай и, при полном отсутствии запасов у кре-

стьян и тупом равнодушии самодержавия, сильнейший голод. Через 20 лет, уже в разгар столыпинской реформы, голод повторился, и теперь от этого смертоносного бедствия пострадало более 30 млн. крестьян. Причин болезней было две: феодальное землевладение и намертво связанное с ним самодержавие. Действительно, если бы исчез класс помещиков, то кому нужно самодержавие, тем более, когда оно уже не в силах расширять империю. Необходимость в нём исчезает. Правда, как мы уже видели, капиталисты в городе и деревне могут под его щитом широко использовать старые экстенсивные методы и получать при этом даже сверхприбыль. Но ведь добрый кусок от нее сразу отхватывает чиновник-взяточник, второй кусок — в виде налога — самодержавие, третий — иностранный капитал.

Вот некоторые примеры. В 70-е годы «...шёл в широчайших размерах самый бессовестный грабёж казны и расхищались государственные и башкирские земли, а также имения, конфискованные после восстания 1863 года в Литве». В 80-е годы капитализм стал достаточно заметен, чтобы превратиться в объект для грабежа со стороны самодержавия, начиная с братьев царя и кончая последним чиновником. «Повсеместно в министерствах, а в особенности при постройке железных дорог и при всякого рода подрядах, грабёж шел на большую ногу. Таким образом составлялись колоссальные состояния. Постройка гарантированных правительственных железных дорог обходилась баснословно дорого. Всем было известно, что невозможно добиться утверждения акционерного предприятия, если различным чиновникам в различных министерствах не будет обещан известный процент с дивиденда. Один мой знакомый захотел основать в Петербурге одно коммерческое предприятие и обратился за разрешением, куда следовало. Ему прямо сказали в Министерстве внутренних дел, что 25% чистой прибыли нужно дать одному чиновнику этого министерства, 15% — одному служащему в Министерстве финансов, 10% — другому чиновнику того же министерства и 5% — ещё одному. Такого рода сделки совершались совершенно открыто, и Александр II отлично знал про них... Но царь видел в этих ворах защитников от революции и держал их...» (П.А.Кропоткин. Записки революционера. М., 1988,

стр.240–241). Это свидетельство князя Кропоткина, с детства хорошо знавшего двор, камер-пажа Александра II.

Так было наверху. А в самом низу? Вот что писал в своих воспоминаниях А.С.Шаповалов, в 80–90 годы петербургский рабочий, позже революционер: «Все начальники, мастера, чиновники, за редким исключением, немилосердно обворовывали казну и брали взятки. Это проклятое наследие царского рабства привилось рабочим. Тащили и крали с завода всё, что могли, даже инструмент тащили друг у друга. Правилом жизни было: «не зевай, держи ухо востро!» «...Украсть, облапошить, обмануть — считалось делом хорошим. На честного, правдивого, кто не лгал и не крал, смотрели как на глупца и чудака». (Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 3, стр. 469). А на что тратили?

Помещики: «и действительно, большинство из них прокутили или проиграли выкупные деньги, как только получили их». (П.А.Кропоткин. Там же, стр. 169). Прокутили громадную сумму, которую крестьяне выплачивали правительству полвека! Великие князья — братья царя затевали грандиозные кутежи: «Оргии, которые устраивал один из них, Владимир, в ресторане на Невском, были до того отвратительны и до того известны, что раз ночью обер-полицмейстер (*всесильный тогда в России Трепов — К.К.*) должен был вмешаться. Хозяину пригрозил Сибирью, если он ещё раз сдаст великому князю «его специальный кабинет». ...Другой великий князь, Сергей Александрович, прославился пороками, относящимися к области психопатологии. Третьего сослали в Ташкент за кражу бриллиантов у матери, великой княгини Александры Иосифовны». (Кропоткин. Там же, стр. 241–242).

Рабочие: «Выпивки устраивались при каждом удобном и неудобном случае. Рождение ребёнка, похороны, свадьба — все эти события ознаменовалось выпивкой. Когда новый рабочий поступал на завод, он принуждён был ставить товарищам «привальное». Когда он брал расчёт, с него требовали «отвальное». Особенно сильно напивались в день молебна иконам, которые висели в каждой мастерской...». (Хрестоматия. Т. 3, стр. 467–468). И как было не пить на работе, когда дома рабочие только ночевали: «Рабочий день с «вечерами» (сверхурочные часы) длился с семи утра до по-

ловины одиннадцатого вечера. Работали также все воскресенья и такие большие праздники, как Рождество, Пасха и т. д.». (Там же, стр. 468).

Вот оно — экстенсивное развитие российского капитализма за счёт жесточайшей эксплуатации ещё неорганизованного рабочего класса. И единственный утешитель для рабочего — водка. Итак, воровала и пьянствовала вся Центральная Россия. Воистину, господствующая мораль — мораль господствующего класса. Но зато каждая выпитая чарка давала государству такую прибыль, точно на дне рюмки оседали крупницы золота. По-прежнему самодержавие существовало за счёт спаивания народа. В 1875 г. — при бюджете в 577 млн. руб. — 198 млн. давал «питейный доход», в 1902 г. при бюджете 970 млн. руб. водочная прибыль составляла уже 269 млн. руб. И этот преступный доход стоит в бюджете самодержавия на первом месте. А на втором? Таможенный доход. Тоже «из ничего» — 130 млн. Кто-то где-то работает, товар ввозят, государство накладывает пошлины, а деньги кладёт в карман. Солидный куш — 77 млн. в 1892 г. — давали выкупные платежи. В итоге, не помещики, не капиталисты, не чиновники, а крестьяне выплачивали почти все налоги — половину прямых и 3/4 косвенных налогов. Воистину, кровью своей кормили крестьяне самодержавие. Зато государство, наверное, расходовало добытые таким путём деньги на подъём промышленности и сельского хозяйства, на развитие городов, науки, и культуры, на преодоление беспросветной темноты и невежества, когда даже староста в селе зачастую не мог расписаться...

Как бы не так! Главная статья расходов, как и во времена Петра, — военная: на армию и флот в 1892 г. пошло 284 млн. из 910 млн. обыкновенных, да ещё 26 млн. на чрезвычайные расходы, хотя до и после было вполне мирное время. Если к этому добавить 82 млн. на Министерство внутренних дел и 24 млн. на министерство юстиции, то выходит, что на орудие подавления народа царизм тратил более 40% бюджета. Не менее поразительны на фоне нищей страны 120 млн., израсходованных на орудие ограбления — Министерство финансов. Это 13% бюджета! Не считая того, что они брали «борзыми щенками». А если сюда добавить

вполне материальные расходы на содержание Духовного ведомства, да не забыть ещё и целое Министерство императорского двора (как будто царь, владея миллионами гектарами земли, не мог сам себя содержать) и прочие, то картина станет до того знакомой, что начинаются всякие воспоминания о будущем...

Но мы ещё к ним вернёмся. А пока для полноты картины рассмотрим, что же тратило самодержавие на перечисленные выше острейшие потребности страны. А ничего. Даже пунктов таких нет. За исключением Министерства народного просвещения. Оно получило всего 21 млн. руб. — в 6 раз меньше, чем Министерство финансов. И это в самый разгар промышленного переворота, когда знания должны были действительно цениться на вес золота. Но и эта ничтожная сумма из года в год полностью министерством не использовалась, и часть возвращалась в казну. Мало того, самодержавие именно в это время сделало всё, чтобы свести образование почти к нулю. Начальные, так называемые приходские, школы были переданы православной церкви, т.е., той организации, которая была кровно заинтересована в сохранении темноты и невежества. Попы ограничивались тем, что читали в школе закон божий, а остальные уроки поручали кому угодно или их вообще не проводили. Недаром Кропоткин пишет, что приходские школы «тогда, так же как и позже, существовали только на бумаге». (Там же, стр. 242). Но страх заставил самодержавие сделать и следующий шаг. «Вся Россия жаждала реальных школ, но министерство открывало только классические гимназии, так как полагалось, что громадные курсы древних языков не дадут ученикам времени думать и читать. В этих гимназиях лишь две сотых учеников, поступавших в первый класс, успешно добиралась до аттестата зрелости. Все мальчики, подававшие надежды или проявлявшие какую-нибудь независимость характера, тщательно замечались, и их удаляли раньше 8 класса. При этом приняты были также меры, чтобы уменьшить число учеников. Образование было признано роскошью, пригодной лишь для немногих. В то же время, Министерство народного просвещения занялось усиленной и ожесточённой борьбой и с частными лицами, земствами и городскими управами, пытавшимися открывать учительские семинарии,

технические, а то даже и начальные школы». (Кропоткин. Там же, стр. 242–243). Да, было отменено крепостное право, в стране шла индустриализация, а самодержавие всё так же занято одной привычной идеей: как бы закрыть все щели, чтобы в школу не проникла ни одна свежая мысль.

От Герцена до Кропоткина ничего не изменилось. Сорока годами раньше Герцен писал о министре просвещения А.С.Норове: «...оригинально понимал отец Авраамий Министерство просвещения, он, верно, думал, что оно, как пожарное депо, назначено не для увеличения просвещения, а для предупреждения и прекращения его, где оно чего (боже сохрани) нечаянно случится». («Голоса из России», выпуск 4, стр. 58). Вроде как у нас в последние 60 лет.

Как говорят, простить нельзя, но понять можно. Подлинное просвещение народа буквально открыло бы ему глаза, и с таким народом иметь дело стало бы очень опасным. С другой стороны, взгляните ещё раз на бюджет. Все главные статьи доходов не имеют никакого отношения к развитию промышленности, науки, культуры и просвещения. А для первой статьи — водочного дохода — они даже помеха.

Спрашивается, зачем же самодержавию заботиться о развитии страны? Тем более, если это ведёт к неизбежной гибели. Вот и тормозит самодержавие, где только может и как сумеет. Кажется, достаточно сказанного, чтобы понять всю иллюзорность надежд на мирное перерастание злобного волка в кроткую овцу. Все абсолютные монархии до конца дрались за власть и пытались удержать её даже с помощью иностранной военной интервенции, как это было в Англии, Франции, Китае, как это собиралось, но не успело сделать российское самодержавие. И все абсолютные монархии были сметены революцией, даже китайская. Почему же российская монархия, одна из самых диких и самых кровавых за всю историю человечества, должна была стать исключением? Её ждал тот же финал.

И если раньше самодержавие было необходимо для экстенсивного развития страны, то теперь, когда на смену шло развитие интенсивное, самодержавие буквально стояло у него поперёк дороги. В таких условиях не то что развиваться — жить ста-

ло невыносимо. Самодержавие надо было смести с пути — такова историческая необходимость. И никакие реформы спасти его уже не могли. Мало того. Реформы — от Петра I до Александра II — укрепляли самодержавие или спасали его. В XX веке даже реформа Столыпина лишь обострила все противоречия и тем самым приблизила революцию.

Единственным, что ещё как-то должно было показать необходимость самодержавия и тем самым, но лишь на время, оттянуть его крах, была бы успешная война и новые возможности для экстенсивного развития. Вот почему царизм ринулся ещё и в Китай и захватил Маньчжурию, что не могло не вызвать войны с Японией. Пережив невиданный со времён Аустерлица и Фридланда ужасающий разгром своих армий и полное уничтожение Тихоокеанского и Балтийского флотов, самодержавие не имело другого выхода, как поставить на кон последнюю карту, и начало готовиться к войне с Австро-Венгрией и Германией. Но даже такие мощные союзники, как Англия и Франция, не спасли российскую армию от нового разгрома. Война лишь ускорила неизбежный финал. Намертво связанное с экстенсивным развитием — да что там развитием, с самим способом жизни, — самодержавие повисло над пропастью, когда этот способ стал изживать себя, а плата за существование такой надстройки оказалась слишком велика для всех, кто оставался на корабле. Ведь класс помещиков история должна была выбросить туда же — за борт. Так наступил Февраль.

1989 г.

ПОХОДНОЕ БЫТИЕ ФОРМИРУЕТ ПАЛАТОЧНОЕ СОЗНАНИЕ

Не только способ производства, но и уровень и способ присвоения определяют образ жизни народа. Если постоянную и значительную роль в присвоении играет внешняя экспансия или если уровень присвоения прибавочной стоимости достаточно высокий, то возникает или консервируется тенденция к экстенсивному производству.

Общество, которое имеет возможность для непрерывной экспансии, трансформируется в систему, где всё подчинено главной цели: захватить, удержать, переварить.

Такой способ присвоения изменяет все стороны жизни. Возникает превалирование политики над экономикой, ибо политика начинает кормить экономику. Управление сверху донизу принимает вид диктатуры.

Неписанные законы властвуют над писанными. Форма становится важнее содержания, а количественная сторона повсюду начинает заменять качественную. Общественное походное бытие формирует палаточное сознание.

В сущности, всё развитие — это путь от экстенсивного к интенсивному производству. Следует отличать развитие от экстенсивного движения по замкнутому кругу. Путь развития любого общества всегда или экстенсивный с использованием элементов интенсивного развития, или интенсивный с использованием элементов экстенсивного развития. Длительного развития в чистом виде не бывает. Мы можем говорить лишь о доминировании количественной или качественной стороны развития — движение вширь или движение вглубь. Но именно эта разница и определяет собою всё. Потому что в одном случае, чтобы удвоить количество продукции, мы удваиваем количество затраченного труда.

Во втором — тем же количеством труда мы добиваемся поставленной цели. Экстенсивное развитие идёт за счёт растраты, интенсивное — за счёт экономии живого и овеществлённого труда.

Обычно государство, если это только возможно, выбирает первый путь — он гораздо легче в освоении, проще в управлении, да и выгоднее стоящим у власти. Можно ступить и на второй путь, но не раньше, чем необходимость заставит, а возможность разрешит. В истории не раз были случаи, когда отсутствие первого или второго останавливало развитие. Ненцы, чукчи, эскимосы и другие народы Севера ощущали острейшую необходимость в том, чтобы подняться ступенькой выше в борьбе с суровой природой. Но все их героические усилия лишь позволяли им выжить. Народы экваториального пояса хорошо приспособились к условиям, и у них просто не было необходимости в развитии. Стоит лишь внимательно присмотреться — и мы увидим аналогичные ситуации.

Я понимаю необходимость как высшую ступень потребности, как мощный стимул к действию. Следует отличать необходимость как от самого действия, так и от его результата. Действие всегда необходимо. Но необходимость — это побуждение к действию, а не оно само. Результатом может быть и поднятая с полу бумажка, и крушение империи. Поэтому историческая необходимость — движущая сила исторического развития. Впрочем, точно так же и деградация.

Необходимость может быть внутренней, внешней, субъективной и объективной. Человек способен совершить действие как по внешнему приказу, так и по внутреннему побуждению. Есть необходимость, зависящая от воли и желания одного человека, а есть — независимая от целого общества. Субъективная необходимость может быть личная, групповая, классовая. Любая необходимость временна или постоянна. Но она всегда находится в обратной связи с результатом, усиливая, ослабляя или уничтожая его. Буквально всё, что окружает человека, и он сам, может создать ситуацию, в которой рождается необходимость. Даже воспоминание о прошлом и мечта о будущем.

Думается, что для понимания исторического процесса следует ввести такое понятие, как инерция движения и инерция тормо-

жения. Чем глубже и быстрее проходит в обществе процесс обновления, тем упорнее сопротивление. И не только классовое и групповое. Многие просто не в силах так быстро расстаться со старым.

В период революции инерция достигает огромной силы и резко обостряет борьбу. Особенно опасен первый период после революции. Инерция торможения тогда поднимается до кульминационной черты, общество с огромной силой тянет назад.

К классам пострадавшим добавляются как те, кто уже желаемого достиг, так и те, кто в революции решительно разочаровался. Но общество в период революции так привыкло к инерции движения, что остановиться уже не может. Оно или продолжает движение, или катится назад. Самое трагичное здесь в том, что многим сползание кажется движением вперёд. Так, английская революция закончилась Кромвелем, французская — Наполеоном, наша — Сталиным. Но вот американская революция удержала завоёванное, и десять поправок к конституции закрепили её победу. Не потому ли США так быстро и успешно развивались в XIX-XX веках?

Наконец, следует отметить, что, не замечая классового, группового и личного интереса, в истории вообще можно мало что понять. За лозунгами и программами любой организации, за декларациями государства и даже за обрядами церкви всегда стоит человеческий интерес. Именно он разрушает или создаёт непреходимые преграды на пути необходимости. Чем сильнее ограждена власть от давления на неё интересов народа, тем шире её деятельность направлена на удовлетворение только тех классовых, групповых и партийных интересов, которые совпадают с её собственными. Это тоже закон, и действует он с неумолимой силой. Власть превращается в самодовлеющую силу, нередко доводя систему управления до настоящего абсурда.

И последнее. Жить — значит играть на сцене жизни разные роли. Глядя на хорошо сыгранную роль, не стоит думать, что и все остальные человек сыграет столь же успешно. Поэтому судить о человеке надо не столько вообще, сколько в частности. В жизни обычно бывает как раз наоборот. Отсюда и оценка политического деятеля нередко достаточно субъективна. Русских историков восхищает, что Пётр I во время пребывания в Англии собственны-

ми руками построил корабль. Возможно, ему и не было равных в России по мастерству корабельного плотника. Но разве для того он приехал в передовую европейскую страну? Не лучше ли было всё время потратить на её изучение?

Иван Грозный играл в шахматы, а Николай II был хорошим семьянином. Но какое отношение это имеет к управлению страной?

Теперь попробуем с помощью изготовленных нами ключей открыть двери в прошлое России. Её современная история начинается с 1552 года — безусловно, самого трагического за все 400 лет. Захват Казанского и Астраханского ханств положил начало создания гигантской империи. Это был тот ящик Пандоры, откуда четыре века выскакивали одна за другой все российские беды. От Карамзина и Соловьёва до советских историков нам твердят, что империя — историческая необходимость, народная потребность и даже миссия России. Посмотрим. 450 лет назад Россия простиралась от берегов Балтики почти до Оби и от Ледовитого океана до Воронежа. На несколько миллионов населения достаточно территории вдесятеро меньшей. Даже для освоения и экстенсивного развития хватило бы ещё на века. Так что никакой объективной необходимости в расширении территории не было.

Другое дело, что имелась возможность, а с нею появилась и субъективная необходимость. Царю желанны были громкие военные победы и захваты, его окружению и армии — добыча, господствующему классу — новые земли, а государству в целом — свежий объект для налогов и поборов. И эта субъективная необходимость стала уже не временной, а постоянной. Правящая верхушка ощутила вкус, и теперь её всё время тянуло на сладкое.

Не теряя времени, Иван бросился на Ливонию. И вот тут-то народы почувствовали, что империя рождается из кровавой пены. Щедрая раздача захваченных земель дворянам вызвала вооружённое сопротивление эстонцев и латышей. Под угрозой агрессии Польша и Литва объединились в Речь Посполитую, что на века ухудшило стратегическое положение России. В войну вступила Швеция и захватила земли, выходившие к Балтийскому морю. Сама война длилась 25 лет и закончилась не только пора-

жением, но и страшным разорением всей российской экономики. Описывать весь ужас, который обрушился на страну, сейчас не будем — в петровские времена картина повторится. Даже монархист Карамзин сравнил результаты правления Ивана с монгольским нашествием.

Самое время было понять, что не всё коту масленица, и поставить на безудержной и ненужной агрессии точку. Но не тут-то было. Теперь уже правила бал сама экстенсивная система, и в дальнейшем под её мелодию танцевали все российские цари. Что ж, выгода была обоюдной. Экстенсивная система долго удовлетворяла все потребности общества, и необходимости перехода на другой путь развития просто не существовало.

Возник экстенсивный образ жизни, который постепенно завладел всем — от экономики до мышления и традиций. Но в истории всё взаимосвязано. Экстенсивная экономическая система порождает экстенсивную систему управления. На пути к империи она неизбежно становится тоталитарной, независимо от того, какие лозунги провозглашает — феодальные или коммунистические. Чтобы процесс добычи, удержания и выкачивания был поставлен на поток, мало было даже сильнейшей в мире армии.

Необходимы были и крайняя централизация власти через неограниченного монарха, и мощный бюрократический аппарат, и всепроникающий сыск. Нужна была как широкая политическая опора — и было создано дворянство, так и узкая, рядом с собой — и возник царский клан. Кажется странным, что всё это рождается уже при Иване Грозном. Но необходимость, если может, то сразу же и воплощается в действительность. Таким образом, правление этого царя не уникальное, каким его стараются представить и сторонники, и противники, а типичное для России. И совсем не случайно первый же самодержец начал закрепощение крестьян, отменив Юрьев день, и, наткнувшись на сопротивление, развязал настоящую войну против собственного народа.

Мало того, за 400 лет экстенсивная система управления не создала ничего нового, ведь даже партия — это, в сущности, партбилетное дворянство. А краеугольным камнем власти всегда оставалось абсолютное бесправие всех перед лицом одного. Это тоже

имело свою экономическую основу. В Восточных деспотиях и в России частной собственности на землю не было. В принципе, царь обладал всем и поэтому мог всё дарить и всё отобрать.

Конечно, всё это родилось не на пустом месте. 200 лет собиране земель с помощью силы, обмана и подкупа создали инерцию движения вширь. Походный способ жизни начал формироваться уже тогда. Возникла субъективная необходимость, осталось только найти объективную возможность. И её оказалось более чем достаточно.

Но если это так, то уже при Иване IV должны были проявить себя и другие исторические закономерности. Наблюдение показывает вот такую диалектику. Совсем без интенсивных элементов экстенсивная система развиваться не может. Но и соревноваться с ними на равных она не в состоянии. Найдя возможность, интенсивные элементы начинают вытеснять экстенсивные, внутри системы разрастаются островки уже иного образа жизни. Именно так возникли на Западе свободные города, основанные на наёмном труде. Феодальная раздробленность не позволила экстенсивной системе их уничтожить, и именно так родился буржуазный строй, светское правовое общество, европейская наука и культура. А когда началась эпоха буржуазных революций, их успех был обусловлен тем, что для строительства нового общества были в наличии все готовые кирпичи.

Другое дело в России. Здесь была не только необходимость, но и возможность уничтожения таких немногочисленных и беззащитных островков. Экстенсивная система спешит ликвидировать конкурентов ещё до того, как они станут для неё опасными. И как только Иван Грозный добился безграничной власти, он совершил поход на Тверь и Новгород, перебил жителей и разрушил оба центра ремесла и торговли. Это явление также типично, и оно в разных формах проявляет себя, вплоть до уничтожения Сталиным свободного крестьянства.

И ещё одна типичная для самодержавия черта. Назовём безграничное самодержавие монакратией. Это сущность, которая может принимать разные самодержавные формы. Правление царя, вождя, генерала и даже главы церкви. Но диктатор всегда должен

иметь под рукой инструмент власти в виде узкого круга безоговорочных исполнителей его воли. Подбираются такие, которые бы карьерой, имущественно и самой жизнью обязаны были только ему, пути назад не имели и поэтому наивысшей человеческой ценностью считали собачью преданность хозяину. Так возникает мафиозный клан со своими неписанными законами. Для его члена государственных законов и человеческой нравственности как бы не существует. Здесь царит полный произвол. Но внутри клана нарушение дисциплины ведёт, в лучшем случае, к изгнанию из него. Зато член клана заинтересован в самых грязных делах своего пахана, ибо получает от этого свою долю.

Хозяин щедр, но беспощаден. И внутри клана всегда идёт борьба за влияние. Но по образцу и подобию верхушки строится обычно и вся остальная структура управления. Людей подбирают не столько за личные качества, сколько за преданность начальнику. Мафиозные нити постепенно опутывают всю систему. Российская историография их упорно не замечает и фиксирует лишь отдельные явления. Но мафиозность — самая характерная черта российского самодержавия, и без её понимания трудно увидеть, кто, почему и как правил страной. Дело в том, что клан — тоже самодовлеющая сила, и каждый член отнюдь не собирается только сметать крошки с барского стола.

Но ниже клана стоят чиновники, а ещё ниже — дворянство. Всё это трёхступенчатая царская опора. Та же картина и через 400 лет: партия, номенклатура, клан с вождём.

К этому вопросу мы ещё вернёмся, он достаточно интересен, а сейчас самое время решить проблему глобальную: что же такое Россия? Действительно ли она уникальна и никаким аналогиям не поддаётся? Всё чаще на страницах нашей печати научные и популярные статьи нам сообщают: русский народ настолько отсталый и ленивый, что без сильной и неумолимой власти он не то, чтобы развиваться, — и выжить не сумеет. Да и другие народы России не лучше, а ещё беспомощнее — они бы без России вообще погибли. Вывод один: каков народ, такова и узда на нём. Выйдя из опеки, этот народ способен лишь на «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Вот и приходилось великим царям, благородному

дворянству да православной церкви буквально на себе вытаскивать Россию на уникальную дорогу развития. Что, правда, не мешает штатным патриотам утверждать, что русский народ, его церковь и государство избраны богом. Ладно, не будем спорить. Хотя такая история лыка не вяжет.

В середине XVI века Россия была действительно страной очень отсталой. И всё-таки... Племенной этап был уже пройден в период Киевской Руси. Плодотворное культурное влияние Украины ощущалось постоянно. Не могла не проникать и городская культура Запада. Зато в России никогда не было массового религиозного фанатизма — преимущество перед Западом огромное. Сейчас, правда, и правые, и левые считают это недостатком. Ещё не было и крепостного права. Что всё это значит? А то, что в середине XVI века у России был выбор. Её цари избрали более лёгкий путь, мы уже говорили, что для человека и общества такой выбор был естественен. Но для народа этот путь оказался чёрным от крови и горьким от слёз.

Далее. О разительном сходстве петровских и сталинских реформ я уже писал² и повторяться не буду. Но почему все три ступени управления упорно стягивали страну с дороги прогресса на путь по кругу? Не потому ли, что экстенсивное развитие было им попросту выгодно? И ещё. 400 лет нового времени разве мало для того, чтобы отсталость давно забыть? Племя франков завоевало свою будущую родину в 492 году. Добычу делили перед строем поровну на всех, включая и вождя. Кочевое племя венгров завоевало равнину южнее Карпат лишь в самом конце IX века. Даже в условиях медленного средневекового развития уже через несколько веков эти народы стали неузнаваемы. Конечно, причина здесь не одна. Но главное — ограниченность территории, необходимость и возможность развивать её вглубь.

Да, без аналогии в истории никак не обойдёшься. Недаром её не любили в прошлые времена. Рассмотрим пример, диаметрально противоположный. 500 лет назад Испания имела свободные процветающие города, в подавляющем большинстве лично свободное

---

² См. К.П.Крижановский. Раб неделим // Новое время. 1991. №18.

крестьянство, совсем неплохой внутренний рынок, развитое ремесло и торговлю. Испания имела возможность в недалёком будущем утвердиться в рядах передовых стран Европы. Но в 1492 году было завоёвано последнее арабское государство на территории Испании — Гранада. Длившаяся 700 лет реконкиста закончилась. В погоне за золотом, славой и новыми землями король изгоняет из Испании евреев, предварительно ограбив их, и в том же году даёт разрешение на экспедицию Колумба. Первое было одной из причин упадка торговли и ремесла, а второе завершило национальную катастрофу. Через столетие над Испанской империей никогда не заходило солнце, но страна стала неузнаваемой. Соппротивление народа наступлению власти короля и церкви было подорвано — ведь самое активное население покидало страну и плыло за океан. Завоёванные в период реконкисты испанские вольности исчезли, как пишет Маркс, «под звон мечей, в потоках золота и в зловещем зареве костров инквизиции».

Почти непрерывные войны подорвали все силы нации, а свирепость государства и церкви не знала пределов. Трудовой люд страшно обнищал, зато власть имущие сказочно разбогатели. Государство, разогнав кортесы и подавив восстания, обрело такую силу, что, кроме своих, учитывало лишь интересы крупных помещиков и церкви. Оно помогло огромным латифундиям буквально раздавить испанское крестьянство, и в результате сельское хозяйство деградировало к примитивному кочевому скотоводству, а зерно стали ввозить из-за границы. В угоду дворянству абсолютизм широко распахнул двери, и в страну хлынул поток более дешёвых иностранных товаров. И это доконало испанскую промышленность. Когда-то цветущие города стали зарастать травой. Удушающие налоги и грабёж гигантской империи не компенсировали потери, и в течение XVII века монархия 20 раз объявляла себя банкротом. Ещё через столетие над империей всё так же не заходило солнце, но над Испанией сгустилась кромешная тьма. Здесь был один из самых нищих и отсталых уголков Европы.

Разумеется, всё это имело свои предпосылки. Семь веков реконкисты создали инерцию движения вширь. К несчастью для народов Америки и Испании, инерция нашла себе новый объект.

Огромная энергия ушла за океан, чтобы превратить целый материк в плантацию для рабов. Никакой необходимости в этом не было. Не будь другой точки приложения, необходимость уже заставила бы развивать свою страну вглубь. Движение вширь в течение жизни тридцати поколений привело к тому, что масса народа привыкла к войне, но отвыкла от труда. Ремесло и торговля считались презренным занятием «для евреев и арабов». И когда первых, а затем вторых изгнали из страны, вакуум заполнить было некому.

Поколения испанцев воспитывались на культе воина, освобождающего страну от «нехристей». Это породило религиозный фанатизм и жестокость. Неистовая жажда наживы и оправдание церковью любых преступлений, если они ведут к утверждению христианской веры, привели к тому, что за столетие почти всё население Латинской Америки было уничтожено. Маркс пишет, что Испания XVII века обнаружила «все позорные симптомы медленного разложения, напоминающие худшие времена Турецкой империи». Нельзя не согласиться с Марксом, когда он делает вывод: «Таким образом, абсолютная монархия в Испании, имеющая чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы, вообще должна быть, скорее, отнесена к азиатским формам правления». Такова истинная цена движения вширь. Я подчёркиваю: именно движения — в Испании процесс деградации явно доминировал над развитием.

Выводы? Их читатель сделает сам, а мы вернёмся к России. Борис Годунов, став царём, пошёл по почерневшей от крови дороге, хоть и сильно уступал по размаху Ивану Грозному. Надо отметить, что любая система — живой организм, он стремится уйти от гибели. С системой связаны конкретные группы людей, её конец и им ничего хорошего не сулит. Понимая, что страна ещё одного Ивана просто не выдержит, эти группы решились лучше пойти за самозванцем, чем ждать конца. Именно в этом успех всех антицарских движений в годы смуты. Удалось самим избрать царя Михаила с условием ограниченного самовластья. И хотя именно при нём была создана зловещая система «Слово и дело» и начались аресты за критику царя, в целом царствование прошло спо-

койно. Но уже его сын Алексей стал править всё более самодержавно, и бояре с дворянами сделали вид, что вроде так и надо.

После Петра I была ещё одна попытка, даже из-за границы пригласили царицу на условиях отказа от самодержавной власти. Но, чувствуя поддержку дворян, Анна Иоанновна разорвала врученный ей договор, а вскоре началась бироновщина. За четыре века, не считая восстания декабристов, две попытки дворян ограничить самодержавие — не слишком ли мало? Это говорит не столько о слабости антитоталитарных сил в стране, сколько о том, что система в целом удовлетворяла дворян. Они отдали всю власть самодержавию в обмен на успешную внешнюю агрессию и удержание империи.

XVII век одни историки считают веком стагнации. Другие, наоборот, утверждают, что Россия успешно развивалась, и мало того — за счёт собственных ресурсов; реформы Петра I поэтому были совершенно излишни. На самом деле, здесь явное непонимание одних и нежелание других видеть сущность проблемы. Россия, хотя и очень медленно, но развивалась, достаточно сравнить начало и конец века. Другое дело, что за развитие в одном надо было платить деградацией в другом. Но тут уж никуда не денешься, таков закон экстенсивного развития. В стране окончательно утвердился крепостной строй, более того, началось его приближение к рабству. Царь Алексей снова стал неограниченным монархом — но этого требовали интересы империи. Зато появились некоторые признаки культурного сближения с Западом. При этом экстенсивное развитие шло медленно, отсталость от Запада чувствовалась всё сильнее, противоречие между верхами и низами обострилось, восстание Разина показало, что медлить дальше нельзя. Система нуждалась в коренной перестройке.

Казалось, самодержавие при Петре I обладало такой гигантской властью, огромной армией и мощным аппаратом управления, что ему вполне под силу было начать «революцию сверху» — замену экстенсивной системы на интенсивную. Что-то вроде реформ шаха Мухаммеда в Иране в наше время. Тем более, что Пётр больше года провёл в самых передовых для того времени странах — Голландии и Англии и видел такую систему в дей-

ствии. Но тогда надо было прекратить агрессивную внешнюю политику, от части империи просто отказаться, а другим территориям предоставить автономию, решительно сократить армию и военные расходы.

А затем возможно было перейти и к внутренним реформам: отменить крепостное право, наделить крестьян правом собственности на землю, ограничивать принудительный и стимулировать наёмный труд. Экономические реформы неизбежно потянули бы за собой и политические: наделение личности и собственности гарантированными правами, развитие системы выборности и самоуправления, становление независимого суда. Но тогда сама необходимость заставила бы быстро развивать просвещение и отделить его от церкви.

Конечно, всё это — самая настоящая революция, и она вызвала бы, с одной стороны, горячую и энергичную поддержку, с другой — ожесточённое сопротивление. Но неограниченная диктатура государства и огромная вера в царя могли бы сломить любое сопротивление.

1993 г.

ДИАГНОЗ — ИМПЕРИЯ³ **(Мысли вслух)**

Россия тяжело и хронически больна. Не исследуя больно-го, политики и журналисты постановили: была страна крепкой, порядочной и здоровой, большевики подорвали её здоровье, а в Беловежской Пуще доконали окончательно. Курс лечения назначен так же просто: сильная власть, религиозная вера в интерьере рыночной экономики.

Между тем, есть другой диагноз: держава надорвалась, создавая и укрепляя империю. Можно указать и даты: 1552 и 1556 годы, когда были завоёваны Казанское и Астраханское ханства. Добыча пришлась по вкусу, аппетит нарастал: Украина, Белоруссия, Прибалтика, Дон и Кубань, Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, Польша, Финляндия, Молдавия. Болезнь стала хронической.

Чтобы дурачок не плакал

Не касаясь пока нравственной стороны, попробуем рассмотреть цену, положенную Россией «освоенными» ею территориями на алтарь империи. И тут сразу надо оговориться. Интересы народа и государства редко совпадают, а в истории России они, как правило, на разных полюсах. Общество может заставить работать на себя, но в России давление снизу было слишком слабым, и государство служило самому себе и монарху. Поэтому выгоду от империи извлекали одни, а цену платили другие.

Создание «единой и неделимой» сразу пошло за счёт разрушения всех элементов экономической, политической и национальной самостоятельности народов, попавших в её железные ти-

---

³ К.П.Крижановский. Диагноз — империя // Новое время. 1993. №39.

ски. Экономические богатства безжалостно расхищались, и страна превращалась в колониальный полигон империи. Безжалостный насос перекачивал кровь народов на нужды войн — а они шли чередой — и на великие стройки, которые зачастую бросались на полпути.

Во времена Петра I было начато строительство семи каналов, но лишь один доведён до конца. Заплатили за это жизнью сотни тысяч людей, а ведь всё мужское трудовое население страны составляло тогда 5,5 миллиона человек. Такой же ценой строилась новая столица, Таганрогский порт (вскоре возвращённый Турции), уральские мануфактуры.

Захваченные земли вместе с крестьянами щедро раздавались русским вельможам и помещикам. Одна Екатерина II раздала своим любовникам 800 тысяч свободных украинских крестьян.

Рассказывают такой случай. Как-то Екатерина заходит в свои покои, а там сидит шут и плачет. «Чего ты плачешь, дурачок?» — спрашивает Великая. «Всем ты даришь украинских казаков, а я — так ни одного не имею». «Не плачь, дурачок, дам тебе целое село». Как только поглощался новый народ, сразу начинался процесс русификации и разрушения его культуры. В середине XVII века около половины украинских женщин и большинство мужчин были грамотными. Дети, как правило, учились в школах. Необычайно высокий уровень украинской грамотности вызывал удивление даже у путешественников-европейцев.

Но, начиная с Петра I и кончая последним царём, на Украине шаг за шагом уничтожали украинские школы, затем издания на украинском языке, и наконец, при Александре II были запрещены переводы на украинский язык и даже театральные спектакли. Уже во время революции 1905 года на заседании Совета Министров (!) рассматривался вопрос о разрешении перевести Библию на украинский язык. Итог: в 1897 году грамотность населения на Украине была ниже среднероссийской.

КГБ Ивана III

Непрерывное расширение требовало максимальной централизации власти. Уже власти Ивана III хватило бы на трёх европейских королей. Но через столетие, у Ивана IV, её было ещё больше. Через полтора века Пётр I создал такую машину управления, которая пережила его на два века.

Тот же процесс становления гигантской колониальной империи сотворил безграничную власть испанского монарха и турецкого султана. При этом российскому царю даже не пришлось, как испанскому собрату, с помощью жесточайшего террора и даже выселения евреев сокрушать экономическую и политическую мощь свободного города: испанских вольностей, как и городов с магдебургским правом, в России просто не существовало. Единственный островок в Новгороде был буквально стёрт с лица земли военным походом под руководством Ивана Грозного.

Для управления огромной империей из центра нужен был иерархический по структуре и колоссальный по величине бюрократический аппарат. Имперская необходимость, а не причуда Петра родила табель о рангах. (Кстати, какая необходимость возрождать эту табель сейчас? Уж не собираются ли и дальше управлять нами с помощью целой армии чиновников?) Возникла острая необходимость в инструменте для завоевания и удержания империи — и была создана крупнейшая в мире армия.

«Государево око» Ивана III с течением времени под влиянием всё той же имперской необходимости разрастается во всепроникающую охранку. И ещё в далёкие времена возникает та тенденция, которую мы так ясно видим сейчас, — стремление каждой из частей имперской системы работать и извлекать выгоду из своего положения прежде всего для себя.

Государство всегда идёт по более лёгкому пути — это закон истории. К несчастью для России, возникли исключительно благоприятные условия для того, чтобы направить всю энергию на её территориальное расширение. От Казани до Тихого океана и от Оренбурга до Ташкента не было ни одного сильного государства. Даже на Юге и Западе располагалась слабеющая Османская им-

перия и истощающая все свои силы в почти непрерывной войне с Украиной Польша.

И когда Россия ступила на этот скользкий путь, её расширение стало необходимым условием для развития. Само же развитие приняло экстенсивный характер.

В России воевали «мясом»

Теперь можно перейти к главному: какую цену заплатил за всё это трудовой народ России.

Интенсивное развитие происходит за счёт экономии труда, как живого, так и овеществлённого. Экстенсивное развитие безудержно транжирит и то, и другое. Быстро растут трудовые затраты и постоянно ощущается нехватка рабочей силы — это, пожалуй, самая характерная черта экстенсивных систем. Выход здесь только один — силовой.

Иван Грозный ввёл в России крепостной строй (отменённый в Англии и Франции ещё в XIII–XIV веках). Пётр I обратил крестьян, рабочих мануфактур и солдат в рабов. Сталин восстановил крепостной строй для крестьян, а многомиллионный ГУЛАГ превратил в гигантское рабовладельческое предприятие.

Войны отличались особой кровавостью. Недаром немцы называли советскую тактику ведения войны «мясной». Только что преданы гласности данные о наших потерях в Курской битве (мы их ждали ровно 50 лет). Выигранное сражение обошлось советской армии в 900 тысяч человек, тогда как проигравшая сторона потеряла 500 тысяч.

Истоки этой традиции — во времена Петра I, когда солдат служил всю жизнь, не получая за это ничего, кроме скудного котелка да рубища на теле. Позже был введен 25-летний срок службы, что по существу ничего не меняло, ибо пережить такой срок не мог практически никто, даже во времена Крымской войны: казарма пожирала человеческую жизнь ещё быстрее, чем поле сражения.

Но любые потери компенсировал механизм рекрутских наборов, введённый всё тем же Петром I. На место погибшего, искалеченного или бежавшего прикрепленное к полку село обязано было

немедленно ставить нового. Тот же механизм действовал и на мануфактуре, поэтому и там «мяса» не жалели.

Сотни лет государство щедро расходовало деньги на армию. 70 процентов бюджета из века в век пожирали военные расходы. Но и то, что оставалось, почти целиком шло на содержание силовых структур. В стране, даже в начале XX века на три четверти неграмотной, лишь крохи отпускались на просвещение.

Японская, «победоносная»...

Но до чего же живуча старая структура и вековая традиция! Экстенсивная экономика пришла к своему финишу и лежит в руинах, а Верховный Совет при 22 триллионах дохода 8,5 из них выделяет на армию. Это вчетверо больше, чем на все социальные расходы.

Уж не с собственным ли народом собираются воевать эти господа? А может, им, как в своё время царскому министру внутренних дел Плеве, пришла в голову гениальная мысль: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Было это в январе 1904 года...

Чем ещё заплатила страна за экстенсивное развитие? Периодически разоряя крестьянское хозяйство дотла, помещик и государство лишали крестьянина возможности хоть как-то интенсифицировать его. Захват Украины и поток продуктов оттуда окончательно добил российскую деревню, но и украинского свободного крестьянина превратил в раба.

Земледелец не в состоянии был ни купить, ни прокормить скот и в результате не имел удобрений. Слабосильная лошадь, которую кормили, в основном, соломой, не могла нормально обрабатывать поле. И тогда впрягалась вся семья, тоже постоянно слабая от недоедания.

Даже в начале XX века значительная часть крестьян не имела лошади и брала её в аренду за огромную плату у помещика или кулака. Кстати, российский кулак, «миroeд» — вовсе не фермер, как нас уверяют. Это прежде всего ростовщик.

И как следствие: урожайность зерновых в нечернозёмной России от времён Ивана Грозного и до Александра II держалась на

одном и том же уровне — 4–5 центнеров с десятины. Никаких запасов у крестьян не было, и поэтому любое понижение урожайности приводило к голоду. Периодически голод принимал катастрофические размеры, но даже тогда хлеб вывозился за границу.

Так было и в страшном 1891 году, когда стоимость вывезенных за границу продуктов питания составила 48 процентов от всего экспорта. Экспорт хлеба приводил к повышению его внутренней цены, но и это было несчастьем для крестьян, ибо большинство из них хлеб докупало — своего до конца года не хватало.

Был ли порядок при Петре?

Есть люди, которые утверждают, что благодаря самодержавию в России был установлен «настоящий порядок». Это глубочайшее заблуждение. Порядка в России никогда не было. Прежде всего, потому что мафиозные структуры и мафиозная психология буквально пронизывали правящие верхи.

Даже при жесточайшей и безграничной диктатуре Петра I взятки и воровство приняли всеобщий характер. Был повешен губернатор Сибири, колесован главный фискал России, сложили свои высокопоставленные головы и многие другие, но на смену казнённым тут же встали новые ряды взяточников и казнокрадов. Уж очень велика была ставка, чтобы не рискнуть.

Да и самодержавие создало для класса чиновников возможности поистине безграничные. С одной стороны, всегда боясь «подрыва устоев», с другой — стремясь с каждого литра молока сорвать сливки, оно пыталось влезть в любую дырку, разрешать и запрещать буквально всё.

Поэтому каждый офицер, помещик или чиновник чувствовал себя самодержцем. Кстати, со времён Петра помещик был наделён и полицейскими функциями. В середине XIX века в России говорили, что к клейким рукам чиновника из четырёх рублей прилипает три. Да и карающий меч даже во времена Петра падал избирательно. Иного и не может быть в стране, где произвол имеет силу закона.

Меньшиков грабил не отдельных подданных, а всю страну. Однако Пётр I смотрел на это сквозь пальцы. И когда при

Петре II всесильный временщик потерпел фиаско в борьбе за власть и был арестован, то в одних только зарубежных банках были обнаружены его вклады на сумму в 9 миллионов рублей, тогда как весь годовой бюджет страны составлял 8,5 миллиона.

Самодержавие оказалось бессильным и в борьбе с разбоем на дорогах. Соединяясь в отряды, беглые рабы из солдат и крестьян наводили страх на всю Россию. Всемогущий Меньшиков, губернатор Петербургский, признавался, что он боится выезжать за пределы столицы.

* * *

В упор не видеть того, что происходит прямо перед глазами, — свойство не только биологическое, но и социальное. Да, можно отмахиваться крестом, нагайкой или депутатским мандатом от слова «революция». Да, можно уповать на то, что появится «железный дядя» и одним ударом наведет порядок, которого на Руси никогда не было.

«России нет, есть Российская империя», — констатировал в начале века Витте. Остановить процесс рождения России уже не удастся никому. Впервые в истории народ отрывается от империи, ломается стальной обруч центральной власти и такие привычные, почти родные вертикальные связи.

История режет по живому и без наркоза. Новые горизонтальные связи пробиваются в муках. А весь процесс идёт по старой российской традиции — целиком за счет народа, достаточно примитивно и грубо. Но это, похоже, последняя плата за самодержавную империю.

1993 г.

РАБ НЕДЕЛИМ⁴

В основе всех наших бед — экстенсивный путь развития. Это нечто большее, чем экономический термин.

Бывают в жизни общества моменты, когда оно незаметно для себя переступает роковую черту. И вступает в мир, где действуют иные законы. Роковым для России годом был 1552-й, а роковой чертой — граница Казанского ханства. Переступив её, Россия начала эпопею завоевательных войн, которым не видно было конца в течение 400 лет. Ненасытный Молох войны пожрал неисчислимые миллионы человеческих жизней и львиную долю труда. А главное, Россия, научившись добывать средства к жизни на чужих землях, потеряла необходимость развивать собственную страну. Волга, Сибирь, Прибалтика, Кубань, Польша, Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, Дальний Восток, Манчжурия. И так шаг за шагом все 400 лет. Россия стала на путь экстенсивного развития и не сходит с него по сегодняшний день.

Странно это. Интенсивный путь кажется гораздо более привлекательным, ведь затраты труда на единицу продукции неуклонно уменьшаются, а это создает условия для непрерывного развития. Экстенсивный же путь не только не уменьшает, но нередко даже увеличивает затраты на единицу продукции. Однако всё это так просто только с первого взгляда. Интенсивный путь развития несравненно труднее, сложнее и даже рискованнее по сравнению с экстенсивным. А общество, как и человек, выбирает путь полегче, не подозревая, что путь развития — это и образ жизни. Начиная с того, что развитие на интенсивном пути идет за счет экономии труда, а на экстенсивном — за счёт его безудержной растраты...

---

⁴ Раб неделим // Новое время. 1991. №18.

Партбилетное дворянство и холопы вечные

В истории всё взаимосвязано. Для непрерывного процесса захвата, удержания и грабежа необходимы были и крайняя централизация власти, и мощный бюрократический аппарат, и самая большая в мире армия, и всеохватывающий полицейский надзор. Необходима была и крепкая политическая опора. И если в других странах дворянство давно потеряло свое влияние, то в России оно сохраняло вместе с царём всю полноту политической власти вплоть до февраля 1917 года.

Сталинизм не создал ничего нового. Все крупные структуры и явления экстенсивная система породила задолго до Октября. Даже партия — это, в сущности, партбилетное дворянство. Экстенсивная система управления империей может быть только тоталитарной, независимо от того, какие лозунги она провозглашает — феодальные или коммунистические. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на царствование Петра I. Этот путь народа на Голгофу у нас именуют не иначе как «прогрессивное развитие России».

До Петра крестьяне делились на 4 категории, на полюсах были холопы (рабы) и вольница. Но холопы, в свою очередь, делились на 4 категории, из которых лишь одна называлась «холопы вечные». Петр именно к ней свёл всех холопов, крепостных и вольницу. «Законодательство Петра, — пишет В.О.Ключевский, — отбросило общество далеко назад к знакомой на Руси греко-римской норме: «Рабство неделимо, состояние раба не допускает никаких различий: о рабе нельзя сказать больше или меньше — он раб»⁵.

Немыслимый по своей тяжести подушный налог на раба был дополнен таким количеством косвенных налогов, что были сдавлены вся человеческая деятельность и все потребности. Уж на что у нас горады Минфин и К°, но и они до такого пока не дошли. Были обложены все виды ремесла и торговли, а также бани, пчёлы, бороды, рыба, соль, мел, шахматы, браки (только у «инородцев»), карты, дубовые гробы — то есть, буквально вся челове-

⁵ В.О.Ключевский. Курс русской истории. // Сочинения в восьми томах. М., 1958.

ская жизнь и даже смерть. Недоимщиков били батогами и ссылали на каторжные работы. И по каждому налогу работала отдельная канцелярия: рыбная, банная, медовая и тому подобное, кормилась целая армия чиновников. И сразу возникает аналогия со сталинскими временами, когда знатоки по курам, займам, пчелам, пороссятам, плодовым деревьям и другим акцизным соблазнам не давали колхознику буквально голову поднять.

Веками масса крестьян жила в ужасающей нищете, на грани, когда неурожаи приводили к голоду. С тех пор голод стал привычным спутником и сопровождал коронованное самодержавие до самой его гибели, что не мешало России в нарастающих масштабах вывозить хлеб за границу. Даже в конце XIX века традиция не изменилась. Во время голода 1891 года 48 процентов стоимости российского экспорта составил хлеб. Бросая родную землю, тысячами устремились во все стороны крестьяне... Этот поток не могла остановить никакая сила и даже смертные муки. И это тоже беда России. Ведь бежали самые активные. Те, без которых не бывает ни восстаний, ни революций. И 300 лет, со времён Болотникова, в Центральной России не было ни одного мощного народного восстания, не было даже тогда, когда войска Пугачёва подошли к Волге. Потому и давление народа здесь веками было слишком слабым, зато мрак особенно густой. А ведь можно сказать и так: государство имеет ровно столько власти, сколько разрешает ему народ. Чем слабее сопротивление, тем сильнее тирания. Власть, как вода, не имея пределов, заполняет собою всё.

Что ни кабак, то батальон

Впрочем, заполняли всё не только вода и власть. Пётр I поистине набрёл на золотую жилу. Пожалуй, без неё, как и без создания профессиональной армии, самодержавие не продержалось бы ещё 200 лет. Вся продажа спиртных напитков стала монополией государства, а кабаки появились на каждом перекрёстке.

Ни один другой товар невозможно, производя на копейку, продавать за рубль. Мы уже убедились, какое это несчастье для народа, когда такую выгоду целиком заглатывает государство.

Но ему важна не только выгода, но и политический расчет: трезвый народ для тирании куда опаснее... Может быть, поэтому антиалкогольная кампания продержалась у нас всего пару лет, а затем была с шумом дискредитирована? Но и это не новинка. 130 лет назад трезвенное движение охватило Литву и 32 губернии России. Дело дошло до разгрома кабаков. За покушение на главный источник доходов разъярённое самодержавие бросило против крестьян войска. После подавления всех очагов трезвости около 800 человек были преданы военному суду.

В начале XIX века водочный доход составил 25 процентов всех доходов, в 1859–1863 годах — 40 процентов, а в 1892 году из 970 миллионов госдоходов 28 процентов дал алкоголь. На что же тратило самодержавие свои доходы? Главная статья от Петра I до Николая II — расходы на армию. Даже в мирном 1892 году после платежей по долгам осталось на все расходы 659 миллионов рублей. Из них 284 миллиона рублей, или 43 процента, пошло на армию. Ещё 40 годами раньше, когда кто-то поднял вопрос насчет разливанного моря, в котором самодержавие топит народ, член Государственного Совета граф Канкрин сказал, как отрезал: «У нас что ни кабак, то батальон».

Как Пётр, так Иосиф

Реформы Петра и Сталина очень схожи. При строительстве тюрьмы интересовали прежде всего её крепость и надежность, а не удобства её обитателей. И уж меньше всего согласуют её конструкцию с идейными взглядами тех или иных теоретиков. Судите сами. Пётр установил в России рабовладельческий строй. Сталин — полукрепостной для рабочих, крепостной — для крестьян и рабовладельческий — для многих миллионов за колючей проволокой. Для обоих важнейшей целью внешней политики была экспансия. Оба верно служили экстенсивной системе, а она поддерживала их.

Для обоих главным средством достижения цели было насилие, а главным следствием в экономике — отчуждение. И не только орудий и средств производства, но и почти всех результатов труда. Оно и логично, ибо если производитель — собственник по-

мещика или государства, то и труд принадлежит ему же. У обоих доминирование политики над экономикой. Экстенсивная система требует непрерывного разрушения почти всех интенсивных факторов (почти — потому, что совсем без них она развиваться не сможет). И каждый из отцов народа — если не умом, так инстинктом и традицией — чувствует, что его необъятная власть держится на экстенсивном развитии.

Правовая основа у обоих — деление на элиту, которой все можно, и прочих, которым почти ничего нельзя. Народ сдавлен не столько законами, сколько инструкциями, нередко секретными. Для элиты законов как бы не существует.

Сейчас мы уже два года открыто наблюдаем слабость законов и мощь инструкций. Мы видим, как все ростки интенсивного сдавливаются экстенсивной системой.

Какова же цена такого развития? Деградация. Так, если ограничиться петровско-николаевскими временами, то это — установление в стране крепостного, а затем рабовладельческого строя, утверждение самодержавия и системы беззакония и произвола, разрушение национальных культур, государственное спаивание народа и — как результат — распространение самых отвратительных социальных пороков. Мало кто знает, сколько на великих стройках, на войне и еще больше в казарме в петровские времена погибло людей. По Украине словно чума прошла, а вся Центральная Россия обезлюдела более чем вдвое. Это был опередивший Сталина геноцид.

Страшны и нравственные потери строителей империи.

Идеалом человека становится солдат. Идеалом поведения — рабское послушание. Идеалом чувств — слепая вера. Идеалом отношений — собачья преданность и барская милость. Это идеалы экстенсивного общества. Они были ему необходимы, и оно их создало. Но это общество существует и поныне.

Количественный подход и сегодня пронизывает собою всю нашу жизнь. Система не только в экономике, она внутри каждого из нас. Именно поэтому переход к интенсивной системе развития стал бы величайшей революцией за всю историю России. А это значит, что надо порвать не только с экономической системой,

но и с политической структурой и всеми традициями, которые нас с нею связывают. Но вместо этого мы наблюдаем хорошо организованную кампанию идеализации прошлого. И это не случайно. Партбилетное дворянство пытается возглавить советы и концерны, пролезть в руководство новых партий, сохранить себя в армии, МВД и КГБ, в кооперативах и колхозах и даже в искусстве и науке. Но для этого ему нужна новая самодержавная власть, и отсюда — идеализация даже Николая Кровавого.

Ему необходима активная поддержка хотя бы части народа — и оно разжигает шовинизм и пугает всех, будто гибель империи есть гибель общества. Приведя страну к экономической катастрофе, теперь зовут к порядку, твёрдой руке и сильной центральной власти. Можно подумать, что в истории России был хоть один период, когда власть эта была слаба...

1991 г.

ЗНАЕМ ЛИ МЫ НАШУ СТАРУЮ, ДОБРУЮ РОССИЙСКУЮ АРМИЮ?⁶

*Сердце человека вообще принадлежит
к той стране и той нации, чью армию
он считает своей...*

И.Ильин.

Да была ли где и возможна ли вообще такая армия? Господи, да каких бы граждан она воспитывала, «поставляла» стране! — так и хочется сказать, не правда ли, по прочтении этих эпиграфных слов знаменитого русского общественника Ивана Ильина.

А что, если в самом деле была (ну не такая, а в достаточном приближении) армия, и не где-нибудь, а у нас в России? Вот вам и готов образец для всё ещё по-настоящему не начинаемого реформирования наших теперешних Вооружённых Сил. Однако хорошо ли будет, если этот образец не подвергнуть пусть не образцовому, но, по крайней мере, далёкому от «сиропа» анализу. Предоставим тешиться «сиропом» профессиональным «патриотикам». Реформаторам же не пристало сие, — считает историк Коммир КРИЖАНОВСКИЙ, автор предлагаемой вниманию читателей статьи: ведь строительство Вооружённых Сил страны, может, как раз начинается с демонтажа всяческих мифов. Не легенд — это нечто другое. Одним словом, для нас хорошо сегодня — может быть, как никогда раньше — то, что истинно, объективно.

---

⁶ К.П.Крижановский. Знаем ли мы нашу старую, добрую российскую армию? // Социум. 1992. № 9.

Неужели никого не настораживает то, что о прежней армии России мы слышим лишь дифирамбы, громкие слова? Где цифры, где факты, где выводы, основанные на анализе, а не на эмоциях?

Углубимся в историю... И сразу заметим, что год 1552-й для России стал переломным, граница Казанского ханства — той роковой чертой, переступив которую государство начало эпопею завоевательных войн. С этого момента путь страны был предопределён — вниз. Научившись добывать средства к жизни на чужих землях, Россия потеряла способность к саморазвитию. И экстенсивный стиль бытия постепенно овладел и экономикой, и управлением, и образом мыслей. Всё это не могло не сказаться и на армии. Ниже даны лишь некоторые штрихи к её «физиономии». Их, эти штрихи, впрочем, можно было бы дать в ещё большем количестве, однако для повода к размышлениям, увы, не радостным, и немного сказанного здесь — достаточно.

Да, вот ещё что... Иные, по прочтении заметок, скажут: что ж ты все лишь о дурном применительно к армии. Но поймите меня правильно — грустно, помимо прочего, говорить о доблести вопреки... Вопреки вот чему:

«Не хочешь кормить чужую армию, корми свою...»

Вглядитесь в характерные черты российской армии, которые в основном сложились во времена Петра I и мало изменились с тех пор. Придя к власти, первый российский император прежде всего приступил к военной реформе. Армия должна была выполнять не только роль завоевательницы, но и «цепного пса» внутри империи. Стрельцы для этого не годились. Их жизнь была тесно связана с народной средой — они имели землю, хозяйство, семью, занимались ремеслом и торговлей. Словом, были ненадёжны. И Пётр постепенно заменил войско стрельцов регулярной армией.

Теперь солдат должен был служить до самой смерти. Он, как янычар, знал одну казарму. И если раньше значительная часть войск формировалась из добровольцев, то теперь, по рекрутскому набору, каждые 20 дворов обязаны были поставлять в армию одного солдата в год. Погибал ли солдат, совершал ли побег — на

смену ему шёл новобранец. Гигантский рекрутский насос выкачивал из села самых молодых и здоровых мужиков, разбивая семьи и разоряя хозяйства. Отныне, как бы бездарно ни растрачивали командиры людей, они всегда получали пополнение. Уже в Полтавском сражении российских войск было вдвое больше шведских (типично экстенсивный подход к армии, сохранившийся до наших дней). Из века в век на солдат в России смотрели как на «пушечное мясо», которого всегда в избытке. И даже в последний год мировой войны, когда германская армия терпела одно поражение за другим, её потери были в 2,2 раза меньше наших.

Но вернёмся к Петру-реформатору. До него не только гарнизоны, но и войсковые части формировались на территориальной основе (как и у нас после Гражданской войны 1918–1921 годов), и полки состояли из земляков. Однако для властей было гораздо безопаснее, когда людей связывает одна лишь служба, поэтому к концу правления Петра только треть армии (казаки) сохранила старый принцип формирования.

Пётр прикрепил неземляческого состава полки к определённым сёлам, которые обязаны были теперь их кормить. А в «благодарность» за хлеб-соль солдатушки-братушки собирали по дворам подушный налог (введённый Петром). Василий Ключевский пишет: «...шесть месяцев в году сёла и деревни жили в паническом ужасе от вооружённых сборщиков... Не ручаюсь, хуже ли вели себя в завоёванной России татарские баскаки времён Батыя... никто ни о чём больше не думал, как лишь о том, чтобы взять у крестьянина последнее в подать и тем выслужиться». (В.О.Ключевский. Курс русской истории. М., 1958. Т. 4, стр. 98–99). Одни крестьяне, отдав за бесценное всё — землю, пожитки, бежали куда глаза глядят, другие оставались и вымирали... Как и во времена Ивана Грозного, численность населения в стране заметно сократилась. Так, лишь в Казанской губернии один пехотный полк недосчитался более половины своих содержателей-крестьян, то есть, 13 тысяч ревизских (мужских) душ! А ведь в 10 губерниях таких гарнизонов было 126. Воистину, кроме монголов и вермахта, никто, пожалуй, не принес народу столько бедствий, сколько его собственная армия...

«Солдатам и собакам вход воспрещён!»

Однако и сами солдаты — верные сыны Отечества — были, скорее, его пасынками. Самые тяжёлые потери, от периода Петра I до времен Николая II — царя последнего, российская армия несла не в боях, а в казарме. Это была настоящая солдатская морильня. Некто Вебер, брауншвейгский резидент, в своих записках о России петровского времени пишет: «при дурном устройстве содержания гораздо больше рекрутов гибнет ещё в учебные годы от холода и голода, чем в боях от неприятеля». (Там же, стр. 68). Например, в мирном (если не считать кавказские экспедиции) 1835 году в армии умер каждый двадцатый.

Парадоксальная ситуация. Ведь от половины до двух третей российского бюджета шло на содержание армии. В среднем за 1886–1895 мирные годы по отношению ко всем остальным (кроме уплаты государства по долгам) статьям эта цифра составила 43%. На просвещение же, например, шло 3,4% (не удивительно, что в начале XX века четверо из пяти россиян были неграмотными).

Куда же текли огромные «военные» деньги? Конечно же, не на солдат и не солдату. За счёт различных ухищрений и махинаций средства оседали в карманах командиров полков. Взять хотя бы обмундирование. Шинель шили из негодного сукна, и носил её служивый не один год (как положено), а четыре. Не лучше были и сапоги — укороченные, из обрезков. За счет «сэкономленного» сырья офицер и получал свою «законную» прибыль. Только на одних операциях по «усечению» на обмундировании серебряных лацканов командиры полков имели ежегодно до 2500 рублей — суммы по тем временам сказочно большие. Правда, тысяча рублей исправно шла казначею и военному комиссариату. По тому же принципу расходились деньги, выделяемые на иное снаряжение, лошадей и т.д.

Зная о нелёгких условиях казарменной жизни, родные, собрав последнее, присылали солдатам деньги (ежемесячно в полк поступало от 300 до 500 рублей). В лучшем случае, казначей возвращал солдатам часть денег, да и то не сразу. А письма зачастую просто сжигались.

Странная вещь — самодержавие. Больше всего оно заботилось об оплоте империи — армии, денег на неё не жалело, народ ради армии раздевало. А по стране во множестве бродили существа, похожие, скорее, не на солдат, а на беглых каторжников. Где украдут (помните сказку о каше из топора?), где отнимут, а где и милостыню попросят, чтобы потом с ротным, отпустившим «на пропитание», деньгами поделиться. Бродили, то и дело натываясь на вывески: «Солдатам и собакам вход воспрещён!» (ещё в начале XX века такие объявления можно было увидеть в обеих столицах).

«Создание огромной армии повлекло за собой...»

Это начальные слова из заметок известного публициста середины прошлого столетия Н.Мельгунова. И дальше идёт перечисление, что именно повлекло.

1. Усиление войск прочими государствами, постоянное, всё более усиливающееся опасение на Западе.
2. Колоссальные, по нашим далеко не колоссальным средствам, издержки на содержание армии... Войско обратилось у нас в разорительную игрушку, на нее тратится цвет населения и добытые кровью да народным развращением сотни миллионов рублей, чуть ли не половина всех государственных доходов...
3. Обременительные наборы — самое тягостное из последствий развития наших военных сил...
4. Создание никогда, ни в одной стране мира не существовавшего множества военно-учебных заведений всякого рода. Молодой человек, выйдя из такой школы, отвыкает от семьи, от родных и безраздельно всей душой принадлежит одному царю. Страшный рычаг, годный на всякое употребление.

И наконец, ещё один, последний штрих, непарадно обрисовывающий «старую» и «добрую» армию. Штрих, так сказать, обобщающего характера. В одной из докладных записок верховных чиновников того века на самый-самый верх сказано: «Огромнейшая армия есть выражение не силы, а бессилия государства. И для чего

эта громадная армия, когда она исчезает от болезней, когда она, можно сказать, съедает благосостояние государства без пользы и славы для империи».

* * *

Не кажется ли вам, уважаемый читатель, что это почти точная характеристика нашей армии — застойно-посткоммунистической. Да, безусловно, она сейчас нуждается в реформировании. Но когда, под предлогом экономии средств и неторопливости в искоренении диких армейских нравов, разворачивается кампания по созданию профессиональной армии, я задаюсь одним вопросом. А что, разве с этим созданием армия перестанет быть опасной и дикой? Вряд ли стоит обольщаться. Ведь армия — дитя общества и его традиций. Если и то, и другое не изменить радикально, то, напрямую подчинённая президенту России (а кто им будет лет через 5? Бог весть), наёмная армия по приказу свыше двинется... Впрочем, дальше не хочется развивать эту посылку.

Под конец одно скажу: расчеловеченную донельзя советскую армию нужно очеловечить, уплотнив, интеллектуализировать. При этом высшей доблестью будущих профессиональных военных считать не бравость, замешанную на аскетизме во что бы то ни стало (по А.Проханову), а развитое чувство дома, своего, конкретного дома, а через него, с гарантией, и Дома общего. С его историей, в том числе армейской — адекватной: сильному человеку ложь — во зло. Да, и еще чувство долга (до чего же девальвировано это слово!). Нет, не перед народом — кроме того, что это абстрактное понятие, оно ещё и до предела затаскано погрешечным употреблением и коммунистическими и посткоммунистическими деятелями. А перед человеком в себе, а через это — перед людьми в других. На глаз и на ухо — просто. Однако это наитруднейше достигаемая простота.

1992 г.

КУДА МАРШИРУЕТ АРМИЯ⁷

Видимо, нам так и суждено быть похороненными под руинами собственной экономики, но с любимым девизом казармы: «хочешь мира — готовься к войне». В ответах маршала Ахромеева на вопросы «Нового времени» (№14–15/91 г.) прозвучало и нечто новое. Чтобы прекратить гонку вооружений, «... в первую очередь нужно заменить руководство, даже больше — заменить систему». Итак, всё дело в том, кто первый стоит в очереди. Но может, вопрос надо поставить иначе: а зачем вообще нужна армия?

На мой взгляд, со времён Ивана Калиты армия создавалась не столько для защиты, сколько для захвата русских, а затем и чужих земель. С началом формирования российской империи при Иване IV у армии становится заметной и вторая функция — удержания и подавления. Так как страна развивалась путём поглощения всё новых народов и территорий, вторая функция заслоняла первую редко, разве что во времена Пугачёва. Но она никогда не была второстепенной, недаром ещё при Екатерине II вся страна была разделена на генерал-губернаторства и вступивший на эту должность наделялся несбыточными полномочиями.

В начале XX века главной функцией армии стало удержание империи от распада и подавления народных восстаний. Армия — единственная надежда гибнущего самодержавия. Без неё оно не пережило бы революцию 1905 года. Но ведь и сейчас, мне кажется, мы очутились в очень похожей ситуации: старая система добровольно со сцены истории сходить не хочет, и все надежды власть возлагает на армию. Чтобы намертво связать армию с собой и отрезать ей все пути назад, центр и партократия на местах не стесняются в выборе средств. От попыток гальванизировать са-

---

⁷ К.П.Крижановский. Куда марширует армия // Новое время. 1991. №21.

мые старые и тёмные традиции, описанные ещё Куприным, вроде обвинения демократов в неуважении, оскорблении и шельмовании армии, — до стремления запятнать армию кровавыми преступлениями перед народом.

В глубине любых социальных действий заложен личный, групповой или общественный интерес. Сами солдаты и младшие офицеры начинают понимать, что их интересы весьма далеки от интересов генералов и маршалов. Солдат и сегодня совершенно бесправен. Армия и сейчас — это самодовлеющая тоталитарная система. В этом главная причина её внутренней катастрофы. Тысячами бегут и тысячами гибнут ещё совсем юные граждане нашей страны. Ещё больше превращаются в физических и нравственных калек. И до сих пор никто за это ответственности не несёт. Так что когда нам говорят: «интересы армии требуют», стоит сразу спросить: кого имеют в виду?

Верхушка армии тесно связана общими интересами с партаппаратом и имперским центром. Правда, не каждый полковник — Алкснис и не каждый генерал — Макашов. Но, похоже, в интересах всё той же верхушки — сохранить армию в том виде, в каком она существует, значительно усилив её полицейскую функцию. Тем самым армия сохраняет свою необходимость. 45 лет нас пугали новой войной, и только сейчас народу становится ясно, что на нас никто не собирался нападать. А сейчас армию пытаются убедить, что её миссия — спасти страну от всяких экстремистов, смутьянов и демократов.

Не выдержав непосильных военных расходов, экономика уже рухнула. И в таких условиях Верховный Совет СССР увеличивает военный бюджет ещё в полтора раза.

Может быть, стоит сказать, что в первые же годы после Гражданской войны сократили госаппарат более чем в пять раз, а численность армии в десять раз — с 5 миллионов до 500 тысяч человек. (Не потому ли НЭП смог победить разруху, а общество с поразительной быстротой пошло в рост?) По опубликованным у нас данным американской разведки, СССР только что заложил четыре новые атомные подводные лодки. Стоимость же подобной техники такова, будто сделана она из чистого золота.

Выход здесь только один. Армию уже в ближайшие годы уменьшить, по крайней мере, вдвое. В несколько раз сократить разработку и производство новых вооружений. Каждый солдат, офицер и генерал даёт торжественную присягу не поднимать оружие против народа: её нарушение расценивается как преступление против человечности, не имеющее срока давности. Солдаты служат только на территории своих республик: редкое исключение производится лишь с их согласия и согласия двух республик. Казармы закрыты для политических партий и открыты для демократических, гуманистических, правозащитных организаций; пропаганда диктатуры, насилия, шовинизма и религиозного фанатизма — преступление. Солдаты и младшие офицеры получают гарантированные права...

Если вся система воспитания будет строиться на развитии, а не на подавлении личности, это, в конечном счёте, приведёт от дисциплины голого принуждения к дисциплине сознательной. Разумеется, в первую очередь следует полностью ликвидировать всю структуру партийных политотделов. В будущем, но не раньше, чем будут созданы сильные демократические партии, система работающих демократических законов, а главное, мощные демократические традиции, станет возможным и создание небольшой профессиональной армии. В нынешних же условиях, по-моему, она станет лишь прочной опорой для диктатуры.

Мы не можем ждать, как предлагает маршал Ахромеев, пока система сама уйдёт — ибо она и не уйдёт, пока имеет прочную опору в лице армии.

Однако весь этот процесс надо построить так, чтобы в нём было заинтересовано не только общество, но и сама армия. Демобилизованные офицеры должны получить солидную компенсацию, работу, нормальное жильё. И вообще, общество должно принять самое искреннее участие в судьбе своих граждан, сокращаемых из армии. Тогда этот процесс пройдёт быстро и без серьёзных трений.

1991 г.

КОНВЕРСИЯ — ИЛИ...?

Сердечные излияния в нашей прессе некоторых офицеров и генералов вызывают тревожные мысли. Агрессией российская армия занималась 400 лет, все силы, вся энергия, весь разум народа уходил на поддержание экстенсивной формы развития. Многим из наших граждан до сих пор кажется, что если бы, ну чуть-чуть, не так сложились обстоятельства или командовали немножко другие люди, Россия выиграла бы и русско-японскую, и Первую мировую, и на сегодня владела бы не одной шестой, а, по крайней мере, половиной мира. Они никак не желают понять, что когда-то должен прийти конец экстенсивному нашествию. И не только на чужие страны, но и на свой собственный народ, но и на свою собственную природу. Создали империю, а теперь буквально не знаем, что с этим чудовищным скорпионом делать: и раздавить его не просто, и в живых оставлять нельзя — последнюю кровь выпьет. А ведь ядовитые клешни у этого монстра — армия, КГБ и МВД. Не будь их, народы бы давно покончили с империей и зажили свободной, человеческой жизнью. Они же являются и средоточием, и опорой всего самого тёмного, самого реакционного в нашей стране. Можно ли всерьёз проводить перестройку без их коренного преобразования? Надо не только уменьшить армию в несколько раз, но и создать её заново. И не только структурно. В армии должны остаться действительно лучшие, прогрессивно мыслящие, как генерал Григоренко. А от тех, кто так ничего и не понял, кто полон имперскими амбициями или маниакальным воинственным шовинизмом, — от тех надо избавляться. И чем скорее, тем лучше.

Или мы всё ещё надеемся, авось обойдётся? И реакция не пустит в ход нож против безоружного противника? Напрасные надежды. Если мы не преобразуем армию, КГБ и МВД, причём в

самое ближайшее время, мы станем свидетелями военного переворота. Но, в отличие от Польши, клетка, куда нас загонят, станет нашей же могилой. Ибо в стране уже началась экологическая катастрофа. Ещё несколько лет имперского правления — и экологический геноцид станет истреблять миллионы людей, а десятки миллионов превратит в инвалидов. В ворота империи уже стучится голод. Кое-как, с помощью Запада, мы ещё пока держимся. Военная диктатура и разрыв с Западом широко откроют ворота, и страна будет охвачена таким голодом, какого она не знала даже в 1933 году, хотя бы потому, что он охватит города. По сравнению с этими двумя катастрофами даже самые яростные национальные конфликты лишь дополняют картину воистину Страшного Суда. Выход тут только один. Преобразование армии надо начать уже сейчас. И начать с восстановления солдатских комитетов, возникших после свержения самодержавия. Такие комитеты, избранные тайным голосованием из числа рядовых солдат, должны быть созданы во всех частях и соединениях, начиная с роты и кончая армией. Главная задача этих комитетов — не дать превратиться армии в орудие реакционных сил. Кроме того, они будут следить за всем материальным обеспечением солдат, за нормальными отношениями между солдатами, а также соблюдением их прав со стороны сержантов и офицеров. Весь процесс воспитательной работы в войсках разрабатывается и осуществляется при участии солдатских комитетов. За пропаганду реакционных идей или за противодействие процессу перестройки армии по требованию комитетов офицер должен быть немедленно понижен в должности, а при повторении того же — уволен из её рядов. При попытке повести солдат против народа или его Советов комитет имеет право немедленно арестовать офицера и передать его в суд. Для помощи в деле перестройки армии и с аналогичными функциями могут быть созданы, по желанию офицеров, офицерские Советы.

Солдаты и офицеры должны иметь право в свободное от службы время посещать митинги и собрания левых сил. В свою очередь, представители левых организаций смогут получить возможность регулярно выступать на политзанятиях солдат и офицеров.

Каждый солдат, офицер и генерал даст присягу в том, что он никогда не поднимет оружия против народа. Необходимо полностью перестроить всю систему политического образования как в частях, так и в учебных заведениях. Её главная цель — превращение армии империи в армию народа. Поэтому будут осуждены все завоевательные войны империи, как царской, так и сталинско-брежневской. Героев для примера следует искать только среди тех, кто защищал свою родину или боролся за свободу народа, а не среди генералов-завоевателей. В солдатах и командирах следует воспитывать чувство гордости за то, что они участвуют в создании совершенно новой в истории страны армии. Впервые это будет армия только оборонительная, которая никогда ни на кого нападать не будет — ни за рубежами страны, ни внутри её. Впервые это будет армия глубоко демократическая, с гарантированными правами каждого и строгой ответственностью за их нарушения. Впервые эта армия будет построена не на полном подавлении личности и её растворении в массе, а, наоборот, на её развитии и утверждении. Гнусный комплекс неполноценности и традиционное чувство вины низших перед высшими, что постоянно насаждалось в армии и что порождало, с одной стороны, барство, дедовщину, расизм и обогащение, а с другой — забитость, отчаяние и самоубийства, исчезнут. Отсюда появится сознательная дисциплина и безмерно вырастет боеспособность армии. А это позволит резко сократить её численность.

Итак, изменение системы и функции армии, переход от силы количества к мощи качества, обновление кадров и новая система воспитания положат конец армии как слепого орудия в руках господствующего класса. Но всё это требует времени. Одним декретом новую армию не создашь. Это процесс, и не на один год. Тем более, его надо начать немедленно. Параллельно, но в тесной взаимосвязи с этим процессом следует неуклонно вести и другой процесс — демобилизации, разоружения и конверсии. Что на армию уходит не 15–20 миллиардов рублей, как нам твердили из года в год, и не 78 миллиардов, как утверждают сейчас, а гораздо больше, — ясно, стоит лишь взглянуть на нашу раздавленную экономику и сравнить наш и американский бюджет. Откуда берётся не

мифический, а вполне реальный военный паритет с США, да ещё с заметным креном в нашу сторону за счёт громадного превосходства в обычных вооружениях, если военные расходы США в долларах втрое выше, чем наши в рублях? Нас пытаются убедить в том, что армия США обходится американскому налогоплательщику гораздо дороже, чем нам. Действительно, американский солдат получает неплохую зарплату, в отличие от нашего, который практически ничего не получает. Питание и одежду тоже не сравнить. Как не сравнить и расходы на сержантский и младший офицерский состав — на первый взгляд кажется, что цифра в 78 млрд. рублей для паритета вполне достаточна. Но только мы попробуем копнуть поглубже, как картина сразу изменится. Кто может сказать, во сколько раз дешевле обходится производство одежды и пищи в США по сравнению с нашим? И это лишь производство. А какая часть произведенного доходит непосредственно до потребителя? А из того, что дошло, какая часть к употреблению непригодна? Если произвести такой несложный подсчёт, то даже в самом грубом приближении окажется, что цифра в 78 млрд. руб. так же близка к действительности, как 15–20 млрд. к этой цифре. Мы уже не говорим, сколько раскрадывается в самих воинских частях.

Да простит мне читатель за аналогию, но вспоминается вот что. В середине XIX века по дорогам России брели маленькие группы худых оборванных людей. Они просили милостыню, тащили всё, что плохо лежит, по ночам слегка разбойничали. Но это были не нищие. Это солдаты Его Императорского Величества, или, как их на Украине называли, «москальи». Чтобы они не умерли от голода и холода, ротный командир время от времени разрешал им отправляться «на пропитание», обычно за половину собранного или украденного. А ведь самодержавие всегда очень заботилось о своей главной опоре и выделяло из бюджета вполне достаточную сумму для нормального питания и обмундирования солдат. Но почти всё это раскрадывалось офицерами полка, причём львиная доля доставалась его командиру. В итоге, хоть и часто воевала Россия, да и войны велись за счёт того же экстенсивного подхода: «материала много, чего же его жалеть», а всё-таки истребляли солдат не столько на полях сражений, сколько в казар-

мах. Да, эти офицеры, превращавшие солдатскую кровь в вино, были мало похожи на тех славных мальчиков, которых нам постоянно демонстрирует кино, телевидение и писатели-баталисты. Чего здесь больше — тёмного невежества или дистрофии совести, трудно сказать. Но что правды мы совершенно не знаем даже об армии царской — это факт.

Вернёмся к вопросу о паритете. Сказанное выше ещё не всё. Американская армия требует расходов в сотни миллиардов долларов, а между тем она почти втрое меньше нашей. Чтобы скрыть действительные расходы на армию, в ход у нас пускают всякого рода камуфляж. Так, все мирные предприятия производят продукцию для армии, многие имеют для этого специальные цеха. Не будем останавливаться на том, насколько лучше оборудование и особенно снабжение на военном предприятии. Но ведь всё это за счёт обеднения мирных предприятий, где нередко мы видим в работе трофейные станки, а можно найти и дореволюционные. А кто может сказать, насколько дешевле истинных затрат на него продаётся готовое изделие армии? И эту разницу компенсирует наше народное хозяйство. Недаром оно лежит в руинах. Вот такой ценой создаётся военный паритет с США. И тем самым удовлетворяются имперские амбиции. Как не вспомнить Эллочку-людоедку и её грандиозную борьбу, которая велась с полным напряжением сил и поглощала все ресурсы. Борьбу не с кем-нибудь, а с американской миллиардершей. Да простят мне специалисты, но уж очень похоже, что великие сатирики высмеяли наши имперские традиции.

Пора положить руку на сердце сказать: после войны никто не собирался на нас нападать. Действительно, трудно найти в истории более удобное время для нападения на нашу страну, чем 1945–47 годы. Людские и материальные ресурсы находились на пределе, истощённая и обескровленная страна лежала в руинах и была совершенно не в состоянии выдержать новую большую войну. А у США была громадная армия, имевшая великолепный боевой опыт операций в Северной Африке, Италии, Франции, Германии и на Тихом океане, потерявшая в войнах лишь небольшую часть своего личного состава. К тому же, у США были сильные союзники и ядерное оружие. Нет ни малейшего сомнения, что не только

Сталин в подобной ситуации не раздумывал бы. Но США на нас нападать не собирались даже тогда и, тем более, позже. Кому же нужно было постоянное запугивание народа угрозой войны, мало того, постоянное разжигание военных конфликтов буквально во всех регионах мира? Экстенсивный способ развития, а именно таков он у нас до сегодняшнего дня, не в состоянии найти внутри страны ни материальных, ни моральных факторов своего утверждения. И он ищет их в непрерывных захватах. А когда прямая аннексия становится невозможной (последняя из них — Афганистан), то на порядок дня становятся аннексии с помощью союзников (Корейская и Вьетнамская войны, кубинская армия в Эфиопии и Анголе, войны на Ближнем Востоке). Пора понять, что весь послевоенный период СССР вёл ярко выраженную агрессивную политику. Она поглощала все ресурсы страны. Но так как у нас политика всегда доминировала над экономикой, обманутый народ терпел всё («лишь бы войны не было»), а материальные ресурсы были самыми большими в мире и казались неисчерпаемыми, то последствия такой политики никого не волновали. Наша страна восстановила против себя весь мир. Страх перед растущей военной мощью агрессивной страны заставил буквально все пограничные и ближайшие к ним страны соединиться в военные блоки. Дружественный к нам Афганистан не пожелал вступить ни в один из блоков, за что и поплатился. Казалось бы, такая политика совершенно безрассудна, тем более, когда тебе противостоит целый мир. Но именно такая политика помогала удержаться у власти всем сталинско-брежневским режимам. Она утверждала в сознании масс необходимость в крайней централизации власти. Она, по существу, оправдывала всё. И чудовищный бюрократический аппарат, который всё больше напоминал мафию, и околупартийную диктатуру, и культ вождя, и культ армии, и милитаризацию всей экономики страны. В конце концов, — думал обыватель, — это всё-таки лучше, чем война. А за спиной всех этих непрерывных военных приготовлений мафия китайской стеной отгородилась от народа и зажила в своё удовольствие. Народ буквально до нитки раздевали и заставляли воровать, чтобы не умереть с голоду, и пьянствовать, чтобы забыться и перестать хоть на минуту чувствовать себя жалким рабом. Зашатались

сами нравственные устои общества, всё чаще и грубее стали вылезать наверх звериные инстинкты. Зато народ щедро кормили имперскими и шовинистическими идеями, которые должны были приподнять его в собственных глазах и противопоставить русский народ всем остальным народам нашей страны, да и всего мира. Под предлогом воспитания мужества у будущих солдат в школах до сих пор насаждается культ жестокости, а военные игры и муштра школьников с пятого класса давно стали едва ли не главным в работе школы. Иногда просто трудно понять, школьная это или армейская жизнь. А зайдите в магазин: почти все детские игрушки для мальчиков — это орудия убийства. Да что магазины! Даже детские библиотеки, такие бедные мировой классикой, буквально завалены книгами о войне. Может быть, пора кончать эту затянувшуюся игру? И понять, что это игра с огнём?

Да, нам нужна другая армия. И не только потому, что где-то около половины нашего бюджета по-прежнему идёт на подготовку к агрессивной войне. Но и потому, что по улицам городов постоянно маршируют солдаты. Особенно отчётливо слышны удары кованых сапог в национальных регионах страны. Под командованием своих офицеров и генералов — против кого они пойдут завтра? Если ничего не изменится, то ответ может быть совершенно однозначен: против своего народа. Да, нам нужно не только полностью преобразовать армию, но и сократить её, по крайней мере втрое. Разве этого мало — 1,5–2 млн. до зубов вооружённых солдат? В первой половине 20-х годов у нас практически не было армии, но никто на нас не напал.

Да, нам нужна конверсия, но разве такими темпами её надо проводить? После Второй мировой войны не только на Западе, но и у нас конверсия было проведена очень быстро — за год-два. И мощнейшая военная индустрия перешла на производство предметов народного потребления — но ведь без этого поднять из руин и голода страну было совершенно невозможно. А сейчас наша экономика всё больше принимает вид руин, но у нас нет даже отчётливого плана конверсии и, судя по всему, её собираются растянуть на десятилетия. Вместо этого всё громче раздаются «рацпредложения», которые, по сути, сводятся к тому, чтобы всё основное со-

хранить в нетронутom виде. Так, например, предлагают: да, давайте торговать оружием. Как будто наша страна уже давно не стоит на первом-втором месте в мире по торговле оружием. Можно пересчитать по пальцам, сколько военных конфликтов проходило в последние 40 лет без участия нашего оружия. А бывали и такие, когда оно гремело с обеих сторон, как, например, ирано-иракская война. И этим грязным кровавым делом нам предлагают заниматься в период перестройки. Кстати, куда идут нажитые на этом капиталы?

Да, нам нужна конверсия. Но такая, чтобы она охватила всю нашу жизнь — от экономики до школы, от книги до традиций. Всё мышление должно быть перестроено с имперского и военного на мирное и гражданское. Иначе мы просто не выживем. И последнее. То, что предлагается создать на месте нынешней профессиональную армию, тем самым уменьшенную и вроде более дешёвую, — это вполне естественно. Страшно, что предлагают это представители левых кругов, и уж поистине удивительно, что пока никто ни слова не возразил. Впервые у правых и левых хоть по одному вопросу появилось по-настоящему трогательное единство. Придётся рассмотреть этот вопрос всерьёз.

В России армия стала фактически профессиональной со времён Петра I. Солдаты были оторваны от земли и семьи и вечно (больше 25 лет) служили в армии. Единственное отличие — рекрутский, а не добровольный набор. Но не это главное. А то, что казарма стала родным домом, а весь внешний мир — чужим и достойным насилия и грабежа. Без такой армии пугачёвское восстание царизм подавить не смог бы, да и вообще, без такой опоры самодержавие долго бы не продержалось. Военная реформа Петра I, о которой с таким умилением пишут наши историки, была целиком направлена против народа и буквально спасла самодержавие от гибели.

Создание профессиональной армии у нас до полной демократизации страны и исчезновения имперского общественного сознания ставит все наши завоевания под удар. Такая армия будет послушным орудием в руках самых реакционных политиков и генералов. Все интересы будут связаны с армией, и, выполняя

приказание, солдаты и офицеры пойдут на всё. Это будет как бы вооружённый пушками и ракетами КГБ. Стоит подумать об этом и отложить проект до лучших времён, когда само общество станет совершенно иным, а армия будет подчинена демократическим Советам.

1991 г.

ИМПЕРИЮ — В МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ⁸ (I)

Десять лет назад в Российской империи, которая называлась тогда Советский Союз, прошла как-то незамеченной очень знаменательная дата. В свете сегодняшних событий её следовало бы не только отметить, но и крепко над ней задуматься. Может быть, тогда... Да нет, история учит только тому, что правителей России она никогда ничему не учит.

Итак, 210 лет назад, в 1785 году началась самая длинная в истории России война — с чеченским народом. Вторжение в 1784 году российской армии в Чечню очень скоро привело в действие пружину народной войны. Восстание возглавил чеченец Ушурма, принявший имя хана Мансура. Российские войска были разбиты, и пламя перебросилось далеко за пределы Чечни. Отряды повстанцев уже доходили до Моздока и даже до Кизляра. Лишь через несколько долгих кровавых лет восстание было подавлено, но Чечню захватить так и не удалось.

С самого начала и до конца, весь XVIII век, империя не жалела ни сил, ни средств, ни жизней, и огненный вал раз за разом накатывал на Кавказ, оставляя после себя землю, чёрную от пожара и крови. Но захватить удалось немного. Вроде бы покорённый, народ восставал, и всё приходилось начинать сначала. Да уж слишком лакомой выглядела добыча, чтобы отказаться от неё. С 1782 г. по 1804 г. дворянство получило 600 тысяч десятин драгоценной кавказской земли. И вот с 1817 года под руководством Ермолова стало применяться то, что с нашествием германских фашистов стало широко известным под названием «тактика выжженной земли». Делалось это так. Прорубались просеки,

---

⁸ Статья опубликована с сокращениями уже после смерти автора в журнале «Новое время». 1996. №№ 36, 38.

добирались до сёл; мужчин, не ушедших с повстанцами, а также женщин, стариков и детей убивали или переселяли, посеы сжигались, скот уничтожался, имущество присваивалось, а всё, что нельзя было утащить, приводилось в негодное состояние или предавалось огню.

Думается, что это было пострашнее монгольского нашествия. А в России с гордостью повторяли: «Дрожи, Кавказ, идёт Ермолов!» И это — человек, вроде бы, близкий к декабристам. Идея империи уже тогда объединяла вокруг себя не только твердолобых сторонников самодержавия и рабства, но и почти всех либералов: Грибоедов, Пушкин, Белинский... Когда вспыхнуло польское восстание 1863 года и Герцен твёрдо стал на сторону свободы, тем самым спасая и честь России, большинство читателей «Колокола» повернулось к нему спиной.

Ермолов очищал Кавказ от кавказцев. Армянские рукописи упоминают о чеченцах ещё в VII веке, а учёные утверждают, что они являются коренными жителями Восточного Кавказа. Совершенно непонятно, почему чеченцы и их Родина должны считаться законной добычей России. Но во времена Ермолова вопрос так даже и не ставился. Благо империи считалось благом и для каждого человека.

Да вот близок локоть, а не укусишь. Разбой и геноцид не согнули свободных людей. Наоборот, террор сплотил как социальные группы, так и целые народы в огне восстаний. Вот, например, их перечень всего за 8 лет:

1819–21 гг. — восстания в Чечне и Дагестане;

1819–20 гг. — в Грузии;

1821–25 гг. — в Кабарде;

1821 г. — в Абхазии;

1821–26 гг. — в Адыгее;

1824 г. — опять в Абхазии;

1825 г. — снова в Чечне.

И в 1827 году Ермолов был смещён. На смену ему пришёл Паскевич. Продолжалась вырубка красивейших кавказских лесов. Но главными в тактике стали огромные карательные экспедиции по центрам восстаний.

Тем временем, войне в Чечне и Дагестане не видно было конца. Линии укреплений по реке Сунже разрезали чеченскую страну на две части — равнинную с плодородной землёй и горную. Можно подумать, что делалось это только для того, чтобы отрезать партизанские районы гор от равнин: их удержать было легче, хотя и здесь земля горела под ногами завоевателей. На самом деле, задача тактическая соединялась как с чисто экстенсивной, так и с имперской: захватить и поделить — но уже между своими — самые богатые земли. Самодержавие пыталось совместить завоевание с политической и этнической трансформацией Кавказа. Иначе говоря, страну и родину народа превратить в безликую российскую губернию — маниакальная идея и для нынешних Жириновских.

Вот для этой цели и была построена тысячекилометровая линия от Азова до Кизляра, состоящая из крепостей, фортов, редутов и постов. Вторая линия, почти такой же длины, шла от Тамани до Сухуми. И ещё ряд пограничных линий тянулся прямо в горы. Всё это было сооружено с 1735 г. по 1858 г. Интересно, что именно в год вторжения в Чечню, в 1784 г., была заложена крепость под символическим названием Владей Кавказом. А спустя век на только что оторванном у Китая Приморье был заложен город-знамя: Владей Востоком. Вот так. И никак не меньше. Великие стройки империи пожирали гигантское число человеческих жизней. Впрочем, Россия всегда за каждое движение платила кровью.

Принцип сохранился до наших дней. Чтобы содержать войну и всех, кто наживался на ней, надо было догола раздевать крестьян налогами и обрекать на периодическое вымирание от голода. Ведь со времён Петра I около половины бюджета, а нередко и гораздо больше, поглощали военные расходы. Правда, добрая часть их в дело не шла, а расхищалась чиновниками и офицерами, солдаты в казармах гибли от голода, холода, побоев ещё быстрее, чем на поле боя. Но с такими мелочами, как человеческая жизнь, на пути к государственной цели в России никогда не считались. Зато вдоволь кормили всех желающих громкой имперской славой. Энергия страны уходила в гудок...

Итак, опираясь на штыки и редуты, империя отнимала землю у свободных крестьян и раздавала её русским помещикам,

офицерам и чиновникам. Не забывая при этом местных предателей и щедро одаряя казаков. Казак получал от 30 до 80, старшины от 50 до 100, а офицеры — от 360 до 400 десятин. И казачество стало колониальной опорой империи. А в конце XIX века в горных районах Чечни и Ингушетии на душу мужского населения приходилось всего 20–30 соток земли. Целыми аулами арендовали землю у казаков, платя за родную землю захватчикам 400–500 тысяч рублей — цифру по тем временам фантастическую! Так что воевали народы Кавказа с рабовладельческой империей не только за независимость и свободу, но и за социальные права.

Под влиянием тяжелейшей войны, тянувшейся в Чечне и Дагестане уже свыше 30 лет, войны, в которой на карту была поставлена сама жизнь народов, с конца 20-х годов XIX века здесь начинает формироваться имамат — централизованное государство, где в руках одного человека сосредотачивается гражданская, военная и религиозная власть. После гибели двух, третьим имамом стал в 1834 г. Шамиль. Именно он поднялся до уровня подлинного вождя восставшего народа. Три года ожесточённых боёв с российской армией закончились тем, что вся горная Чечня и значительная часть Дагестана были освобождены. Брошенные сюда две армии заставили Шамиля вначале отступить, но тут оккупированная Чечня снова восстала, пламя перебросилось уже не только в Дагестан, но и в далёкую Адыгею. Империи пришлось писать кровью с чистого листа. Лермонтов, как участник, описал одно из упорных сражений на реке Валерик: «вода тепла, вода красна»; после нескольких битв российские войска снова заняли половину Чечни, но восставшие не сложили оружия, а отступили в Дагестан.

Империя обладала огромным численным, материальным и техническим превосходством, но воевала со всем народом и добиться решительной победы просто не могла. Хотя профессионализма было в ней более чем достаточно: только военным делом и занимались служивые всю свою жизнь. Солдаты — фактически до самой смерти, ибо наступала она гораздо раньше положенных 25 лет, а офицеры — до отставки по годам. Да и война на Кавказе длилась так долго, что поколения солдат сменяли здесь друг друга. Уж чего-чего, а опыта войны с повстанцами и партиза-

нами здесь хватало. И даже театр войны был хорошо знаком, ведь его не раз проходили из конца в конец. Да, для победы в изобилии было всё. Но она оставалась такой же далёкой, как в начале войны. Шевченко объяснил, почему так произошло. Обращаясь к восставшим, он отчеканил: «Боритесь — победите!» Потому что:

«За вас правда, за вас слава

И воля святая!»

Прибыла ещё одна дивизия, но именно после этого Шамиль одержал ряд крупных побед и расширил территорию имамата более чем вдвое. Его главные силы достигли численности в 20 тысяч человек и заставили с 1843 года громадную императорскую армию перейти к обороне. Теперь подкрепление составило две дивизии. Но и 1844 год принес поражения. Новый главнокомандующий генерал Воронцов сам возглавил наступление и едва не попал в плен — пришедшие на выручку войска успели прорвать кольцо окружения. Пришлось отказаться от попытки одним ударом решить войну и снова целиком вернуться к тактике Ермолова, проще говоря, к описанному выше геноциду. Шаг за шагом восставшие районы сдавливались кольцом укреплений, а население отступало в глубину гор. Императорская армия оставляла за собой подлинную зону пустыни...

Лишь через много лет, в 1853 году, отряды Шамиля ушли из Чечни. Закончилась в 1851 году семилетняя война в Адыгее. Казалось, долгий процесс колонизации Кавказа подошел к концу. Но уже осенью того же года заново пополненная до 15 тысяч человек армия Шамиля атакует, а в следующем году прорывает Лезгинскую линию укреплений на пути в Грузию. Шамиль двинулся на Тбилиси и был остановлен в 60 километрах от столицы губернии, но не российскими войсками, а грузинским ополчением. Одновременно снова вспыхнуло восстание в Адыгее и начались непрерывные атаки на укрепленные линии Западного Кавказа.

Сразу после окончания Крымской войны против Шамиля двинулась 200-тысячная армия. У восставших не хватало продовольствия и боеприпасов, районы Чечни и Дагестана были страшно обескровлены. Спасаясь от дикой резни, значительная часть населения бежала в Турцию — отнюдь не райский уголок на Земле.

Экономика была разрушена, и над Восточным Кавказом нависла угроза голода. С другой стороны, наместники Шамиля на местах постепенно стали превращаться в феодалов, что обострило отношения с крестьянством. Всё это ослабляло ряды восставших. Но даже в таких условиях Чечня завоёвывается заново (в который уже раз!) целых три года. Окружённый в 1858 году Шамиль вырваться уже не смог... Но на Западном Кавказе война шла ещё пять лет. А когда сопротивление было буквально раздавлено, поднялись новые восстания. Последнее из них в Чечне и Дагестане было подавлено в 1878 году.

Итак, война, начатая империей в 1785 году, тянулась с перерывами около века. В истории человечества это — одна из наиболее героических войн за свободу. В истории же России это — одна из самых позорных и жестоких войн, когда империя пыталась целые народы утопить в их собственной крови. Но государству мало было завоевать. От народа, пережившего самую страшную трагедию в своей истории, империя требовала не только страха и послушания, она жаждала любви и преданности. Отсутствие хотя бы одного из этих социальных ферментов сразу внушало подозрение, а если не хватало всех четырёх, было ясно, что перед вами предатель — всё равно, личность или целый народ. Этот принцип государство российское пронесло через всю свою историю, жив он и сегодня.

Уже через пять лет после пленения Шамиля, так и не дождавшись от чеченцев столь глубоких чувств, генерал Карцев, начальник главного штаба Кавказской армии, в докладной записке военному министру Милютину предлагает: переселить «всех чеченцев на левый берег Сунжи и Терека, а жителей станиц 1-го и 2-го Сунженского полка — на места чеченцев, так чтобы занять всю линию предгорий от Верхней Сунжи до Качкалынского хребта и таким образом отделить Чечню от горных округов Терской области и от Дагестана... Но чтобы исполнить этот план, нужно быть готовым встретить и преодолеть сопротивление отчаянное. ...Издержки, которых потребовало бы передвижение казаков, хотя и будут простираются до 750 тысяч рублей, но ввиду тех последствий, которые могут быть достигнуты исполнением этого плана,

конечно, не должно останавливаться перед этой жертвой». Кроме того, он предлагает «облегчить, по мере возможности, переселение чеченцев в Турцию». Итак, чеченцев предлагается выселить, землю отдать казакам, с самыми огромными расходами не считаясь, отчаянное сопротивление преодолеть, зато людям, у которых империя отобрала имущество и землю, она готова помочь переселиться в Турцию. Как будто там своих нищих мало.

Этот гениальный проект был доложен Милютиним Александру II, и царь — о нём говорят сейчас только с умилением — пожелал, чтобы «вопрос успокоения Чечни решился, по возможности, мирным путём — добровольным переселением чеченцев», но обязал чиновников «прибегнуть к предполагаемым в записке крутым мерам», «не отступая и пред необходимостью выселить всех чеченцев на левый берег Сунжи и Терека». Увы, заветная мечта императора и его верных генералов так и не сбылась. Вместо того чтобы в ответ на отеческую заботу тихо исчезнуть, неблагодарные чеченцы, ну конечно, опять восстали. Себя спасли, но каково было империи! Первой империи, скажем так. Ибо то, что сменило её после Октября 17-го, было не чем иным, как Второй империей.

Сначала, чтобы удержаться, империи пришлось пойти на серьёзные уступки. Чечено-Ингушетия была признана автономной республикой. Но затем права вместе с иллюзиями стали испаряться. Тогда чеченцы преподнесли и Второй империи свой урок. Когда началась коллективизация, а затем Сталин устроил всем народам кровавую купель — в надежде, что они выйдут оттуда одинаковыми, как оловянные солдатики, — чеченцы взяли в руки оружие. И даже стали освобождать от империи один район за другим. А затем тысячи чеченцев ушли на фронт, пятеро успели получить звание Героев Советского Союза. Да, другим они спасли Родину, но вот свою потеряли. Пять императоров завоевывали Чечню, но лишь Сталин довёл геноцид до трагического финала.

Уже впереди светила победа, и империя почувствовала себя на коне. Тогда и нанесла она удар в спину неугодным народам, пользуясь тем, что мужчины сражались. Женщины, дети, старики были объявлены предателями, втиснуты в сотни эшелонов с помощью целой армии КГБ и орды чиновников и отправлены за

тысячи километров от Родины. Это была подлая месть за свободулюбие, за героический идеал в прошлом, за столетнюю войну. Отсюда желание уничтожить не только народ, но и саму память о нём. Опустевшую землю стали срочно заселять русскими. Два народа исчезли из всех учебных, научных и публицистических изданий.

Откроем, например, 13 том БСЭ за 1952 г. В статье «Грозненская область» указана дата её образования — март 1944 г., на пяти страницах подробно описана природа и экономика. Но типичных для такой статьи разделов, как «Исторический очерк» и «Население», просто нет. Единственное упоминание о нации есть лишь для того, чтобы подчеркнуть, кто здесь хозяин: «из 365 школ 342 (!) русские». О чеченском и ингушском народах здесь ни слова. Властная рука вождя вычеркнула их даже из прошлой жизни.

В 1957 году по инициативе Хрущёва вопрос о народах-изменниках был заново изучен. Обвинения сняли — как лживые по существу и провокационные по направленности. Но прошло уже почти сорок лет, а процесс этот так и не закончен. Как легко и просто империи сломать судьбу целого народа и как мучительно трудно и нестерпимо долго заживают старые раны. Не цветами встретили ингушей при их возвращении на Родину, а пулями осетин, её заселивших. Казалось, империя, одним ударом вытолкнувшая целый народ в изгнание, достаточно мощна, чтобы восстановить справедливость и вернуть народ, переживший самую страшную трагедию, к нормальной жизни. Тем более, что вина за преступление лежит целиком на ней. Огромное государство в состоянии было одному маленькому народу компенсировать неизбежные потери, а другому вернуть землю и дом.

Но уже много лет мы видим, как сначала Союз, а затем Россия демонстрируют своё полное бессилие и из вопроса создают неразрешимую проблему. И не только в этом Россия становится удивительно похожей на прежний Союз. Почему это происходит, мы увидим, когда вернёмся из истории в сегодняшний день.

Ровно через 50 лет после ужасной катастрофы, в которой погибла половина народа, Россия снова, как дикий зверь, бросилась на Чечню. Впечатление такое, что более важной задачи за послед-

ние два века у неё не было. Соотношение населения воюющих сторон — более чем 100:1. Территория же России в тысячу раз больше. Власть имущие решили продемонстрировать как народам бывшего Союза, так и всему цивилизованному миру страшную мощь российской армии, её способность одним молниеносным ударом поставить целый народ на колени. Ради такой возвышенной цели были мобилизованы все военные округа, стянуты военные моряки даже с Арктики и Тихого океана. Да что армия! Одна за другой потекли на Кавказ дивизии внутренних войск. Ушли в бой пограничники. Бросили охрану преступного мира ради настоящего дела милиционеры. Министерство обороны требует, чтобы студенты немедленно оставили учёбу и шли на помощь великой армии, а срок службы был продлён. Судя по всему, Дума с пониманием относится и к этим отчаянным призывам. Видно, самое время запеть «Вставай, страна огромная...» и объявить священную войну. Да и в глубоком тылу, в столице великой Федерации, тысячи милиционеров пристально всматриваются в глаза. Они напряжённо ищут преступный цвет. Только сейчас власть осознала, что имел в виду Гребёнка, когда предупреждал: «Очи чёрные, очи жгучие». Со времён Ивана Грозного в России кровавая трагедия всегда неразлучна с нелепым фарсом...

Против кого же такое воистину титаническое напряжение всех сил? По ту сторону фронта численность тех, кто сражается, в десятки раз меньше, авиации совсем нет, артиллерия небольшая, танков единицы, нет даже «Стингеров», чтобы как-то прикрыться от ливня бомб. При таком соотношении сил Грачёв был бы не так уж далёк от истины со своим полком и двумя часами. Никакая регулярная армия не выдержала бы чувства беспомощности перед кипящей лавой огня, и если не к растерянности и панике, то уж к глубокому унынию это привело бы, а затем к поражению, окружению и сдаче в плен.

Итак, политики и генералы задумали лёгкую прогулку, славное покорение и кровавую баню. И тогда на доблестный офицерский корпус посыпались бы чины, ордена, подарки — и всё это вперемешку с лаврами. А затем — чем чёрт не шутит — армия могла бы приступить к ликвидации всех внешних и внутренних

врагов, Россия встала бы на дыбы, и весь мир задрожал бы от ужаса. Какое захватывающее зрелище!

И вот когда великая армия, наполненная ритуальной верой в свое мессианское предназначение, как неумолимый рок, обрушилась на непокорный народ, тот, вместо того, чтобы дать себя раздавить во имя величия России, встретил захватчиков огнём. Оказывается, хорошо зная, с кем они имеют дело, чеченцы сумели вооружиться. До сих пор правящие круги не могут прийти в себя от возмущения: кто им позволил! Мало того. Ревущий смерч войны защитники Родины встретили с полным хладнокровием. И великолепный сценарий рухнул.

За каждый метр завоёванной земли пришлось платить собственной кровью, разбитой техникой и нарастающим позором. Вместо ужасающего урока для чеченцев в пример всем непокорным, урок за уроком стала получать Россия. Уже за одно это надо было стереть Чечню с лица земли. И армия усердно стала превращать Родину чеченцев в зону пустыни. Шаг за шагом всё созданное поколениями людей разрушается дотла. Шаг за шагом всё живое становится мёртвым. И шаг за шагом имущество народа превращается в военную добычу, а войско всё больше напоминает громадную банду мародёров. Насмотревшись на этот динамичный процесс, Сергей Ковалёв сделал вывод: «Мерзавцы правят страной».

Но надо понять и армию. Не в силах согнуть народ, она пытается его сломать. Не умея победить мужчин, она успешно убивает женщин и детей. Не добыв лавры в роли воина, выслуживает их в роли палача. Генералы рвут и мечут, обвиняют во всём чеченцев, которые воюют не по правилам. Офицеры ссылаются на «белые колготки», которые стреляют в них из винтовки. Понятно, если бы стреляли из лука, а ещё лучше — из рогатки, российская армия показала бы всем, как блестяще она умеет побеждать.

ИМПЕРИЮ — В МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ (II)

Итак, ровно через 50 лет после катастрофы 1944 года и всего только через 37 лет после реабилитации народа Россия, как бешеный зверь, снова бросилась на маленькую Чечню.

Доводы, которые были выдвинуты президентом и его командой, не только лживы по существу, но нелепы и беспомощны даже по форме.

В самом деле, чего стоит утверждение: «Чечня — наша земля». Чечня была завоёвана менее 120 лет назад. Но вот Эстония и Латвия почти 300 лет как стали «нашей землей», и, однако, сейчас ни у кого, кроме маниакальных шовинистов, не вызывает сомнения необходимость их независимости. Более века состояла в империи Финляндия, свыше 120 лет — Польша, столько же Литва; было время, когда Россия хозяйничала, как у себя дома, в Северном Иране, Корее, Южной Манчжурии.

Какая разница между Чечнёй и Польшей, между Чечнёй и Финляндией? Почему литовский народ имеет право на независимость, а чеченский народ им не обладает? Почему независимость той же Литвы — это мировая проблема, а независимость Чечни — это внутреннее дело России? И почему России, а не чеченского народа? Я вспоминаю, как всего несколько лет назад независимость Литвы нашим правительством начисто отрицалась, вот как сейчас право на неё у Чечни, и как мы, в Москве и Вильнюсе, поддерживали её. А еще раньше мы выступали за свободную Грузию и возмущались, когда, прибыв в разбитую землетрясением Армению, Горбачёв вдруг начал грозить армянским борцам за свободу тюрьмой.

Независимости всех, ещё вчера стоявших в имперском строю, уже перестали удивляться и начинают к ней привыкать. Но всё те же угрозы тюрьмой теперь звучат уже из уст Ельцина и в адрес Чечни. Хотя выглядит это, как дикий фарс. Так же несостоятельны и утверждения, что Чечнёй правят бандиты. Ермолов называл чеченцев не иначе как разбойниками, его преемники тоже в выражениях не стеснялись. Ельцин и его окружение, вероятно, даже не подозревают, насколько этот термин — просто старый истасканный штамп.

Во все времена чиновники любой империи называли восставших против неё не героями или хотя бы партизанами, а непременно бандитами, разбойниками и даже голодранцами. Что это изменило? Первые почти повсюду на Земле проиграли, а вторые в кон-

це концов выиграли, стали свободными, и теперь никто не смеет даже сдержанно их оскорбить. Они независимы — и с этим приходится считаться.

И не надо ходить в Чечню за бандитами. В России их более чем достаточно. Такое изобилие, что мы снабжаем этим товаром не только Европу, но и Америку. Да и в России организованная вооруженные бандитские отряды преступность всё чаще выглядит в том или ином регионе, как самая первая власть. И, не скрывая этого, она рвется к господству над всей страной. Почему же этот крестовый поход не направили против неё?

Ничего не стоит довод, что Дудаев нелегитимен и установил диктатуру. Дудаев, кстати, был избран на выборах, чего не скажешь о представителе президента России. Свободные выборы сегодня, скорее всего, привели бы к избранию Дудаева как национального героя, как человека, организовавшего блестящий, в лучших традициях прошлого, отпор громадной и до зубов вооруженной имперской армии. Но раз все эти доводы не более чем детский лепет, мягко говоря, то в чём же действительная причина вторжения в Чечню? К чему она приведет? Что нам надо немедленно сделать, чтобы предотвратить полную катастрофу?

Прежде всего, пора понять, куда же направляют страну те, кто руководят ею последние десять лет — в апреле уже можно подвести итоги целого исторического периода. То, что происходит в глубине, в сущности, — это революционный переход от старой экстенсивной жизни к новой интенсивной. Но вот то, что происходит в системе управления страной, — это процесс отнюдь не революционный, а вялый, страшно растянутый во времени, нерешительный и осторожный по отношению ко всему старому, в лучших своих проявлениях — эволюционный, в худшем — процесс отката назад. Наши правители пытаются прошлое сделать будущим. Они слышали, что революция на Западе кончалась возвращением к старому, вот и поворачивают руль все ближе и ближе к 180°. Они, как и Бурбоны после возвращения во Францию на иностранных штыках в 1814 и ещё раз — в 1815 годах, мало что поняли и ничему не научились. На самом деле, на Западе все революции в конце концов победили. Во Франции с 1792 по 1870 г. револю-

ция четыре раза свергала монархию, пока наконец не утвердилась республика. В Англии было две революции, в Америке достаточно было одной, да ещё гражданская война уничтожила рабство. Конечно, кроме крутых революционных взрывов, было и нарастающее политическое давление масс. Но, так или иначе, а к середине XX века в Европе, США, Японии, а к концу века — во многих странах мира была ликвидирована диктатура во всех её формах, а монархия, там где она ещё сохранилась, превратилась в фикцию, мало того, в подобие какого-то шоу. Все империи были уничтожены, процесс этот шел сверху, осознанно и целенаправленно, и почти везде — мирно. Англия, Франция, Бельгия, Голландия, Португалия, Испания, США — все они предоставили своим колониям независимость. Встав у руля правления, Маргарет Тэтчер мужественно заявила согражданам: «Пора понять, что Англия — маленькая страна». Вот, освободившись от диктатуры, монархии, империи, страны Запада и Япония достигли за короткое время фантастических успехов. Сегодня империи исчезли, даже в Латинской Америке диктатура президентов ушла в прошлое. И вот на этом фоне российские правители пытаются сохранить остатки империи и восстановить диктатуру. Можно представить себе, какими глазами смотрит на нас мир.

Создаётся впечатление, что после заключения Беловежских соглашений у России не осталось других забот, как восстановить старую империю... Лихорадочно разъезжает Козырев, премьер и президент каждый раз откладывают все дела и берутся за монтаж империи. На это не жалеют ни времени, ни сил, ни средств.

Всё это началось буквально с первых дней уже вроде независимой России. Не успела Украина объявить себя независимой, как Попов, Собчак и Ельцин во весь голос заявили о территориальных претензиях России. А ведь все трое считались лидерами демократов. Что уже говорить о фашистах, националистах, государственныхниках и прочих радетелях империи.

Вся внешняя политика России пронизана имперским духом, но и внутренняя подчинена ему же. Важнейший признак старой империи я вижу в доминанте политики над экономикой. Но пока империя опиралась на экстенсивное развитие, иной она просто не

могла быть. Поглощая страну за страной, империя компенсировала этим буквально всё: бедность трудового народа и узкий внутренний рынок, низкую производительность труда и преобладание ручного труда над машинным, полунатуральный характер большинства крестьянских хозяйств и ужасающе низкую урожайность даже в начале XX века, произвол самодержавия и политическое бесправие перед ним всех классов общества. Пока движение вширь было успешным, движение вглубь могло существовать как дополнение к нему, и в таких условиях крайняя централизация, бюрократизация и милитаризация общества были просто необходимы. Но как только возможности агрессии на западе, юге и востоке исчерпали себя, самодержавие быстро потеряло свою необходимость и было легко сметено революцией. А без него стала разваливаться империя. И очень хорошо. Необходимость заставила бы экономику развиваться скорее вглубь, чем вширь, а это неизбежно потянуло бы за собой полное изменение общества, прежде всего его демократизацию, демилитаризацию и децентрализацию. Разумеется, в жизни процесс этот гораздо труднее и сложнее, ибо ведь преодолеть надо было не только привычную политическую систему, но и экономическую структуру, а каждому из граждан как бы родиться заново.

Отвыкнув жить на вокзале империи и построив для себя собственный дом, русский народ должен был бы решать и все остальные проблемы.

Размен части территории на интенсивную экономику, высокий уровень жизни, культуры и человеческого общежития привел бы страну к лучшим европейским образцам. То же самое можно сказать и обо всех остальных народах империи. Наведя порядок у себя дома, каждый народ мог бы подумать и о том, как лучше использовать для дальнейшего развития и элементы европейской интеграции.

Да, на такой путь могли бы ступить народы России после февраля 1917 года. Но возможность так и не превратилась в действительность. Ибо и демократы, и монархисты связывали все свои надежды на будущее с единой и неделимой Россией. И неудивительно, что когда красные и белые встали друг против друга, обе

стороны дрались за империю, а раз так, то и за диктатуру — ведь без неё удержать народы вокруг Москвы было бы совершенно невозможно. А постоянное стремление к приоритету российского центра над интересами народов и подавление любых попыток их к самостоятельному решению своих проблем подталкивало Москву на самый легкий и, как казалось, самый надежный путь — к выделению как опоры одного народа, одного языка, одной истории, а затем и унификации всех народов под русское начало. Но так как народы уже поднялись с колен и в целом представляли очень грозную и опасную для империи силу, пришлось примириться с существованием республик, национальных школ и даже народных героев — легендарных борцов против империи. Разумеется, при всём этом Москва стремилась подобрать кадры в центре и на местах — прежде всего по принципу преданности империи. С конца 20-х годов они занимают одно за другим все руководящие места, и с их помощью с этого времени начинается настоящий крестовый поход против всех 100 народов империи. Пошёл по нарастающей процесс превращения национальных школ и вузов в русские, вытеснение отовсюду национальных языков, жестокая цензура, восхваление Российской империи, а позже и её царей, но самое главное — процесс физического уничтожения национальной интеллигенции. После войны унификация всех народов резко ускорилась, а история как наука была искажена до неузнаваемости. Так, почти трёхсотлетняя война украинского народа за свободу была объявлена войной... за воссоединение с русским народом. А легендарный Шамиль превратился в заурядного английского шпиона. Всё русское очищалось от грязи и крови и превозносилось до небес как пример не только для народов Союза, но и для всего мира. Но что политика и история! Даже в науке, культуре, быту приоритет принадлежал только русским. Как оказалось, величайшие открытия зарубежных изобретателей и учёных были заимствованы в России. Так, изобретателями самолёта стали не братья Райт, а Можайский, хотя у него, как и у сотен других ему подобных, аппарат не смог подняться в воздух. В литературу и публицистику вошли слова: русская душа, русский человек, русский характер, русский лес, русское поле, русское небо и даже русский чай (где

он растёт в России?). Все положительное в Союзе стало русским. Странно было слышать: узбекский человек, марийская душа, казахский характер и т.п. Все это должно было унижить, растоптать человеческое достоинство одних и развратить своим превосходством других. Это была целенаправленная из года в год порча народов.

Шло время. Умер Сталин, но империя и всё с нею связанное осталось. В 1961 году была опубликована Программа построения коммунизма в СССР. И в том же году только за открыто провозглашённую идею независимости Украины Левко Лукьяненко был приговорён к смертной казни. Хорошо хоть, что у властей хватило ума перед лицом протестов всего мира не приводить приговор в исполнение и смягчиться до 15 лет лагерей.

Но факт говорит сам за себя: страна продолжала жить по законам империи, иначе говоря, по произволу великодержавных чиновников в Москве и их холоуёв в национальных республиках. То быстрее, то медленнее, но шел неуклонный процесс ликвидации национального образования, литературы и культуры.

С начала перестройки он не только не был остановлен, но, наоборот, усилился. Во многих городах Украины и Белоруссии закрыли последние национальные школы. Не пожалели денег и даже вывески с названиями улиц сорвали и прибили другие — уже на русском языке.

Всё это делалось грубо, нагло и на глазах у всего народа, вызывая растущее возмущение. Империя явно потеряла всякое чувство меры и усердно копировала Сталина.

Но если политика — доминант экономики, то совершенно естественно, что в самой политике чувство часто преобладает над разумом, а в самом чувстве — прихоть над мерой. Такая тенденция явно говорит о деградации всего государственного механизма. Но ведь это уже не просто склонность, а многовековая привычка государства — с одной стороны и народа — с другой. Народ всегда видит перед собой больное государство, и ему кажется, что другим оно в России и быть не в состоянии. Большевики ещё и потому пришли к власти и удержали её, что твердо обещали за счёт народного самоуправления резко ограничить власть государ-

ства и свести его к полугосударству, а в будущем и вовсе отменить его. И затем на протяжении десятилетий народ убеждали, что государство — как бы инструмент прошлого, поэтому оно и не может быть идеальным, мало того, без активной помощи народа оно просто не в состоянии выполнить свои задачи. С другой стороны, государству надо дать пока самые широкие полномочия для того, чтобы оно навело в стране порядок и построило с помощью народа как мощную экономику, так и новое общество. И едва наступит это счастливое мгновение, так сразу же одни функции государства, связанные с принуждением, системой законов и наказанием за их нарушение, просто отпадут, а другие — передадут непосредственно народу. Старое государство отомрёт, и на смену ему придет коммунистическое общество. Но раз даже государство носит временный характер, то и трудности — как внешние, так и внутренние — лишь связаны с этим. А этап этот переходный, поэтому неизбежны не только успехи в построении будущего, но и трудности и даже ошибки в преодолении прошлого.

Всё это была не просто идеология, а очень привлекательный миф. Полвека он связывал ожиданием политическую активность народа и поддерживал традиционную для общества слепую веру в единство интересов государства и общества, в империю как благо и в вождя как выразителя интересов не государства, а самого народа. А слепая вера с терпением, ожиданием и надеждой позволила Сталину и его банде развернуть всеобщий террор. Без массовой слепой веры невозможен был бы и массовый террор.

Сегодня, исключая Чечню, нет террора. Ушла в небытие слепая вера. А правящие круги страны ведут себя так, как будто они по-прежнему прочно опираются на первое и второе и могут позволить себе буквально всё, и если что-то не делают, то лишь по доброте сердечной. Такой подход чрезвычайно облегчает жизнь. С лёгкостью издаются приказы, рассчитанные на беспрекословное исполнение, но их или очень быстро приходится отменять, или они так и повисают в воздухе. Мы слышим правительственные речи, обращенные к верному и преданному народу, но где же этот народ?

Начиная с президента, власть имущие так цинично, так нагло лгут нам прямо в глаза, будто мы по-прежнему отрезаны от мира

китайской стеной, а каждый из нас переполнен темнотой, верой и страхом. До какой же степени надо погрузиться в имперские амбиции, чтобы так легко и просто смотреть на мир.

Горе народу в имперских цепях. Но беда и тому, кто куёт эти цепи. Ибо примеряют их прежде всего на нём.

Горят не чеченские города и села, это горит наша демократия, это крошится и плавится наша совесть, это твердеют и мумифицируются наши души.

1995 г.

КАКОВ ЦВЕТ У ФАШИЗМА?

Что такое фашизм? Можно ограничиться структурой и функцией власти. Кстати, структура — это и есть сущность. Она ведь не только строение, но и отношение. Значит, она и действие. А как понимается в философии функция? Как взаимодействие: изменение одного ведёт за собой изменение и второго. Ясно, что здесь рассматриваются не все отношения, а лишь отношение взаимодействия. Поэтому далее слово «функция» я буду употреблять только в смысле взаимодействия.

Фашизм можно рассматривать по-разному. Можно видеть в нём способ управления, ту же абсолютную монархию, но в XX веке. Другой она в наше время просто уже не могла бы быть. В фашизме, действительно, всё доведено до крайности: требование абсолютного единомыслия, не знающий пределов обман, полное отсутствие информации, кроме государственной, беспрекословное повиновение, слепая вера всего народа, религиозное обожествление вождя. Все эти принципы заложены в систему управления, она без них просто не может существовать. Опираясь на них, государство устанавливает систему ценностей, где всё подчинено его интересам, но внешне вроде всё для блага народа. Государство не только вмешивается во всю систему управления, но и в отношения нравственные, семейные, даже любовные. Где видимо, а где незримо, но присутствует оно не только в вертикальной, но и во всех горизонтальных связях, оно проникает в любую щель, в любую клетку и, как вирус, подчиняет её себе.

Фашизм разрушает все преграды, и власть заполняет собою всё. Голубая мечта любого диктатора со времён фараонов здесь впервые полностью воплощается в жизнь. Да, впервые, ибо в Спарте вся жизнь спартанца была подчинена интересам государства, спартанец был в ней полностью растворён, вне государства

его просто не существовало, он был превращён в муравья; да, всё это так, но ведь илоты жили своей жизнью, мало того, не обладай относительной независимостью, они не только не могли бы содержать всех спартанцев вместе с их государством, но и самих себя. В Древнем Риме рабы тоже имели свою шкалу ценностей, свою мораль (да, господствующая, но не единственная), какую-то свою жизнь. Тем более, народы колоний, которым — по мере превращения всех римлян из народа в паразитов, не способных к труду, всё больше и наконец почти целиком зависимых от колоний, — Рим должен был давать всё больше возможности жить своей жизнью, чтобы выжить самому. Так что о растворении тут и речи не может быть.

Превращение человека в глину, из которой правитель может лепить всё, что ему вздумается, происходит только с появлением фашизма. Правда, в религиозных орденах происходило нечто подобное, но скорее как стремление, чем достижение, и только в момент создания нового ордена — ведь дальше возникает дифференциация, возникает разное имущественное положение, фактическим собственником становится правящая верхушка, интересы расходятся и даже становятся противоположными, внутри каждой из групп возникает своя мораль и своя шкала ценностей. Итак, фашизм впервые в истории целиком растворяет в себе общество, не считая рабов-заключённых. Отсюда неслыханная раньше цельность общества, его внутренняя сила.

Инакомыслящим в таком обществе быть не только смертельно опасно, но и невероятно трудно: все преданны государству, и действует здесь уже не столько разум, сколько чувство, мало того, в самих чувствах ужас страха отступает на второй план перед вином преданности. И это ещё не всё. Сама преданность — не столько холопская, в расчёте на барскую милость, сколько бескорыстная, в расчёте на общее благо, «от которого и мне перепадёт». Отсюда чувство глубокого внутреннего удовлетворения, рождаемое выполненным долгом. Для многих достижение этого опьяняющего чувства становится смыслом жизни.

Вот, опираясь на массовую веру, фашизм и может позволить себе действовать по принципу: цель оправдывает средства.

Возможно, это самый чудовищный и самый кровавый из всех человеческих принципов. Но люди применяли и будут применять его ещё долго. Важно, по крайней мере, чтобы правительства цивилизованных стран отвыкали от него. Фашизм авторитарен: сверху донизу все вожди. Их авторитет исходит не от них, а от фюрера, поэтому им верят как исполнителям его воли, они могут и не нравиться, и выглядеть весьма прозаически, но ведь они — лишь колёсики его системы, они обыкновенные люди. Он — божество, и ему дозволено всё. Сдерживающих принципов для него не существует. Он сам — творец нравственности, и высший моральный принцип — безграничная преданность ему. «Ему виднее» — типичная поговорка авторитарного общества. Ему — это не обязательно фюреру, но и его чиновникам, они знают то, что требует сам фюрер, а если при этом солгут, то берут страшный грех на душу, и фюрер раньше или позже разоблачит и накажет их.

Итак, фашизм выгоден и массам — ибо снимает с них всякую ответственность: так легче жить. Фашистский палач искренне верил, что он лишь орудие в руках фюрера и ни за что не отвечает. Он лишь старался хорошо выполнить свой долг перед фюрером. Немец, в годы войны получающий свою долю награбленных вещей, даже не задумывался над тем, что они, скорее всего, сняты с людей перед расстрелом. Если бы задумался, понял бы всё, это нетрудно.

Но так, не отвечая, не отдавая себе отчёта, жить было легче, понятнее, удобнее во всех отношениях. Здесь вера находила себе прочную опору в выгоде, интересе и отсутствии переживаний. Слепая вера и личный интерес и создавали тот сплав, на котором империя внутри страны держалась устойчиво и могла все свои силы бросить на расширение и грабёж. И даже когда освободители вступили в Германию, они встретили отчаянное сопротивление, а не решительную поддержку. И это понятно. Ведь немцы расставались с образом жизни, тем более, если бы не военные трудности, приятным образом жизни. Да и начинали — жизнь заставила — отдавать себе отчёт, что за преступления империи придется отвечать им, даже перед своей совестью и собственными детьми.

За семь лет фашизм стал частью каждого из них, заполнил собою в характере так много, что стал главной чертой личности.

Ясно, что срок для целого народа слишком короткий. Значит, должны были проявить себя исторические предпосылки. Германия, Испания, Россия веками расширяли свою территорию, а экстенсивное расширение всегда тянет к тоталитарному режиму со всеми атрибутами: огромными армиями, бюрократическим аппаратом, охранкой и вождём наверху. Уже Фридрих стал Великим, как и Пётр, оба стали больше, чем императоры, в них увидели поводырей народа. В XVII — XIX вв. территория Пруссии выросла в несколько раз, главным образом в результате почти непрерывных войн. Не только страна — сознание народа было милитаризовано.

И в Пруссии, и в Германии вырос культ абсолютного монархотца. То же самое произошло и в России. Этот непрерывный рост территории, захват земель, переселение немцев и русских на новые земли, поток военной добычи — всё это изменяло не только систему управления, но и саму душу народа. Отток наиболее активного населения на новые земли, в армию (в Пруссии не только в свою — в качестве наёмников или проданных немецкие легионеры участвовали ещё в попытке подавить голландскую революцию, затем американскую через 200 лет, а в промежутке участвовали во всех европейских войнах), переселение в Россию (немцев), в Америку, в Прибалтику — всё это резко ослабляло нажим на правительство, делало и русский, и немецкий народы более покладистыми по отношению к правительству, послушными, терпеливыми, покорными, развивало в обоих государствах культ солдата и взгляд на историю как на сплошные военные марши, хотя в другом характер немца и русского резко отличались. Кстати, именно сходство в одном и отличие в другом говорит об огромном влиянии на характер народа доминирующего развития вширь.

Фашизм

Фашизм — это растворение человека в государстве.

Фашизм — это экстенсивная слепая вера в государство, в то, что оно всё может, а дело человека — раствориться в нем.

Чем полнее народ растворяется в государстве, тем увереннее оно будет работать.

Это противоположно тому, что на самом деле: чем сильнее народ давит на государство, чем самостоятельнее, чем независимее от государства общество, тем оно (государство) должно лучше работать, чтобы доказать свою необходимость, чтобы оправдать себя в глазах общества.

Черты фашизма

1. Жизнь за счёт экстенсивного расширения, за счёт других.
2. Поэтому нужна армия, чиновники, вожди.
3. Но для оправдания их необходимости и того, что они живут за счёт жертв народа, они должны иметь образ врага:
  - а) уже сейчас, здесь, под рукой, хотя бы для того, чтобы согнать злость, а вообще поднять себя в собственных глазах;
  - б) врага внешнего — вот победим его и заживём;
  - в) связь внутренних и внешних врагов.

Фашист — политический фанатик, действующий скорее чувством, чем логикой, — факты на него не действуют, готовый к террору, провокациям, хулиганству — что прикажут.

Фашист — аморален, но послушен тому, что ему приказывают сверху. Это его возвышает.

Он верит в вождя, но, впрочем, пока у них настоящего вождя нет, и вера относительна. Но и её достаточно.

Фашист — эгоистичен. Он всегда рассчитан на выгоду — народа, класса, группы, личности. За счёт других. За передел собственности. Её надо отнять у евреев, инородцев, демократов и прочих предателей и передать «истинным русским».

Но фашизм в России может быть и без фашистских атрибутов, даже формально может отречься от антисемитизма.

Но крайний национализм — шовинизм — это всегда фашизм! (Русское национальное единство и другие организации президент выводит из-под удара).

Сталинизм — это переходная стадия к фашизму.

Но началось всё с ленинизма — растворения тогда не было. Наоборот, скептически оценивали государство, но верили в идеи. Значит, идеи ещё не слились с государством, с вождями. Они были сами по себе, а вождям и государству лишь надо было доказать, что они в состоянии их воплотить в жизнь.

А уже при Сталине в представлении народа государство и, в особенности, его вождь сливались с идеями. Вот тогда и наступил период возможности слияния. Но надо было переступить через умных людей, скептиков. Террор. Война — к этому. Идея победы — несомненна. Что после войны наступит другая жизнь — почти так же верили.

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

30 марта 1995 г.

Фашизм — это добровольное растворение народа в государстве на основе экстенсивного развития. Сплав государства и народа для извлечения обоюдной выгоды в процессе захвата чужих территорий — имперских действий или удержания империи. (Франция в 1967 г.; удержание — это уже сегодня).

ФАШИЗМ — ЭТО ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОССОЕДИНЕНИЕ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА ДЛЯ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ВЫГОДЫ ИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ АГРЕССИИ.

Март 1995 г.

План статьи «Каков цвет у фашизма»

1. Вступление. Тема.
2. Факты: как-то я... Беседа с «Памятью», с участниками митинга — откуда это?

Да, это психически неуравновешенные люди. Да, они могут примкнуть к любому социальному течению. Но почему они для фашизма типичны?

3. Определение фашизма.

Фашизм — иррациональная форма национализма.

План статьи «Фашизм»

I. Вступление.

II. 1. Несколько слов про экстенсивное и интенсивное.

2. Понятие фашизма.

3. Доведение этого тезиса по аналогии: Спарта, средневековье, Россия. Далее XX век: Италия, Испания, Румыния, Япония.

4. Германия как чистый тип фашизма.

5. Россия — СССР. Почему тут не было фашизма: государство не тянуло народ к крайнему и воинственному шовинизму, затем — коммунистическая идеология и германская идеология. Параллель: интернациональные гимны (достать гимн Хорста Весселя — перевод). Представление в СССР и Германии: солнце, лучи его — пусть условные, пылающие континенты. На фоне их — бандитский грабёж мира.

6. А что сейчас? Мы ещё фашизм не прошли... у нас не будет фашизма в чистом виде — это сейчас невозможно, потому что он себя слишком скомпрометировал.

ФАШИЗМ

Вся история цивилизации — это преодоление человеком экстенсивного способа развития и переход к интенсивному. Увы, розы оказались с шипами. Поступательное движение существует только в воображении штатных историков. На самом деле развитие не только сменялось деградацией, но оба эти процесса нередко шли одновременно. Ранее я писал, что общество, человек и государство всегда стремятся найти для себя наиболее лёгкий путь. Если только есть возможность, то всегда и легче, и проще увеличить количество труда, чем изменить его качество. Да бывает и гораздо выгоднее. Откаты назад мы наблюдаем с древних времён, ещё лет за 700 до нашей эры. В древности достаточно было создать мощную армию, чтобы добывать средства к жизни не столько у себя дома, сколько на стороне. Такими были Ассирия и древний Рим. Этот процесс постепенно разрушал собственное хозяйство. Перед потоком добычи оно просто теряло необходимость. Так, когда-то цветущая Италия, став центром гигантской империи, заросла дикой травой. Такую же плату за империю отдала Испания, где деградировало всё — ремесло, торговля, города, сельское хозяйство, испарились даже все виды свобод. Ещё более страшную цену заплатила Россия, когда при Петре I было введено рабство. Россия вообще является классическим примером страны, где веками и до наших дней шло два параллельных процесса — деградации и развития. Второе всегда, да и в наши дни, идёт за счёт первого.

Вот таким откатом назад и является фашизм. Его можно определить как растворение человека в государстве. Человек уже имеет за своими плечами немалый опыт, и любой крупный феномен имел в прошлом предысторию.

Итак, фашизм — это растворение человека в государстве. Спарта. Желание нивелировать всё, всё уравнивать, сделать удобным

для управления, сделать одинаковым со всех сторон. Фашизм может идти снизу по отношению к государству — в виде переворота или мятежа. Но может идти и сверху, как в случае Гитлера. 30 января 1933 г. он стал рейхсканцлером. Стал законно. Вся его партия получила, хотя и меньше голосов, чем весной на предыдущих выборах, но всё же была первой партией. Коммунисты и социал-демократы получили большинство голосов, но каждая в отдельности партия получила на выборах значительно меньше голосов, чем фашистская. Гитлер, не имея большинства, должен был бы опираться на коалицию. И править страной. Но его партия и он сам были совершенно не приспособлены к парламентской деятельности. Впрочем, жизнь бы научила. Но ведь был более лёгкий путь. Была возможность государственного переворота. И они его осуществили. Исполнительная власть устранила законодательную, захватила её функции и функции судебной власти, а затем — и все средства массовой информации.

Диктатура исполнительной власти приспособила к своим нуждам и для этого преобразовала всю систему государственно-го управления, а затем и всю жизнь народа. «Благо рейха — это и есть твоё благо», — твердили немцу. И он верил в это. Прусское государство объединило всю Германию, и его история стала историей Германии. А прусская история — история непрерывных военных побед в течение всего XVIII века. Поражение, а потом катастрофический военный разгром во времена Наполеона как-то забывались на фоне того, что в конце концов Франция была побеждена. Поражение Дании, Австрии, Франции в 60–70-е годы XIX века, а затем объединение Германии безмерно подняли авторитет прусского государства и его монархической системы. «Каждый пруссак носит в своей груди жандарма», — эти слова Бисмарка говорят о степени растворения человека в государстве. Бурный рост германской промышленности и выход её на второе место в мире по индустриальной мощи тоже выглядели как заслуга государства и растворённого в нём народа. Казалось, военное поражение в развязанной им войне сразу против четырёх европейских государств отрезвит немцев от чрезмерного законопослушания и слепой веры в государство, да ещё с авторитарным

режимом. Действительно, революция уничтожила монархический режим. Но он возродился в преобразованной форме фашизма. В психологии народа военные победы и экстенсивное расширение казались единственно возможным способом не только развития, но даже самого существования народа. Вот почему фашизм и получил такую популярность. Или наоборот: фашизм и вырос на такой почве — она не могла в конце концов не родить фашизм. Уничтожение евреев было не только средством для отвращения и озверения масс, а нивелированием — средством сделать преступниками всех. Да, массы нужно было не только нивелировать, но и отшлифовывать, превратив всех их в стадо, когда нужно — всё озверевшее, когда нужно — всё послушное и работающее. Это стало возможным лишь в XX веке.

Фашизм — иррациональная форма национализма. Это та стадия, на которой национализм переходит в иррациональную форму. Нация — превыше всего. На самом деле фашизм выражает интересы не нации, а государства, то есть правящей фашистской верхушки. Таким образом, фашистское государство — это государство в иррациональной форме, проще — это сумасшедшее государство, полностью вышедшее из-под контроля общества. Государство, растворившее в себе общество. Русское самодержавие ближе всего подошло к фашизму. Ибо оно, со времён Петра I, пыталось растворить человека в обществе. Но надо, чтобы с обеих сторон было желание и возможность (или она всегда есть?) растворить народ. Государство этого всегда желает и постоянно стремится хоть частично растворить народ в государственных интересах. А вот народ может не поддаваться растворению. Или поддаваться неохотно, частично. Немцы растворялись охотно, дрались за Берлин до конца. А итальянцы сразу после свержения Муссолини срывали его портреты по всей стране. А потом пошли в партизаны. Но почему? Традиции. Немцы — народ законопослушный, они в прошлом всегда были частично растворены в государстве. И это давало им определённую духовную или материальную выгоду. Прусские завоевания. Увеличение государства за счёт польских земель и непрерывный процесс присоединения и даже захвата немецких земель. Всё это внешне поднимало имидж каждого пруссака: вот мы

какие! Три победы — над Данией, Австрией и Францией — окончательно вскружили голову многим.

Растворение части народа. Замедление становления свободной личности по сравнению с Францией, Англией, США, да и другими странами. Но надо подчеркнуть: в наше время государство необходимо. Потому оно, кстати, и существует. Отрицание положительной роли государства — глупо. Но государство тем лучше, чем активнее народ и все его социальные институты: партии, общественные организации, само общественное мнение.

А что сейчас?

Мы ещё фашизм не прошли, и народ ещё не знает, что такое господство националистов в государстве и растворение в нём народа. У нас не будет фашизма в чистом виде — это сейчас невозможно, потому что он себя слишком скомпрометировал. Поэтому для нас опасны не столько фашисты в ремнях и портупее со свастикой, сколько русские националисты в виде всяких объединений и партий: молодёжных организаций, казаков, части попов и т.п. Вся эта смесь ещё не имеет ни своего вождя, ни своей программы. Но это даже лучше для них, потому что тем самым они себя ещё ничем не скомпрометировали. Антисемитизм, крайний шовинизм, а вместе «благо народа» — это и есть тот магнит, который притягивает миллионы людей. Что ещё? Голод, неуверенность в завтрашнем дне, нарастающая массовая безработица, а главное — культ богатства и презрение к трудящимся и вообще бедным, чрезвычайно быстрый рост преступности и коррупции правящих кругов, ощущение полного бесправия — всё это и стимулирует то, что, может, вырастет в русский фашизм под лозунгом: православие, народ, Россия.

ЧТО ТАКОЕ РАСТВОРЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕ

1. Человек сам стремится, чтобы его «растворили». Два желания, два чувства, направления структуры сливаются в одну. Люди должны стремиться в массу своей к тому, чтобы их «растворили».
2. Почему?
  - а) а потому, что это облегчает им жизнь, снимает с них ответственность и целиком перекладывает на государство. «Жираф большой — ему видней» — снимает трудные проблемы собственной инициативы, да и человек перестаёт быть перед самим собой виноватым: всегда есть кто-то повыше, кто отдал приказ;
  - б) потому что это выгодно психологически и материально: военные победы и захваты отражают и переносят сияние славы на весь народ, и даже последний люмпен может погреть своё самолюбие в лучах славы. И это как бы объединяет — соединяет весь народ. А чисто материально: генералу, офицеру, политруку — облегчает карьеру, дворянину даёт новые земли, чиновникам — новые доходные места, крестьянам — куда бежать или переселяться, буржуазии — новые рынки сбыта и источник дешёвого сырья и дешёвых рабочих рук, государству — решение целого ряда сложных проблем самым простым способом: зачем усложнять себе жизнь и производить средства для жизни, если можно просто отнять у соседа.

В общем, психологически и материально весь народ в какой-то степени заинтересован в победоносных войнах. И если страна

из века в век ведёт победоносные войны, её правители могут не очень беспокоиться насчёт того, что трон под ними когда-нибудь рухнет. Но зато смертельную опасность представляет собой хотя бы одна проигранная война.

Итак, люди стремятся к тому, чтобы их «растворили». Слишком близкие к власти и слишком далёкие от неё — меньше всех. Слишком близкие чиновники сами хотят нажиться (КГБ — ещё ближе). Страшнее всего честные и работающие чиновники. В тоталитарном государстве Гитлер никак не смог бы уничтожить 6 млн. евреев и ещё многие миллионы европейцев, если бы не обладал целой армией покорных, исполнительных и честных чиновников и офицеров. Немецкая честность сыграла злую шутку с немецким народом, заставив сыграть позорную и кровавую роль до конца. Для других же народов это обернулось настоящей катастрофой или полной гибелью.

Герцен сказал, что можно ещё жить в России, пока берут взятки, пока нет порядка. И если бы в России всё растворилось в государстве, если бы были честные чиновники, то под палками во времена Николая I погибло бы безмерно много людей, а времена Александра III и особенно Николая II были бы началом геноцида для евреев.

Процесс идёт с момента возникновения государства. Человек в большей или меньшей степени сопротивляется этому или нет. С большим или меньшим успехом. Так что же, фашизм был давно? Но он же связан с партией? Разве? А во Франции петэновской разве господствовала партия? Коллаборационисты. Но был фашизм. Значит, может быть фашистская диктатура, режим, но не система.

Итак, фашизм — это обоюдно и для всех: все растворяются в государстве добровольно. Почти весь народ, а не его половина. Значит, фашизм — это не только система, но ещё прежде — состояние общества. Это готовность раствориться. Ради чего?

Покончить с невозможным состоянием:

- длительной войной (1917 г.);
- страшным кризисом (1933 г.);
- военным поражением, комплексом неполноценности.

Но эти же черты толкают к революции. Почему у нас в 1917 году был сметён царизм? Да потому, что потеряло авторитет растворение. Так что, у нас уже был фашизм? И какая разница между фашизмом и монархией? А может, это одно и то же — что фашизм, что революция? Или почему же именно одно, а не другое? Нет, революция — это диаметрально противоположный процесс: прерывается подчинение государству, требуется свобода. Фашизм же — растворение в государстве, подчинение ему. В чистом виде это было лишь в Германии. Народ готов был вручить власть прежде всего тем, кто наведёт в стране порядок. А нация? Национальный вопрос, вроде, стоял на первом месте? На самом деле призрак врага не был главным, главное — прекратить кризис, безработицу, установить порядок (столкновения коричневых и левых не прекращались). Народ готов раствориться в государстве, лишь бы оно его спасло. Государство же требует от него беспрекословного повиновения. А большевики что, не требовали? Но там это было вопреки идее, большевики заявляли, что государство — вообще временное явление, то, что есть — это уже полугосударство, завтра и его не будет.

* * *

Таким образом, фашизм — это болезнь общества, состояние покорности перед лицом государства, готовность сделать всё, что оно прикажет. Что этому способствует, кроме экономических факторов? Наличие значительного количества людей, потерявших себя, свой имидж, своё лицо, своё имущество, свою идейную опору. Но ведь фашисты не склоняются перед государством, а свергают его? Когда? Только в Германии или в Испании. Да и то в Германии они пришли с помощью выборов. Это готовность людей мириться с государственным террором, с насилием государства над личностью. Но не путать надежду с действительностью. Надежались они, наверное, на нечто другое. На другое? Они не видели штурмовиков, еврейские погромы, антисемитизм, антидемократизм? И они голосовали за Гитлера. Он им обещал силой изменить Версальский договор. А это — война. И об этом левые говорили всем. И они голосовали за Гитлера. Они устали от демо-

кратии, считая её анархией и все беды связывая с ней. Они жаждали отдаться сильной личности, сильному государству.

Фашизм — возвращение к старому. И свастика, и гитлеровское приветствие — копирование римского, а топор — казнь — германское. И героические примеры — из жизни германских королей. Фашизм тянет назад? В экономике: он берёт под контроль целиком или частично всю экономику страны. Военные заказы главенствуют. Но всё это уже детали. Не стоит в это вникать. Главное — в социальной сфере: консервация или падение зарплаты реальной, полувоенная или военная дисциплина на предприятиях.

* * *

Итак, фашизм — иррационален. Он опирается не столько на логику, сколько на чувство. Если обычно вывод строится на разветвлённом логическом построении, то идеология фашизма довольствуется всего несколькими догмами, с помощью которых объясняется всё. Причём напрямую, минуя сложные логические конструкции. — Ты беден? — спрашивал Гитлер. — Не беда, мы завоюем для тебя жизненное пространство, и ты станешь богатым. Работай сегодня хорошо на государство, а завтра на тебя будут работать другие. — Ты богат, но не уверен в завтрашнем дне? Ничего, завтра мы завоюем Европу, и экономика наша станет стабильной.

Фашизм — тоталитарен. Здесь доминируют или преобладают жёсткие (благодаря вере) вертикальные связи. Их могут поддерживать партийные связи, что, безусловно, укрепляет всю структуру.

Мы уже взглянули в лицо фашизму. Тбилиси пришёл в Москву. Прецедент. Вторая попытка. Третья — армия. На этот раз будут готовить в чистом виде военный переворот. И если массы народа снова останутся пассивными свидетелями того, как за них кто-то решает их судьбу, демократия в конце концов проиграет. Она всегда должна опираться на мощную и организованную поддержку народа. Что поддерживает демократию на Западе? Вековые демократические традиции. Демократические партии, напрямую зависящие на выборах от народа. Пресса. CNN и независимое телевидение. Независимый суд.

Иран. Вспомним последнего иранского шаха. Режим — тоталитарный, восточного типа. Но пережив один раз революцию и трёхлетнюю эмиграцию, шах не желал её повторения. Он думал, что повторная революция угрожает ему со стороны демократических сил и старался вырвать у них инициативу. В стране были проведены подлинно революционные социальные реформы. Миллионы крестьян получили землю. Миллионы с помощью организованных государством школ стали грамотными. С помощью таких же медицинских отрядов началось обучение населения, зачастую на имевшего самых элементарных знаний о том, как беречь своё здоровье и соблюдать гигиену, а также создание по всему Ирану сети больниц, поликлиник, медпунктов.

Началась индустриализация страны. И сюда пошли нефтедоллары. И пришло время, когда вчера ещё совсем неразвитая страна стала вывозить машины. Но всё это можно было сделать, лишь опираясь на интеллигенцию и в самой упорной борьбе с безраздельной властью религии и церкви. Что и вызвало решительное сопротивление духовенства. Всё новое клеймится как сатанинское. И неудивительно. Ведь церковь теряла землю, авторитет, монополию на всё — от нравственности до лечения. Её влияние явно отходило на второй план. Страна превращалась в некое подобие европейской цивилизации. (...)

ФАШИЗМ. ГЕРМАНИЯ

Фашизм — это озарённая солнцем дорога в ад. То, что люди принимают за солнечный свет, есть ответ адского пламени. Это свет Луны, который приняли за солнечный. Может ли человек поверить, что Луна и есть Солнце? Если его изолировать, а потом долго и упорно убеждать, что это так. Но главное — если его убедить, что это в его интересах. Равнодушные скажут: раз Луна стала Солнцем, значит это кому-нибудь нужно. Зачем же идти против? Именно это произошло в Германии. Не фашистские идеи стали так привлекательны. Да вообще, Гитлер за всю свою жизнь не выдал ничего, что осталось бы после него. А какие идеи были у Чингисхана? Какую идеологию нёс Тамерлан? Нет, не внешние идеи, а обыкновенная корысть объединила немцев вокруг Гитлера. Это была ещё одна попытка перевести страну на самый выгодный для государства экстенсивный путь. Территория Германии составляла в канун Первой мировой войны 540 тысяч кв.км. В канун Второй мировой — 470 тысяч кв.км. Правители Германии требовали «места под солнцем». Гитлер и его компания доказывали, что жить немцам —ну просто негде. И все беды от этого. Поэтому и кризис так страшно ударил по Германии. Теперь в ФРГ — 348 тыс. кв. км, и страна достигла исключительных успехов в экономическом развитии и благосостоянии народа.

До 1930 г. ещё была парламентская республика. А с 1930 года правительства Брюнинга, Папена, Шляйхера, Гитлера опирались уже не на большинство в рейхстаге, а назначались президентом. Брюнинг начал ликвидацию Веймарской республики: всё больше законов он и его правительство принимали во внепарламентском порядке, минуя рейхстаг. Брюнинг сам в своих мемуарах пишет, что он «низвёл полномочия парламента до уровня времён Бисмарка».

В 1930 г. было проведено 94 заседания рейхстага, в 1931—41, в 1932—13. В 1932 г. он принял лишь 5 императорских законов и 50 — чрезвычайных. Американский журналист Маурер писал: «юная республика постоянно призывала старорежимных монархистов и генералов защитить их от коммунистов. Такая республика должна была неминуемо оказаться во власти своих врагов... Что следует сказать о республике, позволяющей монархическим судьям толковать её законы по своему усмотрению и оставившей на своих местах старых чиновников, воспитанных на верности старому режиму, о республике, разрешившей реакционным учителям и профессорам воспитывать детей в презрении к существующей свободе и превозносить перед ними феодальное прошлое, которое разрешает и даже поощряет возрождение милитаристского духа...» (Б.Бессонов. Фашизм: идеология, политика. М., 1985, стр.38—39).

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ «ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ НЕОНАЦИЗМ 1919–1969 гг.»

**(А.С.Бланк. Материалы к спецкурсу для студентов
исторического факультета. Вологда, 1961)**

(из рабочей тетради)

5 января 1919 года. В Мюнхене три весьма посредственных литератора, слесарь железнодорожных мастерских, два бывших офицера объявили себя учредителями «Немецкой рабочей партии».

Цели объявления: искоренение марксизма, объединение на националистической основе, борьба против несправедливого мира. В сентябре сотрудник отдела печати и пропаганды четвёртой группы рейхсвера шпик-осведомитель получил задание проникнуть на собрания и информировать начальство. И 12 сентября Адольф Гитлер выполнил поручение, но его настолько увлекли выступления, что он вступил седьмым членом-учредителем и вскоре стал главой.

В дни Баварской республики Гитлер стоял у стены, ожидая расстрела 2 мая 1919 года, но его пощадили. Когда восстание было подавлено, он сам охотился за участниками Баварской Коммуны, составлял обвинительные заключения, после чего людей расстреливали. Он отблагодарил тех, кто его пощадил.

Через год, 24 февраля 1920 года — первый массовый митинг в пивном зале в Мюнхене. Именно здесь были объявлены 25 пунктов, которые вскоре стали партийной программой. Вот с чего начинал фашизм. Вкратце. Отмена Версальского договора и создание Великой Германии за счёт земель всех её соседей. Захват ко-

лоний для пропитания и расселения «избыточного» населения Германии». Конфискация военных прибылей, проведение аграрной реформы, ликвидация крупных универсальных магазинов, «огосударствление трестов», участие трудящихся в прибыли на крупных предприятиях, далее — охрана прав материнства и детства, «общее выше личной выгоды», улучшение народного здоровья. Но почти в каждом из двадцати пяти пунктов — антисемитские выпады и расизм: «исключить евреев из гражданской и экономической жизни». В апреле 1920 года эти пункты и стали программой партии, появилось знамя: красный цвет — «социализм», белый круг — национальные идеалы», свастика — мистика (высшие потусторонние силы — с нами). Подлинный автор программы — Готфрид Федер, партийный идеолог. Гитлер на трибуне гипнотизировал слушателей, производил модуляции голосом в очень широком диапазоне, громогласные истеричные выкрики неожиданно сменялись трагически-слезливым шёпотом, он закатывал глаза, подвывал, резко и много жестикулировал. Зал пел националистические песни, выкрикивал, ревел.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ «УТРО МАГОВ» **(Луи Повель, Жак Бержье. Утро магов. М., 1991)** *(из рабочей тетради)*

Из книги: «...видный специалист писал в газете «Монд»: как фашизм оказался «возможным в расцвете XX века и в странах, которые считались цивилизованнейшими в нашем мире?» ...На самом деле, как только историк ставит вопрос, он сам же его снимает: «Вот что получается, когда человек отдаётся разнузданным порочным инстинктам». Ганс Эверс — автор «Песни о Хорсте Весселе», но он же возвестил климат нацистского ужаса в страшных рассказах «Мандрагора» и «Ужас». Германская методика и логика, научная строгость и честность уважались повсюду в мире. И вот в этой стране навязчивые безумные идеи стремительно распространяются. В стране Эйнштейна и Планка появляется «арийская физика»!

Да, это так, но «страна» эта появилась лишь в 1870–71 гг., когда появилось государство Германия. Ведь Германии не было до 1870 г.! И Германия появилась сразу, как Афина из головы Зевса, — из империи в виде империи. Сложилось впечатление, что Германия может быть только империей. Мало того. История Германии, оказывается, начинается с истории Пруссии, крайне консервативной монархической, авторитарной, временами тоталитарной страны. Растворяясь в германской империи, немец становится пруссаком. А зверства немцев в Бельгии в Первую мировую войну, зверства, которые уже тогда потрясли мир, — ведь они были для «устрашения»: убивали тысячи людей, сжигали дома и разрушали предприятия? И это во время успешного наступления, а не отступления, в порыве эйфории, а не отчаяния. Много ли в Германии людей, протестовавших против этого? А социал-демократы, когда узнали о зверствах военщины в Бельгии и

Франции, — они что, подняли в парламенте, где они были самой влиятельной партией, голос протеста? Нет, они ещё набросились на Францию и Бельгию. Вот что послужило опорой для будущего фашизма. А не только кризис. Но и традиции. А где уничтожили в Европе миллион женщин в XV веке? А где в XVI-XVII веках были кровавые религиозные войны? Во Франции, но не с таким огромным размахом. Мы знаем Испанию, инквизицию. А что в Германии погибло ещё больше людей в XV веке, кто знает?

Из книги «Утро магов»: Отто Дитрих в книге «Разоблачённый Гитлер» писал: «Никто не сомневается в том, что Гитлер был психопатом и параноиком. Но психопаты и параноики ходят по улицам». Пьер Казенав спорит с О. Дитрихом: «Доктору Дитриху, так же как и мне, известно, что есть некоторая разница между теми, чей систематический бред ведет к помещению в больницу, и другими. Иначе говоря: был ли Гитлер вменяем? По-моему, да! Гитлер был вменяем».

«В сущности, — говорит Раушнинг, — каждый немец стоит одной ногой в Атлантиде. Там он ищет лучшей участи и лучшего наследства». Мистика пользовалась в Германии государственной поддержкой («космогония извращённая и культы»).

Ещё из книги. Откуда пришла эта страшная болезнь? Флагеллянты-самобичеватели. Массовое покаяние охватило Италию во второй половине XIII века. Флагеллянты бичевали себя плетью. После чумы 1348 года движение перекинулось через Альпы, охватив Западную Европу. Католическая церковь вначале поддерживала движение, затем боролась с ним кострами. Это, как считает Раушнинг, тоже было «массовое безумие». [Мистические идеи тянут человечество назад. И сейчас тоже]. В Англии было общества Креста-Розы, которые состояло из 144 членов, в числе которых был английский романист Бульвер Литтон. В 1880-х гг. в Англии, Германии, Франции возникли тайные общества (или уже существовали), члены которых объединялись вокруг тайных доктрин. Эти доктрины содержат особое толкование мира, общества, человечества и цели жизни. Многие видные люди принимали участие. Артур Мачен родился в 1863 году в Западной Англии в местечке Керлсон-на-Уске — столице короля Артура, откуда ры-

цари Круглого Стола уезжали за Граалем. В разгар мировой войны Гиммлер снарядил экспедицию на поиски Грааля. Позднее некоторые члены «Золотого рассвета» принимали участие в антропософском движении, возглавляемом Рудольфом Штайнером, и в других аналогичных германских движениях довоенных лет. Знаменитый поэт Йетс, в дальнейшем лауреат Нобелевской премии, был одним из мастеров «Золотого рассвета» — под именем Брат-Демон-Противобог. Приятельница Бернанда Шоу и директор театра госпожа Флоренс тоже была членом общества, как и писатели Блеквуд, Стокер (автор романа о вампире «Дракула»), знаменитый инженер Алан Беннет и даже Джеральд Келли, президент Королевской Академии.

Разница между Германией и СССР

СССР	ГЕРМАНИЯ
1. Пропаганда гласила: «Государство — лишь временное явление, оно вскоре должно превратиться в полугосударство. Диктатура пролетариата — это лишь этап ликвидации всякой диктатуры и переход к демократическому правлению народа».	1. Пропаганда слияния народа в государстве, которое будет осуществляться тысячу лет.
2. Пропаганда демократии.	2. Пропаганда диктатуры.
3. Культ вождя, который должен привести к ликвидации всякого вождизма. Никакого фюрерства. Постоянная смена кадров и внимательное рассмотрение их чрезмерного авторитета.	3. Не только создание системы фюрерства, но и пропаганда её как вечной системы управления обществом.
4. Пропаганда развития внутренних ресурсов, а в отношении других народов — помощи, братства и дружбы на равных. Цель — освобождение человечества от гнёта капитала, более того, от войн.	4. Пропаганда жизни за счёт других народов. Германия — за счёт Западной и Восточной Европы.
5. Россия — гигантская страна из многих народов, и, даже что-то захватив, не может надеяться жить за счёт этого. Империя сама себя уничтожает. Она не в силах удерживать и захватывать в XX веке. Да и захваты мало что меняют.	5. Германия — теоретически, если бы народы это позволили, может жить за их счёт.
6. Отсюда главное — внутренняя политика.	6. Отсюда главное — внешняя политика.

СССР	ГЕРМАНИЯ
<p>7. Под этими лозунгами — двоемыслие. Двоемыслие — отсутствие слияния. Судят в 1970-м году нескольких человек за... чтение Программы партии, которая продаётся на каждом углу и которую продолжают пропагандировать как программу будущего.</p>	<p>7. Под этими лозунгами — слияние.</p>
<p>8. Вся промышленность — государственная, сельское хозяйство — тоже. Внешне все — средний класс. Богатых нет. Но и совсем бедных в городах тоже нет. Это не только пропаганда, но и забота государства, чтобы не было крайностей и внешне все были равны. Сословия ликвидированы.</p>	<p>8. Резкая разница между богатством одних и бедностью других. Объединяет только бандитская идея: «и мы проживём за счёт французов, датчан, чехов, голландцев». Монополии как были, так и остались. Крупные землевладельцы. Сословия. Графы и т.д.</p>
<p>9. Нерелигиозное воспитание.</p>	<p>9. Религиозное воспитание.</p>
<p>10. Сопротивление жестоко подавлялось 20 лет, да и после — до смерти Сталина, а потом и при Хрущёве. Надо было уже не только обещать, но и что-то делать. Нельзя же было устраивать 37-й год снова. Да и при отсутствии веры это ничего не дало бы, кроме гражданской войны. Террор, ужасающая бойня, которой ещё не знал мир (вскоре гитлеровцы повторяют её, но не на своих, а на захваченных территориях), был вызван не столько свойствами характера Сталина (хотя и это тоже), сколько необходимостью сохранения власти. Надо было выжечь дух любого сопротивления у народа. И заменить его страхом.</p>	<p>10. Сопротивления почти не было даже в первый год гитлеровского правления. А далее — даже коммунистов выпустили из тюрем. Ведь все — немцы, высшая раса...</p>

СССР	ГЕРМАНИЯ
11. Шовинизм стал появляться в официальной идеологии лишь перед войной, стал частью идеологии во время войны и существенным её компонентом после войны. Сталин хотел постепенно выдвинуть его на первый план (как и религию) и создать религиозно-шовинистическую идеологию, но так и не дожил до этого времени. Сталин стремился построить в СССР фашистское государство, но мешали другие народы и предшествующая пропаганда интернационализма.	11. Шовинизм был главной идеологией ещё до прихода к власти.
12. Интеллигенция стремилась преобразовать СССР в «райское общество», в развитую, культурную, зажиточную страну, страну равноправия.	12. Интеллигенция с самого начала стала работать на войну и уничтожение других народов. Концлагеря были созданы ею, как и весь военный потенциал.
13. Расизм (в народе) никогда не доминировал в России, тем более, в сталинские времена. Антисемитизм навязывался сверху и постоянно, тем не менее, он находил лишь слабую, искреннюю, но холуйскую поддержку внизу.	13. Расизм пронизывал собой всё. Антисемитизм — не только идеология, но один из главных рычагов действия: «если не мы, так евреи нас задавят. Работай лучше, слушайся фюрера, не жалея себя, иначе евреи нас задавят».
14. В российской истории никогда не было массовой религиозной резни. Даже еврейские погромы не столько шли снизу, сколько организовывались и финансировались сверху. В прошлом году, по сообщениям нашей прессы, примерно 160 газет и журналов вели систематическую	14. Германия прошла через ужасающую религиозную бойню XV века (она была страшнее испанской), через кровавые религиозные войны XVI-XVII веков. Это глубоко запало в душу народа и, конечно, способствовало

СССР	ГЕРМАНИЯ
<p>антисемитскую пропаганду, развалы антисемитской, полной страсти, литературы, лежат на каждом углу по всей России. При таком размахе идеологии, при создании политических расистских организаций типа «Памяти», «Русского Единства» и прочих, у нас давно уже должны были начаться еврейские погромы, в условиях нарастающей разрухи и обездоленности миллионов людей. Но ничего пока нет, хотя, конечно, влияние такой пропаганды даром не проходит: зёрна ненависти расизма закладываются на будущее, и из них ещё прорастёт. Однако, если сопоставить размах расистов вместе с попустительством или даже сочувствием властей и даже части лиц, которых почему-то называют интеллигентами, то на сегодня и результат мизерный. Ибо не было в истории прецедента, не возникло традиции.</p>	<p>распространению расизма как одной из форм отчуждения народа от народа через своё возвеличение. Религиозный фанатизм предшествовал политическому расизму.</p>
<p>15. Политическая бойня, какой бы ужасной она ни была, не оставляет такого страшного следа, как религиозная или расистская. Ибо делало это государство, которое потом в сознании людей отчуждается от них самих — и всё. Расизм же остаётся, пока остаются разные народы, а это явление постоянное: всегда будет казаться, что нам кто-то мешает нормально жить. Кто-то — это конкретные люди другой национальности, тем более, другого цвета кожи. Поэтому снова и снова возникают схожие ситуации.</p>	<p>15. Всё это оставило глубокий след в душе народа. Достаточно туркам было занять какую-то нишу в Германии (иначе их бы никто не приглашал), как при очередном экономическом ухудшении в стране на них набросились. Но массового расизма уже нет.</p>

СССР	ГЕРМАНИЯ
<p>Достаточно было измениться политической структуре общества, и массовая политическая бойня стала невозможной. Но национальная структура осталась — и это снова и снова создаёт взрывоопасную ситуацию.</p>	
<p>16. Может ли у нас возникнуть фашизм? Нет, в чистом виде его не будет, ибо религиозного и расового прецедента в прошлом не было. Но в смеси с другими идеологиями возможно. Как не может быть и возвращения к чистому сталинизму или брежневизму. Разрушена старая политическая структура, и её уже не восстановишь — это невозможно. Даже партократия, придя к власти, должна была бы брать то, что возможно, а не лезть на отвесную стену. Но вот смесь и того, и другого, и третьего — эклектизм возможен, и он может иметь для страны и народов самые тяжёлые последствия. Это пропаганда расизма и шовинизма, это культ религии — безраздельная идеологическая власть православной церкви, это восстановление казачества как сословия и опора на него, это развитие в народе самых низменных чувств и инстинктов, пробуждение худшей из традиций. Но главное — это диктатура, политическая диктатура, опирающаяся на сословие казачества (военная опора для подавления народа) и на православную церковь (идеологическая опора и пропаганда).</p>	

ЛИЦА И МАСКИ

В газете «Известия» (С.Агафонов «Тайна операции «Снег»...» от 6 апреля 1994 г., №65 (24672), а также «Кто подталкивал Рузвельта к войне с Японией?» от 12 февраля 1992 г., №36 (23610), Московский вечерний выпуск) появилась сенсация. Да ещё какая! Становится ясным, кому мы обязаны победой в войне. Все началось с того, что 26 ноября 1941 года государственный секретарь США Корделл Хэлл направил Японии непохожую на все предыдущие резкую ноту. Это было требование к Японии — ни больше и ни меньше, как ограничить свою агрессивную политику. От волка, который залез в овчарню, добивались, чтобы он не трогал овец. Получив эту ноту, высшие руководители Японии вместе с императором провели 1 и 3 декабря совещания, на которых было решено вступить в войну с Великобританией и США. В результате 7 декабря и наступил Перл-Харбор. Для истекающего кровью Советского Союза страшная угроза войны на два фронта исчезла в один день. Но самое интересное впереди. Оказывается, писал эту ноту вовсе не Корделл Хэлл, а... наш человек в Вашингтоне. Он уже тогда был под подозрением, вероятно, именно поэтому ему поручили сочинять ноту — по своему усмотрению, надо понимать, и без предварительного решения Рузвельта и того же Хэлла, какой должна быть эта нота, и без прочтения и редактирования уже готового текста. Поразительное легкомыслие даже для самого ничтожного правительства, для американцев же, с их умением доводить любое дело до задуманного конца, вещь просто немыслимая. А здесь нота, которая ставит на карту судьбу войны и мира. Поистине, один такой факт способен поставить под сомнение способность Рузвельта и его окружения управлять событиями,

а не идти у них на поводу. Выходит, президент с конгрессом управлял Америкой, а им самим управляли из Москвы. Знали ли он об этом и смирился или даже не подозревал?

Уже после войны нашего человека окончательно разоблачили и вроде собирались судить, да он вовремя умер. Но и судом сделанного не вернёшь. Наш разведчик спровоцировал США на войну с Японией и Германией, что сразу резко изменило соотношение сил, а нам позволило тут же перебросить дальневосточные дивизии прямо к Москве. Если вспомнить, что Сталин дважды говорил Хрущеву: «Без Англии и США мы войну бы проиграли», то «Известия» недаром с гордостью пишут о нашем человеке. Но договаривать надо до конца. Ведь не по своей же инициативе наш провокатор, простите, разведчик, повернул колесо истории. План был задуман и скоординирован в Москве. КГБ в который уже раз спас нас. О чём нам, при случае, конечно, напоминают все чаще. Уж не собираются ли органы спасать нас ещё раз?

Но вопрос о том, почему начинаются войны, действительно заслуживает внимательного рассмотрения. Не будем же мы, надеюсь, подобно радио, телевидению и почти всей прессе, понимать историю как проявление божьей воли, роковой судьбы или дьявольской хитрости. История нам сохранила много интересного, но достаточно будет трёх примеров. Того, как поджигаются войны.

После бесплодных переговоров глава римской делегации в Карфагене Квинт Фабий Максим поднял переднюю полу своей тоги так, что в ней образовалась складка, и сказал: «Вот здесь я принёс вам войну и мир: выбирайте любое!» На что карфагеняне ответили: «Выбирай сам!» Распустив свою тогу, Квинт Фабий воскликнул: «Война!»

28 июля 1914 года Гавриил Принцип убивает наследника австрийского престола Франца Фердинанда. Ровно через месяц началась австро-сербская, а спустя несколько дней — и Первая мировая война.

31 августа 1939 года. Германский город Глейвиц. На глазах у перепуганных жителей сюда врываются польские солдаты. Они стреляют и нападают на радиостанцию. На следующий день началась польско-германская, а ещё через два дня — Вторая миро-

вая война. Кто же начал все эти три грандиозные войны? В первом случае — Фабий Максим, во втором — Гавриил Принцип, в третьем — группа польских солдат, чьи фамилии установить не удалось. Ну, а войну США с Японией организовал Гарри Уайт, наш человек в Вашингтоне.

Попробуем всё-таки отделить явление от сущности, тем более, что она, кажется, и лежит совсем в другой плоскости. В самом деле. В первом случае Ганнибал напал на город Сагунт в Испании, зная, что это неизбежно вызовет войну с Римом — и не потому, что Сагунт его союзник, а из-за того, что Рим ждёт лишь удобного момента для нападения на Карфаген. Два государства вступили в ту стадию непримиримых противоречий из-за господства в регионе Средиземного моря, когда любой повод должен был развязать войну...

Ещё Энгельс предвидел, что следующая война в Европе может быть только мировой и что короны после неё будут валиться, и их некому будет поднять. И действительно, с каждым десятилетием напряжение в Европе всё возрастало, пока не достигло в 1914 году стадии, когда достаточно было искры, чтобы вспыхнул мировой пожар. Германия ещё в 1870–80 гг. несколько раз порывалась вторично напасть на Францию и установить в Европе своё преобладающее влияние, наподобие того, которое имела Россия в 1814–48 гг. Но то Россия, то Англия, а потом и обе вместе мешали этой возвышенной идее воплотиться в жизнь. Тогда правители Германии решили сокрушить все три государства и получить политическое преобладание уже во всем мире. А заодно снять все таможенные барьеры для своей быстро растущей промышленности. К лету 1914 года Германия уже полностью подготовилась к войне, но только к молниеносной. К длительной и позиционной она была совершенно не приспособлена. И поэтому по плану Шлиффена собиралась одним ударом разгромить французскую армию ещё до высадки там английских войск, а затем всю армию бросить против России. В этом контексте лето того года было, пожалуй, последним в надежде на удачу. Ибо в военном отношении Антанта догоняла Германию, а в России даже развернулось строительство железных дорог для переброски мобилизованных масс людей прямо на Западный фронт. Идея мол-

ниеносной войны стала испаряться прямо на глазах. Казалось бы, что мешало Германии в любое время развязать войну? Но если ещё сотни лет до нашей эры карфагеняне предпочитали, чтобы это сделал Фабий Максим, то тем более в XX веке, перед лицом мощных общественных движений, даже не хотелось, а нужно было выглядеть страной, жаждущей мира. Разумеется, не любой ценой. Тем более, что в Германии кайзер обладал огромной властью, но бюджет утверждал парламент. Если большинство в парламенте проголосует против войны, она закончится, не успев начаться. Вот почему выстрел Гавриила Принципа прозвучал для германских правителей колоколом надежды. И настолько сильным, что у меня возникает подозрение, а не спровоцирована ли эта вся история германскими военными кругами? Зачем, в самом деле, Францу Фердинанду понадобилось ехать в Сараево и демонстративно организовывать там военные маневры? Мало того, проводить их в самый трагический в истории Сербии «День национальной скорби» — годовщину битвы на Косовом поле. Да ещё в аннексированной всего шестью годами ранее Боснии и рядом с сербской границей. Ведь это всё равно, что засунуть руку в улей с пчёлами. Это был даже не наглый вызов, а открытая провокация. Авось, что-нибудь да произойдёт, и тогда появится предлог для войны.

Так кто же развязал Первую мировую войну? Неужели несовершеннолетний Гавриил Принцип, которого по причине возраста даже не смогли приговорить к смертной казни?

А может, организация «Объединение или смерть»? Но во главе её стоял начальник разведки сербского генерального штаба полковник Димитриевич. Именно под его руководством был разработан весь план убийства Франца Фердинанда. Однако и он мог быть лишь главным исполнителем. О подготовке покушения знал сам премьер-министр Пашич. Как и обо всех его последствиях. Замыкается ли эта длинная цепочка на нём? Могла ли Сербия ставить себя под удар Австро-Венгерской империи, а возможно, и Болгарии, с которой лишь год назад воевала, не имея твердой уверенности в том, что Россия немедленно вступит в войну?

Но в таком случае Россия не могла быть поставлена перед свершившимся фактом. Значит, ниточка могла тянуться в Петербург.

Но ведь России для полной подготовки к войне нужно было ещё два года?

Однако, кроме факторов экономического и военного, существует еще и политический. Революция 1905–07 гг. не прошла даром. Её кровавое подавление, массовые казни, убийства и погромы подорвали последний авторитет самодержавия. Оно теперь уже убедило всех в своей полной неспособности решать самые жгучие проблемы. И отказаться хотя бы от толики своей безграничной власти. Самодержавие было обречено. Стало ясно, что следующего удара революции оно уже не выдержит. А с 1912 по 1914 гг. произошел настоящий скачок забастовок и демонстраций, причём политические требования быстро нарастали, и в июне 1914 года в Петербурге впервые появились баррикады. Революция уже стучалась в дверь. И только война могла отодвинуть её. Самодержавие и стремилось развязать войну, пока не поздно. Но и Берлин спешил. Австрийская нота пошла сначала не в Белград, а в Берлин, где её так отредактировали, что она стала совершенно неприемлемой. Ибо в случае её принятия Сербия лишалась независимости. Австрия так спешила, что, получив ответ, объявила Сербии войну по телеграфу! Россия сразу же начала мобилизацию. Германия получила предлог для ультиматума и уже через два дня объявила войну России. А до этого Вильгельм и Николай обменивались посланиями, читая которые, кажется, что оба монарха просто изнывали от жажды мира.

— Но я ведь не могу бросить Сербию, — оправдывается один.

— Как я оставлю Австрию, — жалуется другой.

Пока всё шло как по нотам. В спектакле для народа Австро-Венгрия играла роль мстителя за обиду, Сербия — жертва нападения, Россия — её защитница, а Германия — не более чем союзница. Оставалось сделать последний шаг.

Огромная армия стояла у границ Франции и ждала только сигнала. Но его не было. По всем расчётам, союзница России должна была объявить Германии войну. В напряжённом ожидании в Берлине провели целый день. Но Франция разворачивала свои армии и молчала. Наступил второй день. Из Парижа — ни звука. Блицкриг рушился прямо на глазах. Но так нужно было Германии

выглядеть стороной обороняющейся, что политические расчёты отодвинули в сторону военную доктрину. Когда же и на третий день войны Германии с Россией Париж делал вид, что это его не касается, в Берлине не выдержали. Германия сама объявила войну Франции, не имея к этому никакого предлога. Пришлось сорвать маску и выступить в своей истинной роли агрессора.

А что же третий член Антанты — Англия? Она не только молчала, но и вроде вообще повернулась спиной к событиям и желала только одного — соблюсти нейтралитет.

Кажется, даже в Германии в это поверили, что придало ей наглости. Англия доиграла взятую роль до конца и своего часа дождалась. На следующий день после вторжения германских армий в нейтральную Бельгию она объявила Германии войну. Так два месяца правители крупнейших империй разыгрывали перед Европой красочный спектакль. Народы расплатились за своё легковое сполна.

Что ж, общественное мнение, тем более в XX веке, заставляло с собой считаться. И даже Гитлер, уже придя к власти, не сразу установил фашистскую диктатуру, разогнал все партии и развязал массовый террор, а лишь после организованного им поджога Рейхстага. И позже: сначала переодетые в польскую форму эсэсовцы бесчинствовали в германском городе Глейвице — и лишь на следующий день германские армии вторглись в Польшу. Правда, это был последний случай, когда Гитлеру ещё нужен был предлог. Когда пожар Второй мировой войны стал разгораться, Гитлер бросал в него одну страну за другой без всяких предлогов. Спектакль был больше не нужен. Горе побеждённым! Победителей не судят.

История того, как пожар войны охватил Тихий океан, настолько интересна, что на ней стоит остановиться подробнее. В дальнейшем я буду, в основном, ссылаться на документы из II тома только что вышедшей у нас книги Уильяма Ширера «Взлёт и падение третьего рейха»⁹ и на 1 и 2 часть III тома «Дневника» Гальдера¹⁰.

---

⁹ У.Ширер. Взлёт и падение третьего рейха. М., Воениздат. 1991. — 653 с.

¹⁰ Ф.Гальдер. Военный дневник. М., Воениздат. 1971. — 189 с.

Позиция Германии до нападения на СССР была однозначной: Японию уговаривали не вступать в войну ни с Союзом, ни с Америкой. Она должна была лишь сдерживать США от вступления в европейскую войну. В ноябре 1940 г. итальянская армия в четыре дня была разгромлена англичанами в Египте, её остатки стремительно бежали в Ливию. Напавшие на Грецию итальянские войска были разбиты и отброшены оттуда, и война перешла на территорию захваченной ранее Албании.

Гитлеру стало ясно, что ему придется спасать своего союзника от полного краха в войне. Что он в конце концов и сделал в апреле 1941 года, отложив на пять недель нападение на СССР. Но в ноябре 1940 года он стал надеяться, что можно было бы оттянуть английские военные усилия с Запада на Восток. Японию стали уговаривать вступить в войну с Англией, не трогая США и СССР. Гитлер не понимал, что это совершенно невозможно. США просто не допустят, чтобы их с Англией разбили на Тихом океане поодиночке. А Япония не могла бы успешно вести боевые действия против французских, английских и голландских владений, имея рядом с собою мощный тихоокеанский флот США.

Готовясь к войне с СССР, Гитлер не желал связывать себе руки ни на юге, ни на западе. И усилия по втягиванию Японии в войну с Англией продолжались и весной 1941 года.

В секретной директиве от 5 марта 1941 года Гитлер писал: «Следует подчеркнуть, что общая цель ведения войны состоит в том, чтобы быстрее поставить Англию на колени и тем самым удержать США от вступления в войну». Проиграв битву за Англию, Гитлер предлагал теперь сокрушить Британскую империю руками Японии. И вот в марте 1941 года в Германию прибыл Мацуока — японский министр иностранных дел. Его принялись обрабатывать всё в том же духе. «Захват Сингапура, скорее всего, удержал бы Америку от вступления в войну», — это Риббентроп. «Такой момент никогда не повторится, ...уникальный шанс в истории», — это уже Гитлер. Мало того, фюрер обещал, что если конфликт между Японией и США всё-таки начнется, Германия «немедленно вмешается». Но и на этом он не остановился. Мацуоке были даны гарантии, что если СССР нападёт на Японию, то «Германия нанесёт

удар». Словом, сокрушайте Британскую империю, а мы уж вас со всех сторон прикроем. Правда, при этом как-то забыли сообщить такому почти родному союзнику, что до нападения на СССР остались считанные недели. На дворе всё оживало под лучами апрельского солнца, а на 15 мая было назначено вторжение...

А вот Мацуока откровенно сообщил, что, проезжая через Москву, предложил заключить пакт о ненападении и получил на это согласие. И действительно, возвращаясь после длительных переговоров, он сделал остановку в Москве и тут же заключил договор, который обязывал каждую из сторон оставаться нейтральной, если она будет втянута третьей стороной в войну. Это было 13 апреля. После заключения пакта Гитлер в беседе с адмиралом Редером, командующим военно-морским флотом Германии, сторонником англо-японской войны, заявил, что приветствует пакт, так как вместо Владивостока будет Сингапур. Гитлер был уверен, что если блицкриг блестяще удался на Западе, то он тем более успешно и безболезненно пройдёт на Востоке. Второе не менее важно, ведь после крушения СССР Гитлер хотел иметь не истощённую и обескровленную армию, а свежую и почти нетронутую силу, которая способна была бы вторгнуться и победить сначала Англию, а затем США. Отсюда и планы. Если от вторжения во Францию до её капитуляции прошло 43 дня, то и Браухич, и Гальдер рассчитывали, а Гитлер себя уверял, что война с Союзом будет закончена в 4–6 недель. Иначе эту войну просто не было смысла начинать. Даже полгода войны означали бы огромный расход как личного состава армии, так и её боевой техники. За короткий срок прежнюю мощь армии восстановить бы не удалось. А это значит, что Британская империя с помощью США сумела бы настолько усилиться, что высадка в Англии становилась несбыточной химерой — а без этого Германию ожидала длительная война на истощение как на внешнем фронте, так и с народами оккупированной Европы и Советского Союза. Здесь грубая сила должна была столкнуться с неудержимым стремлением человека к свободе. Как раз то, что Гитлер и вся его компания в расчёты никогда не принимали. Чтобы представить себе, что это такое, я позволю себе привести два примера.

В июне-июле 1940 года Гитлер изо дня в день ожидал предложения о мире со стороны Англии и даже делал реверансы в этом направлении. И это была не только игра. Он просто не понимал, на что может надеяться Англия. Не дождался. Тогда возник план: в две-три недели уничтожить на аэродромах и в воздухе всю английскую авиацию, затем ничем не прикрытый флот и, наконец, в незащищенных портах высадить танковые дивизии. Залогом успеха было огромное преимущество германской авиации, преобладающая мощь военной индустрии и отличные боевые кадры. Англия могла противопоставить этому только желание народа защитить завоеванную им свободу и демократию — нечто умоунизительное, не стоящее внимания серьезных политиков и генералов. Но в первые же дни сражения над Англией этот единственный фактор стал побеждать все остальные. Английские лётчики, мало- или совсем неопытные, сражались нередко один против двух-трёх немецких, мужество и героизм стали явлением обыденным. Вдохновение преодолевало усталость, и они «отрабатывали» по две смены. Опираясь на высочайшую сознательную дисциплину, командование смогло построить великолепную систему противовоздушной обороны. Но и этого было мало, если бы не самоотверженный труд рабочих и инженеров военной промышленности, часто работавших под бомбами. Результат оказался для германских серьёзных людей просто ошеломляющим. Примерно половину своей боевой авиации — 2600 самолетов выделил Геринг для блицкрига. Но он так и не наступил ни через две недели, ни даже через 20 недель. За первые три месяца с августа по ноябрь германская авиация потеряла 1700 самолётов и теперь летала очень осторожно и только по ночам. Мало того. Английская авиация не только понесла гораздо меньшие потери, но у неё на два сбитых самолета приходился один убитый или тяжело раненый лётчик. У немцев же гибли и попадали в плен, за редким исключением, все — ведь битва шла над Англией. В результате, Германия понесла невозполнимые утраты своих лучших боевых кадров. Но и это еще не всё. Английская промышленность одержала не менее великолепную победу — в течение 1940 года она заметно превзошла германскую по выпуску

самолётов. Как тогда писали, этому помогло «самопожертвование, которое охватило рабочих авиационной промышленности, не жалевших сил для выполнения намеченной программы выпуска самолётов». Более того, напряжённый план систематически перевыполнялся. Цифры говорят сами за себя.

Производство истребителей в Англии в 1940 году

Месяц	План	Выпущено
Май	261	325
Июнь	292	446
Июль	329	496
Август	282	476

В августе авиазаводы уже работали под бомбами.

И английская авиация не только оборонялась. Собранные Вермахтом отовсюду — даже за счёт нарушения собственных транспортных связей — корабли, баржи и катера для будущего десанта периодически уничтожались английской авиацией. С конца августа 1940 года начинаются регулярные бомбардировки Берлина, а затем и других германских городов.

Столкнувшись с человеческим фактором, военная машина забуксовала и остановилась. Штурм Англии захлебнулся на первом же этапе.

Второй пример — Югославия. Фанатизм — религиозный или политический — каждый сам по себе страшен. Но объединившись, они дают самый ужасный результат. Как, например, убийство поголовно всех армян в Турецкой Армении во время наступления российской армии зимой 1915 года или сегодняшний геноцид в Карабахе и Чечне.

Гитлеру удалось, создав католическое хорватское государство, натравить хорватов на ненавистных ему непокорных сербов. От рук фашистских отрядов усташей Павелича погибло 700 тысяч человек, а 240 тысяч было насильно обращено в католичество. Да и среди самих сербов произошел раскол между сторонниками монархии и республики. Военные отряды монархистов также обрушились на сербских партизан.

Гитлеровские политики считали, что война всех против всех поглотит сопротивление целиком, мало того, Германия ещё будет выступать в роли арбитра и единственной силы, которая наводит порядок. Но настолько живым и неукротимым оказался дух свободы и славные традиции многовековой борьбы с турецкой неволей, что сквозь кровавый туман национальной и религиозной вражды большинство сербов, черногорцев и даже многие хорваты видели единственную цель — освобождение страны от германского фашизма. И это их объединяло. Восстание началось уже в первые дни нападения на СССР, и вскоре дивизия за дивизией потянулись туда из Германии и стран фашистского блока.

Уже к концу 1941 года в Югославии сражалось 650 тысяч немецких, итальянских, венгерских и болгарских войск. Эта цифра росла, достигнув позже 850 тысяч солдат и офицеров. Думается, что Гитлер проклял тот день и час, когда он влез в Югославию, но выбраться оттуда так и не смог. И здесь стремление народа к свободе оказалось сильнее самой мощной военной машины.

Нападение Германии на СССР в корне изменило всю политическую обстановку в мире. Уже в конце июня и затем в июле, августе — и так на протяжении двух лет Риббентроп настойчиво просил, внушал, требовал, чтобы Япония напала на СССР. Почему же Германия так быстро перешла от политики сдерживания к политике агрессии? Думается, что тут повлияло два фактора: восстание в Югославии, но главное — германские потери на Восточном фронте. Вооружённая борьба с целым народом сразу потребовала огромных усилий. Но восстание могло послужить детонатором для взрыва во всей оккупированной Европе. Значит, там должна была стоять огромная армия, и двинуть её на Восток было невозможно. А на советско-германской границе с первых же дней сложилась крайне противоречивая обстановка, которая неминуемо вела к вполне предсказуемым последствиям.

С одной стороны, всё шло как по плану, само нападение было не просто внезапным. Для всех — начиная от Тимошенко и Жукова и кончая большинством командиров соединений. Они не только не предприняли мер для защиты армии от нападения, но и открыто демонстрировали свою слепую веру руководству стра-

ны, что такое нападение — миф или хуже того — попытка провокации со стороны английских и американских империалистов. Как можно иначе объяснить такие факты, как поездка руководства Генштаба для инспекции... Закавказского военного округа, откуда оно вернулось вечером 21 июня? Или то, что, как в самое мирное время, войска были сами по себе, а склады с вооружением, горючим и боеприпасами тоже сами по себе? В результате, в первые же дни эти склады были или захвачены, или уничтожены, и армию невозможно было вооружить даже винтовками образца 1891 года.

Когда под Дубно 8-й механизированный корпус не только остановил, но и начал теснить пять танковых и пехотных дивизий, то всего через несколько дней последнее горючее было вылито на танки и подожжено. И там же в Дубно немцы захватили на складах больше 200 танков, 100 орудий и другие огромные запасы. В Брестской крепости, откуда отлично было видно, что происходит на той стороне, да и точные сведения доходили через границу, офицеры в ночь на 22 июня демонстративно ушли на ту сторону Буга в город, в свои семьи. И в крепости остались лишь дежурные офицеры, а в 4 часа утра вокруг неё горела даже река, и вернуться назад уже было невозможно. А на всех аэродромах стояли боевые самолеты, заботливо закутанные в брезент...

Итак, всё шло по плану Барбаросса — «разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании»: прорыв на огромную глубину, разгром и окружение сразу нескольких армий, потеря Красной Армией уже в первые два дня 2-х тысяч самолётов, а затем и большей части вооружения на фронте и армейских складах в тылу; за полгода только пленных захвачено 3,3 млн. человек.

Удачнее, казалось, и не могло быть. А если посмотреть с другой стороны? Разгромленные войска, вместо того, чтобы бежать как можно быстрее или сдаваться в плен, каждый раз старались за что-то зацепиться и остановить врага. Окружённые из всех сил пытались вырваться и, как правило, части из них это удавалось, приходилось вермахту сжимать кольцо массой войск, что задерживало наступление.

Подобно 8-му механизированному корпусу, отдельные части и соединения с первых дней сражались очень хорошо, наруша-

ли планы и создавали «тревожное настроение» в ставке фюрера. В «Дневнике» Ф.Гальдера, начальника Генерального штаба сухопутных войск, отмечено в этом плане немало интересного. «Следует отметить упорство в бою отдельных русских соединений». «Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». «Противник в пограничной полосе почти повсюду оказывал сопротивление». «Показательны весьма большие потери в офицерском составе». (Запись от 24 июня).

«Разговор с Кейтелем снова показал, что фюрер проявляет беспокойство... Я постарался успокоить фюрера». «Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т.п. в плен сдаются лишь немногие». Позже он то же самое напишет и о танкистах. «Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе отдельные вольности и отступление от уставных принципов, теперь это уже недопустимо». (Запись от 29 июля).

«Противник отходит с исключительно упорными боями, цепляясь за каждый рубеж». (Запись от 1 июля). Наступление «всё время задерживается упорным сопротивлением со стороны противника, отдельные части которого непрерывно переходят в контратаки». «Через главкома и оперативный отдел до меня снова дошли тревожные слухи из ставки фюрера. Там опять тревога, так как фюрер боится...». (Запись от 3 июля). «Бои с русскими носят исключительно упорный характер. Захвачено лишь незначительное количество пленных». (Запись от 4 июля).

На 3 августа за 39 дней войны немецкие потери без больных достигли уже 318 тысяч человек. В нашей литературе десятилетиями упоминают скороговоркой летнюю кампанию, зато подробно описывают зимнюю. Подчёркивая, какие тяжёлые потери понесла германская армия во время нашего наступления.

Традиционной и в западной литературе является ссылка на «самое роковое из всех его решений» (У.Ширер) о нападении Германии на Югославию и Грецию. И не потому, что там вскоре возник малый второй фронт, а в связи с потерей пяти недель, которых так не хватило до зимы...

Беру на себя смелость заявить, что всё было как раз наоборот. Самыми тяжёлыми для германской армии стали 5 месяцев летней, а не зимней кампании. Судите сами, с 24/XI по 20/IV 1941–42 гг. германская армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 415 тысяч человек. За 5 месяцев летней кампании с 22/VI по 23/XI 1941 года её потери составили 734 тысячи человек.

Ещё убедительнее соотношение безвозвратных потерь убитыми и пропавшими без вести. В зимнюю кампанию, когда немцы оборонялись и отступали, вермахт потерял 115 тысяч человек, а в летнюю кампанию 1941 года, когда внешне шло успешное наступление, такие потери составили 196 тысяч.

Против Советского Союза была брошена германская армия численностью в 2,5 млн. человек. Вероятно, для блицкрига это было совершенно достаточно. Считалось, что все остальные силы держат Европу и готовятся к следующему броску. А планы были воистину бредовые. Советский Союз не только спас мир от ряда катастроф и рек крови уже на других берегах. Он спас и сам германский народ если не от полного уничтожения, то, по крайней мере, от ужасающего возмездия. И дело не только в том, что на Германию неизбежно посыпались бы атомные бомбы. Думается, что английские, американские, бразильские солдаты отнюдь не добродушно общались с германским народом, если бы за их спинами лежала родина, разрушенная и залитая кровью. Гитлер и вся его банда уже обсуждали будущие великие планы: после завоевания СССР — высадка в Англии, захват Ближнего и Среднего Востока, Северной и Западной Африки, Южной Америки и Соединенных Штатов. Дальше, как говорится, некуда. И всё это должно было сопровождаться убийством миллионов людей «низшей», т.е. не германской, расы. Всё перечеркнуло лето 1941 года. Армия стала быстро таять и требовала непрерывных пополнений. Мало того, она оказалась слишком мала. Дивизия за дивизией потекли с Запада на Восток. Да, это было явно не Рио-де-Жанейро. И всего через два месяца после начала войны на советско-германском фронте уже сражалось, как пишет Гальдер, 3440 тысяч. Выше поднять планку не удалось. Вскоре средняя численность армии, несмотря на непрерывное пополнение, сократилась до 3,2 млн. и такой остава-

лась и в 1942 году. Чтобы читатель лучше представил себе, насколько непривычными и страшными для народа и правительства Германии, для его потенциальных союзников были потери на советско-германском фронте, приведу такое сравнение.

За первых два года войны на всех фронтах Запада германская армия потеряла убитыми 22 тыс., ранеными 66 тыс. и пропавшими без вести 12 тысяч человек, а всего 100 тысяч человек, или 137 человек в день. На советско-германском фронте за первые 39 дней вермахт потерял 318 тысяч, или 8153 человека в день — в 59 раз больше.

13 сентября 1941 года Верховное командование вермахта опубликовало, разумеется, для внутреннего употребления, «Памятку о стратегическом положении в конце лета 1941 года». Здесь уже признаётся, что если кампания этого года «не приведёт к полному уничтожению советских войск, с возможностью чего уже давно считается верховное командование» и «возможность нападения японцев на Россию станет сомнительной», то «Турция расценит такое развитие обстановки очень неблагоприятно для нас» и вторжение в Англию надо будет отложить до лета 1942 года, а до этого вермахт будет занят «продолжением Восточной кампании». Франция и Испания будут выжидать. «Проблематично, смогут ли эти страны вступить в войну без нашей помощи». А где её взять? И сначала надо выиграть битву в Атлантике и битву в Средиземном море. Но «предпосылкой для успеха в обоих районах является разгром Советской России». Итак, круг замкнулся. Никто на помощь не придёт, пока не будет победы на Востоке, а она откладывается ещё на год. 10 сентября Гальдер записал, в своем «Дневнике»: «Японская армия не горит желанием воевать и, по-видимому, в ближайшее время ничего предпринимать не будет. Военно-морской флот ставит своей задачей последовательно овладеть Таиландом, Борнео и Манилой, его командование убеждено, что Америка не сможет этому помешать». Абсолютно точно. И именно в такой последовательности. Японский план был разработан давно и хорошо известен в Берлине ещё за 3 месяца до последнего приказа. И если подготовка к этой войне шла с весны и пакт с СССР был заключен в контексте с планом тихоокеанской войны,

то зачем нужно было взять на себя ещё и совершенно непосильное бремя северной войны? Чтобы вытащить для Германии каштаны из огня? Но Германия уже здорово обожглась и как бы дальше вообще не сгорела.

Как на Западе, так и на Востоке это заметили в первые же недели войны. После 1 июля ни одна из стран не решилась объявить войну Советскому Союзу. Зная, что война пошла совсем не по желаемому руслу, Гитлер, Риббентроп и другие принялись усиленно обрабатывать Швецию, Испанию, Турцию, Японию, даже Францию, но в ответ получали обычно туманные обещания. Даже Швеция, со всех сторон окружённая германскими войсками, рискуя разделить судьбу Норвегии, в войну так и не вступила. А наказывать за отказ вступить в тройственный союз, как это было сделано с Югославией, Гитлер уже не мог — сил для этого не было.

Ясно, что если Япония не вступила в войну с Союзом в июне и июле, несмотря на отчаянные вопли из Берлина, то позже этого она тем более не сделает. Этот вопрос был решён окончательно и бесповоротно. Как видно из приведённых выше цитат, Гитлер и его окружение в сентябре уже понимали, что нападение Японии на СССР — не более чем несбыточная мечта. А для Японии такой шаг стал бы настоящей катастрофой. Одна рука уже была связана с 1937 года войной с Китаем, и конца ей не было видно. Второй рукой она собиралась нанести удар по Англии и США. Третьей руки для войны с СССР просто не было. Следует учесть, что в Монголии, на Амуре и в Приморье была развернута огромная армия, и значительная часть её находилась там до краха Третьего рейха. Была она гораздо больше, да и лучше во всех отношениях подготовлена, чем та, которая выиграла Халхин-Гол. Где была гарантия, что война снова не будет проиграна? Даже если бы Япония и не связала себя Тихоокеанской войной.

И последнее. Через 4 дня после Перл-Харбора Германия объявила войну США. Но почему же? Момент, вроде, был самый неподходящий. Летняя кампания до предела истощила и физически, и морально вермахт, фронт уже начал трещать и рушиться под ударами советских войск. На самом деле история вступления в войну США — это тоже история не одного дня или месяца.

Ещё в марте, принимая Мацуоку, Гитлер дал обещание (которого тот, кстати, совсем не просил): «Германия немедленно вмешается в случае конфликта между Японией и Америкой». Главное, конечно, не в том, что пришло время платить долги. Гитлер и его банда с лёгкостью нарушали любые обещания. Но это был не тот случай. Японию подводить не стоило, возможно, появился последний шанс выиграть войну. Стратегия здесь строилась таким образом. Япония наносит удар. Морские и воздушные силы, да и часть армии США и Англии переключаются на Тихий океан. Германские подводные лодки выигрывают сражение за Атлантический океан и перекрывают основную линию снабжения Англии и Советского Союза из США и Канады. Тем более невозможным становится не только открытие второго фронта, но даже высадка союзников в Северной Африке. Воспользовавшись этим, Германия все свои силы бросает на Восточный фронт и в летней кампании добивается победы. Ещё в феврале 1941 года все тот же Редер передал Гитлеру меморандум, где адмиралы доказывали, что вступление Германии в войну с США выгодно для неё, ибо развяжет ей руки в Атлантике. С того времени адмиралы усиленно убеждали Гитлера вступить в войну с Америкой, но он хотел сначала закончить восточную кампанию. Между тем, Атлантика всё больше напоминала поле боя.

Уже в апреле американский эсминец «Ниблан» сбросил глубинные бомбы на немецкую подводную лодку. Американские боевые корабли теперь сопровождали до Исландии транспортные конвои. Гигантский поток грузов шел в Англию, но Гитлер не разрешал своему подводному флоту развязать войну против американского флота. 9 июля Рузвельт объявил, что американские войска заменят английские в Исландии. Редер расценил это как вступление в войну, но фюрер прямо заявил ему, что на маршруте США-Исландия трогать американские корабли, хотя бы одиночные, нельзя. Даже «права на ошибку» Редер не добился. А район от Исландии до Англии прикрывала английская авиация и флот. «Ошибку» совершить было легче.

И 21 мая немецкая подводная лодка потопила американское судно, которое направлялось в Южную Африку. Затем немцы еще

дважды «ошибались». Наконец, 4 сентября лишь чудо спасло американский эсминец от двух выпущенных по нему торпед. 11 сентября Рузвельт в своей речи сообщил, что отдал приказ стрелять без предупреждения на маршруте США-Исландия. Эта речь вызвала бурю в Германии, пресса стала изображать Рузвельта как поджигателя войны. Но Гитлер остался твёрд и снова в беседе с Редером сослался на советский фронт. А поток грузов из США быстро нарастал и из Англии расходился по всем фронтам. И 9 ноября, хорошо зная, что Япония вот-вот вступит в войну, Гитлер потребовал от военно-морских сил, чтобы они не нападали, но обязательно защищались в случае нападения. 17 ноября подводные лодки атаковали американский конвой. Эсминец сбросил на одну из них глубинные бомбы, но она уцелела и торпедировала его. 11 американских моряков погибло. Ровно через две недели, сопровождая конвой, был торпедирован и затонул американский эсминец «Рубен Джеймс». На этот раз погибло 100 американских моряков. Не объявляя её, обе стороны фактически уже вступили в войну. Поэтому вполне естественным выглядел приказ Гитлера военно-морскому флоту уже 8 декабря атаковать американские корабли, где бы они ни встретились. В тот же день японский посол в Берлине и министр иностранных дел в Токио потребовали от Германии выполнения данного обещания. Гитлер решил для этого специально созвать рейхстаг, где и объявил 11 декабря о своем решении начать войну с Америкой.

А до этого посол в США Томсен был предупреждён, чтобы он не делал никаких необдуманных заявлений, ибо, как сообщал Риббентроп, «мы не можем допустить, чтобы американское правительство опередило нас». Это был тот редкий в истории случай, когда правительство ради позы спешит объявить войну первым.

После провала блицкрига в 4–6 недель, да и всей летней кампании, после того, как направление движения вермахта изменилось с Запада на Восток, Гитлеру крайне необходимо было показать, что инициатива по-прежнему у него в руках, отсюда и выражение в речи на заседании рейхстага: «Мы всегда первыми наносим удар». Нет, это была не мания величия, как пишут, а жестокая необходимость.

Первые месяцы открытой войны на море как будто оправдывали надежды Редера и Гитлера. Большая часть германского подводного флота была брошена к берегам Америки. И с середины января за три недели подлодки потопили 40 кораблей с тоннажем в 200 тысяч тонн. Далее потери росли, чтобы достигнуть к лету 700 тысяч тонн в месяц — больше, чем за это время спустили на воду все верфи Англии, Канады, и США. Но вот что интересно. Почти до конца весны конвои благополучно достигали берегов Англии. А ведь именно это было главным. Беспорядочно нападая на всё движущееся, в том числе и на корабли нейтральных стран в Западной Атлантике, германский флот окончательно проиграл битву в Восточной Атлантике. А летом английские самолёты были вооружены уже не только радарам, но и прожекторами.

И вскоре в Берлине пришлось издать приказ, запрещающий подлодкам движение в надводном положении даже ночью. Это сразу снизило боевые возможности подводного флота, и потери от его действий резко пошли вниз. Не оправдались надежды, что США и Англия переключат своё внимание на Тихоокеанский театр военных действий. Рузвельт и Черчилль заключили соглашение о том, что и дальше главные усилия будут направлены на войну с Германией.

Уже летом Деницу, командующему подводным флотом, пришлось убрать его от восточного побережья США, где он подвергался всё более сильным ударам американской и английской авиации. В новых районах осенью 1942 года удалось довести тоннаж потопленных кораблей до 800 тысяч тонн. Но уже в следующем месяце эта цифра снизилась более чем вдвое, потери подводных лодок стали неуклонно расти, и битву на море Германия окончательно проиграла. А ведь ради этого Гитлер поспешил объявить войну США.

Чтобы читатель представил себе размах войны на море, добавлю, что в 42–45 гг. англо-американский флот и авиация потопили без малого 700 германских подводных лодок.

Подводя итоги, можно сказать, что Вторую мировую войну Германия проиграла на советско-германском фронте летом 1941 года. Это кажется парадоксальным? Но попробуем и

здесь обратиться к фактам. К концу летней кампании германская армия была обескровлена, истощена и безмерно устала. У самых ворот Москвы и Ленинграда она остановилась, а затем оказалась не в силах выдержать встречный удар. А ведь кроме энтузиазма, у Советской Армии не было никакого другого преимущества, а технически она выглядела явно слабее. И пришлось намеченную цель отложить на лето 1942 года.

Давайте представим себе, что вермахту удалось её достичь, и был взят не только Сталинград, но и Баку. Ну и что? Дальше предстояло совершить тысячекилометровый марш армии с юга на север, а затем столько же — с запада на восток. Не стоит забывать, что на Урал, в Сибирь, в Казахстан было эвакуировано 10 млн. человек и полторы тысячи заводов. С весны 1942 года оттуда пошел нарастающий поток всего, что нужно было для жизни в войне.

Выход к Волге на всем её протяжении — как конечная цель плана «Барбаросса» — был теперь явно недостаточен. Надо было топтать дальше, хотя бы до Урала. Ясно, что решить такую задачу в одно лето совершенно невозможно. В лучшем случае, это становилось проблемой 1943 года. И даже если представить себе невероятное — что вермахт не только не увяз окончательно, но даже догнал убегающую, как горизонт, победу, ему предстояло лишь начать всё с начала: открыть второй этап войны. Подготовиться и высадиться в Англии раньше 1944 года невозможно. Но к этому времени легче было высадиться на Луне. Между тем, бытует мнение, что стоило вермахту вырваться из цепких объятий Востока, как на Западе перед его железной поступью ничто бы не устояло. Тем более, что за спиной стояла индустриальная мощь почти всей Западной Европы.

Да, войну выигрывают как солдаты, так и рабочие. И всё же материальная сила армии определяется не только количеством рудников и заводов, но и возможностью их использовать быстро и с максимальной отдачей.

Именно это Гитлеру и не удалось. Самый лютый террор не может заставить работать хорошо. С другой стороны, неукротимое желание остановить фашистского зверя было сильнее любой усталости и делало невозможное возможным.

В невероятно тяжёлых условиях рабочие и инженеры совершили величайший подвиг: в этом году производство самолетов увеличилось на две трети, а танков — в шесть раз.

Битву у станка Германия также проиграла. Судите сами.

**Производство самолётов и танков
в 1942–1943 гг. (тыс. шт.)**

Страна	1942 год		1943 год	
	Самолёты	Танки	Самолёты	Танки
Германия	15	9	25	20
Советский Союз	25,5	24,7	35	24
Англия	23,7	8,6	26	7,5
США	48	24	86	29,5
Всего у союзников	97,2	53,3	147	61

Сюда не входят военные усилия других стран антифашистской коалиции.

Можно вспомнить, что в одной Канаде было изготовлено за годы войны 15 тысяч самолётов и около 50 тысяч танков и бронемашин, спущено на воду 4 тысячи военных кораблей.

Вывод здесь может быть только один: к декабрю 1941 г. Третий рейх был обречён, и речь могла идти лишь о сроках и о цене победы. При блицкриге потеря темпа — проигрыш войны.

Но вернёмся к ноте Хэлла. Она также была рассчитана не на практическое применение — события развивались совершенно независимо от неё, а на публику. Американское правительство не раз подвергалось критике за недостаточную твёрдость и даже поощрение агрессоров. Правительство запретило продавать Испанской республике оружие, самолёты и даже горючее, но генерал Франко получил от США всё необходимое ему горючее, да ещё в кредит, и грузовиков в 4 раза больше, чем ему представили Германия и Италия вместе взятые.

Англия, Франция и США ничего не сделали, чтобы предотвратить захват Манчжурии Японией, а затем её нападение на Китай. Правда, надо отметить, что в США было сильным влияние изоляционизма, и Рузвельту приходилось считаться с этим.

Уже после войны в документах рейха были найдены неопровержимые доказательства того, что движение изоляционизма щедро финансировалось Германией и даже лозунги для него сочинялись в Берлине.

И чтобы понять ноту Хэлла, надо осмыслить, что Рузвельту нередко приходилось говорить одно, а думать и действовать совсем в другом направлении. 3 сентября 1939 года, выступая по радио, Рузвельт заявил: «Я не пощажу усилий, чтобы наша страна осталась вне войны». США объявили нейтралитет. На вывоз не только вооружений, но даже военных материалов было наложено эмбарго. А уже 23 сентября Рузвельт предложил конгрессу изменить закон о нейтралитете так, чтобы воюющие государства могли приобретать у США вооружение и материалы. После шести недель упорной борьбы ему это удалось.

Сразу после вторжения германских войск в Голландию, Бельгию и Францию Рузвельт поставил перед промышленностью задачу довести годовое производство самолетов до 50 тысяч штук. В самые тяжёлые для Англии месяцы Рузвельт сделал все возможное, чтобы ей помочь. Уже в июне 1940 года ей было продано 900 орудий, 8 тыс. пулеметов, 500 тыс. винтовок. Чуть позже она получила в обмен на базы 50 эсминцев.

Как-то, выступая в конгрессе, Рузвельт рассказал такую притчу: «У вашего соседа загорелся дом. Неужели вы не дадите ему займы брандспойт до того, как пожар перебросится на ваш дом?» Так был принят, может быть, самый важный из всех — закон о ленд-лизе. Англия, а затем и Советский Союз до конца войны получали оружие, снаряжение, транспорт, продовольствие фактически бесплатно. Рузвельт был достаточно проникателен. Позже оказалось, что Гитлер ещё зимой 1941 года требовал от своих генералов подготовить план захвата Азорских островов с тем, чтобы сразу же после победы на Востоке, примерно с осени того же года начать... бомбардировку США дальней авиацией.

Да, Рузвельту нелегко. Но наступил момент, когда надо было назвать вещи своими именами и говорить с агрессором на единственно понятном для него языке — языке силы.

Так было, когда Рузвельт приказал открывать огонь без предупреждения по немецким подводным лодкам в районе между Америкой и Исландией. Этот момент наступил и сейчас, когда надо было продемонстрировать перед всем миром свою решимость поставить агрессора на место. Японии было предложено очистить все захваченные ею с 30-х годов территории. Случайно ли, что такая нота прозвучала 25 ноября — в день, когда японский флот взял направление на Перл-Харбор?

Думается, что нет. Вопрос о войне с обеих сторон был решён, и в Вашингтоне не знали только час и место удара. И то лишь потому, что в японских радиосообщениях они не назывались.

Всё остальное американцы узнавали сразу, ибо японский шифр им был давно известен...

К. Крижановский

1994 г.

План статьи «На сцене и за кулисами» («Лица и маски»)

1. Как начинаются войны.
2. Жгучее лето сорок первого.
3. Нота на острие меча.
4. Внимание: подлодки?
5. Так всё-таки лица или маски?

КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ

(Письмо в журнал «Наука и жизнь»)

К.П.Крижановский планировал написание статьи о Крымской кампании 1942 года, в которой были бы отражены события Великой Отечественной войны. Нижеприведенное письмо в редакцию журнала «Наука и жизнь» должно было служить основой статьи о Крымской кампании. С этой работой логически связана статья «Лица и маски» (о событиях 1941–42 гг). В целом планировался цикл статей на военную тематику — ред.

Уважаемые товарищи!

Да, времена начинают меняться. Возьмём хотя бы ваш журнал. Ещё недавно вы печатали такие шовинистические статьи, ещё недавно, когда вы касались истории... Но разве только вы? И другие научно-популярные журналы соревновались между собой, когда обзоревали историю и литературу, как бы в одном: у кого больше пустозвонного невежества и отъявленной лжи. Нельзя сказать, что всё это кануло в Лету и теперь уже авторы и редакторы никогда не изменяют Клио. Но, к радости, да и к гордости за журналы, которые мы любим, — «Знание-сила», «Наука и жизнь» — эти журналы сделали крутой поворот. Семь футов вам под килем и попутного ветра в новом фарватере!

А теперь несколько слов о том, насколько вы сегодня верны Клио и не отворачиваетесь ли от пылкой любви к ней в сторону некоего указующего перста. Хочу вернуться к статье К.М.Симонова «Уроки истории», опубликованной в №6 за 1987 г. Вернуться хотя бы потому, что о статье всё время вспоминают и на неё постоянно ссылаются. Так что извините за небольшой ретроспективный анализ. Очень жаль, что эта статья опубликована так поздно, тогда, когда она уже почти ничего нового не даёт. Можно себе

представить, какой резонанс она вызвала бы 20 лет назад. Но почему и сейчас вот уже столько времени не могут успокоиться страсти вокруг этой статьи? Думаю, по двум причинам: авторитет Симонова и его мысль: не было бы 1937 года — не было бы и 1941-го. Поддержанная авторитетом Симонова, эта — тоже не новая — мысль приобретает мощь пословицы. Сотни лет наше сознание было забито всяким шовинистическим бредом вроде «великой России» и её божественной миссии в мировой истории. Трудно, очень трудно сейчас въевшиеся в плоть и кровь стереотипы вычищать из души целого народа. Трудно, очень трудно, но иначе нельзя жить в семье цивилизованных народов, да и в семье собственных народов — тем более.

Так что же представляла собой Керченская трагедия, о которой у нас до сих пор не написано почти ни слова правды? Весной 1942 года на маленьком Керченском полуострове территорией всего в 3 тысячи кв. км были сосредоточены три наших армии, объединённые в Крымский фронт. Они стояли возле узкой горловины полуострова шириной всего в 17 км. Вероятно, это была самая большая концентрация наших войск на всём протяжении гигантского фронта. Спрашивается, зачем? В Фермопильском ущелье 300 греков сдерживали натиск миллионной персидской армии. Лишь зайдя защитникам через горы в тыл, персы смогли их уничтожить и двинуться дальше. С тех пор этот пример стал классическим. Сила армии, умело построившей свою оборону в узкой горловине, как бы удесятеряется. И Вторая мировая война это не раз подтверждала. Осенью 1942 года германская армия была остановлена в узкой горловине между горами и морем и, несмотря на самые мощные удары, к Туапсе пробиться так и не смогла. Тем же закончились и попытки прорыва через ущелья Кавказского хребта. Стойкость защитников и умелое использование природного фактора создали непреодолимые препятствия на пути бронированного кулака фашизма. Для успешной защиты горловины Керченского полуострова, прикрытой с обеих сторон морем и нашими кораблями, достаточно было от силы двух-трёх дивизий. А при создании нескольких мощных оборонительных линий — и того меньше.

Какой же смысл был держать сотни тысяч человек на линии в 10 километров? Даже ребёнку понятно, что столь мощные ударные силы сосредоточены отнюдь не для защиты, а для наступления. Но ведь на всём протяжении советско-германского фронта более невыгодное место трудно было найти. И дело не только в природном факторе. Как громадные волны разбиваются невысоким волноломом, так наши массированные атаки с января по апрель, кроме колоссальных потерь, ничего нам не принесли. Германские войска создали здесь очень хорошую оборону. Бессмысленная гибель огромного количества солдат, отвлечение нескольких армий, так нужных на других фронтах, для того, чтобы биться головой о стену, — всё это непростительная вина Ставки. И результат всё той же грубой прямолинейной стратегии 1941–42 гг., стратегии экстенсивного мышления, рассчитанной на вроде бы колоссальные людские резервы и безбрежные просторы нашей Родины. Именно благодаря такой стратегии мы к осени 1942 года потеряли почти всю армию и большую часть наиболее развитых районов страны. Но с тупым упрямством Сталин продолжал готовить очередное наступление, и это сделало катастрофу неизбежной. Немцы не могли не соблазниться уничтожить одним коротким ударом такую массу войск, сбитых в одну огромную толпу на крошечном пятачке. И они запланировали именно здесь нанести первый удар летнего наступления. Сюда были дополнительно переброшены танки и авиация. Но даже после того, как стало ясно, что затеяли немцы и какие это может иметь ужасные последствия, — даже после этого Ставка и послушное ей командование Крымским фронтом не перестроило фронт для обороны. Цель оставалась прежней — только наступление. В результате войска ни физически, ни морально к обороне готовы не были. Да и вера в свои силы в какой-то степени была подорвана в результате непрерывных неудач. Всё это, безусловно, приняло в расчёт германское командование, иначе оно просто не решилось бы бросить одну свою армию на три наших. Расчёт оказался верным. И катастрофа стала неминуемой. 11 апреля германская армия наносит удар, и танки, поддержанные авиацией, сходу прорывают фронты и врзаются в самую гущу войск. Как обороняться, что делать — никто не знал. Впереди были танки, сза-

ди море. И началась паника. Войско быстро превратилось в толпу. Спустя неделю Гальдер запишет в своём дневнике: Крымская операция закончена. В плен взято 150 тысяч человек.

Итак, почти без потерь, немцы в неделю разгромили и взяли в плен почти целый фронт. До сих пор это просто не укладывается в голове. А что же командование? Да оно попросту бросило армию и сбежало. И вот тут сразу появляется вторая загадка: как генералы, трусившие хоть на йоту отойти от буквы указаний Ставки, не боялись оставить армию на растерзание немцам и, как ни в чём не бывало, явиться в ту же Ставку? В годы Гражданской войны за такое преступление они сразу бы пошли под трибунал. А в годы сталинского террора отношение к забрызганному грязью генеральскому мундиру было куда уважительнее. Власов сдал армию, но не только не понёс наказания (точно времена у нас либеральные, как ни в одной стране мира), а получил от Сталина вторую армию. И её сдал. И только после этого подумал и решил домой не возвращаться. Пожалуй, третью армию могут и не дать. А вот немцы предлагают остаться и командовать армией. Нет, это был не просто изменник, а типичный холодный карьерист. Просто служил одному хозяину, пока было можно, а потом перебежал к другому. Сколько таких было в войну? Сколько их было, служивших не истерзанному Сталиным и Гитлером народу, а «хозяину»? Нет, в нашей военной истории на подобные вопросы ответа не найдёшь.

1988 г.

ТЕОРИЯ И ЕЁ РОЛЬ

Во всех работах присутствует желание объяснить мир двумя способами: или движение человечества необъяснимо (со ссылкой, что это ведомо лишь богу, дьяволу, инопланетянам), или развитие подчинено какой-то теоретической структуре: что в неё положишь, то она по своему образу и подобию вылепит.

По поводу первого можно сказать лишь одно: без объяснения, откуда, куда и как мы развиваемся, ещё не обходилась ни одна массовая религия. Это потому, что люди хотят знать ответы. Можно сказать, что здесь царствует такая темень, что свет науки её не в силах разогнать, и с этим надо смириться. Люди обращаются к религии, к астрологам, колдунам, хиромантам и прочим, у которых детерминизм доведён до абсолюта, а значит, сам себя отрицает. Что ж, если нет нормальной пищи, человек будет доволен тем, что подадут. Если же принять какую-нибудь единственную причину и из неё выводить весь процесс развития, то, как бы она ни была верна по сути, в её прокрустово ложе живую жизнь не уложишь. Приходится всё отрубать, и получается мёртвая схема. Приходит время, люди убеждаются, что схема не всё объясняет. Начинают все свои промахи сваливать на неё. Возникает другая схема. Не будем говорить о схемах, неверных с самого начала. Возьмём правильную. Например, теорию географической школы. Учёные этой школы обратили внимание на то, что на крайнем Севере, как и вблизи экватора народы все находятся, как тогда писали, в стадии дикости. Почему? Исходя из теории необходимости и возможности, можно сказать, что на крайнем Севере была необходимость в развитии орудий труда, а вместе с ними и всего общества, но возможность была ограничена, а на юге была возможность, но не было необходимости. Верно? Верно. Но как объяснить разное развитие Франции и Англии, Нидерландов и Испании, да и России? Одной географической теорией это не объяснить.

ФИЛОСОФИЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Люди всегда пытаются увидеть ход движения общества. Тем более, политики и учёные. Почему так слаб результат? Почему люди никак не могут увидеть завтрашний день, как бы достичь его сегодня мысленно? А значит, и выводы сделать заранее. Но общество упорно движется обходным, а не прямым путём к цели. А учёные, даже посвятив этому свою жизнь, даже достигнув неплохого анализа, выводы делают поистине детские. Чего стоит вывод Арнольда Тойнби, что всё движение и развитие в истории — это преодоление божественного вызова. А ведь посвятил философии истории всю свою жизнь, написал многотомный труд, сделал немало интересных наблюдений, даже читается легко, значит, и над языком работал. Лев Гумилёв со своими пассионариями и евроазиатским, а фактически, азиатским путём развития, с утверждениями, что при монголах жилось совсем неплохо и что фраза Маркса «монгольское иго опустошало душу народа» вредна, Гумилёв — хочет он того или не хочет — сооружает теоретическое основание для русского фашизма.

И вот тут возникает вопрос: почему. Почему они приходят к таким примитивным выводам? Прежде всего, так легче. Второе: они идут по проторенному пути. Ещё религия пыталась с помощью бога решить все проблемы: им задумано, им же и исполнено. Значит, наша история — это история божественных решений, а «пути господни неисповедимы», будущее ведомо только пророкам. Здесь тоже одним феноменом пытаются объяснить всю историю. Третье: попытка найти этот феномен, этот рычаг вне производственного процесса, да и вообще вне общества: в божественном вызове, от бога пришедшем пассионарии и т.п. Четвёртое: неумение или нежелание взглянуть на исторический процесс извне, а не изнутри. В итоге классовые, шовинистические, партий-

ные, групповые интересы берут верх над интересами научными. Пятое: подражание естественным наукам, попытка с помощью одного закона открыть всё, математической формулой описать любое явление. Шестое: игнорирование философии как науки, без знания которой невозможно объяснить мир. Седьмое: метафизика вместо диалектики. Восьмое: желание выполнить заказ — свой или каких-либо групп.

На самом деле всё обстоит гораздо сложнее. Одним ключом двери в прошлое не откроешь. Надо учитывать действие одновременно целого ряда законов. От общефилософских до психологических. Объективных и субъективных. Длительных и совсем кратковременных.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ. НЕОБХОДИМОСТЬ И ЕЁ РОЛЬ В ИСТОРИИ

В моём понимании, необходимость — не как данное, как сущность, не как условие — нет, необходимость как действие. Только совершив действие, человек может достичь цели. Сюда входит всё, что делает человек. Ибо всё имеет целенаправленный характер. Осознаёт это человек или не осознаёт. Рефлексия это или обдуманное действия — всё это движения человеческого характера. Вот почему можно предположить, хотя бы в том или ином плане, как в том или ином случае поступит человек. А что побуждает к действию?

Условия, окружающие человека, заставляют его поступать именно так или иначе. А побуждает человека внутренняя сила: разум, чувства, инстинкты... Внутренняя сущность человека побуждает его всегда, и внешним проявлением форма зависит как от характера, так и от условий. Тут внешнее соединяется с внутренним. Характер у каждого и неповторим, уникален, и, в сущности, так похож, что мы можем разделить его на типы. Здесь противоположность — уникальность и типичность. Поэтому всегда можно вычертить поведение человека в тех или иных обстоятельствах, но не до деталей; подробности — это уже от уникальности. Точнее, можно сказать так: можно определить, куда пойдёт человек: на север, юг, восток, запад в тех или иных обстоятельствах. А уже на северо-запад, север, северо-восток — это от характера, его уникальности. Это уже предположить трудно или даже невозможно.

В характер я включаю и мировоззрение. Вообще, характер — это сплав, единство противоположностей: биологического и социального. Конечно, если быть точнее, биологическое проявляется через социальное. В любом социальном поступке человека мы видим в глубине биологическое. И прежде всего, желание утвер-

дить себя в обществе. Нет, это не социальное. Ведь в любой стае каждый пытается занять место в иерархии повыше или хотя бы не потерять своё, не опуститься ниже. Желание каждого человека утвердить себя оказывает громадное влияние на развитие любого общества. Особенно более развитого. Ибо чем цивилизованнее общество, тем выше возможности каждого человека проявить себя, тем больше людей и тем активнее они стремятся оказать своё личное влияние на развитие общества. Даже сейчас у нас необыкновенно выросла активность людей всего за три года. Но человек разнообразием очень богат, хотя часто большая часть или почти все его возможности не раскрываются. Из-за системы. Она скрывает его. И не только физически, но и морально. Поэтому видеть в каждом социальном поступке биологическое основание — это значит ещё очень мало видеть. Это всё равно, что сказать: любовь — это стремление к продолжению рода. Жизнь безмерно шире, богаче, интереснее. Иначе мы бы ничем не отличались от зверей. Вернее, были бы умные звери. Думаю, чем дальше уходит человеческий поступок от биологического, тем он богаче. Лучше ли? Ведь и животное по-своему любит, по-своему преданно, по-своему бескорыстно. В зверином поведении так много сходства с человеческим, что нередко это просто поражает. Да, чтобы понять социальное, всегда следует видеть и чувствовать его дно — биологическое. Но сводить социальное к биологическому, как видим, совершенно неправильно. Словом, и тут не надо впадать в крайности.

А у нас в последние десятилетия социальное совсем вытеснило биологическое. Поэтому, в частности, так много ошибок в понимании тех или иных личностей и даже групп, мало того, всей системы. Ведь если взять Сталина и попытаться его осмыслить только с точки зрения социального, то понять ничего нельзя. В интересах какого класса он убил десятки миллионов людей? В чьих интересах он допустил Германию до Волги? Во имя чего он перебил значительную часть правящей номенклатуры, может быть, даже большую часть (во всяком случае, это верно по отношению к верхушке: наркомы, генералы, секретари обкомов и ЦК — они ведь пострадали больше)?

А вот с биологической стороны это становится понятным. Патологическая, маниакальная жажда власти, власти безмерной над политикой, экономикой, правом, моралью — да буквально над всем — это ведь явление биологическое. Садистская жестокость — оттуда же. Подлость, коварство, бесцеремонность в выборе средств — это уже смесь и биологического, и социального, но это отнюдь не чисто социальное явление. Тогда надо было бы сказать, что все обладающие властью таковы.

Говорят, что Сталин кое в чём себе и отказывал. Так, он ходил обычно скромно в одно и то же одетым. Не знаю, был ли у него гарем, но если и был, то это скрывалось от всех. Он, вроде, убил первую жену, и Симонов глухо об этом пишет; он не демонстрировал свою жену (ни первую, ни вторую) нигде; он не пожелал тихонько поменять своего сына на какого-нибудь немецкого генерала, а громогласно заявил, что мы солдат на генералов не меняем. Словом, он изо всех сил играл роль народного вождя, человека, который живёт только ради народа, отказывается ради него от всех возможностей власти, даже не стремится разбогатеть. Это и сейчас многие — даже не сталинисты — принимают за чистую монету. Но ведь и зверь, став во главе стаи, отказывается от ряда удобств предыдущей жизни. Даже идти вперёд ему всегда приходится первому, как бы опасен ни был путь. И отступать последним, прикрывая отход стаи.

Человек, правда, тут пошёл гораздо дальше, но истоки — биологические. Вот почему людей, которых собираются поставить на любые, но достаточно ответственные посты, на посты, где от них будет зависеть жизнь многих людей, — таких граждан следовало бы сначала подвергать тщательному медицинскому и психологическому испытанию. И только после такой проверки решать второй вопрос: а каков он в социальном плане.

Но вернёмся к понятию исторической необходимости. «Абсолютными противоположностями признаются при этом преимущественно случайность и необходимость, внешняя и внутренняя необходимость, действующие и конечные причины, или вообще причинность и цель, сущность (или субстанция) и явление, форма и материя, свобода и необходимость, счастье и страдание,

добро и зло». (Цитата по книге: Г.Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974 Т.1, стр.142). «Свобода, не имеющая в себе никакой необходимости и одна лишь голая необходимость без свободы — суть абстрактные и, следовательно, неистинные определения». (Там же, стр.143).

С моей точки зрения, для того, чтобы достичь какой-то цели, человек должен совершать какое-то действие. Любое человеческое действие порождено необходимостью. Хотя эта необходимость может иметь и видимость другой необходимости. Так человек, побуждаемый необходимостью, может случайно — по ошибке, по неловкости, по рассеянности и т.п. совершить совсем другое действие. Или он осмысленно совершает задуманное, но оно приводит к совсем иной, возможно, даже и противоположной цели. Но, так или иначе, причиной любого человеческого действия есть необходимость. Здесь существует, как мы видим, свобода выбора. Потребность подталкивает человека к действию, а действие ведёт (или должно привести) к цели. Какое действие выберет человек для достижения цели, это уже зависит от него. Здесь свобода. Но что он должен совершить действие на пути к цели — это уже необходимость. Можно, кстати, вспомнить и то, что предмет имеет «наличное бытие» (Там же, стр. 320), «и зародыш чего-то совершенно другого» (Там же, стр. 321). Это и есть «подлинно внутреннее непосредственной действительности». «Непосредственная действительность как таковая есть вообще не то, чем она должна была бы быть, но есть надломленная в себе, конечная действительность, назначение которой — быть поглощённой». (Там же, стр.321). Таким образом, любая историческая действительность есть лишь условие для новой исторической действительности. По Гегелю, необходимость слепа, когда цель не есть для себя: «...слепа необходимость лишь постольку, поскольку она не постигается в понятии, и нет поэтому ничего более превратного, чем упрёк в слепом фатализме, который делают философии истории за то, что она видит свою задачу в познании необходимости того, что произошло в истории человечества». (Там же, стр.323).

А дальше... божественное провидение. «Человек же в своём отличии от бога со своим частным мнением и волеием действует

по капризу и произволу, и поэтому часто из его действий выходит совершенно другое, чем он предполагал и хотел, бог же, напротив, знает, чего он хочет...». Дальше у Гегеля нечто очень государственное, а значит, очень современное. Будто писал один из философствующих госчиновников. «Это означает, что человек пожинает только свои собственные плоды. Противоположное воззрение состоит в том, что мы сваливаем вину за то, что нас постигает, на других людей, на неблагоприятные обстоятельства и т.п. Это точка зрения несвободы и, вместе с тем, недовольства. Когда же, наоборот, человек признаёт, что происходящее с ним есть лишь эволюция его самого и что он несёт лишь свою собственную вину, он относится ко всему, как свободный человек, и во всех обстоятельствах своей жизни сохраняет веру, что он не претерпевает несправедливости. Человек, живущий в раздоре с самим собой и своей судьбой, совершает много несуразных и недостойных поступков как раз благодаря ложному представлению, что другие к нему несправедливы. В том, что постигает нас, есть, правда, и много случайного. Однако это случайное имеет своим основанием природность человека. Но если человек сохраняет всё же сознание своей свободы, то постигающие его неприятности не убивают гармонии и мира его души. Таким образом, довольство и недовольство людей и, следовательно, сама их судьба определяется характером их воззрения на природу необходимости». (Там же, стр. 396). Тут что ни слово, то жемчужина. Даже две. Одна — для раскрытия мировоззрения Гегеля. Гений диалектики, он в специальных вопросах пишет, как школьник. Не думаю, что это следствие мышления гения. Просто — думать нужно так, а не иначе. Не вижу, потому что видеть не хочу. Вот так бывает и у нас. Но для правящих классов такая философия чрезвычайно выгодна. Действительно, во всех своих невзгодах человек виноват сам, и если он это понимает, то он свободен и ведёт себя спокойно. Если же он сваливает свои невзгоды и неудачи на обстоятельства и людей, то он ведёт себя недостойно и несвободен.

Так что судьба людей зависит от угла зрения на природу необходимости. А значит, все виды классовой борьбы зависят от того, что людям кажется, словно кто-то к ним несправедлив. Но рево-

люции — двигатель истории. Если они оттого, что люди потеряли гармонию из-за неправильных взглядов, то пусть живёт такая возможность овладения массами ложного представления, что виноваты люди и обстоятельства, а не они сами. Потому что во время революции люди как раз и разрушают старые обстоятельства, и в процессе такой ломки и строительства новых обстоятельств люди меняются сами. И всё это Гегель осуждает! Кстати, он пишет, что много случайного подстерегает нас в жизни. Но ведь происходит это из-за природы человека. Так что всё социальное сводится к биологическому. Вот вам и Гегель!

По Гегелю, существуют три момента процесса необходимости:

Условия. Предмет. Деятельность.

- 1) Условия пассивны, употребляются как материал для предмета и, следовательно, входят в содержание предмета; они так же соответствуют этому содержанию и содержат все его определения.
- 2) Предмет есть нечто предполагаемое; как полагаемый, он есть только внутреннее и возможное, а как предполагаемый — некое самостоятельное для себя содержание.
- 3) Посредством использования условий предмет получает своё внешнее существование... оказывается, что предмет произведен условиями и обязан им своими определениями.

Деятельность точно также есть:

- а) для себя (некоторый человек, некоторый характер), существует самостоятельно, и, вместе с тем, она возможна лишь там, где имеются условия и предмет;
- б) она есть движение, переводящее условия в предмет;

Так что это всё верно в целом и достаточно абстрактно. А в жизни оно всё значительно сложнее.

Вот, например, условия. Условия может создать себе и сам человек, поставив себя в безвыходное положение, в положение, в котором он неминуемо должен действовать, чтобы достичь цели. Даже такой смешной случай, когда Гюго постриг половину головы и ножницы выкинул со второго этажа. Должен был сидеть дома, пока они не отрастут, а это и создало условия, при которых

он закончил роман. Это субъективное влияние на себя же самого. Субъект создаёт условия, при которых он не может не действовать в определённом направлении.

Субъект может создать условия, при которых изменяется объект. Вся деятельность человека в наше время направлена или на приспособление природы к потребностям человека, или на приспособление человека к потребностям государства, или на приспособление народов и государств к потребностям одного государства. Во всех таких случаях человек создает или пытается создать условия, которые бы непременно привели к цели. Чем труднее природный или человеческий объект, тем это требует больших усилий и времени и тем химернее и фантастичнее выглядит цель. Мало того. Тем более кружными тропами должны идти к ней. Прямой путь оказывается, в конце концов, хождением по кругу. Так, например, во времена Джеймса Уатта цель механизировать весь труд казалась фантастичной, химерной. И только через полтора столетия — перед Второй мировой войной развитые страны мира достигли этой цели для подавляющего большинства людей. Для этого пришлось осуществить не только грандиозную и очень сложную техническую революцию, но и пройти через революции социальные, полностью изменить условия, в которых жили люди. Цель получить в неограниченном количестве дешёвую энергию вынудила (точнее, не цель вынудила, а, как всегда, обстоятельства вынудили) идти к ней: быстро растущие потребности людей и ещё более быстрое уменьшение энергетических ресурсов и неуклонная тенденция их дорожания. Человечество всё больше загоняется в угол, из которого хочется вырваться как можно скорее, значит, вынуждено сосредоточить умы крупнейших учёных планеты и огромные ресурсы на достижении этой цели. Казалось, все условия созданы, и через несколько лет она будет достигнута. Но дорога не была прямой. Окольными путями идя вперёд и возвращаясь назад, человечество вот уже тридцать лет постепенно приближается к решению проблемы термоядерного синтеза. А я уверен, что этот путь — не единственный. Существуют и другие, значительно более короткие, но, сосредоточившись на одном, мы их просто не видим. Но когда пройдёт ещё десять-двадцать лет и синтез так

и не даст желаемых результатов, общество начнёт искать и найдёт эти другие пути.

Цель, раз она уже поставлена самой жизнью (а не придумана мечтателями или спущена сверху чиновниками), будет достигнута. Общество всегда ставит перед собой реальные задачи. Поэтому можно с уверенностью сказать, что найти великую общественную цель значительно сложнее, чем достигнуть её. Почему? Потому что каждая такая цель возникает только на определённом этапе развития человечества.

Так, 400 лет назад, в эпоху Возрождения, когда весь европейский духовный мир начал невероятно быстро (как казалось тогда) изменяться и когда самые фантастические идеи казались осуществлёнными, даже тогда никто не мог создать в своём представлении обычный для нас технический быт. И самая богатая фантазия тут оказалась бессильной. И не могла поставить перед собой такую цель. А мы сейчас не в силах представить наше общество через триста или даже через сто лет. Самая богатая наша сегодняшняя фантазия окажется очень бедной и приблизительной уже через десять десятилетий. И мы не можем ставить себе целью то, что мы не в силах представить. Это и не может сегодня быть потребностью общества, необходимостью его развития. Но где-то в глубинах его развития уже существует будущая цель. И постепенно, по мере решения ближайших проблем, она начнёт всё больше светиться (выражение Гегеля). Пока не станет путеводной звездой.

Наверное, чем быстрее развивается общество, тем более близкие технические задачи оно может себе ставить. Потому что чем они более дальние, тем в большем тумане пребывают их грандиозные абрисы.

Это совсем не говорит о том, что мы ставим перед собой технические задачи всё меньшего масштаба. Наоборот, каждая такая цель настолько велика, как по размерам, так и по последствиям, что за этой горой не видно других, ещё более высоких. Общество ставит перед собой всё более короткие по времени, но всё более грандиозные задачи.

Интересно, что следующая вершина четко вырисовывается на горизонте ещё тогда, когда человечество не достигло преды-

душей. Точнее, теоретически эта цель уже достигнута, а практически охватить ею все массы и все отрасли хозяйства ещё не удалось. И наука уже берётся за достижение следующей цели, а общество ещё долго будет до дна вычерпывать предыдущую цель. Так, у нас ещё далеко до полного решения проблемы, занимавшей умы ещё двести лет назад. Речь идёт о замене физического труда машинным. Ещё десятки миллионов трудящихся в народном хозяйстве и сотни миллионов в домашнем быту заняты ручным трудом. А жизнь уже поставила на повестку дня компьютеризацию, замену умственного труда человека трудом машин как ближайшую и самую важную цель. В зависимости от уровня осуществления этой цели поставлен и уровень не только материального, но и духовного развития всего общества.

Если охватить взглядом историю, то увидим, что явление это целиком закономерное. Ещё не исчерпав до дна прошлую цель, уже берутся черпать из будущей. Мало того. Чем быстрее и чем полнее черпают из будущей, тем быстрее идёт аналогичный процесс и с прошлой целью. Одно другому помогает, а не мешает? Верно, но только о прошлом.

Будущее помогает прошлому быстрее стать современным. А вот прошлое тормозит развитие будущего, потому что часть его энергии идёт на вчерашний день. И в материальном, и в духовном плане нам значительно легче было бы решать одну задачу, чем сразу две: механизацию и компьютеризацию. Если же из будущего, как сейчас, будем черпать чайной ложкой, то дождёмся, что передовые страны поднимутся ещё на один виток, и тогда нам придётся возиться сразу с тремя проблемами. И отсталость наша станет ещё более разительной.

Другое дело — цель социальная. Её несравненно легче поставить, чем осуществить в масштабах хотя бы одной страны. Это связано с тем, что техническая идея, какую бы могучую революционную силу она ни несла с собой, ничьих интересов не затрагивает. На вид она всегда достаточно конкретна, а на самом деле её социальная сила так же спрятана от взгляда, как обратная сторона Луны. И только когда идея воплощается в конкретных предметах, которых все ожидали, оказывается, что она не равнодушна к ста-

рым социальным связям. Старые связи становятся лишними, новые — необходимыми, и эти неминуемые изменения уже вызывают кое-где социальное сопротивление. Как, например, когда в Англии рабочие ломали машины.

Когда же возникает значительная социальная идея, она сразу же наталкивается на сопротивление, её запрещают, преследуют, поносят. Потому что социальная идея большого масштаба — это идея, которая прямо атакует существующую систему и требует замены старых социальных отношений новыми.

НЕОБХОДИМОСТЬ

Необходимость — это потребность, поднятая до уровня деградации или развития общества или человека. Если человек, который привык к порядку, не поднял бумажку, что-то в нём произошло. Начинается процесс изменения его характера, сначала с какой-то грани. Но изменение одной грани неминуемо потребует и изменения всех остальных. Ибо человек — это механизм, в характере которого связано всё. В обществе — то же. С чего-то начинается изменение всего. Но и общество, и человек инстинктивно пытаются защитить своё «я», оставить его в неизменном виде. Главное — способ удовлетворения своих потребностей. Первобытнообщинный строй — замкнутый цикл охоты, потом — скотоводство и земледелие. И тут же рядом появляются племена, которые живут главным образом за счёт грабежа (кстати, монголы, в основном, жили не грабежом, скорее, это было их побочное занятие). Себя проявить — вот главное, сжечь, напасть, убить — мораль это прославляет. От монголов к русским, мусульманам, гитлерам и сталиным — мораль даёт возможность человеку поднять себя до уровня, ему желаемого — сильной, непобедимой личности. Это дают война, нападение, грабёж, успешный захват, хотя бы и через войну. И пока это успешно, люди будут поддерживать такой способ самоутверждения.

Кстати, очень интересно сравнение морали: монгольский эпос осуждает своего величайшего героя Темугжина- Чингисхана за убийство им в детстве брата. А вот вся русская историческая традиция, вплоть до советской исторической науки и пропаганды (чем ближе к сегодняшнему дню, тем сильнее они совпадали, тем это важнее для класса правителей), не осуждает убийство Петром Первым своего сына, а наоборот, ищет оправдания для царя как для выразителя государственной идеи, хотя и тирана. Это говорит

об истинном уровне морали и степени конформизма больше, чем все рассуждения о «слезинке ребёнка», вместе взятые.

Когда общество самоутверждается через захваты, войны и насилие, призыв к нравственному усовершенствованию человека внутри тоталитарного режима (точнее, его приспособлению к государственным нормам как к высшей ценности) носит абстрактный, демагогический характер. По Достоевскому, даже слезинка ребёнка не стоит того, чтобы изменить этот строй и всякий, кто это проповедует, — жестокий человек, и общество, которое он построит на этой основе, будет тоже жестоким обществом. Но вот убийство тысяч для укрепления этого государства, его расширения или хотя бы самоутверждения с помощью славы — стоит того, чтобы за него погибли десятки тысяч человек. В трёх Плевнах погибло, по официальным данным, 32 тысячи человек, а вся армия составляла 160 тысяч. Но Достоевский, в отличие от передовой России, не только не осуждает это бессмысленное убийство, но и защищает, и прославляет его. Вот почему у нас так схватились за Достоевского все официальные круги, а многие демократы, не разобравшись, что к чему, тоже примкнули к хору: ни слезинки ребёнка на пути к преобразованию общества. Но разве это возможно? Ведь переустройство общества задевает конкретные интересы целой группы людей, владеющей этим обществом, как своей добычей. И они без борьбы её не отдадут.

Очень важна цена победы. Но когда в истории человечества был опустошающий прогресс? Вот реакция, тоталитаризм, агрессия действительно бывали опустошающими. Правда, якобинская диктатура или Октябрь выпадают. Но оба явления носят диалектически противоречивый характер. Это ведь были не только революции, но и контрреволюции, с другой стороны. Ибо любое серьёзное ограничение свободы — шаг назад, даже если с точки зрения гражданской войны оно и оправдано. Его оправдание в глазах масс ведёт к ещё большему террору. Но во Франции такой террор массы выдержали лишь год и, несмотря на всю его видимую необходимость и авторитет вождя, его свергли, обрушив террор на тех, кто его проводил. Но вернёмся к началу. Итак, кому нужны были монгольские завоевания? Для грабежа более чем достаточ-

но было того, что завоёвано ещё до Китая. А уж завоевание Китая должно было удовлетворить всех. Но в том-то и дело, что и сами потребности были невелики, совсем неразвиты. А вот потребность славы через войну была, вероятно, главной. Она и толкала массы монголов к новым завоеваниям. Греки не позволили Александру взяться за завоевание Индии даже после его победы над персами. А монголы прошли из конца в конец всю Азию и большую часть Европы. Зачем? Говорят, всё зависит от личности. Не было бы Чингисхана, не было бы и завоеваний, и Русь была бы иной, и мы были бы иными. Но ведь Русь завоёвана не Чигисханом. Да и вообще, Иран, Кавказ, Северный Кавказ, Дон были завоёваны его потомками, а не им. Значит, им и войску это было необходимо. Думаю, что для них это было не завоевание в нашем понимании, а просто образ жизни, где удача — это хорошая победа, добыча и движение без препятствий. Вот и жизненный идеал. Смысл жизни — в этом. Отсюда вышли Атилла и Чингисхан. На юге — Мухаммед. Потом — Тамерлан. Потом — испанцы и португальцы. Всё это сопровождалось переселением (кроме Тамерлана) и освоением. То же — Россия. Здесь тоже — способ самоутверждения. Это не было необходимостью экономической, но это было самоутверждением. Так же было и во времена крестовых походов. Нечто похожее — два миллиона наёмных рабочих, которые пешком шли нередко тысячу километров на юг.

Таким образом, необходимость — понятие отнюдь не только экономическое. Любое осознанное или неосознанное действие человека или общества необходимо (если человек случайно падает в яму — это ведь не действие). Необходимость — это жгучая потребность. А вот потребность может к действию и не привести, для этого она должна превратиться в необходимость, то есть, в часть образа жизни человека. Её малейшее нарушение уже как бы отщипывает что-то от сущности данного человека, или группы, или класса, или системы управления.

Итак, необходимость — это жизненная потребность, устремлённая к немедленному действию и перерастающая в него. А если потребность не стала необходимостью, тогда она лишь случайно может превратиться в действительность, тогда это уже субъектив-

ная необходимость. Но ведь всё равно необходимость. А если её нет? Так, в 20-е годы была потребность в свободе и экономической политике. Экономику дали, а политику — нет. Необходимости в этом ещё не было. Можно было пока жить и при диктатуре. Ведь жизнь быстро улучшалась в плане экономики. До поры до времени материальная сторона компенсировала собой свободу. Но этому вскоре и экономически, и политически должен был прийти конец. Ибо экономически: свободные рыночные отношения требовали и демократизации общества. И политически: революционные массы народа терпели диктатуру, пока налаживалось хозяйство и пока угрожала новая война. Когда и то, и другое стало уходить в прошлое, диктатура изжила себя. Потребность свободы стала перерастать в её необходимость. Новая экономическая политика была провозглашена в предчувствии этого, помня Кронштадт — когда после окончания войны прошло всего четыре месяца и власть уже дождалась восстания, причём самых верных своих матросов. Но демократические перемены так и не наступили.

ЕЩЁ РАЗ О СОЦИАЛЬНОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Итак, человек в обществе действует под влиянием побуждений — объективных, то есть, таких, которые извне заставляют человека или общество так поступать, или внутренних. Процесс, который сейчас происходит в стране, очень сложен. Тут и объективные, и субъективные факторы, и внутренние, и внешние, традиционные — привычные и нетрадиционные — новые. Надо видеть в каждом общественном явлении действие как философских законов, так и законов биологических, социальных, экономических, психологических. Таким образом, если мы будем видеть только действие общих законов, то к конкретному явлению — а именно с ним человеку и обществу приходится иметь дело — у нас подход будет слишком абстрактным. А если мы заметим только частное, но не увидим общих тенденций, мы не только не поймём до конца отдельные явления, но и поставим себя в положение, когда будем то, что свойственно данному явлению, распространять на все другие общественные явления и значит допускать каждый раз грубые ошибки. Или нам придётся изучать до конца каждое общественное явление, а это практически невозможно, тем более, в ограниченный временем срок.

Вот, например, нынешнее повышение цен. Попробуем его рассмотреть со всех сторон. Прежде всего, ещё Экклезиаст заметил, что «в мире нет ничего нового», иначе говоря, что явления повторяются. Действительно, раз родившись, та или иная социальная форма не исчезает, а трансформируется и повторяется всё снова и снова при появлении определённых условий. Так, косвенные налоги были известны ещё в древнейшие времена. В России во времена Петра I косвенные налоги играли огромную роль в госу-

дарстве и обществе. В государстве они давали возможность жить без дефицита государственного бюджета, то есть, соразмерять колоссальные непомерные траты с таким же безмерным поступлением денег. В обществе косвенные налоги сдавливали всю деятельность, не давали ему нормально развиваться, сужали рынок, загоняли в подполье нормальную человеческую деятельность, требовали непрерывного увеличения фискального, полицейского и контролирующего аппарата, приводили к быстрой коррупции всего государственного аппарата. В целом, это вело к ещё большей централизации власти — ибо каждое движение надо было согласовывать с нею, к самоуправству местных сатрапов и чиновников, к росту принуждения (принудительному фактору), к замедлению темпов развития ремесла и торговли и отставанию страны. Примерно к тому же приведёт новая нынешняя система огромных косвенных налогов. Но надо учитывать и другое. А почему власти и при Петре I, и сейчас действуют таким воистину диким способом? А почему Филлип II решил расправиться с Нидерландами — зарезать курицу, которая несла ему золотые яйца — три четверти всех доходов с огромных колоний? Потому что хлынул поток золота из недавно открытой Америки, и в развитии собственного производства необходимости уже не было.

Так и у нас: основные доходы государство получает, выкачивая из недр нефть и газ. Во всех отраслях господствуют монополии. Зачем же развивать собственное производство? Нет никакой необходимости в развитии предприятий, в возникновении конкуренции. И монополии пользуются своим положением. Отсюда и рост цен.

КОМПЕНСАТОРНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ

Хочешь что-то сделать — отсеки компенсаторный фактор. Это не значит — ничего не делать. Но выполнять не только то, что даёт внутреннее удовлетворение и ослабляет нажим на цели, которые ты хочешь достичь. Правда, вдохновение от другой работы может перенестись и на эту, но не постоянно. Смотря у кого. Словом, здесь диалектика. Но всё-таки в большинстве случаев приходится лишать себя возможности получать удовлетворение от жизни. Конечно, талантливым можно быть в разных направлениях. Но чаще всего — в одном. Остальное — временное. Человек как бы пробует почву и в другом месте, проверяет себя. А не становится везде первым. Это обычно бывает лишь в школе, потому что там знание — удовлетворение. В жизни же, получая из нескольких источников удовлетворение, человек не может в одном из них стать великим. Искусство тоже компенсирует в обществе многое. Так, Италия в XVI веке экономически шла к упадку, да и политически тоже ей ничего не светило. Но в искусстве люди находили себе отдушину. Будь другие времена, талант многих из них пошёл бы не на строительство прекрасных храмов, на архитектуру, живопись, скульптуру, а на строительство городов, развитие промышленности (а не ремесла безделушек для богатых; ювелирная промышленность тоже развивалась в странах не очень богатых, например, во Франции XVI-XVII веков), сельского хозяйства, словом, на подъём страны в целом. А так и деньги, и талант, и энергия уходят в искусство. Или в завоевание других народов, заселение новых территорий, а затем в превращение страны в придаток империи, в часть военного механизма, где, в идеале, всё — от ремесла до искусства и действие всех — от последнего чиновника до главы государства — направлено на империю. Это компенсаторный фактор, занявший место главного. Не по праву.

Но это отдушина. Дышать можно — и ладно. А если бы дышать было нечем? Поневоле пришлось бы ломать дом. А главное — это качественное и количественное улучшение человеческой жизни. Компенсаторный фактор тоже должен давать возможность хоть как-то жить трудящимся и неплохо жить власть имущим и богатым. Материально, да и духовно тоже — ведь это суррогат, а не жизнь.

Так вот, внутренне сильнее или слабее чувствуя своё бесправие перед лицом тирании, дворянин может это компенсировать тем, что он такой же тиран, как и царь, а царь в этом идёт ему навстречу. Отсюда, чем слабее себя чувствует царь, тем сильнее он компенсирует это дворянам за счёт их рабов, но не за свой счёт. Так что дворянин был и материально, и духовно намертво связан с империей. Не потому ли так скоро был убит после Екатерины II новый царь, что он открыто бросил вызов дворянству, урезывая его компенсаторный фактор? Трёхдневная барщина, усиление тирании сверху, вмешательство и мелочная регламентация даже в одежде, заставляют служить, но не заменяют потерянное одно чем-то другим, не компенсируют урезанные права, как это было не только при Екатерине II, но и при Петре I. Пётр превратил дворян в бесправных слуг государства и разновидность, или часть, класса чиновников, а этот класс поставил выше дворян. Но зато он ввёл рабство, сделал дворян рабовладельцами, да ещё наделил их полицейскими функциями над рабами — сделал как бы представителями государства над своими крестьянами. А Пётр III и Екатерина II освободили дворян от службы и дали им вольную, но уже тогда, когда для многих из них служба стала привычной и даже наследственной традицией. Это была компенсация за слабость Екатерины II — немки, чужой, иностранки, правившей Россией, но ведь и потребность в офицерах и чиновниках теперь могла удовлетворяться и на добровольных началах, когда служить пошло уже третье поколение с петровских времён. Екатерина сознательно сделала власть помещика над рабом безграничной, не меньшей, чем в римские времена. И Пётр, и Екатерина расширяли и укрепляли империю, а это материально и духовно было выгодно дворянству. Духовно — компенсировало бесправие перед само-

державием. Так что здесь была своеобразная гармония. Отнял — компенсируй. Вот почему погиб Павел (как когда-то Калигула). Оба они отнимали, не компенсируя. В гигантской степени поднялся авторитет Екатерины, когда она выиграла турецкую войну и подавила восстание Пугачёва. Она уже в начале царствования доказала свою необходимость дворянству, чиновникам и армии: расширила и удержала империю.

Когда русские войска терпели поражения на германском фронте в 1914 и 1915 годах, они обвинили в этом евреев, и сотни тысяч их были депортированы в глубинные губернии. Их предавали военно-полевому суду. Это тоже компенсация. Найти врага — найти компенсацию, отдушину. А разве это одно и то же — компенсация и отдушина? И то, и другое даёт облегчение, чувство удовлетворения. Да, это одно и то же. Значит, согнать зло — это тоже компенсация. Тебя унизили — унизь и ты, поднимешься в собственных глазах. Тогда и массовый геноцид — тоже компенсация. Да, психологически это так. Немецкий народ убедили в том, что он унижен Версальским миром (как у нас сейчас гибелью империи), а возвыситься было проще всего на самых бесправных и традиционно гонимых — евреях. Гитлер поднял свой авторитет и тем, что преследовал и травил евреев. Внешне — вот он, враг. Внутренне — чувство удовлетворения от унижения других. Тебя возвышают — отлично, если для этого надо унижить других — пусть так.

А теперь о прошлом. Вот Спарта. Вся нормальная жизнь мужчин, по крайней мере, была ликвидирована. Всё было подчинено интересам мини-империи. О государстве говорить не стоит — оно всё время было нацелено на войну внешнюю и внутреннюю. Что не помешало в минуту смертельной опасности для Греции во время высадки у Афин персидской армии Дария I не ударить и палец о палец, чтобы помочь остановить нашествие. И пришлось афинянам в одиночку спасать и себя, и тех же спартанцев. Но и отбор детей, и зверское их обучение жестокости, подлости и убийствам, а не только мужеству, как обычно думают, и посиделки у костра, где мужчины вспоминали сражения, и только военные поэты, и прочее — всё было целиком подчинено необходимости удержать

мини-империю. Удержать самым простым и лёгким способом — переселившись в казарму. Ради сохранения мини-империи народ потерял самого себя на несколько веков. Но спартанцы, все без исключения, жили материально скромно, но не голодно, в своих жилищах, с уверенностью, что и они, и их дети будут жить так же. Они жили внутри ореола славы и постоянно чувствовали её дыхание. Так их учили. Они видели только славу и готовы были ради неё пожертвовать всем, даже жизнью своих детей. Да, их боялись. Но вся Греция презирала их за тот образ жизни, который они себе избрали. Они этого не замечали.

В этом все микро и макро-империи похожи на Спарту. Компенсаторный фактор у всех пожирает многое, у некоторых — почти всё. Особенно это заметно по восточным империям. Но и западные постигала та же судьба. Римляне, которые так гордились своей республикой, свободой и демократизмом, ради сохранения империи пошли на утрату всего этого. Мало того. Когда-то богатая, Италия постепенно утрачивала в потоке ввозимых дешёвых товаров и просто добычи необходимость хоть что-нибудь производить. Крестьянство тоже разорилось, не в силах конкурировать с почти бесплатным трудом рабов. Страну заполонили огромные латифундии, очень похожие на концлагеря. Но как только закончились завоевательные войны и железные когорты легионов перестали приводить с собой тысячи пленных, вся эта система стала трещать по всем швам. Римляне давно отвыкли от производительного труда. Даже учителя и врачи — и те были рабами. Новые рабы стоили слишком дорого. И если раньше они работали под страхом смерти, то теперь императоры Адриан и Антоний должны были под страхом наказания запретить убийство раба. Заменить рабов было нечем, и Италия постепенно превратилась в заброшенный и захламленный стариной, покрытый пылью и паутиной тёмный угол. Даже столицу в начале четвёртого века императоры перенесли из Италии далеко на Восток. Города заросли травой, плодородная земля лежала пустошью, а в Риме, как пауки в банке, дрались за власть и деньги. Таков был итог ещё за век до падения Западной Римской империи. Такова была плата за компенсаторный фактор — возможность целому народу жить не работая.

В средние века мощным компенсаторным фактором была религия. Общество ведь не только развивалось — оно и деградировало, подобно Италии в последние века империи. Миллионы людей, уже перестав быть рабами, уже поднявшись на порядок выше, места себе не нашли. То же произошло и со вчера ещё свободными и равными членами германских племён. Трудящиеся лишаются собственности, если они её имели, и попадают во всё большую зависимость от тех, кто владеет властью или богатством. Резко сужается рынок: наводнившие Европу германские племена не нуждаются ни в рыночной системе, ни в товарном производстве. Ремесло становится примитивным, торговля падает, города замирают и постепенно покрываются серыми руинами и зелёной травой. Центр власти переходит в феодальные поместья, и они сами всё производят для себя. В обществе доминирует натуральное хозяйство. Вот в таких условиях люди стали искать компенсацию уже не в реальной жизни, а в своей фантазии. Она уносит их далеко и строит прекрасный Эдем, где не будет ни бедности, ни даже труда, а зависимость останется только от самого высокого правителя — Бога. От рая верующий христианин ожидает компенсации за все свои страдания, мало того, церковь учит, что чем ничтожнее он здесь, тем выше он там. Труд унижается и отвергается, в пример ставятся святые бездельники, всю жизнь прожившие на подаяние. Все противоречия разрешает и всё компенсирует райская жизнь. Но церковь нетерпима. Она жаждет власти и денег и не переносит конкурентов. «Не мир я принёс на землю, но меч», — эти слова Христа становятся лозунгом средневековья. Воодушевленные будущим райским блаженством и земной возможностью грабежа, религиозные фанатики превращают в руины и пепел самые развитые районы Европы. Там, где зарождается интенсивное производство, где растёт ремесло, торговля и благосостояние, там всё меньше нуждаются как в небесной компенсации, так и в земной опеке церкви. Туда и направляются сокрушительные удары религиозных крестовых походов. Под ножами убийц с крестами гибнут миллионы людей.

ДОКТРИНЫ ХАЙЕКА И ФРИДМАНА

По Хайеку¹¹, социализм сидит в генах людей, потому что миллионы лет человек жил стадом, так что все эти стремления к коллективизму, солидарности, альтруизму — просто стадные инстинкты. Все они лежат в подсознании и только и ждут, чтобы себя проявить. С ними вступают в решительное противоречие основные принципы этики цивилизации — индивидуальная собственность, личная воля, честность и исполнение контрактов. Никаких законов развития не существует, а есть только миллиарды актов личной адаптации, непрерывный слепой поиск, спонтанное разрушение и становление стереотипов поведения. Человек руководствуется не сознательной целью, а усвоенными с детства нормами поведения и рыночными ценами. Особенно опасными стали коллективистские инстинкты, когда на помощь им пришла наука. От Платона и Аристотеля и до Декарта, Рассела, Эйнштейна наука стремится познать развитие, мало того, хочет перестроить общество на основе социалистического лозунга: производство во имя потребления в соответствии с природой человека и законами развития. Но наука не в силах познать законы развития, а нормы морали могут быть ею только разрушены, потому что вырабатываются они стихийно. Объединение науки и инстинктов приведёт к одичанию общества. Планирование социализма Хайек ещё в 1944 году назвал в одноимённой работе «дорогой в рабство». Он считает, что крах социализма бесспорно доказан, потому что социализм был основан на науке и инстинктах. Частная собственность свойственна только цивилизации и несовместима с природной психологией человека. Что касается людей, то они делятся на тех, кому с детства прививают мораль рыночной цивилизации и тех, кому её не прививали, — такие лишены всякой морали.

---

¹¹ Ф.А.Хайек. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

Фридман¹², нобелевский лауреат, и Хайек решительно отрицают необходимость вмешательства государства в экономику. Кризис 1929–33 годов как раз и был, по Фридману, результатом такого вмешательства американского правительства, потому что он создал нехватку денег, чтобы не дать перегреться экономике. А задача правительства — только привести денежную массу в соответствие с объёмом производства, избегая инфляции или дефляции. Правда, Фридман ссылается на А.Смита, который писал, что главный инстинкт человека — «постоянное, непрерывное и безостановочное стремление каждого человека улучшить своё положение», и Фридман говорит, что именно поэтому провалилась попытка лейбористского правительства Англии осуществить «равенство в широких масштабах». Как видим, тут действует как раз противоположный инстинкт.

Ю.Ольсевич¹³ критикует Фридмана и Хайека: «Природные инстинкты человека очень разнообразны, взаимопротиворечивы и по-разному представлены в психологии отдельных людей. Общая жизнь, взаимодействие и сотрудничество людей... одни инстинкты ограничивают и другие стимулируют, тем самым приводя наследственную психологию в соответствие со средой». Именно в регулировании и улучшении природных инстинктов и заключается основная функция морали — групповой или общественной, первобытной или цивилизованной. Значит, мораль не только облагораживает природные инстинкты, но и создаёт кое-что новое: например честность, верность соглашению, уважение к семье и чужой собственности, неприятие насилия и мести, уважение личности. Фридман считает, что нельзя кому-либо доверить слишком большую власть над людьми, особенно натурам пристрастным и идеологизированным. Они вмешиваются, когда не нужно или бездействуют, когда нужны срочные меры. Хайека и Фридмана на Западе как раз и считают «проповедниками» и «идеологами», что означает предвзятость. Ольсевич считает, что природные права человека на жизнь, свободу, на справед-

---

¹² М.Фридмен, Ф.А.Хайек. О свободе. Минск: Полифакт–Референдум. 1990.

¹³ Ю.Я.Ольсевич. Трансформация хозяйственных систем. М., 1994.

ливость — «не метафора и не красивый лозунг, не продукт одной цивилизации. Сотни тысяч лет цивилизации заложили в него психологические основы этих прав».

Интересно. Если считать, что право на жизнь, свободу и справедливость заложено в генах, то тогда разрушается религия, потому что она перестаёт быть основой морали. Наоборот, основы морали передаются по наследству в генах, а человек, не зная, откуда это явилось, приписывает чуду. Пусть так. И всё же... По Хайеку: человек, борясь с генами, становится цивилизованным. По Ольсевичу — это уже в генах, и значит, цивилизация лишь усовершенствует их. Думаю, что за миллион лет что-то и должно было отложиться в генах. Лишь бы была необходимость. Вот собака. Инстинкт поиска хозяина, любовь к нему и домашность — это в генах. А им только десятки тысяч лет. Почему бы и человеку не иметь этого. Но тогда нужно, чтобы этого совсем не было у животных. Думаю, что человек приспосабливает мир под себя, перестраивает его всю свою историю, и пока он будет жить, этот процесс нескончаемый. Стремление к этому должно быть в генах и проявлять себя, главным образом, у мужчин, а у женщин — только в потенции, её пробуждает необходимость. У человека есть то, чего нет у животных — разрушительное, а точнее, перестраивающее начало (иногда, особенно у детей, оно останавливается на стадии разрушения). Вот оно и сидит прочно в генах. Ну, а что до коллективизма, то это от стадности. Так разве это плохо? Нет, без этого нельзя было не только развиваться, но и просто жить.

ЧЕРЕДОВАНИЕ

В мире идёт чередование консервативных и либеральных начал. Или консервативных и радикальных. Консервативная и лейбористская партии в Англии. Демократическая и республиканская. Христианские демократы и социал-демократы. Социалисты и группа правых партий. Все они вначале были едины как демократы. А смысл в чём? Социальные реформы — или просто шаг навстречу социальным требованиям? Консервация — или шаг в сторону уменьшения налогов, а значит, и социальных программ? Второе оживляет промышленность, но вскоре начинается её перегрев, а социальное положение части общества сравнительно ухудшается. Первое облегчает положение трудящихся, но сужает возможности для экономического развития. Итак, они как бы сдерживают друг друга. Это сейчас. А в прошлом?

Все доходило до революции, ибо правящий класс не хотел, да и не умел уступать — терять многое, чтобы не потерять всё. Системы — социально-экономическая или управленческая, или нравственная, или образовательная — все они со временем становились негибкими, чугунно-твёрдыми, и их невозможно было согнуть, а можно было только сломать, разбить. Вот и брала революция молот и разбивала одну, две или даже три-четыре, вообще, все окостеневшие структуры. Общество должно развиваться. И чем ближе к нам, тем быстрее должен идти этот процесс. Так что самое разумное — не мешать движению, не стоять посреди дороги, а включиться в него. Но эта разумная мысль логична, а поступки власть имущих руководствуются, скорее, чувством. Въевшаяся в их поры традиция — это ведь тоже чувство. Именно чувство строит для них «логику», скорее, это одежда, которая меняется в зависимости от необходимости. А выгода от власти и имущества — разве не чувство? Но победить чувство может толь-

ко чувство. Вот в революции и возникает — как необходимость, на основе революционных идей (но это лишь часть структуры, а не функция, не действие) — революционные энтузиазм, любовь и ненависть, стресс и утешение, умиротворение, несчастье и счастье и т.д. Революция — это выброс по необходимости энергии, как потенциальной, так и кинетической (динамической). Как такой, что копилась веками, так и той, которую родила сама революция — по необходимости.

Но вернёмся к началу. В обществе идёт всё время чередование давления и разрежения, изменение и стабилизация. Движение вперёд идёт одно за счёт другого. Но это не значит, что одно развивается, другое деградирует. Может быть и так, а может быть: одно стабилизируется, притормаживает своё развитие или останавливает его, а второе развивается быстрее.

ЭКСТЕНСИВНОЕ — В ШИРИНУ, А ИНТЕНСИВНОЕ — В ГЛУБИНУ

Всё в природе стремится занять какое-то пространство, какую-то нишу. Если это удаётся живому организму и все его потребности удовлетворены, он не стремится к расширению территории. Примерно так же и человек, с той только разницей, что пространство для него может быть огромным — весь шар земной, а процесс — на всю жизнь. Стремление человека к власти пределов не имеет. Достигнув уже, казалось бы, необъятной власти, человек стремится к ещё большему влиянию и к расширению его на соседей.

Итак, если идёт процесс роста вширь, то, соответственно, отсутствует или резко уменьшается процесс вглубь. Если же он идёт вглубь, то вширь — второстепенно или мало. Одним словом, тут не может быть равенства. Что-то доминирует. За счёт другого.

Так же и идеи. Они рождаются и растут вширь, захватывая миллионы людей. Но сами не трансформируются. Пока в этом нет необходимости. Когда же возможность роста вширь исчезает, идея начинает нуждаться в трансформации, тогда происходит приспособление идеи к потребностям жизни. Из идеи выбрасывается содержание, остаётся лишь внешняя форма. Конечно, это лишь приблизительно так. Огрубление для схемы. В действительности кое-что из содержания остаётся для поддержки формы. Но и этого ей хватает надолго.

Пример: наша страна в 1920-е, 30-е годы. Даже в первой половине 60-х годов ещё кое-что оставалось. И этого не так много — элементы коммунизма в годы Гражданской войны, какие-то льготы рабочим, показная простота в 20-е, 30-е годы, да и после войны — в одежде партийного и госаппарата (правда, потом появ-

вилась форма для всех начальников, но опять-таки не для главных партаппаратчиков). Словом, кое-что уменьшилось, исчезло, но гигантская демагогия и полная изоляция создавали иллюзию, что содержание (коммунистическое) ещё остаётся. Казалось бы, религиозные идеи гораздо живучее светских. Но на деле это совсем не так. Религиозные идеи — это ведь, фактически, не идеи, а миф. Очередной миф. Многие мифы гибнут, так и не получив распространения. А один из них становится массовым...

Даже освобождение крестьян — это поправка: пусть будут зависимые от помещика крестьяне, а потом и вовсе брошенные на произвол судьбы — главное, чтобы система не изменилась. Она живёт за счёт роста вширь. Налоги подушные, водка, таможенная прибыль — вот основной доход государства. И это всё связано с количеством людей, которых можно ограбить. А не с количеством более образованных и подготовленных людей, которые дают прибыль через включение их во всё более сложный процесс производства. Тут прибыль приносит усложнение производства. А там — количество людей. Тем более, что в капиталистических странах конкуренция, борьба за выживание заставляют всё время совершенствовать производство. Это и есть процесс роста вглубь.

В России процесс шёл вширь. Как свидетельствуют книги, между первой (1717–19 гг.) и второй ревизиями (1744–45 гг.) из четырёх миллионов населения Московской губернии в её старых границах (а это, кроме Центрального промышленного района, ещё Север, Северо-Запад, Поволжье, Чернозёмный район) насчитывалось 350 тысяч бежавших крестьян. Ещё больше умерло¹⁴. Ясно, что нажим на власть в центре ослабел. А без нажима правительство делает то, что хочет и всё больше становится самодовлеющим. Без такого оттока населения в Москве положение стало бы нестерпимым. И восстание было неминуемым. Царизм ещё 200 лет никак бы не продержался. Пар из котла периодически выпускался: велись войны, захватывались земли, заселялись всё новые территории. Развитие шло по экстенсивному пути.

---

¹⁴ В.М.Кабузан. Народы России в XVIII веке. М., 1990.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

В сущности, всё развитие человечества — это борьба за количественное и качественное улучшение жизни: за её удлинение и улучшение. Единственный путь к этому — путь от экстенсивного к интенсивному пути развития. Ибо только интенсивная система развития способна изменять общество, его структуру, его надстройку, да и всё остальное. Сам того не осознавая, человек ведёт борьбу за неё. Именно так вся история человечества развивалась с новых времён — это борьба за количественное и качественное улучшение жизни, борьба всё более осознанная. И этот процесс — процесс интенсификации производства.

Итак, всё общественное развитие может быть экстенсивным или интенсивным. Когда в Римской империи рабы внезапно резко подорожали, ибо завоевательные войны кончились во времена Адриана и Антонина Пия, их труд сразу вздорожал, о них стали заботиться, их запретили убивать. Появились рабы-колоны, но трансформация дальше не пошла. От рабовладельческого строя отказываться не хотелось ни рабовладельцам, ни императору, да и вообще все свободные граждане что-то с этого имели. (Как и в Спарте. Ведь Рим — это увеличенная во много раз и качественно иная, но всё-таки Спарта. По сути. Разбойники — и всё. Одни работают, а другие живут за их счёт). И Рим погиб, ибо внутренних сил, которые смогли бы трансформировать общество — довести до конца освобождение рабов, — не нашлось. Ведь надо было менять тысячелетнее мышление, а в нём фигурировали только рабы и рабовладельцы. А всё-таки, почему Римская империя уже через сорок лет после окончания войн начала переживать сильнейшие удары со всех сторон и изнутри? В конце II века она едва не погибла. Почему? Армия не находила себе употребления. Армия разлагалась. Ведь одно дело — успешные войны: там слава, добыча,

награды. А при обороне уже много не заработаешь. По-видимому, пришлось больше обирать своих, а труд раба ведь не становился производительнее. Чиновничество стало работать хуже и грабить сильнее — своих же. Словом, без притока извне свежей рабочей силы, без той струи труда, на которой только и держалось на плаву римское государство, оно село на мель. И, наверное, наступил момент в провинциях, когда они почувствовали слабость Рима, да и надоело им всё это. Но ещё полтора века империя держалась — вся в крови, в почти непрерывных оборонительных и гражданских войнах, но почти ничего не теряла.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЕЁ РАЗВИТИЯ. СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

История — это не борьба человека с природой, а борьба за выживание. Там, где эта борьба привела к установлению стабильности, там необходимость в интенсификации исчезла. Кстати, интенсификация труда и интенсификация производства — это две разные вещи. Итак, почему Восток остался на месте, а Запад двинулся вперёд? Потому что после Великого переселения народов Европа не подвергалась нашествию других народов. Попытались арабы, но были разгромлены и отброшены в Испанию. Туркам дальше Балкан продвинуться не удалось. И завоёвана была только Испания, но уже к XIV веку осталась одна Гранада. Не было нашествий уже около полутора тысяч лет. Европу никто не завоёвывал. Да и она до XIV–XV веков, то есть в течение 1000 лет после падения Римской империи, тоже никого не завоёвывала. Войны и завоевания шли лишь внутри Европы. Но и внутри Европы никому не удалось завоевать или присоединить хотя бы четверть Европы. Таким образом, Европа развивалась сама по себе. Это одно. Феодалная раздробленность дала возможность возникнуть парламенту и Великой хартии вольности — тому, с чего началась вся современная европейская демократия; если бы была настоящая монархия с централизованной властью — ни первого, ни второго бы не было.

И первое, и второе благоприятствовало появлению и развитию свободных городов. Именно там и родилась современная европейская цивилизация. Самое главное — там люди почувствовали на себе, какая это огромная, ни с чем не сравнимая ценность — свобода. Так развились, и не сразу, конечно, а постепенно, сквозь густой тёмный мрак, демократические традиции, система выборов, навыки демократического управления и т.д.

Становление демократии в Англии. Оно, по сути, после введения всеобщей избирательной системы происходило во второй половине XIX века. Власть народа — скорее, уже с конца XIX века, но она была вся в руках буржуазии.

Германия. Улучшение материального положения, конец инфляции — утверждение демократии до 1933 года. Кризис её оппорочил, и коммунисты или фашисты должны были её спасти, «твёрдой рукой» вытащить.

США. Там никогда не было диктатуры. Разве что диктатура класса. Но и в Англии не было диктатуры в европейском или азиатском, или латиноамериканском виде. Демократические традиции? Или им — всему народу — никогда не угрожал голод? Или безнадёжная война с вторжением врага? Или угроза и того, и другого?

Азиатские, латиноамериканские и почти все африканские народы из диктатур не вылезали. В Китае эпоха империй длилась тысячелетия, в Индии — князья, Великие Моголы и снова князья, в Тибете — власть Далай-ламы, в Иране — шах, в арабских странах — халифы, потом — турецкий султан в течение 400–500 лет, и на Балканах он правил 500 лет, а до него тоже были князья. Тем драгоценнее для нас та греческая демократия и ранняя римская демократия, которые через произведения искусства оказали огромное влияние на всё формирование демократий в мире.

«Великая хартия вольностей», свободные города средневековья, республики Италии и Швейцария — всё это был прообраз будущего мира. Или точнее, то, из чего мир вырос.

Итак, как появляются демократии.

1. Как в США, где диктатуры одного человека или группы лиц никогда не было.
2. Как во Франции — путь, растянувшийся на целое столетие, сквозь целую серию революций, восстаний, свержения и установления диктатур.
3. Как в Китае, где вообще никогда не было демократической формы правления. Или в России — то же самое, кроме полугода демократии (относительной!) в тылу, да и в армии (а смертные казни на фронте — но на то и фронт, там дис-

циплина, и лишь бы фронт не распространялся на тыл, как в Германии в 1919 году). Кстати, примером демократии для публицистов была Киевская Русь. Итак, в России путь — через революцию, мирную или с гражданской войной, но обязательно революцию.

4. Как в Германии — через внешнюю силу, которая свергает диктатуру и устанавливает демократические порядки. Так было в Японии и во всей той части Западной Европы, которая была освобождена американскими и английскими войсками.

Политический миф — это иллюзия, в которую верят многие, большинство, изредка — все. Это вера в то, что это аксиома, не требующая подтверждения. Аксиома — и всё. Вера не требует знания, но она требует от вождя подтверждения надежд. Эти надежды можно подтверждать реальным делом, но если не удаётся — ссылкой на врагов, на обстоятельства, которые никто не преодолел бы и т.д. Человек как бы перекладывает на вождя все свои общественные задачи и одновременно надеется, что с приходом вождя ему (или таким, как он) станет легче. Чем сильнее вера, тем больше надежд на земного бога возлагают. И если небесный отец не даст на земле, но уж точно — на небе, то земной — только на земле.

В ЦАРСТВЕ МИФОВ

1. Мифы. Их разновидности. Политические мифы. Народы, история и мифы (Наполеон III — в мифах до и после правления). Гитлер: народ в царстве мифов. Все беды — от Версальского договора (кстати, это мы и сейчас пишем). Вот разгромят Антанту — и заживут счастливой жизнью. Нужен вождь, необходим — вот он. А коммунисты не обещали победы над Антантой. Они звали к победе над собственной буржуазией; Гитлер обещал и то, и другое. Вот почему он победил.
2. Сталинские мифы. Но сам Сталин никогда не жил в царстве мифов. Поэтому он и победил своих конкурентов. Конец Гражданской войны и НЭП — и Сталин; конец кризиса 1923–32 гг. — и Гитлер.
3. У нас хотели бы правители сделать нечто подобное: экономический подъём с помощью подремонтированной системы, ограничения распоясавшейся со времён Брежнева бюрократии с помощью народа и вообще, поддержка народа. Отсюда — необходимость в гласности, в мирном, без сотрясений с внешней стороны развитии. Мир с Западом.
4. Но всё пошло, как всегда бывает в жизни, не по расписанию, а как жизнь пожелала. Впрочем, это можно было предвидеть: массам нужна была свобода как воздух, осточертела вечная собачья жизнь в страхе и неведении. И массы не удовлетворились урезанной гласностью, а стали требовать свободы слова. Дальше. Массы не захотели работать с подъёмом, как это было в 20-е годы, в начале 30-х годов, после войны — несколько лет. Ведь вся структура партократии осталась, дирекция — та же, на кого работали, на того трудимся и сейчас.

5. Тогда правящая верхушка решила углубить экономические реформы, а в политической области — провозгласить передачу власти от райкомов и обкомов Советам. Но чтобы в Советах были те же партийные кадры. Совмещения. И снова номер не прошёл. Экономические реформы ограничили принятием урезанных законов, которые почти не действовали. Структура всё той же старой власти их не принимала. А идти на конфликт с ней Горбачёв не решился, ведь на неё он опирался всю жизнь. Она была опорой и осталась ею. В шестьдесят лет менять ту опору, на которой ты стоял всю жизнь, — трудно, в истории так не бывает. Да и зачем? Именно она обеспечивала диктатуру.

Мы живём в царстве мифов. Так было в течение столетий. Так продолжается и сейчас.

Ещё Ф.Бэкон говорил о призраках, которые кажутся людям живой плотью. Они мешают людям увидеть истину.

Марксизм, марксизм-ленинизм как учения, которым поклонялась партия. Само понятие «партия». Идеология, которой будто бы нерушимо следовало наше государство и его руководители.

Коммунизм и социализм, которые мы будто бы строили и поэтому попали в такое жалкое положение.

Не люди, не система, не мафия, наконец, а какие-то неправильные идеи виноваты. Тот же мафиози, исправив свои идеи, может править нами и дальше.

«Безбожие, атеизм — вот наши лютые враги. Станем верующими, будем проводить время в молитвах и постоянно ходить в церковь — и всё будет хорошо». Но ведь все тираны России в прошлом были верующими и жестоко, вплоть до смерти, карали за безбожие. Разве это помешало им мучить целый народ? Иван Грозный разве не разбивал свой лоб в молитвах, не каялся, не проливал слёзы? А потом спускался в подвал и брался за орудия пыток. Разве не был глубоко верующим Николай II, но это не помешало ему учинить Кровавое воскресенье, повесить тысячу человек, расстреливать Москву из пушек?

Великий Бэкон когда-то писал о призраках, которые густым туманом окутывают человеческое сознание, не давая выбрать-

ся из него. Честный Дон Кихот с копьём наперевес и медным тазом на голове решительно бросился на ветряные мельницы. Леся Украинка в драме «Кассандра» раскрыла потрясающую силу человеческих химер. Гелен, брат своей мудрой сестры, отлично живёт за их счёт. Он умён и расчётлив и хорошо видит — нет, не будущее, оно для него недоступно, а то, что люди желали бы получить. Горькая правда сестры отталкивает, зато неотразима магия чарующей лжи. И люди тянутся к ней, как мухи на мёд. Потом, правда... но это будет потом, а пока так приятно полизать сладкое... И вот удар... он-то уж научит, как опасны социальные химеры и собственная пассивность. Ничуть не бывало. Человек спешит оправдать себя вмешательством внешних сил или неотвратимостью судьбы.

Не так ли и мы сегодня?

Взгляните, с чем мы сегодня боремся. «Коммунистическая идеология». Все знают, но никто не может объяснить, что это такое. И всем ясно, что её надо изо всех сил преодолевать и, не жалея времени, с ней бороться.

Необходимость непрерывного и значительного роста объёма производства. Постоянное крайнее напряжение всех сил страны. Замкнутый круг: для поддержания такого напряжения в условиях падающей веры и нарастающего недовольства в стране необходима огромная оккупационная армия и всё растущий аппарат принуждения, контроля и риска. На это уходит почти всё, что потребляется. Мало того, по законам мафии её жизнь никак не должна зависеть от уровня жизни народа, все её, даже самые изощрённые, потребности удовлетворяются немедленно и на самом высоком уровне. А значит, от затраченного труда народу почти ничего не остаётся. Это понижает производительность труда, ведёт к скрытому саботажу и массовому воровству, что, в свою очередь, требует усиления принудительных факторов. Свою нищету народ ещё как-то может оправдать своим высоким предназначением в истории человечества и угрозой со стороны внешних и внутренних врагов. Отсюда и непрерывное запугивание народа страхом ужасной войны и махровый шовинизм. Культ вождя и миллионы политзаключённых в концлагерях — явления взаимосвязанные.

С исчезновением первого должно исчезнуть и второе. А значит, и миллионы рабов, и источники их воспроизводства. Отсюда такие решительные меры Хрущёва по разрушению концлагерной системы и ограничению деятельности КГБ. Но если нужно пользоваться кнутом, тогда лучше чаще употреблять пряник. Пришлось вспомнить принцип материальной и духовной заинтересованности. Отсюда и реформы Хрущёва, и проект построения коммунизма в конкретных цифрах и датах. Но экстенсивный способ развития остался. Осталась и система мафиократии, и подчинение её интересам всей жизни страны. Наконец, в нерушимости осталась и империя. А значит, воспроизводился и весь старый жизненный уклад. В условиях полного краха системы мифов пришлось, не жалея ни сил, ни средств, воссоздать образ внешнего и внутреннего врага и влезть в целую серию внешних авантюр на всех континентах мира. От Кубы до Вьетнама и от Румынии до Ирана выползли и сели на шею своих народов кровавые тираны, они же верные Русланы. Ужасом мифического нападения на СССР удалось действительно запугать большинство народа. А развал экономики замедлить освоением всё новых и новых земель.

Но всему приходит конец. Экстенсивный способ развития себя исчерпал полностью. Даже панацея от всех бед — прирост промышленного производства — перешагнул через отрицательную величину. Система мафиократии, между тем, не изменилась. Империя всё ещё стоит. А реформы Горбачёва ни систему, ни империю всерьёз не тронули. Но без экстенсивного способа развития они теряют свою опору и повисают в воздухе. Однако система — это живой организм, и он совсем не хочет умирать. И будет сопротивляться до конца. Вот почему только сейчас, когда народ стоит на грани голода и скоро будет ходить в костюмах Адама и Евы, начинаются экономические изменения в направлении интенсификации производства. Саботируя и всему мешая, мафиократия, между тем, времени не теряет и переползает из партийных в советские органы, Президентские советы, дирекции концернов. Сохраняя власть, она пытается любой ценой сохранить империю. Сейчас страна стоит на пороге величайшей из своих революций — переходу к интенсивной системе развития. Это потребует полной

перестройки всей жизни страны — от экономики до психологии. Нужно преодолеть многовековой образ жизни и тянущую назад вязкую силу традиций. Это требует огромных усилий, ведь обществу в целом и каждому из нас надо научиться жить по-новому. Это требует жизни нескольких поколений. Но революция способна удесятерить силы и во сто крат ускорить время. Главное теперь — использовать эти возможности. И, полностью отстранив мафию от власти, разрушить империю до основания. Все народы должны получить свободу. Только тогда начнётся подлинная интенсификация не только производства, но и всей нашей жизни: от мира количества к миру качества. И только тогда, став хозяевами своей земли, люди перейдут от империи зла к братству людей.

МЕЧТЫ О БУДУЩЕМ: УТОПИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Демократия сегодня — это власть народа через свободно избранных им представителей. Демократы — это люди, которые борются именно за такую форму правления. И если утверждать: демократия — это плохо, демократы — это люди, которые рвутся к власти или тянут народ, сами не зная куда, то что же можно противопоставить демократии? Тоталитарный режим, или по-нашему — президентское правление.

Сталин был самым великим утопистом, ибо он утопил целый народ в море крови.

Мечта людей о лучшем будущем — а ведь это и есть социальная утопия, разве она сама по себе могла бы свергнуть общество в средневековый мрак, а людей превратить в рабов? Мало того. Ведь именно эта мечта постоянно толкала человечество вперёд, помогала и стимулировала его духовное развитие и материальное освобождение. Интересно, каким было бы человечество, если бы у него не было такой мечты? Стадом диких зверей, борющихся за место под солнцем? Или покорными рабами в руках своих господ? Нет, человек должен верить, что он может улучшить свою жизнь на земле, но не за счёт того, чтобы отобрать кусок хлеба у своего соседа или вымолить прощение у своей же фантазии — господ бога. Он должен бороться за завтрашний день, и тогда этот день будет действительно лучше, чем день сегодняшней.

Но вот как, какими средствами и в каких обстоятельствах бороться за завтрашний день? Если человек начинает бороться с помощью убийств и массового террора, то очень скоро оказывается, что он имел в виду не светлое будущее, а удовлетворение своих собственных страстей и прежде всего — жажду власти. И сегодня многие думают, что государственный порядок, дисциплину, про-

изводительный труд можно воспитать с помощью железной власти вожда, жестокости и насилия. Здесь тоже стремление к лучшей жизни. Но для кого? Всё для той же государственной мафии. Это уже не светлая мечта, а наоборот, разочарование и неверие в творческую силу человека. Или просто трезвый расчёт. Это звериный эгоизм.

У Томаса Мора, этого «светлейшего ума», по словам Эразма Роттердамского, такое будущее похоже на очень хорошо устроенную казарму. Но ведь жили люди — крестьяне в начале XVI века — в условиях, когда такая казарма действительно была светлой мечтой. Тяжёлый физический труд с утра до ночи, без выходных, без отпусков — всю жизнь. Полная беспомощность перед лицом господ, которые в Англии как раз в это время отбирали у крестьян землю, лишая их всяческих средств к жизни, обрекая на голод и бродяжничество. Горячее сочувствие к людям труда, понимание того, что они не хуже, а лучше своих господ, было тогда явлением редким. Считалось, что люди труда обречены, по примеру библейского Хама, на тяжёлый труд и беспросветную жизнь. Да, отсутствие господ и постоянных унижений, нормальное питание и жилище, ограниченный временем труд действительно казались тогда светлым будущим. То, что мы считаем сейчас казарменным социализмом, для крестьян Англии XVII века казалось светлой мечтой. Если это не так, то почему же под коммунистическими лозунгами проходило так много восстаний и революций в истории Европы? Выходит, что это была необходимость. И чтобы добиться меньшего, надо было бороться за большее. Почему крупнейшее восстание в Китае, охватившее почти всё население страны в середине XIX века, проходило под коммунистическими лозунгами? Что слышали тайпины об учении Томаса Мора и Кампанеллы? Но если это историческая необходимость, то, сколько бы мы её ни очерняли, ни отрицали, ни замалчивали, она будет действовать. Уж лучше с нею считаться и её изучать. Мечта о светлом будущем для всего человечества — необходимый эквивалент его развития. И если сквозь тысячелетие унижений и бесправия проходила мечта о равенстве, согревая людей и вселяя в них надежду, то значит — без неё нельзя.

И в нашей стране в октябре 1917 и многие годы после него ведь тоже верили в эту мечту — и не случайно: значит, была почва, значит, массы подхватывали — под коммунистическими лозунгами. Для Европы же это был давно пройденный этап. Она боролась уже за вполне конкретное политическое и экономическое равенство.

РОССИЯ: МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ

В Азии почти не было развития. Китай, Турция, Иран — с одной стороны и Россия с другой, начала XVIII и начала XX века — разница огромная. А в начале XVIII века Россия мало чем от них отличалась, разве что в худшую сторону, ибо у неё никогда не было такого взлёта культуры, как у Ирана и Китая в прошлом. Да, Россия была уродливой, гипертрофированной страной. С одной стороны, были гигантские предприятия, крупные промышленные и культурные центры, а с другой — на 80% крестьянская страна, в основном, с примитивными орудиями и малопроизводительным скотом, с массой безземельных крестьян-арендаторов, с буржуазией, которая значительную часть прибыли извлекала не за счёт интенсификации производства, а лишь с помощью подкупа самодержавного аппарата, махинаций и беспощадного грабежа колоний. (Впрочем, англичане, французы, бельгийцы тоже ведь грабили колонии. Но ведь потому Англия и стала отставать от Германии, да и Франция часть прибыли извлекала за счёт Алжира или Марокко, а не за счёт интенсификации производства. Почему страны, колоний не имевшие, — Германия и США — так быстро пошли вперёд? Ведь в Германии колонии появились в конце XIX века, да и то небольшие, мало пригодные для немедленного извлечения прибыли как рынки сбыта или сырья. Может быть, для Англии рынки Америки и Индии — это всё-таки стимулятор? Не думаю, скорее наоборот. Ведь она сбывала дешёвые машинные ткани и не имела конкуренции со стороны других стран. А если бы Индия не была колонией и Англии пришлось бы завоёвывать рынок в непрерывной борьбе с другими конкурентами? Вероятно, технический процесс пошёл бы быстрее).

Словом, Россия — страна огромных противоречий. С одной стороны, рабочий класс, сделавший такой огромный шаг от пер-

вых забастовок конца 1870-х годов и до всеобщей забастовки и баррикадных боёв с царскими войсками. С другой — те же рабочие в январе 1905 года: рабочие-жители столицы, идущие просить милости у царя.

Но, так или иначе, европейская Россия и Азия в начале XX века — это совершенно различные вещи. Поэтому дело не в деспотизме. Он был в начале XVIII века не меньшим, если не большим, чем 200 лет спустя. Но Россия стала во многом иной, во многом европейской. Хоть экстенсивное, но развитие. А в Иране, Турции, Китае деспотия та же, а развития почти нет. Для Европы характерно развитие. Для Азии — застой. Непрерывное общение с Европой породило такие потребности хотя бы у правящего класса России, а постепенно и у народа, что без непрерывного развития их удовлетворение было невозможно. Дворяне хотели одеваться в XIX веке ни больше и ни меньше, как по парижской моде, строить дворцы по европейскому образцу, учить детей европейской культуре и так далее. Всё это требовало развития. Но так как была возможность экстенсивного развития, то всё шло именно по этому, экстенсивному пути.

Да, это было развитие. Неправы те, кто хочет для России писать какие-то особые законы, кто утверждает, что «умом Россию не понять» и её путь — совершенно неповторимый, уникальный, «истинно русский», ибо таков уж характер у народа. Как неправы и те, кто писал полвека во всех учебниках о «прогрессивном развитии» страны. Неверно также утверждать, что в России господствовала азиатская деспотия и что Россия развивалась, как Азия. Нет, там царил застой. А здесь было развитие. Но вот какой ценой, какими темпами и с какими шрамами на теле народа (имеются в виду духовные потери, реакционные традиции) — это уже совсем другое. Да, Россия развилась и за 200 лет стала во многом неузнаваемой. Но и потеряла она много на этом пути. А главное, ведь остались традиции такого рода развития, остался фундамент экстенсивный, и этого достаточно, чтобы восстановить по-старому всё, если власть снова станет диктаторской. Нет, не было у нас диктатуры пролетариата, как утверждают различные авторы (диктатура пролетариата, потом родилась диктатура партии и, наконец, дик-

татура вождя — таков путь, по их мнению), а с самого начала возникла диктатура ЦК, а уже из диктатуры ЦК легко родилась диктатура вождя. Не будь политического успеха у партии, диктатура вождя никогда бы не возникла. Её родили успехи Гражданской войны и вырастил НЭП.

ПРИЧИНЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИКТАТУРЫ

(Читая «Новый мир», №8, 1991 г.)

Нет, не идеи и не люди отдельные — главные причины глобальных событий в государстве. Проще всего управлять с помощью насилия. И государство стремится всегда к наиболее лёгкому, простому, видимому. Так легче, и это главное. Да, это в чьих-то интересах. Если интересы расходятся с политикой, то её корректируют по отношению к интересам правящего лица или всей правящей группы. Так что когда речь идёт о наиболее лёгком пути для государства, то это один из путей выражения интересов. Государство, следуя по пути интересов лица или группы, ищет, вместе с тем, наиболее лёгкий путь. Государство всегда сползает к насилию. И остановить это постоянное сползание может только народ. Если он этого не делает, он вскоре имеет дело с таким разгулом террора, который ему и не снился. Когда это происходит? Когда народ чем-то занят. Например, его охватывает религиозный экстаз. Или массы народа увлечены новой экономической идеей (или идеями). И им не до таких пустяков, как непомерный рост влияния одного из членов правительства или такой мелочи, как сползание правительства к диктатуре. Может, она (диктатура) и лучше для осуществления тех идей, которыми охвачен народ. Вот в этот момент и можно осуществить государственный переворот и захватить власть. Конечно, бывают и другие причины. Например, угроза внешнего вторжения: её нарастающая сила и само вторжение может привести к тому, что народ не очень будет сопротивляться диктатуре. Или наоборот — обычные внешние захваты — тут тоже правительству многое простят. Так или иначе, а внимание народа в это время должно быть направлено на что-то иное. Тогда-то государство и становится на самый простой и одновременно самый выгодный для себя путь (кто откажется от усиления своей власти?) — путь к диктатуре.

Сильное внутреннее или внешнее потрясение тоже может привести к диктатуре. Проигранная война, развал экономики, голод ведут к поляризации сил в обществе. И к власти могут прийти как левые, так и правые. Но и те, и другие могут установить диктатуру. А стоит это совершить, как диктатура начинает работать сама на себя. Она обладает громадной самодовлеющей силой. Правая или левая вначале, она вскоре принимает более или менее стандартный вид. Главным средством достижения цели становится насилие, и постепенно ему подчиняется всё.

1991 г.

ЦЕНТР И ДИКТАТУРА

Центр

Во времена революции общество тяготеет к краям — левым и правым, а центр теряет своих сторонников. В наше время слово центр всё чаще применяется для прикрытия правых или левых устремлений. Сейчас фактически у нас нет, по крайней мере среди влиятельных партий и организаций, центристских. Обычно это правые, которые стремятся закамouflировать себя под центристов. Такова позиция Горбачёва, Павлова, Лукьянова. Они изо всех сил стараются выдать себя за центр, за нечто среднее — золотую середину между крайностями. Но на самом деле, в важнейшем вопросе страны — они за сохранение империи, а значит, огромной армии, колоссального бюрократического аппарата и неисчислимой охраны. И это правая позиция, а отнюдь не золотая середина. Такой серединой был бы переход от федерации к конфедерации. Тогда станет ненужным громоздкий и уже совершенно непригодный аппарат управления, можно будет создать в несколько раз меньшую армию в республиках, и она перестанет угрожать народу переворотом, ненужным станет и устрашающий всех сыск. Левая позиция здесь — полная независимость республик. Крайние правые — за возвращение назад, насколько это возможно, к тоталитарному порядку, принудительному труду и коммунистической фразеологии.

Левые — сторонники конфедерации или полной самостоятельности республик. Это — позиция по данному вопросу.

Диктатура

Чем труднее народу, то есть, чем ближе он к голоду, тем легче в стане установить диктатуру. Чем народ в более благоприятных

условиях (нет голода, войны, их угрозы, положение более стабильно), тем легче перейти к демократии. Выходит, человек думает о свободе, когда другие потребности у него более или менее удовлетворены. Он думает: вот бы ещё свободу, тогда было бы совсем хорошо. А если он в отчаянии: нечем прокормить семью, либо тянется безнадёжная или проигрываемая война и т.п., тогда он тянется к диктатуре. Вернее, он готов пожертвовать свободой ради хлеба.

Примеры.

Германия: четыре года кризиса — фашизм или коммунизм.

Россия: три года проигрываемой войны, разруха, надвигающийся голод.

Грузия сейчас: необходимость отделения после 9 апреля (1989 г.), нужен решительный человек. Но это уже не экономика (хотя и экономическое положение резко ухудшилось — с корабля надо спасаться, так что это и экономика).

Отсюда — президентская власть так легко устанавливается. Придёт президент, сильная рука, раздавит всё плохое, наведёт порядок — и будет хлеб.

Чили: диктатура Пиночета, экономически тяжёлое положение.

Корея: разруха после 1953 года и угроза новой войны с Севера.

Вьетнам: но там всё то же. А правители пришли к власти на волне освободительной войны против Франции. Тоже критическая ситуация.

Значит, у нас сейчас гораздо больше шансов получить диктатуру, чем демократию. И та же президентская власть повсюду в наших условиях начнёт трансформироваться в диктатуру, если добьётся экономических успехов.

А демократия?

Франция 1792–93 годов: это ведь демократия, на местах правят массы. Но в центре — сильное правительство? Сильным оно стало лишь с якобинцами. А это уже диктатура Парижа над Францией. Когда же во Франции установлена демократия? Наполеон — Людовик XVIII — Карл X — Луи Филипп — это 50 лет. 50 лет диктатуры во Франции, отнюдь не революционной. Потом всего несколько месяцев — и Кавеньяк, потом Наполеон III, это ещё 20 лет.

Потом Парижская Коммуна, и снова — до 80 гг. И лишь в 80-е годы начинается возрождение демократии. Вернее, её становление. До 1940 года. И снова диктатура. А дальше — Четвёртая и Пятая республики.

Англия: олигархия у власти до XIX века.

Страны Латинской Америки:

- 1) народные движения свергают диктаторов, как в Венесуэле;
- 2) под давлением внешним (США и других стран) диктаторы сами уходят, как в Чили.

Но везде уходят без всеобщего вооружённого восстания — обычной революции. (Ибо мирная революция — это исключение). А это не мирная революция, это смена формы правления, но не социально-экономического строя. Помещики остались, буржуазия осталась и т.д.

При диктатуре в народе распространяется страх, неверие в свои силы, вера в чудодейственные возможности диктатуры и, наконец, культ самого диктатора. Пользуясь диктаторскими полномочиями, правительство начинает всё шире пользоваться такими методами влияния на массы, как обман, клевета, провокация. Одновременно всё больше сужаются возможности получить правильную информацию — большинство таких источников попросту закрывается, остальные или захватываются правительством, или подчиняются его правилам игры. Всё это вместе ещё больше упрощает трудный процесс управления государством. Если диктатуре удалось удержаться надолго, то тоталитарный режим становится образом жизни. Иначе говоря, он идёт уже не только сверху, но и снизу, ибо у людей уже выработался определённый стереотип поведения.

А светская идея (прогрессивная, разумеется) — это результат развития науки и общественного сознания за тысячелетия. Это объективный закон. И наоборот, мифы — субъективное явление, это приспособление к сознанию. Но вот со временем и политические идеи, объединявшие миллионы, становятся чем-то вроде религиозного мифа: содержания нет, а есть одна внешняя форма. Так ведь и религиозный миф — не столько содержание (картина мира, структура), сколько функция (общение с ним, обряд). Это главное

в любой религии, даже там, где официальный обряд полностью отвергается. Всё равно там собираются и молятся совместно или слушают проповедь, это тоже своеобразный обряд (скорее политический, ведь там нет общения с потусторонними силами. Впрочем, почему же нет, если человек «чувствует бога» в молитвенном доме адвентистов). Обряды политические демонстрируют внешнюю, а вначале и истинную внутреннюю преданность великой идее, главное — её носителю, а позже — только её носителям. Тех, кто действительно начинает заботиться об идее, устраняют. За что боролись штурмовики, где эта идея? И так же у нас, от Рыкова до Бухарина — они ещё были носителями какой-то чистой идеи или её части. И их надо было уничтожить. Оставив слепую веру в вождя и голую обрядность. Так было и в католической церкви. Что папа и епископы неимоверно богаты, что они пьют, гуляют и бездельничают — это неважно. За это с них бог спросит. Или — это их дьявол соблазняет, им тоже нелегко. Словом, это не наше дело. Они ставленники бога на земле, и им надо покоряться. Так же и политическая вера: что делают вожди и как — тебя не касается, им виднее, они лучше и дальше тебя видят будущее и воплощение идеи. Твоё дело быть послушным. Что политическая, что религиозная вера после периода её становления — одно и то же.

Итак, движение вширь идёт за счёт движения вглубь. И наоборот. Но первое легче. И всегда пробуют сначала его. Если есть малейшая возможность развития вширь — её полностью используют. Но если нет — приходится развиваться вглубь. А это требует постоянной трансформации общества или человека. Общество должно всё время преобразовываться, ведь это и есть движение вглубь. А вот вширь — не требует трансформации непрерывной, лишь периодических поправок. Такими были реформы Петра I, Александра II, Николая II с его Думой. Это лишь поправки.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИИ

Революция — это насильственный разрыв старых общественных отношений. Так бывает лишь тогда, когда необходимость давит, а возможность ворота открывает. До этого подобные попытки неоднократно предпринимаются то мирным, то насильственным путём, но как бы давая господствующим классам шанс понять и уступить. Поэтому революция — итог, а не начало таких попыток. Уже начавшись, она ещё готова, нередко, идти на компромисс и прибегает к силе только потому, что на пути её стоят преграды, и она должна или остановиться, или их смести.

Уже начавшись, революция развивается дальше по своим собственным законам. Вот почему все революции так похожи. Все они начинаются с консолидации оппозиции и народа в мощную силу, вооружённую единством и ясностью цели. Но вот цель эта может быть разной. А у нас всегда революции рассматриваются как нечто одинаковое, а нынче — одинаково преступное. На самом деле, все они по существу разные, хотя как явление во многом похожи. Рассмотрим их. Нидерландская революция XVI века была, по существу, национально-освободительной революцией. Абсолютистский режим, церковная тирания и феодальные структуры — всё это держалось на испанском господстве. Стоило сорвать этот тяжкий покров, и под ним открывалась целиком буржуазная страна с наёмным трудом, господством капитала, свободными самоуправляющимися городами и даже сложившимися буржуазными традициями. Итак, базис почти не надо было менять. Отношения между людьми в процессе производства уже давно были новыми. Но это наш взгляд. На самом деле всё было гораздо сложнее. Масса наёмных работников подвергалась жестокой эксплуатации, но и капиталисты почти всю прибавочную стоимость снова вкладывали в производство. Это объяснялось од-

ной причиной, так характерной для периода ручного труда и первоначального накопления капитала. Действуя иначе, капиталист буквально разорился бы. Он должен был экономить если не на всём, то на многом. И поэтому у него вызывала возмущение ненасытная алчность государства, церкви, испанских дворян. Ведь все они грабили его, чтобы тут же всё это прокутить. (Кстати, сегодня многие российские нувориши похожи скорее на испанских дворян, чем на голландских предпринимателей). Наёмные работники мечтали о другом. Свобода должна была принести им не только огромное моральное удовлетворение, но и очень заметное к лучшему изменение жизни. Нидерландская революция — едва ли не самая героическая. Тридцать лет жесточайшей войны и неслыханных бедствий, но гигантская империя, над которой никогда не заходило солнце, должна была в конце концов уйти из Голландии. Буржуазная страна в феодальной Европе — это были блестящие перспективы для голландского капитала. Но что получили от революции наёмные работники, кроме огромного морального удовлетворения — ведь это их фантастической стойкостью родина стала свободной? В материальном отношении их ждала ещё более беспощадная эксплуатация своих же братьев-единоверцев. Они же не подозревали, что для капитала нет преград для эксплуатации, даже самой грубой и бесстыдной, кроме двух факторов — собственной выгоды и общественной преграды. Единство того и другого появилось лишь в XX веке, и потому капиталистические страны так неузнаваемо изменились. А до того пролетариат, сделав всё, что только мог, оставался у разбитого корыта. Победитель, он неизменно оказывался в роли побеждённого. Да и сейчас в нашей стране будет то же, если рабочие не превратятся в организованную силу, с которой будут считаться все, кто бы ни пришёл к власти.

Итак, перед нами образец национально-освободительной революции. Такой же была и американская революция. Но ведь в самом начале нидерландская верхушка буквально упрашивала Филиппа II пойти на компромисс, ограниченные свободы она готова была променять на самостоятельность, впрочем, тогда она казалась, скорее, прекрасной и далёкой мечтой. Но Филипп, как потом Карл II английский, как британский парламент в начале

американской революции, требовал одного — беспрекословного повиновения, а для себя права карать и миловать кого угодно. Это типичное явление для всех канунов революции. Даже в 1917 году Николай II никак не желал оглянуться на уроки истории и пойти хоть на какие-то уступки по существу. И ещё: две части революции. Две её цели. Великая и малая. Абстрактная и конкретная, великая и обыденная. Или три: будущая прекрасная жизнь, сегодняшнее улучшение жизни, действительные изменения. Как правило, первое периодически бывает: равенство в Сицилии (восстания), тайпины, кумраны (эссены). Но не Спарта — там не работали совсем, а жили за счёт рабов. А это уже неравенство.

Да, в истории это бывало — и даже довольно долго (эссены). И это говорит о великой мечте народа. Спекуляция на этом большевиков. Так зачем же выбрасывать вещь только потому, что она стала предметом спекуляции?

Итак, это первое. Второе: желание существенно улучшить себе жизнь. Этого ни одна революция не делала. Но если бы не было ни первого, ни второго, то не было бы и ни одной революции. Трудно сказать, в каком веке мы бы ещё были. Так что же — иллюзия, обман, ненужное? Нет, чтобы достичь меньшего, надо бороться за большее. Таков закон истории. Мало того. Мечта не сбылась, но она переходит из поколения в поколение, стимулируя как борьбу, так и уверенность, что будущее за этими идеями. Это пугает правящие классы и заставляет их идти на уступки, реформы, научные исследования. Без этой светлой веры, без мечты ни революции, ни защиты её принципов не могло быть. Неужели английские йомены, гезы или французские рабочие сражались и побеждали в революции лишь для того, чтобы класс буржуазии с комфортом устроился на ступеньках политической власти? Одним словом, объективная историческая необходимость — это одно, а субъективная — совсем другое.

Субъективное и объективное

Субъективный и объективный факторы. Обычно людям трудно учесть их и, по возможности, управлять и тем, и другим. Иногда

люди переоценивают объективный фактор: им кажется, что победа и так неизбежна, мир они видят вроде машины, которой можно управлять. И наоборот, бывает, что объективный фактор недооценивают — считают, что сами в силах сокрушить любые законы и обстоятельства. Если недооценивают субъективный фактор, то он, точно песок в оси колеса, тормозит и в конце концов останавливает движение. Иногда переоценивают его: наш народ такой, он всё выдержит, сколько его ни грузи — согнётся в три погибели, но повезёт. Существует непонимание того, что необходимость может быть и рукотворной. И не только для человека, но и для общества. Да, собственно, вся история состоит из того, как люди осознанно (или обычно неосознанно) создают объективные условия. Индустриализация, коллективизация, уничтожение частной собственности — всё создаёт новые условия, новую необходимость.

Субъективное — мой внутренний мир. Но он формируется под влиянием обстоятельств и других людей. Значит, он и объективен. В обществе всё объективно-субъективное. Субъективное для меня, оно объективно для другого человека. Если я приказываю кому-то, он может не выполнить это, даже если я его заставляю. Но чем он покорнее, тем общество субъективнее. Тем сильнее желания верхушки становятся явлением объективным, как сила природы. Историю нельзя рассматривать только объективно. Например, климат, грунты, полезные ископаемые. Или внешняя опасность. На всё это человек может и соответствующе реагировать. У него есть выбор.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИЙ

Все революции разрушали старую экономическую структуру общества не с самого начала, а окончательно — завершали этот процесс. На момент революции во Франции, Голландии, Англии, США, Германии и Австрии уже в основном был создан капиталистический строй; в Англии в 1614 году только в одном графстве работали 13 тысяч наёмных рабочих на мануфактурах (конечно, частных). В Англии, например, капитализм был создан и в деревне. (Но насколько? Аренда — это ещё не капитализм. А там мы встречаем море арендаторов). В других странах в деревне ещё царил феодализм или большие остатки феодальных отношений, а в городах уже давно царил капитализм, который, правда, был сильно скован налогами, взятками и т.д. (феодальная страна). Город и был главным центром и опорой революции: в Англии — Лондон, во Франции — Париж, в Голландии — тоже города и их армия, в Америке — всё население. Начать и осуществить революцию в экономике (а не завершить её) и в политическом строе невозможно, это ещё никогда никому не удавалось. Ведь были восстания Уотта Тайлера и Жакерия, и другие, но ни одному из них не удалось победить и разрушить феодальный строй и построить новую политическую систему. Вера в короля, большая вера в церковь и её проповеди мешала разрушить политический строй. Восстания способствовали разрушению самых старых форм феодального строя, самых реакционных. Так, в XIII- XIV веках был отменён крепостной строй в Англии, Франции, Южной Италии, а это привело к дальнейшему разрушению феодального общества в деревне. Но землю крестьяне нигде не получили, ведь они не победили, а потерпели поражение. Этот процесс завершила во Франции революция, в Америке — тоже революция, в Англии это происходило и до, и после революции. Крестьянство просто ликвидирова-

ли. А наша революция пыталась осуществить и то, и другое одновременно.

Так, в 1917 году крестьяне получили землю, в 1918 году, через полгода — была национализация предприятий. В городах прогнали капиталистов, в сёлах — помещиков. Это немедленно привело к гражданской войне. Вроде выступили против тирании большевиков, а на самом деле — за свои же классовые интересы. Я думаю, что большинство тех рядовых, которые воевали против большевиков, этого просто не понимали. Они думали, что спасают страну от лютых тиранов. Так бывает всегда. Во всех революциях и та, и другая сторона воюют за высокие идеалы — и не меньше. Одни за республику, свободу и счастье для народа. Другие — за короля, за законную власть, справедливость, порядок и тоже улучшение жизни народа. А в действительности и те, и другие воюют за свои классовые интересы и за то, чтобы создать или не дать создать новый строй в стране. Если бы английские крестьяне знали, что их жизнь совсем не улучшится после революции, она потерпела бы поражение. Во Франции платой за землю была 20-летняя война, миллионы жертв, периодические изъятия на нужды войск. Разве пошли бы люди во Франции на это, если бы знали, что их ждёт? А вот в Америке пошли бы. В Голландии — пошли бы. Тут и революции, и национально-освободительные войны. В Италии, конечно же, пошли бы. Но в Италии — освобождение от иностранного гнёта. А крестьяне землю так и не получили.

В Скандинавии вообще революции не было. В Швеции крепостного права почти не было — было рабство, но именно рабы и те, кто лишился земли, стали феодально-зависимыми крестьянами. Зато там кипели восстания, свержали королей. Например, в 1434–1436 годах — против датского господства. Энегельбрект, национальный герой Швеции, возглавил восстание и добился освобождения страны от датских гарнизонов и свержения короля, но был предательски убит. В 1521 году было антифеодальное народное восстание. Эриксон возглавил восстание, и его же в 1523 году выбрали шведским королём; датское господство было ликвидировано. А так как духовенство поддержало Данию, Эриксон пошёл на разрыв с папой и секуляризацию (1523–1539 гг.) значительно

раньше, чем в Англии. Усиление налогового гнёта и ограничение поземельных прав в пользу короны привело к ряду больших крестьянских восстаний: 1524–25, 1527–28, 1531–32, 1542–43 годы. Они потерпели поражение. 1604 год — восстание и изгнание короля, который начал заигрывать с Польшей и католиками. Карл Ваза, который возглавил восстание, стал королём. XVII век — век великих внешних успехов: захват части Норвегии, восточной Финляндии, половины Прибалтики, крайнего юга (теперь Швеции, тогда это была датская земля) и, наконец, нескольких кусочков севера Германии.

Это привело к сильному укреплению королевской власти и официальному провозглашению в 1680 году самодержавной власти. Государственный совет — только помощник абсолютного монарха. На радостях, видно, королевская власть расширила дворянские привилегии, а высокая рыночная конъюнктура побудила помещиков к увеличению оброка и заведению собственных хозяйств.

В середине XVII века дворянству отошло 70% всей сельскохозяйственной земли. Но уже скоро, после мощного крестьянского восстания 1552–53 годов и крестьянской оппозиции на сессиях риксдага, которую возглавляли горожане и нижние чины духовенства, уже в 1655 году (а потом в 1680–82 годах) короне было возвращено свыше половины земель, которые раньше отошли дворянам. В 1700 году не-дворяне, в том числе крестьяне, получили право выкупа в собственность королевских земель.

Поражение королевской власти в Северной войне привело, уже в 1719–23 годах, к ограничению королевской власти в пользу риксдага и первой (в новом времени) шведской конституции. Были ограничены сословные привилегии дворян.

Мысли об американской революции

В книге, написанной таким красивым языком (кажется, «4 июля...»¹⁵), автор, профессор, доказывает, что американцы сами

---

¹⁵ По-видимому, речь идёт о книге: О.Степанова. 4 июля 1776 года. М., Молодая гвардия. 1976.

воевать не хотели и все надежды возложили на французскую армию и испано-французский флот. Французы и победили в американской революции. На самом деле, как я всегда и полагал, документы свидетельствуют о другом. Война всё время шла с переменным успехом. После Лексингтона — в 1775 году — ряд неудач, но потом снова победы, 1777 год — Саратога, и тогда сторонники войны в правительстве решительно поспешили, и через полгода — официальный документ, который летом 1778 года уже привёл к войне. Кстати, в документе сказано, что Франция не только признаёт США, но и не претендует на американские территории и Канаду, только на острова в Карибском море. Однако события разворачивались очень медленно. Американцы до 1781 года воюют одни. Французский флот подошёл к берегам, но вскоре перебазировался на север, потому что буря разбила его, и там начался ремонт. 1779–81 годы — война, в основном, на юге, где высадились английские войска. Сначала неудачи, но потом — возрастающая партизанская война, разрушение коммуникаций. А потом начались поражения английских войск. 1780 год был неудачный из-за активности англичан на юге, американцам просто не было что противопоставить, кроме десятков тысяч почти или совсем не обученных волонтеров. Это совсем не то, что на севере. Много лоялистов, их очень жестокий террор. Но американцы быстро пришли к себе. На юг в начале 1781 года пошли ветераны с севера, сами волонтеры уже научились воевать или, по крайней мере, хорошо вести партизанскую войну. Поражения. И англичане покидают почти всю Южную Каролину, кроме одного-двух портов. Вынуждены отступать в Вирджинию. Но и тут разворачивается партизанская война. Время в пользу американцев. Кстати, в самые тяжёлые дни 1780 года Конгресс принял решение: биться только до полного освобождения США. Если бы не французская помощь, война затянулась бы ещё на несколько лет, но в конце концов США победили бы. Этому способствовал ряд причин. Американцы всё лучше воевали в поле и всё более умело и широко использовали партизанское движение, внезапные нападения, повреждения коммуникаций и бой в лесу, где, как писали английские военные, они непобедимы. Они готовы были воевать сколько угодно, лишь бы

изгнать англичан. Сколько могла Англия воевать — это же нужно было за океан везти войска и всё их обеспечение. За двенадцать лет до этого закончилась тяжёлая Семилетняя война. В 1781 году уже прошло 6 лет войны. И это притом, что Европа сочувствовала Америке всё больше, особенно после Саратоги. Даже Фридрих Великий Англию не терпел. Поэтому ясно было, что чем дальше будет продолжаться война, тем больше шансов на то, что Европа вмешается. В Голландии в 1784–87 годах произошла своя революция. Она была направлена на то, чтобы демократизировать систему управления, сделать руководство выборным снизу доверху. Развивалась она успешно, без кровопролитий. Но, прицепившись к тому, что родственницу короля прусского, теперь королеву, не пустили выехать из одного города в другой, прусский король оккупировал страну одним махом. Армия была на стороне короля — оранжисты, так что сопротивление организовывали только добровольцы, что-то по образцу национальной гвардии.

Англичане уже 1776 году купили 20 тысяч немецких солдат в Гессене и ещё где-то. Однако среди них много было немолодых и преступников. Ведь и в Германии война эта авторитетом не пользовалась. Дезертирство и тут, и там. Интересно, что за дезертирство отвечали немецкие короли: мол, вот вам какой товар, и на место дезертира должны были поставить свежего.

Автор «4 июля» пишет про немецкого полковника или генерала, который приехал создавать армию. Но пишет о нём как о горячем патриоте свободы, который очень сочувствовал революции.

Армия и иностранцы

Осенью 1776 года Кальб вместе с Лафайетом высадились в Америке. Тогда же ему дали дивизию — восемь полков в целых две тысячи человек. Ну и дивизия. Он, этот немец, который до того был на французской службе, писал жене: «Можно с полной справедливостью сказать, что иноземный офицер, который служит в Америке в столь трудной обстановке, должен быть или одушевлён безграничным желанием бороться за свободу этой страны, или обуреваем демоном тщеславия». Материально это ничего

не давало. Карьеризм был ему чужд, значит — борьба за свободу. Он погиб в этой войне.

Фридрих Штейбен сыграл значительную роль в американской революции. Родился в 1730 году в семье военного инженера, и, будучи одного года отроду, уже жил в России, куда завербовался в армию Анны Иоанновны его отец. Там он провёл всё детство. А уже в четырнадцать лет, в рядах прусской армии, — участник ряда войн, в том числе семилетней. Что важно: он воевал в составе подвижной части, которая употребляла партизанские методы и добивалась успехов с помощью внезапных нападений. С того времени Штейбен высоко ценил значение таких подразделений, которые действовали вразрез с господствовавшей тогда неподвижной линейной тактикой — кстати, она сковывала инициативу. Линейная тактика: стреляли только залпами по команде офицера, передвижения были замедленны. Другое дело, подвижные отряды: они двигались свободно и вели стрельбу из-за укрытий поодиночке. Этот опыт оказался очень полезным в Америке. Кстати, в 1760 году Штейбен попал в плен к россиянам и сблизился с будущим императором Петром III, а позднее принял участие в мирных переговорах. Был одним из адъютантов Фридриха, но скоро попал в немилость, и его отправили в отставку. Десять лет служил гофмаршалом в малом княжестве. Когда началась война за независимость Америки, предложил свои услуги французскому министру иностранных дел. Штейбена принял Бомарше и рекомендовал американцам как генерала (которым он никогда не был) и едва не правую руку Фридриха. В декабре 1777 года он прибыл в Америку. (Интересно, что Англия была союзницей Пруссии в семилетней войне, так что чувства реванша, как это было у французов, у него быть не могло. К тому же, двадцать тысяч немцев воевали на стороне англичан). Он не поставил никаких условий: «Я готов заплатить своей кровью за честь того, чтобы когда-нибудь моё имя назвали рядом с именами ваших борцов за свободу». (А дама изображает его как прусского вояку, который муштровал тёмных американцев).

Далее он отобрал 120 солдат и 19 марта 1778 года начал их обучать, а уже через пять дней эти солдаты начали «обучение»

со всей армией. Штейбен значительно упростил прусскую систему — опираясь на американские условия, учил солдат действовать прикреплённым штыком, чего они почти не умели. Он хорошо понимал, что методы беспрекословного повиновения неприменимы к американской армии.

Одному из своих друзей он писал в Европу: «Там вы просто говорите своим солдатам: «Сделайте то-то и то-то», и приказ выполняется. Я же вынужден заявить: «Это должно быть сделано по таким-то и таким-то причинам», — и только тогда моё распоряжение выполняется». Вашингтон сказал про него: «Он заново создал нашу армию». Вскоре в сражении при Монмуте американцы с прикреплёнными штыками успешно отбивали аналогичные действия англичан, ранее считавшиеся неотразимыми. Лишь ночь спасла английскую армию Клинтона от полного разгрома, «что могло привести к быстрому окончанию войны». (Это уже цитата из книги «Война за независимость США». М., 1976, стр. 335. Коллективный труд историков-американистов).

А всего немцев прибыло в США на стороне англичан 20 плюс 10 тысяч. Думаю, что Штейбен один больше значил, чем все они вместе взятые. Домой осенью 1783 года вернулось 17 тысяч, 1200 было убито, 6300 погибли от болезней, а 5 тысяч дезертировали и остались в США. Кстати, одной из трёх дивизий, которые были под Йорктауном, командовал Штейбен. Он же был единственным, кто имел опыт осады крепости, и это сыграло огромную роль в успехе всей операции. Он же первым принял капитуляцию англичан. Из семи с половиной тысяч сдавшихся в плен было две тысячи немцев. Среди тех, кто вернулся домой, был офицер Гнейзенау. Ему было суждено стать выдающимся реформатором в области военной мысли, и американский опыт сыграл в этом существенную роль. Войска имеют высокую цель, и через тридцать лет это уже стало решающим в борьбе против Наполеона — в освободительной войне. Думаю, что авторы несколько преувеличивают роль опыта. Необходимость — вот, что их подталкивало. А она всему научит, это известно из истории. Самых американцев она тоже научила.

Костюшко с 1777 года по 1784 год был в Америке: Саратога, Вест-Пойнт, южный фронт до 1783 года.

А вообще, Конгресс принял решение не принимать на службу людей, которые не владеют английским и не очень годятся для армии. Франклин после Лафайета только в исключительных случаях давал направление к главнокомандующему.

Мир

И тут дама солгала. Конгресс дал наказ уполномоченным: единственный обязательный пункт — признание независимости. Во всём остальном доверять министрам Франции, а «в ходе переговоров о мире или перемирии ничего не предпринимать без их ведома и согласия и руководствоваться, в конечном счёте, их советом и суждением». 12 апреля 1782 года — первая беседа, на которой Франклин заявил, что американцы будут вести переговоры только вместе со своим французским союзником. 9 мая английский уполномоченный заявил, что Англия готова дать независимость колониям и вернуть Франции острова Сен-Пьер и Микелон в обмен на возвращение всех английских владений, захваченных во время войны. В окончательном соглашении именно так и было решено. Тогда Англия хотела вести секретные переговоры. Но Конгресс это открыто и решительно отклонил. А далее выяснилось, что Испания претендует на земли между США и Миссисипи и Франция Испанию поддерживает в этом, хоть и не открыто. А Испания ещё хотела Гибралтар. Далее Испания официально выставила требования: 500 миль (это 800 километров) на восток от Миссисипи, это половина территории между Миссисипи и США. Секретарь Франции Реневиль предложил Старый Юго-Запад отдать англичанам и часть территории между США и Миссисипи — Испании. Верджен, французский министр, был не против — и это англичане сами любезно передали американцам с помощью перехваченного из Америки письма французского секретаря в Филадельфии — и лишили американцев рыбной промышленности в Нью-Фадл (в мирном соглашении они все эти территории, и не только их, получили). 30 ноября 1782 года был подписан предварительный мирный договор, и к этому моменту Франция достигла соглашения с Англией фактически по всем ста-

тъям. Ссуду в 6 миллионов США именно в этот момент получили от Франции (через две недели), так что и во Франции считали, что всё нормально. А 13 августа французско-испанский флот напал на Гибралтар и был весь сожжён или утонул. Но Испания и после этого претендовала на Гибралтар. Тогда наконец Англия отдала ей Флориду и Менорку. Что явно превышало испанский вклад в войну. 3 сентября 1783 года был подписан договор между Англией и США, и в тот же день — англо-французское и англо-испанское соглашения о мире. Американцы получили до Миссисипи, на юге до 31-го градуса широты, право ловить и сушить рыбу в территориальных водах северной Америки; Франция — Тобаго (острова) и Сенегал и расширенное право на ловлю рыбы в Нью-Фадл; Испания — Флориду и Менорку, но Нидерландам отдали порт Негапатам на юге Индии.

Великобритания накануне восстания колоний

1688 год — финансовая аристократия признана господствующим классом, но всё действительное управление во всех его звеньях оставалось в руках земельной аристократии.

Питт-старший, фактический глава правительства в Семилетней войне, любимец Лондон-Сити. Семилетняя война на время примирила внутренние разногласия.

В целом, 1762–75 годы — годы величайших колебаний английского правительства и даже короля, он тоже кое-что значил по отношению к Америке. Сначала — после окончания Семилетней войны — у правительства огромный долг, население обнищало. Решили — за счёт Америки. Ввели тарифы за ввоз. Америка крайне недовольна, и в ответ — бойкот английских товаров. Закрытие шелкоткацких предприятий. Тысячи остались без работы. Демонстрации у здания Парламента. Отступление. Снижены одни тарифы, ликвидированы другие. Но тут голод: два неурожая, голодные бунты (*кого — наёмных рабочих, наверное — К.К.*). Два восстания войсками подавлены очень жестоко. Всяких подстрекателей приговорили к смертной казни. И снова — за счёт Америки — повысили цены на одни товары и резко снизили на

другие. Виги считали себя наследниками революции, это земледельческий класс (очевидно, бывшее «новое дворянство»). Они то и стояли у власти, их лидер Питт-старший, долго был после Семилетней войны в оппозиции, потом снова возглавил правительство, стал лордом, но, попав между двух огней, полтора года сказывался больным, фактически правил глава казначейства. Тот проявил решительность в отношении Америки и снова вызвал недовольство Англией. И после него — та же картина. Сплошные колебания. А тем временем в Америке идёт процесс сплочения. «Сыны свободы» возникли. Англия сделала всё, чтобы американцы почувствовали себя отдельным народом и поняли, что надеяться им надо только на самих себя. А вообще — ну какая же это колония? Они что, на плантациях на англичан работают? Или они — важные арендаторы английских земель? Или их, ремесленников, буквально уничтожают английские дешёвые товары, как это было в Индии в XIX веке? Нет и нет. Они всего лишь имеют английского губернатора, английские войска и английские налоги, которые они, однако, платить не желают. Или это бесправная Ирландия в клещах английских чиновников и помещиков? Нет, и ещё раз нет. Американцы всё время чувствовали себя свободными, но стеснёнными английским присутствием. Мало того. Они возмущаются, когда губернатора назначают из Лондона. Англия имела, конечно, в Америке рынок сбыта. Но ведь и вся Европа была для неё рынком сбыта.

И это у нас спокойно называют колонией! Всё это кончилось самым глупым, но неизбежным. С 1763 по 1774 годы войска то наступали, то отступали, но руки чесались, и всё больше. Кончилось естественно. Впервые губернатором тринадцати колоний назначается командующий войсками Гейдж. Он давно просил развязать ему руки и дать возможность силой унять мятежников. (Кстати, всё так знакомо, развитие событий близко к Литве, Грузии, Армении: колебание, очернение демократов и т.п.). Гейдж тоже год колебался. Но наконец ему сказали: действуй. И он напал на Лексингтон. (И ещё. Ост-Индийская кампания, английские набобы, там разбогатевшие, — это временами целиком отвлекает внимание от Америки).

Список литературы.

- «Война за независимость и образование США». М., 1976.
- Фурсенко. «Американская революция и образование США». М., 1978.
- Лавровский. «Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII века.
- Шариржапов. «Современная историография буржуазных революций XVII века». М., 1982.
- Согрин. «Основатели США. Исторические портреты». М., 1983.
- Маркс и Энгельс. Сочинения. Т. 8, стр. 356. Т. 9, стр. 152. Т. 11, стр. 356.

РЕВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ

1. Так что же, выходит, лишь две революции в мире — по крайней мере среди крупных — были полностью социальными. Это французская и наша.

2. Действительно, лишь у нас и у них землю крестьянам передала революция. Да и не только землю. У нас — фабрики и заводы тоже были отобраны у капиталистов, будто бы для того, чтобы передать рабочим. Но до рабочих собственность так и не дошла — застряла у государства. Это выяснилось позднее, а тогда национализация воспринималась как осуществление лозунга: «Заводы — рабочим».

3. Результат был тот же — гражданская война. Реквизиция у крестьян привела к восстаниям, так же, как и у нас. Но у нас продотряды были созданы ещё при Керенском. А у них — при жирондистах или якобинцах.

4. Разительное сходство.

1) Якобинцы и большевики пришли через 8 месяцев после свержения монархии.

2) Большевики сразу, а якобинцы — спустя два месяца отобрали землю у помещиков и отдали её крестьянам.

3) Вскоре после прихода к власти (у большевиков это в январе-июне, а у якобинцев тоже месяца через два) все партии были запрещены и установлена однопартийная система.

4) После убийства Марата и покушения на Ленина — якобинский и красный террор:

а) система заложников;

б) со временем (с июля 1794-го года у якобинцев, а у большевиков быстрее) — фактическая отмена судопроизводства, амальгама, отмена присяжных, тройки, «подозрительные» и так далее. То же у большевиков.

5) Интервенция и восстания охватили всю страну — и у нас, и у них.

6) Огромный авторитет одной личности.

7) Ревкомы: появились у них, потом у нас — видно, заимствовали.

8) Система комиссаров в армии у них и у нас (через некоторое время).

Но ведь всё это порождено не идеологией, а жизнью.

5. Разница между Великой французской и Октябрьской революциями.

1) Ленин никого не трогал из своих коллег (да и попробовал бы!). Критика на Политбюро и т.д. была гораздо острее, чем в Якобинском клубе. Робеспьер — почти всех коллег отправил на тот свет.

2) Религия — у них, атеизм — у нас. Казни атеистов у них. И отсюда — реакция. У них четыре года все церкви закрыты, а у нас теперь, после фактического крушения ширмы, — идеология наоборот: атеизм отовсюду изгнан, правые и левые вместе с господом богом.

3) Национализация — у нас, у них её нет.

6. Почему так мало различий и такое разительное сходство?

Действительно, различия тут все субъективные: можно было так, а можно было и иначе, здесь уже не столько жизнь, сколько характер и вкусы вождя и его компании, влияние идеологии. Единственное крупное различие — это национализация промышленности у нас и нерушимость части собственности у них. Спекуляция, нажива на войне. Это говорит о том, что главное здесь — необходимость в тех факторах, которые совпадают. Необходима была диктатура, причём такая, которую поддерживал бы народ. И не только духовно, но и материально (структурно). Так были созданы ревкомы по всей Франции и России. Так же точно и система комиссаров при армиях. Если бы террор был односторонним, то можно было бы не сомневаться в поражении революции. Другое дело, что он принял масштабы, несообразные с необходимостью. Но это уже связано не с необходимостью, а с возможностью (у Гегеля возможность «условия» и необходимость — это единое целое, а их надо разъединить).

ПОЧЕМУ НАМ ТРУДНО

Нам трудно. Даже очень трудно. Временами просто невыносимо. Но ответа на то, почему в мирное время в магазинах товаров не больше, чем во время самой опустошительной войны, нет ни в научной, ни в популярной литературе. А ведь ответ должен быть, и если его всё же нет, значит, что-то уж совсем плохо с нашей историко-философской наукой. Скорее всего, страшно посмотреть правде в глаза. Легче отвернуться и слушать астрологов, колдунов, епископов, хиромантов. Или тех, кто усердно поливает грязью Маркса, сваливая на учёного, умершего более ста лет назад, все наши беды. Но ведь даже эра кровавого маньяка кончилась почти сорок лет назад. А у нас лишь постоянная нищета, грозящая перейти в периодический голод. Несмотря на свободу, мы сидим всё там же, в той же яме. И наверное, пока мы не поймём, где мы и почему туда попали, из ямы нас даже приватизация не вытащит.

Уже самое время понять, что идеалистический подход к истории бесплоден. Он никогда ничего ещё не открыл. И сегодня снова демонстрирует свою полную несостоятельность. Все средства информации пытаются убедить нас, что хорошая идея рождает и хорошую жизнь, а если жизнь плохая, то виноват автор плохой идеи. И вот договорились интеллигенты до того, что заявили народу: в бога не веруешь, потому и живёшь так. Полвека тысячи дворцов культуры, концертных залов, филармоний, лекториев, библиотек государство размещало в церковных стенах, а сегодня всё это закрывается и передаётся церкви. Да ещё строятся одновременно тысячи культовых сооружений. Миллиарды идут сейчас не на помощь образованию, у которого ветхие школы обрушиваются прямо на головы детей, не на помощь гонимой и уничтожаемой культуре и даже не на помощь семьям, у которых нет средств на питание и одежду, а на бездонную церковную кружку. И православная

церковь хватает всё, не отказывается ни от чего, даже если это выглядит мародёрством. Она обогащается не по дням, а по часам. Для чего всё это? «Ради духовного возрождения народа». И никто не решается даже сказать вслух, что массовая религиозность населения до добра никогда не доводила. Но это тема для отдельного разговора, а сейчас хочется обратить внимание, на что тратятся деньги голодной и нищей страны.

Если посмотреть правде в глаза, то идеологическая обработка населения во времена Сталина и его преемников и грандиозная религиозная обработка сегодня, по существу, — одно и то же. Это попытка идеей заменить жизнь. И превратить людей в тупое, покорное властям стадо. И в прошлом, и сейчас людей учат жить ради будущего — будь это рай на земле или рай на небе. И тогда, и сейчас истинно материалистический взгляд на историю властям крайне опасен. Ибо он разрушает иллюзии и ставит всё на место. Вот почему вчера его носителей изолировали или просто уничтожали, а сегодня замалчивают или поливают грязью. Но пока мы не разберёмся в закономерностях собственной истории, мы только будем проваливаться из одной ямы в другую и сравнивать, какая из них хуже. Попробуем сделать в этом направлении хотя бы первый шаг.

Наша страна переживает сегодня сразу три революции. Революцию государственной системы управления, проще говоря, режимную — крушение тоталитарного строя. Революцию социальную — крушение старой социально-экономической структуры. И революцию национально-освободительную — крушение империи. Никогда ещё в истории человечества ни одному из крупных народов не пришлось решать сразу три такие грандиозные проблемы.

Первая в Европе буржуазная революция в Голландии была главным образом революцией национально-освободительной. Тем же голубым цветом внешней свободы светилась и американская революция. В обоих случаях внутри страны господствовали уже буржуазная социальная структура, частная собственность и наёмный труд. Так что надо было лишь очистить небо от чёрных туч внешней оккупации и интервенции, а на земле для искоренения остатков феодализма оставалось сделать совсем немного.

Английская революция (а их ведь было фактически две — 1640 и 1688 гг.) была главным образом режимной, антитоталитарной. Король попытался по примеру Франции и Испании установить в стране абсолютную монархию, но даже иностранная военная интервенция и целая армия наёмников не спасли авантюру от полного краха. Это была в чистом виде борьба за политические свободы, и в итоге монархия оказалась навсегда прикованной к парламенту, чтобы в будущем вообще потерять всякую реальную власть. Но проблемы социальные революция почти не затронула. До неё началось и после неё закончилось уничтожение крестьянства как класса и создание на его месте капиталистических поместий. Англия быстро покрывалась сетью мануфактур с наёмной рабочей силой, и к началу революции свободный труд доминировал повсюду. Монархия с претензией на абсолютную власть явно не вписывалась в эту систему, и политика, которую она вела, на каждом шагу мешала интересам нового, уже капитализированного дворянства. В интересах этого класса и интенсивного развития страны (в этом направлении интересы совпадали) монархию надо было устранить. И революция это сделала. А в политическом и материальном отношении положение трудящихся масс стало существенно улучшаться лишь через два столетия — с середины XIX века, когда рабочий народ вступил в активную борьбу за свои собственные интересы. Но к этому времени Англия всё больше по существу стала напоминать республику, где законодательную власть крепко держит в руках парламент, а исполнительную — лидер победившей на выборах партии. Король же, как третий лишний, всё больше превращался в свадебного генерала. Проблема заключалась лишь в том, чтобы найти место под солнцем и представителям трудящихся. И одновременно решить экономические проблемы рабочего класса. Но для этого революция уже не понадобилась. Через полвека упорной экономической и политической борьбы положение рабочего класса стало просто неузнаваемым, а лейбористская партия успешно конкурировала на выборах с самой сильной буржуазной партией. Английская буржуазия оказалась достаточно благоразумной, чтобы уступать задолго до того, как давление пара достигало предельных величин. Проблема же

крушения империи в середине прошлого века ещё не возникла, и таким образом, Англия решала лишь одну — социальную проблему, да и то она состояла уже не в замене старой структуры на новую, а лишь в том, чтобы найти там место для всех классов общества (и для рабочего класса).

Итак, Англии тоже пришлось решать все три проблемы, но не сразу, а последовательно — в XVII, XIX и XX веках. Французская революция потому и называется Великой, что решала сразу две проблемы: режимную и структурную. Пока она ограничивала абсолютную монархию и ликвидировала сотни феодальных привилегий, дворянство ещё терпело. Но как только она посягнула на собственность, началась гражданская война. Причём благородное дворянство мгновенно забыло о своих патриотических чувствах и не только призвало в страну иностранные войска, но и сражалось на их стороне против Франции. Спустя столетие то же повторилось и у нас.

В отличие от английской и американской революций, гражданская война во Франции приняла крайне ожесточённый характер. С обеих сторон репрессии стали переходить в террор. И у нас гражданская война сопровождалась белым и красным террором. Оно и неудивительно, если вспомнить, что и в XX веке брат мог убить брата ради клочка земли. Кстати, целая серия французских революций, вплоть до 1870 года, отнюдь не сопровождалась массовой гибелью людей. Как и наша Февральская революция — а ведь она сокрушила самодержавие. Значит, дело не в российском или французском характере. Революция принимает багровые тона, когда она посягает на собственность. Парижская Коммуна ее тронула, и Версаль устроил Парижу такую бойню, какую столица Франции не знала со времён Карла IX — по сравнению с нею бледнеют ужасы Варфоломеевской ночи. В 1793 году, в начале якобинской диктатуры, на самом гребне революционной волны была принята великолепная Конституция Франции. Она не только полностью разрушила старую систему управления, закрепляя уже совершённые революции, но и предложила новую, целиком демократическую систему, основанную на всеобщем избирательном праве и широком участии народа в управлении государством. Почти

для всех стран мира Конституция казалась лишь далёкой мечтой. Но такой же она осталась и для Франции. Провозгласив её, якобинцы отнюдь не спешили ввести её в действие. Ведь тогда пришлось бы отказаться от диктатуры. Кто думал тогда, что пройдёт целое столетие упорнейшей политической борьбы, пока эта конституция станет действующей.

Кстати, демократия — это ещё одна, очень важная задача революции. Ведь вопрос свободы ставился, но не решался ни одной революцией, кроме американской и французской (да и то последней — временно): защита правительства, новой системы — вот для чего нужны были политические права. Да, во времена французской революции массы получили (как и во времена нидерландской) широчайшие права. А почему бы и нет? Ведь созданные снизу комитеты защищали новый строй, поддерживали правительство. Без этих комитетов никто не победил бы. Но как только они начинали требовать что-то для себя: например прав на забастовку или решительного улучшения экономического положения, на них сразу же обрушивались репрессии. (То же было и у нас во время Гражданской войны). Да, народ получил политические права, но лишь для защиты чужих буржуазных интересов, чужой государственной экономической системы. А свои пришлось отстаивать уже потом.

Таким образом, Великая французская революция взялась за решение сразу двух грандиозных проблем — структурной и системной. Первая в несколько лет была доведена до конца. Феодальная социальная структура повсюду была заменена капиталистической. Но заменить тоталитарную систему управления на демократическую удалось лишь частично и на время. Старая система была разрушена. Но если для социальной структуры этого достаточно, чтобы отжившее никогда больше не вернулось, то старая система управления, лишь внешне видоизменяясь, может возвращаться назад. Появилась бы только возможность. Потому что управлять с помощью прямых вертикальных связей, используя принуждение как главное средство, проще, легче, а главное, выгоднее для власть имущих, кто бы они ни были. И даже прочно утвердившись, демократия требует постоянного внимания и защиты. Для установле-

ния диктатуры повод всегда найдётся, а причину, если её нет, можно и выдумать.

Но бывает в истории и так, что кажется: без диктатуры по отношению к господствующему классу и остаткам тоталитарного режима не обойдёшься. Неконтролируемую власть и частную собственность редко отдают добровольно. Без применения насилия ни французские, ни российские крестьяне землю бы не получили. Мало того. История показывает, что революция побеждает лишь при самой активной поддержке народа. Наши же историки, философы, публицисты всё чаще называют революцию бунтом, народ — толпой, а его действия — иррациональными. При таком подходе история теряет причинно-следственный характер, а вместе с ним — и возможность её познания. А не поняв прошлого, вперёд можно двигаться только вслепую. Карабкаясь в горы, падая в ямы, сворачивая назад. И оставляя за собой кровавый след. Сам путь станет несравненно длиннее, а за прогресс, как и раньше, придётся платить деградацией. Такова цена историко-философской слепоты. Почему бы нам не прозреть? Но на самом деле в жизни гносеология тесно связана с онтологией. Миром движет общественный и личный интерес. И очень часто первое подменяется вторым. Господствующая точка зрения не столько возникает, сколько создаётся.

Позволю себе такую аналогию. Осенью 1988 г. из магазинов одновременно по всей стране исчезла посуда. Что такое явление никак не могло произойти само по себе, кажется, должно быть ясно всем. Хотя до сих пор нас уверяют в том, что главное здесь «ажиотажный спрос». Между тем, посудные магазины и отделы месяцами не получали ничего, хотя фабрики ещё работали исправно. Это было начало того великого дефицита, опираясь на который кто-то пытался достичь для себя крупнейших экономических и политических выгод. Раньше внезапное исчезновение какого-то товара заканчивалось через несколько лет таким же внезапным его появлением, но уже по более высокой цене. Всё это время на чёрном рынке шла оживлённая торговля дефицитным товаром. Наступит время (и, думается, оно не за горами), когда мы узнаем, кто стоял за спиной торговли и как превратили её не только в гран-

диозный источник обогащения, но и в мощный политический фактор. Путч был подготовлен экономически. Москва полумиллионных демонстраций в начале 1991 года и Москва 19 и 20 августа — это были два разных города. И не страх тут причина — москвичи не боялись выйти на улицу и тогда, когда им угрожали кровавой расправой, — а разочарование. Значит, кто-то достиг своей цели.

Переворот провалился политически, но психологически расчёт оказался верен. Пассивность масс — опаснейший феномен в развитии революции. Он-то и приводил в истории к самым трагическим последствиям. Правда, не всегда. В период, когда революция лишь начинает решать свои проблемы, разочарование в действиях власть имущих приводит к новому всплеску активности масс. Радикалы, пришедшие к власти, становятся консерваторами. Или стремятся ими стать. И если порыв народных масс достаточно силён и организован, он заставляет власть имущих проводить революционные реформы или устраняет их. Великая французская революция состояла из двух революций. Каждая выполнила свою часть задачи по преобразованию общества. И на каждом этапе массы народа проявляли всё возрастающую активность, достигшую в конце концов величайшего уровня. Только благодаря этому Франция смогла совершить чудо — отразить нашествие всей Европы и тем самым способствовать распространению революционных идей по всему миру.

Но самый опасный момент наступает для нового общества не тогда, когда оно выдерживает внутренние и внешние удары, а тогда, когда задача революции выполнена и можно пожинать её плоды. Общество оказывается к этому не готовым. Оно было несколько лет всё в порыве, а здесь начинается размеренная будничная жизнь, причём совсем на другом уровне и потому во многом совсем новая, а значит, непонятная и непредсказуемая. Но главное, что она почти всегда — совсем не то, что от неё ожидали как правые, так и левые. После одних великих эпопей, как это было после английской революции, широкие народные массы убеждаются, что ни в социальном, ни в политическом плане им революция ничего не дала. В других, как после французской, основная часть населения — крестьяне получают всё, к чему они стреми-

лись, — землю и полную свободу, а рабочие города, главная движущая сила революции, лишь убеждаются, что для них вся борьба ещё впереди. Для первых революция уже закончена, и они хотят лишь прочно утвердить свои права и спокойно пожинать плоды. Они становятся равнодушными к голосу демократов-преобразователей. Армия, в основном состоящая именно из них, становится всё более «белой» из «красной». А рабочие, в социальном плане так ничего и не получившие, попытавшись хотя бы отстоять завоеванные политические свободы, терпят поражение, и их разочарование переходит в равнодушие. Вот тогда-то и появляется сильная личность или тот, кто её имитирует.

И сейчас, когда наша страна решает колоссальную по трудности задачу слома старой, закостеневшей системы и построения демократического общества, крайне важно не разочароваться и не остановиться на полпути, иначе откат назад неминуем.

1992 г.

О ВСТУПЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ЧЕХОСЛОВАКИЮ В 1968 г.

Вступление наших войск в Чехословакию — это ещё один, теперь уже самый яркий пример авантюризма внешней политики нашей страны. Мы вооружили до зубов соседей Израиля, а когда они получили должный отпор и растеряли всё наше оружие, мы взялись за новое их оснащение. Год назад мы едва не втянули нашу страну в войну из-за кусочка пустыни в Палестине. Очевидно, именно там угрожала смертельная опасность социализму... Непонятно только, кто же больший враг коммунистов — Насер или Бен-Гурион. Прошёл только год, и наши войска вторгаются на территорию братской социалистической страны. И там, оказывается, социализму угрожает опасность. Только во времена Гитлера так бесцеремонно расправлялись с европейскими странами, как это сделали мы в Венгрии, а теперь — в Чехословакии. И если по поводу Венгрии мы имели некоторое, но только некоторое оправдание, что там подняли голову недобитые фашисты, а поводом послужила расправа с членами Будапештского горкома партии, то тут сегодня даже нет повода, не говоря уже о причинах. Чехословакия даже во времена Бенеша была близким союзником, почти другом Советского Союза. После изгнания немецких оккупантов она стала самой искренней сестрой нашей страны. Не было у нас более родной сестры, если не считать Болгарии. Она всё делала по нашим советам, точно следовала курсу, который для неё прокладывали в Москве. А курс был трафаретный — наш.

Вот почему Чехословакия жестоко претерпела от сталинского террора. Вот почему она наряду с нами перенесла страшные удары от экономического авантюризма времён Сталина и Хрущёва. Двадцать лет она слепо шла за нами. И поэтому в ней царил всё та же старая политическая система, а в области экономики эта пере-

довая до войны промышленная страна стала всё больше и серьёзнее отставать от европейских коллег на Западе. Прирост промышленной продукции в ней всегда стоял на уровне 4% — именно на таком уровне, который наши власти всегда высмеивали в США. А качество знаменитых чехословацких товаров? Кто не знает, как оно упало, всё более приближаясь к нашему (а наше — очень низкое). Но Чехословакия — не СССР. Её экономика всегда была построена на реализации своих товаров за границу. Никакое снятие пенек с ещё не освоенных земель и затыкания ими дыр в экономике, как это делаем мы за счёт Сибири, здесь помочь не могло. Просто потому, что у Чехословакии нет таких земель. А если невозможно вести экстенсивное, количественное хозяйство (как это делали наши далёкие предки — выжигали лес, сеяли несколько лет, истощали землю и снова выжигали другой лес), то следует вести интенсивное, качественное хозяйство. Но при такой системе, как у нас и у них, это невозможно, о чём свидетельствует 50 лет развития нашей страны и 20 лет — их. Наша страна просто задохнулась бы в экономических трудностях, если бы не целинная Азия. И сколько бы мы ни помогали Чехословакии, в которой Азии нет, трудности в стране всё нарастали. И наконец, народ не привык плестись в европейском хвосте. Это же передовая в прошлом европейская страна. Кстати, в отличие от нас, она имела определённые демократические традиции в прошлом и пережила, хоть и немного, но всё-таки 20 лет демократического строя до диктатуры при Бенеше. Вот почему в Чехословакии начались волнения, которые привели к краху диктатуры Новотного и К°.

К этим внутренним причинам нужно добавить и внешние. Ничего не могло сильнее подорвать авторитет социализма, чем 50 лет развития СССР. Социалистическая идея была у нас полностью скомпрометирована и уничтожена. В нашей стране народ так и не избавился от диктатуры, которая достигла апофеоза во время правления Сталина и К°, иначе говоря, партийных и государственных бонз. НКВД, а потом и КГБ превратились в преторианскую гвардию партийной и государственной верхушки. В этом отношении он ничем не отличался от гитлеровского гестапо. Главным в деятельности и того, и другого была борьба про-

тив народа. Даже методы были общими: цель оправдывает любые средства — так можно было бы определить их суть. Мало того. Если за два первых, самых свирепых года фашистского террора в Германии было расстреляно четыре тысячи человек, и брошено в тюрьмы 200 тысяч, то у нас за 37–38 годы было убито сотни тысяч, а брошено в концлагеря несколько миллионов человек. И если фашизм направил удары только по самым главным своим политическим врагам, то НКВД ударил по всему народу.

В результате сталинского правления те немногие элементы демократии в управлении, которые ещё оставались в конце 1920-х гг., были ликвидированы. Отныне государство представляло собой огромный бюрократический аппарат. Миллионы мелких и крупных чиновников боялись одного — гнева начальства, то есть, такого же чиновника, но поставленного ступенькой выше. На своих подчинённых они смотрели только как на «аппарат», недаром у нас так распространилось это слово. Потому с таким трудом у нас пробивается что-то новое, даже в области техники. Потому мы и плетёмся в хвосте развитых стран, несмотря на большой объём промышленного производства.

И поэтому у нас такое отсталое сельское хозяйство. В США четыре миллиона работающих в сельском хозяйстве производят столько, что обеспечивают свою страну и вывозят в ряд других стран. Мало того. Правительство вынуждено бороться за сокращение сельскохозяйственного производства и выплачивать половину стоимости прибыли за каждый необработанный гектар земли. А в СССР работают в сельском хозяйстве десятки миллионов человек, да ещё летом прибывают миллионы студентов и рабочих на помощь — и мы вынуждены докупать продукты за рубежом, потому что своих не хватает. Хотя мы и расширили посевную площадь до двухсот миллионов гектаров земли и она сейчас больше, чем у двух самых больших стран мира, вместе взятых. Вот почему у нас самая низкая среди европейских и ряда американских и азиатских стран производительность труда. Куда бы мы ни посмотрели — в Австралии или США, Франции или ФРГ, Японии или Канаде — и в сельском хозяйстве, и в промышленности она в несколько раз выше, чем у нас.

А с помощью более высокой производительности труда мы, вроде бы, собирались победить капитализм. Действительно, имея более высокую производительность труда, можно выпускать более дешёвые товары, а значит, иметь более высокую зарплату, более продолжительный отпуск, короткий рабочий день. Можно создать такую жизнь, какую захотят иметь трудящиеся всего мира. Прошло 50 лет. И что же? Всё вышло наоборот. В капиталистических странах заработная плата работника несравненно выше, чем у нас, часто в 5–10 раз, товары значительно более дешёвые и даже отпуск более долгий (например, в Канаде) и более короткий рабочий день. По всем статьям нас уже победили или побеждают даже такие средние из развитых страны, как Япония и Италия. Кстати, они, как и ФРГ, очень претерпели от войны и восстановление своего хозяйства начали позднее нас. Можно вспомнить о бурном развитии России в 1863–1913 годах. Тогда даже США развивались слабее, не говоря уже об Италии или Японии, которые тогда были более отсталыми, чем Россия. Так что в экономической сфере мы добились действительно блестящих результатов — полностью подорвали в глазах трудящихся всего мира (особенно развитых стран) идею социализма. Вот почему события в Чехословакии стали закономерным итогом созданной по советскому образцу политической и экономической системы.

1968 г.

ОТ БРЕЖНЕВА К АНДРОПОВУ

Огромная радость переполняет меня. Уже второй день. И поделиться не с кем. Всё вокруг словно ожило и искренне засветилось, засмеялось. И дни такие прекрасные — солнце в ноябре целый день, без единого облачка. Второй день такая летняя погода. Тепло и тихо.

Хорошая погода. И хорошее настроение. Интересно всё-таки в монархо-абсолютистском государстве. Только когда умирает очередной тиран, с особой силой пробуждаются надежды.

Смена монарха, собственно, единственная надежда на то, что произойдут какие-то перемены, и это омертвевшее общество начнёт оживать. Для одних это подсознательное, для других — полусознательное, для третьих — сознательное чувство. Но независимо от того, насколько это чувство осознано, оно владеет всем народом. У кого-то оно рождает страх перемен или страх перед таинственными внешними силами, которые только и ждут, чтобы напасть на нашу страну. И у многих — радостное оживление. Это, к слову, не только теоретическое, но и практическое — я это видел своими глазами. Это будет недолго. Назначат нового, разочарование, если это будет Андропов, некоторые, но слабые, надежды — если Черненко. Но когда надежды угасают, это тоже движение. И очень важно в этом омертвевшем равнодушном обществе почувствовать на мгновение надежду. Пусть она скоро угаснет, но память о ней останется и будет постоянно напоминать о себе: смотри, какая я светлая, красивая, хорошая! Неужели, чтобы ты снова ощутил меня, не стоит хоть чем-нибудь рискнуть, сделать хоть какое-то движение?

Итак, Андропов. Я так и думал, хоть казалось странным: как можно открыто назначить главного палача страны главой партии и народа. Но я этого ожидал. Ведь, собственно, нет сильных конкурен-

тов. Кириленко отпал (ведь сын сбежал за рубеж, тоже высокопоставленная шишка, а может, наоборот — потому сын и убежал, что увидел на примере Хрущёва, какая жизнь ожидает его отца, а возможно, и его самого). А Черненко был сильным, пока его поддерживал Брежнев, который взял его с маленькой должности в Молдавии, чуть ли не делопроизводителя. Он всем обязан Брежневу. А что это значит? Приходит он к власти, и все брежневские ставленники остаются на своих местах. А этого совсем не хотят многочисленные претенденты, которые ждут не дождутся смерти вождя. У нас фактически смена власти — это смена партий. Хотя каждая из этих партий не имеет существенных отличий (несущественные, которые не затрагивают систему, есть, и они не могут не быть: вот если мы придём к власти, мы покажем, как надо управлять страной), но каждая имеет своих конкретных людей, которых тоже поддерживают конкретные люди, и так сверху донизу. Приход нового самодержца — это и приход одних, и смещение других. Если же новый самодержец оставит весь аппарат в неизменном виде, это масса разбитых надежд, недовольства, разочарования и в конце концов это может привести к падению самодержца. Поэтому когда самодержец рвётся к власти, он должен знать, на кого опирается, что конкретно он им сможет дать и в чём их обманет. Одновременно он должен представлять себе, кого он сможет им противопоставить. Ведь если он пойдёт на поводу данной группы, то рискует остаться потом на поводке. С самого начала у него должна быть чётко разработанная система, как раздробить эту группу и почти все горизонтальные связи (в момент смены власти они особенно укрепляются) вертикальными — заменить. Но и каждый член такой группы должен понимать, что именно переход от одного тирана к другому и некоторое время после него — самое благоприятное для получения для себя, родственников, знакомых тёплых местечек. Поэтому именно от этого перехода так многого ожидают.

А теперь посмотрим, у кого лучшие шансы — у того, кто стоит на плечах старой группы, или у того, кого поддерживают некоторые из старой группы (без этого к власти не придёшь) и большая группа «молодых», которые рвутся к власти и говорят: хватит уже, дайте и нам.

Конечно же, вторая группа. Но одновременно новый самодержец должен делать вид, что он ничего не собирается менять, разве что, кроме нескольких старожиллов, которые совсем развалили работу и слишком откровенно проворовались. «Мы почистим машину, заменим только кое-какие истёртые старые узлы, а остальное менять не будем. Машина же будет работать лучше».

На самом деле те, кто поддерживал вождя, получили твёрдые обещания от него, возможно, даже в рамках определённых дат.

Конечно, некоторые места можно создать заново. Так, Брежнев создал довольно-таки высокие должности помощника первого секретаря и первого заместителя главы Президиума. Но только некоторые. А все остальные уже заняты. Так что придётся заменять одних другими. Потому что генсек, который повсюду расставил своих людей, может на них рассчитывать. В его смене они не заинтересованы. В его смерти — тоже.

Но зато они хорошо понимают, что ничто не вечно. И когда он уйдёт, это окружение начнёт таять. Каждый надеется, что это будет не завтра и что начнут не с него.

Но и тут нужно и обстоятельства учесть, и своевременно, с позитивной стороны, проявить себя. То есть, показать свою необходимость, а главное, свою преданность новому — и лучше ещё до того, как он станет новым вождём, а будет только кандидатом. Вот почему можно удивиться: почему же старые поддерживают новых? Это же ничего им не даёт хорошего. Но — и снова это «но» (показатель эквилибристики участников, лабиринта, который они должны пройти, запутанных нитей паутины, которые нужно знать, где и когда можно разорвать, где иногда обойти, а где и когда — даже укрепить), так что другого пути просто нет. Хочешь быть наверху и купаться в благах власти и удовлетворённых желаний — крутись во все стороны, оглядывайся, ищи союзников и тут же продавай их, пока это выгодно.

Иногда кое-кто идеализирует мораль вождей. Им кажется, что они немного лучше, чем есть. Для этого употребляется разное: страна большая, за всем не уследишь, всё не сохранишь.

Так что руководитель имеет самые лучшие намерения. А что осуществить не может, то уже виноваты обстоятельства. А ка-

кие же обстоятельства мешают человеку осуществить цель-мечту, ради которой он работает и живёт? Первое — чиновники, равнодушные к намерениям вождя.

Далее называют обстоятельства внешние: угроза войны, необходимость тратить деньги на оборону, помощь братским странам. Последнее обстоятельство, как правило, воспринимается как зло (могли бы сами со своими трудностями справляться, вечно мы их кормим и помогаем), но зло необходимое. Не будем мы им помогать, их захватит Америка или они сами к ней перебегут. А что тогда будет с нами?

Третий фактор — это отсталость народа: темнота, невежество, эгоизм — кто как это понимает. Народ ещё отсталый, малоактивный, и нелегко его поднять и направить. Инертность масс.

Четвёртый — пьянство.

Пятый — воровство. У нас такой народ — всё разворует. В таких условиях очень нелегко управлять.

Таким образом, в представлении многих, если не большинства людей, всё поставлено не с головы на ноги в анализе общественной жизни, а с ног на голову. Не система виновата, а народ, которым она руководит. Система и руководители хорошие или терпимые (а некоторые говорят: хоть они и не очень, может и плохие, но где вы возьмёте лучших; власть портит человека, ты поднимаешься на такую высоту и разве будешь лучше; все руководители всегда такие, так что причина не в них, а в том, что я раньше перечислил), а вот народ и условия...

Вывод. Тут можно легко провести аналогию: это словно ждать, чтобы микробы начали рождать телят. В самом деле, система порождает только то, что ей свойственно. Конечно, она же порождает и будущий общественный строй, но и только. Система не может превратиться в ожидаемый людьми строй. А люди ведь ожидают ещё большего: чтобы система, не изменяясь, функционировала совсем иначе — для нужд народа. Так что одна и та же структура рождала совсем новые функции. Система — это живой организм, и он всегда будет заботиться о себе, заботиться, чтобы остаться живым. Он никогда не пойдёт на самоубийство. Это — живой организм, защищённый крепостью традиций и живой сте-

ной тех, кто занимает господствующее положение в обществе. Только на руинах старой системы может вырасти новая структура с новыми функциями. Собственно, система рождает свою антисистему. Но это значит только то, что антисистема, рождаясь постепенно, вступает в борьбу, в конце концов возникает борьба двух систем, старая гибнет, а новая — побеждает. Только это не борьба двух противоположностей, где одна без другой существовать не может. Одна система может существовать без другой, потому что это противоречия внешние — за пределами системы. А система существует, разделённая противоположностями, где одно без другого не бывает.

Сделаем отступление. Слушаю лектора (полковник-ракетчик, только что в отставке), который убеждает, какое замечательное наше оружие уничтожения людей, какие несравненные ракеты, как семь таких ракет могут уничтожить всю Англию или Западную Германию — на выбор. И тут увлечённый чудо-оружием лектор перешёл на полуостров Даманский. Мы применили там разработанное нашими учёными по заданию правительства чудо-оружие «град». Это 40-ствольный миномёт, и после него там ничего живого не осталось, даже зайца. А ещё была разработана система пулемёт-гранатомёт. Тоже ничего живого не остаётся. Наши применили его вдоль советско-китайской границы в Приморье и в Казахстане. Таким образом, со слов лектора, который там был всё это время, на Дальнем Востоке и в Казахстане было применено оружие массового поражения «против саранчи», как он соизволил выразиться, то есть, против китайского мирного населения. Весь этот рассказ вызвал пассивную реакцию большинства слушателей, но часть была явно обрадована. Остальные, очевидно, были довольны силой нашего оружия. Почему люди не думают про две стороны любого процесса?

Так что система внутри себя всегда содержит взрывчатую силу — новую систему, которая рождается сначала в виде отдельных феноменов, а потом постепенно оформляется, то есть, сливается в целую систему. Эта система, за которой стоят люди, предметы и отношения, хочет не только жить, но и расти без препятствий, а в конце концов, и править. В миллионах явлений

отражается борьба двух систем. Так было в период распада первобытно-общинного строя, феодального строя, рабовладельческого строя. Но при капитализме явно не видно, чтобы тут рождалась новая система. Где она? Это признают и классики марксизма-ленинизма. Но если бы они на этом остановились, то зачем же писать было свои произведения? Человек мечтает, но мечтает, а тем более, действует в направлении осуществления мечты не на тысячелетия и даже не на столетия, а только на ближайшие годы, ближайшие десятилетия: «И не прейдёт род сей...» Так ещё в библейские времена подчёркивали: пророчество осуществится вскоре. Так писал и Ленин о том, что те, кому уже за пятьдесят, до коммунизма не доживут, а те, кому сейчас двадцать лет, будут строить и доживут. Если учесть, что средняя продолжительность жизни тогда в России была не выше пятидесяти лет, всё становится на своё место. Старики в ближайшие годы вымрут, а молодёжь будет жить при коммунизме. Всего через лет двадцать, максимум тридцать, коммунизм будет построен. «Не прейдёт и род сей...» А смена поколений — двадцать-двадцать пять лет. Так что Ленин повторяет то, что говорили пророки ещё с библейских времён. Но его можно понять: кому нужно пророчество на пятьдесят-сто лет и дальше. Интересно, но нереально. Интересно, но непрактично. Люди хотят знать, что будет с ними ещё сегодня.

Следовательно, и Маркс, и Энгельс сначала, до 1948 года, считали, что социалистическая революция произойдёт где-то в ближайшие годы. Они призывали к ней, и она действительно наступила, но совсем не социалистическая, а буржуазно-демократическая и национально-освободительная, антифеодальная в Италии. Дальше снова годы ожидания, но теперь, особенно после 1871 года, — надежда на экономические перемены, которые приведут к диктатуре пролетариата, разрушению капитализма и построению коммунистического общества. Теперь уже пророчества исчезли, но всё же Маркс и Энгельс считали, что революция не за горами. И капитализм проживёт годы, а может, и десятилетие — одно или два, но не больше. Если бы Маркс и Энгельс начали пророчествовать, что капитализм проживёт ещё целое столетие, да и после этого не ясно было не только, когда он будет разрушен, но и то, будет ли он раз-

рушен вообще, — кто бы их тогда читал и слушал? Разве что отдельные любители.

Чтобы массы пошли за вождами или партиями, нужно обещать им конкретные блага уже сейчас или в самом ближайшем будущем.

Вывод. И Маркс, и Энгельс, и Ленин глубоко ошиблись по поводу срока существования капитализма. Что касается Ленина, то он был всю жизнь стопроцентный и великий политик, теоретик и практик того, что нужно обещать массам, и когда, как надо себя вести с массами, чтобы завоевать их авторитет, как их обманывать и выкручиваться так, чтобы все удачи приписывались «пролетарской» партии, а все неудачи — её врагам и т.п. Ленин всё подчинил политике и поэтому легко отказался от всех обещаний, как только пришёл к власти. Правда, не от всех. Если бы он — тот, кого революция подняла на вершину, и ему удалось ухватиться за неё и не выпустить власть из рук, пока был в силах, — если бы он не дал мир и землю, другая волна революции сняла бы его с этой вершины и понесла вниз. Он это хорошо понимал, и потому немедленно выполнил эти обещания. Выполнил и некоторые другие, без которых тоже трудно было бы удержаться у власти: отделение церкви от государства и школы, введение бесплатного образования, медицинского обслуживания, коммунальных услуг, городского транспорта и т.д. Всё это вселило в миллионы людей уверенность, что коммунизм уже реально начался. Разве не стоило его защищать ради уже завтрашнего рая? Мало того. Разве не стоило любым способом, не брезгуя ничем, защитить это будущее? И наконец. Разве в России не было в течение многих столетий традиции относиться к человеку, по крайней мере, к человеку трудящемуся, как к предмету? И если раньше люди погибали сотнями тысяч то от нищеты, то от голода и эпидемий, то от войн, то от массового террора, то разве сейчас не стоило бросить в топку революции миллионы людей, чтобы паровоз довёз-таки всех остальных в рай?

Итак, Ленин удержался у власти. И в большой степени потому, что ему и партии поверили. Теперь он не столько ошибался, сколько сознательно обманывал людей. Раньше он писал, что существование государства при социализме просто невозможно,

что одно и другое — коммунизм и государство — несовместимы. Что старое государство будет разрушено, а нового не будет, будет самоуправление. Что диктатура пролетариата — это уже не государство в старом понимании. Потому что, во-первых, это уже самоуправление, только не всего народа, а его передовой части — рабочего класса. И, во-вторых, этот феномен будет существовать только как переходный момент от капитализма к коммунизму. То есть, несколько месяцев или несколько лет максимум. Причём именно в эти годы будет осуществлён переход к коммунистическому самоуправлению и к коммунистическому распределению. Очевидно, Ленин, идя на бесплатность ряда жизненных функций, перечисленных выше, рассчитывал как политик именно на это.

Но стоило закончиться Гражданской войне, как сразу почти всё было забрано назад. Ранее бесплатное коммунальное обслуживание квартиры, транспорт и другое стало платным. Начался НЭП. Конечно, на несколько лет, а дальше — накопим денег и начнём распределять снова по потребностям. Но НЭП не закончился и по сегодняшний день. Минуло уже свыше 60 лет. А товарно-денежные отношения господствуют в нашем обществе, словно это обычный капитализм.

Знал про это Ленин? Знал, конечно. Что господство товарно-денежных отношений не может просто так привести к коммунизму — своей антитезе — это ясно. Что люди, которые стоят у власти, совсем не заинтересованы, чтобы её лишиться, тем более, если власть безгранична.

Я приведу теоретические соображения. Дни идут, и вот уже две недели, как нет вождя. И почти две, как есть новый. Думаю, он и будет главой Президиума.¹⁶ Но я уверен, что он будет и главой исполнительной власти. Как и во всех странах «народной демократии». Но для этого у него ещё мало влияния. Сначала надо кое-кого выгнать из Политбюро, поставить своих, укрепить власть. Так было и со Сталиным, и с Хрущёвым, и с Брежневым. Нужно время. По-крайней мере, два-три, а лучше, четыре-пять лет. Но всё

---

¹⁶ Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

дело в том, что у Сталина (45 лет), Хрущёва (59 лет), Брежнева (58 лет) время ещё было. А у нынешнего специалиста по тюрьмам и концлагерям его нет. Ему 69-й год. Растягивать взятие власти лет на 5–6 он не может. Через 6 лет ему уже придётся справлять своё 75-летие. Так что пройдёт только несколько лет, и на него станут смотреть как на такого, который вот-вот уйдёт. Может, он и не уйдёт ещё 5–8 лет. Возможно, с помощью медицины, которая его опекает, с помощью лучших врачей и редчайших лекарств он протянет, как Брежнев, ещё несколько лет. Но ведь это опасно. Его могут просто свергнуть, припомнив ему 15 лет КГБ. Слабым наверху долго нельзя быть, и даже если ты окружил себя со всех сторон — в КГБ, армии, партийном аппарате и в самом Президиуме — своими людьми, можно протянуть только несколько лет.

А у него нет времени. Пока он будет лет 5–6 повсюду расставлять своих людей (первыми — из КГБ), он станет совсем старым. И его могут свергнуть. Выход? Власть нужно взять за 1–2 года. А путь к этому такой — стать главой Президиума. Правда, можно стать и главой Совета Министров, но тут на пути брежневские ставленники, в частности Тихонов. Сразу испугать их и разгонять — это опасно. Их группа всюду довольно сильная. Её нужно сначала расколоть. А пост главы Президиума сейчас просто на дороге валяется. Возьми и подними. Можно кому-то за большое вознаграждение и отдать. Но зачем? Никакая, даже искренняя, благодарность (на что трудно рассчитывать в верхах) не может заменить самой власти. Власть нужно взять самому. А там, имея силу в Президиуме и в Политбюро, можно будет и на Совет Министров влиять так, как захочется. Очевидно, он приберёт к рукам всё, что оставил Брежнев: и главу Совета обороны, и маршалский жезл, и т.п. Но как же окружающие? Им это может совсем не понравиться. Но дело в том, что сыграет роль типично российско-ленинское холуйство. И вождю теперь все будут забегать дорогу.

Кроме того, он (сначала для виду) действительно будет всё решать коллегиально. За ним — КГБ, а это сейчас очень большая сила. Кое-кто из его руководителей мечтает, без сомнения, о большой власти, а возможно, и о проникновении в Политбюро, Президиум, Совет Министров, даже в Секретариат Политбюро.

Поэтому они сейчас поддерживают своего 69-летнего шефа, который нуждается в их помощи.

Наконец, сейчас такой упадок экономики, какого в мирное время ещё никогда не было. И никогда — в момент смены руководителя партии. Как видно по датам, смена руководителей всегда приходилась на период подъёма народного хозяйства в целом. Это мог быть период быстрого подъёма промышленности либо сельского хозяйства, или жизненного уровня масс, или обеспечения народа предметами потребления.

Так было в 1924 и 1953 годах. В 1964 году уже ощущалось начало упадка всей экономики, но пока что это было видно по снижению темпов прироста, резкому ухудшению качества и в 1962–63 годах — резкому ухудшению обеспечения сельскохозяйственными продуктами, до того даже, что хлеба не хватало. Но в 1964 году положение в сельском хозяйстве начало улучшаться, урожай был значительно лучше, и осенью положение стало более-менее нормальным. Возможно, это было одной из причин свержения Хрущёва, потому что боялись, что за счёт ощутимого улучшения жизни населения его авторитет поднимется, а, опираясь на этот авторитет, он снова разгонит их, как уже не раз делал раньше.

В 1964 году уже ощущалась инфляция, резко выросли цены на рынках в 1961–63 годах, этому, в частности, способствовала денежная реформа. Но, с другой стороны, начали платить премии, которых раньше не было, материальная заинтересованность как принцип уже действовала и ещё не успела превратиться в застывшую систему, как сейчас. Значительно возросло жилищное строительство, и тогда людям казалось, что лет через 15–20 с этим вопросом будет покончено и молодая пара, вступая в брак, тут же получит новую квартиру.

Ещё оставались мечты по поводу Программы 1961 года¹⁷, что если и не всё, то, во всяком случае, большинство выполнят. Да и времени немало — 20 лет. До войны, с 1921 по 1939 годы —

---

¹⁷ Имеется в виду Программа построения коммунизма в СССР, принятая на XXII съезде КПСС в 1961 г.

за 18 лет страна неузнаваемо изменилась. И это несмотря на сталинский террор. Сейчас его нет, и за 20 лет немало будет сделано в направлении превращения страны в коммунистическую. Так думали люди. И главное, они ещё верили в систему, думали, что, несмотря на никчемность руководителей, сама система преодолет всё и буквально заставит их шаг за шагом строить коммунизм. Последнее очень важно.

Вера в систему (у меня она окончательно развеялась только в 1958 году, точнее, к этому году) играла огромную роль в работе и мечтах людей. Веяние свободы (безмерное расширение свобод) по сравнению со сталинскими временами тоже давало искреннюю надежду, что в экономике и в политике всё в будущем обновится. Правда, это расширение было очень ограниченным (нет, нет — это был не ноль, никакие концлагеря и никакая ложь в соединении с индустриальным ростом не смогли при Сталине полностью уничтожить дух свободы). Особенно это ощущалось после войны, когда миллионы вернулись с фронта с надеждой, что теперь мир станет иным. Недаром Сталин уже в 1946 году приступил к террору, и с каждым годом эта ужасная кампания лжи и террора разрасталась, достигнув кульминации накануне смерти вождя. Правда и то, что в 1961–64 годах Хрущев потихоньку начал всё чаще пользоваться услугами КГБ; в 1961 году у нас на Украине уже некоторых даже расстреляли за всё тот же «буржуазный национализм». И всё же изменения в идеологии, политике, экономике были очень велики, хоть структура почти не изменилась. Но это мало кто видел. Видеть не хотели. А видели изменения. Про Хрущёва рассказывали анекдоты, его высмеивали, но ведь одно это давало чувство свободы, раскованности. Газеты и журналы резко критиковали руководителей всех уровней (конечно, с ограничениями: «Винницкая правда», как раньше, так и сейчас, обком и облисполком не трогала). КГБ отступил на третий план и был почти не заметен. Начались массовые поездки за границу, культурный обмен.

Вот таким был 1964 год.

Какой же он сейчас, год 1982? Можно было бы сказать оброчно: всё развитие сведено к нулю, а террор и роль КГБ поднялись до такого уровня, который являет собой потолок в послеста-

линские времена. Но это было бы преувеличением. Распад экономики ещё далеко не завершён, хоть и кажется — дальше уже некуда. Ещё есть в этом направлении большие и неиспользованные возможности, как у нас любят говорить. Но что уже сделано? С 1975 по 1982 годы исчезли из магазинов основные продукты: мясо (с января 1979 года мясные отделы повсюду полностью закрыты), масло (сначала дважды в день — утром и в 5 часов вечера, потом только в 5 часов, теперь, с ноября 1982 года, — три раза в неделю), молоко (бывает только утром, но ещё бывает и в бутылках днём, далеко не всегда), творог (теперь его почти не продают), колбаса (иногда дают варёную, копчёная давно и полностью исчезла) и ряд других продуктов (нет высококачественных сортов чая, нет таких сортов растительного масла, например, как кукурузное; нет даже чистой мелкой соли, соль продают, как коням дают: крупную и грязную, хоть это уже могло бы быть сделано, соли же хватает). А в других районах страны положение гораздо хуже. Рацион в Поволжье, на Севере, в Сибири — 200 граммов масла в месяц (7 граммов в день), во многих районах страны нет сахара, молока (так, в Архангельской области, в самом Архангельске, в крае, который всегда славился своими молочными продуктами, сейчас молоко детям дают только по рецептам врача). Ну, а мяса, кроме Москвы, Киева, Ленинграда и ещё некоторых городов, где тоже всё становится дефицитным, — мяса нет нигде. Куда же оно исчезло? А ушло в кооперативные магазины, где то же государство руками всё тех же мясников продаёт мясо в два-три-четыре раза дороже. Итак, страна приведена на грань голода. И народ всё быстрее убеждается в том, что без свободы нет хлеба. Эта мысль всё глубже проникает в душу народа.

Довести самую богатую в мире по площади пастбищ и пахотных земель страну — страну, которая, при лучших условиях, могла бы прокормить, кроме себя, ещё ряд стран, — привести такую страну в мирное время на грань голода — это свидетельствует лишь о том, что такой прогнившей, никчемной системы ещё не знало человечество.

Действительно, Россия, дикая из-за отсутствия свободы, отсталая в экономике, тюрьма народов с насквозь старым, крайне

реакционным строем — эта Россия вывозила хлеб и другие продукты. Знаменитый одесский порт был одним из самых больших в мире хлебных портов. Таким он стал и во времена Брежнева. Только раньше он был приспособлен для экспорта, а сейчас его пришлось переоборудовать под импорт того же хлеба. Это вывод. А анализ будет дан отдельно.

Промышленность. С 7–10% ежегодного роста во времена Хрущёва промышленность росла только на 6–7%, потом — на 5%. Я вспоминаю слова нашей же литературы в те годы про американский рост в 5%, что это так мало, что можно и ростом не считать. Сейчас и такой рост остаётся только мечтой. Сокращаясь от пятилетки к пятилетке, он упал до 3–4%, а с начала восьмидесятых годов — и до 2%. Что ж, в Америке или других развитых странах может вообще не быть роста, а в годы современных кризисов — даже сокращение производства. Но ведь в этих странах готовой продукцией обеспечены все потребности народного хозяйства и людей. Каждая новая потребность быстро удовлетворяется, потому что это даёт прибыль. А у нас — чем дальше, тем всё труднее удовлетворяются потребности не только новые, но и старые. На сегодняшний день это уже серьёзно коснулось еды, одежды, жилья, мебели. Поэтому рост в 2–3% никак не может удовлетворить даже самые острые потребности. Сейчас, при нехватке всего необходимого, чтобы за пятилетку удовлетворить самые необходимые потребности, нужно было бы иметь рост не менее 8–10%. В последние годы всё идёт как раз наоборот. Фактически остановился рост производства металла. В статистических данных или не приводятся те, что приводились полстолетия, — это выплавка чугуна и стали — или, если подаются, то это уже не рост, а сокращение до 99%. А именно металла настолько не хватает уже вторую пятилетку, что типичным явлением стали простои целых цехов, которые стоят в бездействии без металла. «Металл — это хлеб промышленности», — любили у нас повторять полстолетия. Конечно, это — фраза, хоть в ней есть определённый смысл. Хлеб промышленности — это вдохновение людей или хотя бы заинтересованность в результатах труда. Основа — это люди. И от того, как они работают, зависит почти всё. Но тогда на первый план вы-

ступает субъективный фактор? В то время, как нас всегда учат, что условия, особенно экономические, — это главное, это объективное, а субъективный фактор — это уже второстепенно. Итак, получается, что всё с ног на голову? Но на самом деле это не так. Просто сущность общества можно изучать по состоянию экономики и по тому, как работают люди, и даже по тому, как они проводят свой досуг. В каждой клеточке общества отражается его сущность. Структура и функции общества в конце концов отражаются в поведении людей, особенно в общественном поведении.

Но вернёмся к металлу. Нехватка металла — это следствие развала экономики в стране, которая вывозит железную руду и уголь и имеет самую большую в мире металлургическую промышленность. Достаточно увидеть только это, чтобы судить обо всём в целом. Даже ничего больше не зная про это общество, вы можете судить, хоть и грубо, приблизительно, но верно, судить — и как люди живут, как работают, как отдыхают, и даже о чём думают. Голод на металл — это очень серьёзная болезнь машиностроения, всё больше это отражается и на строительстве, и т.п. Интересно, что и производство пластмасс тоже начало сокращаться. Правда, за счёт экономии можно было бы улучшить положение. Этого требует бесконечное количество постановлений. Но к чему это сводится, особенно в последние годы, так это к ухудшению качества. Где только возможно и невозможно, металлические вещи становятся легче, тоньше, слабее. Но такая «экономия» только ухудшает положение.

Так что, даже по данным статбюро, когда оно эти данные ещё давало, производство стали и чугуна сокращалось на 1% в год. А вот данные по производству проката продолжают приводить. Однако прокат наш по качеству тоже ниже среднего уровня. А его производство по номенклатуре и его стоимость очень далеки от желаемого. Ещё несколько лет назад один из лекторов-экономистов приводил данные о том, что нам выгоднее покупать японский прокатный стан, чем производить свой. Это объясняется тем, что такой прокатный стан в четыре раза производительнее нашего, уже не говоря о качестве изделий. После десятков лет строительства газо- и нефтепроводов у нас, оказывается, нет труб для стро-

ительства газопровода Уренгой — Западная Европа. Надежда снова на Запад. Пойдём дальше. То есть, с металлом очень неблагоприятно. А как с энергией? Пока что, вроде, неплохо. Хотя экономия энергии дошла до того, что города вечером погружаются в темноту, лишь слегка разбавленную светом из окон и одинокими фонарями, но, казалось бы, энергии хватает. Цеха из-за этого не стоят, а в домах, хоть перебои частые, тоже всё более-менее нормально.

А как с добычей полезных ископаемых, в частности угля, нефти, газа? В европейской части Союза, как это неоднократно пишет наша пресса, в основном исчерпаны запасы полезных ископаемых и вырублен лес. Но это в целом. Донбасс даёт и сейчас почти треть угля Союза. Курск будет давать всё больше железной руды. Но это ненадолго. При таком темпе работ и этих запасов хватит ненадолго. И что тогда? Будут ввозить руду и уголь из Сибири. Во сколько это всё будет обходиться уже вскоре? Кроме того, и сама добыча требует всё больших затрат труда, потому что всё глубже должны копать, всё твёрже породы и всё тоньше пласты. Так, пласт донецкого угля сейчас составляет 70 см. Добыча требует переработки заново техники, технологии, навыков. А всё это — время и деньги. Экономия приводит к всё более частым авариям (конечно же, не одна экономия), к всё меньшему желанию активно работать и вообще работать. Когда-то шахтёр получал 600 рублей, при Хрущёве ещё ему срезали до 300. Конечно, это средние цифры, и отклонение от них может быть довольно значительным. Но сам факт резкого сокращения зарплаты говорит о том, что наши руководители думают, а ещё больше — хотят так думать, что скорлупа слов может заменить съедобный плод. Как итог — резкая нехватка кадров в угольной промышленности. Зато чем хуже экономическое положение, тем больше слов. Это тоже закономерность нашей системы. И это касается не только экономики в целом, но и её отраслей.

Конечно, если бы наши руководители думали про будущее, они бы не добывали в Донбассе по 200 миллионов тонн ежегодно и каждую пятилетку. Они подумали бы о том, что топливо, в конце концов, можно завозить из Сибири, а для металлургических заводов и химической промышленности его стоит сохранить. Пройдёт ещё немного времени, и Европейская часть останется практиче-

ски без топлива. Одна надежда на Сибирь, Крайний Север и атомные электростанции. Ещё недавно у нас так ругали капиталистов за то, что они, не думая о благе народа и охране окружающей среды, строят такие опасные для страны атомные электростанции. А каждая демонстрация протеста описывалась как воля всех народов мира против строительства таких безумных сооружений. А сейчас не только оправдывают такие сооружения, но и доказывают, что окружающая среда будет несравненно чище. А про массовые демонстрации зелёных против атомных электростанций в Западной Европе, про то, что американцы заставили правительство законсервировать строительство ряда атомных электростанций — про это сейчас ни гу-гу.

Нефть выручает, и газ тоже. Это не только топливо и облегчение домашнего труда, но и экспорт. Это валюта, за которую покупают новую технику, без которой просто невозможно существование нашей промышленности. И покупают продукты. Мы словно обмениваем кровь свою — нефть и газ — на еду. Но как долго это будет продолжаться? Сейчас разработки начались уже на Таймыре. А далее? Ледовитый океан. Может, и там начнут со временем добывать нефть. Но за счёт чего? Одно дело, добывать нефть в первом и втором Баку. И совсем другое дело — в болотах и тундре Сибири. Там, где сейчас добывают нефть и газ, только недавно появились электрички и некоторые дороги. А раньше на тысячу километров был край северных лесов и тундры. Сейчас добыча нефти обходится несравненно дороже не только из-за неосвоенности и отдалённости. Ещё дороже обходится доплата за отдалённость и суровость края. Конечно, там работают и солдаты, и эки. Но ведь основную работу их руками не сделаешь. Сотни тысяч молодых людей оторваны от армии строителей и брошены на эти стройки. Консервируются на годы уже готовые и разрушаются полуготовые строения в городах по всей стране. Зато развивают добывающую промышленность, чтобы иметь что вывозить и чем прокормить страну. А разве не лучше было бы этих же людей направить на строительство сельское? На строительство автоматизированных животноводческих комплексов, дорог, спорткомплексов, дворцов культуры и т.п.?

Но государство всегда, всю историю смотрит на промышленность в первую очередь и главным образом как на военную. А на всю экономику — как на фундамент для армии и будущей войны и как на источник прибыли. Мол, раз нефть и газ — источник валюты, то их и нужно развивать, пренебрегая многим другим. Но с каждым годом это обходится всё дороже. К слову, нефть стала неожиданно дешевле на мировом рынке, а думали, что цены будут всё расти и компенсировать растущую дороговизну её производства.

Но хватит. Тут всё ясно. Не стоит, очевидно, анализировать каждую отрасль промышленности. Остановимся на некоторых характерных чертах.

Огромная номенклатура изделий, особенно в машиностроении, сводит на нет все намерения плановых органов предусмотреть, сколько, кому и в каком количестве дать и кому произвести. Плановые органы растут, как грибы, но результат обратный — работают всё хуже.

Прошло два года правления нового генсека. Два года равнодушия, ожидания, вспышек каких-то изменений, надежд и разочарований... Можно ли эти дни сравнить с теми, которые были где-то после 1955 года? Нет, тогда всё было, по сути, ещё неизвестно. Сильная вера, недалёкая ещё революция, живы её участники... Надежды не строились на изменении системы. Верили в возможность её усовершенствования. 1956 год? Но тогда был ужас, словно человек шёл по светлой мягкой дороге, и вдруг кто-то сорвал покрывало, и человек увидел, что он идёт по трупам... Ужас, слёзы, возмущение — всё это охватило, как пламя, всю душу. И в ней сразу сгорела вся вера. У тех, у кого она ещё была. А таких было большинство. Если бы тогда была партия и были идеи — была бы революция. Часть людей продолжала верить и твердила, что это ложь, клевета или что Сталин ничего не знал — всё делали за его спиной. Но большинство, особенно молодёжь, были полны гнева и омерзения.

Достаточно ли этого для революции? Достаточно при трёх условиях: есть революционные традиции — а это привычка не терпеть, когда тебя нестерпимо жжёт совесть. Так было в июне 1848 года,

в марте 1871 года во Франции. Людям плюнули в лицо, бросили вызов. Российский человек вытер бы и пошёл дальше. Французы восстали. Восстали в условиях, когда никаких шансов на победу не было, а поражение — смерть. Так что первое — это традиция нетерпения, вернее, не терпения, традиция всегда поднимать брошенный тебе вызов, не терпеть, а сразу же вступать в самую решительную борьбу. Даже рискуя жизнью. Такой традиции у нас не было. Когда-то на Украине в XVI, XVII, XVIII столетиях она была. И думаю, что борьбу украинского народа в течение этих трёх столетий — борьбу с поляками, турками, татарами и Россией — в мировой истории сравнить просто не с чем. На каждую экономическую угрозу — восстание. Не успевало кончиться одно, как наступало второе, даже так бывало. И так три века. С 1490 года до 1768 года. От восстания Мухи до Колиевщины. Далее тоже были восстания, но изредка, и они носили локальный характер. Но почему же вся Украина одновременно не поднялась, когда был издан указ 1783 года о закреплении её крестьян? Ведь с 1648 года целое столетие на Украине были лишь жалкие руины феодального строя. Малейшее намерение его восстановить вызывало немедленное восстание. Ни Россия, ни Польша не в силах были преодолеть даже разодранный на части народ. Почему молчали и в XIX столетии?

Село неначе погоріло,
Неначе люди подуріли –
Німі на панщину ідуть,
І діточок своїх ведуть.

Так не мог бы написать российский поэт. Для него это обычная картина. Терпение к власти, вера в доброго правителя — самые главные черты типичного россиянина. Даже в песнях народных не было в России героических воспоминаний, образов борцов за свободу. Да и откуда им было взяться? А весь украинский фольклор так и пылает глубокими социальными чувствами. И каждый раз обращается в песнях и думах к своему героическому прошлому. Было к чему обращаться.

Вот почему Шевченко с удивлением и возмущением смотрел на родной народ — почему же он терпит? Почему не восстаёт?

Ведь с 1768 года до 1905 года восстаний, которые бы охватывали всю Украину, не было. Если бы кому-то в 1768 году сказали на Украине, что это последнее большое восстание и что таких больше не будет более столетия, — он бы не поверил. Три столетия на украинский народ привыкли смотреть как на народ чрезвычайно революционный. Лишь с героической борьбой голландского народа против испанского феодального гнёта можно в полной мере сравнить Украину этих веков. Действительно, голландцы осуществили что-то удивительное, невероятное — побороли могучую испанскую монархию и добились свободы. И до сегодняшнего дня это вызывает удивление. Потому что даже в Европе ничего подобного не было ни до, ни после этого. Хотя чего только в Европе не случалось.

И всё же Украине было тяжелее. Там 30 лет. Тут 300 лет. Там непрерывная помощь Англии. Тут — никакой помощи. Там — одна Испания. Тут три могучих тогда хищника: Россия, Польша, Турция. И всё же, я убеждён, Украина и в таких невероятных условиях победила бы. Очень уж красиво и упорно бились восставшие, разбивая лучшие европейские армии. Очень упорным был весь народ. И наконец... но тут между казаками начался раскол. Начало положил Богдан Хмельницкий в 1654 году, когда пошёл, хоть и на формальное, но объединение с Россией. Ему казалось, наверное, что стоит разбить ненавистную Польшу с католицизмом, и Украина станет настолько могучей, что этот союз сам собой разорвётся. Но уже через несколько лет на Украине начали убеждаться, что Россия с Польшей даже в российских землях воюет руками украинских казаков. Если бы не тысячи и тысячи казаков, посланных на помощь России далеко на север от Украины, — российская армия неминуемо была бы разбита поляками. И тут началось. Россияне всё больше и больше вмешивались в украинские дела, начали обкладывать огромными налогами украинский народ, захватывать даже земли. Часть казаков с Дорошенко выступили против наступающего российского гнёта. Но с кем объединиться? Дорошенко объединился с турками. До того и позднее объединялись и с поляками. Теперь часто казаки, вместо того, чтобы бить своих врагов, били друг друга... Они, наконец, помогли России за-

хватить половину, а потом и всю Украину. Они помогли разбить шведов, а потом — и Турцию в ряде войн. Но свою собственную свободу так в конце концов и потеряли. Восстания, которые поднимались одно за другим в XX столетии, уже подавлялись объединёнными армиями Польши и России.

Так почему же, когда вся Украина (кроме Галиции) была захвачена Россией и официально было установлено крепостничество, украинский народ сразу не восстал? Это тема специального исторического исследования, которое должно охватить все аспекты жизни — от моральных до экономических. А я в целом думаю так. С разгромом Турции освободились огромные территории южной Украины и Кубани. Массы украинского общества, которое всё больше (но не сразу) попадало в цепи крепостничества, бежали на юг и заселяли эти плодородные бескрайние поля. Социальное сопротивление сразу резко ослабело. Вторая причина — моральная и физическая усталость народа от 300-летних почти непрерывных восстаний и войн. Третья — ликвидация Запорожской Сечи в 1775 году. А ведь она 200 лет была центром или поддерживала все восстания не только на Украине, но и в России. Одновременно ликвидировали (с 1765 по 1783 годы) казачество — движущую силу украинских восстаний. Четвёртая — что весь этот процесс происходил одновременно, но был растянут на годы. Автономия Украины была отменена лишь в 1783 году. А уже в 1861 году крепостничество было ликвидировано.

Так или иначе, а традиция начала временно ослабевать. В 1905–1917 годах она снова возрождается. В 1921 году начинается её новый и ещё более тяжёлый упадок. Но всё это было связано с неслыханным в истории человечества массовым террором и всё той же российской верой в доброго правителя...

Итак, традиция, давняя и крепкая на Украине, в России начала появляться в 1905–1917 годах. Но для традиции ещё нужны активные носители. А они в основном были перебиты в сталинские времена. Чтобы возродилась традиция и появились активные люди, нужно было время. А, как показал ход дальнейших событий, — его как раз и не было. Гнев и возмущение 1956 года — хорошая движущая сила. Но куда же двигаться? Не было новых

идей. Не деструктивных. Этого всегда мало. А конструктивных. Они только начинали зарождаться. А их ещё нужно было осмыслить и распространить среди миллионов людей. Но как распространить? Зарубежные радиостанции ещё, по сути, не работали. Вести из-за рубежа, которые могли бы принести такие идеи, до нас не доходили, потому что мы всё ещё были наглухо закрыты от всего мира и имели только свою правительственную информацию. Правда, можно было бы наладить и свою подпольную информацию, но на это тоже нужно было время.

Третья причина того, что гнев 1956 года не перерос в восстание, — это надежда на то, что если партийные деятели сорвали покрывало сами, то они пойдут и дальше, и с годами всё может мирно измениться. Если же не пойдут — их заставит народ. Ведь была осуждена роль НКВД в массовых репрессиях, и КГБ был поставлен под партийный контроль. Кто же сможет помешать народу? Армия? Но ведь и армия была официально поставлена под партийный контроль. Словом, была огромная иллюзия по поводу теперешнего единства партии и народа. Точнее, не столько единства партии, сколько новых партийных деятелей.

Четвёртая причина — отсутствие оппозиционно оформленных групп, настроенных революционно и готовых к революционному действию. Таких активных групп не существовало. Так что не за кем было идти.

Если подвести итог, то он прозвучит так: для революции необходимо несколько условий:

- наличие революционной традиции;
- наличие организованной революционной силы;
- наличие революционной идеи, обязательно конструктивной;
- жгучее ощущение миллионов людей, что дальше так жить невозможно.

Из всех этих причин в наличии была лишь четвёртая и начинала возрождаться первая.

Вот почему в 1956 году так ничего и не было.

1982–1984 гг.

ПОЧЕМУ НАСТУПАЕТ ЗАСТОЙ, УПАДОК И ДАЖЕ РАЗВАЛ ЭКОНОМИКИ И ВСЕЙ ЖИЗНИ

Периоды революции мы не считаем. Революции не до здания, её интересует только фундамент. Его она разрушает и закладывает новый. А дом в это время приходит в запустение и даже превращается в руины. Поэтому от революции нельзя требовать улучшения жизни, это не её дело. А вот как в обычное время наступает упадок?

Дряхление общества: окостенение традиций, их господство, подбор самых преданных традиции людей — чем правее, чем консервативнее, тем лучше, серость — любимый цвет.

Нежелание людей работать — 1970–80 годы — это сильнее любых забастовок, ибо невидимо, всеобщее и ненаказуемо. Можно заставить работать, но нельзя заставить работать хорошо. А чем более производительен труд человека, тем сильнее отсутствие качества вредит производству. Поэтому с быстрым ростом технического вооружения так же быстро возрастает и разрушительная сила от нежелания работать. Возрастают простои, аварии, катастрофы, просто срывы ритма. Поэтому возрастает необходимость у предприятий создавать сверхнормативные фонды, своего рода запасы на чёрный день. Ликвидация же таких запасов ведёт к резкому возрастанию угрозы простоя, разрыва в цепи, накопления завала, гибели грузов в одном месте и остановки производства в другом.

ПОЧЕМУ НАША СТРАНА ДОШЛА ДО КРИТИЧЕСКОГО УРОВНЯ РАЗВИТИЯ?

Наша страна дошла до критического уровня развития. Это сейчас признают если ещё не все, то большинство. В чём это выражается?

Начнём с экономики. Стиснутая окаменевшей централизацией, экономика деградирует. Даже чисто формальный количественный прирост за последние десятилетия неуклонно снижался, пока в 80-е годы в промышленности не упал до самых низких показателей за последние 65 лет, а в сельском хозяйстве рост за последние десятилетия фактически прекратился. Но даже эта жалкая декорация из отчётных показателей лишь прикрывает ужасающую картину настоящего экономического развала. Можно сказать о точной дате начала этого процесса, но это зависит от того, какие показатели брать за исходные. Если исходить из темпов количественного роста промышленности, то уже с 3-й пятилетки наблюдается их резкое снижение; подъём был после войны, а со второй половины 50-х годов эти темпы неуклонно снижаются, приближаясь к нулю. Что это отнюдь не связано с изобилием, знают все.

Все попытки остановить этот процесс падения темпов роста, предпринимаемые разными людьми на разных этапах и даже разными методами, от стимулирования кнутом до печатных пряников, — пока не дали никаких результатов. Создаётся впечатление, что процесс носит необратимый характер.

Однако рост качества мог бы компенсировать падение количества, хотя, очевидно, не во всём. Так, улучшение качества квартир не компенсируется сокращением их строительства. Так и килограмм хорошей колбасы не заменит 10 килограммов плохого мяса.

И всё-таки, с развитием производства его качественная сторона приобретает всё большее значение, в развитых же странах мира качественные изменения ряда отраслей дают возможность не только стабилизировать, но даже сокращать производство. Так, в США в 80-е годы не только не наблюдается роста, но заметен резкий спад производства стали. Однако страна полностью обеспечивает себя металлом за счёт его износоустойчивости, качества пластмасс и керамики, поднятых до уровня металла.

Но как раз качественная сторона производства в нашей стране пострадала несравненно сильнее количественной. Даже наши официальные данные теперь признают, что в конце месяца, квартала, года на многих предприятиях брак доходит до 90–100%. Иначе говоря, в мире отчётов в это время наблюдается даже заметный рост, а в реальном мире нет не только роста, но и самих товаров. За последние 30 лет качество промышленных изделий неуклонно снижается. И если в нормальном хозяйственном механизме существует диалектическое единство стоимости и потребительской стоимости товара, то у нас оно давно нарушено. Всё больше теряя свою полезность, производимый продукт или с самого начала не может выполнять свои функции, или очень быстро их теряет. Вместе с потерей потребительской стоимости теряется вся стоимость вещи, превращающейся в хлам и требующей немедленной замены. Это дестабилизирует всё производство, заставляет его работать рывками по мере поступления новых партий такого же неполноценного сырья. В свою очередь, сырьё и полуфабрикаты неизвестного качества вызывают неуверенность предприятий в условиях своей предстоящей работы.

Отсутствие должного качества приобретённого товара заставляет человека тратить деньги, время, нервы на извлечение той доли полезности, которая ещё осталась — не в процессе потребления товара, а в процессе его производства из недоброкачественного сырья — в купленных им у государства вещах. В настоящее время во многих предметах потребления остались буквально крохи полезности. Так, если лампочка раньше горела годы, то сейчас её век укоротился в десятки раз. Если когда-то электроприборы работали до их полного морального или физического износа почти

или даже совсем без ремонта, то ныне они требуют ухода, как дети в яслях, сразу после начала их функционирования. Полезность испаряется буквально на глазах.

Многотысячная армия специалистов в белых халатах занимается реанимацией безвременно скончавшихся электроприборов. Но ясно, что тот, кто попал в реанимацию, долго не протянет. Такова вся среда производства средств потребления. Такова же и вся сфера услуг. При этом наблюдается интересное явление — вещи отражают неуклонный упадок экономики: чем они моложе, тем хуже, но дороже. Из отраслей народного хозяйства, вероятно, белой вороной выглядит транспорт, который почему-то все ругают. Если бы на транспорте творилось то, что и в промышленности, пришлось бы сбрасывать под откос один поезд, чтобы пропустить другой, как это уже было в первую мировую войну. Но и транспорт всё сильнее задевает процесс деградации. Системой стали опоздания поездов, разворовывание и исчезновение целых вагонов, а временами куда-то пропадают и грузовые поезда. Крушения и аварии становятся всё более частым явлением на всех видах транспорта. И здесь принимаемые меры дают в лучшем случае лишь временные результаты, а затем деградация продолжается ускоренными темпами.

Особенно тяжело распад отразился на сельском хозяйстве. Уже лет десять здесь практически нет роста. Даже по официальным данным. И даже того, что собирают, а не того, что попадает на стол. А население, хотя и медленно, но растёт. Потери сельскохозяйственной продукции на пути к столу тоже растут, доходя до 40–60% по овощам. В результате ежедневный стол становится всё беднее. Уже многие годы растущий недостаток количества и здесь пытаются компенсировать ухудшением качества: молоко продают только обезжиренное, как и сыр, сметану, даже масло. Через год можно будет отметить своеобразную годовщину ликвидации почти во всех городах страны мясных отделов в продовольственных магазинах. Но исчезло мясо из магазинов, конечно, гораздо раньше. До чего же должен был дойти развал хозяйства в стране, чтобы в мирное время в ней выросло поколение людей, не видевших в магазинах мяса?!

В рационе большинства населения преобладают мучные изделия, жиры и картофель, то есть как раз то, что занимает скромное место на Западе. Естественно, всё это тяжело отражается на состоянии здоровья людей.

Но ещё страшнее, а в некоторых районах и трагичнее, влияет на здоровье населения надвигающаяся экологическая катастрофа. Об этом пишут всё чаще, но тут уже не писать, а кричать надо. Кричать так, чтобы слышал каждый гражданин страны. Потому что завтра уже может быть поздно. Здесь надо действовать всем — и действовать немедленно. Наступают необратимые процессы в земле, воздухе, воде. За последние 60 лет громадные массивы самой плодородной земли превращены в бесплодные солончаки, затоплены, заболочены, съедены эрозией. Часть земли на Украине, в Белоруссии, Прибалтике — и никто не знает, какая — заражена радиацией. Между тем, атомные электростанции продолжают строить, да ещё в самых густонаселённых, самых плодородных районах Украины. Строить с тупым упрямством. Строить, несмотря на страшный урок Чернобыля, за который десяткам миллионов людей придётся расплачиваться, по крайней мере, триста лет! Если, конечно, народ сумеет пережить свои атомные электростанции. А зачем их нагромождают одну за другой на Украине? Разве на территории Союза мало отдалённой, безлюдной земли? И разве мало у нас угля, нефти, газа? Почему почти совершенно не используются неисчерпаемые источники энергии ветра, приливов, земных недр, солнца? Разве нельзя, например, создать в Средней Азии и Казахстане целую систему геотермальных электростанций? Вряд ли затраты на эту систему будут больше, чем строительство атомных монстров, каждый из которых представляет собой дамоклов меч, нависший над жизнью и здоровьем миллионов людей.

Так для чего строят на Украине новые атомные гиганты? Для экспорта энергии в ФРГ и Францию, где в настоящее время, в связи с противодействием народа, всё труднее развивать атомную энергетику, где строительство ряда АЭС уже законсервировано. А ведь известно, что у нас используются устаревшие технологические схемы, давно отвергнутые на Западе, у нас нет желания хорошо работать, у нас чудовищные расхлябанность и пьянство, у

нас традиционными являются взгляды: «цель оправдывает средства», «за ценой не постоим», у нас гонка и показуха. Как можно в таких условиях балансировать на острие ножа? Но именно это явление — необдуманное строительство АЭС — особенно наглядно показывает полное пренебрежение нашей системы к началу всех начал и мере всех ценностей — к человеку.

Рассмотрим саму эту систему со стороны управления ею экономикой.

1989 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ВНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Система, которая возникла у нас в момент революции, была создана как временное явление, но осталась навечно. Политические руководители революции в октябре 1917 года вырвали власть у буржуазии — сначала политическую и частично экономическую, затем и всю экономическую, обещая передать её народу. Для этого и была создана диктатура (только не пролетариата, её никогда не было, да и по сегодняшний день никто не знает конкретно, что это такое), создана только для момента передачи власти из рук эксплуататоров в руки угнетённых. Но так как на самом деле никто не собирался эту власть передавать народу, то диктатура осталась, но диктатура, направленная против народа. Вначале было голое внеэкономическое принуждение, опирающееся на насилие и веру, оба эти фактора обычно шествуют рядом. Одно насилие без веры может ещё держаться на традиции, связанной с характером и историей народа, но всё равно долго это продолжаться не может. И наоборот, если есть массовая слепая вера, то обязательно существует и массовое насилие и его крайняя форма — террор.

Так было и у нас с октября 1917 года. Залпы, которые то реже, то чаще, нередко сливаясь в сплошной гул, гремели непрерывно до смерти Сталина, — эти залпы по расстреливаемым людям были звуковым оформлением слепой веры, а в конце жизни Сталина частично и проявлением традиции — скорее, чем веры. Традиции покорно терпеть и безропотно выполнять всё, что велит начальство, — эти традиции характерны для русского народа. Традиция перед лицом величественного и всемогущего государства смотреть на себя, как на червяка или винтик — в зависимости от уровня технического прогресса.

Итак, в октябре 1917 года двоевластие кончилось, но не в пользу Советов, как думали многие, в том числе почти все члены партии, а в пользу партийной верхушки. Разумеется, с Советами сразу не покончили, да и не могли это сделать, ибо проиграли бы Гражданскую войну. Да и партийные организации имели огромную самостоятельность, и, собственно, во всём, кроме общих вопросов, были полностью независимы. Широкая инициатива открыла огромные возможности, а они придали двойную, тройную силу молодой Красной Армии, молодым Советам и партийным организациям на местах. Но так было недолго. Уже после разгрома Деникина с Советами начинают считаться всё меньше. Государственный аппарат — от комиссара до директора завода — всё больше оттеснял в сторону рабочие Советы. Ну, а армейские — под лозунгом: «Долой партизанщину, даёшь дисциплину!» — и вовсе были ликвидированы гораздо раньше. Восстание в Кронштадте 1921 г. и подобные ему восстания 1920–21 гг. — всё это проходило под лозунгом: «За Советы, но без коммунистов!» Почему? Да потому, что коммунисты олицетворяли собой внеэкономическое принуждение, насилие, ликвидацию завоёванных революциями (точнее, Февральской) свобод. А Советы представлялись как раз олицетворением, воплощением этих свобод. Впрочем, лидеры, захватившие власть, не решались формально порвать с Советами. В то время это было очень опасно, слишком силён был революционный дух у народа, слишком много у него было активных лидеров, слишком слаб был государственный аппарат, и даже в армии были слишком свежи воспоминания о былых свободах. Да и за что терпели три года не только ужасы Гражданской войны, но и всё более наступающую дисциплину, подчинение без рассуждений, всё более ограниченную свободу? Только ради того, чтобы в мирное время эти свободы пышно расцвели, только ради того прекрасного рая, который, как верили все, ждал людей сразу за порогом войны.

Пришлось с этим считаться и оставить Советы, но лишь как форму, из которой постепенно убрали содержание. Когда Советы приняли тот вид чиновничьего аппарата, который, по сути, ничем не отличается от тех 100 тысяч столоначальников, правящих, по

словам Николая I, Россией? Когда это произошло? Трудно сказать, это требует специального исследования. Но уже в «трудах» Сталина периода 1924 года открыто сказано, кто должен править страной. Разумеется, те, кто лучше всех понимает нужды народа, — партийные вожди. Диктатура пролетариата — это, в сущности, диктатура партии, — заявил во всеуслышание этот маньяк власти, может быть, самый страшный, самый страстный поборник абсолютно ничем не ограниченной власти и одновременно самый холодный палач из всех, которых когда-либо родила человеческая мать. Правда, он сразу же заявил, что диктатура партии — это не диктатура вождей; но что это такое, если тут же пишется, что вожди нужны и что вождь видит дальше, понимает лучше и т.д., чем народ. Итак, если уже в 1924 году было открыто сказано, что диктатуру никто в ближайшее время не собирается отменять, что это есть и будет партийная диктатура и что вождь партии олицетворяет собой всю мудрость и все чувства народа, то это значит, что к этому времени реальная власть Советов перед лицом партийных чиновников была уже почти сведена на нет. А сами Советы превращались из законодателя и исполнителя только в исполнителя, мало того, в исполнителя чужой, а не своей воли. Но если в России уже в 1924 году, всего лишь через 8 лет после Февральской и 7 лет после Октябрьской революции (которую точнее было бы назвать большевистским переворотом), если так скоро можно было вернуться к старым временам в их худшем варианте, то значит, в России были для этого предпосылки.

Итак, в России в годы Гражданской войны всё более утверждалось внеэкономическое принуждение. Но на голом насилии новую экономику не построишь, хотя и можно выиграть войну. Пришлось в 1921 году уступить часть экономической власти (очень значительную) экономическому принуждению. НЭП быстро поднял страну на ноги. Окрепнув, страна действительно могла бы быстро расцвести, если бы партийные вожди не испугались, что потеряют слишком много власти, а потом, может быть, и всю власть, хотя бы за простой ненужностью. Действительно, если в стране всё хорошо и жизнь становится из года в год всё лучше, то зачем тогда партия — это орудие насилия, зачем диктатура, за-

чем ограничение свобод? Почему нельзя обойтись без партии и без диктатуры? Это одна из причин того, что партийных диктаторов всегда тянет к военным и экономическим авантюрам, которые показали бы народу, что выйти из создавшегося трудного положения он может лишь с помощью партии, точнее, её вождей. Вот почему, пока будет существовать это чудовище — партийная диктатура, до тех пор народ будет всё время бросать из стороны в сторону, как экипаж корабля, которым руководит пьяный капитан. Насилие во всём: это военные, экономические, культурные, национальные и даже научные авантюры. Основная часть труда народа растрачивается впустую вот на такие авантюры. И если раньше народ терпел все эти авантюры, веря в то, что в конце концов из них что-нибудь путное да получится, в последние два десятилетия он окончательно потерял веру во всё, кроме одного — что это дикое правление в состоянии обеспечить ему мир. Почему народ до сих пор терпит такое ненормальное состояние своей жизни и почему он думает, что такое издревле агрессивное, захватническое государство, как российское, может обеспечить мир, — это уже отдельная проблема. И она требует специального исследования.

Итак, НЭП сделал своё дело, и, например, на базарах Украины в 1927 году только птичьего молока не было. Но тут началась новая «реконструкция»: сначала отобрали все предприятия у частных, а затем и почти всю землю у крестьян. В городах скоро началась полуголодная, а затем и голодная жизнь, появились карточки, а в селе — настоящий голод и смерть — на Украине особенно, а также и в Казахстане и других районах России — многих миллионов людей от голода. Массовое людоедство. Ничего подобного Украина не знала за всю свою обозримую историю, даже во времена нашествия монголов народ мог где-то спастись. А здесь был геноцид. Как в Кампучии, уже в наше время, где партийные «красные кхмеры» уничтожили всего за несколько лет 40% своего народа. Кто думал, что на Украине — одном из богатейших сельскохозяйственных районов мира, житнице России в течение столетий, важнейшем промышленном и высококультурном районе её, кто думал когда-либо, что люди будут хвалиться тем, что именно в их селе — в отличие от всех окружающих — людоедства не было.

А ведь мне это пришлось слышать, наряду с жуткими подробностями массового вымирания людей и людоедства. Почему люди молчали? Потому что они были ослеплены? Традиционно покорны? Поведение народа в конце 20-х — 30-х годах до сих пор полно неясностей и вызывает множество споров. Это уже тема для отдельной работы.

Сформулирую в виде тезисов своё мнение. На первом месте я бы поставил традицию. Она не была преодолена до конца даже в результате трёх революций. Народ не вышел ещё из детского возраста: послушание старшим, наивная или слепая вера в их могущество и в то, что начальство думает о народе и стремится к его благу. У ребёнка все эти черты умиляют, у взрослых — смешны. Но смеяться некому, ибо так думает и чувствует весь народ. И тогда это становится трагичным. Над взрослым ребёнком потешается любой желающий, его заставляют в поте лица работать и в выходные дни, и сверхурочно, уверяя, что труд — для его же блага. Его принуждают выполнять бессмысленную, грязную или подлую работу, уверяя, что и это делается в интересах «великих целей». Его приучают смотреть на себя как на солдата, дело которого не рассуждать, а выполнять приказание. Наконец, его, для его же блага, расстреливают, а он, веря в высшую мудрость начальства, кричит: «Да здравствует Сталин!»

Когда же люди повзрослеют? Наверное, тогда, когда станет очевидным (если не всем, то большинству), что его полстолетия попросту обманывали и что эта система не приведёт к раю или хотя бы к нормальной человеческой жизни. Но возможна и другая, более ужасная альтернатива. Это деградация общества отличается от предыдущих тем, что деградирует весь народ в целом и каждый в отдельности. Не может ли это, в конце концов, привести к потере человеческого лица настолько, что люди перестанут быть людьми, а превратятся в роботов, в дрессированных животных, а затем и вообще — в двуногие растения. Думаю, что успехи науки не исключают возможность такого воздействия на организм социальных и биологических факторов. Во всяком случае, мы к этому идём. Интуитивно или осмысленно, каждый государственно-партийный муж стремится именно к этому. И в какой-то

степени этого уже удалось достичь. Степень эта пока ещё очень мала. Но общество уже охвачено каким-то оцепенением, безразличием к общественным проблемам, слабой реакцией на всё, что непосредственно и сильно не затрагивает собственные интересы, на всё, что выходит за рамки семьи, узкого круга друзей или просто своего «я». Можно трактовать это иначе — по закону отрицания отрицания — как вторую стадию процесса. Вчерашняя увлечённость сменилась апатией, вчерашние лозунги и атрибуты этой системы теперь онемели: они есть, и масса есть, но между ними нет никакой связи — ни прямой, ни обратной. А завтра? Снова увлечение, порыв, самоотречение, но уже во имя других целей, лозунгов и атрибутов? Может быть, и так. И всё-таки возможность необратимых изменений внутри общества исключить нельзя. Иначе все общественные построения одного типа были бы совершенно одинаковы в различных странах, а ведь они различны. Даже буржуазная система в англоязычных странах имеет очень заметные различия, тем более это касается типа американца, англичанина, австралийца, канадца. Социальная печать наложила свой долгоживущий след.

Итак, традицию можно поставить на первое место. На второе — террор. Террор тоже может стать привычным, как лютый ветер зимой. Конечно, не такой террор, как в 1929–38 годах — это уже был не просто террор, а геноцид. А геноцид долго продолжаться не может. Общество начинает разрушаться (у нас его ещё спланировала до поры до времени слепая вера), а производство — замирать. Начинается голод и дефицит самого необходимого. А в этом случае даже самый тупой народ в конце концов приходит в отчаяние. Террор уже не порождает страх. Но вот террор типа 1946–53 годов может продолжаться долго. Здесь гибнут тысячи, десятки тысяч, может быть, и сотни тысяч, но не миллионы. Для нашей же страны лишь гибель миллионов есть геноцид. А когда гибнут сотни тысяч, то это даже не сокращает до нуля прирост населения. К тому же следует учесть и тут фактор традиции. Со времён Ивана Грозного народ так приучили к массовой гибели значительной части населения в результате террора, войн, эпидемий и голода, что это периодическое громадное кровопускание стало как будто при-

вычным. Всегда можно сказать: «Теперь плохо? Но ведь когда-то было ещё хуже». Даже сейчас наша печать — с одной стороны и старики с другой твердят: лет 70–80 назад было ещё хуже. Ужас войны и оккупации оставил в народе тоже неизгладимый психологический след. И до сих пор у нас с помощью пропаганды всё время вспоминают прошлую войну и говорят: лишь бы был мир, а всё остальное приложится. Это чрезвычайно выгодно такому ничтожному правительству, как наше. Вот почему нагнетается и другой страх — перед войной.

Таким образом, на третье место можно поставить пропаганду. А в ней, фактически на первом месте (по влиянию на население), — внушение народу страха перед войной. Казалось бы, это не так. Ведь в пропаганде, затемняя всё остальное, стоит на переднем плане пропаганда партии и правильности её решений. Но влияние партии по сравнению с её чудовищным, всё подавляющим размахом слабо и падает с каждым годом. Другое дело — пропаганда страха перед войной. Её размах просто несравним с пропагандой партии как единственно возможной опоры общества. Но влияние обратно пропорционально. Здесь почти все верят официальной пропаганде, ну а в то, что партия только и думает о народе и ведёт его к светлому будущему, — уже не верит почти никто. Нелогично, не правда ли? Если официальная пропаганда вся направлена на апологию партии, то это мало и всё меньше влияет на массы. Если значительные усилия направлены на отрицание Запада и «буржуазной» (то есть, общечеловеческой) демократии, то этому верят гораздо больше. А если речь идёт о том, что наше государство борется за мир, — этому верят почти все.

ПАРТИЯ НА ПУТИ К БУДУЩЕМУ

(Письмо в редакцию)

Уважаемые товарищи!

Хорошо, что подняли вопросы, которые уже полстолетия считались «навсегда решёнными». Правда, центральная пресса уже год как рассматривает их. Снова у нас на Украине долго ждут: «А что же Москва скажет и последнее ли это её слово». И всё же, и до нас дошли сдвиги.

Статья И.Клямкина «В борьбе за социализм» содержит ценные и малоизвестные широкому кругу читателей факты по поводу «достижений в национальной политике партии». Конечно, нужно было бы обобщить сказанное выводом, что вся национальная политика Сталина имела целью снова создать в России тюрьму народов и, опираясь на великодержавный шовинизм и антисемитизм, создать в стране ничем не ограниченную диктатуру партаппарата — и прежде всего, свою. Сталин создал в нашей стране режим мафии, в котором все законы в каждом конкретном случае действуют только тогда, когда это выгодно банде или, по крайней мере, не нарушает её интересов. Внутри же самой банды ни один из этих законов не действует, действуют свои законы — законы банды. Если за нарушение официально существующих законов член банды в худшем случае может переместиться из одного кресла в другое, то за нарушение законов мафии он рискует заплатить своей жизнью. Самое ценное для мафии — бескорыстная и слепая преданность её вождю. Она объединяет всех вокруг него.

Верно ли то, что социализм показал свою полную несостоятельность, потому что всюду одно и то же? Итак, бестоварное, без рынка производство невозможно. Индустриальное общество не может существовать без рынка и т.п. Значит, социализм — утопия. Но откуда это известно? Мол, практика показала. Можно по-

думать, что социализм вырос из капитализма, рос, рос и показал, что ничего, кроме диктатуры и нищеты он породить не может. Но ведь всё было наоборот. Сначала установилась диктатура, а уже потом она приспособила экономику общества для своих потребностей. Не социализм породил принудительный труд, а диктатура. У нас никакого социализма никогда не было, и что это такое, мы просто не знаем. Откуда же можно делать выводы, что социализм потерпел крах или наоборот, что нам нужно больше социализма? Другое дело, что массовый принудительный труд, государственная собственность и т.п. диктатуре более выгодны, чем частная собственность на орудия труда и средства производства. Потому что тут неминуемо возникает борьба с диктатурой (пусть не сразу — Гитлера же терпели, даже поддерживали), но частная собственность, в конце концов, должна привести к гибели диктатуры. Только когда? В Латинской Америке частная собственность и капитализм существуют полтора столетия, но до сих пор ещё есть некоторые диктатуры. Скажут: потому что там капитализм не в чистом виде, существует помещичья собственность на землю. Тогда почему же капитализм с ней мирно сосуществует так долго? Скажут: они были полуколониями. Так почему же не освободились, как Япония, например?

Думаю, что там, где нет демократических традиций, где веками была жестокая или более милосердная, но диктатура монархов, там трудно развиваться демократии. Нет демократических традиций, навыков. Мы от сталинизма не можем уже 36 лет освободиться ни в мыслях, ни в литературе, ни в традициях. Да и как же можно было освободиться от тысячелетней самодержавной идеи за 36 лет?

Автор И.Клямкин очень смело выступает за переход к товарному производству. В действительности на настоящее, свободное товарное производство партия никогда не пойдёт. По крайней мере, пока у неё в руках будет реальная власть. А с другой стороны, если народ, который не имеет демократических традиций или утратил их, не владеет навыками экономической и политической борьбы, не имеет фактически никакого опыта ближе, чем за 70 лет, — если такой народ бросить в стихию товарного произ-

водства, это значит бросить его на растерзание ловким дельцам и правящей мафии. Они очень скоро начнут срачиваться: у одних власть, у других — деньги. Это показали и Кавказ, и Средняя Азия, и Москва. Что же будет? В одних руках будет аппарат насилия, в других — деньги, а народ будет без власти и без денег.

Сейчас можно было бы партию отменить, распустить. Никто, кроме коммунистов, этого бы не заметил. Партия ещё во времена Сталина стала фикцией. Но тогда была искренняя вера сотен тысяч, а потом миллионов коммунистов. Но тогда верили не они одни. Верили почти все, даже родственники арестованных, даже за колючей проволокой концлагерей пытались действовать как коммунисты, писали письма Сталину и т.п. При Хрущёве эта вера, уже подорванная после войны самим вождём, начала развеиваться, но сразу же исчезнуть не могла — ведь появилась Программа, свобода, о которой раньше только мечтали. Ещё миллионы едут на целинные земли, на строительство новых гигантов, каналов и т.п. Где-то до 1970 года ещё теплилась надежда, а перед 70-м годом, уже в 1968–69 годах вера полностью развеялась: Программа, которую все знали, ни на йоту не была выполнена. Вот уже тогда, в 1970 году можно было распустить партию. Тем более, возобновились репрессии, возрождение культа Сталина, элита распустила себя как никогда.

Да, партию можно было бы сейчас упразднить. Но, оказывается, она нужна. Зачем? Чтобы говорить от её имени.

06.04.1989 г.

ДЕФИЦИТ ПРАГМАТИЗМА

Дефицит прагматизма — «остаёмся мечтателями». Что ж, верно. Но о чём же мы мечтаем? О том, чтобы к нам относились как к людям, а не как к собакам? И о том, чтобы иметь кусок хлеба и не проводить для этого всю жизнь в очередях. Жить не в цепях, не в тюрьме, иметь крышу над головой и кусок хлеба — кажется, это и есть предел желаний. Но, оказывается, даже это — запретный плод. «Мало кто думает о серьёзном, достижимом». Но если даже жизненный минимум — «бессмысленные мечтания», как изволил выразиться последний «император» российский (Горбачёв) — а чем он кончил?.. Борец с мечтателями. Вначале будто свой человек: «жрецы социалистического выбора», «алогизм кампании с новым союзным договором», прибалты, западные украинцы, грузины, армяне пойдут на уступки, когда будет «устранена угроза их нового принуждения к коммунизму», «решится на декоммунизацию государства». (Уже теплее, яснее становится имперская мысль — сохранить то, что можно, а не всё).

«Создание нового общества и государства, целиком освободившихся от монополии коммунистической идеологии...», «постепенная деидеологизация», «коммунистическое руководство», «отчаянные усилия для сохранения прежней власти коммунистических устоев», «конституция развитого социализма».

И наконец, главное: «оппозиция в основном, в своей готовности считаться с истиной, с правдой, мало чем отличается от нынешней правящей партии». «И над ней довлеет диктат понятий, принципов, идей, трудно соотносимых с нашей грешной действительностью». «Найти объяснение нетрудно». «Все нынешние политические силы родом из КПСС, имеют одну марксистско-ленинскую закуску». «Слабость нашего демократического движения, о которой ещё не писали и не говорили, состоит в том, что радикальная

оппозиция не стремилась и не стремится к победе над коммунизмом в самом широком смысле этого занятия. Но без этого нет никаких оснований рассчитывать на победу».

В таком случае для достижения «самого широкого смысла» надо объявить войну Швеции и Израилю. Первой — потому, что там уже живут при социализме, а второму потому, что он в нём существуют элементы коммунизма. О шведской модели социализма уже написано немало. Но немногие знают о том, что, созданные ещё 70–80 лет назад выходцами из России израильские киббуцы не что иное, как коммуны. Там работает всего 3% населения, но дают они 20% промышленной и сельскохозяйственной продукции страны.

«Никто из лидеров межрегиональной депутатской группы не рискнул «вернуться в российскую историю», не выступил с широким ретроспективным анализом исторических судеб страны в XX веке». По-моему, только этим у нас и занимаются все, кому не лень, даже А.Ципко. Что же он хочет? «Оздоровления государства путём самоопределения народов». А разве такое самоопределение возможно внутри империи? Вместо этого у демократов «тотальная идея демонтажа имперских структур». «А разговор о том, какой строй будет, даже не идёт. И не случайно. Нынешнее коммунистическое государство распалось бы на коммунистические куски». «Например, в нынешних условиях шансов демократизировать наши мусульманские республики не меньше чем в условиях их самостоятельного существования». (А кто их довёл до этого? Хлопок. Колония).

1989 г.

СОВЕТЫ ДЕМОКРАТАМ

Если вы хотите чего-нибудь достигнуть — сделайте это явление необходимым, и тогда мощные общественные силы будут работать прямо в нужном вам направлении. И наоборот, явление, которое необходимым при данных условиях не является, чисто субъективно создать очень трудно. Возникнув и держась лишь на желании группы людей, оно крайне неустойчиво и эфемерно и может исчезнуть при самом небольшом дуновении социального ветра. А ветры в период революции доходят до ураганной силы. Но если под социальным явлением есть объективная необходимость, оно будет держаться крепко. Необходимость может быть объективная и субъективная, экономическая и социальная. Значит, может быть экономическая, но без социальной, социальная — без экономической и обе вместе.

Когда необходимость бывает субъективной? Когда она возникает по желанию тех, кто стоит у руля власти. Есть эмоциональное побуждение: жажда славы, желание ещё больше возвысить себя над народом. Или страх. Или холодный расчёт, заставляющий идти на какие-то уступки или выжидать, чтобы создать условия и сильнее ударить. Но за всем этим стоит интерес. Если есть интерес, то следует думать, что именно в этом направлении будет действовать власть. А если такого интереса нет, то в нужном для общества направлении власть тоже будет действовать, но вяло, плохо, саботируя на каждом шагу, на каждом конкретном месте. И то под сильнейшим давлением. Стоит ему ослабеть, как она тут же пятится назад. Вот как у нас сейчас. Но нельзя же, в самом деле, требовать от власти, чтобы она долго, успешно и энергично действовала против своих собственных интересов. Тем более, если дело касается разрушения фундамента, на котором она стоит.

Выше речь шла о субъективной необходимости изменений в обществе, его движения или деградации или и того, и другого одновременно. Ну, а объективная необходимость — это соединение экономической, структурной (социальной), духовной необходимости. Причём третья (духовная) рождается двумя первыми, но относительно независима, и, став на ноги, всё больше действует под влиянием не столько тех или иных экономических или социальных явлений — они, скорее, являются поводом, а не причиной. Причина же — в достижении обществом определённой степени эмоционального заряда. Достигнув определённой степени, он взрывается и разносит как режим (значительно чаще), так и социальную структуру (редко, причём обязательно в два и более приёмов). Массам, должно быть, кажется, что стоит разрушить режим или серьёзно его ограничить и сразу провести самые необходимые реформы, расширить свободы или даже добиться некоторых социальных перемен, — и всё будет нормально. Остальное приложится потом. Но потом массы убеждаются, что в социальном плане всё меняется очень медленно, а кое в чем даже начинает двигаться назад, свободы ограничиваются уже новым правлением, а социальные реформы так и остаются, в основном, на бумаге. Тогда и поднимается революция социальная — вот как французская революция или Октябрьская (хотя это больше военный переворот, чем революция). В мире было только две, в чистом виде, социальные революции — французская и Октябрьская, и обе поэтому очень схожи.

Итак, надо, чтобы сначала частично был разрушен старый режим, но массы убедились, что для них в материальном плане ничего не изменилось. Мало того — если и в смысле свобод всё затормозилось, то массы в конце концов взрываются. Значит, без предыдущих реформ ничего не будет?

Да, без Февраля 1917 г. не было бы и Октября, без 14 июля 1789 г. не было бы и 2 июня 1793 г. Но дальше-то что делать? Ну хорошо, крестьянам раздали землю, а рабочие? Им ведь тоже надо дать адекватные реформы. Но какие? И как? И теоретически, и практически тут ничего не готово. 8-часовой рабочий день — но это уже установлено. И вот выход — национализация. Это было не сразу,

а через 7 месяцев. Но сразу это, может, не прошло бы, а главное — ещё не было сил, чтобы осуществить. А потом это было поддержано рабочими: им казалось, что осуществляется лозунг — фабрики рабочим. На самом деле, они сразу были переданы в руки государства. Но ведь и государство это было очень условным — без укоренившейся бюрократии, без профессиональной армии, да и вообще — всё было молодым, ему многое прощалось. Молодые люди, молодая структура — да и не вся ещё родилась, многое люди ещё делали свободно, самостоятельно и на местах. Но от этой революционной перестройки в экономике, промышленности массы ничего не получили, зато государство стало всемогущим, тем более, надо было дать рабочим нечто действительно, конкретное, кроме обещаний, лозунгов и вот таких выгодных государству реформ. Поэтому и был дан кодекс труда. Без него новая система (которая уже тогда начала в ряде своих форм приобретать такое разительное сходство с царским самодержавием, что лишь тот, кто не хотел видеть, не видел этого) потерпела бы полное поражение ещё в самом начале Гражданской войны. Но вера была снова, как и в Октябре 1917 г., подкреплена делом.

А что могут дать наши власти сейчас? Что они конкретно могут дать народу? Приватизацию — но они её саботируют, ведь это потеря главного в экономической власти над страной. Народ ещё не знает, до сих пор не ощутил, что она ему принесёт, правда, всё больше людей говорит, что хуже уже быть не может... Дать 35-часовую рабочую неделю и месячный отпуск — не решаются: ни денег, ни традиций так всерьёз идти навстречу рабочим нет. Улучшить снабжение города за счёт села — так и в селе давно ничего нет, а главное, в прошлом было что взять — большая часть населения жила в селе, а сейчас, даже догола раздев село, город не насытишь. Отобрать у богатых и раздать народу? Но, даже ограбив кого-нибудь, государство ни с кем не делится, всё хватает себе, это уже традиция, плоды грабежа — целиком государству. Да и некого сейчас грабить: кооператоры ещё слишком малочисленны, а частных — единицы. Повысить зарплату? За счёт армии? А на кого же тогда опираться? Вызвать острое недовольство генералов и полковников, а кто же завтра будет подавлять народ по всей стра-

не? А иначе, как за счёт армии, зарплату не повысишь — разве что урвать у Кастро, у Наджибуллы и прочих социалистов. Но там уже не так много, да и очень не хочется прерывать политику сверхдержавы. Итак, людям дать нечего. А это значит, что система обречена. Ибо, в конечном счёте, поддержка или противовес народа всё и решат. Правда, если бы года два-три назад осуществить приватизацию и передачу предприятий в руки работников ещё в условиях не разваленной экономики и поддержки народа (пусть пассивной, но куда и как активность эта направлена, это уже другой разговор, скорее — против новых капиталистов), то ещё многое можно было бы сделать. И на сегодня, даже в таком виде, экономика давала бы надежду, ибо на развалинах старого строилось бы новое. А так старое почти не тронута, а новое — почти не появилось, зато кругом разруха, как после тяжелейшей войны, и надвигающийся голод.

ЗАКОН О ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЛАСТИ

Ожидаемое — сбылось. А ведь ещё вчера многим казалось, что у нас процесс демократизации не только имеется в наличии, но вскоре мирно и парламентарно охватит собой всё, и тогда хищник, простите, тоталитарный режим, сам всё отдаст. И вот сегодня его добыча узаконена. А он сам приобретает конкретную форму самодержавия.

Так вот для чего напряжение в стране было доведено до критической черты. Вот для чего целые республики прошагали свой страшный путь в крови и слезах от провокации до оккупации. И вот кому нужен был острейший со времён войны товарный дефицит в условиях, когда склады трещат, а вагоны не разгружаются. В Донецке был обнаружен склад с накопленной на 13,5 млн. рублей импортной обувью. Есть все основания считать, что товары выскочат на полки магазинов, как чёрт из табакерки, лишь только в стране утвердится самодержавие. Потом, когда запасы иссякнут, полки снова опустеют. Но тогда уже будет поздно. А пока телевидение и вся пресса убеждают нас в том, что когда народ держала сильная рука, в стране царил порядок. «Но оказалось, что социализм может быть деспотичнее монархизма, а монархии куда как демократичны... Голодная свобода — непредсказуема...», — заявляет отнюдь не правая «Литературная газета». (Народ вроде голодной собаки, которую надо держать на привязи, иначе всех искушает). Не место тут входить в дискуссии и доказывать, что никакого социализма у нас и в помине не было, ибо социализм — это, прежде всего, власть народа, а отнюдь не самодержца или мафии. Социализм — это полная свобода выбора собственности, но никак не военная защита одной из его форм. Социализм — это не принудительный, а добровольный труд. Социализм — это гарантированная свобода личности. Словом, социализм — это, прежде всего,

плюрализм: пусть развивается всё, что не идёт во вред человеку. Судя по всему, цивилизованный мир постепенно приближается к социализму. Кстати, его не только никому не навязывают, но даже не декларируют как нечто обязательное. Ещё рано забывать, как нас, тогда ещё полных слепой веры, пригнали к чудовищному болоту, покрытому кровавой пеной, и сказали: не обращайтесь внимания ни на кровь, ни на грязь, перед вами светлое будущее. И мы пошли, к крови и грязи добавились слёзы о наших близких — ведь мы были людьми, но дорогу мы построили. Но нам сказали: стройте дальше, ведь горизонта вы ещё не достигли. И мы строили, но вера стала убывать, а горизонт так и не приближался. И вот наступил день, когда вера исчезла, и мы прозрели. И нам открылось поразительное зрелище. Вокруг нас высилась построенная нами же из самодержавных руин новая, крепкая, высокая — до небес — тюремная стена. В центре была ещё одна, но уже дворцовая стена. Она наглухо отделяла народ от тех, кто им правит. И там же находился всесильный новый самодержец. А как же дорога, пропитанная потом и кровью? Оказалось, что мы снова шли по кругу. Нами снова управляли вельможи, а народ был голоден, но послушен. Много воды утекло с тех пор, но по существу ничего не изменилось. Разве что народ, поняв, на кого он работает, стал работать больше для вида. А те, кто наверху, стали управлять по принципу: после нас хоть потоп. Экономика начала потихоньку разваливаться. Но народ был всё так же послушен. Что значит школа! — умилялись старые чиновники. Однако пять лет назад, почувствовав зловещее потрескивание, они попросту испугались. Теперь уже не после них, а при них и для них могло наступить нечто непредсказуемое. И пришло время грандиозных реформ. Было решено всё перестроить и сделать более просторной, солнечной и удобной для жизни всю тюрьму. Для этого пришлось народ из его рабочих клеток вывести, и он впервые увидел, как он могуч и терпелив. Не прошло и несколько лет, как появились умники — власти потом обзовут их крикунами, экстремистами, подстрекателями — и посоветовали народу: чем душу надирать, создавая правовое тюремное государство, лучше просто разрушить стены тюрьмы и выйти не волю. Услышав это, власть имущие впервые потеряли

покой и не на шутку испугались. Они стали натравливать узников, простите, граждан тюрьмы друг на друга. И те, вместо того, чтобы разбивать тюремные стены, стали драться за клочок тюремной земли и за тюремную честь. Это помогло, но ненадолго. Так возникла идея во второй раз восстановить самодержавие.

Посмотрим же, что нам предлагают. Кстати, не забудем, что проект закона¹⁸ был представлен Верховному Совету Кудрявцевым, единственным юристом, который до конца защищал подписанный Горбачёвым драконовский Указ от 8 апреля 1989 года¹⁹. В первый момент какая-то оторопь берёт. Просто не знаешь, с чего начать. Невольно приходит в голову герой одного из рассказов Джером Джерома, который, прочитав медицинский справочник, обнаружил у себя все указанные там болезни, кроме воды в коленной чашечке, что его даже слегка обидело. Будущему президенту СССР обижаться не придётся. Власть, которой его наделяют, безбрежна, как мир, и охватывает всё. Она ничем не ограничена, и никто не смеет её контролировать. Президент поглощает все права народа, и они становятся просто излишними. В самом деле, зачем выбирать Верховный Совет, если он может его распустить... и назначить новые выборы. Прямо как Николай II со своей Думой. Можно представить, как будут вести себя депутаты Верховного Совета завтра, если уже сегодня они услужливо уступили всю власть в стране одному человеку. Даже в Латинской Америке, и то в прошлом, для такого нужен был военный переворот. У нас же достаточно хозяину свиснуть, чтобы преданные «слуги народа» тут же преподнесли ему трон. И какой! На таком возлежали только русские самодержцы.

Правительство? Но президент назначает, а Верховный Совет лишь одобряет председателя Совета Министров, Генерального Прокурора и кандидатов на другие важнейшие посты в государстве. Армия? Но президент является главнокомандующим — и не

---

¹⁸ 27 февраля 1990 года Верховный Совет СССР принял постановление об учреждении поста президента СССР.

¹⁹ «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и некоторые другие законодательные акты СССР».

только армии, но и флота, и сам, уже без всяких одобрений, назначает на все высшие военные посты преданных ему людей.

Международные отношения? Но президент, опять-таки, минуя «одобрение», сам назначает, кого захочет, на все высшие дипломатические посты. Межнациональные отношения? Но президент является главой Совета Федерации, куда входят все председатели Верховных Советов республик. Так что и их реальная власть будет находиться в его кармане. И тут закон прост, как валенок.

Вопросы войны и мира? Но президент сам объявляет войну, а Верховному Совету, когда он соберётся, останется лишь «одобрить» уже бушующую войну. Но тогда при президенте должен быть, по крайней мере, независимый от него выборный орган, который мог бы удерживать его от тех порывов, страстей, которыми так обильна была история русского самодержавия. Да, такой Совет есть. Но это — точная копия Государственного Совета при царе. И тут, и там членов Совета назначает самодержец в короне или без оной. И тут, и там — это лишь совещательный орган. Правда, у нас он будет заниматься внутренней и внешней политикой. Чем же тогда будут заняты Верховный Совет вкупе с Советом Министров? Может быть, они переключатся на инопланетян? Интересно, в стране совершается самый настоящий государственный переворот, а вся наша пресса молчит, как в рот воды набрала. Это уже сейчас она такая. А завтра, в железных тисках самодержавия? А вообще, удивительный народ эти центристы, правые и крайние правые. То они становятся в позу и начинают почём зря ругать Запад. То они вдруг вспомнили, что и на Западе есть пост президента, а чем мы хуже их? Действительно, чем хуже? И ведь так мало хотят: порядка, дисциплины и работы. И чем больше, тем лучше. А на Западе всё это в изобилии имеется. А почему? Наверное, потому, что там есть президенты, а у нас нет. Вот Тэтчер. Кто её трижды назначил на пост премьер-министра? Английская королева. Ну а то, что она трижды для этого победила на выборах и акт вручения ей власти носил чисто условный характер, — это уже английские традиции, нас они не касаются. Не замечая того, что творится у неё под носом, наша официальная пресса стала вдруг очень благосклонна к президентскому правле-

нию в США или во Франции. Но ни слова не пишет о том, что только в этих двух странах европейской цивилизации президент имеет реальную власть. И что в США сильная власть президента была установлена в 1787 году, сразу после подавления восстания Шейса, а во Франции — в результате правого, первоначально даже фашистско-армейского переворота в 1958 году. Но в США под давлением масс уже через четыре года было принято 10 поправок к Конституции, гарантирующих права и свободы граждан, а во Франции не перестают раздаваться требования уменьшить власть президента. Во всех остальных странах власть президента или короля носит скорее или целиком номинальный характер. Почему же у нас выбрали самый редкий вариант? Не потому ли, что он наиболее удобен для того, чтобы народ так и остался добычей тоталитарного режима? Однако, как видим, во Франции и в США власть президента не перерастает в диктатуру. Это связано прежде всего с тремя факторами: сильными демократическими традициями, сильными демократическими партиями и действующими на твёрдых гарантиях демократическими законами.

У нас вся власть на местах находится в руках райкомов и горкомов. Не надо далеко ходить — та же Московская область в руках секретарей обкома и райкомов партии. Почти все крупные предприятия в руках директоров, а какова их позиция — было хорошо видно, какие позиции они занимают.

Надо не только избрать нового президента, но и существенно ограничить его права. Должен быть Совет Министров, и именно ему должна принадлежать исполнительная власть. Франко-американский вариант нам не подходит. Они могут себе позволить такую роскошь, а мы — нет. У нас народ ещё долго будет беззащитен. Партии, законы, традиции. Президент должен быть только официальным главой государства (как в ФРГ или Италии).

Должна быть крепкой и прочной власть всех выборных органов сверху донизу. Она должна быть максимально защищена. И если у нас где-то и вводятся назначаемые органы, то лишь на время. Иначе, заменяя выборы назначениями, ставя префектов вместо председателей Советов, мы восстанавливаем структуру новой диктатуры. Власть Советов необходимо крепко и надёжно защи-

тить как сверху — законами и контролем, так и снизу — партиями, организациями, всем обществом. Провозглашённая и тут же разгромленная власть Советов должна быть установлена в виде политической системы страны. Причём один и тот же человек не может быть носителем (субъектом) и законодательной, и исполнительной власти. Иначе любой закон вскоре превратится в резину.

1990 г.

ПОЧЕМУ МЫ ПОБЕДИЛИ

Я пишу эти строки не только для тех, кто пережил в эти дни эйфорию. Но и для тех, кто считает, что еще не всё потеряно, ведь заговор был проведен бездарно. 19 августа мы, несколько человек, сцепившись руками, остановили колонну БТР, которая пыталась спуститься вниз по Тверской к Манежной площади, где шёл непрерывный митинг. Вот тогда я окончательно убедился, что заговор провалился и что продержится он от силы дня три. Целый день мне никто не мешал ходить от машины к машине и объяснять солдатам, что произошло и какой банде они служат, а вечером никто из омоновцев не решился, когда я отказался сдвинуться с места, прикрывая Манежную площадь, даже просто толкнуть меня. Точно так же они вели себя со всеми, и ни одного инцидента за весь день я не видел. Если в момент переворота разрешают руками останавливать танки, если не стреляют и не давят людей, то это значит, что есть приказ этого не делать. Но это также значит, что дело не в плохо подготовленном перевороте. Просто его решили провести в перчатках. Почему? Ведь его заранее обрекали на неудачу.

Переворот потерпел поражение уже в первый же день. Застрявшие в самом центре Москвы войска подверглись массовой обработке народом, и уже к вечеру шелуха таких слов, как «патриотизм», «воинский долг», «армейская дисциплина» была сорвана. Недаром их так быстро убрали: ещё день-другой такой агитации, и они вместе с народом пошли бы на штурм Кремля. Надо было в первые же часы переворота ввести военное положение по всей стране, в республиканских центрах и крупнейших городах перекрыть главные улицы и возможные очаги сопротивления, митинги более трёх человек немедленно разгонять, произвести массовые аресты всех потенциальных противников режима одновременно и повсюду даже самые мирные очаги протеста подавлять

сразу, а жестокость демонстрировать, а не скрывать. Думаю, что именно так сейчас рисуют себе желанную картину переворота его сторонники, да и те, кто считает мафиози дилетантами.

Хочется напомнить и тем, и другим: на Марсе жизни нет. Это уже наукой доказано, а кто, кроме марсиан, мог бы выполнить при массовом сопротивлении народа столь изощрённую программу? Да, лет пять назад такой переворот прошёл бы, как говорят, со свистом. Даже года два назад он ещё удался бы. Но сегодня поезд уже ушёл. Что же произошло за последние 30 месяцев?

Я думаю, что это произошло тогда, когда массы народа перешли от слов к действию, когда логика разума превратилась в силу чувства и терпеть, да ещё в одиночку, становилось просто неважно. И народ вышел на улицу. Думаю, что в Москве это впервые произошло 23 апреля 1989 года — через две недели после Тбилисского кровавого воскресенья. По призыву Демократического Союза и вопреки всем угрозам в самом центре столицы тысяча москвичей отметила две недели этого побоища. Нас не столько разгоняли, сколько хватали, били и волочили к машинам. Впрочем, митинг продолжался до темноты. Нас пытались запугать и заставить разойтись, но большинство стойко держалось. (Митинг был организован ДС). Я не был членом ДС, но не пропускал ни одного их митинга. Честь и хвала им за храбрость и мужество. Вот эти митинги на Пушкинской площади и положили начало тому массовому движению, которое мы сегодня имеем. А ведь сейчас ДС не в моде, и это стараются не вспоминать. Но именно тогда москвичи впервые учились не бояться милиции, были ли они в рядах митингующих или только в качестве зрителей, кричавших: «Фашисты! Убийцы!» Потом был первый гигантский митинг в защиту демократических свобод 22 января 1990 г. И с того времени крупные митинги стали фактом. Народ победил, и властям пришлось смириться. И сразу же в ряды митингующих влились сотни тысяч москвичей. Правда, власти пытались отстоять Пушкинскую площадь, и тут борьба с ними продолжалась ещё год. Но с победой Г.Попова митинги окончательно приобрели законный характер и их перестали разгонять, зато стали ещё более злобно поливать грязью: не работают, митинговщина, митинговые страсти.

28 марта 1991 г. состоялся грандиозный митинг в защиту Литвы. Вся Манежная площадь была заполнена до отказа, и прилегающие улицы тоже. Громовые крики: «Свободу Литве! Долой КПСС!» заставляли содрогаться всех, кто сидел на Лубянке или на Старой площади. Там росло чувство страха и неуверенности и понимание того, что народ уже не тот и метод грубого насилия становится для властей очень опасным, ибо может привести к настоящей революции. Там вырабатывалась идея заговора в перчатках. Так, чтобы избежать кровопролития и не поднять против себя массы народа. Тем самым, заговор с самого начала был обречён на неудачу. Ибо с помощью самых диких, самых кровавых и массовых репрессий можно было бы хоть на время захватить власть в Москве и во всей стране. Конечно, потом они бы провели массовые аресты. Но одно дело арестовывать поодиночке, другое — на глазах у всех расправляться с народом, не считаясь ни с чем.

Потому победа 21 августа — это итог борьбы народа за все эти годы. Народ впервые стали бояться, впервые считаться с ним. И когда — в момент путча. Два фактора тут сошлись: борьба народа и страх правителей.

И боролась не одна Москва, хотя с 1990 года, с его начала, она вышла в авангард. Не забудем, что первой поднялась Армения, сразу за ней — Литва, Эстония и Латвия. Затем мощные митинги в Киеве и Львове, некоторые из них заканчивались страшными побоищами, когда десятки людей попадали в больницы. Такого себе мафия в Москве никогда не позволяла. Популярность Руха и народных фронтов необычайно быстро росла. Два удара шахтёров до основания потрясли систему. Всё это вместе взятое не могло не повлиять на армию, она становилась всё менее надёжной.

К сожалению, руководство левых²⁰ сил теорией пренебрегает, отсюда и многочисленные ошибки. Исходя из тенденций развития страны, многое можно было предусмотреть и само развитие ускорить. Так, все левые организации и партии не желали и слышать о революции, не хотели готовиться к физическому отпору реакции,

---

²⁰ В годы перестройки левыми считались демократические силы, а правыми — консервативные и реакционные.

считали все попытки их убедить в неизбежности демократической революции — как переходном скачке из одного состояния общества в другое — марксистским бредом. Действовали по принципу: если явление мне не нравится, я его просто не замечаю. В результате народ к физическим методам борьбы оказался совершенно не подготовленным. Эти и другие промахи могли стоить нам свободы. К счастью, всё обошлось. И крах теоретический не привёл к краху политическому. Но уже пора всерьёз взяться за теорию развития общества, иначе мы рискуем следующий раунд проиграть начисто.

Так почему же мы выиграли? Наверное, потому что москвичи прошли замечательную школу митингов. Там они надышались воздуха свободы и впервые почувствовали, что без него они просто не могут жить. И они потеряли чувство страха, они перестали бояться даже вооружённый до зубов спецназ. Конец старой системы приходит не тогда, когда народ эту систему начинает ненавидеть, а тогда, когда он перестаёт её бояться. Зато москвичи приобрели твёрдую уверенность в себе и глубокую душевную солидарность. Наверное, потому, что когда люди перестают бояться тоталитарной системы, её начинает трясти от страха. Нельзя дрожащими руками дирижировать государственным переворотом.

Август 1991 г

ПИСЬМО К Б.Н.ЕЛЬЦИНУ И Г.Х.ПОПОВУ

Август 1991 г.

Уважаемые Борис Николаевич
и Гавриил Харитонович!

Истинное лицо политического деятеля проявляется не тогда, когда его интересы совпадают с интересами общества, а тогда, когда они не совпадают. Успех переворота был бы концом и вашей политической карьеры. И мы с вами на улицах и баррикадах Москвы сражались в одном ряду. И Вы слышали, Борис Николаевич, обращённые к Вам и всей России на митинге 20 августа громовые слова: «Украина с вами!» Это был голос не нас одних, но всей Украины. Прошло всего несколько дней. Заговор, подготовленный имперским центром, провалился, а позиции самого центра резко ослабли. Создались условия для того, чтобы империя была навеки похороненной, а республики заключили двухсторонние договоры. И в этот момент вы оба, ещё вчера глубоко уважаемые люди, выступили с позиций реанимации империи, самодержавных угроз и требования пересмотра границ. Вы просто повторили угрозы крайних правых шовинистов. Значит, сегодня ваши интересы и интересы общества разошлись, и вы не задумываясь стали по отношению к нему в позицию не менее враждебную, чем вчерашние заговорщики.

Это значит, что вы пытаетесь реанимировать имперский центр, где вы сами уже играете ведущую роль. Выдвинутые вами территориальные требования к республикам, если они осмелятся выйти из Союза, носят настолько грубый характер, что это не иначе чем провокация. Сегодня её подхватят самые махровые шовинисты. А завтра они превратят какую-то часть народа в разъярённую толпу, готовую бить и крушить всё, что им меша-

ет спасти братьев по крови и вернуть «исконно русские земли». Но ведь и тогда в бывшей российской колонии вспомнят свои вековые мучения и унижения и все поднимутся на борьбу за свободную Украину. Начнётся самая страшная из войн — межнациональная, когда не щадят ни женщин, ни детей, ибо у них ведь другая кровь. Для такой войны нужны армия, генералы, диктаторы. И ростки демократии будут растоптаны армейскими сапогами. Украина ведь всё равно добьётся свободы, но тогда два народа надолго станут врагами, а все экономические и культурные связи между ними будут прерваны.

И вот, чтобы поддержать такое грязное, кровавое дело, вы бросаете на чашу весов весь свой огромный политический авторитет. Что останется от него, когда столкновение двух народов станет фактом? Каким же позором будут покрыты в истории ваши имена. Неужели надо было в народном мнении подняться на такую высоту, чтобы потом свалиться на самое дно?

И кто вам дал право выступать в роли защитников русской части народа Украины? Кто уполномочил вас вмешиваться во внутренние дела Украины? Вам для сведения. Всё русское население Украины обеспечено русскими школами, институтами, театрами, газетами, журналами, книгами. Ничего этого для миллионов украинцев в России нет. Даже там, где они составляют компактное большинство населения, как, например, на Кубани: как закрыли в середине 30-х годов все украинские школы, так и не открыли до сих пор ни одной. Когда вы думаете решать эту проблему?

Уважаемый Гавриил Харитонович! Когда в Москве появится украинский культурный центр? Когда появятся украинские школы? Почему в Московском университете нет факультета украинского языка? Почему Ваши гуманитарии, оканчивая университет, не имеют ни малейшего представления об украинском языке, литературе, истории, культуре? Где украинские газеты и журналы? Когда будет создано если не издательство, то хотя бы украинское отделение при одном из издательств?

Москва — это целое государство. Но надо, чтобы это было цивилизованное государство. Сейчас, благодаря нашей победе, мафиократия покидает оккупированную ею часть Москвы. Почему

бы Вам для нужд украинского населения и любителей украинской культуры не выделить одно из зданий КГБ в центре Москвы?

Да, на Украине многого нет. Нет интердвижения, нет «Памяти», нет журналов типа «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва». Нет даже, как в Ленинграде на Невском, гигантских антисемитских стендов. Нет, и я уверен — не будет. Зато есть твёрдый принцип украинского демократического движения: «Украина — для народов Украины», а тот, кто заявляет: «Украина для украинцев», — наш злейший враг. И я верю, что и в России разум и цивилизованные начала победят. Желаю вам успеха в этом.

К.П.Крижановский.

РОССИЯ, УКРАИНА И США

США

Весь образ жизни приспособлен к погоне за деньгами с тем, чтобы сделать сам источник всё шире и шире. Такова психология. Это, с одной стороны, и неплохо, ведь капитал потому выжил и распространился, что на пути к прибыли нужно было удовлетворять какую-нибудь человеческую потребность. Но, с другой стороны, это никак не делает людей лучше. Тем более, что есть и другой путь — получить прибыль, не удовлетворяя потребности. Открытое разделение людей на лучших и худших по сумме денег. Престижные кварталы. Мечта — переселиться в более престижный квартал. Кресло как символ Америки. Его бы в герб. Есть две крайности: во что бы то ни стало выбиться повыше — и пассивное ожидание подачек от государства и богатых людей. Система, которая доживает последние десятилетия. До сих пор мир был поделен на демократический и тоталитарный, причём с 30-х годов второй угрожал поглотить первый. Сейчас впервые в истории на земле (в «развитых странах») настоящий мир, а не передышка между войнами. Недаром женщины всюду приходят к власти. Моральная сторона всё больше выходит на первый план. Исчез тоталитарный мрак. Сокращаются военная промышленность и армия. Трудящиеся захотят жить и лучше, и иначе. Так начнёт побеждать новая философия. В её основе будет находиться сам человек, а не то, что стоит над ним: деньги, социальные или религиозные догматы и просто равнодушие. Американцы не сломают свои традиции сразу, для этого необходима революция, а в ней потребности нет. Но что общество начнёт меняться — я в этом не сомневаюсь. В экономике всё большее значение имеют коллективные формы собственности, в управлении — роль тру-

дящихся, в морали — человечность, в искусстве — драма жизни, а не путь к успеху. Все цивилизованные страны пойдут по этому пути, каждая по-своему, соответственно своим условиям и традициям. Придётся пока ещё не распускать армию и, возможно, создать какие-то межконтинентальные демократические военные силы, которые будут подавлять всякие попытки развязать войну в третьем мире. Это потребует политического и духовного единения цивилизованных стран. Культура примет всё более глобальный характер, никак не теряя национальной формы. Просто проблемы жизни становятся всё более похожими. В таких условиях резко возрастёт спрос на людей не только разумных и энергичных, но, одновременно, добрых.

Россия и Украина

За границей рынок регулирует цены. У нас раньше их даже не регулировало, а просто устанавливало государство, которое боялось народа и следило за тем, чтобы товары первой необходимости, продукты и услуги были ему доступны. Сейчас народ отдан на откуп государственным монополиям. Рынка нет, но и цены государство уже не регулирует. Все свои проблемы каждое предприятие решает просто — повышает цены. Вместо абсолютной монархии мы имеем феодальную раздробленность. А народ, как был, так и остался в экономике совсем бесправным. Он может вслух критиковать (и это немало) и выбирать из тех, кого ему предложат. Но на этом его воля и кончается. Дальше целиком экономическое и политическое бесправие. Он никак не может повлиять на политические структуры и экономические отношения. Потому что для этого нужна сначала революция, а потом — постоянное давление с помощью политических и экономических забастовок, через свои партии и общественные организации. Этого сейчас почти совсем нет. Поэтому с народом и не считаются. В общественных отношениях уважают сильного и с ним одним считаются. А народ, который привык писать жалобы в государственные органы, им сейчас совсем или мало страшен. И на нём наживаются все, кому не лень — государство, его монополии, чиновники, спекулянты, бир-

жевые игроки, мафия. Народ раздевают буквально догола и говорят, что всегда будут богатые и бедные. И никто из государственных руководителей не говорит, почему одни так невероятно быстро обогащаются, а другие — и таких большинство — очень быстро спускают всё. Десятки миллионов людей сковывает железная цепь голода. А богатые растрывают миллионы на Багамских островах, в казино, на девочек и гульбу. Далее. Государственные монополии, имея возможность решать все свои проблемы за счёт поднятия цен, совсем оставили заботу о производстве. Ни директора, ни инженера, ни рабочего не волнует мысль о повышении производительности труда, качества продукции, словом, об эффективности производства, т.е. экономии живого и овеществлённого труда и за счёт этого его развития. Медленный рост зарплаты и быстрый рост цен создают такую разницу прибылей, что она удовлетворяет как потребности государства, так и потребности класса директоров. Постепенно ценности человеческого труда сводятся к нулю.

Человек работает потому, что:

- его толкает к этому природная потребность в труде как в средстве самовыражения и трате энергии;
- ему нужны средства к существованию.

У нас есть только первое. И есть сила инерции. Те, кто привык работать, и сейчас работают ни за что. Вот почему производительность труда падает. Потому что уменьшается инерция, а что касается потребности в труде, то её можно удовлетворить и дома (хоть, конечно, не в такой степени) или просто обойтись без неё и отдыхать.

Как же стимулировать экономику? Прежде всего, с помощью людей. А у нас стремятся только с помощью вещей. Но это же не прямо, а опосредованно. Не учитываются отношения между людьми. И тут может быть ошибка — нажимаешь не на те клавиши, и звучит не та мелодия (дисгармония).

28 августа в «Известиях» было напечатано, что свобода умереть с голоду — это и есть настоящая свобода. Так и чисто абстрактно ставить вопрос нельзя. В действительности в самом худшем положении очутились сейчас наиболее честные, совестли-

вые люди. Именно благодаря им производство сократилось в этом году на 30%, а не на все 100%. Ещё ходят поезда, горят лампочки, выпекается хлеб. Но большинство работающих так мало получает и так быстро беднеет, что сам процесс производства становится всё более бессмысленным. Зачем оно? Куда всё это идёт? В какую пропасть проваливается всё больше труд целого народа? Значит, и сам работаешь неизвестно для чего, и семья гибнет. И вот прекрасный инженер работает сторожем, такой же рабочий делает матрёшки, а учёный становится продавцом. Все они на своём месте подняли бы экономику страны, а без них она лежит в руинах. О какой производительности труда можно говорить в таких условиях!

1992 г.

ПОЧЕМУ КРАСНЫЕ И ЧЁРНЫЕ ОБЪЕДИНИЛИСЬ?

Почему красные и чёрные объединились? Потому что это та же самая элита. На местах вся номенклатура сидит бессменно. Да и наверху в основном то же самое. Поэтому они стремятся к диктатуре, чтобы поставить народ на место. Власть имущие, богатые, да и все красно-коричневые стремятся к одному: массы должны работать, а не митинговать, а они будут наживать богатство. Вот почему органы КГБ остались в неприкосновенности. Они ждут своего часа. Так же и МВД. И вот почему хотят вернуться к временам царской монархии. Или, как на Украине, к установлению диктатуры брежневских времён. Устремление к диктатуре. Так легче править. Только что проголосовали за новый герб России, фактически — старый герб, даже ссылались на «Свод законов Российской империи» 1907 года. Только, перечисляя все его атрибуты, выступавший забыл назвать кресты. Неудобно перед республиками. Выступавший обрисовал две головы, но не сказал, что они направлены в разные стороны — на Запад и Восток, символизируя колониальную империю. А также будущие захваты. Если сейчас всё будет согласовываться с тем, как это было в России, то ничего хорошего страну не ждёт. Мы восстанавливаем старую Россию или строим новую? Теперь ясно — старую. Неужели эти господа думают, что это вдохновит народы Федерации? И даже русских? Западу следовало бы сделать из этого выводы, но он, конечно, промолчит. Восстановление старой России — кого это может, кроме крайних шовинистов, вдохновить? Но старая Россия — это капиталисты, ограждённые монархией, иначе говоря, беззаконием, да плюс ещё и законами, это священная частная собственность у одних и ничего у других, это бесправный народ, это утешение в мечтах о чудесной загробной жизни и в водке как средстве снимать

все стрессовые ситуации. Словом, это всё то, против чего восстал народ в трёх революциях, или, точнее, в двух и поддержал третью. Интересно, что этот открытый поворот к старому не вызвал никакой реакции у депутатов, хотя по другим вопросам уже доходит до драки. Пока во Владивостоке идёт раздача ваучеров за закрытыми дверями, в Москве задержали чиновника из Владивостока с семью тысячами ваучеров. Такой и хотят видеть Россию: одним всё, а другим — крошки с барского стола.

Конец 1993 г.

РОССИЯ: ДЕГРАДАЦИЯ ИЛИ РАЗВИТИЕ?

Россия развивается, идёт вперёд и набирает темп. Приватизация охватила все отрасли. Даже промышленные гиганты идут с молотка. До конца года собственность станет преимущественно частной или коллективной. И хоть процесс этот встречает со стороны части чиновников, директоров и генералов бешеный отпор, он неуклонно и очень быстро охватывает собой всё. Ломаются чугунные вертикальные связи, вместо них пробиваются горизонтальные. Новые ростки ещё слабые и часто рвутся, но те, что окрепли, уже дают возможность предприятиям работать даже в невозможно тяжёлых и непривычных условиях лучше, чем раньше. На глазах уменьшается влияние всемогущего ещё вчера класса чиновников. Потому что сужается сфера государственных разрешений и запретов.

Правда, тёмная туча преступлений часто закрывает собой сам процесс. Явление это неминуемое, ведь мафиозные тенденции с давних времён были связаны с самодержавной системой, а с 30-х годов у нас была фактически установлена мафиократия. Да и условия для этого как никогда благоприятные: старая система управления уже окончательно вышла из строя, а новая только рождается в муках. Тем не менее, как только промышленность и торговля заработают по-новому, сама необходимость заставит искать и находить более совершенную систему управления. Возможности для мафиозных структур, связей и тем более, тенденций не исчезнут (потому что это пока что оборотная сторона товарно-денежных отношений), но будут резко сужены.

Всё сейчас зависит от темпов. В стране идут два параллельных процесса — деградации и развития, причём сначала явно доминирует первый. Замедление темпов вызывает деградацию, а жизнь среди руин становится нестерпимой. Маркс писал, что исто-

рия повторяется сначала в виде трагедии, потом — в виде фарса. Страшную трагедию мы уже пережили. А элементы фарса увидели в августовские дни 1991 года. Если Россия повернёт назад, в объятия старой самодержавной системы, то станет посмешищем для себя самой и целого мира.

1993 г.

НАРОД И ПРАВИТЕЛЬСТВО

Говорят, что народ имеет то правительство, которое заслуживает. Это не так. Потому что народ всегда заслуживает лучшего правительства. Правильно будет сказать: народ имеет то правительство, которое он может вытерпеть. Чем больше у него запас терпения, тем хуже работает весь механизм управления. Каждая машина требует внутреннего давления. И механизм управления тоже. Чем сильнее давление на правительство в направлении структурных реформ, тем быстрее и лучше пойдут реформы, тем быстрее наступит обновление и нормальная жизнь общества. Чем энергичнее трудящиеся будут защищать свои интересы, тем скорее реформы будут идти за счёт повышения эффективности системы производства, конверсии, улучшения системы обмена и даже развития и распространения новых идей, которые объединяют и вдохновляют людей. И тем меньшей будет цена реформ. А без контроля масс она может стать вообще безмерной и довести общество до руин, а народ до социальной деградации.

К сожалению, пока что всё развитие реформ идёт скорее по старым российским стандартам, чем по научно разработанной системе, которая, к тому же, должна постоянно корректироваться. Потому что предвидеть всё абсолютно невозможно. А в Российской империи реформы начинали проводить всегда с огромным опозданием и только тогда, когда эффективность самодержавного управления резко снижалась. Само направление реформ имело целью укрепление империи и самодержавия, и интересы народа принимались к вниманию только в данном контексте. А из-за того, что Российская империя развивалась экстенсивным путём, поглощая всё новые народы и территории, то и направление реформ было обращено в сторону существенного укрепления силы наступающего, сдерживающего и переваривающего меха-

низма, иначе говоря, армии, бюрократического аппарата и карательной системы. Реформы проводились целиком за счёт народа, без контроля снизу, потому цена их бывала и такой, что заставляла поставить вопрос: а стоит ли игра свеч. Так, за период царствования Петра I в России было введено рабство для подавляющего большинства крестьян и работников мануфактур — ведь реформа шла экстенсивным путём, а это требовало резкого увеличения затрат живой рабочей силы. Введение рабства привело к деградации общества, тяжело и надолго отразилось на характере тех народов империи, которым пришлось его пережить. В том числе и украинского. Непосредственная цена была просто ужасной. Центральная Россия обезлюдела более чем вдвое. Население ряда районов Украины сократилось. В целом жизнь трудящихся резко ухудшилась, в то время как роскошь высшего (и не только!) дворянства, духовенства и чиновничества скоро перешла всякую разумную меру. Сталин просто пошёл уже протоптанной дорогой. Это — проявление необходимости, потому что под всякими красивыми лозунгами была воссоздана вторая самодержавная империя. Да и путь этот для государства был самый лёгкий и хорошо знакомый, потому что в основном экстенсивный.

И петровское, и сталинское государство реформу делало для себя и в своих интересах. К чему это привело — мы видели. Не повторится ли всё это ещё раз? Конечно, с большими поправками на время и условия. Но снова — за счёт народа. И в интересах в первую очередь тех, кто стоит у руля власти или около мешка с деньгами (или с тугим кошельком в руках). Конечно, переход из одной в другую систему — операция болезненная, и чем быстрее она проходит, тем лучше. Реформы же в России развернулись, по сути, лишь осенью 1992 года. А на Украине издеваются над народом, как хотят. Реформы стоят, как бронепоезд на запасном пути.

1993 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Национальный вопрос в нашей стране сейчас самый главный, самый жгучий. На первый взгляд, это кажется загадочным. Страна на грани голода, десятки миллионов людей живут в безысходной нужде, экономика катится в бездну — да, тут не до жиру, быть бы живу. В таких условиях национальные проблемы выглядят, как предметы роскоши, без которых пока вполне можно обойтись. До последнего времени наша пресса на поводке дружно вбивала в головы людей именно этот тезис. И вдруг всех как будто встряхнуло. Начался бурный процесс национальной консолидации, и один за другим народы стали выдвигать проблемы родного языка и национальных школ как важнейшие для себя, а вслед за ними появилось ещё вчера немыслимое требование экономической и политической независимости. Почему же так произошло?

Да потому, что мы с вами переживаем начало самой настоящей революции, а для неё как раз и характерно, что проблемы политические выдвигаются на первый план, всё больше задвигая экономические — на второй. А из них главнейшая — проблема империи. Она уже стара. От завоевания Казанского ханства до последних приобретений прошло ровно 400 лет. И все эти годы в имперскую яму бросались всё новые и новые народы с разным уровнем развития, разной культурой, бытом, традициями, религией. И все эти столетия жизнь была подчинена главному: как удержать и приобрести. Эта разбойничья психология ядовитым туманом опутала не только верхи, но и низы — сам народ. Русскому народу прививалась опаснейшая болезнь — расизм. Ею заболели не все, но многие. Симптомы болезни: уверенность в исключительности своего народа, в его предназначенности вести за собой, в его праве на воспитание «опекаемых» любыми средствами.

Отсюда — презрение к другим национальным характерам, обычаям и языкам. Отсюда и уверенность, что покорённые народы должны быть просто счастливы, попав в такие хорошие руки, и обязаны империи за своё завоевание вечно благодарить. И чувство это настолько захватывающее, что оно позволяет властям вернуть все карманы и раздеть почти донага сына великой России, пока он, разинув рот, любитесь своим величием.

Веками Россия, забросив собственное хозяйство, жила главным образом за счёт приобретений. Веками Россия вела непрерывные и почти успешные войны. Но это не было подарком судьбы. Такой образ жизни позволял развиваться не развиваясь. Жить в основном за счёт экстенсивных факторов. Зато он требовал крайней централизации власти — и возникло самодержавие. Он требовал удержания в покорности народов империи — и возникла грандиозная бюрократическая система. Он должен был иметь безотказный инструмент для войны — и была создана гигантская армия, на которую уже почти два века работает всё народное хозяйство. Империя не могла жить без постоянного всеобщего сыска — и возникла всемогущая охранка. Цена за это народами России была заплачена сполна. Так как интенсификация почти не развивалась, надо было жить за счёт увеличения количества труда. Поэтому требовалось непрерывно увеличивать армию работников и одновременно удлинять их рабочий день. Отсюда всё новые захваты и приход сначала крепостного права, а затем, со времён Петра I, — практически рабовладельческого строя. Полтора века рабства были временем настоящей деградации общества. Такие раны долго не заживают. Поэтому Сталину и удалось увлечь народ, поставив его на старую, хорошо знакомую дорожку. Но и это было ещё не всё. Центральные районы России периодически разорялись дотла, население бежало куда глаза глядят. Так, во времена Петра I они обезлюдели более чем наполовину. Безграничная власть самодержавия и помещиков заставляла крестьян смотреть на своё хозяйство как на почти чужое. Отсюда нежелание работать, лень, кое-как возделанная земля.

Но государству было всё мало. С Петра I и по сегодняшний день идёт массовое спаивание всего народа. До конца XIX века это

было главной статьёй доходов. Да и сейчас пьянство — важнейшее средство перекачивания денег из нищих карманов граждан в богатую казну государства.

Итак, русскому народу империя принесла тяжелейший путь экстенсивного развития, а с ним отсталость, нищету, кровавую пелену войн. Она отняла у него свободу и приучила к послушанию, терпению, молчанию. Только, пожалуй, пьянство и воровство давали возможность как-то выжить в этих воистину нечеловеческих условиях. Ещё хуже было народам России. Национальное богатство расхищалось самодержавием — и не только. Даже последний русский авантюрист имел здесь больше прав, чем рядовой «инородец». И везде шёл страшный процесс русификации, или, как его сейчас называют, интернационализма: сплошное выжигание местной культуры — от языка до обычаев. Фактически, это был процесс превращения людей в манкуртов. Из наиболее манкуртизированных набиралась колониальная администрация, до предела холуйская, продажная, хищная, люто ненавидевшая собственный народ. Такая она и сейчас в республиках Средней Азии, на Украине и в Белоруссии. По указке Москвы, но их усилиями, закрыты почти все белорусские школы, почти все городские украинские школы, институтов с национальным языком преподавания почти не осталось, национальные киностудии выпускают фильмы только на русском языке, на телевидении лишь один диктор ещё беседует на родном языке. Не жалеют ни средств, ни времени, ни усилий, чтобы от национальных культур осталось одно пепелище. Сейчас забывают, что точно такое же наступление шло ещё пару лет назад на латышскую, литовскую и эстонскую культуры. А экономика? Средняя Азия вообще превратилась в крепостную вотчину, аграрно-сырьевой придаток министерств, с детьми-хлопкоробами и начавшейся экологической катастрофой. Всё, что добывает и выращивает Украина, вывозится, и полки в магазинах пустые. Зато больше половины территории республики пострадало от радиации и химических отбросов. И тут надвигается экологическая катастрофа. А между тем, империя не может стать иной. Ещё и потому, что уже исчерпываются возможности экстенсивного развития. Геологи уже добрались до Таймыра, а на Украине вспаха-

но буквально всё, что ещё можно было вспахать. Здесь подходит лишь одно слово «национальная трагедия». Вот почему каждый народ пытается вырваться из мертвящих тисков империи. С нарастающей быстротой центробежные силы разорвут её. Крах империи освободит все народы страны, включая и русский народ.

Начнётся самая грандиозная революция за всю историю страны — переход от экстенсивной к интенсивной системе развития, что приведёт к изменению всех форм жизни. А затем мощные процессы интеграции снова соединят если не все, то многие народы страны между собой и Западом. Народы переживут настоящую эпоху Возрождения. Но это уже будут совсем иные народы — свободные, независимые, уверенные в своих силах. Таков неизбежный путь развития нашей страны. И лучше, чтобы распад империи прошёл мирно.

Или вот такая мудрая фраза: «усилить гарантии права обучения в школе на родном языке». И как можно усиливать то, что в природе на сегодня не существует? Но всё же в этом море пустопорожней болтовни есть и несколько островков. Важнейшие из них — это обещания предоставить республикам хозрасчёт и поставить родной язык народов в ранг государственных. Проведённые в жизнь, оба требования имели бы огромное значение для выхода республик из экономического, политического и культурного тупика. Но в том-то и дело, что в условиях империи эти обещания не более чем декларация. Выполнить их невозможно. Отсюда вывод: эти обещания будут выполнены, в лучшем случае, лишь частично.

1990 г.

УКРАИНА

Украина... Край голубого неба и бескрайних степей, густых лесов и синих озёр, чёрной земли и тёплого моря. Волшебный, воспетый поэтами край. Мягкий, певучий язык и песни, которые знает весь мир. Хорошо тут человеку. Зима тёплая, лето не жаркое. Море близко, но и до гор недалеко. Земля щедрая и на поверхности, и в глубине, в реках ещё со времён запорожских было полно рыбы. Может, не райский уголок, но что-то близкое к этому.

Почему украинцы покидают такой прекрасный край и свою родину? Почему их так потянуло в путешествия, почему так возрастает число тех, кто навсегда перешагивает порог родной земли и где-то растекается по чужбине? Попробуем открыть эту тайну. Начнём с самого простого — материального положения людей. Средняя заработная плата рабочих и служащих заметно ниже, чем по Союзу. И это не деньги, а слёзы. Так, получив на руки месячную зарплату, женщина не может купить на неё пальто. За эти деньги женщина может купить себе две пары очень ненадёжных сапожек. Цветной телевизор будет стоить 3–4, а обычная мебельная стенка — 5–10 месячных зарплат. За восьмичасовой рабочий день она заработает себе разве что на 2–3 пары колгот (которые на второй день начнут расползаться) или на десяток-полтора носовых платков. Ежедневный тяжёлый труд эквивалентен 1–1,5 кг средних по стоимости конфет или такому же количеству мяса. Кстати, когда женщина придёт домой, то убедится, что мяса там не более половины, а остальное — кости и жир. Немногим больше получает и муж.

А что же государство? Первое в мире, социалистическое и т.п.? Изо всех сил старается такое соотношение труда и зарплаты сохранить. Ему это кажется очень выгодным. Но народ дал этой системе точную оценку: «Они делают вид, что нам платят,

а мы делаем вид, что работаем». Производительность труда растёт, главным образом, на бумаге — за счёт искусственного снижения расценок и повышения норм. Рабочие отвечают на это так: что ж, мы работали плохо, но можем ещё хуже. И это страшнее отдельных забастовок, потому что это стиль, который охватил всё. И люди уезжают в те далёкие страны, где на полках магазинов лежат украинские продукты.

Ещё одна причина — экологическая. Весь мир знает про Чернобыль, но далеко не все представляют масштабы катастрофы. На опубликованной карте заражённые районы охватывают большую часть украинского Полесья, а на юге достигают Белой Церкви. Но и эта карта далека от правды. Лесостепная полоса вся испещрена участками, где подстерегают стронций и его побратимы. И тут каждый раз находят облучённое мясо и молоко. Собственно, стоило бы не поспешить и шаг за шагом обследовать всю территорию Украины. Но этого никто делать не собирается. Год за годом накапливается опасная доза в клетках организма, и год за годом растут раковые и другие заболевания. А государственная медицина убеждает всех, что больны они не из-за радиации, а от ... испуга. Даже термин придумали: «радиофобия». Тяжелее всего лучевая болезнь поражает нежные организмы детей. Быстро растёт количество рождённых детей-инвалидов. В одном из сёл из тридцати опрошенных детей девятнадцать признались, что у них кровотечения. А именно тогда в этих районах побывал заместитель министра охраны здоровья СССР и всех убеждал, что всюду всё благополучно, люди здоровы, вода чистая и даже в лесу сплошной озон. Недаром сейчас можно услышать от медиков до боли горькие слова, что им после Чернобыля стыдно носить халат врача.

И сейчас для целого региона Украины остались лишь в мечтах те времена, когда природа была просто волшебная, а не таила в себе смертельную опасность. Но беда не только в одной радиации.

Запас водных ресурсов Украины в расчёте на одного жителя в семнадцать раз меньше, чем по Союзу. Территория республики составляет лишь три процента всей страны, а размещена здесь почти половина энергетических и столько же атомных мощностей СССР. И строительство всё новых энергетических гигантов про-

должается. Не удивительно, потому что часть энергии идёт за рубеж — феномен, который пресса замалчивает. Экологически опасные предприятия строятся, как строились всегда — то есть почти или совсем без очистных сооружений. И один за другим миллионы самой плодородной в мире земли навсегда превращаются в пустыню. Поля дают всё менее безопасную для употребления продукцию. Этому также способствует и отравление их гербицидами и пестицидами или даже обыкновенными минеральными удобрениями, которыми засыпают поля. Без меры... А разве экстенсивной системе свойственно чувство меры? За что ни берётся такая система, она всё доводит до крайности, до своей противоположности, до идиотизма.

Над многими городами Украины стоят столбы пыли и газа, возникает смог, и дышать становится всё тяжелее. И размышляет украинец: чем так мучится здесь, не лучше ли уехать в Сибирь или Казахстан, там хоть заработаешь больше. А на его место придут уже двое из села. Растут города, зато бурьяном зарастают сёла... Тяжело сейчас в городе, но ещё тяжелее в селе. Значительно ниже зарплата, вечно пустые полки магазинов и рабочий день в две смены, чтобы обеспечить себя продуктами. Забитый техникой колхозный двор. Но это уже — и целый день ручной труд под горячим солнцем или по колено в болоте. Культурный дискомфорт и полукрепостная зависимость во всём от сельской номенклатуры. Всё это не только физически мучает, но и морально унижает человека. Вот и пустеет село — колыбель украинской культуры.

Итогом может быть одно: Украина была и остаётся колонией России, и правит ею колониальная администрация, особенно злая и ненасытная. Это настоящая мафия, которая оградила себя от народа китайской стеной привилегий и верной собакой служит московским господам. Кроме материальных поборов, здесь есть ещё задача политическая: непрерывная русификация и периодические погромы национальной культуры. Говорят, что на Шелеста (первого секретаря компартии Украины, при котором таких погромов не было и украинская культура начала понемногу возрождаться) Щербицкий, тогда глава Совета Министров УССР, написал донос, обвинив его в национализме. Вызвав обоих, мудрый Брежнев

сказал доносчику: «Поезжайте и правьте Украиной». И правит тот уже почти двадцать лет, как хан татарский. Если точнее говорить, он — наместник Москвы.

Все эти годы — словно сплошной погром. Ничего подобного Украина не знала со сталинских времён. Тысячи лучших интеллигентов были изгнаны с работы, часть пошла в концлагеря. Тысячи школ украинских стали русскими, техникумы и институты почти повсюду выбросили всё украинское из своих стен. Номенклатура все собрания и съезды стала проводить только на языке империи. При приёме на работу, тем более руководящую, россиянам всюду давалось преимущество. Трудно сказать, сколько их за это время переселилось на Украину. А пёстрая реклама рекомендовала украинцам за материальное вознаграждение переселяться с семьями в Сибирь, Казахстан, на Дальний Восток.

Искалеченная ранее историческая наука теперь будет добита окончательно. Вся система информации стала доказывать, что героическая трехсотлетняя вооружённая борьба украинского народа, которая прославила его на весь мир, была на самом деле борьбой не за свободу, а за воссоединение с российским народом. А учитывая, что народ этот в то время был в оковах рабства, нужно было верить: украинский народ только и мечтал о том, чтобы и самому надеть эти оковы. Можно ли сильнее обидеть народ?

Началась перестройка, а погром только усилился. Видно, в Москве стараются сберечь империю и не мыслят её без Украины. Недавно всю топонимику некоторых городов поменяли на русскую. И деньги нашлись! В Киеве в этом году при попытке открыть новую украинскую школу была распространена листовка с угрозой физической расправы с теми, кто отдаст туда своих детей. В селе Западинка в Киевской области вслед за одной русской школой построили сейчас и другую такую же. Ни одна инстанция на жалобы не отвечала. А возмущённых пообещали оштрафовать по 2 тысячи каждого, если не замолчат.

Душно на Украине. Душно и тяжело. Ведь нигде, кроме Средней Азии, номенклатура не стоит так твёрдо на старых сталинских позициях, как здесь. Нигде так мало не видно перестройку. Номенклатура хотела бы превратить украинский народ в ман-

куртов, которые стреляли бы в родную мать. Душно на Украине. Душно и тяжело. Не удивительно, что люди уезжают из колонии. Удивительно другое, что большинство осталось. И не только осталось, но и живёт, борется и верит в свою победу.

1989 г.

АЭС

Разрешите вам раскрыть секрет Полишинеля. Атомные монстры воздвигаются на Украине единственно с целью экспорта энергии за границу и получения валюты. Уже сейчас значительная часть энергетических мощностей работает на экспорт. Вот почему их здесь так много. Ведь в ФРГ, Франции и других странах сторонники атомной энергетики под давлением общественности всё больше отступают. И вот, вместо того, чтобы строить эти ядовитые объекты у себя, они размещают их у нас. И не в тундре, не в полупустынях, а прямо на Украине. Чтобы были рядом. Так удобнее. То, что собираются сотворить на Украине, — это настоящее преступление против целого народа. Эта экологическая катастрофа будет страшнее организованного Сталиным голода 1932–33 годов, когда погибло 7 миллионов человек. Уже сейчас многие говорят на Украине, что здесь есть прямой политический расчёт. Не будем повторять их аргументы, хотя и выглядят они довольно правдоподобно. Думаю, что это, скорее, всё та же бесчувственная и тупая бюрократическая машина. Она уже поставила Украину и Среднюю Азию на грань экологической катастрофы. Строительство же атомных монстров ускорит эту катастрофу и сделает жизнь у нас совершенно невозможной уже не через 30–40 лет, как предсказывают учёные, а гораздо раньше.

Нас пытаются уверить, что вот теперь, дескать, атом стал безвреден. Нам обещают: реакторы мы будем ставить улучшенной конструкции. Даже если бы сами машины мы довели до идеала, а это пока совершенно невозможно (и учёные это признают), — то машинами, в конечном счёте, ведь управляют люди. А в условиях безответственности, пьянства, воровства и просто нежелания работать — в условиях всего того, что нам оставила в наследство самодержавная Россия и 70 последних лет — разве можно строить

такие смертельно опасные объекты, как АЭС? И даже гласность у нас пребывает пока ещё в младенческом состоянии. Скажите, когда и где было рассказано о катастрофе на Белоярской АЭС? А ведь произошла она ещё 25 лет назад. И была не менее страшна, чем Чернобыль. Почему бы телевидению и прессе не послать туда корреспондентов и воочию увидеть и описать заражённую зону, растения и животных, больных людей. Если мы действительно собираемся извлекать уроки. Да, семьдесят последних лет страшно деформировали не только природу, но и нас всех. Мы стали безгласными, равнодушными, внешне покорными. Так вот, пока мы не поднимем из руин свою собственную личность, пока каждый из нас не почувствует, что все наши беды — это, в конечном счёте, результат нашей пассивности и пока мы не научимся защищать общественные интересы — до тех пор мы будем зависеть от шалостей бюрократов и покорных им учёных. Строить АЭС в таких условиях — это всё равно, что дать ребёнку поиграть бомбой в надежде, что он её ударит не слишком сильно. Все мы на Украине хорошо почувствовали Чернобыль. С тех пор как будто начался другой отсчёт времени. Винница в 300 километрах, но мы помним, помним эти трагические дни так, словно всё произошло только сегодня. Начался страшный атомный пожар.

Можем ли мы хотя бы надеяться на гласность? Чернобыль показал, что в глобальных катастрофических ситуациях — нет и ещё раз нет! О катастрофе никто не знал. Первомайская демонстрация, как ни в чём не бывало, состоялась даже в Киеве, рядом с пылающим реактором, и на головы людей сыпался радиоактивный йод, стронций и многое другое, а люди с неприкрытыми головами весело смотрели на небо. Можно ли придумать большее лицемерие, больший обман, чем эта организация всеобщего веселья ничего не подозревающих людей. Ведь это же преступление. Но за него никто до сих пор не ответил. Мало того, о нём ни разу не упомянули. А ведь были ещё гулянья 2 мая. В эти дни как раз ветер дул с севера, и снова на головы десятков миллионов людей излучалась и сыпалась радиация. А люди могли бы сидеть дома. Но они и тогда ничего не знали. Об этом грандиозном обмане два года говорят все, но только не средства официальной информации. Летом и осе-

нию 1986 года миллионы людей переболели. Обычно это было или возобновление старых, давно забытых недугов, или страшная слабость, когда каждый шаг давался с трудом. Длилось это обычно от недели до двух-трёх. А что же официальная медицина? Она замалчивала любые последствия Чернобыля и вела себя так, как будто ничего не произошло. Никакой статистики на этот счёт не велось, и увеличение онкологической заболеваемости никак не комментировалось.

Рассмотрим теперь экологическую ситуацию в Узбекистане. В Узбекистане на гектар земли применяют пестицидов в 55 раз больше, чем в среднем по Союзу. Значит, в 55 раз сильнее заражается почва, вода, растения, животные и сами люди. Но и это ещё не всё. На следующий день после дефолиации сотни тысяч детей, школьников и студентов выходят на уборку. Дети начальства на хлопок почти не ездят. Справку добывают. И правильно делают. Остальные же там дышат, пьют, едят. Какие последствия планирует в их организмах мутагенный пестицид, «влияющий на все последующие поколения»? Этого не знает никто. Родятся ли у них дети, а если родятся, то на кого будут похожи и какие врачи, какие больницы понадобятся для них? «Врачи-практики говорят: на следующий день после дефолиации начинается стремительный рост заболеваний. Гепатит даёт вспышку два-три раза. И три четверти больных — дети». Но пестициды не только отравляют организм, они и подавляют иммунную систему. «Да, это и есть химический СПИД». И эта чудовищная расправа над древнейшей в стране цивилизацией и её народом творится в конце XX века — в нашей стране и на глазах у всего мира. «Вроде бы абстрактное «любой ценой» обернулось реальными смертями тысяч и потерей здоровья для миллионов». И кто может после этого сомневаться, что если бюрократическая система получит в своё распоряжение АЭС, то она превратит Украину в мёртвый безжизненный кусок планеты? Разрушая природу, уничтожаешь и человека — для атомного заражения это пройденный этап. Ибо оно начинает прямо с человека — с самого хрупкого на земле создания.

Представьте себе такую картину. Ласково прикасается зелёными лапами лес, мерно облегает тёплая река, разноцветными

звёздами смотрит цветущий луг, маленькими красно-жёлтыми факелами встречает сад, а сверху всё льются и стекают прямо на вас волны голубого света. Да, это сама жизнь. Но уже сейчас эта прекрасная картина уходит в прошлое. Если вы решились пойти в лес — не доверяйте ласковым прикосновениям веток и шелесту прошлогодних листьев: в них накапливается радиация. О купании в реке лучше забыть. Цветущий луг, прежде чем на нём полежать, не мешало бы проверить: грибы, ягоды и плоды предпочитает не только человек, но и стронций. Нередко вместо неба лучше созерцать собственный потолок.

Нас пытаются уверить, что мы получили тяжёлый урок, и этого достаточно. Но кто это говорит? Инопланетяне? 70 лет мы только и делаем, что пытаемся прийти в себя после очередного урока. А где та глобальная польза для народа, которую извлекли хотя бы из самых страшных уроков прошлого министерства и другие вышестоящие ведомства? Но всё дело в том, что после такого урока народ рискует вообще не подняться. Нет, если мы всерьёз берёмся за перестройку, то её надо начать с того, что все региональные проблемы, и прежде всего строительство АЭС, должны решаться народом, а не столоначальниками. Для начала хотя бы поднимем до уровня развитых капиталистических стран, где глобальные проблемы широко обсуждаются, где проводятся опросы общественного мнения, а при необходимости — и референдумы. Не министерство нам нужно для охраны природы, а сеть общественных организаций, имеющих своих представителей в Советах на всех их уровнях и гарантированные права. Не «прислушиваться к мнению народа», а выполнять его волю обязаны государственные организации.

1990 г.

ПИСЬМО К Л.Г.ЛУКЬЯНЕНКО

1990 г.

Уважаемый Левко Григорьевич!

Последние события на Украине чрезвычайно встревожили меня. Худшие из моих предчувствий сбываются. Неужели враги наши, с одной стороны, и мы сами, с нашим безмерным горором, религиозным и политическим фанатизмом, нетерпимостью к чужому мнению, темнотой и презрением к теории, — неужели нам всем всё-таки удастся осуществить то, что и Сталину не удавалось: разорвать Украину на куски? И если нашими совместными усилиями возникнет вместо независимой Украины «независимая Новороссия», «независимый Крым», «независимая Луганщина», «Донецко-Криворожская республика», «Свободный город Одесса», а потом и ЗУНР²¹, то кто мы такие? Худший враг не в силах сделать с нами то, что причиняем нашей родине мы сами. Железом диктатуры и кровью народов мафиократия пытается объединить империю, которая распадается. Последняя сессия Верховного Совета и выступления на ней Горбачёва показали, насколько это всё серьёзно. И совсем не случайно в эти дни «Советская Россия» напечатала огромную статью маршала Ахромеева, в которой он заявляет, что армия не может остаться в стороне... И что час уже пробил.

В таких условиях, когда нам одновременно угрожают наша внутренняя слабость и загнанный в угол зверь и когда наша волюкита или необдуманное действие могут привести к национальной трагедии, нам нужно немедленно выработать программу национального спасения, вынести её на обсуждение всего народа.

---

²¹ Западноукраинская народная республика.

И, опираясь на него, провести её в жизнь. Я предлагаю некоторые мысли по этому поводу.

1. Мы вступили в период революции. Но все революции начинались с уступок центральной власти или даже реформ, потом власть считала, что с неё достаточно, и наступал момент застоя или даже насилия над народом, и тогда народ брался за оружие и силой ломал старую систему жизни. В России первый этап — это революция 1905 года. Второй — Февральская революция. Как правило, революционный взрыв под давлением народа завершает серия реформ, они создают фундамент нового социального строя. Чаще всего, завоевав веру народа и опираясь на веру и силу, лидеры революции начинают действовать не столько ей во вред, сколько себе на пользу и очень скоро становятся её самыми большими врагами. Они разрушают всё, что мешает им добыть и удержать неограниченную власть, но делают это именем революции. И этим самым дискредитируют её в глазах народа. Как правило, делается это так успешно, что к власти приходят именно те, кого революция свергла. (Так было, в конце концов, после Английской и Французской революций). Что ведёт к новой революции или целой серии их. Их внешняя цель ясна. Восстановить завоевания первой из них. В действительности они собираются решить и совсем новые проблемы.

Очевидно, это — закономерность истории, потому что и у нас всё развивалось по знакомой схеме. За одним исключением: политическая система и её вожди при власти остались, значит, не было и новых революций. Почему это так случилось — отдельная тема, а если в двух словах, то я думаю, что главную роль тут сыграли два фактора: возможность экстенсивного развития и традиционная слепая вера в вождя. А остальное приложилось. В таких условиях марксизм, анархизм, либерализм и какое-либо другое течение в конце концов трансформировалось бы в тоталитарный режим. В условиях той России он был просто неминуем. Но, так или иначе, а та, вторая революция у нас ещё впереди. Конечно, сейчас стало модно всячески отрешиваться от революции, мало того, вешать на неё всех собак. Мафиократия, пользуясь политической слепотой и просто страхом левых сил, через все средства массовой

информации доказывает, что только постепенное, медленное движение приведёт нас в цивилизованное русло. Она смертельно боится революции. И она права. Но, как все прежние похожие на неё системы, делает всё от неё зависящее, чтобы революция наступила. Когда миллионы волей соединяются в одну — никто предвидеть точно до сих пор не смог. Потому что революция — явление и объективное, и субъективное одновременно. Оно творится людьми, но ни один человек не может ни вызвать, ни остановить его. Но разумные политические деятели должны готовить себя и свой актив к такому повороту. Тем более, что потом события совершаются с невероятной скоростью.

Февральский взрыв застал всех врасплох. Имея такую тактику, как Ленин, большевики первыми пришли в себя и с лозунгами «земли и мира» победили. Эсеры были несравненно влиятельнее, но пока они опомнились, большевики завоевали авторитет в армии, столице и самых больших городах страны. И стали победителями, потому что не расплили свои силы, а ухватились за главное звено. Не случится ли подобное и сейчас? История любит повторяться.

2. До сих пор речь шла о социальной революции, но на Украине она соединяется с революцией национально-освободительной. Последняя без первой невозможна, но это уже вывод не столько исторический, сколько современный. Но, например, Латинская Америка, революционным путём освободив себя от испанского гнёта, только сейчас завершает своё освобождение от феодальной системы. Сейчас, я думаю, такое уже не произойдёт, но что процесс этот может идти неравномерно, преимущественно по национальному или социальному пути, а потом наоборот, — в этом я не имею сомнения. Конечно, лучше всего было бы одним ударом покончить со всем, но это задача для народа настолько грандиозная, что даже революция может принять, в основном, один характер. Какой именно? Скорее, национальный. Украинское панство может пойти даже на конфедерацию, возможно, и на полное отделение, лишь бы завоевать у народа авторитет и сохранить существенную часть своих социальных позиций, да и прибрать к рукам союзное имущество. Но за свои собственные политические пози-

ции наши господа будут биться отчаянно, тут нужно ждать всего: от предложения единства с левыми силами, от обмана не только нас с вами, но и Москвы, до массовых провокаций, кровавых эксцессов и соглашения на повторную оккупацию Украины. Вот почему революцию нельзя считать законченной, пока вся власть не будет вырвана у старых и новых господ и демократическое общество не станет нормальной структурой по всей Украине.

3. На сегодня народные массы чрезвычайно активны по сравнению с 1985 годом и очень пассивны по отношению к задачам, которые перед Украиной стоят. Диалектика пронизывает жизнь, а в революции без знания диалектики мало что понятно. И отдельный человек, и группа людей меряют себя чаще всего не столько по велениям жизни, сколько по тому, насколько они уже пошли им навстречу. И часто зов жизни должен быть очень громким, чтобы человек дрогнул и сдвинулся с места. Вот почему политический деятель и народ, к которому он обращается, могут говорить на разных языках: политик видит впереди большую и крутую дорогу, а люди — пройденный этап. Ему всегда нужно видеть конкретных людей, но насколько же легче представлять перед собой абстрактную массу... У нас сейчас есть словно четыре Украины: Западная, Центральная, Восточная и Южная. В каждой — интеллигенты, рабочие, крестьяне, чиновники, армия и милиция. Каждая группа, в свою очередь, делится на правых, левых и колеблющихся (на самом деле, всё значительно сложнее); наконец, все они — люди с разным образованием, политической подготовкой, готовностью к действию. Я уже не говорю о том, что все люди делятся на активных и пассивных, на разные нации и т.п. Но все они требуют к себе отдельного подхода. И они правы, потому что каждая такая группа должна пройти свой собственный путь.

4. Поэтому вопрос стратегии и тактики партии или объединения сейчас самый важный. Движение нерешительное, движение, обременённое соглашениями и компромиссами, в конце концов перестаёт быть движением, оно просто останавливается. А потом начинает катиться назад. Решительность очень важна для движения вперёд. Итак, каждый наш шаг должен быть необходимым. Так, чтобы и массы видели: иначе действовать просто невозмож-

но. Чтобы найти эту необходимость, следует учесть исторический опыт и философские выводы из него, конкретные объективные и субъективные обстоятельства, свои возможности. На основе этого нужно, прежде чем принимать решения, обдумать политическую ситуацию на несколько ходов вперед. И хорошо увидеть все природные неровности на нашем пути и те ловушки, которые может поставить враг. Так что, в конце концов, перед нами должна быть вся картина развёртывания событий после сделанного шага: его результат, реакция на местах, удар врага, наш контрудар, непредвиденные варианты. И тогда нужно выбирать время, наилучшее для задуманного.

Всегда можно учесть главное, но никогда — всё. Отсюда: твёрдость в главном, гибкость в деталях. Важно не путать первое со вторым. Истина всегда конкретна. Одно дело, когда политическая акция проводится силами актива партии или объединения, и совсем другое, когда к этому привлекаются широкие круги народа. Для первого вполне достаточно благоприятных обстоятельств и хорошей подготовки, для второго — необходима готовность масс. Так, митинг, демонстрацию и даже грандиозную цепь единения можно провести и силами одного актива, если он достаточно большой. Но никакая агитация не заставит принять массы участие в общей забастовке, если они к этому не готовы. И тогда забастовка просто не произойдёт. Вместо пользы такая акция принесёт только вред, в частности, авторитет снизится не только у организаторов, но и у всего политического направления. История свидетельствует, что в таких случаях тень падает на всех. Мало того, больших неудач нужно избегать, потому что именно они сеют неуверенность в мыслях и нерешительность в действиях. И когда поле уже готово, рука не поднимается, чтобы дать ему жизнь.

Неудач не следует бояться, они неминуемы, хороший анализ и глубокие выводы — уже начало будущей победы. Но настоящий успех придёт только тогда, когда за предложенную идею и за её осуществление в жизнь конкретные люди несут персональную ответственность. И принцип должен быть неоспоримым: не умеешь — не берись. Никакие заслуги к сведению не принимать. Вот почему как в партии, так и в союзе так нужна теоретическая груп-

па. Определение основной линии на каждом этапе, тактики по поводу каждого общественного явления и каждой социальной группы, рекомендации насчёт политических акций, людей и подходов к ним — работа огромная и очень сложная. Тут нужны специалисты, мало того, люди, которые могут постоянно учиться и иметь на всё самостоятельную точку зрения, люди с высоким уровнем ответственности, наконец, такие, для которых истина всегда выше, чем авторитет. Время от времени члены такой группы должны погружаться в гущу жизни, изучать настроения людей, помогать в организации акций, смотреть своими глазами на поведение разных социальных групп. Но для постоянной связи и организации политических действий необходимо иметь отдельную группу, где тоже должны вырастать специалисты своего дела.

5. Отдельный вопрос — отношение к рабочим и интеллигенции. Я убеждён, что без союза с работниками заводов, железных дорог победить невозможно. Мало того. В часы рождения нового ориентира, когда он едва вырисовывается в тумане, часть работников может принять мираж за действительность и пойти навстречу правым. При пассивности остальных это будет иметь трагические последствия для Украины. И не рабочие, а только мы будем виноваты. Новые идеи должны быть не только чётко очерчены, но и, прежде всего, выделять интересы рабочих. С кем они будут, тот и победит. Необходимо, пока не поздно, создать рабочую партию Украины. Партию, которая в своей борьбе соединила бы две великих идеи: освобождение, становление и защиту рабочего класса и Украины. Партию, которая могла бы раскрыть рабочим, что все их социальные беды напрямую связаны с колониальным статусом Украины, что, освобождая её, они освобождают и себя. Партию, которая бы объединила вокруг себя рабочих всех частей Украины общими бедами и общей борьбой. Партию, которая и сама радикальна, и будет в союзе с левыми силами. Не следует думать, что УРП²² или какой-либо другой левой партии не нужен ещё один конкурент. Без конкуренции не будет и движения. За лидерство среди единомышленников нужно бороться ежедневно и ежечас-

---

²² Украинская Республиканская партия, созданная в 1990 г. Л.Г.Лукьяненко был её главой.

но, это вымывает негодные кадры, преодолевает застой, заносчивость, пассивность. Одновременно сила союзника — это и ваша сила, без его надёжной руки разрушить тюремную стену будет очень тяжело, а построить новую Украину — и вовсе невозможно.

Со мной могут спорить, что создать такую партию, ещё и на идеях независимости, невозможно. Думаю, что действительно это нелегко, но крайне необходимо. А осознанная необходимость — это таран, который пробьёт любые скалы. И так ли уже нужно ставить вопрос ребром: независимость или ничего? В разработанной мною в прошлом году программе партии путь в будущее был разделён на два этапа, и целью первого было создание конфедерации независимых государств. Я исходил тут из фактического состояния вещей: большая пассивность масс, слабое национальное сознание, представление, что на смену старому строю может прийти петлюровщина и бандеровщина, а с ними — религиозность, нетерпимость и массовый террор. Что касается империи, то я был уверен, что она никогда не пойдёт на создание конфедерации, потому что это уже будет её конец. А для нас конфедерация — фактическая независимость. Свободное вступление и выход её обеспечивается. В тактическом плане лозунг: «Независимая Украина в составе конфедерации или полная самостоятельность» имеет большое преимущество. Потому что уже сейчас позволяет объединить в борьбе все части Украины, а это на сегодня самое главное. И если мы объединим вокруг себя рабочих Украины — перед нами не устоит самая крепкая крепость.

В моей программе я изложил в сжатом виде программу реформ в городе и в селе. Думаю, что ограничиваться несколькими фразами, как в действующей Программе УРП, сейчас никак нельзя. Каждая партия и союз должны иметь развёрнутую программу основных социальных реформ, где в чёткой форме было бы изложено: их направление, обоснование, этапы и их зависимость от условий, способы осуществления и роль партии и общественных организаций. Без такой программы рабочие за нами не пойдут, а без их поддержки мы скалу с места не сдвинем. В самой программе партии или союза должен быть раздел, где всё это нашло бы место. И всё это нужно делать как можно быстрее.

Некоторые мысли в тезисном виде по поводу реформ.

Мелкие предприятия — приватизировать. Средние — в собственности коллективов, администрация выборная, прибыль делится в зависимости от вложенного труда. Частным лицам по-зволяется строить новые предприятия на правах их полных владельцев. Большие предприятия частично должны принадлежать украинскому государству, частично — акционерным коллективам с правом работающих на них иметь контрольный пакет акций, некоторые могут стать общими с иностранными фирмами. В селе основная часть земли должна была поделена между работающими крестьянами с правом наследования, но без права продажи, по крайней мере, в течение 15–20 лет (продажа возможна только тому Совету, который ему эту землю давал, но это не плата за землю, а компенсация затрат в виде двух годовых прибылей собственника или средней по области прибыли для такого типа земли, на выбор). Из остальной земли Совет создаёт фонд, из которого и наделяет землёй желающих. Каждый, кто получает землю из фонда, должен выплатить сумму, равную трёхлетней прибыли на такой земле. Собственники земли могут объединяться в кооперативы или распускаются. Аренда земли запрещается.

Левые партии и союзы должны взять весь этот процесс под свой контроль. Не допустить захвата предприятий и земли правящей мафией уже вторично, теперь уже в роли законных собственников. Сейчас всюду возникают «концерны» из министерств и других правящих структур. Их возглавляют всё те же «господа», а те, кто протестует, изгоняются с работы или терпят другие материальные и моральные убытки. Кстати, издан устав концерна (который почти невозможно достать), где, в частности, есть и параграф про привилегированные акции, они ограничены 10%, и их собственники получают прибыль независимо от уровня прибыли концерна, они фиксированные, но не могут быть ниже среднего уровня. Если другие акционеры получают прибыль выше, то у них просто отрезается столько, сколько нужно, чтобы приравнять к себе привилегированных. Думаю, что такие законы и на их основе законные махинации с властью и деньгами станут явлением

массовым, и если у нас не хватит ума, организации или воодушевления, откат назад будет неизбежен.

6. Вот почему у нас нет другого пути, кроме как быстро, но разумно создавать новую структуру общества. Вопрос этот и трудный, и деликатный, потому что затрагивает интересы, традиции и чувства масс. И он требует хорошей теоретической подготовки. Я остановлюсь только на некоторых аспектах. В прошлом сначала возникала структура экономическая, а революция приспособляла к ней структуру политическую. Так, развиваясь в средние века, торговля и ремесло в конце концов привели к возникновению городов, а за их стенами постепенно возник совсем новый образ жизни. Так и родилась новая Европа. Революции распространили новый мир на весь континент. Сама революция тоже растянулась надолго, потому что это — не только один короткий взрыв, но и разрушение всей старой структуры: экономической, политической, культурной и связанных с ней традиций. Сам взрыв, или первый этап революции, разрушает только самое главное и закладывает фундамент нового общества. Но чтобы изменить старый мир, нужно немало усилий, времени и желания. А чтобы построить на его месте новый мир — даже этого всего бывает мало, и тогда снова — кризис и новая революция.

Ленину, которому не удалось возглавить буржуазно-демократическую революцию, не оставалось ничего другого, как возглавить революцию социалистическую. Теоретически вопрос о социалистической революции и социализм почти не был разработан. Мало того. В России никаких социалистических структур не существовало. И за границей тоже. А в истории без первого и второго построить новое прогрессивное общество ещё никому не удавалось. Но, с другой стороны, это и легче: что ни построишь — можно выдать за социализм. И всё же, главное — в законе истории, который твердит: каждая власть стремится к бесконечности. И если не поставить на её пути стену, она заполнит собой всё. В России были хорошие предпосылки для создания тоталитарного режима, но не меньше было и препятствий. Среди подавляющего большинства населения страны вера в доброго царя развеялась, но вера в доброго пастыря осталась. Но революцию делают города,

а в городах власть была не столько в руках правительства, сколько в руках советов. Большое влияние имели и профессиональные союзы. Традиции стачечной и революционной борьбы пустили крепкие корни. Взять штурмом такую крепость было невозможно. Нужно прокрасться в ряды её защитников, мало того, дать им хорошие подарки. Так и сделала новая власть.

В самые тяжёлые годы Гражданской войны для рабочих был установлен 8-часовой рабочий день, месячный отпуск, 100% оплата больничного листа, полный запрет для женщин работы на ночных и вредных для здоровья работах, 48-часовой выходной день, запрет сверхурочных работ и другие права. О некоторых из них рабочие сейчас могут только мечтать. Кроме того, бесплатным был городской транспорт, квартиры, коммунальное обслуживание, обеды в заводских столовых. Назвать это казарменным социализмом может только невежда. Без таких уступок новая власть проиграла бы Гражданскую войну уже в самом её начале. Интересно, что в нашей литературе об этом до сих пор никто не вспоминает, как и о том, что почти всё из перечисленного выше было отобрано у рабочих сразу после окончания Гражданской войны. Ещё при Ленине начался разгром профсоюзов. Мавр сделал своё дело, и его снова запрягли в ярмо, да ещё какое ярмо!

Одновременно шёл быстрый процесс восстановления самодержавной власти под ширмой диктатуры пролетариата, которая проявляет себя в диктатуре партии. На самом деле ни первого, ни второго у нас никогда не было. Мало того, не было у нас и партии как политического актива народных масс и выразителя интересов трудящихся. Ещё до революции партия представляла собой армейский отряд с иерархией, дисциплиной и генералами-вождями. Внешне она сберегала святую простоту, и это всех вводило в заблуждение. Власть в стране захватила не партия, а партократия, которая в сталинские времена превратилась в мафиократию. Рядовые члены партии были так же бесправны, как и весь народ. Правда, каждый из них мог сделать карьеру, но с таким же успехом каждый американец — потенциальный президент.

Вот почему ещё много лет после Октября шло одновременно два процесса. Массы людей с искренним энтузиазмом воева-

ли, мёрзли, голодали и в конце концов построили, как рабы на пирамидах, «нечто поразительное и невыразимо красивое» (Леся Украинка). За два десятилетия страна поднялась из руин, и её покрыла сеть заводов, железных дорог, школ, больниц. Сколько тут было воплощено лучших человеческих черт. Люди искренне верили, что они строят прекрасный мир и образец для человечества. И это освещало всю их жизнь, поднимало их в собственных глазах, преображало и делало лучшими. И в то же время шёл другой процесс, целиком противоположный первому. Формировался тоталитарный имперский режим, гораздо худший, чем до революции. Вокруг себя он сеял не только смерть, но и уродовал, калечил, уничтожал людские души. Первый процесс постепенно замирал, но ещё во времена Хрущёва немало людей верило, что мы вскоре всё-таки построим коммунизм. Двадцать лет назад последние надежды исчезли. Именно поэтому с начала 70-х годов начинается упадок уже не отдельных отраслей, а общества в целом. Потому что заставить людей работать хорошо никто не может.

У нас никогда не строился социализм, как не существовало в природе коллективных хозяйств или советской власти. Всё это были мифы, в которые и сейчас многие верят, а кое-кто и отчаянно борется за них, как настоящий Дон Кихот. Вопрос этот настолько важный, что на нём следует остановиться отдельно. Пока мы не поймём, что в основе действий политического деятеля лежат его личные интересы, мы не поймём ничего. Идеология в лучшем случае играла вспомогательную роль, но чем уверенней ощущала себя власть наверху, тем больше идеология играла роль ширмы. Тоталитарный режим согласовывает свои действия с личными потребностями вождя и его окружения, в определённой мере — с интересами правящего класса, точнее — банды, которая захватила власть в стране. Глупо представлять Сталина и кого-либо другого из этого круга в роли человека, который, прежде чем отдать приказ, открывает том Ленина или Маркса. Мы чрезвычайно высоко поднимаем бандита, называя его марксистом, социалистом, интернационалистом. Всё это только названия мифов. Всё это только придуманная мафией игра. Игра, когда мяч летит куда угодно, только не в ворота противника.

Пора прекратить бессмысленную борьбу с ветряными мельницами: коммунизм, социализм, марксизм. Такая борьба приносит нам большой вред, вместо того, чтобы бить по системе, мы только сотрясаем воздух. И этим утешаем себя, мало того, разъединяем собственные ряды и ещё радуемся, как дети, тому, что натворили. История нам этого никогда не простит. Нужно вести решительную борьбу с провокаторами и глупцами, которые сеют между нами зубы дракона, а нас перед народом ставят в дурацкое и смешное положение. Я уже не говорю о том, насколько это пополняет и сплачивает вражеские ряды. И разрывает на части Украину. И пора понять: нас впереди ждёт работа не только тяжёлая, но и невероятно сложная. Нужно отделить Украину от империи — и так, чтобы не резать по живому. Нужно сохранить её единство, а это возможно только в том случае, когда каждая область ощутит и осмыслит внутреннюю необходимость остаться в составе Украины. Нужно восстановить чувство национального единства, и это после многих лет колониального гнёта. И так каждая проблема, за которую ни возьмёшься. А ситуация всё усложняется. Ещё в феврале я писал, что на смену партийной диктатуре приходит президентская, что эта структура власти будет расти сверху донизу, заполняя собой всё, и что для такого поворота вправо будет использована острая искусственная нехватка товаров. И что не только пресса, но и сами депутаты будут требовать твёрдой руки для наведения порядка и будут отдавать президенту свои полномочия до тех пор, пока президент не станет императором.

Методы шантажа масс для установления диктатуры стары, как мир, а жажда власти одинакова и у римского императора, и у современного генсека, значит, предвидеть ход событий не представляет особой трудности. Но раз так, то и мы в работе с массами должны переключить наш главный удар с партии на систему президентской власти. Тем более, что такая власть не может жить без напряжённых ситуаций: если их не будет, она создаст их искусственно. Значит, пока у нас президент, до тех пор будут доведены до крайности все возможные конфликты и нормальной жизни у нас не будет. Это ещё один аргумент за отделение. Но одновременно ни на минуту нельзя прекращать борьбу против партийной

мафии, так как пока что власть на Украине в основном принадлежит ей. Мало того, аппарат президентский из неё же и формируется, да и до сих пор всю жизнь в стране стараются приспособить к её проблемам.

Нам надо делать всё, чтобы прекратить рост президентской власти и не дать ей распространиться на Украину. Потому что это будет иметь для нас самые трагические последствия. Народ больше не хочет терпеть ни чужих, ни своих господ. Если эту гибельную идею поддержит часть демократов, то это приведёт к их расколу и к потере авторитета, как утратил его Верховный Совет СССР. А нам надо сохранять единство и ясный ум. Потому что нас ждёт целый поток шантажа, провокаций, угроз. Сейчас в Москве фашистская и монархическая нечисть ведёт яркую пропаганду защиты несчастных российских солдат, которые гибнут в имперских владениях от рук «кинородцев» за «единую и неделимую Россию», и призывает к созданию отрядов для их поддержки. Я убеждён, что в подавляющем большинстве их не поддержат в России и тем более в Москве. Но для создания таких отрядов массовая поддержка и не нужна, достаточно части населения, а главное — финансовая помощь и пассивность власти.

Думаю, что было бы целесообразно на данном этапе перейти к созданию по всей Украине комитетов по защите демократии и республики. Название могло быть и другим, но функция, я полагаю, должна быть такая. Вокруг них могли бы спланиваться люди энергичные, готовые решительно отстаивать от всяких провокаций демократические структуры своей территории, а при необходимости — и всей Украины. Дальше сама жизнь расширит их полномочия.

Я заканчиваю. Желаю успехов.

К.Крижановский.

РЕЧЬ ПЕРЕД ДЕПУТАТАМИ

Уважаемые депутаты!

У нас на Украине издан ещё более драконовский указ, чем позорный закон от 8 апреля 1989 г., закон, который вызвал огромное возмущение по всей стране и был в основе своей отменён Верховным Советом СССР. Не первый раз Украина славится на весь мир указами, которые издаёт печально известный Президиум Верховного Совета во главе с Шевченко и Хоменко. Но, кажется, такого ещё не было. За захват помещения, за листовки, которые могут вызвать панику, угрожает огромный штраф или тюрьма. Таким образом, те, кто предупреждал про страшные последствия Чернобыльской катастрофы, те, кто пытался пробить официальный лёд молчания и остановить преступление против миллионов людей, те, о ком из года в год писали, что они сеют панику, — все они сейчас во главе с Юрием Щербаком смотрели бы на нас с вами сквозь решётку, и не 10 дней, а 5 лет. Кого будут судить сейчас? Ясно, что не партократа и его верных слуг. Тут нас призывают быть милосердными и не помнить зла. Как и раньше, что бы он ни делал, ему всё сойдёт с рук.

У нас на Украине со скифских времён стоят каменные бабы. Станные чудесные загадочные фигуры с огромными животами. Немые, как камень. Уже тысячи лет. А если бы они заговорили? И начали учить нас, как мы должны по-каменному неподвижно жить. А потом и законы издавать. Невероятная вещь? В наше партийно-президентское время всё возможно. Судите сами. Ещё свеж в памяти зловещий Указ от 8 апреля 1989 года. Волна народного гнева наконец смыла почти весь его карательный текст. И вот, пожалуйста. Каменная баба снова заговорила. Президиум Верховного Совета издал такой указ, который, по сути, возвращает нас в правовом отношении к 30-м годам. И одновременно соз-

даёт впечатление, словно на Украине вот-вот должны высадиться десантники из числа тех, которые захватили целые кварталы в Вильнюсе. «Захват... или помехи (*стиль каменный — К.К.*) в нормальной работе учреждений, организаций, предприятий... до пяти лет...». Вот так! А потом докажите, что вы не верблюд. И «помехами» в работе учреждений и не думали заниматься. Но что до этого каменной бабе? И она говорит дальше: «Призывы к погромам (у нас не Россия, где есть такие призывы) ...или осуществление других действий, которые угрожают общественному порядку и безопасности граждан... — до одного года...». Но если вас повторно обвинят «в других действиях», то получите пять лет тюрьмы. За листовки «такого содержания» дают столько же. Вам всё это совершенно непонятно? А кто отличит «распространение неправдивых слухов» от распространения слухов правдивых? Или тех, которые «могут вызвать панику», от тех, которые не в силах это сделать? И не утешайте себя надеждой, что на практике вам ещё не удалось за всю жизнь вызвать хоть одну, ну самую маленькую панику.

Правящий аппарат, что бы он ни творил, ни за что не отвечает. Та же самая Валентина Шевченко за преступления против народа, в частности за заражение чернобыльской чумой миллионов людей, давно уже отбывала бы самый суровый срок наказания. Не потому ли они все и до сих пор такие немилосердно жестокие? Не потому ли, что и до сих пор преступники правят Украиной? В.Шевченко, которая должна была бы старательно, страницу за страницей, подписывать все тома своего уголовного дела, подписывает указы Верховного Совета Украины! Может ли быть большее надругательство над народом? Оказывается, что может. Валентина Шевченко уже второй месяц как не депутат. И всё же пишет! Как тот бестелесный мундир в юмореске Ильфа и Петрова.

Указ, действительно, написан словно каким-то бестелесным мундиром, а не человеком. И потому его можно употребить, когда вздумается и для кого угодно. Судите сами. За что вы можете неожиданно получить пять лет тюрьмы? За «помехи нормальной работе учреждений, организаций, предприятий». Лишь один год — за «осуществление иных действий, которые угрожают об-

щественному порядку». Но если вы повторно осуществите «иные действия» — то получите за это «пятёрку». А если об «иных действиях» будете распространять листовки и плакаты «такого содержания», то субъект с квадратным лицом поставит вам те же самые «оценки». Вы спросите, что же это за субъект? Тот самый, который знает, что такое «иные действия» и «такое содержание». Каменная баба признаёт одну только каменную правду и за «неправдивые пути» карает, но... только исправительными работами и только на месяц. Может, это только в тех случаях, когда они не имеют «такого содержания»?

ОБРАЩЕНИЕ УХС ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ В ТАДЖИКИСТАНЕ²³

Дорогие братья и сёстры! Снова кровавые тучи национальной вражды закрывают нам путь к свободе. Снова, вместо того, чтобы разрушать стены тюрьмы, узники бьются между собой. И ещё один народ правительство рассматривает сквозь прорезь в танковой броне. Может быть, уже достаточно пепла и слёз? Может, лучше просто предоставить народам независимость? Но ни одна тоталитарная империя ещё добровольно власть не отдавала. И последняя на земле империя, чтобы не потерять добычу, готова править по колено в крови и при свете пожаров. Для этого нужно только одно — натравить один народ на другой, а потом, слегка выждав, бросить на республику спецвойска. И тогда, уже в который раз, империя выступит в роли третейского судьи. И тогда она всё больше будет требовать для себя введения чрезвычайного положения и учреждения поста президента, который очень быстро превратится в диктатора сталинского образца. Партократическая империя, как и империя самодержавная, всё время сеет между народами зубы дракона и сама же бросает между ними камень провокаций. Разве не надо было сразу же народным референдумом решить карабахский вопрос? Кто обратил бы на это внимание, если бы не разжигание искры в пожар, не вопли от Москвы до Баку, не заявления, что тут поставлена на карту ни больше, ни меньше, как честь азербайджанского народа. День за днём в Сумгаите насиловали, резали и жгли, но Москва палец о палец не ударила, чтобы это прекратить. Вся печать и телевидение дружно сообщили, что в Баку армянин зарубил двух азербайджанцев, но войска были введены

---

²³ В феврале 1990 г. в Таджикистане произошли беспорядки, жестоко подавленные властями с помощью спецподразделений союзного подчинения.

туда лишь тогда, когда с армянским вопросом там уже было покончено.

Все конфликты лежат на экономической почве. И наверху это понимают. В ряде русских областей среди голодных, бесправных, замученных людей ведётся невиданная со времён Сталина антисемитская пропаганда. В неё дружно включились все — от секретарей обкомов партии и журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник» до фашистских бандитов в форме «Памяти». Эта гнусная кампания вызвала возмущение всего мира и массовый выезд евреев, но вся партийная пресса или молчит, или поддерживает её.

Мало того. Только «Памяти» разрешили провести митинг на Красной площади. Только она получила для собрания зал имени Чайковского. Ободренная партаппаратом, «Память» устроила погром в Союзе писателей СССР. И это ей тоже сошло с рук. На массовые протесты, в том числе большой группы депутатов Верховного Совета СССР, будущий президент даже не соизволил ответить. Видно, так и собираются править, используя как опору самые тёмные, самые реакционные силы русского фашизма. Теперь уже нет сомнения, что «Память» — это просто филиал КГБ. Но самое отвратительное — это поддержка частью русской интеллигенции русского фашизма.

В Средней Азии дети превращены в хлопкорабов, работают с 7 лет на отравленных химией полях. Миллионы детей больны. В Душанбе много безработных. Монокультура вытеснила всё традиционное сельское хозяйство. Таджикистан превратился в типичную колонию, и бедствия страны быстро нарастают. Что же удивительного, что в таких условиях камень провокаций попал прямо в цель? Религиозный фанатизм довёл уже горячий порох до взрыва. И когда в Душанбе разразился погром иноверцев, партаппарат оградил себя мощными силами войск и спецназа. Ещё раз мафии удалось отвести от себя удар и направить его против части народа.

Вывод для нас может быть только один: колониальная администрация на Украине ничем не лучше азербайджанской или таджикской. Факты подтверждают это. В последние годы партаппарат усиленно копается по углам, пытаясь собрать отбросы обще-

ства и создать на Украине Интерфронт²⁴ или хотя бы «Память». И то, что до сих пор это ему не удалось, лишь усиливает поиски, но не прекращает их. Украинцам не перестают подкидывать антисемитские лозунги, а русскоязычному населению — провокационные слухи. Последние пленумы ЦК КПСС и ЦК КПУ носят открыто лживый, клеветнический характер. Нам необходимо не поддаваться на провокации, а бороться за независимую и демократическую Украину для всех живущих на ней народов.

1990 г.

---

²⁴ Реакционное объединение, созданное «сверху» в некоторых республиках СССР для противодействия национальным и демократическим движениям.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ СЪЕЗДА РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ В ЛИТВЕ²⁵

Съезд отмечает, что литовский вопрос занял сейчас в стране центральное место. Литва — первая страна, которая заявила о своей независимости от Союза ССР. Этот шаг сделан уже после выборов новыми депутатами. В ответ на законное требование народа президент [Горбачёв] силой своей безграничной власти бросил на Литву войска. Грохот танков, рёв самолётов, марш десантников разбудили ночной сон жителей Вильнюса. Но народ не отступил. Как злодей, который вероломно нападает и душил свою жертву, так Горбачёв накинул на Литву петлю блокады. Вся официальная пресса и телевидение набросились — но не на преступный акт президента, а на литовский народ за его несокрушимую силу. Оставшись без топлива, Литва попала в очень тяжёлые условия. Останавливаются заводы и транспорт, но народ не отступает. В бессильной злобе правящая мафия перекрыла путь в Литву лекарствам. Некоторые больницы перестали принимать больных из-за отсутствия лекарств.

Тяжело сейчас Литве. Завтра будет ещё тяжелее, а потом положение станет нестерпимым, если мы не поможем братской Литве. Съезд провозглашает: указы президента СССР не могут распространяться на Украину, потому что нас никто не спрашивал и президента мы не выбирали. Мы решительно протестуем против наделения одного человека безграничной властью и фактического восстановления самодержавия. Мы не признаём варварские указы

---

²⁵ 11 марта 1990 г. Литовский парламент заявил о восстановлении независимости Литвы. В ответ в Вильнюс вводятся советские войска и танки; Москва начинает экономическую блокаду Литвы.

президента, направленные против литовского народа и призываем весь народ Украины к активному сопротивлению. Мы предлагаем всем подразделениям и филиалам Украинской республиканской партии начать сбор средств для литовского народа. Мы призываем рабочих и инженеров Украины быстро выполнять все заказы Литвы и проследить за тем, чтобы продукция туда своевременно прибыла. Мы заявляем о своей поддержке всем ненасильственным акциям, направленным на защиту Литвы, в том числе забастовкам в угольной и нефтяной промышленности. Съезд считает, что решительная поддержка рабочими может иметь не только решающее значение в защите Литвы, но и в великом деле разрушения империи и освобождения всех порабождённых народов. Съезд констатирует, что активная помощь Литве является одной из самых главных проблем, которые стоят перед УРП и всем украинским народом. Съезд осуждает как подлую и грубую провокацию заявление Горбачёва в Свердловске по поводу белорусских и российских земель в Литве. Съезд обращается к белорусскому народу и трудящимся Калининградской области с призывом не поддаваться на провокации и не предъявлять территориальных претензий к Литве. Карабах в Литве не будет! Да здравствует свободная независимая Литва! Да здравствует независимая демократическая Украина!

1990 г.

ОТРЫВОК ИЗ СТЕНОГРАММЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ТОТАЛИТАРИЗМ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПУТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ»

(Вильнюс, 9 декабря 1989 г.)

К.Крижановский: Привет из солнечной Украины (Приветствие на украинском языке). Итак, товарищи, мы с вами со вниманием выслушали вопрос об исторических корнях сталинизма в тоталитарной системе, в которой мы живём. Вот зададим себе вопрос, откуда всё это пришло? Есть ли, например, взаимосвязь между завоеванием Казани и освоением целинных земель? Мы задаём себе вопрос, какую роль играет в истории человеческое достоинство или, например, может ли экстенсивное производство быть эффективным? Как далеко может зайти и завести нас перестройка? Кто правит балом в истории — необходимость или добрые намерения людей? Я постараюсь на некоторые из этих вопросов ответить — и ответить на них с точки зрения философии истории, которой я занимаюсь не первый год.

Итак, начнём вот с чего. В Библии есть такая притча об Иове. Вы знаете, Бог с Сатаной (я напомним тем, кто не знает), Бог с Сатаной поспорили, и Бог говорит, что у меня есть такой праведник, Иов, а Сатана говорит, что вот ты попробуй этого праведника тронуть. Бог ему разрешил, Сатана тронул этого праведника, в результате этот человек, который был богат, счастлив и так далее, молился богу, потерял в один день всё: потерял жену, имущество, потерял своих слуг, потерял детей — одним словом, потерял всё. Он остался один. После этого он сказал: «Бог дал — Бог

взял». И Бог говорит: «Видишь, как он предан мне». А Сатана отвечает: «Это ещё ни о чём не говорит. Ты тронь его самого. Кость его тронь, и тогда посмотрим». И вот Бог разрешил это сделать, и Сатана послал на Иова проказу. Сел Иов на окраине селения и начал тереть свои страшные язвы. И сказал тогда Иов: «Да сгинет день, когда я родился, и ночь зачатия человека». Так вот, мы тоже, товарищи, дошли до такого времени, когда нам приходится повторять эти слова. Только тогда, когда довели до крайности, в дополнение к насущной угрозе экологической катастрофы и гибели вообще вместе с этой системой, только теперь мы взялись серьёзно за политическую борьбу.

Итак, откуда же взялся тоталитаризм, каково его влияние на психологию, на наше мышление, на развитие и так далее. Есть в истории России одна роковая дата — нет, это не нашествие, скажем, в 1812 году. Роковая дата — это 1552 год. Это год завоевания Казанского и Астраханского ханства. Это год, с которого берёт начало колониальная империя и когда русское самодержавие только входит во вкус колониальных завоеваний. Так начинается почти четырёхсотлетняя завоевательная политика России. Какое она имела значение для развития народов, образовавших империю? Давайте поставим вопрос наоборот. А если бы Россия не приступила к завоеваниям, если бы она осталась на той же территории, которую она имела? Можно с уверенностью сказать, рассмотрев аналогии, что Россия далеко бы пошла вперёд. Она была бы вынуждена развивать то, что есть у неё, а не то, что лежит где-то. Ей пришлось бы этим заниматься и развивать свои производительные силы, но если развивать, то не экстенсивно, а — постепенно — интенсивно, а это привело бы и к сохранению человеческих свобод, развитию городов и так далее.

Чтобы лучше понять аналогию, я приведу пример. Вот Испания — конец XV века. Знаете, испанские времена поразительно похожи на русские. Просто поразительно. Конец XV века. Свободные города. Тогда их почти не было. Торговля. Испания быстро развивается к этому времени, быстро развивается как страна. У неё были все перспективы стать такой страной, какой потом стали Англия или Голландия. Морская страна с развитой тор-

говлей, с развитыми городами, ремеслом развитым и так далее. Открытие Америки. Одновременно изгнание евреев, а они занимаются ремеслом. Ремесло приходит в упадок, но необходимость в нём уже отпадает. Возникает густой поток золота из Латинской Америки, и очень быстро начинает приходить в упадок всё: города, ремесло, торговля. Через 100 лет Испания — страна уже жесточайшего деспотического режима. Города потеряли всякое своё самоуправление, потеряли войска, потеряли всё. Страна стонет от Филиппа II, и это уже нищая страна, а не изобильная, есть миллионеры, которые неимоверно богаты, но остальная часть населения бедна. Города приходят в упадок, торговля в значительной степени упала, 100 лет — завоевательные войны. И потом Испания на протяжении сотни лет уже не развивалась. Я привожу пример — конец XVI века, ну, будем говорить так, к началу революции в Нидерландах. Испания, эта гигантская империя, владея половиной мира, давала всего четверть всех мировых доходов. А три четверти доходов самой испанской империи давала Голландия, маленькая страна. Вот вам и развитие, вот вся экстенсивная форма. Гигантская страна, включавшая всю Латинскую Америку, целых ряд других территорий, она, оказывается, давала вместе с Голландией одну четверть. Вот вам аналогия.

Но как развивались дела в России? Раз начинаются завоевательные войны, значит, нужна армия. Раз начинаются завоевательные войны, значит, нужно постепенно наращивать бюрократический аппарат. Сильная армия, сильный бюрократический аппарат. Экстенсивный путь — основа примерной бюрократической системы. Чем шире становилась империя, тем сильнее становился грабёж захваченных территорий, тем бюрократический аппарат должен был быть мощнее, а потом он начинает работать сам на себя. Отец пытается туда пристроить своего сына, но не на своё место, а создать ещё одно место и пристроить туда его, другого родственника и так далее. Аппарат разбухает шире своей необходимости, то есть, он сам себя уже начинает создавать, превращается в нечто самодовлеющее. И самодержавие постепенно превращается в самодовлеющую силу, армия тоже остаётся, но они разбухают значительно шире, чем это необходимо, ибо они заинтересованы в

своём развитии, в утверждении своих интересов. Поэтому самодержавие в России — это не слуга дворянства, как до сих пор рассматривает история. Оно постепенно становится главенствующим, и я вам приведу пример.

При Петре I каждый дворянин, свободный, как говорится, дворянин — что хочу, то и делаю, — обязан служить в армии. Ну ладно, обязан, так обязан. Однако, так как эти дворяне служить в армии не хотели, а каждый раз бежали из неё, Пётр сначала издаёт указ о том, что за неявку на призывной пункт дворянин лишается всего состояния, причём половину отдают доносчику. А потом он издаёт закон, по которому каждый, кто убежал из армии, и каждый, кто в армии не служит, объявляется вне закона, и любой человек может его убить и получить половину имущества — вот до чего дошло дело. Вот вам и самодержавие. А у нас говорят, что самодержавие — это слуга дворянства. Правда, потом при Екатерине II дворянство снова получило свои права и т.п. Армия — то же самое. Армия становится самодовлеющей, она грабит, расширяется, увеличивается. Всё это связано с громадной силой, которая работает не только из-за своей необходимости, но и вследствие непомерных своих аппетитов. И всё это на шее народа.

Теперь об экстенсивной форме развития — вы понимаете этот термин хорошо. Если с одного гектара можно собрать вдвое больший урожай при интенсивной форме, то при экстенсивной форме надо иметь ещё один гектар. И так во всём: если строите одну фабрику, надо построить вторую рядом, чтобы иметь удвоенное количество производства. По такому пути развивалась Россия на протяжении столетий. И если мы возьмём всю историю России, то мы увидим, что вся она посвящена одному — войне. И я приведу жуткий, можно сказать, пример, но ничего не поделаешь. Это из собрания сочинений Пушкина. У Пушкина есть стихотворения довольно-таки некрасивого вида. Пара стихотворений, написанных в 1827 году, посвящены Николаю I, который повесил его друзей двумя годами раньше. Эти два стихотворения очень восхваляют его как монарха и оправдывают его, но главное другое: Пушкин говорит, что Николай I — это очень хороший царь, почему? Смотрите, он только ступил на престол — и уже начал войну

с Персией. Явная добродетель, чего же ещё от царя хотеть: только пришёл к власти, три года правит — и уже начал войну. Хороший царь. Значит, будут и дополнительные земли, дворяне смогут эти земли получить. Значит, будет грабёж населения, кое-кто там обогатится — дворяне, чиновники и так далее. Армия тоже хорошо работает на этом. Ну, а народ — ободранный, голодный народ — будет иметь славу.

Вот пойдём дальше. Вся экономика России была постепенно приспособлена к экстенсивной форме, т. е., уже само дальнейшее развитие требовало непрерывного захвата. Как это было в Риме когда-то. Рим жил как империя до тех пор, пока он непрерывно захватывал новые территории и людей превращал в рабов. До тех пор он нормально жил. Как только в 117 году прекратились наступательные походы Рима, уже через пару десятилетий был издан закон о запрещении убийства рабов. А 20 лет спустя там издали ещё более строгий закон, жестоко карающий рабовладельца, который посмел убить раба, потому что раб стал очень дорогим. Каждое убийство раба могло вызвать восстание, и это очень дорого обходилось не только тому, кто убил раба, но и всей касте рабовладельцев, государству. Рабов мало, рабы дороги. И Рим очень скоро после этого погиб. Он не был приспособлен к какой-то другой системе: вся система, всё мышление, вся психология — всё было приспособлено к одному: к экстенсивному развитию на основе рабовладельческого строя. Это была основа.

И Россия развивалась именно таким образом. Поэтому в России развит культ солдатчины, культ войны, поэтому и такие великие писатели, поэты, как тот же Пушкин, прославляли войну. Воспевали войну, понимаете. Это было неминуемо в той системе, при которой непрерывно захватывают чужие территории. Они непрерывно захватывались, осваивались и грабились. Как шёл грабёж и как всё это делалось, я приведу вам один пример. У нас в литературе ничего об этом не пишут. Мол, в Средней Азии такое настроение и так далее. Но ведь в Средней Азии очень хорошо помнят, что было сто с лишним лет назад. В начале 1870-х годов — это было сразу после завоевания Средней Азии, уже через пару лет после этого, вспыхнуло громадное Андижанское

восстание. Вот как оно подавлялось. Командующий войсками генерал Кауфман пишет, что при взятии города Андижана от артиллерийского огня погибло 20 тысяч жителей. Всего-навсего, понимаете, от артиллерийского огня. Но это, конечно, чушь, самая крупная ложь. От артиллерийского огня в таком небольшом городе, как Андижан, никак не могло погибнуть 20 тысяч человек. Но дело даже не в тысячах, суть была проста. Генерал хотел взять Андижан сразу. Андижан не сдался. И он взял, в конце концов, город после страшного штурма и огромных потерь и вырезал там всё население. И сообщил, что оно погибло от артиллерии. Так делалось на Кавказе, так делалось в Средней Азии. Понятно, что афганская авантюра тоже была сделана по старому образцу Российской империи. Именно теперь так же поступают. За 9 лет войны был вырезан миллион афганского населения, о чём у нас никто сейчас не пишет, а пишут всё время о бедствиях тех, кто их режет. Как им было тяжело, в каких муках они проходили по всему Афганистану, как их надо жалеть... А о погибших женщинах и детях (потому что резали, в основном, женщин и детей, пока мужчины были в партизанских отрядах) и когда наши войска приходили в село — сколько они вырезали, убивали, сжигали с самолётов эти сёла — об этом не пишут ничего. Как же в такой небольшой стране, как Афганистан, можно было убить миллион человек за несколько лет? Миллион мирных жителей. Это всё старая российская традиция. Старая традиция. Армия — это всё. Армии позволено всё. Лишь бы она добилась своей цели, а ей потом всё спишут. Главное — это завоевать территорию, удержать её в своих руках. И ничего более. Здесь, в Литве, хорошо помнят, как подавлялось восстание 1863 года. Тут не только убивали, резали и насиловали, тут сжигали и так далее. Так было всегда.

Вот другой процесс. Этот процесс привёл к тому, что в Центральной России была такая жестокая эксплуатация трудящихся, которой не было нигде. Ну, разве что, за исключением отдельных колониальных районов. Вы знаете, что именно в России были самые крупные, самые жестокие крепостные рабовладельцы. Я говорю о рабовладельцах. Никто из русских авторов, сколько я ни читал русских историков, публицистов, — никто почти никогда

не употреблял слова «крепостное право». Они всегда пишут: «рабство, «рабовладельческий строй». Потому что в России было рабство, начиная фактически с середины XVII века. Оно зародилось и развивалось при Алексее Михайловиче, а при Петре I оно уже было официально рабством записано. При Петре I все крестьяне были возведены в одну категорию: из категории крестьян в категорию холопов, категорию рабов, которых можно свободно покупать, продавать и т.д. То есть, люди трудящиеся, в том числе и рабочие заводов, были превращены в рабов. Исключение составляли государственные крестьяне.

А что такое армия российская? Вы знаете, это ведь тоже были рабы, самые настоящие рабы. Средняя продолжительность жизни этих солдат в армии в XIX веке была 6–7 лет, больше, как правило, солдат не выживал. Очень часто солдаты умирали в первые же месяцы службы. Чем это объяснить? Есть книги, написанные в те времена, написанные отнюдь не революционерами. Так вот что интересно — такого грабежа, который был в российской армии, наверное, нигде в истории не было. Причём Российская империя давала очень щедро, достаточно питания, обмундирования, всё время солдат мог бы ходить одетым, сытым. На всё это она денег не жалела, но на месте офицеры буквально раздевали солдата догола. Шинель, которую солдат должен был носить один год, он носил до тех пор, пока она вся не покрывалась дырами. Дыры кое-как заштопывали, и так он ходил и ходил. И только на смотрах, когда кто-нибудь приезжал раз в год, ему давали новое. Солдат ходил почти голодным, на те деньги, которые ему отводились, офицеры покупали всё самое отвратительное, то есть, то, что надо было выбросить: мясо, овощи сгнившие и т.п., и этим кормили солдат. Они умирали. Ну и что, что они умирали, — они всегда умирают, а офицеры брали себе в карман деньги. Нередки были случаи спекуляции лошадьми. Вот как жило офицерство на фоне того ужасающего бедствия, в котором жил народ. А сейчас по нашему телевидению показывают, в литературе пишут: «Наши русские гусары — какие они добрые, хорошие, приветливые и т.д.» Но если бы вы посмотрели изнутри нашу армию, что она собой представляла, — это сплошной мордобой, а главное, это ужасающий грабёж

солдат, которые буквально умирали на глазах у офицеров. И вот дошло до того, что солдатам в XIX веке даже разрешили побираться, и в XIX веке русская армия ходила по дорогам и побиралась. Невозможно было представить что-то более дикое, чем эта армия, которая ходила и побиралась, несмотря на то, что она была опорой всей системы и без неё невозможно было экстенсивное развитие. Такое российское рабство, пронизывающее буквально всё. Но есть ещё один психологический фактор: то, что люди в таких жутких, невыносимых условиях жить не хотели.

Самая активная часть населения бежала от этой системы куда подальше, из Центральной России, Нечерноземья на север, юг. И так каждый год: активная часть населения уходила, бежала из Центральной России, поэтому там не было каких-либо крупных восстаний и революций. Так оно и было. В 1606–07 годах произошло последнее массовое восстание в Центральной России — восстание Болотникова. После этого до 1905 года, если не считать отдельные бунты, не было ни одного крупного восстания, даже во времена Пугачёва, когда он подошёл к Центральной России. Это можно объяснить лишь одним — уходом активной части населения, что ослабляло народ и позволяло помещикам развивать крепостничество и ужасающее рабство, жестокое и дикое.

Надо сказать, что если агонизирует жизнь народа, то бедствия его ужасающи. Пара примеров: при Петре I (к концу его правления) центральная часть России обезлюдела более чем наполовину. Такова цена его «прогрессивных деяний», его борьбы за выход к морю. Не следует забывать, что давным-давно была дорога к морю через Архангельск, и торговых кораблей в Архангельск приходило всегда больше, чем в другие порты. Об этом у нас не пишут. Всё упирается в доводы, что нужен был выход к морю. Самодержец делает не только необходимое, чего требует прогрессивное развитие, но он делает и то, что ему хочется и нравится. Например, стал на царство Иван IV. Чем ознаменовали этот факт? — Сели на коней и поехали по России жечь сёла, резать кого попало. У Петра тоже были «шалости», подобного рода вакханалии. Несколько его сопровождающих поморщились при виде трупа, так Пётр приказал им разорвать труп зубами.

Все эти факторы — нищета, бесправие, кровопролитие, набеги татар — страшно ослабляли народ. Сейчас утверждают, что после Ивана Грозного при Петре I появилось поступательное развитие. Это неправда. С Петра I и после него начинается деградация сознания, экономики, психологии, чего угодно. Это была страшная деградация народа в рабовладельческом строе, который не мог не наложить страшного отпечатка на людей. Отсюда лень, которая развивается у крестьянства: один раз у него забрали, другой раз забрали, а потом он не хочет больше работать. И он не работает, дети его не работают. Поэтому появляется пьянство. Только с помощью пьянства можно было выжить в этих ненормальных, нечеловеческих условиях. Ведь крестьянина грабил не только помещик — он зачастую, со времён Петра I, жил не в селе, а за границей. А на селе жил управляющий, который грабил для помещика, для государства и для себя. И вырабатываются лень, пьянство, все отрицательные качества, которые мы имеем и сейчас и которые русские «патриоты» (говоря откровенно — фашисты) пытаются всячески отрицать: «Их нет у русского народа...».

Но позвольте, сейчас это не только у русского народа, это сейчас у всех народов нашей страны в той или иной степени привилось. Система страшного самодержавия сверху и рабского внизу. Она деформировала человека. Но она деформировала и правящий класс, не только трудящихся.

Возьмите Западную Европу. Король мог отрубить голову своему подданному, но оскорбить дворянина он не мог. Дворянин мог броситься на него со шпагой.

У нас же со времён Ивана Грозного и позже все подданные — богатые или небогатые — к благодетелю обращаются так: «Твой нижайший червь, в грязи и т.п.». Подобные выражения: «Просит тебя обратить внимание...» начинаются всегда с грязных, унижающих себя слов: «Червь, ползающий в грязи», — мол, вот, кто я. И это у Петра I, которого показывают таким свободным в своих действиях, чуть ли не хорошим. Попробовал бы кто-нибудь задеть его самодержавные чувства, ведь он поступал даже со своими близкими, как ему хотелось. И напивался так же, как и Сталин, со своими приближёнными, и издевался над ними, напоив их до потери

сознания, допускал дикие и грубые шутки, заставлял их ползать на коленях. Пётр I стриг бороды боярам. Это самодержавие дикое, это развращает и растревает.

Экстенсивная система существует, пока она может существовать. До конца XIX века шли завоевательные войны. Но в середине XIX века вышла первая осечка — проигрыш в Крымской войне, первый страшный удар по системе. Второй удар нанесла война 1904–05 годов, война с Японией. Она шла за завоевание Манчжурии, которая была захвачена Россией. Россия войну проиграла, и стало очевидно, что войну стало трудно вести на чужой территории. Оставались просторы России, и эти просторы были ещё не освоены. Можно было ещё осваивать экстенсивный способ, хотя он уже был подорван, — государство не могло расширяться дальше, захватывая новые территории. Но оставалось много внутренних причин, с помощью которых он ещё мог существовать.

Вот у нас сейчас идёт эксперимент. Стоит вспомнить, что государство, при котором была построена тюрьма народов, создано при Ленине. При Ленине создана та национально-колониальная политика, которая держится по сегодняшний день. Именно при Ленине наши конники кричали: «Даёшь Варшаву!» и пытались завоевать Польшу, но это им не удалось. Сталин, в силу российских традиций, в силу российского развития, неизбежно должен был пойти на новые завоевательные войны. И он на это пошёл. Сама жизнь его на это толкала. Интенсивное развитие требует ломки всей экономики системы, психологии и т.д. А Сталин, наоборот, восстановил семикратное самодержавие в русской форме. Это было старое российское самодержавие, оно держалось опять на той же экстенсивной основе, потому что при интенсивной форме самодержавия не нужно, оно вредно. А экстенсивной форме оно необходимо.

Вся история индустриализации и коллективизации — это сплошная необходимость экстенсивного развития. И никто не пишет сейчас, что у нас на Украине были восстания, во время которых в 1930 году были брошены против восставших не только артиллерия, но и авиация. Ведь никто не пишет у нас, что на Украине

в том же году войска были разбиты и лишь после повторного прихода войск они одержали победу. Никто не пишет, что в 1930 году некоторые войска перешли на сторону восставших. Вот это крестьянство надо было сломить, поэтому и учинили голод. Это был планомерно спущенный план сверху для того, чтобы сломить крестьянство и народ. И миллионы жертв, которые принесли люди в 30-е годы, и страшная резня 1937–38 годов Ежова — всё это жесточайшая необходимость экстенсивного пути развития, который привёл народ в безнравственное состояние, уничтожил всё наиболее активное. Люди боялись, друг на друга доносили.

У нас не могут понять это явление. Отсутствует философское осмысление его. Экстенсивная система всегда основана на вере в доброго царя и помещика. Она всегда держится на вере, что кто-то добр и отзывчив. Человек слаб и бессилен, и он должен верить, что есть кто-то добрый, кто в конце концов вызволит его из этой страшной трясины. Эта вера в доброго царя сохранялась столетиями. В 1905 году 100 тысяч митингующих в Петербурге пришли к царю просить милости. Эта вера была в 30-е годы при Сталине. И в 40-е годы она ещё держалась. Держалась за счёт того, что люди абсолютно не знали, что делается в мире, и были уверены, что там рабочие люди умирают с голоду и все просят их освободить.

Когда у нас в 1939–40 году «освобождали» Западную Украину, Белоруссию, Прибалтику, народ считал, что это хорошо и правильно, потому что мы оказываем братскую помощь людям, над которыми издеваются помещики и капиталисты. Люди ничего не знали — абсолютно ничего — из того, что делается в мире. Это тоже свойство экстенсивной системы.

Сейчас, возвращаясь к нашему национальному вопросу, мы видим, что имеем дело с империей, которая возникла ещё во времена Ивана Грозного и с тех пор расширялась и трансформировалась. Мы должны понимать, что эта империя держалась на экстенсивной форме развития. Она сейчас исчерпала себя, истоцилась.

Что делать дальше этой системе? Каждый дальнейший шаг в полярную тундру приводит к колоссальным затратам. Труд становится всё более неэффективным, и он должен не производить, а возмещать затраты. Положение зашло в тупик. У нас должен со-

вершиться величайший за всю историю России поворот. Поворот к интенсивной форме развития. Этот поворот требует не только ломки империи и предоставления независимости всем её народам на базе конфедерации с возможностью свободного выхода из неё, с совершенно свободными правовыми государствами, которые будут иметь свою территориальную армию, независимые экономические отношения, своё внутреннее хозяйство и т.д. Но вместе с тем они будут объединены какими-то интеграционными экономическими и политическими функциями, что-то вроде западноевропейского правительства (сейчас это пока не ясно). Либо это форма совершенно независимых государств. Так или иначе, это необходимость того, чтобы у нас национальный вопрос был решён во время Съезда [народных депутатов СССР], потому что империя не может решить ни один вопрос, довести его до конца внутри самой себя при сохранении своей системы.

Такая структура создавалась веками — структура насилия и дикости. Всё это сейчас предстоит разрушить. Причём это неизбежно, иначе мы просто не выживем — у нас в истории создавалась такая обстановка, которой никогда не было. Раньше гибли системы, был голод, развал хозяйства и прочее. Всегда так было. Это видно ещё со времён Рима. Но гибла система — народ оставался, а сейчас система в своей гибели может потащить за собой и весь народ, потому что она довела целый ряд территорий Советского Союза до такого состояния, что на Украине, в Средней Азии и в ряде районов Сибири начались экологические катастрофы. Происходит резкое уменьшение рождаемости, увеличение смертности, массовые заболевания, например, у нас на Украине заболеваемость раком в три раза выше, чем по Союзу. Всё это следствие Чернобыля. И это сейчас. А что будет через пару лет? Ведь у нас, помимо раковых, много заболеваний, связанных с иммунной системой. Это начало катастрофы, и если мы не остановим её сами, то что будет дальше? Кто у нас обратил внимание на пожарных, тушащих строящийся блок новой АЭС? А кто знает о том, что не было опубликовано? Что когда весной прошлого года руководство поехало в Москву получать один миллион премии, то эта АЭС треснула и осела. А они потом

целый год приводили её в рабочее состояние. А если бы она уже работала? Что было бы?

Что будет завтра, если у нас народ пьёт, если он не хочет работать, а он в таких условиях не будет хорошо работать. Ни раба, ни крепостного, ни современного нашего работника заставить работать хорошо невозможно. Можно заставить работать, но хорошо работать заставить нельзя. Сейчас плохая работа с использованием мощной техники приводит к потере миллиардов. Это разрушает всё вокруг себя. Мы пришли уже к финалу, нам надо уже как можно быстрее спасти свою жизнь и жизнь народа. Надо разломать эту систему как можно быстрее. И нам надо сказать, что выход — в интенсивной системе развития.

Сейчас надо дать людям полную свободу, возможность развивать те формы собственности, которые они хотят: частные, кооперативные и какие-либо другие. Пусть развивается любая форма собственности, но государство не должно вмешиваться в хозяйственную деятельность. Национальные отношения между государствами должны быть совершенно независимы. Но для этого надо сломать империю. Разрушить её. Вот что нам надо.

Если мы разрушим империю и начнём интенсивно развиваться, то у нас должно измениться всё. И не только промышленность и сельское хозяйство, но должна измениться и психология масс всех народов нашей империи, а это очень трудно. Это сложный процесс, и начинается он на наших глазах. Постепенно меняется сознание народа, и мы в этом должны проявить самое активное участие.

Вопросы и ответы

Вопрос: А.Элиович (Москва) — Не могли бы Вы ответить в разрезе темы своего доклада о специфике национальных вопросов на Украине в условиях перестройки?

Ответ: Специфика перестройки в том, что у нас пытаются слегка перестроить здание, которое надо разрушить. То же самое и в национальных отношениях. Национальные отношения властям придётся сейчас решать таким образом: натравить одни народы на

другие, как в Сумгаите и в Средней Азии. Это было спровоцировано сверху, так как в Сумгаите, например, три дня шла открытая резня, и центр не вмешивался. Однако на Украине не удалось создать Интерфронт, потому что на Украине мы говорим так: «Не Украина для украинцев (это категорически запрещено в нашем кругу), а Украина для всех тех народов, которые её населяют, для которых Украина является родиной, язык, историю, культуру которой они должны знать, так как это их родина, они здесь родились, выросли». Специфика заключается в том, что нам приходится иметь дело, с одной стороны, с грубой формой национальных проблем и конфликтов на основе старых имперских традиций. И, во-вторых, — это то, что нам, оппозиции, приходится оказывать нашему правительству некоторую помощь, и оно при этой поддержке рекламирует себя, заявляет, что может идти на ещё более глубокие уступки. Это ложь. Это абсурд. Правительство ещё может свободно идти на некоторые национальные уступки, это мы ещё увидим. Оно пока может идти и на более серьёзные национальные уступки в отдельных районах страны, как, например, в Прибалтике. Но оно никогда не пойдёт, например, на то, чтобы без боя, без сражений дать независимость Украине. Это будет сделано только в результате борьбы самих народов. Поэтому нам надо разоблачать, с одной стороны, приспособленческую функцию нашего самодержавного правительства, нам надо доказывать народу, что дальше этих уступок оно не пойдёт, как в Прибалтике. И, с другой стороны, разоблачать его политику «разделяй и властвуй».

Вопрос: С.Лезов (Москва) — Как Вы понимаете образ (фон) национальных меньшинств, например поляка, еврея на Украине?

Ответ: У нас на Украине существует антисемитизм. И он сильный враг перестройки на Украине. Дирижёром этого является верховный аппарат. Поэтому на Украине необходимо постоянно освобождать население от философии антисемитизма на основе агитации и разъяснения, пропаганды еврейской культуры. Надо менять сознание людей. Вражда к русскому населению искусственно насаждается сверху, однако это властям не удаётся, как не удаётся аппарату создать Интерфронт, потому что на Украине антирусские настроения слабо развиты, хотя существует психологи-

ческий языковой барьер у большей части именно русской интеллигенции. Власть на Украине колониальная, имперская. К татарам у нас спокойное и даже дружелюбное отношение. В отношении к крымским татарам тоже полное сочувствие и понимание вопроса их автономии. Всё зависит от человека, от того, как его воспитывали. Вот я приведу пример. Несколько лет назад я был в Эстонии. И я спросил человека, который прожил в Эстонии около 40 лет, знает ли он эстонский язык? И он ответил: «Что, я должен изучать этот свинячий язык? Пусть они изучают русский язык». Вот оценка человека, смотрящего на эстонцев как на некоторую низшую расу, которая должна изучать русский язык, а он совершенно не обязан знать и изучать их язык. Это признак психологического порядка.

Вопрос: Конкретизируйте не просто украинско-еврейские и другие (греческую цепь) связи, но и те методологические позитивные возможности, которые они могут создать.

Известно, что огромная украинская диаспора живёт за пределами Украины, около 900 тысяч в Казахстане, и их количество уменьшается, но не в связи с тем, что происходит денационализация в Казахстане, даже и в Сибири это происходит. Каковы возможные связи между диаспорой и метрополией?

Как Вы видите перспективу нашего межнационального развития? Как Вы себе представляете их структуру — в виде федерации или в виде конфедерации? А, может быть, какие-либо другие структуры, которые могут вывести нас из кризиса?

Ответ: Я частично могу ответить на ваши вопросы, так как я не специалист по национальным вопросам. Я могу ответить на них только с точки зрения общеполитических выводов и только на основе изучения состояния действительности. Но этого недостаточно, так как чтобы понять Россию в целом, надо изучить всю её историю в целом, искать русских зарубежных историков, искать аналогии в мире и только тогда понять то, что происходит в международной области. Иначе мы не поймём многого. Изучая эти вопросы только в пределах империи, мы ничего не поймём. Это в первых.

Относительно второго вопроса — мы сейчас восстанавливаем связи с Кубанью, где до 1940 года существовали украинские шко-

лы. Надо нам установить связи с Сибирью. Связи с диаспорой за границей. У нас так много историков, литературоведов, философов, которые написали массу трудов за границей.

Относительно положительного значения взаимовлияния. Я считаю, что этот процесс совершенно нормальный. Если у нас на Украине будут открываться греческие, еврейские школы, будут развиваться их культуры, то от этого выиграет весь украинский народ. Чем богаче культура народа, который живёт вместе с нами, тем богаче мы сами. Шолом-Алейхем описывал украинские пословицы, быт, природу и т.д. Всё это у него преломляется в еврейском культурном сознании.

Вопрос: События в Сумгаите — кто несёт ответственность на данном этапе национальных отношений?

Ответ (председателя): Очевидно, как сказано в Уголовном кодексе, «и вдохновители, и исполнители».

Ответ: Это спровоцировано сверху.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛ «УКРАИНА»

Как-то у меня взбунтовался кран. Все попытки взаимопонимания с ним были напрасными. Тогда я встал и пошёл в жилищное управление. Энергичная женщина сразу поставила отдельный факт на абстрактную платформу:

— Вы знаете, какое сейчас положение в стране?

Я не знал.

Когда зимой температура в квартире прочно стабилизировалась на уровне 9–11 °С, я вышел из кухни, где мы теперь жили, и пошёл... (смотри выше)...

— А знаете ли вы, что деньги за отопление я вам начну платить только тогда, когда положение в нашей стране станет настолько же стабильным, как и температура сейчас в моей квартире?

Она не знала...

В сумерках постепенно исчезали волшебные виды Украины. Но свет в купе так и не появился.

— А знаете ли вы, — сообщил мне проводник вагона, — что Украина отделилась от России?

— Что вы говорите! Это настолько потрясающая новость, что я должен немедленно обсудить её с бригадиром вашего поезда. Политический диалог так и не состоялся, потому что уже через пять минут новая лампочка залила вагон светом.

Леонид Пастушенко в статье «Нож в спину Украины» в газете «Подолія» от 17 июня 1993 г. открыл нам, что со сталинских времён и до дней шахтёрской забастовки во всех наших бедах виноват, кто бы вы думали, — только не система и не партократия. А кто же тогда? Рабочий класс. Жил он всё лучше, потому что пил кровь из крестьян и выдвигал вождей из своих рядов. Потому что гегемон. Если бы не забастовки — и правительство Фокина было бы не под конём, и реформы наконец-то сдвинулись, а кое-

кто из нас, глядишь, и дожил бы до ритмичной экономики. А мы и не знали...

Несколько лет назад в одном венгерском журнале я прочитал статью, автор которой буквально доказывал, что рабочий класс — это быдло, место его — в хлеву, а способ воспитания — хорошая плётка. Тогда это поразило меня в самое сердце. Сейчас я привык. Российская и украинская пресса, которая ещё вчера так хвалила «класс-гегемон», сейчас только и знает, что поносит его. Стыдно и противно. Бизнесмены, которых вчера нам изображали уродами, стали героями нашего времени. Играть на бирже и в казино, кататься на Канарские острова — престижно. А построить завод или дорогу — это уже работа для низшей расы. Труд рабочего всячески презирается, а его самого нередко называют люмпеном, хоть этот термин определяет людей, которые нигде не работают. Религия поднята на самую большую высоту, все средства информации только хвалят, но никто не критикует религиозную идею, хоть мы на себе почувствовали, что значит абсолютизация какой-либо идеи. Если мы так быстро забыли собственные уроки истории, то хотя бы пример Югославии должен нас остановить. На наших глазах единокровные и единопольные братья уничтожают города, сжигают сёла и режут чужих детей, потому что они теперь не люди, а православные, католики или мусульмане.

Сентябрь 1993 г.

ТЕЗИСЫ ДЛЯ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПЕРЕД ИЗБИРАТЕЛЯМИ²⁶

1. Дело не в том, кто победит. В конце концов, победит демократия. Просто потому, что другого пути у общества просто нет. Все развитые страны мира к этому пришли.
2. Речь может идти только о том, когда и какой ценой. Чем дольше при власти будут стоять вчерашние люди, тем большей будет и черед общественных жертв.
3. Только настоящие демократы стоят за осуществление одновременно как социально-экономической, так и национально-освободительной революций. Идея независимой Украины повиснет в воздухе, не опираясь на новую социальную почву, но и революционная перестройка старого социально-экономического строя возможна только в независимой Украине. Эти две проблемы связаны между собой функционально, иначе говоря, смена одной функции ведёт к смене другой; значит, невозможно сначала, скажем, осуществить экономическую, политическую, культурную независимость Украины, а только потом начать её социально-экономическую перестройку.
4. Независимость Украины предполагает не изоляцию от соседей, не замкнутость в себе, не разрыв всех старых экономических связей, а наоборот, их расширение в границах всего земного шара. Единым критерием каких-либо связей Украины должно быть сохранение и развитие демократии, независимости, социальных реформ.
5. Украина лежит в руинах. Но это руины старого строя. Если бы даже удалось его отстроить, он снова бы развалился

---

²⁶ Во время предвыборной кампании в Верховную Раду Украины 27 марта 1994.

с ещё большими жертвами. Выход — только в движении вперёд, назад дороги уже нет.

6. Путь вперёд очень тяжёлый. И он будет ещё тяжелее. Так как то, что другие народы проходили в огне революций и эволюционного развития за века, нам надо пройти за годы. Стояние на месте просто катастрофично. Оно не только способствует обнищанию широких слоёв населения, обесцениванию человеческого труда, что всегда ведёт и к обесцениванию самого человека (как количественно, так и качественно), но и может дать толчок самым тяжёлым социальным и политическим последствиям. Жизнь в руинах приведёт к деградации общества, упадку экономики, культуры, самой личности. Верх возьмут самые крайние силы — русские шовинисты и украинские фашисты, что в конце концов вызовет гражданскую войну, российскую интервенцию и распад Украины.
7. Так что выход — как можно быстрее начать глобальные реформы в направлении полной перестройки украинского общества. Третьего не дано. Или подняться до уровня самых развитых стран мира, или опуститься на мировое дно.
8. Но в реформах необходимо твёрдо придерживаться трёх правил. Реформы должны идти быстро, иначе процесс деградации будет опережать процесс развития. Реформы должны быть глубокими: без полной перестройки всей системы управления и, в первую очередь, экономики движение вперёд просто невозможно, всё так и будет стоять на месте. И наконец: реформа должна быть направлена на строительство новой социально-экономической структуры, а значит, и общества в целом.
9. До сих пор на Украине всё происходит как раз наоборот. Реформа стоит на месте, приватизировано только несколько процентов промышленности. В селе — монополия колхозов и колхозной урожайности, это неудивительно, так как и сейчас, в модифицированном виде, но господствует полупринудительный труд с рентой в виде отработки.

1994 г.

УРОК НЕЗАВИСИМОСТИ²⁷

Наш первый урок посвящён самому выдающемуся событию в родной истории.

24 августа — третья годовщина Независимости Украины.

Первое украинское государство называлось Киевская Русь. Просуществовало оно вплоть до монгольского нашествия в середине XIII века. А уже через столетие в знаменитой битве при Синих Водах украинско-литовское войско разгромило монгольскую орду. Но, освободившись от оккупантов, Украина вскоре попала под власть Литвы, а потом — Польши. Тогда возникло казачество.

Князь Дмитрий Вишневецкий основал военную казацкую демократическую республику — Запорожскую Сечь.

Триста лет украинский народ поражал мир своим героизмом. В невероятно тяжёлых условиях Украина освободилась: быстро росли города, развивались производство и культура. Всюду появляются школы. Украина удивляет Европу: в XVII столетии взрослые преимущественно грамотные, а дети учатся.

Национальный характер украинского народа формировался под влиянием казацкой отваги, запорожской демократии и высокой культуры.

В середине XVII столетия новое грандиозное восстание вымело из Украины польских феодалов. Снова возникло украинское государство. Могучие тогда Польская и Турецкая империи одно из самых тяжёлых поражений потерпели именно от казацко-крестьянского войска.

В 1658 году огромная российская армия двинулась на завоевание Украины. В битве под Конотопом украинское войско уничтожило её целиком.

---

²⁷ Данный текст написан для школьных учебников.

Но свобода, как птица, появилась и растаяла в синей дали. Нет, не военная сила прогнала её, а раскол и война между казаками. Польско-российские интриги сделали своё чёрное дело, а неумение защищать национальное через социальное завершило катастрофу.

Украина была разорвана пополам между Польшей и Россией, а через столетие Россия захватила почти всю Украину.

Казацкая верхушка в подавляющем большинстве изменила народу, пошла служить имперскому панству и растворилась в нём. Украинские помещики и чиновники оказались ничем не лучше польских и российских.

«За шмат гнилої ковбаси
У вас хоч матір попроси,
То оддасте», — писал, обращаясь к ним, Тарас Шевченко.

И он же сказал:

«Не вмирає душа наша
Не вмирає воля,
І неситий не виоре
На дні моря поле».

Борьба продолжалась. И наконец, Февральская революция 1917 года свергла власть самодержавия. Не забудем, что поднял солдат на восстание Волынский полк. Образовалось Украинское независимое государство. Просуществовало оно недолго, потому что снова украинцы бились между собой в рядах жёлто-голубых, белых, красных, зелёных. Потому что украинское правительство собиралось рассмотреть всерьёз социальные вопросы потом. За отсутствием единства, из-за доверия к России наступила расплата, самая тяжёлая за всю историю — сталинизм. На руинах первой империи выросла вторая, которая уничтожала нас голодоморами, репрессиями, русификацией.

Но борьба продолжалась. И три года назад она увенчалась успехом. Наступил самый голубой, самый солнечный день в нашей истории: Украина сорвала с себя кандалы. Империя распа-

лась. И какие бы руины и нищету не оставила она после себя, наша Родина быстро поднимется, войдёт в ряды самых развитых стран мира. Только бы сберечь независимость — самое дорогое, что мы приобрели за всю нашу историю.

1994 г.

О КЮСТИНЕ

Да, во времена Великой французской революции у генералов был только один выбор: победа или смерть. И когда слава побед была прервана неожиданным поражением, и пришлось отдать пруссакам крепость Майнц, командующий Рейнской армией, бывший аристократ, генерал Кюстин был вызван в Париж и в августе 1793 года взойшёл на эшафот. Сын, который сражался рядом с отцом, выполняя его завещание, напечатал и расклеил в Париже листовку в его оправдание. Астольфу де Кюстину не исполнилось и четырёх лет, когда и над головой его отца опустился нож гильотины. Именно эти факты и послужили Кюстину лучшей рекомендацией для двора Николая I, когда он в 1836 году собрался в путешествие по России. Впрочем, к этому времени Кюстин был уже известен всей Европе своими блестящими литературными произведениями о путешествиях по Англии, Италии, Швейцарии, Испании, а во Франции ещё и как писатель и драматург. Не скрывал он и своих монархических и религиозных взглядов и цель своего путешествия: доказать ненужность представительного правления.

Такова предыстория книги, которая сделала Кюстина воистину знаменитым и уже в 1844 году выдержала во Франции пять изданий. В России она ходила по рукам 70 лет, но была издана впервые лишь в 1910 году, да и то с большими купюрами.

О КНИГЕ М.К.КАСВИНОВА «ДВАДЦАТЬ ТРИ СТУПЕНЬКИ ВНИЗ»²⁸

Впервые напечатана в 1972 году в журнале «Звезда», автор умер, не увидев книги. В 20-е годы появился ряд серьёзных трудов, посвящённых личности Николая II: С.Любоша «Последние Романовы», Н.Фирсова «Николай II», пятитомная переписка царя и царицы.

Николай II был крупнейшим собственником земли. Только в Сибири кабинетские и удельные земли составляли 57,8 млн. гектаров. Там добывали золото, серебро, свинец, медь, рубили леса, а часть земли сдавалась в аренду. А мыслил он себя так, как назвал во время переписи: «Хозяин земли русской».

Самый пышный во всей Европе двор — в его штате 1220 лиц. Одних камергеров там было 328, врачей 42. Сотни титулованных дармоедов получали баснословные оклады лишь за то, что играли при царе роль лакеев и шутов, в целом создавая ему огромный раззолоченный антураж. Первую роль там играли братья и сестры царя и его отца — великие князья и княгини. Каждый из них был несметно богат, но царь ещё и обеспечивал каждого из них доходным местечком и, к тому же, казённым довольствием. Кроме того, они числились военными и получали жалование, да ещё и плату за каждый пост, который они занимали. В 1903 году шведский публицист Улар опубликовал сведения о подсчитанных им доходах великого князя Владимира Александровича, сына Александра II, дяди Николая II. Полтора миллиона он имел ежегодно от земель, рудников и лесов, два с половиной миллиона ему доставалось от казны; 24 тысячи он получал как генерал, 50 тысяч

---

²⁸ М.К.Касвинов. Двадцать три ступени вниз. М.: Мысль. 1982–556 с.

как командующий Петербургским военным округом, 40 тысяч — как член Государственного Совета, 25 тысяч — как член кабинета министров, 30 тысяч — как президент Академии художеств.

Но с ненасытной алчностью великие князья бросались в лубое грязное дело ради наживы. Александр Михайлович нагрел себе руки на махинации с концессией Безобразова в Маньчжурии, затем прикарманил немало денег на строительстве военных кораблей, а в годы Первой мировой нажил огромные суммы на торговле вином. Дмитрий Михайлович продавал из собственного конного завода лошадей в полк, которым он же и командовал. Михаил Николаевич спекулировал земельными участками на Кавказе. Вскоре после своего назначения на пост шефа флота Алексей Александрович организовал там такое казнокрадство, что сумма украденного дошла до миллионов, не брезговал он и средствами Красного Креста, собранными для раненых. Своей любовнице он подарил крест из рубинов. И всё сходило Романовым с рук, ибо защищал их сам царь. При дворце были девицы для развлечений. Дневники Николая полны упоминаний о встречах с «картофелем» — так называли во дворце этих девиц, разумеется, до его женитьбы. Великие князья были кутилами и развратниками.

Наследственной чертой Романовых был алкоголизм. Их кутежи принимали подчас непристойные формы. Рубили головы борзым собакам, лакали, стоя на четвереньках, шампанское из серебряной лохани... Николай пил, и со временем всё больше. К концу царствования его почти не видели трезвым. Вырубова пишет в своём дневнике, что царица не раз говорила царю, чтобы он меньше пил. Наследственной была и любовь к парадом. Под особой опекой царя были гвардейские части, их офицеры отбирались из наиболее знатных фамилий, многих из них царь знал лично. Гвардейцев всячески задобряли (царь, царица и их сын были шефами ряда полков, Алексей — четырёх армий, четырёх гвардий, он числился атаманом всех казачьих войск и т.д.), одаривали их подарками, лично участвовали в полковых праздниках. В дни рождения и именин (тезоименитств) царя, царицы, матери Николая, Алексея все воинские части освобождались от занятий. Мало того.

Три дяди царя занимали должности Верховного главнокомандующего, командующего флотом и артиллерией. Другие великие князья командовали корпусами, дивизиями и полками. Убийственную характеристику дал им военный министр Сухомлинов: «В характере большинства из них были признаки дегенерации, и у многих умственные способности настолько ограничены, что если бы им пришлось вести борьбу за существование, как простым смертным, то они бы не выдержали».

Аппарат подавления при Николае ещё более разросся. Министерству внутренних дел подчинялись генерал-губернаторы, они обладали на месте всей полнотой власти, включая полицейскую. Далее шли полицмейстеры, городские и участковые приставы, околоточные надзиратели, городовые, а в сельской местности — исправники, становые пристава, урядники, сотские и десятские. Это и был аппарат безграничной и бесконтрольной самодержавной власти. Конная и пешая полиция, конная жандармерия, казаки, охранное отделение (для охраны царя и его семьи и политического сыска). К 1914 году расходы на содержание семьи достигли 600 тысяч рублей. Для непосредственной охраны царя был создан «собственный Его Императорского Величества конвой», куда входили четыре казачьих сотни, рота дворцовых гренадёров и сводный пехотный полк из частей армии, флота и гвардии. Царь постоянно бывал в полку и общался с офицерами и солдатами, раздавал им подарки, христосовался, снимал пробы солдатской пищи, участвовал в стрельбах.

Огромное значение уделялось православной церкви. Царская семья пригрела самые одиозные фигуры: черносотенца и мракобеса Иоанна Кронштадского, епископа Гермогена, митрополита Питирима. В царствование Николая были задействованы мощи Серафима Саровского, Феодосия Угличского, княгини Анны Кашинской и других. С тысяч и тысяч амвонов царствующему дому провозглашалась «многая лета», а в адрес тех, кто выступал против него, — клевета и проклятия. Необходимость и святость царской власти доказывалась в огромном количестве брошюр и листов, распространяемых церковью. Пять тысяч военных попов насчитывала при царе армия.

Кровавая война против народа. К апрелю 1906 года, по официальным данным, было повешено и расстреляно 14 тысяч человек. В 1907 и 1908 гг. приговорено к смертной казни ещё пять тысяч.

В Первую мировую войну Россия потеряла семь миллионов человек, а по данным военного министра С.Струмилина — 8 миллионов, в том числе убитыми 975 тысяч, а по более поздним данным — 2,5 миллиона.

Ходынка. Это был учебный плац для войск Московского гарнизона. Он был избороздён траншеями и брустверами, усеян и пересечён рвами, ямами, даже колодцами. 8 марта 1895 года было принято решение о празднестве на Ходынке, а само гуляние назначено на 18 мая 1896 года — срок в 14 месяцев, более чем достаточный для того, чтобы привести поле в идеальное состояние. Но не было сделано ничего. Сойдёт и так, — решили чиновники. Народ — это быдло, стадо, и он всё стерпит. Так, очевидно, думают и все те, кто руководит нынче реформой. Она действительно похожа на Ходынку. Кто менее наглый, кто более человечный или просто физически слабее, рискует оказаться в яме, а по их головам пройдут другие — прямо к желанной цели. Эта цель не объединяет людей, а разъединяет, ибо у каждого она личная, впрочем, весьма банальная — разбогатеть или получить власть. А если возможно — и то, и другое. То же самое было и на Ходынке: любой ценой прорваться и получить царский кулёк. А ведь можно было, с участием международных и своих экспертов, сначала разровнять поле (то есть, создать программу, а также юридические, финансовые, кадровые и идейные предпосылки для её осуществления). Но почти ничего сделано не было, на Ходынке тоже ведь ограничились тем, что построили буфетные ларьки по краям поля: собирались ещё и заработать на этом. Так ведь и сейчас: государство в наступившем хаосе стремится любой ценой и как можно больше заработать — и ему просто не до того, чтобы «ровнять поле». Но такой метод проведения реформ приведёт примерно к тому же, что и Ходынка. Большинство, кроме ссадин, ничего не получит, зато кое-кто хорошо нагреет руки. Авторитета руководителям, как и нравственности обществу, это отнюдь не прибавит. Но Ходынка происходит там, где законодательная, исполнительная и судебная

власти почти или совсем не ощущают на себе давления народа, действуют безответно и бесконтрольно, а значит, по закону истории, работают, прежде всего, на самих себя. И здесь ничего не дадут моральные призывы, но всё начнет меняться, когда будет выработан и станет действовать механизм контроля общества над государством, причём первое станет постоянно действующей активной силой, а второе — будет ограничено в своих паразитических поползновениях и начнёт работать как его механизм. Пора понять, что между обществом и государством существует функциональная связь, от её направления и активности первого зависит и состояние второго. Со времён американской и Великой французской революции начинаются осмысленные попытки поставить государство на службу всему обществу, а не самому себе и ещё одному-двум классам. Этому процессу государство отчаянно сопротивляется. Опираясь на необходимость диктатуры и стараясь создать такую необходимость, государство даже подсознательно стремится к развитию через экстенсивные факторы: количественный рост труда, населения, территорий. Что неизбежно ведёт к обострению внешних и внутренних противоречий и к необходимости в сильном орудии подавления и захвата.

По существу, все колониальные захваты, кровавые войны и попытки силой остановить движение трудовых классов в XIX — XX веках были напрямую связаны с этой установкой, хотя не только с ней. Сталинизм и фашизм, опираясь на экстенсивные традиции, факторы и возможности, доказали обществу свою необходимость и установили над ним абсолютную власть. Цена и метод достижения цели — на уровне традиций, но их корректирует величина цели, чаще всего непомерно раздутая пропагандой, а также сила веры в неё народа. Россия со времён Калиты, а затем Грозного имела перед собою одну главную цель — захват и удержание всё новых и новых территорий, этому была подчинена вся жизнь страны, это стало традицией, социальной психологией, образом жизни. Каждого царя оценивали прежде всего по тому, сколько земли он добавил к огромной империи. И, не успев вступить на престол, каждый император спешил развязать войну. Экстенсивное развитие общества удовлетворяло все его потребности, но без само-

державия Российская империя была просто невозможна. Недаром апологеты царизма создание и сохранение империи ставят ему в главную заслугу. Самодержавие нашло свою нишу и стало необходимым.

Если Российская империя выросла из Московского княжества, то Германия — из Бранденбурга. Ни одно государство в Европе не выросло многократно, только Пруссия, а затем Германия — из Бранденбурга, Россия — из Московского Княжества и Испания — из Леона в период Реконкисты. У Германии этот процесс занял около трёх веков, с начала XVII века, у Испании — семь, у России — от Калиты до захвата Порт-Артура — почти шесть веков. Дистанция достаточно длинная, чтобы к процессу экстенсивного расширения приспособить всю жизнь страны. И чтобы процесс объединения страны перерос в процесс создания империи. В Испании последний год Реконкисты стал и первым годом создания гигантской колониальной империи, в Германии он шёл параллельно с захватом прусских, польских, литовских земель и перерос в Первую и Вторую мировые войны. В России сам процесс захвата Московским княжеством русских земель занял — от Калиты до Василия, отца Грозного, два века. А уже с Грозного — с захвата Казанского и Астраханского ханств — начинается процесс создания империи. Мы видим у всех трёх государств одну характерную черту: процесс расширения становится неудержимым, разогнавшись, государство уже не может остановиться, объединение земель перерастает в создание империи.

Дело в том, что и люди, и организации, и само государство, если находят свою нишу, то уж держатся за неё и всю жизнь приспособливают к её потребностям идеи, вещи, деяния — всё идёт в ход. Но и ниша должна удовлетворять все потребности правящей верхушки, почти всех классов, на которые она опирается, а также главные потребности общества: даже эксплуатируемые классы и группы должны иметь возможность воспроизвести себя и создать для своих господ прибавочный продукт. Так что общественная ниша строится по принципу обратной связи. И человек тоже стремится найти в жизни свою нишу.

СТОЛЫПИН

Раньше о нём писали как о великом реформаторе. Теперь акцент делается на том, что он «прибегнул к методам чрезвычайной важности», — так именует В.Бабкин²⁹ массовые казни, расстрелы, убийства и считает, что «будь они доведены до конца, несомненно, пресекли бы распространение марксистской пропаганды». Что ж, Сталин борьбу с инакомыслием «довёл до конца», изоляцией, ложью и террором умирив восставший и охваченный революционными идеями народ. Но не о нём ли тоскует целая армия гендиректоров, предпринимателей, вчерашних партократов, а сегодня — чиновников? Они снова мечтают видеть перед собою не народ, а рабочее стадо, покорное и безгласное. Без знаний в голове, но с верой в сердце. Кровавые образы Столыпина и Пиночета кочуют по страницам прессы и программам телевидения как идеал и образец для подражания. В этой позорной и опасной возне уже не отличишь партократа от демократа, все, кто с вершин власти выступает от имени народа, требуют для него же, народа, твёрдой руки. Смирение и терпение перед лицом тоталитаризма — это даже не конформизм, а преступление. Что же касается идеологии, то она для диктаторов никогда не была путеводной звездой, а всегда фонарём, которым они освещали лишь то, что нужно в их интересах.

Столыпин: расстрелы, виселицы, разгон I и II Думы, создание антидемократического закона о выборах. Миллионы переселенцев, стимулирование экстенсивного развития, чтобы спасти империю. Именно такие, как он, подготовили гражданскую войну и зверство с обеих сторон.

---

²⁹ В.Бабкин — генеральный директор, депутат Госдумы РФ, автор статьи «Коммунизм — это фашизм бедных» («Известия», №77, 1993 г.)

Вам нужны Столыпины? Он был умным царедворцем, но и он ничего не мог придумать, кроме насилия, крови и страха, кроме грандиозного обмана с переселением, кроме разрушения общины и лишения крестьянина последней защиты, которую он имел, превращения его в одиночку перед лицом ненасытных самодержавных чиновников, помещиков и кулаков. Сейчас умных вы уже не найдёте. Но и умные вам не помогут, как не помог царизму Столыпин. Столыпины лишь могут привести к неизбежной гражданской войне, но тогда уже вряд ли кто-то уцелеет из партократии. А борьба с национальными культурами? Это тоже Столыпин. Разнузданный шовинизм, насаждение религиозного фанатизма «истинно русской» православной церкви.

Но жёсткие меры всегда приводили к обратному результату. Столыпину достаточно было убить тысячи, чтобы подавить революционное движение хоть ненадолго. Сталину же для этого понадобились миллионы.

О ВЫСТУПЛЕНИИ А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА В ДУМЕ

Выступление Солженицына в Думе³⁰ наконец окончательно прояснило, куда собирается нас вести «белая оппозиция». Выдающийся в прошлом борец против большевистской диктатуры, он не нашёл ничего лучшего, как предложить вместо неё такую же, но уже «белую» диктатуру. Мало того, теми же методами. Долго и убедительно, и ничуть не хуже, чем Зюганов или Жириновский, он ругал правительство и жалел бедный народ. И так же, как они, он не заметил, а точнее, не пожелал увидеть тех великих перемен, которые происходят сейчас прямо на наших глазах.

Придётся, видно, вспомнить такое близкое прошлое. Ещё десять лет назад всей экономикой и всей властью в стране владел класс чиновников. Да, чиновники — это правящий класс России как до, так и после Октября. Только до этого лишь часть из них владела богатством, а потом это стало их коллективной собственностью. Каждый чиновник, в зависимости от ранга, получал свою долю — как бы ренту с этого капитала. Она была прямо пропорциональна уровню его власти. Казалось бы, чиновники поглощали практически всё. Государство российское со времён Ивана Калиты прочно стояло на экстенсивной основе. Не только развитие — само существование его требовало непрерывного поглощения новых территорий и рабочей силы. Ибо характерной чертой всех развивающихся экстенсивным способом стран была постоянная нехватка человеческого труда. Отсюда и введение крепостного труда при Иване IV и рабовладельческого строя Петром I. Агрессивная внешняя политика всех российских царей (Пётр III вроде бы попытался нарушить традицию — и тут же поплатился за это тро-

---

³⁰ А.И.Солженицын выступил в Госдуме РФ 28 октября 1994.

ном и головой) была не столько субъективной — порождением ненасытного честолюбия абсолютного монарха, сколько объективной: двигатель развития мог работать, только пожирая один народ за другим. Вот почему кризис империи наступил не в 1917-м году (нет, это был лишь его финал), а в 1855 году, после неудачной Крымской кампании. Дальнейшая экспансия была почти невозможна. Тем не менее, империя продержалась ещё больше века, достигнув апогея в сталинские времена. И только сейчас, на исходе XX века, у нас появился шанс — перейти от экстенсивной системы к интенсивной, при которой не будет места империи, а возникнет сообщество свободно развивающихся государств. Но такой революционный поворот должен быть осуществлён только на демократической основе. (...)

1994 г.

О ФИЛЬМЕ С.ГОВОРУХИНА

И правда может быть ложью. Если показывать один только парадный подъезд. Если демонстрировать одну только сторону медали. Если забыть о цене.

Полвека нас кормили именно такого рода ложью. Фильм С.Говорухина «Россия, которую мы потеряли»³¹ возвращает нас к этой славной традиции. И если Говорухины возьмут власть, мы снова будем смотреть на мир только с одной — государственной точки зрения. Точнее, через одну щёлочку. С видом на парадный подъезд.

Итак, какую же Россию мы потеряли? Оказывается, страну просто уникальную. Необычайно богатую. С добрыми капиталистами, зажиточными крестьянами и даже справедливыми палачами. Страну, которая «кормила весь мир». Развивалась неслыханными темпами и вскоре стала бы самой передовой страной мира. Страну высочайшей культуры и почти поголовной грамотности. Ну, а о царях и говорить не приходится — это вообще отцы-благодетели. Вот только последний был слаб, в смысле, недостаточно жесток. Словом, была на земле единственная идеальная страна, да завелись революционеры и погубили её. А не было бы их — мы бы давно осуществили заветную мечту: перегнали Америку. Смотришь этот фильм с комментариями автора и режиссёра и думаешь: чем грубее ложь, тем быстрее в неё поверят. Говорухин именно на это и рассчитывает.

Как хорошо жили крестьяне до революции! Непонятно только, почему же крестьянские волнения всё время нарастали, пока не приняли в 1905 году форму восстания?

Говорухин ничего не говорит о рабочих, как будто их в России не было.

---

³¹ Фильм «Россия, которую мы потеряли» вышел на экраны в 1992 г.

Наступил февраль, и мы, наконец, получили от центрального телевидения ответ на вопрос: а как жить можно. Да, была уже Россия, которую мы потеряли, и новый фильм Говорухина зовёт нас туда... назад... в счастливые времена. Увидев страну обетованную, ведущий потерял дар речи и был способен только на восхищённый шёпот. Так что, кроме фильма, мы услышали ещё и длинный монолог его творца.

1992 г.

НОВЫЙ АЗЕФ

Тандем Крючков-Кравченко работает на полную мощность. 8 апреля, когда всё наше внимание обращено к бастующим шахтёрам, телевидение о положении в Донбассе и Кузбассе не обмолвилось и словом. На это эфирного времени не хватило. Зато внедрённый в «Свободу» советский разведчик Туманов, за 20 лет поднявшийся до редактора, а затем главного редактора её русской редакции, битый час вещал нам о происках ЦРУ через эту радиостанцию. Ладно, оставим на совести Туманова разглагольствования о том, что разруху и национальные конфликты принесла нам не родная партия, а чужой дядя. Интересно другое. В 1966 году, за пять лет до Хонеккера, внедрённый провокатор бежал туда же — в Москву. Или точнее — в Кремль, который давно стал Меккой для самых отборных подонков мира — от провокаторов до палачей. Выходит, что правду о стране нам 20 лет вещал КГБ. В то время, когда гигантские радиостанции-глушилки становились частью пейзажа любого, даже среднего по величине, города — и на это государство не жалело миллиардов для КГБ, эта же организация, руководя «Свободой», подрывала самые устои кормящего её государства. Да, да — именно в это время за передачу информации для «Свободы» КГБ могло советского гражданина не только лишить работы, но и бросить в тюрьму.

Так на кого же работал господин-товарищ Туманов? С одной стороны, он добросовестно старался, иначе с работы сразу выгонят — «Свобода» признаёт только самый высокий класс, недаром авторитет её в Союзе так велик. А с другой стороны? Как он выслуживался, чтобы КГБ его не разоблачил? Может быть, доносил на тех, кто в труднейших условиях переправлял информацию для «Свободы»? И потом эти люди шли на каторжные нары или в пыточные психушек, даже не догадываясь, кто их предал... Жаль, но

бывший так и не коснулся работы, за которую с двух сторон получал деньги. Попробуем ответить за него сами. Ведь история повторяется — это ещё Экклезиаст заметил. Так вот, Туманов работал на самого себя — и только. Никакие идеи, как это видно из истории, таких людей не интересуют. В крайнем случае, ими пользуются как ширмой. Они живут для карьеры и денег, но ради неё готовы пойти на всё и опуститься до самого дна. Для примера не стоит пересекать рубеж, достаточно слегка копнуть отечественную историю. Если допустить, что наш политический режим — лишь творчески развитое царское самодержавие, то и там мы найдём достаточно аналогий. Например, известное дело Азефа. Молодой человек тоже был внедрён царской охранкой в ряды партии эсеров и вырос до главы её боевой организации. Сдавал одних, но прикрывал других, нужных для «дела». Давал охранке ценнейшую информацию и постоянно обманывал её. Впрочем, и она, ради такого агента, на многое закрывала глаза. И Азеф старался. Организовал убийство министров внутренних дел Сипягина в 1900 году и Плеве в 1904 году, а затем и дяди царя, великого князя Сергея. Всё это были столпы крайней реакции, но кто знал тогда, что для Азефа их убийство — лишь ступенька в политической карьере, а сама она нужна была как доступ к роскошной жизни. Азеф получает громадную, всё растущую зарплату со стороны охранки и возможность глубоко запустить руку в кассу боевой организации.

Но всему приходит конец. Революционеры раскрыли предателя, и ему пришлось срочно бежать в Берлин и жить там тайно под чужим именем. Материалы о нём появились во всех газетах, и в недрах самодержавия разразился грандиозный скандал. Только вмешательство царя спасло руководителей охранки от суда. Ведь косвенно и он был к этому причастен. Если бы он знал, что лишь простое совпадение двух взаимоисключающих явлений спасло его от покушения и верной смерти, а организатором, мстителем от имени народа за все преступления кровавого царя выступал всё тот же Азеф... Общество России увидела тогда, что самодержавие и его охранка не брезгают не только кровавыми, но и самыми грязными, самыми подлыми средствами для достижения своих целей. Но лишь сейчас становится понятным, что охранка превращалась

в самодовлеющую силу внутри самодержавия — процесс, уже хорошо заметный во времена Сталина. Да и самодержавие, по крайней мере со времён Петра I, превратилось в силу, работающую не на интересы какого-то класса, тем более общества, но, прежде всего, на саму себя.

И когда сегодня воссозданная при Сталине самодержавная империя устами своих чиновников снова начинает говорить о том, что ради интересов государства надо пойти на любые жертвы, так и хочется сказать: бросьте, господа-товарищи. Каждого из вас волнуют лишь собственные интересы, и ради них вы готовы продать кого угодно и пойти на всё. Какие там идеи, для вас не существуют даже элементарные нормы приличия, и вы всё откровеннее демонстрируете самое наглое бесстыдство. А на вопрос: где же мораль, телешоу Туманова отвечает: морали нет, зато есть КГБ.

1990 г.

КГБ В ДЕЙСТВИИ

Под таким названием в ряде номеров «Нового журнала» — известного периодического издания — в 1973 году были опубликованы воспоминания Юрия Васильевича Кротова. Автор, драматург и сценарист, в течение 17 лет был «кооптированным сотрудником», а попросту — штатным сексотом КГБ. В 1963 году остался в Лондоне. В качестве сексота работал среди иностранных дипломатов в Москве. В рассказанной ниже истории речь идёт об операции, связанной с именем Мориса Дежана, только что, в 1956 году, назначенного послом Франции в СССР. «Новый журнал» выходит в Нью-Йорке на русском языке.

Кунавин, начальник отделения, которое курирует Францию и Бенилюкс, «говорит, что есть указание с самого верху заняться новым послом Франции и его женой. Тут он намекает на заинтересованность Хрущёва (и, кажется, Булганина)». «На сцену вышла чета Горбуновых. Знакомству Горбуновых с Дежанами способствовали такие же кооптированные работники КГБ, как и я, но поименнее. Я имею в виду одного из авторов советского гимна, известного писателя, поэта и драматурга, лауреата Ленинской премии, председателя правления Союза писателей РСФСР, Сергея Михалкова и его жену, Наталью Кончаловскую, также популярную детскую писательницу, внучку знаменитого русского художника Сурикова. Они и представляли на одном из государственных приёмов Веру Ивановну, а она уже потом ввела своего ответственного мужа. У них быстро образовалась «тёплая компания». Вечерами встречались у Горбуновых на их шикарной даче в Мышкино-Куркино, когда-то принадлежавшей Максиму Литвинову, затем Деканозову, а потом перешедшей к генералу Серову, который «одалживал» её Грибанову. Бывали,

конечно, и на даче у Михалкова, на фешенебельной Николиной Горе».

«В отсутствие же жены посла, на даче в Мышкино-Куркино устраивались самые настоящие афинские ночи. В них принимали участие, кроме писателя Михалкова, капитан государственной безопасности Алексей Васильевич Сумцов, любимец Грибанова, которого я знал по другим делам, Горбунов, Дежан и представительницы нежного пола: ласточки Валя и Рита Прокофьева (агентурное имя «Зоя») и ещё кто-то. Словом, букет!» Генерал Грибанов, начальник Главного управления КГБ, инициатор многих политических убийств, выступал здесь в роли Горбунова, «ответственного работника Совета Министров СССР», со своей «женой», Верой Ивановной Андреевой — «Горбуновой», майором КГБ.

Полковник Кунавин. Начиная и заканчивая карьеру чекиста в Риге. «Этого человека я никогда не забуду до конца своих дней. С одной стороны, он был примитивен, так сказать, от сохи, плетей. С другой же — в нём сидел кулак, стяжатель, собственник, стремящийся взять от жизни все, что попадет под руки, и взять сегодня, потому что завтра уже может быть поздно. Он был патриотом советской власти в том смысле, что партийный билет и погоны КГБ давали ему неисчислимые блага, удобства, положение. Он получал огромную зарплату, имел квартиру на Смоленской площади, пользовался услугами всяких спецмагов и спецателье, полковник КГБ, приобрёл автомобиль по специальным спискам в то время, когда купить автомобиль рядовому смертному было невозможно, и т.д., и т.п. Всё это сочеталось в нём с гигантской силой воли, упорством и полной отдачей тому делу, которым он занимался. И дело это он любил, горел на нём. Работал и днём, и ночью, не считаясь со временем.

...А его интеллектуальная ограниченность больше помогала, чем мешала. Помогала там, где была необходимость в жестоких и немедленных действиях. В таких случаях он был незаменим. И не случайно во время венгерской революции в 1956 году генерал Грибанов, лично руководивший карательными акциями в Будапеште, взял с собой и Кунавина. Кунавин и остальные, без сна

и отдыха, получив специальные пистолеты-автоматы в деревянных кобурах, каждый в сопровождении советского солдата, производили в городе повальные аресты. По словам Кунавина, брали каждого второго, потому что нельзя было брать всех подряд, хотя он и считал, что каждый был «мятежником» и «контрреволюционером». Арестованных венгров сажали в теплушки и под стражей гнали составы в отдалённые районы Сибири. За участие в этой кровавой операции Кунавин был награждён очередным орденом Красной Звезды (у него их было четыре)... Словом, если бы Леонид Петрович не пил водку, а этим грешат 90% чекистов... стал бы генералом».

Кунавин «прежде всего встретился с Георгием Мдивани, одним из ведущих советских драматургов и киносценаристов (сто-процентный «патриот» — опора советской власти)... И Жорж тотчас же оказался в моём распоряжении». Директор ресторана «Прага» был в прямом подчинении КГБ. Зал — «Ротонда». «После того, как мы разъехались, в «Ротонду», как мне позже рассказывал Кунавин, проникли его агенты. Надо же было «доедать» и, главное, «допивать». А водки, коньяку, вина было более чем достаточно. Кутёж «плебеев» длился почти до рассвета...».

«...писатель Георгий Брянцев, в прошлом — крупный работник МГБ-КГБ, с женой Тоней, которая тоже служила в органах».

Кунавин в пьяном виде наехал на своём «Москвиче» на старую женщину и сильно изуродовал её. Дело прикрыли. Грибанов, памятуя заслуги Кунавина, простил ему эту историю. Кунавин «...был таким же, как и другие офицеры КГБ: заняв у меня 2500 рублей, он не возвратил их». «В мою банду был введён кооптированный КГБ кинооператор, а впоследствии и кинорежиссёр, Юлий Михайлович Кун». «Со стороны Кун представлялся патриотом и ортодоксом... В отношении к людям глубоко циничен. К тому же активный антисемит». Далее его чуть не судили в Эстонии во время съёмки фильма — будто бы за растление малолетней. Грибанов его спас. И он стал «с полной отдачей сил трудиться на КГБ. Так он мне сказал. Искусство, литературу, кино он называл просто вздором. Он был настолько ошеломлён тем, что с ним произошло в Эстонии, что чуть не стал истинным патриотом КГБ. Он утверж-

дал, что каждый второй эстонец ненавидит русских и советскую власть и является контрреволюционером».

«...Затем микрофоны в стенах посольства. По словам того же Кунавина, они работали безотказно». «Несколько слов о демонстрациях советских труженников у зданий иностранных посольств, в частности у здания французского посольства. Я уже не могу припомнить, что именно не понравилось Никите Хрущёву в действиях генерала де Голля, но это случилось зимой: москвичи, «трудящиеся города и села», подошли хорошо организованными колоннами с лозунгами и плакатами на Якиманке. Они размахивали кулаками, выкрикивали угрозы, потом даже выбили стёкла в окнах первого этажа».

«История «Операции Морис» будет описана недостаточно полно, если я не упомяну ещё известного в СССР художника Илью Глазунова, хотя он и не был членом моей «банды» и занимал особое и весьма странное место в дислокации генерала Грибанова... А Кун, который хорошо знал Глазунова, говорил, что он и его жена просто-напросто кооптированные работники КГБ. Меня смутил следующий факт: на одном из пленумов Союза работников кино не кто иной, как Сергей Михалков, выступая перед аудиторией, взял Илью Глазунова под защиту, так как того в то время «клевали» в газетах. Я слышал выступление Михалкова своими ушами. Этот тип был мне хорошо известен, и я понял, что он отважился на такой «смелый» поступок только потому, что его попросил об этом Грибанов».

И ещё об одном. КГБ умеет и благодарить своих сексотов.

В разгар операции «Морис», сразу после самоубийства французского военного атташе Гибо, автору воспоминаний были вручены полковником Меркуловым часы фирмы «Донса», очевидно, снятые с кого-то, так как счастливчика предупредили, чтобы он всем говорил: часы куплены на чёрном рынке по спекулятивной цене...

1992 г.

БЕЛИНСКИЙ О ШЕВЧЕНКО

«Вера делает чудеса — творит людей из ослов и дубин, стало быть, она может из Шевченка, пожалуй, сделать мученика свободы. Но здравый смысл должен видеть осла, дурака и пошлеца... Этот хохлацкий радикал написал два пасквиля: один на государя императора, другой — на государыню императрицу. Читая пасквиль на себя, государь хохотал, и, вероятно, дело тем бы и кончилось бы и дурак не пострадал бы за то только, что он глуп. Но когда государь прочёл пасквиль на императрицу, он пришёл в великий гнев и вот его собственные слова: «Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но её-то за что?»

...Я не читал этих пасквилей, и никто из моих знакомых не читал (что, между прочим, доказывает, что они нисколько не злы, а только плоски и глупы). Но уверен, что пасквиль на императрицу должен быть исключительно гадок по причине, о которой я уже говорил. Шевченко послали на Кавказ солдатом. Мне не жаль его, будь я судьёю, я бы сделал не меньше. Я питаю личную вражду к такого рода либералам. Это враги всякого успеха. Своими дерзкими глупостями они раздражают правительство, делают его подозрительным, готовым видеть бунт там, где нет ничего ровно, и вызывают меры круче и гибельнее для литературы и просвещения.

«...Одна скотина из хохлацких либералов, некто Кулиш (экая свинская фамилия) в ... журнале для детей напечатал историю Малороссии, где сказал, что Малороссия должна отторгнуться от России или погибнуть».

Дальше он пишет, что цензор запретил «Пиччинино» и «Манон Леско». «Ох, уже мне эти хохлы! Ведь бараны, а либеральничают во имя галушек со свиным салом». Дальше он называет Кулиша «либеральной свиньёй, годной только на сало». «И мы

лишились такого цензора... он подал в отставку». (Шевченко уже сидит, он про это пишет. И так пачкает).

(В.Г.Белинский. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР. 1956. Т. 12. С. 440–441).

Это письмо. А есть ещё статья «О господине Шевченко и его поэме «Гайдамаки».

«БЕСЫ»

Написано в 1870–71 гг., сюжет — его почти нет — возникает, когда прочитаешь две трети произведения, но и там он не развит, да и конец оборван. Была ещё одна глава, но Катков, который печатал произведение в своём журнале, её выбросил. Там развязка всех этих событий — гибель ряда героев.

Герои произведения — Степан Трофимович Ставрогин и его сын Пётр, Варвара Петровна и её сын Николай Всеволодович. Это главные герои. А вокруг них фон: Кириллов, Прасковья и её дочь Лиза, Лебядкины Мария Тимофеевна и её брат, капитан Лебядкин, далее — Шатов, Липутин, Карамазинов, новый губернатор немец Лембке, его губернаторша Юлия Михайловна и верный друг и родственник Блюм.

Ставрогин двадцать лет был близок с Варварой Петровной, был воспитателем её сына Николая Всеволодовича. Потом сына отправили за рубеж, а когда тот вернулся, то трижды на балах проявил свою ненормальность и снова на четыре года уехал за рубеж. Там он сблизился с левыми и Лизой. Узнав про это из письма подружки, Варвара Петровна немедленно выехала туда, взяв с собой свою воспитанницу Дашу. Дарья сблизилась с Николаем Всеволодовичем, о чём намёками рассказала Прасковья, которую привезла Варвара Петровна. Тут же Варвара Петровна решила выдать Дашу замуж за своего приятеля Степана Трофимовича. Материально он давно был на её содержании, хотя считался помещиком (на самом деле был только опекуном усадьбы сына от первой жены, усадьбу до приезда сына уже наполовину постепенно проиграл в карты; Варвара Петровна ежегодно посылала его сыну из своих немалых капиталов тысячу рублей — словно из его имени). Степан Трофимович был крайне поражён поведением «друга», но в конце концов согласился. Но тут пошли по городу

слухи, что он женится на Даше, чтобы покрыть её грех. Он ежедневно писал об этом сыну, и когда сын Пётр вернулся из-за границы, то сразу публично рассказал про письма отца. Встал Шатов и дал по лицу Николаю Всеволодовичу. Почему ему, а не Петру или тому же Степану Трофимовичу? Николай Всеволодович был очень сильный, ничего не боялся, в ранней молодости убил одного и покалечил другого на дуэли, но тут скрестил руки сзади и ничего не сделал. За это свет простил ему все прошлые поступки. Кстати, он дрался на дуэли с одним видным дворянином, но она кончилась ничем: в него стреляли трижды и промахнулись, а он стрелял в воздух.

Далее главным героем книги становится Пётр, который собирает целую группу либералов и хочет сделать из них пятёрки для революционной борьбы с самодержавием. Но эти собрания, на которых каждый словно выставляет напоказ свой талант оратора и революционность, ни к чему не приводят. Тем временем, заволновались рабочие на фабрике, где им недоплатили, и приходят покорно и тупо, словно стадо, к дому губернатора Лембке, вместо которого руководит его жена-россиянка. Она прибывает на место и требует выпороть их. Пресса Петербурга писала, что всех 80 человек выпороли, а Достоевский устами рассказчика пишет, вернее, говорит, что только двоих. У Степана Трофимовича устроили обыск (это работа Блума) и забирают всю свободомыслящую литературу, что вызывает большой гнев губернаторской жены. Она ласково обращается на приёме к Степану Трофимовичу и приказывает ему всю литературу отдать назад. В середине книги Николай Всеволодович заявляет при всех, что он уже пять лет как женат на Лебядкиной. Главные герои выписаны неплохо, остальные же односторонне, просто какие-то бледные тени.

Степан Трофимович — либерал, в прошлом — вольнодумец, но только на словах. Трус, картёжник и нахлебник. Но Достоевский почему-то говорит, что он пользуется большим авторитетом в свете, человек честный, гордый, хоть и не способный к какой-либо деятельности, а всё пишет письма, читает в светском обществе какие-то лекции (эта тема совсем не раскрыта, даже неясно, что это за лекции и читает ли он их).

Варвара Петровна — человек энергичный и жаждет занять первое место в губернии.

Пётр — крайне низкий, подлый тип, готовый на всё ради власти, скользкий, грубо прямой — и в этом смелый, нахальный, не признаёт никакой морали. Рассчитывает на Николая Всеволодовича как на вожда, который будет почти никому неизвестен и которого будут показывать раз в год немногим. А он будет иметь фактическую власть. Но как её достичь?

Достоевский (и не он один), к сожалению, словно в воду глядел. Пётр говорит: «У него хорошо в тетради, у него шпионство. У него каждый член общества смотрит за другим и обязан доносить... Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях — клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов... Высшие способности не могут не быть деспотами, и всегда развращали более, чем приносили пользы, их изгоняют или казнят. Цицерону обрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... Рабы должны быть равны, без деспотизма ещё не бывало ни свободы, ни равенства... Не надо образования, довольно науки! В мире одного только недостаёт: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание — мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве... Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отныне... у рабов должны быть правители. Полное послушание. Полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалёв (*автор проекта — К.К.*) пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга до известной черты, чтобы не было скучно. Скука есть желание аристократическое, а в шигалёвщине не будет желаний. Желание и страдание для нас, а для рабов — шигалёвщина».

В то время это казалось передовым людям клеветой на революционеров, но в этих словах звучало предостережение, и его как раз воспринимали целиком серьёзно. Не один Достоевский. Драгоманов, например, на Украине, будучи революционером, тоже предупреждал об этом в своих статьях и очерках. Недаром

его произведений нигде не найдёшь. Предупреждение оппонента нередко сбывается. Произошло так и в данном случае. Всегда нужно прислушиваться к критике, какой бы она жёсткой и невероятной до грязной клеветы ни была, в ней всегда есть какое-то зерно правды, всегда она от чего-то отталкивается.

В данном случае, из главных феноменов не сбылся лишь источник всех бед, которые выпадут людям вместе с равенством. И сейчас ещё кое-кто на Западе, да и у нас некоторые, связывают всё с равенством.

Это было очень модно в прошлом — связывать все сегодняшние и грядущие беды с равенством людей. Однако ведь и сам Достоевский себе противоречит, потому что пишет, что «у рабов должны быть правители». Но ведь правители у народа численностью сто миллионов не могут не создать огромную бюрократическую систему, она не может состоять из нескольких человек. А раз так, то где тут равенство? Его нет с самого начала. Грубо такая схема может выглядеть так: революционеры ведут за собой народ, народ свергает старую власть, революционеры превращаются в контрреволюционеров (ведь теперь роли поменялись, и любая революция будет направлена против них), садятся на шею народа и правят им, погоняя словно бы вперёд, а на самом деле всё больше поворачивая назад, пока не остановятся в глубинах средневекового феодализма. Там, в феодализме, и будет пребывать старая система, пока её не уничтожит новая революция. Но вернёмся к пророчествам, которые оправдались.

1. «У него каждый член общества смотрит за другим и обязан доносом». И сейчас в школах уже 50 лет (!) за образец взят Павлик Морозов, который донёс на отца, а не доносящий на других уже подозрителен — это давно ясно и стало просто традицией. Традицией настолько, что сам факт доноса, даже клеветнического, сделанного в откровенно карьеристских целях, не вызывает того взрыва негодования, той изоляции, которая известна ещё со времён Иуды Искаротиота. Правда, сейчас в народе к таким типам относятся с презрением — и это уже шаг вперёд, ведь раньше и этого не было. Но этого слишком мало — это видно по ряду фактов. Ведь

и один негодяй может искалечить жизнь десяткам людей. Нет глубокого презрения к тем, кто идёт на самую грязную омерзительную работу — в КГБ. Идёт теперь не потому, что у него идеи и убеждения, а потому, как писал Достоевский, что он честолобец и «мошенник». То есть, по субъективно-эгоистическим мотивам. Это прекрасно понимают и те, кто его нанимают, и поэтому за год обеспечивают квартирой (а учитель может двадцать лет стоять в очереди и не иметь квартиры), платят большие деньги и открывают доступ в закрытые магазины. То есть, их откровенно покупают. И всё-таки это не вызывает омерзения у большинства молодых людей. «Каждый пруссак носит в своём сердце жандарма», — эти бессмертные слова Бисмарка лучше, чем любые экономические выводы, объясняют корни фашизма.

2. «Все рабы, и в рабстве равны». Именно так оно и получилось. Шестьдесят лет из нашего народа делают стадо, а чтобы оно даже не мычало, применяют убийства и самые омерзительные доносы. У нас есть коллекция доносов всех форм вплоть до обвинения, а потом и осуждения на каторгу диссидентов за «попытку» изнасилования, хулиганства...
3. «Первым делом — понижение уровня образования, наук и талантов». Это словно полностью противоречит устремлениям номенклатуры, но только формально. У нас пытаются дать образование количеством, а не качеством. По содержанию образование чрезвычайно далеко от нашего довольно-таки тёмного и беспросветного сегодняшнего дня. Всё образование — только орудие в руках хозяев страны для превращения человека в тёмного, тупого и верного раба. Для этого все средства хороши: пустота общественных наук, узкий практицизм естественных, превращение светлейшей части человеческого разума — литературы в орудие пропаганды самых мерзких, тёмных и примитивнейших чувств и идей, в частности шовинизма, избранности российской нации не только в нашей стране, но и во всём мире, культа солдата и войны, идеализации кагэбизма. Этому служит и

история. А без знания подлинной истории и литературы невозможно никакое образование. Любое образование будет только фикцией. Этой же цели служит и подорожание книг до уровня, когда они становятся недоступны народу, создание острого дефицита на самые популярные произведения мировой классики, обеднение библиотек.

ВСЕЛЕННАЯ

Мы представляем Вселенную довольно-таки упрощённо, на свой земной лад. Мы приспособливаем к своим прошлым знаниям, а в биологическом плане — к возможностям своего мозга и своих чувств. Снова Кант? Нет, да и почему нужно на всё, что тут сказано Кантом, накладывать табу? В каждой теории, даже неверной, есть доля, зерно истины. Но сейчас речь не об этом. Пустоту мы не ощущаем, значит, её нет. Есть материя в виде поля и вещества. Правда, сейчас говорят, что все четыре компонента едины, но подаётся это, по сути, с тех же старых позиций: пустоты нет, потому что всюду проходят поля, по крайней мере фотонные, и время изменяется: при приближении к скорости света оно замедляется.

Всё это подход с тех же вещественных позиций, на которых и физика, и философия стояли почти всегда (только у Гераклита и т.п. мы видим подход к Вселенной не конкретно-чувственный, а чисто философский, как к единому целому). Я пришёл к выводу, что с точки зрения противоположностей должен существовать мир, во всём противоположный нашему. Возможно, он существует там, где и наш мир, но ни мы его, ни он нас никогда не может почувствовать. Вероятно, что в нём есть ещё один мир и ещё один. В таком случае понятия «пространство», «бесконечность в пространстве» или «конечность» теряют всякий смысл. То же и относительно времени, поля и вещества, и также движения. Если «ничего нет», то нет и времени, нет и пространства. А движение может исчезнуть во время перехода от одного состояния «нет» до состояния «есть». Пока «длится» переход, время не существует. Нет никакого движения, «момент» неизменности. Этот момент может быть целым миром со своей историей, но для нас и для того, что было, это только момент перехода. Так что мир может возникнуть из пустоты точно так же, как он возникает из вещества или

волны. Разбегание галактик датировано периодом 15–18 миллиардов лет назад и является, очевидно, началом того мира, который возник не из первого атома, а из пустоты. С другой стороны, наш мир в конце концов превратится в пустоту. Исчезнет вещество и волна, пространство и движение. При таком подходе станет понятно, почему мы никак не можем представить себе движение в бесконечность в пространстве и времени или саму бесконечность. И почему мы всё сводим к замкнутой или разомкнутой Вселенной (а первая — на основе всё той же вещественной теории: отклоняется фотон в движении, значит, мир, как шар). Хоть отклонение фотона и даёт возможность создать замкнутый мир, но только при условии, что Солнечная система — его центр или окраина. В действительности, с какой угодно точки мы можем начать это движение, а раз так, то мир в вещественной теории обязательно должен быть бесконечным. Исчезает и то однообразие бесконечности, которое противоречит всему, что знает человек о мире, что видит и ощущает. Всё одно и то же, из года в год, из миллиарда лет в миллиард, в одном мире и в другом. И некуда выскочить за однообразные границы и переселиться в другой мир, потому что вселенные одинаковы. В действительности всё совсем не так. Миров неисчислимо количество, но не «один за другим», но «один в другом». И оба утверждения будут верны, различны лишь аспекты подхода. Мир безмерно интереснее, чем рисует его современная физика или философия.

МИХОЭЛС

Гениальный еврейский актёр и режиссёр. В условиях 30-х годов создать и поставить «Короля Лира» так, как он это сделал, — нужно было быть смелым и очень разумным человеком. И любить людей. Быть преданным мечте сделать жизнь людей лучше. А сделать жизнь лучше — разве это только дать им кусок хлеба и крышу над головой? Лучше — это и освободить от кандалов, от тирании. С.М.Михоэлс был убит при таинственных обстоятельствах в январе 1948 года, как раз тогда, когда у него созрел целый ряд творческих планов. Об этих планах он писал и давал интервью. Ясно, кто и зачем это сделал. Через год арестовали его ближайшего в течение двух десятилетий друга, блестящего артиста ГОСЕТа³² В.Л.Зускина, а вскоре закрыли и сам театр. Интересно, что после всех официальных осуждений культа личности и частичной отмены его «постановлений» (как у нас писали), «нарушений» (восстановление статуса республик и областей, «закрытых» недавно, урезание ранее неограниченной власти КГБ), решение о закрытии театра так и осталось в силе. Кстати, Михоэлс девять месяцев пробыл в США, а потом в Мексике, где в 1943 году и весной 1944 агитировал словом, статьями и выставками за союз с СССР и за Второй фронт. Его роль, судя по восторженным отзывам, была немалой. Почти всех за это «отблагодарили». Отплатили и ему. Но всемирно известный актёр, режиссёр и человек, которого видели за границей миллионы людей, был уничтожен тайно, а не обычным арестом. Звериная система, при которой гуманист — самый опасный.

Но перейду к королю Лире. Интерпретация Михоэлса интересна тем, что он показал Лира королём жалким, низким, примитивным, бесчувственным, безжалостным и просто совсем тёмным

---

³² Государственный Еврейский театр.

в том, что касается жизни и чувств народа. Он всемогущ не потому, что имеет власть или деньги, а потому, что он «сверхчеловек», богом избранный, а раз так, разве не всё равно, царит он формально или нет. Лир, правда, по Михоэлсу, знает цену своим дочкам, вернее, знает, кто из них лучше, кто — хуже. Любит он Корделию, к другим обращается формально, официально. Но ему кажется, что с его отречением ничего не изменится, он будет ездить к дочкам, а жить — как он сказал в момент анафемы — у Корделии, и всё равно он будет лучшим и главным в государстве. По-видимому, он считал, что передаёт управление только второстепенными вопросами, а основные всё равно без него решить не смогут, будут просить совета. Так что тут что-то похожее на Людовика XIV: «Государство — это я».

Возвышение Лира до уровня человека началось с его воспитания дочками, которые торгуются, словно на аукционе, сколько разрешить дать отцу рыцарей, и каждая даёт всё меньше, пока Регина не сказала, что они ему совсем не нужны. Проясняется сознание, растут чувства и человечность у Лира, достигая кульминации в сцене бури и схождения с ума. По Михоэлсу, это не схождение с ума, а окончательная утрата вчерашнего короля Лира и рождение нового человека. Погибает мораль королевская (с её точки зрения Лир — безумец) и рождается новая — человеческая. Бездеятельность в отчаянии сменяется инициативой, энергией, действием и даже проявлением немалой физической силы. Лир переходит на сторону Корделии и французских войск, тем самым он активно выступает против зла. После поражения он не теряет человеческого достоинства, не отказывается от той человечности, которую приобрёл, а твёрдо идёт дальше: он убивает убийцу дочери, а потом, когда его освобождают из тюрьмы, сам (80-летний) приносит Корделию на руках. Он умирает, пройдя сквозь адские муки, но муки эти были очищающие, а сам он умер человеком. По Михоэлсу, быть царём, быть тираном — это значит стоять на самой низшей ступени общественной градации, и чтобы подняться до уровня человека, нужно в муках родиться заново. В 1934 году «Король Лир» вышел на сцену Еврейского театра, прошло только 17 лет после революции, и такой прыжок в раскрытии гумани-

стической сути одного образа имел, безусловно, большое влияние на формирование нового взгляда на персонажей классики. Этот процесс вскоре был прерван, и на классические образы, особенно российской литературы, в основном, стали смотреть по-старому. Но зёрна остались. И посеял их Михоэлс. На Западе спектакли его театра проходили с огромным триумфом, хоть выступал он и там, где было мало евреев и аудитория была, в основном, местная. Нет сомнения, что его подход к классике помог западноевропейской культуре по-новому увидеть свои старые традиционные образы, а творцам создавать то, что мы сейчас могли бы назвать современным гуманистическим подходом к человеку.

ШАЛАМОВ

Когда начинаешь читать рассказы Шаламова, охватывает странное чувство. Рассказ короток. Как молния. Её уже нет, а в глазах ещё темно. Он мал. Но как пуля, которая убивает наповал. Каждый рассказ обладает такой художественной выразительностью, что в него погружаешься целиком. И не только видишь, но и сердцем чувствуешь каждую деталь, о которой внешне сухо и логично сообщает автор. Сухо, без всякой морали повествует он самые страшные факты. А зачем мораль? Ведь показана жизнь в мире целиком аморальном. Дочитываешь рассказ, и кажется, что ничего страшнее в жизни не читал. Но вот следующий — и он ещё ужаснее. Потом начинаешь понимать, что здесь вообще никаких пределов не существует. Говорят, человек в своём падении дошёл до дна. Но здесь нет дна. Мир, куда вводит нас автор, негативен беспредельно. В нём действует одна голая и совершенно откровенная корысть. А человек оценивается лишь с одной стороны: что с него можно взять. И если он не отдаёт свою рубашку сам, у него забирают её вместе с жизнью, как в рассказе «На представку». Если молодой человек истощён и голоден — прямо из университета попал в каторжный забой, если, работая шестнадцать часов в сутки, он всё-таки выполняет норму на двадцать пять процентов, то его уже на третий день ведут на расстрел. Он просто никому не нужен. А жизнь человеческая на Колыме не стоит ровным счётом ничего. Человека убивают сразу, был бы малейший повод. В том же рассказе «На представку», когда двое играют в карты и один из них проигрывает всё, он говорит одному из тех, кто смотрел на его игру: снимай. Один из политических снимает телогрейку, второй отдать переданный женой свитер не хочет, ему предстоит дальняя дорога. В угоду пахану на него бросаются, сбивают с ног. Ничего не стоит отнять свитер. Но один из уголовников вынима-

ет нож и убивает бывшего инженера. Зачем? В этом ведь не было совершенно никакой необходимости. Да и свитер кровью замазали. «Не могли, что ли, без этого? — закричал Севочка». Он прав, можно было и без «этого». Но что сдерживает здесь уголовного? Государство? Оно само насквозь преступно и руководствуется не общечеловеческими принципами и даже не жестокими законами, а, в обращении с народом, нормами мафии: морально всё, что тебе выгодно. Его надзиратели? Но они, кроме всего прочего, так развращены Колымой, что жестокость, переходящая в садизм, здесь пределов не имеет. А кроме того, они постоянно ставят политических в полностью беззащитное состояние перед лицом уголовников и позволяют тем творить что угодно.

Вот перед нами рассказ «Сгущённое молоко». Один, измученный до предела тяжёлым трудом и истощённый голодом, не может отвести взгляда от продуктового магазина, где отовариваются «друзья народа» — воры-рецидивисты. Другой, Шестаков, работает в конторе и вдруг, спустившись с высот своего положения, предлагает герою рассказа бежать с ним. Тот отлично понимает, что ни обещанная карта, ни знание дороги не помогут им преодолеть пятьсот километров только до полярного моря. И хоть «думать было больно», но «думать было надо», и герой рассказа понимает, что это провокация тюремщиков. «Он соберёт нас в побег и «сдаст» — это совершенно ясно. Он заплатит за свою конторскую работу нашей кровью, моей кровью». Но герой рассказа сначала съел принесённые ему Шестаковым для «подкрепления» две банки «густого, сладкого, звёздного молока», а потом ...отказался идти. Шестаков наберёт пять человек, двое гибнут, едва выйдя за лагерную зону, троих ловят и судят. А через полгода герой рассказа встречает всё того же бритого и сытого Шестакова уже на другом прииске, «начальство играло с ним честно, а ведь могло быть и иначе».

Шаламов не пишет в своём рассказе о том, кто и сколько получил наград и повышений за кровавую провокацию. Он даже не упоминает об этом. Зачем? Ведь читателю и так всё ясно. Таков стиль всех рассказов.

И всё-таки, самое главное в рассказах Шаламова — его гуманизм. Но гуманизм, обращённый именно к человеку, а не к тем

звероподобным уродам, у которых только и остались самые грубые, самые примитивные инстинкты. К ним автор беспощаден, хотя ни одного слова в осуждение у него не найдёшь. Он разоблачает фактами, а если нужно объяснение мотивов поведения, то с моральными выводами или даже с моральными осуждениями автор не выступает. Всё это сделает сам читатель, почувствуется, что автор уверен в этом. Вот как рассматривается этика лагерного врача в рассказе «Шоковая терапия». Мерзляков, один из эзков, ослабев на лесоповале, был сильно избит, ему сломали ребро. Когда он в медпункте, где фельдшер смазывал его солидолом (других средств не было), стал всё-таки выздоравливать, он пошёл на симуляцию и остался в полусогнутом виде. Вся его воля отныне была направлена на то, чтобы не разогнуться. Мышцы ныли, но он терпел боль и считал, что это лучше, чем приклады конвоиров и сапоги десятников. Судьба свела его с бывшим доцентом института, теперь заведующим отделением лагерной больницы. «Больше половины своего рабочего времени Пётр Иванович тратил на разоблачение симулянтов. Он понимал, конечно, причины, которые толкают заключённых на симуляцию. ...Нельзя сказать, чтобы он не жалел людей. Но он был врачом в большей степени, чем человеком, он был специалистом прежде всего». Эти слова сегодня особенно актуальны. Чернобыль показал, что значит быть сначала чиновником-врачом, а уж потом человеком. Бездушные и бесчеловечность глубоко проникли в советскую медицину, и образ Петра Ивановича типичен не только как образ лагерного врача. Да и только ли врача?

Итак, Пётр Иванович под сильным наркозом разогнул Мерзлякова, но, придя в себя, ээк снова согнулся. И тогда тот, кто был «специалистом прежде всего», применил шоковую терапию. Восемь человек держали бившегося в приступе заключённого. Пётр Иванович был «в восторге».

Шаламов с истинным талантом художника рисует нам два мира — мир тюремщиков-кагэбистов вкупе с уголовниками и мир политических заключённых. Первый, как и вся структура, аморален — бесчеловечности и жестокости в нём нет предела. Второй — в самых страшных условиях сохраняет в себе драгоценные кро-

хи человеческих качеств, поднимаясь иногда до уровня борьбы и даже самопожертвования. Все симпатии автора — на стороне людей, превращённых в рабов, нередко просто в мишень для пули или ножа. Страшны рассказы Шаламова. Страшна своей реальной простотой. Читая их, никогда и в голову не придёт, что автор хоть что-нибудь «выдумал», «сочинил». Впечатление такое, будто каждый рассказ списан прямо с натуры, хотя понятно, что это не совсем так. В основе лежат реальные факты, но лаконичная, выразительная картина, сжатая до предела пружина действия, яркие образы — это уже блестящий талант и мастерство художника. Прекрасен язык рассказов. Фразы короткие, они подчинены внутренней гармонии абзаца. Какая-то музыкальная стройность пронизывает каждый рассказ.

1994 г.

ЛЕВКО ЛУКЬЯНЕНКО

Если верно, что о политической организации можно судить по её лидеру, то это полностью относится к Левко Григорьевичу Лукьяненко. Или просто к Левко, как его называют на Украине. Всмотритесь в его лицо. Добрые глаза, смущённая улыбка, всегда негромкий голос, культурная речь, деликатное обращение — да ведь это лучшие черты украинского интеллигента. И кто бы подумал, что из 60-ти лет 25 лет он провёл в советских тюрьмах и концлагерях. А ведь вроде жизнь начиналась так ровно и перспективно. Сын черниговского крестьянина, он закончил юридический факультет Московского университета, между прочим, почти одновременно с Горбачёвым. Но как далеко разошлись их судьбы! Хотя и он начинал с райкома партии. Вскоре понял, что ему с партийными функционерами не по пути. Стал адвокатом. Вечерами стали собираться его новые друзья. Всматриваясь в их лица, он думал: а понимают ли они, что их ждёт завтра? Да, они знали, на что шли. И, наконец, была создана организация борьбы за освобождение Украины. Левко Лукьяненко написал для неё программу на двадцати страницах. Он показал, что во всех бедах народа виноваты не отдельные лица, а вся политическая система. Было подробно рассмотрено положение каждого класса. Рабочие — бесправны, крестьяне — крепостные, профсоюзы — государственная организация, а сама компартия — орган российского империализма. Украина не имеет своей компартии, а та, которая носит такое название — орган российской компартии на Украине. Украина является колонией и подвергается безжалостному грабежу. Она не имеет ни собственной финансовой системы, ни армии, ни внешней политики. Но Украина может и должна стать свободной. Бандеровское движение было оценено как национально-освободительное.

Не ограничиваясь созданием программы, Левко Лукьяненко написал письмо Хрущёву с требованием предоставления независимости Украины. Спустя два года члены организации были арестованы. Семь человек получили от 10 до 15 лет концлагерей. А самого автора программы советский суд в 1961 году — в год оттепели — приговорил к смертной казни. И два месяца Левко Григорьевич провёл в камере смертника. Но всё-таки расстрелять его не решились. Казнь была заменена 15 годами концлагеря. И тут снова развернулась борьба. Из-под его пера выходят одна за другой статьи. И, как птицы, перелетают границы. За это его снова судили. И он провёл три года в концлагерной тюрьме. Но едва он отбыл этот срок, как объявил голодовку с требованием предоставления борцам за свободу статуса политических узников. Позже он не раз прибегал к этому смертельно опасному способу борьбы. Был одним из авторов письма от националистов Украины, Прибалтики, Кавказа с требованием выхода своих республик из Союза. Отчаявшись изолировать и сломить сопротивление истощённых, но несгибаемых политзаключённых, жандармы КГБ отобрали 500 самых активных и отправили этапом в ещё более жестокие уральские лагеря. Но работа продолжалась и здесь: писали заявления, требования, воззвания. Таким было обращение к чехам и словакам с осуждением советской оккупации. Когда жандармы находили тех, кто писал, их ждал карцер, откуда выходили едва живыми. В 1974 году жандармы зверски избили политзека Сопеляка из Украины. Тогда в тюрьме вспыхнула забастовка. За это представители трёх наций — украинец, еврей и литовец — были брошены в концлагерную тюрьму до конца своего срока. Так, даже рядом со смертью, продолжалась борьба за свободу. Но и 15 лет когда-то кончаются.

В том же 1976 году Левко Лукьяненко становится одним из организаторов Украинской Хельсинской группы. Система проиграла. Он снова ринулся в борьбу. В ноябре 1976 года было официально объявлено о создании Украинского Хельсинского союза, и почти сразу начались аресты его членов. Меморандум №1 был написан генералом Григоренко и доработан Левко Лукьяненко. Там было всего четыре пункта, и все они касались только защиты прав

личности. И снова, как и пятнадцать лет назад, Левко Лукьяненко и его друзья вступили в борьбу совершенно открыто: был опубликован список из десяти членов группы, их домашние адреса и телефоны. Правозащитники успели довести до сведения украинской и мировой общественности многие из фактов соприкосновения тоталитарного режима и личности, пока однажды Николай Руденко, ставший уже известным всему миру, приехал и сообщил, что ему дома побили окна. Он был доволен: значит, пока не посадят. Действительно, он ещё три месяца прожил на воле. Затем кто-то наверху нажал на кнопку, и начались массовые аресты правозащитников. За решётку было брошено тридцать шесть человек.

В декабре 1977 года Левко Лукьяненко арестовали, но накануне ареста он успел отправить обращение на совещание 35-и государств о дискриминации украинцев в сфере права. Его признали особо опасным рецидивистом и осудили на 10 лет тюрьмы и пять лет ссылки. Один за другим погибали в неволе друзья и соратники Левко — О.Тихий, Ю.Литвин, В.Марченко и другие. Лукьяненко в невыносимых условиях мордовской и уральских тюрем и ссылки чудом остался жив, но сохранил стойкость духа. Он освободился в 1988 г. и сразу продолжил заниматься правозащитной и политической деятельностью. Летом того же года во Львове Левко был избран главой Украинского Хельсинского союза. А в 1990 году он становится одним из организаторов Украинской Республиканской партии на основе УХС³³.

Левко Григорьевич являет собой пример несгибаемого борца за независимость Украины, за свободу и права человека. Стараниями именно таких людей Украина может стать демократической страной.

1990 г.

---

³³ Л.Г.Лукьяненко — глава Ассоциации исследователей голодомора на Украине, глава Комиссии по помилованию при президенте Украины. Он — автор книги «Исповедь в камере смертника» и других.

МИХАИЛ ГОРЫНЬ

И вот ещё один из когорты несгибаемых. Михаил Горынь. Сам он из семьи, в которой три поколения боролись за развитие образования, науки и культуры в Галичине. Отец был председателем местного «Просвещения» и во времена панской Польши трижды сидел в тюрьме. Так что сыну потребовалось немного усилий, чтобы ещё до войны, в детстве, понять, а затем и увидеть, что такое сталинизм. Мальчик горячо сочувствовал всем тем, кто, не боясь смерти, вступил с ним в неравную войну. Никаких иллюзий относительно личности самого Сталина у него не было. И уже на третьем курсе Львовского университета он шагнул на самый край бездны. Добрые люди спасли его. Даже удалось закончить университет. И хотя дальше он с увлечением продолжал дело своей семьи: был учителем, затем — директором школы и, наконец, стал научным сотрудником академического института, контуры будущего проступали всё более чётко. Для него уже наступил рассвет. Но он хотел, чтобы чудесный свет, свет свободы, льющийся прямо из будущего, рассеял мрак в его стране.

И он стал прививать людям идеи свободы и демократии. Они приобретали социальный иммунитет, и зараза гниющей системы была им уже не страшна. Четыре года партократия не могла дотянуться до него, но, в конце концов, расплатилась шестью годами мордовских лагерей. Потомственный интеллигент, прямо из среды высочайшей культуры был брошен в девятый круг ада. Впрочем, какова система, такова и её тюрьма. И дело не только в том, что изнурительно тяжёл труд, а мучительный голод похож на постоянную, иногда просто невыносимую боль. С утра до вечера надо непрерывно считать с себя грязь унижений. Устанешь — за один день можно превратиться из человека в лягушку. Здесь середины нет. Ты раб или герой.

1990 г.

ИНТЕРВЬЮ НА УКРАИНСКОМ РАДИО.

1994 г.

(Ведущая — Надежда Самуляк)³⁴

Крижановский — Как показывает сейчас история XX столетия, можно создать нормальное государство — не дикое, каким оно было ещё во времена Маркса, а нормальное, которое будет служить более-менее народу, конечно, относительно, но всё-таки будет служить народу, трудящимся. Сейчас государство устроено так, что человек трудящийся имеет дом, имеет машину, достаток, может прокормить на свою зарплату семью и так далее. Уже десятки миллионов американцев являются владельцами своих предприятий, на которых они работают. Наши уважаемые публицисты, историки об этом молчат, никто ничего не говорит об этом. Между тем, в Америке идёт революция, причём сами американцы этого не замечают. Потому что у них вообще понятия революции нет, у них просто общество переходит от одного к другому, чтобы жить лучше.

Ведущая — Это у них просто «ремонтная ситуация», как Вы говорите. Постоянный ремонт системы.

Крижановский — Да, ремонт системы. Вот в 1979 году рабочие одного американского предприятия, причём это был металлургический завод, решили его выкупить. Эти самые зажиточные рабочие — во времена Маркса их бы назвали капиталистами: машины, дома свои, дачи свои и так далее — так вот, рабочие выкупили завод. Наняли дирекцию, которая на них работает, если не нравится — они её меняют, нанимают других, кого нужно. Через некоторое время по этому пути пошли другие. И несколько лет назад в американской промышленности уже работало 12 миллио-

---

³⁴ Распечатано с магнитофонной плёнки.

нов человек на своих собственных предприятиях — это каждый восьмой-девятый работает на своём предприятии. Я имею в виду те предприятия, которые приватизированы, коллективизированы и т.п. А если добавить ещё свои маленькие фирмы, в которых работает только семья и не нанимает рабочую силу, разве что во время уборки урожая, — таких половина фирм в Америке — то окажется, что сейчас в Америке, наверное, половина людей работает на собственных предприятиях. Какой же это капитализм? А об этом ведь никто не говорит. Потому что сразу же нарушается наша гармония: вчера мы ругали капитализм стопроцентно, сегодня мы стопроцентно его хвалим. А если начнём такую «диалектику» давать, то сломаем всю «метафизическую гармонию»: это чёрное, а это белое... «Но оно должно быть абсолютно чёрным или абсолютно белым, иным оно быть не может», — так у нас мыслят.

А в действительности этот процесс уже распространился на Европу, и в Европе уже несколько миллионов рабочих работают на своих предприятиях. Вы видите, какой темп? С 1979 года. Данные, которые я Вам даю, — 1992 год, то есть, за каких-то 13 лет такой прыжок вперёд. Разве это не революция? Это смена форм собственности без кровавых событий, без падения правительства — спокойно, так как вся американская система настолько приспособлена к тому, чтобы внедрять новое, что это новое внедряется легко и быстро, и даже сами американцы не замечают этого. А это — революция. Самая настоящая революция. Это переход к абсолютно новому обществу, потому что такая форма собственности и такой подход должны полностью изменить общество. И я думаю, где-то в будущем эта товарно-денежная система, которая существует сегодня, отомрёт полностью. Вы видите, она не может справиться с бедностью всё ещё большого числа людей, с огромным ростом преступности и массой других проблем. Вообще, она должна быть заменена другой системой, и она будет заменена. Но её замена невозможна, когда идут войны за войнами — тогда нужно основное внимание уделять армии, а армия забирает 20–30% бюджета, и все начинают смотреть на мир сквозь стратегические очки. В результате, как говорится, не до того. Но сейчас уже появляется новая система.

К слову, впервые в истории мира, человечества мы переживаем период невиданный, неслыханный, взлелеянный, (и то мечта эта казалась людям абсолютно неосуществимой), когда фактически прекратились войны. Войн между развитыми государствами нет сейчас. Вот был период между 1870 и 1914 годами, когда почти столетия в Европе тоже не было больших войн, но тогда две её части всё время наращивали свои мускулы, и вот-вот между ними должна была возникнуть война. Речь шла о том, когда именно будет война. Ещё Энгельс (которого сейчас так классически оплёвывают) за 25 лет до Первой мировой войны её предвидел абсолютно точно. Он сказал, что это будет война мировая, что она охватит всё общество, что вся экономика будет поставлена на службу войне, что погибнут миллионы людей, что закончится эта война страшным крахом королевских, всяческих правительств, что короны будут валяться, и никто не захочет их поднимать. Всё точно так и произошло. Действительно, была именно такая мировая война. Действительно, четыре короны в Европе упали. Значит, можно всё-таки предвидеть будущее, хоть это очень тяжело, но если глубоко проанализировать, то это возможно. А мы сейчас, глядя в будущее, видим, что незачем воевать, нет никакой потребности в войне. Нет. Потому что Россия уже не может расширяться, а западным странам не надо расширяться, они своими товарами торгуют по всему миру. Правительства могут торговую войну начать — пошлины наложить, если недовольны налогами, или ещё что-то в этом роде. За какое-то время обо всём этом можно договориться. А войны — если бы не страны третьего мира, то можно было бы все армии распустить. Но в связи с тем, что третий мир ещё долго будет все страны мучить своей отсталостью, своей дикостью, своей воинственностью, всем тем, что характеризует отсталое общество, — то придётся ещё держать армии. Но в недалёком будущем, если Россия уgomонится и начнёт строить свою нормальную страну, нормальную жизнь, а не империю, уже не понадобится держать континентальные ракеты, такое огромное вооружение и т.п. Тогда вообще, скорее всего, будут созданы какие-то межконтинентальные демократические военные силы, которые будут подавлять всякие попытки развязать войну в третьем мире.

Потому что здесь войны не будет, и даже там, в третьем мире, прекратятся войны. А если так — сразу всё идёт своим чередом, причём история показывает, что когда просвет появляется, всё мирное начинает бурно расти — и наука, и культура. Я уже в годах, так что я мало что увижу. Вы увидите такой расцвет этих отраслей, который людям и не снился. Потому что сейчас миллиарды долларов пойдут туда. И благополучие людей возрастет.

Ведущая — Вы имеете в виду те миллиарды, которые из Украины вывезены?

Крижановский — Нет, нет, я имею в виду там, там, в том мире. А что касается нашей страны...

Ведущая — А к какому миру Вы нас относите? Для многих людей всё выглядит так, что мы именно в третьем мире...

Крижановский — Ну, видите ли, это не третий мир. Нельзя сказать, что мы — страна третьего мира, и третьим миром, наверное, не будем. Но то, что мы можем отстать даже от третьего мира, — это факт. Потому что страны третьего мира развиваются, а если мы будем деградировать, то очень скоро опустимся ниже третьего мира. А вообще по культуре, по менталитету и т.д. у нас всё-таки не третий мир, потому что кое-что у нас всё-таки отличалось. Всё-таки страны третьего мира — это сплошная колония на протяжении сотен лет, которая не знала государственности, не знала ничего такого. Скажем, когда в Латинской Америке эта государственность появилась, то сразу же установилась диктатура и пошли непрерывные войны. То есть, там полуфеодальный строй так и сохранился. Иначе говоря, режим был ликвидирован и колониальная система ликвидирована, а феодальный строй так и сохранился: земля осталась у помещиков и т.д. И потому там прошёл целый век, пока начало что-то меняться. У нас сейчас есть все возможности для того, чтобы нормально жить. Ну что нас сдерживает? Сдерживают совершенно простые вещи, понимаете? У людей есть власть, деньги, и они с этой властью и деньгами, имуществом не хотят расставаться. Старая традиционная революционная ситуация. Как только у них заберут власть и имущество, то начнут строить нормальное общество — потому что всё подготовлено для этого. Играют роль традиции. Но история показыва-

ет, что даже наисильнейшие традиции, кроме разве что фанатично религиозных мусульманских, не выдерживают удара революции. Они ломаются, разрушаются и так далее. Возьмите Россию, какой она была религиозной (я не говорю, что она была очень религиозной — ну так, средне религиозной была страна), а через каких-нибудь лет двадцать после революции почти всё население перестало верить в бога. Я считаю, извините меня, я не знаю, верующий Вы человек или нет, но я Вам говорю просто как историк, что уровень религиозности определяет уровень культуры общества. Чем выше религиозность, тем ниже культура. И вообще, тем ниже менталитет данного народа. Это факт.

Ведущая — Вы это говорите не только как историк, но и как материалист.

Крижановский — Ну, как видите, как материалист, конечно, потому что нормальный историк не может быть не материалистом, как и нормальный физик, математик и кто бы то ни был. Он если начнёт вместо математических формул идеалистические идеи какие-то приплюсовывать, у него вся математика развалится и история как наука тоже. Вот на конференции, где я был, один её участник выступил с докладом и сказал, что этот самый научный атеизм порождён сталинизмом и что его навязали людям. Этот человек даже не знает, что научный атеизм создан Спинозой ещё полтысячелетия назад. Он не знает даже, что такое научный атеизм — что это анализ Библии, анализ Корана, анализ религиозных книг и анализ того, когда данное верование появилось у человечества. Для этого изучаются первобытные народы и т.д. И что научный атеизм к политике не имеет абсолютно никакого отношения, это чистая наука. Он этого не знает, даже не догадывается. Он говорит: «научный атеизм». Хотя у нас научного атеизма не было при Сталине. Между прочим, деятели атеистические в 1935–37 годах были расстреляны. Весь Союз безбожников был расстрелян, и всё руководство было уничтожено. Остался в живых только один. Так что говорить о том, что научный атеизм... Да нет у нас никакого научного атеизма. Извините меня за это, но я в Москве говорил с представителями этого научного атеизма, которые преподавали его — профессорами и т.д. Так они быстро перестроились, пони-

маете, часть из них уже служит религии. Не потому, что они стали верующими. Потому, что так они зарабатывают деньги. И вообще пошли куда-то там в другое место — их уже это не интересует. А когда я им говорю: «Люди добрые, а где же ваши идеи?» А они говорят: «Ну, такая жизнь, видите, такая жизнь». Я говорю: «При чём тут, что жизнь изменилась? А вы что же?»

Ведущая — У нас таких примеров много. Молитвы слагают бывшие лекторы научного атеизма.

Крижановский — Так что это, понимаете, вещь такая. Не надо смешивать одно с другим, это не имеет никакого отношения к тому. Меня, например, из института в первый раз хотели исключить за защиту религии. Обсуждался вопрос на общем партийном собрании, но, в связи с тем, что я полностью разбил аргументы нашего зав. кафедрой, доктора философских наук, напрочь разбил, партийное собрание поддержало меня. Вместо того, чтобы голосовать за члена институтского бюро и очень влиятельного человека в обкоме партии, нашего грозного зав. кафедрой философии, люди проголосовали за меня. И ничего он не смог сделать. Раз партийное собрание проголосовало, то что он может? Я остался работать. Ну, через два года по доносам меня всё-таки выгнали из института, исключили из партии и т.д. А верующих я, как умел, защищал. Но это не значит, если я защищаю верующих, сочувствую верующим, что я сочувствую религии. Я знаю, какой она большой вред принесла людям — невероятный, ужасный. Не было ни одной идеи в истории человечества, поверьте мне, которая принесла хоть небольшую часть того, что принесла религия. Особенно в последние два тысячелетия с появлением христианства. Потому что до появления христианства религии были более-менее такие, знаете, терпимые. Так, например, никаких религиозных распрей в Римской империи не было. Вот. А когда возникло христианство, появились нетерпимость, резня, резня сначала между христианами, потом — между христианами и другими. И пошло. До последних дней. Вот сейчас в Югославии видите, что такое. Самая настоящая религиозная война. Хотя у нас всё время говорят, что она этническая. Какая этническая? Вот три серба: этот серб — мусульманин, тот серб, так называемый хорват, он като-

лик, а третий — это православный, тоже серб. Они все говорят на одном языке. Ну так, люди добрые, что это такое?

Ведущая — Ну знаете, для Украины межрелигиозные конфликты — тоже очень болезненная тема, может, мы их не будем затрагивать. Это какая-то такая тема совсем для другой программы.

Крижановский — Тема болезненная, но я скажу о том, что в России все-таки... Что в России было хорошо, какая была положительная черта — это то, что в ней никогда не было религиозного фанатизма, никогда не было никаких религиозных войн внутри неё, резни не было, пока не начались еврейские погромы. Но еврейские погромы были организованы царём — это я могу доказать чем угодно. Он из своего кошелька давал деньги всем этим организациям непосредственно. Это всё факт. Так что в России отсутствие религиозного фанатизма было положительным явлением. А нам сейчас в России хотят навязать религию, якобы она этим самым спасётся. Но если она была без религии, то есть без фанатизма религиозного, так вы скажите, что это очень хорошо, поддерживайте этот менталитет на том же уровне. Сейчас с помощью пропаганды детей учат религии повсюду. И если сделать из этих детей через несколько лет сотни тысяч религиозных фанатиков — православных или ещё каких-то, то что будет дальше?

Ведущая — Ну, может, фанатиков — это слишком.

Крижановский — А почему? Это запросто.

Ведущая — Просто не нужно.

Крижановский — Оно не нужно.

Ведущая — Но верующий человек всё-таки благороднее, честнее. И вообще вера людям нужна.

Крижановский — Знаете, я Вам скажу вот что. Относительно того, что человек становится хуже, — это бесспорный факт, и это история показывает. Возьмите историю и посмотрите. Как только усиливается роль религии, так сразу в этом обществе начинаются войны, разброд, чёрт знает что. Это — закон истории. Это — бесспорный закон. И никуда от него не деться. Потому и появился протестантизм как подход такой, знаете, более терпимый в Европе, в целой группе стран. В Европе два века войн с католиками. Но в конце концов — формирование такого более-менее нор-

мального подхода к религии, уже не такого фанатичного, как католицизм. Но вот религия...

Ведущая — Но мы тоже смешиваем с Вами два подхода: религия и вера человека.

Крижановский — Как два разных понятия? Религия и вера, конечно, — это разные понятия. Может быть политическая вера. Может быть семейная вера. Муж верит своей жене. Это тоже вера.

Ведущая — Ну, я бы сказала, морально-этическая.

Крижановский — Ну, морально-этическая. Но ведь это тоже вера. А человек вообще не может без веры обойтись. Потому что я, например, говорю: Земля вертится вокруг Солнца, а не наоборот, а люди каждый день видят как будто обратное, — но они мне верят. Коперник в этом убедился, все в это поверили и знают, что так оно и есть, потому что наука не просто сказала, что так оно и есть, а доказала это. Наука доказала, люди убедились, они больше уже не ищут всех этих доводов. Они уже верят. И так на каждом шагу. На каждом шагу.

Ведущая — Я бы хотела с Вами поспорить.

Крижановский — Но это научная вера.

Ведущая — Понимаю.

Крижановский — Это совершенно другие вещи. А религиозная вера, наоборот, она заявляет так, как Тертуллиан сказал: «Чем вера абсурднее, тем действительно это от бога. *Ad absurdum*». Вот его знаменитые слова. Чем больше бессмыслицы в этих словах, тем ближе эти слова к религиозности, к богу и т.д. Я с ним абсолютно согласен, так оно и есть.

Ведущая — Вы знаете, в последнее время всё-таки как-то так не очень, нет оснований доверять тем учёным, которые всё хотят измерить на сантиметры, на граммы, на ещё какие-то там меры и всё обязательно пощупать. Есть такие понятия духовные, которые не могут... Не может учёный... Какой бы Вы ни были выдающийся философ или историк, или кто, Вы измерить этого не можете. И, наверное, Вы тут...

Крижановский — Вы знаете что? Все эти разговоры о том, что наука не может измерить, не может того, не может этого, — они всё время опровергаются. Как только возникает какая-то про-

блема, наука за неё берётся, и не было ещё проблемы, которую наука бы со временем не решила, не доказала. Это не мои слова, а научная истина — задолго, за столетия люди понимали это. Если проблема уже возникла, это значит, что наука может её решить. Потому что наука ставит перед собой только вопросы, которые она может решить. Если вопрос ещё не сформулирован, это другое дело. Но если наука уже поставит перед собой проблему, она раньше или позже её решит. И ещё не было таких проблем, которых наука бы не решила. А все эти тайны, так тайны — вот, пожалуй, если Вы возьмёте кружочек и возьмёте, скажем, общение с природой, которая окружает нас, то тут загадок будет какое-то определённое количество. Вот здесь, допустим, истина, а за пределами всего этого — мир загадок. А если взять вот такой кружочек (большой), здесь наука уже развилась, и у Вас здесь — истина, а тут — соприкосновение с миром. Круг стал значительно большим, загадок стало больше.

Ведущая — Вы знаете, мне моя вера, моя христианская вера подсказывает, что через каких-нибудь 20–50 лет будет большой кружочек, и в этот кружочек войдёт вера в бога человеческая, и тут наука сможет всё это постичь.

Крижановский — Вера вообще науке не нужна, она науке не нужна. Это просто лишняя вещь. Зачем она науке, если та без всякой веры справляется. Чем шире, кстати, этот круг, тем быстрее темп и тем быстрее наука решает все эти проблемы. Так что всё это нормально. И все эти загадки, которые возникают, — масса загадок, масса явлений сейчас возникает, о которых ничего не знают, не видели, только догадываются, потому что были в руках колдунов и т.д., — завтра будут объяснены наукой, ничего страшного тут нет. И в XXI веке человек так сможет управлять своим телом и разумом своим, что трудно себе представить. Но всё это будет построено на научной основе. Ничего тут такого нет, и если сейчас, понимаете, атеистов оплёвывают, я бы напомнил этим гражданам такую вещь, про которую никто из них, конечно, не знает. Кто знает — попробуйте спросить хоть одного человека из тех грамотеев, этих докторов и профессоров, которые сейчас пишут: бог, бог и бог, всё идёт от бога, боже и т.п. и пишут в «Вопросах философии»

такую ерунду... Так вот, сейчас религиозность в Западной Европе очень быстро падает за последние десятилетия.

Ведущая — Ну, по крайней мере, фанатизма там, конечно, не чувствуется. Как-то на традициях держится.

Крижановский — И в Италии тысячи попов безработных сейчас, тысячи попов.

Ведущая — Почему?

Крижановский — Религиозность на Западе сейчас падает. Правда, этого нельзя сказать сейчас про Америку. Религиозность в ней не растёт, но она в ней почти не падает. Стоит на одном месте. А вот в Европе...

Ведущая — Она держится на традициях каждого народа.

Крижановский — Да, да. А вот в Европе этот процесс идёт довольно активно. И это нормальное явление. Потому что, когда возникают такие просветы, у людей нет уже такой угрозы сильной, и они начинают жить материально лучше, ну, более-менее по-человечески жить и относиться друг к другу по-человечески, то вера, как такая религиозная вера, отпадает. Ведь почему люди верят, зачем вера? Маркс сказал: «Вера — это утешение». Когда у нас пишут, говорят: вот видите, какой негодяй, написал, что религия — это опиум для народа! А они даже не понимают, что Маркс имел в виду. Он имел в виду (там у него целая большая фраза), что «религия — это сердце бессердечного мира, это дух бездушных порядков, религия — это опиум народа». Это одна фраза. Речь о том, что он ведь говорит, что это — как необходимость, что человек не выдерживает, ему нужно иметь какую-то отдушину, какую-то иллюзию, какую-то фантазию. Нужно оторваться от рабского положения, ежедневного двенадцатичасового труда, беспросветной жизни, проблем семьи и т.д. или бесконечных войн. Религия ему даёт утешение. И правильно верующий человек говорит — я с ним полностью согласен — он говорит: «Я прихожу в храм и ощущаю бога». Особенно сектанты так говорят. Адвентисты, баптисты и т.д. Они говорят: «Я только подхожу к молитвенному дому — я ощущаю бога». Я с ними целиком согласен. Конечно, никакого бога там нет и близко, но дело в том, что человек ощущает сразу утешение, у него уже, как го-

ворят, всё отходит. Отходит, знаете, всё будничное, тяжёлое — всё, что на него навалилось. Становится легче на душе, и он, значит, уже готов ходить в храм. Но с таким же успехом, если он придёт на концерт хороший, понимаете, у него тоже всё отойдёт. Допустим, он очень тяжело наработался, намучился, света не видел божьего — и вот побыл с девушкой, и у него всё перевернулось. Так вот, я говорю, здесь тоже ощущение утешения, понимаете? И когда человек получает утешение в обществе, то он постепенно теряет и потребность в религии.

Ведущая — Но я бы сказала, что это разное утешение: эстетическое, утешение в любви, утешение веры — это совсем разные утешения.

Крижановский — Нет, нет, это всё одно и то же. Это всё ощущение утешения — то, что человеку необходимо. Вот человеку нужно утешение.

Ведущая — Удовольствие... Пан Крижановский, но наша тема совсем другая.

Крижановский — Да, серьёзно? Да, мы с Вами всё время отклоняемся в звёздные миры прямо.

Ведущая — Ближе, ближе на нашу Украину вернёмся.

Крижановский — Да, давайте вернёмся.

Ведущая — И, если можно, вернёмся к... Вступление от Вас. Я хотела бы услышать такое вступление ко всем нашим программам.

Крижановский — Так когда Вы будете записывать?

Ведущая — Там записывается всё.

Крижановский — Всё записывается?

Ведущая — Всё записывается.

Крижановский — Ну, я не думал, что всё записывается, я Вам так всё рассказываю... Я же Вам хотел всё рассказать...

Ведущая — Я Вам так честно-честно...

Крижановский — Ну я же Вам хотел это всё по порядку рассказать.

Ведущая — Хорошо, но давайте запишем вступление.

Крижановский — Давайте запишем вступление.

Ведущая — Кто вы? Какие у Вас интересы? Чем занимаетесь Вы и как оцениваете ситуацию в Украине?

Крижановский — Ну, кто я? Я, можно сказать, всю жизнь занимаюсь философией истории. Я окончил исторический факультет и окончил философский как раз для того, чтобы разбираться в истории. Я занимаюсь... вопросами развития. То есть, вопросами, которые касаются развития общества. Почему общество развивается или почему оно деградирует, какова причина этого? Куда идёт общество — каждое в отдельности и человечество вообще? Я занимаюсь этими вопросами. Вот. Ну а сейчас я бы хотел рассказать некоторые научные истины, которые мне удалось открыть. Кое-что из них опубликовано в российских и украинских журналах, а кое-что ещё нет. Ну, эти мои наработки.

Ведущая — Извините. Вы сказали про два факультета. Вы учились в Москве, да?

Крижановский — Я окончил Винницкий педагогический институт, а потом — Московский университет, философский факультет Московского университета.

Ведущая — И так и остались в Москве жить?

Крижановский — Нет, я вернулся в Винницу и работал здесь 15 лет преподавателем в институте. А потом из института меня выгнали, исключили из партии — за антипартийную антисоветскую пропаганду, а главное, — за пропаганду демократии, и собирались посадить. Обсуждали этот вопрос при мне на обкоме. Но всё-таки...

Ведущая — Это, извините, в каком году было?

Крижановский — Это было в 1977 году. Это уже была вторая попытка.

Ведущая — В 1977 году хотели отпраздновать 60-ю годовщину революции, или что?

Крижановский — Да, да, шестидесятую. Ну, а ещё за четыре года до того мне запретили читать лекции в институте, перевели меня на должность зав. кабинетом философии — за то же самое. За те же самые вещи. За пропаганду демократии и т.п., а после этого я уже работал 10 лет в школе. Не сразу, потому что я был сначала безработным, нигде не мог устроиться на работу. А всё свободное время, которое у меня есть, я посвящаю пониманию того, как движется общество. Я думаю, что мне кое-что удалось тут открыть.

Ведущая — Сегодня Вы в Киеве. Какое-то продолжительное время Вы были на Украине, да? В разных регионах, насколько я знаю. Можно такой коротенький обзор, где Вам удалось побывать и как Вы оцениваете нашу сегодняшнюю ситуацию.

Крижановский — Ну, я побывал во многих областях — во всех восточных областях, кроме Харьковской, и бывал там не один раз, не один день и не два. Таким образом, я там познакомился с ситуацией. Но это знакомство уже у меня второе, потому что в 90-м году я провёл на Украине семь месяцев, и тогда я, в основном, ездил в Донбасс. Там мне удалось принять участие, скажем так, в организации политической забастовки. Правда, до конца я её не подготовил и потом был ещё позднее. Но политическую демонстрацию удалось организовать мне и руководителям забастовочного комитета. Причём удалось даже навязать, буквально навязать, политическую резолюцию, которую я разработал, которая была принята на митинге. Несмотря на то, что забастовочный комитет очень не хотел такой резолюции, хотел только экономической, умеренной такой борьбы. А в той резолюции было принято такое решение, там было 13 пунктов, и в первом же пункте было сказано так: с завтрашнего дня все распоряжения обкома, горкома и райкомов партии к вниманию не принимать!

Ведущая — То есть, Вы так и не оставили своей мечты о революции?

Крижановский — Да. Ну вот, это под бурные аплодисменты массового митинга, очень большого. И была принята вся эта резолюция из 13 пунктов. Последний пункт там о запрете КГБ. Так вот, я тогда занимался организацией будущей Республиканской партии, был членом руководства Хельсинского Союза. И когда съезд Республиканской партии прошёл — я написал для неё, кстати, программу, устав — и вот, когда съезд прошёл, я вернулся назад в Москву. А что касается Москвы, так я там принял участие во всех митингах 1989-го года — с апреля, с самых первых митингов, когда нас ещё там били, и митинги были запрещены, а мы сражались за Пушкинскую площадь и в конце концов, через несколько месяцев — ну, через полгода, мы её у власти вырвали! И стали там проводить уже нормальные, регулярные митинги, которые не разгоня-

ли. Так что у меня есть некоторый опыт и в политической борьбе, и в предвыборной работе. Теперь относительно наших регионов восточных можно сказать так. Партократам, будем так их называть, удалось сделать там очень плохую для нас вещь: удалось убедить подавляющее большинство населения Востока страны в том, что независимость Украины привела к массовому обнищанию населения, к развалу экономики — к падению жизненного уровня. На самом деле это не так, потому что просто ломается старая имперская система. Раз ломаются старые вертикальные связи, возникают — с очень большим трудом — возникают горизонтальные связи. Причём на Украине они... На Украине эти горизонтальные связи возникают очень и очень медленно, с огромными трудностями, я повторяю. И ничего удивительного нет, что у нас на Украине вот так: и реформы нет — с одной стороны, и жертвы принесены якобы во имя реформ огромные. На самом деле эти жертвы не во имя реформ, а во имя сохранения старого партократического строя, который, по сути, у нас на Украине мало в чём изменился. Мы можем его сейчас только публично критиковать. То есть, у нас появилась свобода. Мы можем свободно стоять, критиковать правительство, президента, систему — кого угодно. А вот сменить систему ощутимо мы пока что не можем, потому что мы не организованы, потому что подавляющее большинство населения пассивно. Пользуясь этим, на Востоке страны и убедили людей: как только объединимся с Россией — сразу молочные реки, кисельные берега, сразу, понимаете, население избавится от всех мук, потому что из России всё это потечёт. В действительности понятно, что всё это чушь. В России часть населения надеется на то, что если будет объединение с Украиной, то из Украины все эти продукты дешёвые потекут туда без всяких границ, прямо туда, на семейный стол. Так что, как видите, тут диаметрально противоположные желания. И в действительности, и там народ живёт очень тяжело, и тут тяжело. Но в России, по крайней мере, хоть видят уже какую-то надежду! Какую надежду? Там видят то, что реформы-то в основном проведены. Проведены дико, варварски, грубо, примитивно, с разворовыванием имущества и тому подобное. Но всё-таки они в основном проведены. То есть, промышленность в основном

сейчас уже децентрализована. Она уже не принадлежит государству. Основное уже сделано. Теперь то же самое собираются сделать и с землёй.

Ведущая — Земельные реформы тоже начинаются?

Крижановский — Да, земельную реформу сейчас тоже собираются осуществлять. А на Украине промышленность как принадлежала, так и принадлежит государству. Почти вся. Хотя давно уже видно, что государство справиться с промышленностью не может, управлять ею не могло и раньше нормально, а сейчас тем более всё это выскользнуло у него из рук. Ну, по сути, государство сейчас — и в России, и на Украине — игнорирует развитие промышленности как таковой. То есть, оно её пустило, как... знаете, как лодку в воду: утонет — так утонет, не утонет — так выплывет. Ну, во всяком случае, пусть сама по себе плавает. Вот у нас экономика и плавает — на Украине и в России. Но в России она постепенно начинает плавать по каким-то законам рынка, потому что уже появляются какие-то хозяева или коллективы трудящихся, которые как-то начинают управлять своей собственностью. А на Украине всего этого нет. И поэтому на Украине очень легко обманывать людей, понимаете, как обманывают на Востоке. Очень легко и просто сказать людям: «Видите — вот почему всё так». А возьмите сейчас Россию или возьмите Украину. Два предприятия рядом: два украинских или российских. Между собой не могут торговать, потому что у одного всё забито продуктами, товарами, которые нужны соседнему через забор предприятию. Но оно не может сбыть это другому предприятию, потому что другое предприятие не имеет, чем платить. Тут всё забито, все склады — всё забито, всё портится, понимаете, выходит из строя и так далее, все эти запасы. А то предприятие не получает этих запасов и тоже стоит. Но платить не имеет чем. Это ненормальные условия. И они никакого отношения к разъединению России и Украины не имеют, потому что это два соседних предприятия. Между самими российскими предприятиями и между предприятиями внутри Украины противоречия несравненно сильнее, чем противоречия межгосударственные. Это главное. Как наладить эту взаимосвязь двух предприятий между собой? Раньше — очень просто: раньше

они посылали заявку туда, наверх, в Киев, а потом — в Москву. И сверху по вертикали им спускали деньги, материалы и т.п., столько, сколько нужно. И всё — и у этого директора никогда не было никаких проблем. Только нужно было, конечно, взять корзину с водкой или коньяком, приехать в министерство и всё это сделать. А сейчас возникли такие непредвиденные условия, к которым этот директор абсолютно, в подавляющем большинстве — и директор, и председатель колхоза — не готов. Да и не умеет, не умеет, не может, даже, если бы и хотел. А чаще всего он и не хочет, понимаете. Он совсем не умеет руководить по-новому. Потому что он привык иметь дело с бумажками. Вот сверху спустили — он тут наложил резолюцию и послал её вниз. Вот. И всё. А сейчас ему нужно каждый раз выкручиваться и думать: «Где найти партнёра?» Или: «Где найти сырьё дешёвое для производства?»

Например, что значит инициатива масс? Я это видел. Потому что я уже человек немолодой, и я видел это ещё во время войны. Видел, что происходило. Уже всё, да?

Ведущая — Нет, нет, сейчас. Минутку, там уже кончается плёнка. Я там буду закручивать. У нас ещё есть 15 минут. Я сейчас.

(Остальная часть плёнки не сохранилась — ред.).

ПИСЬМА В РЕДАКЦИИ

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МОЛОДЬ УКРАИНЫ»

Октябрь 1988 г.

Уважаемый товарищ редактор!

Давно я собирался написать Вам искреннее и благодарное письмо за всю ту огромную работу по просвещению и объединению нашего народа, за тот свет, который несёт людям «Молодь Украины». Особенно, на мой взгляд, хороши и сильны большие аналитические очерки. Их читает вся семья, читают друзья и знакомые. Представлялось, что чем дальше, тем более смелым и демократическим будет стиль газеты. Тем более едкой будет соль правды.

Вчерашний номер от 30 октября 1988 г. всё перевернул вверх ногами. Или, может, поставил на своё место? Во всяком случае, шоры с глаз снял. Вы уже понимаете, что я имею в виду. Да, статью Ивана Бокия. Одной этой статьёй Вы перечеркнули всё. Значит, то, что мы принимали за искренность, был лишь холодный политический расчёт? Или кто-то наверху решил всё-таки вернуться к старому, и газета быстренько переориентировалась? Первое кажется мало реальным, но тогда это просто измена. На минутку перебежали на другую сторону баррикад? Там и останетесь?

Я понимаю, когда «Советская Украина» почти полгазеты посвятила доказательствам, и ещё с цифрами в руках, что голод на Украине 1932–1933 годов устроили кулаки, потому что спрятали и сгноили хлеб. Хоть эти кулаки уже несколько лет долбили мёрзлую сибирскую землю. А голод был вызван тем, что государство вывезло за границу миллион семьсот тысяч тонн зерна, 80 тысяч тонн фасоли и гороха, 37 тысяч тонн масла, 8 тысяч тонн подсол-

нечного и столько же мяса, а сахара и конфет — почти 120 тысяч тонн. Уже не считая муку, крупу, рыбу, икру и даже консервы. И дело не в деньгах для индустриализации, как это до сих пор твердят историки. Потому что за весь хлеб, вырванный у шести миллионов умерших от голода, государство получило целых 30 миллионов кровавых рублей. Убийство одного крестьянина давало прибыль только в пять рублей. Нет, это не был экономический интерес, прибыль, а грандиозная политическая акция по разгрому крестьянского сопротивления и превращению свободного крестьянства в крепостных. Знает ли про это «Советская Украина»? Думаю, что знает и понимает. В угоду кому она печатает такую невероятную ложь? А что с такой газетки возьмёшь? Не трогай, и не запачкаешься.

Неужели Вы собираетесь опуститься на этот, хорошо проложенный газетными путанами путь? Тогда наберитесь смелости сказать об этом в одной из Ваших следующих статей. Нам, Вашим читателям, будет очень горько. Но, как говорят, любовь из сердца лучше вырвать сразу. И расстаться. Стоит ли анализировать деликатные строки И.Бокия? Думаю, что это такой же напрасный труд, как доказывать «Советской Украине» причины голода и смерти миллионов людей. В Вашей редакции достаточно умные люди, чтобы видеть в «Памяти» зарождение российской фашистской партии, а в «Молодой гвардии» и в «Нашем современнике» возрождение фашистской прессы. Листая страницы обоих журналов, только удивляешься, как можно такую мерзость издавать в наше время. Тут есть всё — и доведённый до неистовства шовинизм, и испорченная до неузнаваемости российская история, и сожаление о прошлом, и грязные, со всякими намёками и клеветой, нападки на наилучшие журналы. А «Судный день» только подвёл черту. Кстати, об этом романе всё сказано в статье «Привидение, которое возвращается» («Огонёк», №42). Хочется верить, что если не И.Бокий, то, по крайней мере, Ваша редакция «Огонёк» читает. Но если так... А если так, то получается, что редакция разделяет взгляды А.Иванова. Что же, давайте не будем поднимать из руин экономику, культуру, родной язык и родную школу, право, мораль, да что там говорить — саму чело-

веческую личность. Вместо этого объединимся, и, как это было не раз, пойдём бить евреев. Потому что, как доказывает «Наш современник», все наши беды — только от них. Даже русская болезнь и сталинский террор.

Конструктивную программу предлагает нам «Наш современник». Кому-то она очень нужна. И этот кто-то властно поддерживает «Память» и оба журналы. И кто-то на Украине приглашает черносотенцев из Москвы, словно своих друзей. А газета «Молодь Украины» бросается на их защиту, тогда как народ их освистывает. И поучает киевлян вести себя с фашистами благородно и деликатно. Если они действуют как раз наоборот, то у них мелкие души и отсутствует внутренняя культура. Вот так! И не иначе.

На этом можно было бы поставить точку. Но, если позволите, я Вам дам один совет. Пусть и не для газеты смелый. Может, Вы не только опомнитесь, но и сойдёте с битого сталинского пути. И начнёте впервые за 45 лет писать про евреев как про людей. Сколько интересного и нашему народу совсем неизвестного тут можно рассказать. Но главное — люди. Пусть встанут перед читателями образы прекрасных людей — великих писателей и учёных, композиторов и художников, инженеров и врачей. И наших современников. Эти образы огнём прожгут тот гадкий туман, который со сталинских времён окружает еврейский народ. И является одной из самых главных причин эмиграции евреев. Когда молодёжь и дети будут расти, зная и уважая духовное богатство обоих народов, — только тогда антисемитизму как одному из самых страшных духовных проклятий прошлого придёт конец.

Кстати, вся история украинского народа свидетельствует о том, какую трагическую роль сыграла эта мерзость в истории обоих народов. Потому что только равный — свободный. Унижаешь соседа — калечишь собственную душу. Зацикленного на этом убогом пристрастии всегда легче сделать рабом. Зачем ему настоящая свобода, если он и так вырастает в собственных глазах. Антисемитизм становится духовной потребностью. И наконец, настоящим наркотиком. Это хорошо понимало и царское самодержавие. И гитлеровский фашизм, и сталинские опричники. Так что, если мы стремимся построить действительно свободный и новый

мир, нужно навсегда расстаться с этой проказой, которая приползла к нам из чёрного средневековья.

И последнее. Не приходило ли Вам в голову, что еврейский народ давно стал частью украинского народа? Не теряя своей самобытности. Как и канадские украинцы. Но это тема для отдельного разговора. Подумайте о ней. Лучше вместе с Шолом-Алейхемом. Да, Вам нелегко. Но правда, как звезда красива, сыплет вокруг золотые лучи. Пусть эти лучи для Вас станут самым дорогим сокровищем.

К.П.Крижановский.

* * *

1989

Дорогая редакция!

Очень прошу вас опубликовать, желательно на первой странице. Всю прибыль от уменьшения падения тиража жертвую вам. Вскоре она будет у вас как найденная. Поздравлять меня с открытием не стоит — это целиком ваша заслуга.

Итак, я долго думал, почему же мы так отстали от Запада? И всё время в голову приходили какие-то мысли о конформизме, о том, что у нас не успеет начальство свиснуть, как мы уже сделали поворот на 180%. Или о том, что не мытьём, так катаньем — не удалось процесс остановить физически, так можно ведь и в такую тьму погрузить страну... Даже, вы не поверите, зубы дракона выплыли. Не те мысли, одним словом. Можете представить себе, куда бы я зашёл, не будь я вашим подписчиком. Листаю я журнал за журналом, и вдруг меня осенило. Так вот почему мы так далеки от цивилизации! Ведь ещё в средние века там сожгли всех своих ведм, а у нас... Подумать только. Теперь понятно, почему Сталин каждый раз впадал в неистовство и рубил правых и виноватых, как бог в Старом Завете. Оба они страдали. А Брежнев? В каждом стакане он видел её, проклятую, но его никто не понимал. А перестройку кто сглазил? Ты её спрашиваешь, куда она пошла, а она таким тоненьким голоском: в магазин. Ну, не проклятая, а? По-хорошему ей говоришь: я знаю, когда ты последний раз летала

на шабаш, но зачем ты туда взяла мой кошелёк? Даже на картошку порчу навели, теперь она вся гнилая.

Нет, я спрашиваю вас, уважаемую редакцию, вы уверены, что у вас с недавнего времени не завелись ведьмы? Нет, в воду их бросать не надо... та, которая критики боится как огня, она и есть ведьма. Ведь до сих пор ни одна не раскаялась. А лучше всего переиздать «Молот ведьм», когда-то всю Германию очистили, а что с ней стало, и всего за 10 лет? Там тоже были отличные книги на эту тему. А бумагу можно взять у Госкомпечати, которую они сглазили. Вместе с перестройкой. Но мы без неё обойдёмся. Даже немытому ребёнку ясно, что если не будет сглаза и порчи, то даже Полозков осчастливит Россию. Итак, сначала их надо выловить. Тут очень помогут истинные патриоты России. А вообще, тут будет всё в порядке: опыт у нас такой, что даже самые соблазнительные ведьмы с ним не совладают. Каждый патриот да следит за своей женой (если она разрешит) или за соседкой (особенно, если она молодая и красивая). С гордостью можно сказать, что и мы не лыком шиты, и у нас есть славные национальные традиции по борьбе с ведьмами, вот ещё один пример того, как мы забываем лучшее среди отеческих гробов. Верховному Совету, пока он не отрёкся в пользу президента от последних своих прав, следует создать комиссию в составе таких бравых ребят, как Куняев, Распутин и Бондарев, и притянуть к ним Шафаревича (для подсчёта), а также любого митрополита (ради нравственной чистоты) для окончательного решения вопроса. Кончаю.

Ещё раз спасибо. Среди религиозной прессы (а другой у нас, слава богу, нет), ваш журнал самый душеспасительный. Да спасёт вас бог, и расточатся врази его.

К.П. Крижановский.

* * *

Май 1989 г.

Дорогая редакция!

Тбилисское кровавое воскресенье и чудовищная тбилисская бойня показали, что дальше медлить нельзя ни минуты. Съезд депутатов должен принять закон о запрещении применения войск для разгона митингов и демонстраций. Армия должна стоять вне любых политических действий правительства. Каждый призывник обязан дать присягу в том, что он никогда не поднимет оружия против народа. Любой нарушивший эту клятву — независимо, солдат он или генерал, должен быть наказан за него как за тягчайшее преступление против человечества, не имеющее срока давности. Далее. Съезд народных депутатов должен взять под контроль всё политическое воспитание в Советской Армии и изменить его таким образом, чтобы это был процесс воспитания гражданина, а не подданного генералов и политиков.

И наконец, Съезд должен решить, что с любым правительством мира, совершающим массовое убийство собственных граждан, у нас нет и не может быть никаких дружеских отношений.

А теперь о другой проблеме. 3 апреля во время «несанкционированного митинга» (как мы обогащаем русский язык!) было арестовано около 70 членов Демократического Союза. Прошло только две недели, а новый указ сработал в полную силу. Одни получили 5, 10, 15 суток. Других оштрафовали. Третьих просто избили. Всю эту операцию проводили внутренние войска с тяжёлыми мускулами и в бронежилетах. «Разгул демократии» прекратился лишь на время съезда. Но ненадолго. Вскоре мощная аппаратура «Памяти» стала работать на кого-то, заглушая выступавших. Словно по всей Москве и даже на Пушкинской площади не было другого места, кроме этого крохотного островка свободного слова.

Мало того. Сосредоточив своих штурмовиков в чёрных рубашках и казацких фуражках, «Память» стала постоянно провоцировать столкновение, расталкивая слушателей, угрожая им, осыпая бранью. Силы были явно неравны, если учесть, что Демократический Союз стоит на принципах ненасилия. Милиция никак не реагировала, даже когда к ней обращались. Но вот один

из провокаторов взобрался на трибуну к выступавшей женщине и стал поливать её из рупора нецензурной бранью. Кто-то из слушателей его оттолкнул. И тут милиция сразу оживилась. «Нарушителя» сразу же схватили и повели в отделение. Там не только записали его данные и предупредили, но и дали дружеский совет: «Теперь «Память» вам расквасит голову, а мы за это не отвечаем». Кажется, это не тот случай, когда спрашивают, где мы живём. Но ясно и другое. Если бы Геббельс воскрес и попал на Пушкинскую площадь, он пришёл бы к выводу, что Германия всё-таки победила в войне. Иначе чем объяснить, что его речи гремят над Москвой. Час за часом в головы слушателей вдалбливается идея исключительности русского народа и всеобщей вины евреев за все наши бедствия в прошлом, настоящем и будущем.

Потрясенные слушатели узнают, что коварные евреи убивают русских девочек, чтобы сократить великий русский народ. Спасти от гибели, оказывается, может только одно — немедленное создание в Москве истинно-русской власти с истинно-русскими учреждениями, во главе которых будут стоять абсолютно чистые в расовом отношении русские люди. С крепким хозяином во главе. Типа Сталина. Но куда бы их ни заносило, они снова возвращаются к главному: окончательному решению еврейского вопроса, как любили изысканно выражаться палачи в чёрном во времена Гитлера. Видно, мощные у «Памяти» покровители. И кому-то очень хочется устроить в Москве Сумгаит. А затем послать на улицы танки и объявить военное положение. И тем самым решить для себя все проблемы.

Москвичи возмущены. На тех, кто собирается обсудить на Пушкинской площади наболевшие проблемы страны, обрушиваются «ребята» в беретах. А русские фашисты остаются вне досягаемости уголовного законодательства, где ясно сказано о разжигании национальной вражды как о государственном преступлении. Неужели не пора запретить деятельность русского фашизма в лице «Памяти»? И если этот трудный шаг не в силах сделать правительство, то, может быть, его совершит съезд? Тем более важно закрепить за левыми организациями: «Демократический Союз», «Мемориал», «Народный фронт» островок свободы в цен-

тре Москвы — Пушкинскую площадь. И пусть постоянно действует там под открытым небом университет народной свободы.

Коммир Петрович Крижановский

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ОГОНЁК»

1990 г.

Уважаемый товарищ редактор!

Не хотелось бы начинать своё письмо, как наша пресса за 60 лет: или мёдом, или палкой. Так что уж извините за штамп. Поверьте, никогда дифирамбов не писал, поэтому всегда гневил начальство. Но сейчас... Никогда не думал, что доживу до таких счастливых минут. Каждый «Огонёк» — это вспышка радости, которую просто не с чем сравнить. Я читаю 8 журналов и думаю, что самое острое перо у «Огонька». В отличие от других, у Вас весь журнал отдан одной великой цели. Может, поэтому — от вдохновения — и такой искренний, разительный, лаконичный язык, и каждый образ — как яркая вспышка.

Что мы знаем про свою жизнь, свою страну, весь мир? Да почти ничего. Ещё меньше мы знаем свою историю. Как легко было обманывать шестьдесят лет (и больше!) таких тёмных людей. Как удобно было из слепцов делать фанатиков веры. Даже сейчас наша вера, как двуликий Янус: мы до сих пор уважаем внешнюю политику царей и вождей. Ещё и сейчас гадаем, что было бы с несчастным Афганистаном, если бы мы не вырезали каждого десятого и не превратили в руины и пепел половину этой страны. Да, мы ещё дети. Но та информация, которую нам даёт передовая часть прессы и в частности «Огонёк», — это целительное зелье. И мы начали быстро и гармонично расти. Придёт время, и вместо массы запуганных, тёмных и верующих детей появится мудрый, а значит — сильный и добрый народ. Глядя сверху вниз на жалкую Систему... Интересно, что он сделает с ней?

Думаю, что «незлым тихим словом» вспомнят Виталия Коротича и всех кулинаров исцеляющего зелья. А пока... Пусть

душа у Вас всегда горит вдохновением и отвагой. Потому что нет сейчас в стране дела важнее, чем то, которое делаете Вы.

К.П.Крижановский.

* * *

1990 г.

Уважаемая редакция!

Жизнь пенсионеров сейчас так быстро ухудшается, что при таких темпах уже завтра мы будем лишены всех человеческих благ — как материальных, так и духовных. Всё становится недоступным, скоро сама жизнь для нас станет предметом роскоши. Даже когда в магазине что-то появляется, пенсионеру говорят: это не для вас, а для военных, это не для вас, а для железнодорожников и т.д. Как будто, проработав 40 лет, он утратил право быть человеком. В который раз наше общество проводит свои реформы за счёт тех, кто уже отдал ему всю свою жизнь.

Да, это крайне безнравственно. Да, это кощунственно: провозглашать самые гуманные лозунги — и отнимать последнее у пенсионеров. Но это ведь и очень страшно. Ибо ничто не убивает в молодёжи самое лучшее, самое светлое с такой силой, как жалкая участь тех, кто честно проработал всю свою жизнь. Эта жуткая противоестественная картина глубоко западает в душу молодого человека и как бы учит его: рви, кусай, воруй, преступай через любую мораль, но к концу — разбогатеи. Это особенно опасно сейчас, когда мы переходим к рынку. Ведь сам по себе рынок высокой морали не создаёт, наоборот, он похож на скользкую доску, с которой очень легко скатиться на самое дно. И общество должно неустанно бороться, чтобы в таких условиях не разложиться и не погибнуть.

И это особенно опасно для нашей страны. Дело в том, что полвека строительства капитализма в России показали, что значительную часть своей прибыли капиталисты, как городские, так, тем более, сельские, черпали не в интенсификации производства, а во всякого рода махинациях, связанных с опорой на коррумпированный чиновничий аппарат. В селе — это сдача в аренду земли, коня,

инвентаря и кабальные кредиты, а в городе — кабальные условия найма рабочих, бесконечные штрафы, выдача зарплат в виде талонов в собственные магазины и многое другое.

Где гарантия, что всё это сегодня не повторится? Где гарантия, что всемогущие монополии не будут завтра уничтожать товары, чтобы поддерживать высокую цену? И в каком положении окажутся пенсионеры?

Поэтому выход здесь только один. Надо разработать и принять на всесоюзном и российском уровне специальную систему защиты прав пенсионеров. Затем такие же меры должны быть конкретизированы на всех уровнях, вплоть до райсоветов и сельсоветов. К такой разработке следует привлечь и наиболее подготовленных пенсионеров. Эта программа должна быть конкретной, ответственной, но ни в коей мере не унижать достоинство пенсионеров. Все предприятия должны быть материально заинтересованы в помощи пенсионерам, за это следует снижать налоги. Пенсионерам юридическую помощь следует оказывать бесплатно.

К.П.Крижановский

* * *

1991 г.

Здравствуйте, господин Эсаулов³⁵!

От всей души благодарю Вас за книгу. Я тронут Вашим вниманием, оно мне тем более дорого, что Вы — писатель-атеист. Был бы очень рад получить от Вас письмо. Как Вы там в Индии? Отсюда она кажется страной настолько сложной и противоречивой, что забываешь о её экзотике. Рад за Вас, что Вы нашли себе место в условиях неимоверно трудных. Мало того, стали борцом с тяжелейшим для Индии злом — религией. Ведь безмерно легче стала бы жизнь в этой стране, не будь там индуистов и мусульман, а просто индийцы. Единственное, что не стоило бы с собой брать в будущее, — это война и религия. Ну, война в наше время

---

³⁵ А.В.Эсаулов — писатель, 50 лет проживший в Индии. В начале 1990-х он вернулся в Россию.

всё больше превращается из явления объективного в субъективное, а значит, человечество скоро сумеет её одолеть. И навсегда похоронить. А вот с религией дело обстоит несравненно труднее. Да, это действительно вздох угнетённой твари, и пока человечество экономически, политически и нравственно не поднимется с колен, оно будет нуждаться в утешении, в духовном опиуме. Мне кажется, что со временем будет создана светская служба утешения, где человек смог бы и душу себе облегчить, и отвлечься с помощью искусства, и утешение получить... И одновременно приобрёл бы точку опоры или даже нить Ариадны. Все мы нуждаемся в утешении, но одни справляются с этим сами, для других необходимо внешнее воздействие. А пока утешать нас берётся религия, и дорого же нам обходится каждый вздох.

Религия — это созданный человеком же капкан из иллюзий, капкан настолько крепкий, что, попав в него, большинство людей вырваться не в состоянии без посторонней помощи. Религия — это накопленный ещё с первобытных времён страх, тёмным зверем лежащий в нашем подсознании и готовый броситься изнутри на человека, как только им овладеет неуверенность. И даже сильный человек, попав в ситуацию, где из множества решений есть лишь одно правильное, а цена ошибки — человеческая жизнь, чувствует наползающий на него страх и может не выдержать. Магический ритуал вроде бы ничего не стоит — «на всякий случай», «с меня не убудет»... Но с этого момента зверь начинает толкать человека в капкан. На следующий раз неуверенность только возрастет, ведь теперь уже неясно, что же всё-таки помогло. И пусть это будет лишь первая капля, но это — капля наркотика. Магический ритуал становится привычкой, потом — традицией, частью образа жизни. Хорошо, если на этом человек остановится и дело ограничится суевериями. Как у моряков, лётчиков, бизнесменов. Но если человек войдёт во вкус, он одной каплей не ограничится. И тогда дологическое мышление начинает вытеснять логическое. Пока доминирует второе, более позднее мышление человека, он остаётся верующим по традиции или опускается до уровня убеждённого верующего. Но когда доминирующим становится первое, человек превращается в фанатика. И это конец человека как личности.

Он опускается ниже уровня первобытного человека, ибо тот видел цельный, а не раздвоенный мир (...).

К.П.Крижановский

* * *

Август 1991 г.

Уважаемый Владимир Викторович!

Подумайте внимательно над изложенным ниже, и может быть, Вы, атеист в четвёртом поколении, начнёте действовать, а не ждать у моря погоды.

Пока что мы все ждём. Ждали до сих пор, что родная партия во главе с демократом Горбачёвым откроет нам райские врата — ведь она начала перестройку. И вот мы дождались: для десятков миллионов людей пошли голодные годы, а для остальных — жестокая нужда. Продолжается быстрое уничтожение природы, а с нею — и нас с Вами. Идёт процесс непрерывного натравливания народа на народ, партии на партию, группы на группу, разжигания войны всех против всех. Фактически в стране по-прежнему правит партократия — даже у нас в Москве. Через своих секретарей, через директоров заводов, министров, генералов и т.п. И никакими уговорами эту мафию от корыта не оторвёшь. Именно такое положение дел обостряет до крайности противоречия в обществе, а не те или иные идейные призывы. Если на глазах у матерей их дети бледнеют и чахнут от истощения, можно ли считать, что их терпения хватит надолго? Тем более, что всё это происходит в период революции, а тут все события и процессы ускоряются вдесятеро.

И давайте смотреть правде в глаза. Разве народ виновен в том, что его терпение истощилось? Неистовый гнев народа накапливался веками, и в феврале 1917 года произошла разрядка. Ни один народ на Западе не пережил таких безмерных издевательств, которые пережили народы России. И ведь ещё Пушкин предупреждал, чем это кончится. Если через год не будут проведены свободные выборы и власть не перейдёт к избранникам народа, я за головы партократов ломаного гроша не дам.

И вот в такой накалённой атмосфере с нарастающей силой и размахом идёт религиозная пропаганда и наступление клерикализма на всю жизнь общества. Страшен и религиозный, и политический фанатизм. Оба они связаны с голосом чувств, а не разума. Однако разница между ними довольно существенна. Политический фанатизм имеет короткую жизнь, он всегда субъективен. Иначе говоря, он опирается на слепую веру в вождя, выступающего в ореоле бога-спасителя. Но стоит земному богу потерпеть поражение, и ореол его меркнет. Стоит умереть, и начинается пересмотр его генеральной линии, затем — личных качеств и, наконец, той цены, которую за всё пришлось заплатить.

Другое дело — религиозный фанатизм. И он отражает только земную жизнь, ибо иной в природе не существует. Но не столько жизнь сегодняшнюю, сколько давно прошедшую. Традиции тысяч поколений давят на сознание верующих. Церковные обряды удивительно похожи на первобытный культ. Когда вы заходите в церковь, вы видите всё того же колдуна из африканских джунглей, который сегодня, как и тысячи лет назад, выполняет те же обряды, ибо в основе их лежит магия, фетишизм и даже тотемизм. И дело не в нём. Ибо сам он может быть не фанатик и даже неверующий. Дело в людях, которые верят в эти первобытные обряды, в примитивнейшие мифы и в их руководящее влияние на нашу сложнейшую жизнь. И если неглубоко верующий в жизни ведёт себя так, как будто никакого бога не существует, и в споре между знанием и верой в жизненной практике почти всегда берёт сторону знания, то фанатик предпочитает веру. «Верую, ибо абсурдно», — эти слова Тертуллиана выразили саму сущность религиозного фетишизма. Верующий-фанатик считает, что, истязая себя или других (или и то, и другое вместе), он угождает небесному богу и за это может на земле ничего, кроме новых мук, не получить. Но и муки он считает благом, ибо они очищают его для будущего блаженства. Таким образом, для фанатика религия — образ жизни, но не нормальный, а перевёрнутый, где зло — это благо, где мерило всех ценностей не человек, а созданный в страхе фантастический образ первобытной давности.

Я прерываю пока мысли об опасностях религии и расскажу Вам о военном перевороте: Вам как писателю это будет особен-

но интересно. Позавчера утром я поехал в Москву. В редакции «Нового времени» я никого не застал.

— Вы что же, ничего не знаете? Не были на улице Горького?

— А что там, на улице Горького? — наивно спросил я, внутренне догадываясь, но ещё не желая верить.

— Там же танки, — получил я ответ, но даже после этого оставил в себе сомнение, так как не хотелось верить в то, что я же и предсказывал ещё полтора года назад. В феврале 1990 года, когда Горбачёва выдвинули на пост президента страны, я написал статью, где доказывал, что у нас диктатура неизбежна, ибо власть, как вода, растекается, если нет пределов. А именно у нас их нет. Я думаю, такими преградами безграничной власти в обществе могут быть сильные демократические партии, действующие демократические законы, а главное, мощные демократические традиции. Ничего этого у нас нет. И пока мы будем ставить на личность, а не на закон, мы не сможем даже объединиться, чтобы противостоять наползающей диктатуре. (Эту статью левые издания печатать не захотели: как можно задевать Горбачёва, ведь это наш человек). А что интерес выше долга у государственных мужей и что общественное давление превращает возможность в необходимую действительность — этого у нас понимать не хотят даже сейчас. Тем более, что я нарисовал жуткую картину всеобщего дефицита и надвигающегося голода. Но ведь именно это необходимо для установления диктатуры, а мне кажется, что необходимость и интерес правят миром. Саботаж — это не только действие, но и бездействие. Имея в собственности почти всю экономику страны, государство может специально допустить её сползание в пропасть и убедить народ в том, что единственным спасением является диктатура. К сожалению, сбылось всё. И это ещё раз подтвердило, что научные предвидения возможны и в общественной сфере и что наука в религиозных пророчествах совершенно не нуждается.

Вернёмся, однако, к нашим баранам. На Тверской транспорт как будто сдуло, зато всю резвились гигантские чудовища из металла с длинной пушкой. Москвичи мрачно смотрели на эту игру. Путь к свободе был отрезан. В 12 часов дня начался митинг на Манежной площади, рядом с Кремлём. Сюда непрерывно посту-

пала информация со всей страны, и митинг не имел конца. Позже, на другом конце площади возник второй митинг. Но москвичи ещё не почувствовали, что перестройка закончилась и начался обратный отсчёт времени. Возле парфюмерного магазина стояла огромная очередь, как обычно, все скамейки в сквере на Пушкинской были заполнены спокойными людьми, и вообще, если бы не бронетранспортёры, в облике города не изменилось ничего. На митингах присутствовало от нескольких сот до нескольких тысяч человек. И я вспоминал 200 тысяч на Манежной площади 28 марта. Но тогда всё это было заранее и тщательно подготовлено, а сейчас всё произошло внезапно, и люди ещё не совсем осознали ситуацию. Я несколько часов провёл на митинге, а потом пошёл к войскам. (...)

К.П.Крижановский.

(К.П.Крижановский был в числе защитников Белого дома в августе 1991 г. По воспоминаниям родственников, он рассказывал, что проводил агитацию среди солдат, чтобы они не стреляли в свой народ. Позднее они вместе с другими защитниками, взяв друг друга за руки, образовали живую цепь и не пропускали танки — остановили их. Таковы были события тех легендарных трёх дней — ред.)

* * *

1993 г.

Уважаемая редакция!

Я не знаю, каков Валерий Бабкин — генеральный директор и депутат РФ, но его статья «Коммунизм — это фашизм бедных» («Известия», №77, 1993 г.) по глубине, подбору фактов и силе выводов ставит его в один ряд с историками, философами и наиболее осведомлёнными публицистами современности... Автору не составило большого труда усвоить тот канонический текст, который у нас только и печатают книги, журналы и газеты. Шаг вправо, шаг влево... да куда уж правее. Но статья гендиректора хороша тем, что в ней обнажён простой, как валенок, подход к истории,

который легко и свободно поменял местами проклятое прошлое и идеальное настоящее. Используя при этом все известные методы фальсификации. Прежде всего, это метафизический подход, когда предмет рассматривается с выгодной для наблюдателя стороны, а всё остальное как бы не существует. Ещё древние греки начинали понимать, что мир внутренне противоречив. Человек или система могут быть поняты при рассмотрении их в диаметрально противоположных обстоятельствах. Диалектика жизни такова, что человек может плохо сыграть одну, но очень хорошо другую роль. Социальное явление может быть положительным с одной, но отрицательным с другой стороны. Система, даже самая отрицательная, существуя долго, должна совершить какие-то полезные для общества действия. Думается, что пора также дать чёткое определение прогресса. Мерилом здесь должна быть количественная и качественная сторона человеческой жизни. Иначе говоря, её длительность и полнота (ценность). Отсюда — необходимость введения в любое исследование понятия цены социального явления. Без этого любые выводы теряют всякий смысл. И годятся только для демагогии.

Вот под таким углом зрения и рассмотрим типичные черты фальсификации истории в череде статей и книг, достойное место среди которых занимает и публикация Валерия Бабкина. Начинается всё с традиционного заявления со ссылкой на авторитет: вот если бы такие темпы роста (как в начале XX века) продолжались ещё лет пятьдесят, Россия стала бы и в политическом, и в экономическом отношении выше всех в Европе. Утверждение это присутствует во всех такого рода публикациях. А почему бы и нет, раз критика отсутствует? Вывод абсурден в данном случае вдвойне, ибо за образец экономического развития взяты годы 1900–1912. Между тем, в период с 1900 по 1908 год Россия пережила тяжелейший экономический кризис и стагнацию. Аналогично и утверждение, что за 20 лет, до 1913 года население России выросло в полтора раза (!) — на 60 миллионов человек — и достигло 182 млн. И здесь аналогичный вывод: если бы не «надругательство над русским народом» (почему только над русским, украинскому досталось гораздо сильнее), к 1959 году население должно

было бы достигнуть 275 млн. «Между тем, теперешнее население бывшего СССР составляет едва 215 миллионов... кровавый счёт... большевикам... не менее 60 миллионов...». Подход типичен: побольше цифр и фактов (лучше придумать и то, и другое, чем сказать правду, если она не вписывается в канонический текст), суровый, обличающий тон. Всё это отвлекает внимание и прикрывает самую отъявленную... неправду. Население страны в 1913 году составило не 182, а только 140 млн., а в 1993 году — не 215 млн., а 280 млн. Если даже такие общеизвестные цифры переписей и подсчётов населения легко изменяются, то что говорить о фактах других, менее видимых?

Но этого мало. Отбрасывая материализм, атеизм и диалектику, мы получили идеализм в мистической форме, метафизику и подлинное невежество. (Там, где нужен интеграл, плюс и минус слишком лгал). И сегодня там, где нужен интеграл диалектики, нам подсовывают арифметику, чтобы с помощью сложения и вычитания взятых с потолка цифр объяснить всё. Если в России, где бедность большей части народа не давала преодолеть узость рынка, длительную депрессию сменил экономический подъём 1909–1913 гг., то разве можно требовать от любого правительства, чтобы оно этот подъём продлило на 50 лет, пока Россия не догонит и перегонит самые развитые станы мира? Не может быть ни малейшего сомнения, что лишь война предотвратила новый кризис. Экономическое развитие циклично, и это закон истории. Большевиков можно обвинять в чём угодно, но только не в том, что при них прекратился экономический рост. Как раз наоборот. Рост промышленности принял неслыханные для Запада темпы. Мало того. Он как бы опроверг закон цикличности, отсюда Хрущёв — а темп при нём ещё сохранялся достаточно высоким — перенёс, подобно нынешним публицистам, эти показатели на будущее, и получилось, что СССР перегонит США. Это вовсе не наивность, а традиция, когда вместо интеграла диалектики применяется метафизика арифметики. Конечно, дело здесь не столько в неразвитости философии истории, сколько в том, что именно такой подход был наиболее приемлем для господствующего класса партократии. Все проблемы просто отодвигались на будущее, а за-

логом его достижения был непрерывный рост. Но, так или иначе, а в течение 45 лет после войны промышленный рост был непрерывным. Большевики осуществили как раз то, в отсутствии чего их обвиняют сегодня все, кому не лень. И, с одной стороны, это было огромное достижение: удалось не только поднять из ужасающих руин обескровленную войной страну, причём сделать это совершенно самостоятельно, да ещё в конфронтации с Западом, но и создать огромную индустриальную машину, уступающую только США. Но всё дело в том, какой ценой был куплен этот рост и другие достижения послевоенной эпохи.

Как до, так и после революции доминировал экстенсивный рост и принцип: лучше построить, чем модернизировать. Но такой рост хорош на короткое время индустриализации или восстановления. Дальше начинается истощение всего — от природных ресурсов до терпения народа. Темпы с каждой пятилеткой замедляются, и каждый процент прироста требует всё больших усилий и средств. В до-революционные века такой процесс компенсировался захватом всё новых и новых земель, военной добычей, колонизацией и т.п.

В сталинские времена компенсация шла за счёт миллионов рабов ГУЛАГа и революционной веры в светлое будущее. Ещё хрущёвские годы питались остатками старой веры. А дальше поезд шёл уже только по инерции и традиции, за счёт не только морального, но и массового физического старения основного капитала, отказа от экологических затрат и экономии на любой инфраструктуре и всех потребностях народа. И пока он, всё замедляя ход, но двигался, нужна была рождённая экстенсивным развитием тоталитарная система, империя и огромная армия для успокоения народа. Перестройка пришла на 20 лет позже, когда уже почти всё было исчерпано.

Наступила величайшая революция за всю историю России: переход от экстенсивной к интенсивной системе развития и к полному преобразованию всего — от экономических отношений до психологии и традиций. Объективной целью является построение совершенно новой России. И какие бы субъективные факторы тут ни действовали, конечный результат будет именно таким. Всё дело в том, за какое время и какой ценой.

Вся наша пресса, да и телевидение, за редким исключением, дружно описывают нам ту царскую Россию, которой в природе не существовало. Если первой империей была самодержавная Россия, а второй — сталинский СССР, то неужели нам надо создать третью империю и ещё раз пройти адский круг, пока мы не начнём, наконец, строить новую свободную и демократическую страну. Да, в период завершения революции общество с огромной силой тянет назад. Диктатура Кромвеля завершила английскую революцию, Наполеона — французскую, Сталина — российскую. Замкнутый круг. И выход из него — в борьбе за установление демократии.

1993 г.

РЕЛИГИЯ

Самое страшное — это когда объединяются вместе политический и религиозный фанатизм. Или государство использует религиозный фанатизм в своих целях. Примером симбиоза политического и религиозного фанатизма является завоевание Америки. Почти всё население было вырезано благочестивыми христианами, а затем весь континент превращён в гигантский рабовладельческий заповедник. 500 лет завоеванию Америки — возможно, величайшей трагедии в истории человечества. Золото рекой текло в казну священников и пап и там прогуливалось или пропивалось, или шло на новые завоевания, войны и авантюры. В лучшем случае, церковные иерархи строили себе на эти доходы роскошнейшие дворцы. Америка бурно пережила тяжёлую болезнь. Одни от неё погибли, у других погибла совесть и человеческий облик. Другой пример: зимой 1915 года русские войска медленно наступали в Закавказье. Фанатики-политики поднимали фанатиков-мусульман, и за пару месяцев было вырезано полтора миллиона неверных. На пути религиозного и политического фанатизма ими оказались армяне. И они были сметены с лица земли. Многострадальный армянский народ пережил, возможно, самую страшную трагедию в своей истории. Ещё примеры: Варфоломеевская ночь и современные события — сербохорватская война, армянская резня в Баку, Сумгаит, новая резня в Баку (шестидневная резня в Баку в январе 1989 года в присутствии 16-тысячной армии и внутренних войск). Геноцид против армянского народа Нагорного Карабаха — это яркий факт соединения религиозного и политического фанатизма. Обстрел ракетами Степанакерта, депортация армянских сёл. И мы хотим превратить Россию и все страны бывшего Союза в национально-политические и религиозные образования.

Демократ, который пришёл к власти, демократом быть перестаёт. У него теперь диаметрально противоположные интересы. Его надо заставить идти по демократическому пути, но для этого нужна сильная демократическая оппозиция. А её у нас нет. Опять все надежды возлагают на личность, а не на сам народ. С огромной силой общество тянут назад к старой самодержавной Руси: её пропаганда ведётся всеми средствами информации. Таким образом, борьба с религией и церковью неизбежно связывается с борьбой политической — с борьбой за строительство в России, на Украине, в Белоруссии цивилизованных европейских государств. К сожалению, многие этого не понимают и думают, что у нас надо вести чисто атеистическую работу, не связанную с политическими взглядами. Я не против, но это просто невозможно. Средства информации для пропаганды намертво закрыты, вузы и школа тоже. Мало того, идёт ежедневное поливание грязью атеизма и атеистов и обвинение их в том, что именно они виновны во всех наших бедах. А что люди знают об атеизме? Как сказал мне один начитанный гражданин: «Джордано сожгли потому, что он в церкви деньги украл». У нас через день идут передачи по уфологии, связывают её с мистикой и с богом, но ни разу не упомянули Джордано Бруно, который погиб, именно отстаивая идею множественных населённых миров. Все средства массовой информации утверждают, что человек неверующий — это и пьяница, и вор, и злодей, ибо для него нет ничего святого. Люди даже не подозревают, что такое научный атеизм. Они думают, что это голое, насильственное и провокационное отрицание бога. По крайней мере, в этом их убеждают. Мне стыдно за людей, которые вчера ещё готовы были своими ногами растоптать любого верующего, а сегодня могут то же самое сделать с атеистом. Нет, не идеи у них вдруг изменились на 180 градусов, а социальный интерес. Это старое рабское мировоззрение — кусай того, на кого покажет хозяин.

Но если в стране идёт массовая целенаправленная пропаганда, а инакомыслию наглухо перекрыты все каналы, значит, это кому-то нужно. Чтобы их позиция стала до конца ясной, вспомним, что по свидетельству нашей же прессы, в стране выходит около 150 антисемитско-шовинистических, проще говоря, фа-

шистских газет и журналов, и никто не только не запрещает, но даже ни в чём не ограничивает их. С ними полемизируют, время от времени они получают по целому часу на телевидении для изложения своих идей. Никому даже в голову не приходит, что это стыдно — на равных беседовать с людьми, призывающими к погромам. Почему-то не считается странным, что такая опасная для мира фашистская идеология, в чём человечество уже успело убедиться, заплатив за это безмерно дорогую цену, является мнением, которое надо уважать. А вот атеисты полностью лишены слова, и в их адрес выражений не выбирают. Так кому это выгодно? Я позволю себе поставить данный вопрос наоборот: а кому это невыгодно. Власть имущим? Но чем покорнее стадо, тем легче его стричь. Это замечали ещё римские рабовладельцы, когда появилось христианство. С тех пор любая формация, любая власть спешила, опираясь на религиозную идеологию и мощь церкви, провозгласить себя истинно христианской и обрушивала, в зависимости от обстоятельств, более или менее жестокие массовые гонения на неверующих. И буржуазия, придя к власти, ничего в этой традиции не изменила. Так было и после голландской и английской революций, и даже во времена Робеспьера атеисты подвергались самым жестоким гонениям. Лишь интенсивное развитие всех отраслей жизни заставило сорвать религиозный покров и увидеть её такой, какова она есть на самом деле. В XIX-XX веке на Западе произошёл решительный перелом, и атеизм получил законные права гражданства. В нашей стране, где научный атеизм был такой же демагогией, как и научный коммунизм, где жесточайшие репрессии обрушивались на любое инакомыслие — верующее или атеистическое, где основой всего была слепая политическая вера, а коммунизм был сродни религии, атеизму ещё только предстоит завоевать свои позиции.

1992 г.

ПЕРЕПИСКА С ЧЛЕНАМИ «СОЮЗА СВОБОДОМЫСЛЯЩИХ»

(В 1991 г. К.П.Крижановский, борясь с наступлением мракобесия и клерикализма, опубликовал в журнале «Новое время» обращение с призывом создать Союз свободомыслящих. Ему пришло много писем со всех концов страны, и такой Союз был создан — ред.)

Уважаемая Надежда Алексеевна!

Извините за задержку с письмом. Я хотел не только ответить Вам, но и кое-что передать. Материалы, я надеюсь, помогут Вам организовать секцию Общества в Кемерово, было бы очень хорошо, если бы Вы смогли перепечатать и распространить Обращение и Памятку, а ещё лучше, если бы удалось напечатать в вашей периодике. Мне очень понравилось Ваше письмо и, я думаю, Вы не будете возражать, если в обзоре писем щедро его процитирую. Если Вы против — сразу сообщите мне. Надеюсь такой обзор подготовить и напечатать. Нет ни одной мысли, с которой я бы не согласился. Вообще, наше общество тяжело больное. Диагноз — конформизм с многочисленными осложнениями. Давность заболевания — 750 лет. Люди веками были лишены человеческого достоинства; страх, покорность и холуйство были образом жизни. «Русская аристократия перед лицом царской власти есть ничтожество из ничтожеств», — писал в середине прошлого века один из русских либералов. И всё это веками благословляла, поддерживала и пропагандировала православная церковь. 40 лет — с начала 80-х годов прошлого века длились в России страшные еврейские погромы. Организовывало и финансировало, конечно, самодержавие, а после его падения — Деникин и его атаманы. Но идейно готовила, да и сама участвовала в этом, всё та же церковь. Ещё Герцен писал, что поп и полицейский ездят по сёлам и грабят «иногородцев». Так же рука об руку действовали они против всего, что было в стране светлого и прогрессивного или просто «иноверческого». Да и вообще, не было, пожалуй, ни одного крупного грязного дела, в котором не была бы замешана церковь. Так что все преступления царизма против народа разделяет с ним церковь. А с 1943 г. — и преступления Сталина, ибо после беседы с Сергием, ставшим сразу после беседы патриархом, церковь публично поддерживала всё, что творил Сталин, а он, в свою очередь, не скупился на постоянные и щедрые благодеяния. В кулуарах, близких к нему, уже прощупывался вопрос о соединении социализма и религии, точнее, православной церкви, но это встретило серьёзное недовольство,

и Сталин сказал себе: подождём. А ждать он умел. Вспомним всё ленинское окружение начала 20-х годов, истребленное им лишь спустя полтора десятилетия. Но слишком рано оборвалась жизнь отца-благотетеля, думаю, что церковь о нём искренне горевала. Так что нечего попам строить из себя жертв сталинизма. В тридцатые годы они пострадали отнюдь не больше, чем весь народ, ну а в 1943 г. просто продались, правда, отнюдь не за чечевичную похлёбку.

Вот эту действительную нашу историю и надо доводить до сведения народа — его ведь в очередной раз обманывают. Несколько слов о себе, в ответ на Вашу информацию. По образованию — историк и философ, по профессии — преподаватель и учитель. В 1973 г. лишён права преподавания, а в 1977 г. исключён из партии и уволен из института за антипартийную и антисоветскую пропаганду. 10 лет после этого проработал учителем. Научным атеизмом занимался 20 лет, занимаюсь также проблемами философии истории. О моих научных взглядах можно судить по статье «Раб неделим» (№18 «Нового времени»), а о политических — по статье «Армия марширует» (там же, №21).

Ещё раз спасибо за интересное письмо. Желаю Вам успеха в нашем начинании и в личной жизни. Будете в Москве — обязательно заезжайте.

Крижановский Коммир Петрович.

* * *

1991 г.

Уважаемый Борис!

Я с большим удовольствием прочитал Ваше письмо, похожее на сжатую пружину: лаконичный стиль, сильные и неотразимые выводы. Извините за задержку с ответом, но я хотел Вам послать не просто письмо, но и документы для нашей борьбы, если, конечно, Вы к ней примкнёте. Ваше письмо — самое западное, а самое восточное — из Владивостока. Если я сделаю обзор писем для «Нового времени», Вы не будете против, когда я стану Вас цитировать? Если возражаете — напишите мне. Я надеюсь на Ваше со-

трудничество: без молодых и мыслящих людей трудно остановить наше сползание вниз. То, что у нас сейчас происходит, — это, несомненно, революция, хотя и без вооружённого восстания. Думаю, что одна из причин её слабости — достаточная пассивность студенческой молодёжи. Обществу не хватает её мыслящей энергии. К тому же, именно она могла бы установить творческую связь с молодёжью рабочей. Я уверен, что такой союз преградил бы путь любой диктатуре. Подумайте и над этим.

Разрешите продолжить некоторые из Ваших мыслей. Православная церковь похожа сейчас на девушку, у которой много поклонников, ненавидящих друг друга: знаки внимания она раздаёт всем, но симпатизирует только двоим. Эти двое — правые и крайне правые. И диктатура, если бы она пришла, имела бы вид генерала с крестом. Рейтинг армии падает, а церкви растёт. Союз мундира и рясы неизбежен. Вот почему нам надо разоблачить церковь и её истинное лицо в прошлом и настоящем. А наши демократы? Не успели взять власть (пусть формальную), а уже страстно лобызают крест. Увлечённый этим трогательным занятием, демократ и не заметит, как его придавят с двух сторон генерал и поп. Надо помочь власть имущим представителям народа избавиться от этой пагубной страсти.

Уже по крайней мере 60 лет мы живём в царстве мифов. Львиная часть критики общественного строя приходится на критику диктатуры пролетариата, компартии, коммунизма, советской власти... увы, у нас никогда не было этих феноменов истории, и переносим их на мифические понятия, как древние евреи переносили все свои грехи на козла отпущения и затем прогоняли его. У нас с конца 20-х годов уже не было не только партии — она превратилась в фикцию, исчезала даже партократия, чтобы вскоре после убийства Кирова окончательно стать мафиократией. Кстати, в российском самодержавии от Ивана Грозного до Николая Кровавого то более туманно, то очень наглядно, но всё время проглядывают черты мафии — таков уж стиль восточного деспотизма. Вот таким же мифом и являются обвинения научного атеизма в том, что он довёл страну до полного развала. Во всём виноваты «поганые атеисты», как написал мне молодой солдат из воинской ча-

сти. Так, видно, их там учат. Но ведь то же самое пишет и демократическая пресса, пусть даже и не вся. И снова система перекладывает на кого-то свои грехи, а её оппоненты усиленно ищут и находят козла отпущения. Научный атеизм изучает происхождение, трансформацию, взаимодействие религиозных идей, обрядов, книг. Если бы это была наука о сказках и признанных всеми мифах, то и тогда, в средние века, церковь с подозрением смотрела на учёных — ведь так легко провести аналогию. Вот почему Сталин с подозрением относился к научному атеизму: ведь научная критика слепой веры носит всеобщий характер, и с критики веры религиозной легко перейти на критику веры политической. Однако ему надо было доказать, что он истинный марксист, а ведь марксизм атеистичен. И как только партократия превратилась в мафиократию и Сталин стал великим паханом в глазах своей банды и великим вождём в глазах народа (ширма и за ширмой), он немедленно взялся и за учёных, и за борцов против слепой веры. К середине 30-х годов Союз безбожников был разгромлен, весь его актив снизу доверху расстрелян или отправлен в концлагеря.

Кажется странным другое. Великий пахан умер, но отношение к атеистам мало изменилось. Им было запрещено создавать своё объединение, и его нет по сегодняшний день. Научная работа натывалась на почти непреодолимые препятствия: почти всё находилось в спецхране под второй и уже совсем недоступной третьей категорией, издать не прославляющую партию и ругающую религию брошюру, а подлинно научный труд было невероятно трудно, поэтому они почти не выходили. Так, с конца 30-х годов до конца 50-х у нас не вышло ни одной книги по научному анализу Библии, а за 30 последних лет вышла лишь одна такая книга Крывелёва. Между тем, научный атеизм занимался этим со времён Спинозы, и за границей такие работы, как чисто научные, так и научно-популярные, выходят постоянно. У нас почти совсем не издавались зарубежные труды, была запрещена связь со всемирными организациями атеистов.

Но это слишком большая, и, по сути, ещё не исследованная тема. Поэтому я останавливаюсь только на одном. Маркс писал, что Пётр I варварство искоренял варварски. Но таков стиль систе-

мы, которой уже более 750 лет. Достаточно вспомнить внедрение картофеля Екатериной Второй или антиалкогольную кампанию. Почему же борьба с религией должна была вестись в нашей стране иными методами? И могла ли она внутри системы людьми системы вестись иначе? Мало того. Иных массовых методов система не любит (если только это не запланированная демагогия) и с ними борется. Я на себе это испытал неоднократно. И о цене прогресса мне удалось (после двух лет хождения по редакциям прогрессивных журналов) напечатать хоть кусочек в журнале «Новое время», а в августовском или сентябрьском номере её собирается перепечатать журнал «Социум». И всюду мне говорят одно: ваша концепция нам не подходит.

Пишите. Желаю Вам успехов в нашей работе и личной жизни (а у кого они должны быть, как не у Вас?). Приезжайте.

Крижановский Коммир Петрович.

* * *

1991 г.

Уважаемый Александр!

Не зная Вашего имени-отчества, разрешу к Вам так обратиться. Ваше письмо произвело на меня сильное впечатление, видно, своей искренностью и глубиной чувств. Очень сочувствую Вам, сам преодолевал болезни много лет, но потом почти забыл о них. Того же Вам желаю. О многом можно было бы поговорить, интерес вызывают Ваши мысли и, наверное, статьи. Почему гласность наступила Вам на горло? Какие у Вас мысли по поводу развития человечества? Напишите. Адреса ташкентского дать пока не могу, Ваше письмо единственное, хотя есть письма из Ашхабада, Алматы. Как только появится, сразу Вам пришлю. Я увлекаюсь философией истории и написал первую часть работы, но напечатать по двум причинам не могу: я не академик, как Вы говорите, и концепция моя не подходит. Если Вас интересуют эти проблемы, в «Новом времени» в №18 и 21 кое-что напечатано. Посылаю Вам материалы, только что мной напечатанные, если хотите и можете — примите участие в пропаганде атеистических идей и органи-

зации в Ташкенте Общества свободомыслящих. Но подчёркиваю: если Вам не очень трудно.

Люди, которые отдают последнее другим, всю историю человечества поддерживают и развивают человеческое в людях. Без них человечество с приходом частной собственности деградировало бы до уровня волков, которые разрывают и пожирают друг друга. И напрасно так идеализируют частную собственность: сама по себе она бесчеловечна, это отмечали мыслители ещё в XVI веке и всё время потом. Неужели все они были неправы? Но ведь они-то её хорошо знали, а мы судим чисто умозрительно. Сейчас идеалистов земных всячески высмеивают и пишут: от Мора до мора, а идеалистов небесных всячески возвышают, забывают, какие неисчислимые бедствия принесла вера в царство небесное людям. Альтруизм признаётся только двух видов: или богач уделит со своего стола кусочек бедным, и тогда он славный и уважаемый человек, или церковь подаст «сырым и убогим» — и тем самым повысит свой рейтинг, а с ним и собственные доходы. Но ведь истинным альтруизмом всегда считался альтруизм бедняка, когда он последнее отдаёт бедняку. Как диаметрально быстро меняется мораль тех, кто стоит у власти. Но так просто не бывает. Процесс этот трудный и мучительный, а если он идёт легко и свободно, это означает только одно: морали у верхов просто не существовало. Так оно и было, ибо нами правила мафия, или попросту банда.

Ладно, это уже тема для отдельного разговора. От сокрушительных ошибок постараюсь уклониться, а вот ложным пафосом никогда не страдал. Пишите. Будете в наших краях — заходите.

Жму Вашу руку. Будьте здоровы.

Крижановский.

* * *

1991 г.

Уважаемый Владимир Александрович!

Благодарю за внимание. Могли бы всё обсудить у меня дома, у Вас это трудно. Я приглашаю Вас и надеюсь, что Вы найдёте время. Сейчас всё резко изменилось и требует совершенно нового под-

хода. Вчера всё было значительно проще: власть имущие и партократы были в одном лице. Сегодня, с приходом представителей демократов к власти в оппозиции оказалась сама партократия. Но лишь наверху, ибо внизу она по-прежнему удерживает власть. Наши и её цели диаметрально противоположны, и в одной оппозиции с нею мы быть не можем, хотя она очень этого желает. Я считаю, что без мощной левой оппозиции демократического направления — как Ельцину наверху, так и партократии внизу, мы мало чего достигнем. А ведь необходимы перемены революционные: слом старого общества и построение нового потребуют колоссальных усилий, очень сложной и трудной борьбы. Нужно будет каждый раз заново вырабатывать буквально всё, начиная со стратегических целей и кончая тактикой борьбы. А для этого нужно постоянно заниматься вопросами теории, соединяя философию истории и практику жизни.

В стране идёт революция, да ещё какая: национальная, структурно-экономическая и политическая. Иначе говоря, разрушается империя, отнимается собственность у государства на орудия и средства производства, на торговлю и социальную инфраструктуру и, наконец, уничтожается тоталитарный строй. Никогда в истории никто ещё одновременно три такие задачи не решал. Даже Великая французская революция решала лишь две из них, да и то в меньшем объёме, и растянулось это решение на целое столетие. Вот почему нам так трудно сейчас. Народу приходится преодолевать не только чудовищное сопротивление, но и собственную инерцию. Никто не в состоянии объяснить, что же всё-таки происходит в нашей стране. И ещё: власть имущие, похоже, взялись не за строительство нового общества, а за восстановление старой России. Отсюда такое внимание религии: миллиарды в опустошённой стране на церковь, идеализация прошлого, переименование городов. Явление это в истории типичное, общество после революции с огромной силой тянет назад, и удержаться на месте смогла, пожалуй, одна только американская революция. Над страной уже повисла тень двуглавого орла.

Нам нужно создавать рабочую партию. Без организации рабочего класса, а значит, и стране в целом, будет несладко. Чтобы общество не стояло, а двигалось, нужно давление со стороны тру-

дящихся. Так развивался Запад, и никуда от этого мы не денемся. Как власть имущим, так и собственникам заводов и фабрик выгодно, чтобы рабочие получали крохи, тогда будут сверхприбыли, и государству хороший налог. Но рынок остаётся узким, и это сдерживает всё развитие страны. Борьба рабочих повышает стоимость рабочей силы и заставляет капиталиста постоянно стремиться к модернизации производства. А вместе с ним развивается и всё общество. Разумеется, это должна быть действительно партия, защищающая интересы рабочих, какой в России ещё не было (...).

Пишите, приезжайте к нам. Всего Вам доброго.

Крижановский.

* * *

1991 г.

Уважаемый товарищ Быстрицкий!

Очень приятно было получить письмо из города, с которым связаны три года молодости. Незабываемо тёплое дыхание океана зимой, порт, в котором я разгружал корабли, прекрасная бухта и сам город, такой удивительно южный. А как там поживает Чуркин мыс, ещё не сравнивали его с землёй? Да и вообще, Приморье прекрасно со своими субтропиками, неожиданными украинскими хатами, непроходимыми лесами с вьющимися лианами. А одноэтажная Находка, где на каждой крыше лежал слой рыбы и запах этой сушки окутывал весь город. Сейчас, конечно, всё изменилось. Да, Приморье не забудешь.

Итак, Вы досадуете, что сами не взялись за создание Общества. Но оно находится в самой интересной стадии — в стадии рождения. Беритесь за его организацию, сначала на Дальнем Востоке, а затем и в масштабах Союза. Ваш краткий анализ совершенно верен. Хотел бы к нему добавить следующее. Мы жили и живём в царстве мифов. И сейчас, вместо того, чтобы бороться с системой, которая довела страну до полной разрухи, а миллионы людей — до голодного истощения, воюем с «коммунизмом», «социализмом», «марксизмом-ленинизмом», «компартией» и прочим, чего в природе никогда не существовало. Мы яростно избиваем манеке-

ны, а тем временем Павлов³⁶ одним ударом уменьшает нашу зарплату и пенсию втрое, а ведь они и до того были нищенскими. «Во всём виноваты поганые атеисты», — пишет мне один юный солдат из армейской части. Откуда он уже знает, кто виноват? Кто его этому научил? Но он с уверенностью любого невежды знает всё. Дама по имени Аза в «Известиях» пишет, что во всём виноват антиалкогольный закон: государство потеряло миллиарды и разрушило всё хозяйство страны.

Зам. министра образования РСФСР А.Тюков сообщает в «Литературной газете» за 7 августа 1991 г. её корреспонденту, что политический кризис в стране связан с воинствующим атеизмом, и для «духовного возрождения страны» надо, чтобы курс «История религий» вёл в школе поп. «Предстоит много работать, чтобы в школе действительно появилась возможность формировать мировоззрение». «История религий — это не просто история церкви...». «К сожалению, в школах подходящих преподавателей нет, а те, кто мог бы его вести, ранее действительно преподавали атеизм». Так что официально заявлено о запрете на профессии. Попу можно, а бывшему атеисту нельзя. И это несмотря на то, что «В российском законодательстве о среднем образовании зафиксировано, что школа является светской, и закон Божий преподавать не разрешается, но...», но его можно обойти, и зам. министра рекомендует, как это сделать. И эта система собирается строить правовое государство и цивилизованное общество! Да, здесь и невежество, и наглость чиновника, дорвавшегося до вершин власти. Но главное — конформизм, старая российская болезнь. И всё это нам придётся преодолевать.

Что корни этого уходят в глубокую старину, я уверен на основе проведенного исследования; удалось даже кое-что напечатать в №18 и №21 «Нового времени». Лишь после этого они решились напечатать, хоть и в сокращённом виде, моё Обращение. И всё-таки это самый смелый журнал: он решился напечатать о том, что корни нашей катастрофы лежат не за пределами, а внутри нашего общества, мало того, они неразрывно связаны с империей. А Обращение с сентября прошло несколько редакций, пока не попа-

³⁶ Премьер-министр СССР (Декабрь 1990 г.- август 1991 г.)

ло в «Новое время». Теперь сделан самый трудный первый шаг. Слово произнесено. Можно начать действовать. Я посылаю Вам материалы, если бы Вы могли их перепечатать и распространить, а ещё лучше — опубликовать. Я рекомендую Вам заняться организацией одной из групп и её работой.

И ещё немного теории. Я думаю, что любая революция, а мы переживаем именно такой период, начинается с изменения сознания значительной части или всего народа. Когда жизнь в условиях старой системы становится невыносимой. И тогда достаточно любого повода, чтобы произошёл взрыв. У нас же сейчас пытаются опровергнуть российские революции тезисом, что материальная жизнь для тех, кто работал, была совсем неплохой. И всё чаще революции называются бунтом. Когда это пишут монархисты, русофилы и прочие маньяки, это понятно. Но когда демократы начинают доказывать, что жизнь до революции была вполне сносной, да и царь не такой уже кровавый, а капиталисты и вовсе идеальные люди, то действительно не знаешь — смеяться или плакать.

Но на самом деле тут всё гораздо серьезнее. История свидетельствует, что на первом этапе революции появляются силы, которые пытаются её остановить. Чем дальше, тем мощнее они становятся; сначала параллельно, а затем вместе консерваторы и вчерашние революционеры обрушиваются на революцию. В этот момент и может вспыхнуть гражданская война. Общество с неумолимой силой тянет назад. Верно, что по мере того, как те или иные люди, группы и целые слои народа удовлетворяют свои интересы, они отходят от революции или даже становятся её врагами. Но главное — в нарастающей усталости народа. Любая революция разрушает социально-экономические или только политические основы старого строя, она же закладывает основы строя нового. И всё. Улучшение жизни народа в её задачи не входит. Это уже дело эволюционное. Но ведь народ совершал революцию для конкретных политических, а значит, и материальных целей. И вдруг оказывается, что всё это ничего не значит. Наоборот, жить становится всё труднее. Дети, не понимая, в какую великую эпоху они живут, требуют, чтобы их согрели, одели и накормили. Так начинается разочарование, отход и отпор. Прошное идеализирует-

ся. Тяготение назад резко усиливается. В чём всё более заметную роль играет религия и церковь. Их влияние возрастает. И если народ это не осмыслит и не остановит — падение в диктатуру неизбежно.

Вот в такой период мы с Вами и живём. Пишите. Крепко жму Вашу руку и жду подробного письма.

Крижановский Коммир Петрович.

* * *

1991 г.

Уважаемый товарищ Петропавловский!

Каждый день я получаю письма, не успеваю на все ответить. Сначала преобладали апологеты православия, теперь сторонники создания Общества. Я не собираюсь создавать Всемирный Союз свободомыслящих, ибо он давно существует, а хочу, когда наш Союз будет создан, установить с ним связь. Считаю, что положение достаточно серьёзное, и если интеллигенция не даст отпор наступлению мракобесия и клерикализма, наши потомки нам этого не простят. Как не может сейчас молодёжь простить старшему поколению сталинизм. Никаких финансовых средств нет, да они пока и не нужны. Сначала необходимо создать организации на местах. Когда они будут — появятся и средства. А в будущем я планирую провести съезд, начать издавать журнал, организовать постоянно действующие курсы, может быть, и институт для глубокого изучения научного атеизма. Пока надо создавать свою структуру, пробиваться в печать, пропагандировать наше Общество и наши идеи, критиковать наиболее вопиющие факты наступления религии, её внутреннюю реакционность и внешнее лицемерие. И если мы докажем народу свою необходимость — мы победим.

Теперь о деле. У Вас очень ценная для нашего Общества специальность. Уже сейчас Вы можете подготовить работу о том, каким тиражом была издана атеистическая литература в 1985 году и в 1990–91 г.г. (первое полугодие). На полках магазинов в Москве и Ленинграде в прошлом и этом году я находил буквально единицы. Тот же анализ следует провести и в отношении религиозной лите-

ратуры. Это будет убийственный материал, и он многим откроет глаза. Я думаю, что мне удастся его опубликовать.

И ещё. Сразу начинайте создавать секцию Союза свободомыслящих. Выберите председателя и секретаря и разворачивайте работу в городе. Я думаю, что вначале рационально создавать группы содействия Союзу свободомыслящих, а из них уже принимать в члены организации. Впрочем, это на Ваше усмотрение. Лучше, чтобы человек проявил некоторые усилия для поступления в нашу организацию, тогда он и уважать её будет, и к работе станет относиться серьёзнее. Надо внимательно следить за тем, чтобы в нашу организацию не попадали люди морально нечистоплотные, ибо малейший наш промах сразу же станет достоянием общественности. Мы ведь создаём не общество филателистов, а организацию для борьбы. Нам придётся постоянно наносить и отражать удары.

И ещё. Организация наша — демократическая, мы будем поддерживать демократическое движение, не повторяя, однако, грубых ошибок его лидеров. Организация наша стоит на позициях левого демократического движения, будет поддерживать все усилия по демонтажу империи и всех её структур и построению общества европейского типа (...).

Пишите.

Крижановский.

* * *

1991 г.

Уважаемый товарищ Зимин!

Спасибо за похвалу моим статьям. Но в №№18, 21, 23 напечатаны две мои статьи и Обращение. Что Вы имеете в виду? Я согласен насчёт Вашей оценки строя резервов и партии Полозкова. Верно и то, что дворяне не любили, чтобы мужик инициативу проявлял. Что стачкомы очень важны — это верно, они ещё скажут своё слово. И никакая чёрная сотня перед ними не устоит. Общество наше с неудержимой силой тянет назад, в самодержавные времена, и этого нельзя допустить. Думаю, что и разруха сейчас — это дело не только развала старого строя, но и саботажа пар-

тийной мафии. Они рвутся к диктатуре, думают, что она спасёт их. «Прогнивший черносотенный строй» — это хорошее выражение.

Но я совершенно не согласен с Вашей оценкой Сталина. Сталин работал прежде всего на самого себя, а не на общество. Он стремился к безграничной власти и ради этого готов был весь мир утопить в крови. А в обществе, где каждая система стремится работать сама на себя, возникает кастовость, замкнутость, иерархия, и для того, чтобы проникнуть в такую систему, надо соблюдать определённый ритуал. Например, стать доктором наук — тогда ты сможешь печататься в научных журналах. Как будто умная мысль не может прийти в голову человеку, такого звания не имеющему. Или для того, чтобы занять определённые посты в руководстве, надо быть членом партии. Конечно, кастовость создана не Сталиным, до революции существовало дворянство, но ведь именно он продолжил его в партии. Правда, не родословная, а только заслуги перед вождём играли тут решающую роль, но до революции можно было стать дворянином и без родословной, за те же заслуги «перед отечеством» или просто за деньги. Гитлера судили за фюрерство, но и Сталин применил ту же конструкцию для управления народом — кастовую номенклатуру. Каждый был маленьким вождём и сатрапом в отведённой ему сфере управления. У Сталина не было ошибок, иначе он просто потерял бы власть. Ибо после каждой «ошибки» власть усиливалась. Значит, это не ошибки, а политический расчёт. О лагерях, где погибли десятки миллионов человек, лучше вообще не говорить.

Нас с неистовой силой тянет назад, в период революции этот процесс вполне естественный, так было всегда. Выход один: надо этому противостоять. И создание Общества — один из путей к этому. Конечно, это лишь один из необходимых путей, но если мы не поставим преграду на пути религии, то грош нам цена. Так давайте же создадим Общество свободомыслящих. Посылаю Вам материалы, и если бы их можно было распространить или напечатать в местной прессе, было бы очень хорошо. Но если Вас увлекает и чисто политическая борьба — занимайтесь и этим.

Кончаю. Пишите.

К.П.Крижановский

ПИСЬМО К БРАТУ В.П.КРИЖАНОВСКОМУ³⁷

1-я половина 1991 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Надеюсь, что мне удастся вырваться к вам и немного побыть и возле вас, и на родной Украине. И, может, чем-то помочь нашим. Но обстоятельства складываются так, что не могу отсюда вырваться пока что. Хотя, с другой стороны, думаю, что не может быть никаких оправданий, когда речь идёт об Украине. Мне нужно было бы поездить по областям, немного раскрыть глаза людям и объединить их. Но для этого нужно, чтобы какая-то левая партия взяла на себя затраты. У меня же, кроме Левко, нет никаких связей. Может, ты бы мог мне прислать адреса украинских партий? Я бы им написал. Мне нужна тесная связь, и очень хорошо, что есть уже не одна Республиканская партия. Но что мы добились на сегодня? Где наша независимость? Только в лозунгах. А сейчас полным ходом начнётся наступление реакции, потому что Горбачёв развязал себе руки на Западе, и наоборот, связал ему руки огромными уступками. А сейчас ещё иранская война. Душа болит за Израиль. Каждый день в тревоге — а как там? Вот что такое диктатура в наше время. Даже без атомной войны один маньяк может угрожать целому континенту. Пора с диктаторами кончать, это теперь будет общая мысль цивилизованных стран. Пока они не уничтожили мир. Техника же совершенствуется. И очень быстро.

Я написал Левко именно это — и детально, в виде теоретического письма, и, кроме того, личного. Но он молчит. Сейчас всё сбывается, и это снова свидетельствует о том, что теорией мож-

---

³⁷ Владимир Петрович Крижановский — брат К.П.Крижановского, в 1991–1994 годах — посол Украины в России.

но и очень нужно заниматься именно сейчас. А мы ходим, потупившись, спотыкаемся и падаем во все ямы. Да и куда идём? Кружными тропами, наощупь, наугад. Партия же быстро набирается опыта. Побеждает тот, кто учится. Это я говорил тоже в позапрошлом году и предлагал устроить по областям и в центре теоретические курсы, а потом и школы. Ни Рух, ни партия так ничего не сделали. То же самое делается и в Москве. Я беседовал с одним из демократических лидеров, П., и говорю, что вам нужна разработка теории для дальнейшего движения. Что же мне он ответил?

— У нас теоретиков больше, чем нужно, а вот практиков не хватает.

— У вас совсем нет теоретиков, судя по тому, как вы себя ведёте, — ответил я ему. — Понимаете ли вы, что без завоевания рабочих вы ничего не сделаете, мало того, потерпите в конце концов поражение?

— Рабочих, кроме водки, ничего не интересует. Они живут сегодняшним днём.

— За кем пойдут рабочие, тот и победит, компартия работает с ними день и ночь. Мы должны приспособиться к ним, а не они к нам. Значит, нужно доказать, что наши и их интересы — общие и что наше поражение — это, в первую очередь, и их поражение. Среди рабочих немало хороших и сознательных людей, нужно только их найти, объединить и научить. Это вопрос теории, и только один из них. А есть ли у вас хоть одна теоретическая разработка?

— Вот Вы и сделайте нам такую разработку по поводу рабочих. Кстати, на заводы нас не пускают, и связи с ними нет.

— Я согласен. А что касается связи, есть ряд путей к ним и не через центральные ворота. Опыт Донбасса для меня ещё раз свидетельствовал об этом.

Вот такой у нас был разговор. Я был на совещании по организации митинга и увидел, что уже появились первые ростки ещё очень крошечной, но уже теоретической мысли и первый взгляд хоть на шаг вперёд. Так, актив был поделён, в случае погрома, на пятёрки, а всем левым предложено в случае появления танков или чего-нибудь подобного бросать работу и собираться вдоль набе-

режной Москвы-реки. Последнее было повторено и на митинге, а он был действительно грандиозный и настроенный не только решительно (отставка президента, правительства и новые выборы), но и разумно: руки прочь от Литвы, Литва сегодня — Москва завтра и т.п. Ещё никогда на митингах не было такого количества самодельных плакатов, лозунгов, карикатур. Это тоже была предшествующая агитация. Впервые демонстрация прорезала весь центр Москвы от м. Баррикадная до Манежа. И впервые все улицы, в том числе Калинина и Тверская, были полностью, от тротуара до тротуара, заполнены демонстрацией, транспорт был снят, а милиция действовала по указанию горсовета — охраняла демонстрацию и митинг.

В таких условиях все отбросы, все правые сидели дома и не отваживались нос высунуть. По пути мы встретили толпу «Памяти» и монархистов. Собралось их на тротуаре человек пятьдесят. Зацепить кого-то или присоединиться, как это бывало раньше, и кричать своё они просто не могли. Так что, не переходя тротуар, эта жалкая стая кричала: «Великая Русь», «Хомейни», а им в ответ прозвучало громовое: «Фашисты!».

Думаю, что Москва перешла определённый политический рубеж. Ощутил это и Гдлян, который с трибуны призывал в ответ на попытку военного переворота поднять всеобщее вооружённое восстание и уничтожить имперскую систему. Это было встречено бурной овацией. Ещё полгода назад московские митинги носили характер требований к правительству, к Верховному Совету, к Горбачёву. Тогда ещё людям казалось, что следует хорошо нажать, и Горбачёв отважится сделать всё, что нужно, то же самое и Верховный Совет. Сейчас я никаких требований, кроме отставки правительства и перевыборов не видел. Митинг знаменовал собой полный разрыв с властью и системой, одновременно поддержку Ельцина и требование независимой демократической России.

Можно заметить, что полмиллиона — это ещё не вся Москва. Но революцию делает не весь народ и даже не его большинство. Достаточно активных действий части народа и пассивной симпатии подавляющего большинства, чтобы старую систему сломать. Конечно, при условии пассивности или слабой поддержки её со

стороны армии, а ещё лучше — перехода армии на сторону народа. Революцию всегда делает активное меньшинство. Но при условии, что симпатии народа будут на её стороне. Вся наша работа должна быть направлена поэтому на три цели: создать большой, хорошо обученный актив, завоевать симпатии большинства населения и, наконец, добиться того, чтобы армия вышла из казармы только для помощи народу. И одновременно экономическую и политическую мощь империи подрывают действующие демократические законы.

Но хоть годы работают на нас, однако отдельные месяцы, как вот сейчас, могут работать и против нас, если мы будем сравнивать не с тем, что надо сделать, а с тем, как далеко мы уже поднялись. Не столько террор, сколько революционная эйфория позволила восстановить в нашей стране самодержавную империю. Если в ближайшие месяцы нам удастся остановить наступление имперской администрации и колониального господства, сделать так, чтобы указы Горбачёва оставались на бумаге или, по крайней мере, действовали только в границах, им же самим провозглашённых; и если мы остановим наступление голода и полного хаоса, а с ним и необходимость «порядка и твёрдой руки», то через несколько месяцев пассивность подавляющего большинства начнёт меняться в нашу пользу.

Так что всё зависит от того, насколько энергично и разумно будет действовать актив. Законы политической борьбы требуют, чтобы полезная для масс инициатива и само действие были не только понятны массам, но и чтобы они хорошо знали, кто их автор. Трибуна Верховного Совета для этого — наилучшее место. Народ должен видеть, что спасают его левые, что от них идут одна за другой инициативы, пусть их и не принимает большинство, а всё, что принимают полезное, — тоже от них. Что порядок, стабильность и нормальный труд несёт с собой демократия, а дестабилизация и хаос выгодны империи и правым. Конечно, со временем всё станет на своё место, а пока солнце взойдёт — роса очи выест. (...).

Коммир.

ПИСЬМА К М.И.БАРСКОЙ

---

* * *

Ноябрь 1988 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Поздравляю вас с праздником. Все мы вам желаем крепкого здоровья, хорошего настроения и пусть вам во всём везёт. Света всё там же на заводе. Бабушка наша держится неплохо. Ну, а я занимаюсь хозяйством, читаю и пишу кое-что. Пока что в стол, а там будет видно. Но очень мало времени. Света тоже всё время занята. Свободного времени практически нет. А вообще жизнь стала чрезвычайно интересной. Прошлые наше, которого мы почти не знали, а если знали, то только в самых общих чертах, внезапно осветилось, и мы увидели конкретные события и фигуры. Собственно, постепенно мы начинаем видеть, что историю творили люди. И что каждый, кто имел власть и характер, творил её по-своему. Так что сейчас история последних 70 лет в нашем сознании постепенно становится похожей, например, на «Историю» Лависса и Рамбо, где всё общее было чётко конкретизировано в людях и событиях. А именно такая история нормальна и потому чрезвычайно интересна.

И всё же, до сих пор никто не берётся за философию истории. Никто не может объяснить, почему разные люди, имея власть, часто неограниченную, проявляют свои взгляды и пристрастия в конкретных действиях, то есть вырезают свой рисунок на камне истории. И всё-таки, в действиях разных, ну совсем разных людей, было больше похожего, чем различного. Классовые интересы? А почему же эти классовые интересы так по-разному — действительно, совершенно непохоже, проявили себя во Франции и Америке, в России и Англии, в Индии и Китае. Думаю, что этот вопрос чрезвычайно важен для нашего развития, нужно, наконец, осмыслить, почему мы экономически и политически дошли до такой жизни. Очевидно, действует историческая традиция, действует с такой силой, что часто она оказывается сильнее любых классовых и иных интересов. Люди изначально привыкли действовать именно так, а не иначе. И любое общественное действие принимает привычную для народа форму. То есть, необходимость реализует себя

именно в такой, а не в другой форме. Так английская революция, по сути, прошла в белых перчатках. Хотя была многолетняя гражданская война, но не было ни трибуналов, ни массовых казней. Интересно, что отрубить голову королю решились и сделали это первыми, создав европейский прецедент. А вот отрубить хотя бы одну голову инакомыслящего просто не смогли. Едва ли не единственной казнью был расстрел перед строем трёх солдат Кромвелем в момент подавления восстания в армии. В Америке и этого не было. Может, в обеих странах революция шла по гладкому пути? Ничего подобного. И там, и там она не раз висела на волоске, в обеих была иностранная интервенция. Как это не похоже на французский или наш террор. Правда, революция во Франции пошла значительно дальше, чем в Англии. Но не дальше, чем в Америке. Мало того. Конституция французская (которая так и осталась на бумаге) считается самой демократичной. Но она, по сути, списана с американской, только без власти президента. Декларация прав заимствована оттуда же. А результат? Террор и культ армии, в конце концов, привёл к реставрации абсолютной монархии. И у нас победила контрреволюция. Но английская и французская революции окончились тем же. Революции пожирают своих детей? Так кому они нужны? А они как раз и нужны для того, чтобы сломать старую традицию и создать прецедент новой жизни. И этот прецедент позднее идеализируется в глазах людей: тёмное, кровавое, страшное отходит как-то на задний план, забывается (потому что люди всегда видят то, что хотят видеть), а на переднем плане — прекрасная, навеянная мечтами Революция. На старом фоне создаётся картина, которая обладает огромной притягательной силой. Всё больше людей мечтает о том, чтобы вернулись те прекрасные времена. Так в сознании людей окончательно разрушается старая традиция и возникает новая, сначала в виде всеобщего порыва. А остальное — уже дело техники, как говорят в футболе. Позднее скажут, что были созданы чрезвычайно благоприятные условия для революции. Но тут всё наоборот. Сама революция создаёт себе необходимые условия. Идёт в ход всё, что может скомпрометировать старый

строй. И как бы ни крутились его защитники, а всё складывается словно нарочно против них. Поэтому и они растерялись и делают гораздо больше ошибок, чем обычно.

Коммир.

* * *

1992 г.

Дорогая Мирочка!

В далёкую Америку через моря и целый океан солёной воды, через страны, нации и континенты пусть летит моё письмо и на крыльях принесёт тебе хоть частичку моей мечты, моих чувств. Там, в той далёкой чудесной стране, где даже самые маленькие уже знают английский, пусть там у тебя будет всё хорошо. Чтобы и там почувствовала искренность и доброту, внимание и могла развеяться, чтобы и там так любили тебя слушать, как мы тут. Чтобы ты имела радость и гордость за Олега и утешение от внуков, а они любили тебя. Чтобы твоя семья вошла в Америку, как хороший ключ входит в двери.

И под американским солнцем и флагом все вы набрались доброго казачьего здоровья. Не забывайте только Украину и иногда вспоминайте нас. А нам без вас... Но про это лучше не говорить... Мирочка, я вспоминаю весь жизненный путь от того дня, когда я встретил тебя. Солнечный луч вошёл в мою жизнь, чтобы её больше не покидать. Прекрасный ты и искренний мой друг. Как светло, и тень грусти долго не покидала меня — я ничем не мог помочь тебе, такому родному человеку. Тебе, так щедро наделённой талантами и просто созданной для общения с людьми, — тебе ещё нужно было помогать, разве это не удивительный парадокс? И разве не достаточно одного такого факта, чтобы представить себе, в каком мире мы жили? Это была моя постоянная и горькая боль, это был и мой стыд. Эту изъеденную ржавчиной железную систему я возненавидел ещё сильнее — из-за тебя. И когда удалось расшатать тюремную решётку, и твои таланты так ярко засияли перед студентами педагогического института, — я был просто счастлив. С моих плеч упала эта вечная ноша, и при мысли о тебе появля-

лось теперь умиротворение. Думаю, что и студенты удивлялись, откуда с этого серого неба сошла к ним такая звезда. Но долго утешаться не пришлось: как настоящий друг, ты не раздумывая бросилась наперерез той беде, которая надвинулась на меня. При любых обстоятельствах ты оставалась собой. А как часто слышишь сейчас: я был хорошим человеком настолько, насколько позволяли обстоятельства. Я бы хотел пожелать Олегу, чтобы он, наилучше воспитывая своих детей, сказал им: чем искать идеал человека в мечтах и за облаками, лучше внимательно посмотреть на вашу бабушку. Сквозь муки и беды целой жизни она пронесла чистую и искреннюю любовь к людям, никакие чёрные тучи не смогли стереть с её губ улыбку, а из души — жизнерадостный оптимизм, никогда ради семьи или самой себя она не предавала общественные идеалы и одновременно, ежедневно и ежечасно, поднимала и так подняла в труднейших условиях и первое, и второе поколение своей семьи. Обстоятельства не только не сломали — они не в силах были хоть чуть-чуть изменить её. Доброта, ум, энергия и стойкость — эти качества не часто соединяются в одном человеке, а ваша бабушка не только получила их от природы, но и сберегла и даже развила. Нет, конечно, она не из сплошной стали, ваша бабушка, есть у неё и некоторые слабости... Но они только подчёркивают волшебную силу её души. Но это всё слова Олега, а я молчу. И вспоминаю, что уже четверть века Мира стала родной и в моей семье.

Заканчиваю. Ещё несколько слов. У нас сейчас нет ручек, пасть, не на чём печатать. Но я счастлив, что дожил до великих перемен, о необходимости которых я говорил ещё с конца 50-х годов. Нет, я не сторонник догм, я радуюсь за мой народ, который стал наконец-то на путь нормального человеческого развития. Свобода — это наше наибольшее достижение. Самостоятельность человека, общества, народа родит инициативу, упорство и творческий полёт. Думаю, что Украину, Белоруссию, а потом и Россию, если она сбросит каторжный гнёт прошлого, ждёт огромный подъём и экономики, и науки, и культуры. Сейчас тут существует огромная тяга назад — во времена империи, в самодержавие, в покорный, как стадо, народ. Возможно, и удастся тут если не перево-

ротом, то давлением хотя бы частично вернуть прошлое. Но стены тюрьмы им построить уже не удастся. С каждым днём люди становятся другими. Разгул антисемитизма, шовинизма, слепой веры даже на фоне нищеты этот корабль уже не потопят. Даже в России. Тем более на нашей родной Украине, где даже национализм принял сейчас цивилизованный вид. Интересно было бы прочитать письмо Олега об его впечатлениях от жизни в Новом Свете. Привет всей его семье. Обнимаю и целую вас.

Коммир.

* * *

8.08.1992 г.

Дорогие наши друзья!

Родная Мирочка, сегодня получили твоё письмо, и я сразу же пишу ответ. Очень жаль, что ты не получила предыдущее письмо, написанное теплом сердца и печалью разлуки. Я так не хотел его отправлять, думал передать тебе в руки с условием прочитать в Бомоне. Но, вспоминая твои слова, всё же отправил. Изя тоже не получил моё письмо и ответил лишь на второе. А мы уже тут волновались, хоть нам сказали, что у тебя всё в порядке. Месяц за месяцем ты всё молчишь в Новом Свете. Почему? Я уже собрался тебе написать, и вот твоё письмо. Это радость, что у тебя всё в порядке. Самое важное — есть своя и хорошая квартира. А что касается денег, пусть миллионеры переживают, что их у них мало. Нам с тобой всегда хватало, потому что мыслями и чувствами мы были в другом мире. Судя по произведениям американских писателей, Америка — прекрасная страна для тех, у кого есть деньги, точнее даже, источник, откуда они плывут. Потому что Америка любит движение капитала, а не проценты с него. Как когда-то Франция. Но весь образ жизни тут приспособлен к погоне за тем, чтобы этот источник делать всё шире и шире. Такая тут психология. Это, с одной стороны, и неплохо: капитализм потому и выжил и распространился, что на пути к прибыли надо было удовлетворять какую-то человеческую потребность. Но, с другой стороны, это никак не делает человека лучше. Тем более, что есть

и обходные пути — не удовлетворяя потребности, всё же получать прибыль. Открытое разделение людей на лучших и худших, с мерилom совсем простым — количеством денег, приводит к двум крайностям: одни рвутся любой ценой войти в ряды избранных, а другие пассивно подчиняются судьбе и считают правильным жить на подачки от государства и богатых людей. Думаю, что это система доживает свои последние десятилетия. Пока мир был резко разделён — с 30-х годов, от Рузвельта, на демократический и тоталитарный, и второй явно угрожал поглотить первый, американцы готовы были терпеть всё или почти всё. Сейчас впервые в истории «цивилизованного» человечества мир — не отдых между двумя войнами, а настоящий мир. Недаром всюду женщины приходят к власти. Моральная сторона жизни всё больше выходит на первый план. В свою очередь, общество имеет возможность одновременно и резко, и непрерывно сокращать свои военные расходы. Освобождаясь от первого и второго, люди, в частности трудящиеся, захотят и жить лучше и иначе. Так начнёт побеждать новая философия, в основе которой будет находиться сам человек, а не что-то над ним — деньги, социальные или религиозные догматы и просто равнодушие. Я не думаю, что американцы сразу же сломают свои традиции: для этого нужна революция, а необходимости в ней явно нет. Но что общество начнёт меняться — я в этом не сомневаюсь. В экономике всё большее значение будут иметь коллективные формы собственности, в управлении — роль трудящихся, в морали — человечность, в искусстве — драма жизни, а не путь к успеху. Все цивилизованные страны пойдут по этому пути, каждая по-своему, соответственно своим условиям, традициям. А остальные страны заставят, если нужно, военной силой стать на цивилизованный путь развития. Это будет требовать государственного и духовного единства цивилизованных стран. Культура будет принимать всё более глобальный характер, несколько не утрачивая национальной формы и содержания. Просто проблемы жизни станут всё более похожими. В таких условиях резко возрастает спрос на людей одновременно добрых, умных и энергичных, вот как ты. Так что я убеждён, что место ты себе найдёшь, береги только здоровье и учи язык. К тому же, ты прошла такую жизненную шко-

лу, о которой американцы и представления не имеют, а гуманизм твой всегда был чистый, как слеза, без громового подтекста или честолюбивой показухи. Кстати, если сможешь, узнай, сколько в США предприятий, выкупленных рабочими с 1979 года, когда начался этот процесс, сколько на них работает людей и как этот процесс идёт сейчас. И сообщи, мне это очень нужно. Тут никто об этом и представления не имеет.

Я получил заказ от «Нового времени» на три статьи по моей теории развития. Одну заканчиваю, будет время — быстро сделаю и две другие. Мешает мне то, что каждый раз возникают новые мысли, теория разрастается, и всё нужно писать заново. Нужно было бы взяться за книгу, но кто её тут напечатает? В «Социуме» (журнал двуязычный — английский, русский) в №9 выйдет моя статья об армии. Это из четырёх, которые я им дал. Но её здорово испортили, в частности, выбросили всё, что я написал об опасности возрождения казачества как войска и касты. Одновременно лежит начатая атеистическая статья для «Нового времени», тоже по их заказу, и почти законченная — для них же о КГБ времён Хрущёва, она актуальна, потому что там до сих пор ничего не изменилось. Но для завершения мне нужно поработать в библиотеке, а времени нет. Я почти не могу выбраться в Москву, потому что Софья Яковлевна лежит и нуждается в постоянном внимании, а все мои люди очень заняты.

Проклятый быт всё пожирает, хоть живём мы более чем скромно. Цены растут почти еженедельно. Впечатление такое, что правительством руководят сумасшедшие или негодяи. Это же не цена за реформы, потому что они так и не начались, хоть принят целый пакт законов и указов. Разве можно было монополиям промышленности и торговли дать полную свободу поднимать цены, ни с кем и ни с чем не считаясь? На Западе цены регулирует рынок с его конкуренцией, но и там государство постоянно вносит свои существенные коррективы. А у нас нет ни первого, ни второго, а государство просто отдало народ на разграбление своим же государственным монополиям. Если такое отношение к трудящимся и пенсионерам, так почему совсем другое — к предпринимателям? Выживает сильнейший — это вроде подходит только

для фирмы. А у нас наоборот. Только что издан указ Центрального банка о том, что он снимает все долги (а это триллионы) со всех предприятий. Как когда-то ЦК и Совет Министров раз в несколько лет снимали все долги с колхозов и совхозов. То есть у тех, кто долгов не имеет и даёт прибыль, забирали и давали тем, кто всё растрёпывает, ворует и пропивает. Такой подход под корень подрезает все ростки будущего рынка. Я не думаю, что такие они уж невежды. Год назад я доказывал, что без перемен на местах мы эту систему с места не сдвинем. Там и до сих пор мало что изменилось — те же люди, та же (по сути) структура. Народ — как был, так и остался совсем бесправный. Зато так, как наживаются на нём государственные и частные дельцы, — не было после Сталина. Сейчас открыли один из каналов, по которому труд народа перетекает в карманы мошенников, а оттуда — в сейфы западных банков. Всё очень просто. Один из местных банков просит Центробанк перечислить с его счёта такому-то человеку такую-то сумму. Тот выполняет просьбу, хоть никакого счёта и, тем более, денег нет. Теперь Центральный банк нахально заявляет: у нас сотни таких просьб, что мы, будем каждого проверять? Так за короткое время были украдены миллиарды. Будет ли кто-то наказан? Одни мгновенно становятся миллионерами или, может, миллиардерами, а десятки миллионов людей всё сильнее стягивает железная цепь голода. Но тут есть и политический расчёт: власть рвётся к диктатуре, конечно же, только в интересах народа. Об этом всё более открыто пишут. А правые ругают правительство и предлагают свою диктатуру. Так что у нас есть выбор. Думаю, что без революции мы всё-таки не обойдёмся.

У нас всё без изменений. Всё лето голубое небо, как на Украине (очень я по ней скучаю), но зато засуха. Всё лето без фруктов и ягод. Зато я достал с рук «Постижение истории» Арн. Тойнби — это столп западной философии истории, его теория имеет огромное влияние. Книга действительно интересная, но глобальные выводы — по-детски наивны. Так, вся история для него — это ответ того или иного народа на ... вызов бога. Цитирует события библии как достоверный исторический источник. Словом, без бога — ни до порога. Вот тебе уровень современной западной историографии.

Заканчиваю. Обнимаю и целую всех. Олег, ты бы написал мне когда-нибудь. Для нас интересно всё, что бы вы ни описывали. Кто бы думал, что Мира через 500 лет повторит путь Колумба? Привет от Володи.

Коммир.

P.S. Директора заводов повсюду устанавливают себе зарплату — 80–100 тысяч в месяц, в 100 раз выше моей пенсии. А сколько они просто берут? На следующий год народ останется без прессы, когда она как воздух нужна. Свыше 1 тысячи рублей подписка на «Известия».

* * *

13.08.1992 г.

Мои дорогие!

Мирочка, второе письмо пишу тебе за неделю. Ежедневно Света звонит и хочет договориться с одесситами передать письмо и поговорить о тебе. И дозвониться не может. Отправленное нами письмо в Питтсбург к нашей родственнице, двоюродной сестре Софьи Яковлевны, с которой она переписывается, вернулось назад, потому что цена на письмо поднялась до 15 рублей. Очевидно, я отправлю оба письма без всякой передачи. Сегодня Света снова будет звонить, сейчас она поехала по делам в Воскресенск. А целую неделю письмо к вам лежит. Мы же не писали до сих пор, ждали твоего ответа на моё письмо. Только что получили из Одессы твоё второе (за №5) письмо с прекрасным символом Техаса. Вот только на переднем плане, что там такое — женское украшение? А лассо и скрипка — прекрасное соединение, ещё нужно было бы ошейник для раба. Мирочка, я сделал, как ты просила: на полуслове бросил статью и взялся за письмо к тебе. А как там Олег? Не переутомляется ли он на работе? А как вы переносите климат, особенно Толя? И какой он сейчас? А у нас день был Толик с Женей. И мы с ним несколько часов подряд пели украинские народные песни. Они ему так понравились, что он просил ещё и ещё. 14-го ему будет аж четыре года.

Наши искренние поздравления тебе, Лёша, расти здоровый и не забывай Украину. Я по ней скучаю очень сильно, только работа отвлекает. Не забывайте и вы свою родину. У нас всё без изменений. Даже погода всё та же, 26–30 °С. И так же сухо. А я думаю о жизни и не вижу другого выхода, кроме революции. Государственные монополии, которым дали полную свободу и которые с государством делятся прибылью, вместо производства и так получают деньги за счёт еженедельного роста цен. А зарплата растёт раз в несколько месяцев. Света не получила ещё деньги за июнь, и повышения у них за это время тоже не было. В США дают в долг всё, а у нас наоборот — рабочие работают в долг. Сейчас совет директоров больших и средних предприятий предъявил ультиматум правительству: главное внимание — большим предприятиям, то есть всё тем же монополиям, и ничего — мелким. И на 10 лет колхозы и совхозы освободить от всех налогов. И тому подобное. А тем временем начинается приватизация в ряде областей; не переставая быть начальниками, господа-чиновники становятся и помещиками, по 50–70 и больше гектаров. Обрабатывают за них колхозы и совхозы. И они ещё требуют повышения цен на сельскохозяйственную продукцию. Куда же дальше? Всё и так в 50–100 раз дороже. Так что у нас всё по Марксу. Недаром его так ругают. Что ж, своего они дождутся. Зато в армию собираются вводить попов. «Когда у нас будут военные отряды, мы предъявим правительству ультиматум». Это уже казачьи господа.

Коммир.

* * *

29.08.92 г.

Мои дорогие!

Ваша американка сообщила новый срок приезда — аж через три недели, и письма снова ждут. И всё же быстрее будет передать, чем отправить. Письмо из Ленинграда шло 15 дней, туда, правда, только неделю. Пока что опишу наши новости. У нас новый этап роста цен — в 1,5–2 раза. Так, батон уже не 6–8, а 12, буханка хлеба чёрного не 6, а 12 и т.д. Докторская колбаса уже 340 рублей за

килограмм, есть колбаса и 980 рублей, 100 г кока-колы 60 рублей. Продуктов стало заметно больше, но хлеб, молоко — эпизодично. Совсем и давно нет лампочек, пасты для ручек. Продукты в целом берут понемногу, они лежат, портятся, и их уничтожают. Но цену не спускают. Потому что у нас как никогда господство монополий. Вчера они обязаны были по более-менее доступной цене обеспечивать трудящихся продуктами и вещами, пусть далеко не всеми. Сегодня народ отдали, как говорят, им на съедение. Монополии ни за что — за цены, качество, доступность — не отвечают. И делают всё возможное, чтобы хорошо нажиться. Но они — часть государства, уже не подчинённого, федеративного, и хороший доход имеет и государство. Таким образом, государство может вообще не беспокоиться и всегда иметь деньги. А США помогают этим паразитам ещё больше богатеть. Ходят с протянутой рукой по миру, а дома... На днях наша центральная почта отпраздновала свой какой-то 30-летний юбилей. Наняли ресторан, сделали шумный банкет, выбросили миллионы. А ходят и пишут, показывают себя, как нищих, которые ничего не имеют и которым все должны помогать. Цену за доставку газет (сейчас она идёт отдельно от каталожной цены) подняли до уровня 50–100% от стоимости газеты. А эта стоимость тоже достигла астрономических высот. Цена на газету выросла с доставкой в 80–100 раз. И даже больше. Так что большинство семей остаётся вообще без газет, уже не говоря о журналах. А вчера я прочитал в «Известиях» (в целом, это одна из лучших газет) статью, где доказывается, что свобода умереть с голоду — это и есть настоящая свобода. Чисто абстрактно — и то вопрос так ставить нельзя, мол, кто не хочет работать, а хочет умереть с голоду — пусть умирает. В действительности же, в худшем положении сейчас оказались наиболее честные, совестливые люди. Именно благодаря им производство сократилось в этом году на 30%, а не на все 100. Ещё ходят поезда, горит электричество, выпускаются нужные вещи. Но большинство работающих так мало получает и так быстро беднеет, что сам процесс производства становится всё более бессмысленным. И сам работаешь неизвестно для чего, и семья гибнет. Всё это ускоряет процесс распада всего — от промышленности до морали. А наше правитель-

ство всё время заявляет, что таких успехов они даже не ожидали. Ведь продукты лежат в магазинах! Ведь можно без очереди купить сапоги! Ведь всем не хватает денег!

У нас сейчас начинается, наконец, приватизация, но думаю, что директорам, вчерашним партократам и просто ворам попадёт большая часть всего, что приватизируется. Народ ещё совсем не организованный, ни теории, ни практики, ни своих объединений он ещё не имеет. И к тому же информация искажена, и мало правды доходит до людей. Они просто не знают, как вести себя в том или другом случае. Сейчас будут с 1 октября выдавать ваучеры. Это моя доля национального богатства страны. Ещё вчера говорили устами президента: нам нужны не сотни миллионов, а миллионы собственников. Газеты и журналы захлебывались: теперь наш народ будет состоять из собственников, и всё будет так, как нужно. Итак, какая же моя часть, заработанная за 43 года трудового стажа? Сначала говорили о разделе национального богатства на 150 миллионов населения. Сегодня от богатства отняли одно, второе, третье и, наконец, оставили только 35%. Народу же на приватизацию отдают только треть — 10%. Но и это ещё не всё. Ценность была просчитана по старым ценам, и 10% — это лишь 1,5 триллиона. В Москве трехкомнатная квартира сейчас стоит несколько миллионов. А мне дадут ваучер стоимостью 10 тысяч рублей. Как пишут «Известия», столько же стоят женские сапоги. Как всегда в истории, российское правительство в который раз устаивает шумный обман народа. На ваучер товара не купишь — его можно только вложить в акции какого-нибудь товарищества. И ждать дивидендов. Каких на такую сумму? А ещё ожидается, наконец, повышение цен на энергоносители — это будет ещё один этап крутого роста цен на все товары и услуги. Рынок сейчас крайне сузился, и процесс этот идёт. Как же может что-то развиваться на таком рынке сбыта при малой возможности что-то продать за рубеж? Мёртвым капиталом лежат готовые вещи, падает производство, закрываются предприятия. И это в условиях, когда людям нечего есть, не во что одеться, не на что даже газету купить. За свою пенсию, а её только что повысили до 1500 рублей, я не могу купить и 5 кг докторской колбасы.

Правда, мне дают 420 рублей компенсации. Вместе — это Светина зарплата, инженера первой категории. Вот так живут и работают люди. Я считаю, что народ имеет то правительство, а собственно, и ту систему, которые он может выдержать. Сейчас впервые в истории России сложились условия, когда убежать от плохой системы и дикого правительства некуда. Запад принимает тысячи, но не миллионы. Так что внутреннее давление резко усилится и сделает революционный взрыв неминуемым. Ни наверху, ни, думаю, на Западе этого не понимают. Ельцин всё больше заигрывает с директорским корпусом и идёт ему навстречу, правительство даёт полную волю монополиям, а Верховный Совет держит решительный курс... назад, в перестройку системы. Разрушается, как это часто бывает в таких условиях у восточных систем, и правовая основа. Она же держалась, в основном, как и система, на принуждении. И сейчас всё больше — кто богаче, тот прав, как и тот, кто сильнее. Я вчера имел возможность в этом и практически убедиться. Гуляю я с Бимом от магазина к магазину по платформе, как вдруг два каких-то здоровенных негодяя, один — бугай с широченными плечами и фигурой где-то на 120 кг, наступили на поводок Биму и стали душить и толкать собаку. Я вырвал поводок, они снова то же самое. Я снова вырываю, тогда один из них ударил раз, а другой — как гирей, в грудь, может, действительно, у него был какой-то кастет. Я дал одному и второму по лицу, чему они были настолько удивлены, что до них сразу и не дошло. Но потом один из них — бугай пошёл за мной (ему лет тридцать): ты чего меня ударил. Я взял камень в руку, остановился и показал ему и популярно объяснил, что его ждёт. Но он таки подошёл ко мне и дёрнул за плащ. Я дал ему по голове камнем, он стал и снова пошёл, я бросил камень ему в голову и зашёл в магазин. Когда он туда зашёл, с двух сторон головы текла кровь, я взял бутылку и сказал: получишь по голове. Он пошёл, взял ещё двоих таких же, как он, они ворвались в магазин и ринулись в подсобку, думая, что я там, а я так и стоял около входа. Я вышел из магазина, а они ещё долго искали меня. Мне же пришлось вызывать скорую, потому что после удара в грудь я не имел, чем дышать, очень острая боль. Рентген: подозрение на перелом грудины. Послезавтра ещё один рентген.

Год назад танк остановился в нескольких метрах от меня, не жалко было погибнуть за свободу. Но сейчас, когда пьяная молодёжь развлекается тем, что бьёт и калечит более слабых и знает, что ей ничего за это не будет, сейчас тут можно пропасть ни за грош. Я никогда хулиганов не боялся, и потому до драки редко доходило, но сейчас они потеряли меру. Это было вчера днём, пока письмо отправится, пойду на поправку и снова напишу. Вот чем интеллигенту приходится заниматься в нынешней России.

Коммир.

* * *

10.09.1992 г.

Я приветствую вас через десять дней. Со мною всё в порядке, второй рентген показал, что перелома грудины нет. Как говорят, ещё можно жить. Но всё болит, ни сесть, ни встать, да и носить ничего не могу. Всё же мне значительно лучше, и до зимы, наверное, поправлюсь. Вот Свету жалко, потому что сейчас всё на неё падает. А она начинает убеждаться, что сделана не из железа. Уход за Софьей Яковлевной — вещь очень нелёгкая, и пока добрая половина падала на меня, Света могла держаться. Но на кухне я уже понемногу помогаю.

Кончаю сейчас первую статью, но это, фактически, уже две по размерам. Не знаю, как в журнале на это посмотрят, но материал получился интересный. Поразительное сходство между эпохой Петра и нашим временем. Я хочу доказать, что не генетические или идеологические факторы привели Россию к трагедии, а экстенсивная система, в рамках которой хорошо чувствовало себя самодержавие. На этом пути пришлось сделать несколько интересных выводов, но они уже носят общеполитический характер. Думаю, что это могло бы заинтересовать и некоторые зарубежные издания. А нам следует помнить: авторитарная система, какой бы цвет она ни носила, — для России гибель. Мы и сейчас живём в плену экономических монополий и полностью зависим от того, что сделает или даже скажет правительство. Такое положение ненормально и долго продолжаться не может. Экономические монополии неминуемо породят и мо-

нополию политическую. Тогда маски станут лишними, и мы снова увидим такие знакомые нам черты тоталитарного режима. Вот и сейчас снова поднялись цены. Или это объясняется только бардаком, в котором мы живём, или это запланированная акция? Мне всё больше кажется, что присутствует и второй фактор. Возможно, хотят спровоцировать народ на выступление, подавить его и установить диктатуру. А может, просто это сделать от его имени, чтобы спасти его же от голода. Но и в том, и в другом случае — это диктатура. Цены сейчас такие по моим подсчётам: за два года хлеб вырос в цене в 100 раз (19 рублей чёрный и 18 рублей батон), яйца — в 45 раз, молоко — в 50 раз, масло — в 60 раз, селёдка — в 100 раз, коржики — в 90 раз, мясо — в 45–60 раз, колбаса — в 100–200 раз, свекла — в 200 раз, картофель — в 250 раз.

Продолжаю письмо через неделю. Тем временем цены снова поднялись: молоко — на треть, яйца — вдвое, масло — на 10%. И сегодня же самая правдивая наша газета «Известия» пишет, что с декабря продукты питания выросли в цене в 6 раз, а зарплата — в 10 раз. И это всё на основе данных правительственного института статистики. Чем это враньё отличается от сталинского? Разве что гораздо большим нахальством. Действительно, зарплату себе вельможи-директора и их прислужники положили себе неплохую: 80–100 тысяч и больше в месяц. Даже у Светы в проектном институте директор получает 40 тысяч, а она, инженер первой категории, непосредственный исполнитель, — 1800. Её зарплата выросла только в 2,3 раза. Снова те, кто не работает, а руководит, живут, а кто работает — пропадает. Газета «Украина молодая», которую я выписываю, пишет по этому поводу, что мы идём к капитализму, освобождаясь от коммунистических предрассудков, что, якобы, все должны быть равны, и поэтому естественно, что начальство получает много, а рабочий — мало. На самом деле, у нас никогда равенства не было: директора жили в роскоши, а рабочие, инженеры, учителя бедствовали. Это не обновление, а продолжение. Наоборот, сейчас рабочие и инженеры за рубежом добились такой зарплаты, что могут себе купить всё необходимое, да ещё и дом с бассейном и машину. Попробовал бы капиталист снова сделать их бедными, как 100 лет тому назад. Они бы переверну-

ли страну вверх ногами. А нам сейчас вся пресса доказывает, что деление на бедных и богатых — самая характерная черта капитализма. Мол, кто способней и умнее, тот и богаче. Получается, что материальные блага производит только дурак. И после этого хотят, чтобы люди охотно работали и поднимали крайне разрушенную экономику. Одновременно делая нашу номенклатуру ещё богаче, а самим сознательно оставаясь бедными. Я рискну ещё раз повториться в письмах, но ещё раз заявляю: не столько потому экономика развалена, что разрушены экономические связи и предприятия получили относительную самостоятельность, сколько потому, что люди не хотят работать на старое государство и новых господ. После Гражданской и Отечественной тоже всё лежало буквально в руинах, все связи были разорваны, не было, кому работать и чем действовать. Но за несколько лет всё поднялось, потому что люди активно взялись ради идеи.

Коммир.

* * *

20.09.1992 г.

Дорогая Мирочка!

Завтра должна приехать ваша знакомая, и, возможно, наконец письмо через два месяца отправится. У нас всё без изменений. Бабушка наша уже, видно, не поднимется, ухаживаем за ней, а она мучится, нам тоже больно. Особенно жалко Свету. У неё нет секунды времени и на сон не хватает. А я ещё не могу ей помочь, кроме чистки картошки и хождения по магазинам. Мне стало значительно легче, ежедневно принимаю какие-то обезболивающие лекарства. Думаю, что ещё через несколько недель, а может, и раньше, войду в строй, хоть ещё и не до конца. Я закончил, пользуясь таким своим положением, две статьи для «Нового времени» и взялся за третью. Это должна быть, как и договорено с первым зам. редактора журнала, серия статей. Очень хотел бы вам передать уже полностью готовые две статьи. Свете, Жене они понравились. Но машинки у меня нет, а договориться о печати частным образом Свете ещё не удалось. Не знаю, во сколько это сейчас обойдётся. Но, так или иначе,

если их напечатают, думаю, что и вы их прочитаете. Я как-нибудь или перешлю, или передам. Я, во всяком случае, рад, что мне удалось, работая над каждой мыслью и каждым словом, написать две очень актуальные статьи. Они философско-исторические, то есть, раскрывают закономерности, которые в нашей науке даже не назывались. И одновременно они подкреплены историческими фактами, в частности из истории России. Я показываю Россию, какой она была и какой её сейчас пытаются воссоздать. Возможно, можно было бы напечатать это за границей, но я не знаю, как это делается. Но я убеждён, что она вызовет интерес, хотя бы и за границей. Насколько это актуально, видно хотя бы из последнего номера «Вопросы истории» (№4–5). Там напечатана статья зав. кафедрой МГУ, член-корр. Российской Академии наук Милова, где он приводит цифры: за 400 лет урожайность зерновых в России фактически не росла. Вывод говорит о том, в каком мире мы живём: деспотия в России была необходима для существования и развития государства, как и внешние «присоединения». Одним махом оправдано самодержавие и создание колониальной империи, войны и прочее. А журнал до сих пор занимал демократические позиции. В том же номере — апологетичная статья про царя Алексея. Из номера в номер печатается дневник Готье, аристократа, про 18–19 годы. Народ он называет только так: гориллы. Дневник Деникина тоже идёт из номера в номер. Не удивительно, что этот журнал полгода сомневался, а в конце концов отказал мне в печати.

Продолжаю спустя десять дней.

Россия сползает в дореволюционные времена. И не потому, что народ так изменился, а потому что он стал очень равнодушным. Собственно, если бы сейчас правые имели бы достаточно длинную руку, то могли бы сорвать спелый плод. Сейчас все правые силы формально объединились: сгрудились и красные, и коричневые, и чёрные попы, и казаки. Их лидер миллионер Стерлигов прямо заявил «Аргументам и фактам», что они хотят взять власть и вернуть Россию 1914 года. То есть, включить туда даже Польшу и турецкую Армению. Но у них руки коротки: авторитета мало, а настоящих лидеров нет, разве что Руцкой перейдёт на их сторону; программы фактически тоже нет.

Но обещания большие. А положение быстро ухудшается, теперь цены растут уже по два раза в месяц. Батон уже стоит 22 рубля, молоко в пакете — 30 рублей и т.д. Интересно, что цены растут независимо от того, берут продукты или они лежат и портятся, в прессе пишут, что испорченные продукты сжигают в крематориях. Государственные монополии словно с цепи сорвались, и это называется рынок. А зарплата у таких, как Света, а их десятки миллионов, почти не растёт. У Светы она 1500–1800 рублей, и платили ей только за июль, а уже октябрь. Разговоры у людей только о продуктах. Жалко людей, особенно стариков и детей. Жалко и молодёжь, лишённую каких-либо идеалов. Фокин³⁸ наконец подал в отставку, что было встречено овацией парламента. Но реформы там, по сути, стоят, на одной независимости долго не удержится ни правительство, ни парламент, ни даже президент Кравчук. Володя на Украине, у него отпуск скоро кончается. Возможно, мы тогда увидимся, я ни ему, ни друзьям в августе не писал и не звонил. Ася увлеклась философией, надолго ли её хватит — не знаю, но сейчас она увлеченно читает. Я к этому не имею никакого отношения.

Ну, а теперь о вас. Ежедневно думаю, как вы там. Сейчас на душе легче, потому что лето прожить вам было, наверное, нелегко, а сейчас, думаю, значительно лучше. Как вы все устроились? Как с языком? Что вы читаете? Есть ли свободное время? Света говорит, что за вас она очень рада, потому что у вас закончилась эта бешеная гонка за горизонтом. Что нервы у вас начнут успокаиваться, и жизнь станет легче. Мы уверены, что языком ты быстро овладеешь. А как к вам относятся американцы? Так или иначе, но вы уже тоже американцы, хоть души у вас ещё украинские. Я очень скучаю по Украине. Как вы сводите концы с концами? Ты пенсию ещё не получаешь по американским законам, да? Подумать только — за всё расплачиваться долларами. Ну и порядки! (Шучу). Крепко жму ваши руки. Ждём писем. Самый искренний привет от всех наших. А у нас курс уже 1–309 рублей.

Коммир.

---

³⁸ Премьер-министр Украины (1990–1992 годы).

* * *

31.10.92 г.

Добрый день, Мирочка!

Здравствуйте, дорогие друзья!

Попытка обойти почтовую монополию провалилась: после месяцев переговоров по телефону ваша знакомая так на перроне поезда с указанным ею вагоном и не появилась. Очень жаль, что мы вляпались в эту историю — имела бы ты письма от нас уже в августе-сентябре. Но ты не догадываешься, в чём дело и гордо молчишь... А я пишу письмо за письмом.

У нас умерла Софья Яковлевна, очень мучилась полгода, особенно последние месяцы — и днём, и ночью. И мы с ней тоже умирали. Свету просто не узнать. Да и сейчас ей тяжело. Пустоту после смерти отца я ощущал полгода, а потом — ещё два года. Света похоронила её рядом с могилой отца. Света ежедневно мне говорит: давай уедем в США. А я говорю: а кто будет эту несчастную страну изменять, если все уедут? Она: из-за границы ты больше сделаешь для неё, чем тут. Я: тебя там ждут. Она: Ты дождёшься, что за нас тут возьмутся. И тогда уже не выберешься, потому что будет поздно. Вот такие разговоры.

На Украине студенты, которые уже давно голодают, добились, наконец, отставки Фокина, и сейчас назначил Кравчук главой Совета Министров, а парламент почти единогласно утвердил директора одного из крупнейших в бывшем Союзе заводов — аэрокосмического комплекса в Днепропетровске.³⁹ Так что директора уже взяли власть на Украине. Очередь за Россией, и, я думаю, не задержится. А что нужно директору? Чтобы была полная самостоятельность и одновременно централизованные поставки и гарантированный сбыт — вещи явно диаметрально противоположные. Далее: наименьшие траты на заработную плату, социальные потребности и налоги. Но это можно достигнуть только через диктатуру. К этому оно и идёт. А оттуда — прямой путь в революцию, мало того, она может и опередить установление диктатуры. «Холодной войне с Россией будет положен конец», — за-

³⁹ Имеется в виду Л.Д.Кучма.

явил Кучма, как будто Фокина не обвиняли, что вся экономика Украины работает скорее на Россию. Света говорит: теперь номенклатура на Украине окончательно взяла власть в свои руки. Но это имеет и позитивный момент: все беды на Украине падают не на демократов, как в России, а на консерваторов. Так что оппозиция выглядит почти чистенькой и имеет надежду на будущее. Только вот я не вижу разницы между московскими и украинскими демократами. Искренность, совесть, решительность — эти понятия им, кажется, не знакомы.

На Украине впервые после провозглашения независимости жестоко побили — головы, печёнки, почки, селезёнки — студентам, которые требовали отставки партократического парламента и проведения новых выборов. Пострадали 60 студентов и ни одного омовца, так как студенты были настроены совершенно мирно. Центр Киева, Кравчук, уже Кучма. Знайте своё место. По китайскому образцу. Так там хоть реформы проводят и население живёт нормально (потому оно и не поддержало студентов). А у нас? На что надеются эти господа? Только на сегодня.

А оппозиция на Украине имеет, я бы сказал, просто жалкий вид, собственно, я многих из них знаю. Понятия об истории, философии, политэкономии у них очень смутные, а как без них творить верную политику. Вот и идут кружными путями, словно слепцы, падая в каждую яму. Зато каждый не забывает о своих интересах. Я, конечно, говорю о верхах; в низах, как всегда, больше и совести, и наоборот. Авторитет Руха падает. Потому и реакция наступает.

В России же всё больше миллионов вступает на грань голода. В Комсомольске-на-Амуре выявили у многих жителей в десятки раз меньше нормы витамина «С», городу угрожает цинга. Но это можно написать обо всей России. Огурцов мы почти и не видели, к помидорам, по сути, и не прикоснулись, яблоки и груши — редкость, вишен мы и не пробовали. Даже лук очень дорогой. Всё сейчас заменяет хлеб, который подорожал в 100–200 раз. Масло дошло на днях уже до 370 рублей. Можно представить, как живут люди только на зарплату или пенсию. Верховный Совет принял решение об увеличении минимальной пенсии в 2,5 раза.

«Коммерсант» призывает Ельцина наложить вето на этот закон, как и на намерение поднять минимальную зарплату.

И в том же номере — широкая реклама для «деловых людей» (словно только они и люди): Средиземное и другие моря, казино, девушки, редкостные блюда и вина. Видно, уроки истории никому из них... словом, гуляй, пока народ за горло не схватит.

Но и вся экономика втягивается в обеспечение богатых. Магазины завалены (коммерческие, но их теперь большинство) импортными товарами и продуктами по огромным ценам, всё больше там и наших «золотых» товаров. А вот электрическую лампочку купить негде, как и массу других нужных вещей. Оказывается, и наш импорт по структуре — в первую очередь богатым. Текстильная промышленность стоит без пряжи и тканей, их импорт резко упал, зато многократно, даже в десятки раз, вырос импорт дорогих вещей, в частности автомобилей. Неудивительно, что простой костюм, который стоил ещё недавно 120 рублей, сейчас оценивается в 12–14 тысяч.

Партократия, нувориши и мафия правят бал, зачем им производство, когда можно заработать игрой на бирже и на повышении цен и, по сути, почти безнаказанным злодейством. Мне это напоминает времена испанских конкистадоров, когда награбленное золото шло не на экономические нужды страны, а сразу же растрывкивалось. Это агония старой системы, а совсем не новые времена.

Но хватит об этом. Сдал две статьи в «Новое время», в «Социуме» в октябре вышла моя статья (но я её ещё не видел). Хот бы книгу написать по философии российской истории, но кто её издаст. Ведь это очень горькая правда. Хотя выводы и имеют не только российский, но общий характер. Не столько люди, сколько система.

Как вы живёте, как перенесли лето, какая у вас зима, есть ли у вас свободное время, где вы бываете, что читаете, что вас сейчас интересует. Пиши обо всём. Искренний привет всем от Светы и Аси.

Коммир.

* * *

14.11.92 г.

Добрый день, дорогие наши друзья!

Судьба играет нами, как волна лодкой. Может, мы научимся ею в конце концов управлять? Необходимость должна или уничтожить, или заставить. Вот и сейчас. Почему было в августе не отправить письмо? Уже получили бы, зная твою, Мира, аккуратность, ответ, и не один. А так я пошёл в Москве на центральную почту, стал в очередь, а потом... Выяснилось, что письмо к вам подорожало в ноябре втрое и стоит 210 руб. Таких денег у меня не было, и я с чем пришёл, с тем и ушёл. Теперь есть пенсия, и я вам таки отправлю все письма (70 г — 210 руб.), а не одно. Вышло даже интересно для вас, возможно. Что-то вроде дневника нашей жизни за 3,5 месяца и мои размышления. Завтра я буду в Москве и пойду на почту.

Мои две статьи сразу идут в набор, во вторник (первая) в «Новом времени», так что вы можете прочитать и в английском варианте, если захотите. Я — как Кассандра: хотел бы, чтобы мои прогнозы не сбывались, но они один за другим сбываются. На Украине с приходом правительства Кучмы, а с ним и класса директоров, реформы, ради которых народ так мучился последний год, будут остановлены под предлогом того, что нужно помочь трудящимся, особенно же пенсионерам, многодетным. Большие предприятия приватизированы не будут, а только средние и малые (но это тоже только обещание). Заработная плата будет заморожена, цены — под контроль. Со вчерашнего дня купон объявлен рублём, прекращены все расчёты с помощью рубля. Украина, таким образом, вышла из рублёвой зоны. Одновременно готовится конституция, в которой президент станет главой и законодательной, и исполнительной власти, то есть просто диктатором. Думаю, что немного позднее начнут и прессу ограничивать, а непокорных редакторов милиция или просто «хулиганы» будут бить на улицах и громить редакции. Не исключена и система убийств бунтовщиков. Фактически, так и не отдав власть, партийно-хозяйственная номенклатура открыто провозгласила своё господство. Класс, я так думаю, директоров предприятий и колхозов, у него и власть, о которой ещё недавно он мог только мечтать.

А в России 1-го декабря съезд, а правые распространили слух, что Ельцин хочет разогнать Верховный Совет вместе со съездом и всю власть взять в свои руки. Сегодня уже никто за него стеной не станет, а я под танк не полезу. Жизнь становится всё более невозможной, цены растут без остановки, доллар поднялся до 410 р, а зарплаты и пенсии почти или мало изменились. А Света так и не имеет зарплату ещё с июля месяца. Реформы же всё обещают, но мало что делают. Всюду господствует государственная монополия, которая сегодня с цепи сорвалась. Масло сейчас 400, сахар — 140, мясо — 170, купить или отремонтировать ничего нельзя; кроме богачей, никто сейчас и не живёт. Так оно и будет, пока мы будем сидеть и не бороться. Маркс прав.

Ася живёт отдельно в Москве, сама. На душе легче, что хоть у вас всё в порядке. Думаю поехать на Украину (льготный билет) и посмотреть. Всех вас обнимаю. Будьте здоровы и счастливы. Ждём письма.

Коммир.

* * *

Март 1993 г.

Здравствуй, Мирочка!

Извини за то, что не сразу ответил на твоё письмо. Твои письма становятся всё интереснее, в них всё больше информации. Мы рады, что у вас, собственно, сложилось всё неплохо. А если сравнить с другими — даже хорошо. Вот только жара меня беспокоит, как только вспомню, что наступает лето. Тебе и Толе надо беречься сильной и влажной жары, лучше сидите днём дома и не рыпайтесь. Чаше принимайте душ, только не очень холодный. Очень хорошо помогает мороженое. Может, вспомнишь, я вам рассказывал, что после моего атеистического обращения в позапрошлом году я получил письмо и книгу из Индии от автора-писателя. Так вот, сейчас автор — Эсаулов вернулся в Москву после 50-летнего проживания в Дели. Я с ним уже виделся, и мы интересно говорили. Он атеист и российский патриот. Был раньше очень антисоветски настроен, но после наших побед добивался от Англии,

чтобы ему разрешили поехать на советский фронт. Но англичане оказались умнее и не позволили ему попасть в Гулаг. Так он мне сказал, что за полвека так и не привык к климату Дели: жара и влажность летом. Широта — как у вас. Загорать вам ни в коем случае летом нельзя. Это вам не Винница на 49 градусах. Думаю, что кондиционеры у вас нормально работают? Будьте осторожны и делайте всё продуманно. У меня сердце сжимается, когда я думаю, какая жара вас ждёт. Может, вам позднее переехать куда-нибудь дальше на север? Конечно, если обстоятельства позволят. Очень далеко не надо — там свирепствуют резкие холодные ветры и иногда хорошие морозы. А вот район Чикаго или Сен-Луиса был бы в самый раз, и там не так влажно и душно, как в Нью-Йорке. Твоим внукам тоже не нужно голышом бегать на солнце. Я уже не говорю про Олега. А у нас наступает весна, всё течёт, лёд с водой, ещё неделя — и зиме конец. Наконец. Потому что живём мы так: температура днём 9–11 градусов, после жаркого разговора в ЖКХ поднимается иногда до 13–15 и даже 17 градусов. Живём на кухне, в основном. Сейчас потеплело, и я пишу тебе письмо в комнате. Зато не скажешь, что скучно. Цены всё время новые. Но, кажется, темп в марте меньший, чем в феврале, зато втрое выросла плата за электричку.

Вот и сегодня я нашёл ответ, откуда взялась фантастическая глупость во времена Гайдара и его олимпийское спокойствие. В журнале «Октябрь» за апрель прошлого года (1992) была небольшая статья «Свобода и хлеб». Речь шла о доктрине Хайека, австрийского экономиста, который ещё с 40-х годов доказывает (в начале 80-х годов вышла его новая книга, которую у нас перевели и издали год назад), что социализм сидит в генах людей, потому что миллионы лет человек жил стадом. Так что стремление к коллективизму, солидарности, альтруизму — это просто стадные инстинкты. Все они находятся в подсознании и только и ждут, негодники, чтобы проявиться... Основные же принципы этики цивилизации — индивидуальная собственность, личная воля, честность и выполнение контрактов. Никаких законов развития не существует, а есть только миллиарды актов личной адаптации, непрерывный слепой поиск, спонтанное разрушение и становление стере-

отипов поведения. Человек руководствуется не сознательной целью, а усвоенными с детства нормами поведения и рыночными ценами.

По Хайеку, коллективные инстинкты стали особенно опасны, когда на помощь им пришла наука. От Платона и Аристотеля до Декарта, Рассела и Эйнштейна наука пытается познать развитие, мало того, хочет перестроить общество на основе социалистического лозунга: производство во имя потребления, в соответствии с природой человека и законами разума. Но наука не в силах познать развитие, наука вместе с инстинктами способна только разрушить нормы морали, потому что вырабатываются они стихийно. А это приведёт к одичанию общества. Планирование, социализм Хайек ещё в 1944 году назвал «дорогой в рабство». Крах социализма в Восточной Европе — очевидное доказательство, потому что именно он был основан на науке и инстинктах. Частная собственность свойственна только цивилизации и несовместима с природной психологией человека. Что до людей, то они делятся на тех, кому с детства прививали мораль рыночной цивилизации, и тех, кому её в детстве не прививали — они лишены поэтому всякой морали. Это, очевидно, мы с вами. Фридман, нобелевский лауреат, и Хайек (тоже, по-моему, нобелевский лауреат) решительно отрицают необходимость вмешательства государства в экономику. Кризис 1929–33 годов, по Фридману, как раз и был следствием такого вмешательства американского правительства, потому что он создавал нехватку денег, чтобы не дать перегреться экономике. А задача правительства — только приводить денежную массу в соответствие с объёмом производства, избегая инфляции или дефляции.

Вот мы и подошли к современности вплотную. Ошибочная, но очень популярная теория монетаризма, воплощённая теперь у нас в жизнь, привела к коллапсу в обществе. Рынок полностью подорван, а связи между всеми субъектами общества крайне ослаблены или совсем разорваны. Но так руководить легче, так что дело тут не только в теории, но и в том, что наше правительство, опираясь на «человеческую теорию» и нобелевских лауреатов, полностью освободило себя от руководства экономикой. Монополии, как зве-

ри, набросились на то, что плохо лежит, и мигом растащили всё. Каждая монополия — торговая, промышленная или правительственная — спешила первой поднять цену и этим улучшить своё положение. Те, кто проигрывал гонку, или обращались за субсидиями к государству, или поднимали цену вдвое, втрое выше, чем другие. Правительство же, согласно монетарной «теории», не выпускало достаточно денежной массы, «чтобы не было инфляции», как пишут сейчас, и «потому, что наш печатный станок не успевает» — как нас обманывали год назад. Так что само правительство нанесло страшный удар по экономике, потому что окончательно развалило её — породило у рабочих, инженеров, интеллигенции желание бросить работу на государственных предприятиях и заняться чем угодно, хоть бы и торговлей, но, по крайней мере, резко снизить свои трудовые усилия и забыть про инициативу. Целый год реформы почти не велись. А сейчас вся пресса пишет, что реформы вели... слишком быстро.

Но, так или иначе, а вина лежит на самой системе реформ. Вот почему реакция решительно перешла сейчас в наступление. Реформы пока ещё идут, хоть я считаю, недостаточными темпами, но уже весна, а крестьяне так и получают землю, уже столько лет. А часть — если не большинство тех, кто получил, бросает хозяйство или ведёт его плохо, потому что ни капиталов, ни машин, ни удобрений нет. И всюду, опираясь на бездеятельность правительства, — грандиозное, невиданное со времён Петра I воровство и такая же преступность. Я не хочу сказать, что всё это — результат теоретического невежества и погони за модными идеями. В основе всё же лежит интерес, и если бы такое положение было всем невыгодно, дело давно пошло бы на лад. Миллионеры становятся миллиардерами, чиновники за день могут стать богачами, а правительство... там всё больше мечтают среди голода и развала установить диктатуру. Руцкой спит и видит себя вождем, Ельцин тоже не против неограниченной власти. Теперь всё зависит от активности масс — она начинает активно пробуждаться. Тем временем, с подачи Ельцина, казаки (только что передали) захватили власть в части Ростовской области, в том числе в городе Шахты.

Кончаю. У нас всё без изменений. Был в Виннице и в Киеве. Там такие же цены, но народ гораздо спокойнее и веселее, кажется, и проблем меньше. Винница чистая и подкрашенная. Приятно. Привет Олегу и его семье. Обнимаю вас всех.

Коммир.

* * *

31.03.93 г.

Дорогие наши друзья!

Уже пять часов я стою на огромном митинге возле Спасской башни Кремля. Вплотную к собору Василия Блаженного, только не со стороны Красной площади, а за ней. Это Васильевский спуск, тут и на прилегающих улицах собралось не менее 200 тысяч, думаю, что, скорее, 300 тысяч. Сейчас идёт заседание парламента в Кремле. Идёт импичмент президенту, уже минут через 20 будет голосование. В начале, где-то через час от начала, выступил Ельцин. Я стою в 20 м от трибуны, потому что пришёл рано и вижу всё хорошо. Мы тут кричим «Свобода» и т.п. Ельцин, опираясь на митинг, хочет выступить против парламента.

Действительно, Съезд⁴⁰ на Верховный Совет нужно переизбрать, Съезд вообще лишний. Но я сейчас присутствую при зарождении диктатуры. Я думаю, что Ельцин, хоть он об этом и не говорил, хочет ввести прямое президентское правление, разогнать Съезд и Верховный Совет и лишить власти Конституционный суд.

Вот в эту минуту начинает говорить Гайдар. Защищает рынок. Толстенький и совсем маленький ростом. Развёл демагогию о том, насколько не нужны чиновники при разделе собственности. А кто это должен делать, он не говорит. Закончил, и кричат: Гайдар, Гайдар. Включили трансляцию. Сейчас будет голосование.

Мирочка, заканчиваю письмо через два дня. Стоял я на митинге шесть часов, а где-то рядом стояла моя жена, но мы так и не нашли друг друга, хоть я дважды протискивался к нашему украинскому флагу и держал его высоко над головой. То же самое де-

⁴⁰ Съезд народных депутатов РФ, март 1993.

лала Света. Вместо голосования на Съезде провозгласили трехчасовой перерыв. Думали, наверное, что мы разойдёмся. Но мы стояли. Я ненадолго отошёл и побывал на митинге красно-коричневых. Красные флаги и рядом чёрно-желтые императорские. Непрерывная грязная ругань с трибуны. Развалы антисемитских брошюр и книг. Стоят не так, как мы, тесно, а группами, свободно можно пройти. Их несколько тысяч. Между Манежной площадью и Историческим музеем. А потом я снова до 12 ночи на митинге, побыл немного и после его окончания. Целый день ничего не ел и не пил. И на ногах. Переночевал у Володи. Но мы добились своего. Импичмент не прошёл. Да и президентское правление не пришлось вводить. Демократия победила. Я думаю, что во Дворце Съездов, крыша которого была хорошо видна за кремлёвской стеной, отлично слышали наши громовые крики. Я написал записку в Президиум: откройте ворота Кремля. Народ должен присутствовать, когда решается его судьба. Собрал подписи и отправил в Президиум. Они ответили, что не могут этого сделать, потому что это приведёт... Но мне важно было, чтобы там об этом узнали и немного перепугались. А связь со Съездом была постоянная. Дважды перед нами выступал Ельцин, второй раз — после провала импичмента. Сказал, что это наша победа, митинга, что если бы не мы, всё было бы иначе. И это правда. Я очень рад: Москва после двух лет равнодушия, что особенно было видно после 19 августа 1991 г., снова поднялась. На митинге все трезвые, веселые, активные. Приятно. Прямо перед трибуной огромный плакат: «Антисемитизм не пройдёт!»

Светины картинки пользуются спросом и становятся всё лучше.

У нас всё без изменений. Будьте все здоровы. Пишите.

Коммир.

* * *

6.05.1993 г.

Дорогая Мирочка!
Дорогие наши друзья!

Пишу вам после некоторого перерыва письмо, но я ещё предыдущие не отправил. Были причины, от меня не зависящие. У нас все без изменений. Разве что Света уже не работает — выходит на досрочную пенсию. У них уже полгода мало работы (и хорошо, Света дома) и, соответственно, такая же зарплата с разрывом в три месяца. Я давно убеждал Свету сбросить с себя государственное иго. Кто же сам ищет неволи, — кажется, так сказала Леся Украинка. Надеюсь, что так оно и будет, и нового свежего ига я не увижу. Пусть делает свои картинки, они становятся всё лучше. Она этим просто увлечена, должен укладывать спать, как маленького ребенка.

Что касается моих дел, то пишу я сейчас в Виннице, только что приехал из Киева. Уже глубокая ночь. Так красиво на Украине: всё-всё покрыто нежной зеленью, и вишни в белых коронах. Голубое небо и ещё не жаркое солнце. Да и народ родной, не такой колючий и грубый, как в России. Тут всё спокойнее и даже веселее. Хоть Украине сейчас не до смеха. Цены растут ещё быстрее, чем в России, наверное, мы таки попадём в книгу Гиннеса. Выезжал с Киевского вокзала Москвы, а накануне билеты на электричку подняли втрое. Приехал сюда, а тут и так высокие цены на железнодорожные билеты подняли в четыре раза. Теперь билет Винница-Москва стоит 6 тысяч купонов. Это на треть выше минимальной зарплаты на Украине. И так всё. Но в Киеве исчезло и мясо в магазинах, и почти вся колбаса. Подсолнечного, сахара, масла давно нет, и это по карточкам. События в Москве обговариваются так: и у нас народ не выдержит. Уже терпение кончилось. Но не кончилось, потому что терпят. Не терпели бы, а боролись, и не поодиночке, а вместе, так и не было бы такого бандитизма государственных монополий. Сейчас нигде не попьешь чаю, он исчез отовсюду. Да и кофе — редкость. Зато продают тёплую водичку в бутылках, сотни рублей за 300 г. Разве государство не могло стимулировать льготами и налогами продажу хотя бы чая и кофе?

Чиновники и обслуживающий персонал ещё никогда не чувствовали себя так свободно и бесконтрольно. В поездах исчез не только чай и сахар (в Москве этого добра навалом, да и вообще там все продукты есть, были бы бешеные деньги), но и чашки. А за сданный назад билет, сданный сразу же, берут столько, что временами нечего вернуть. Это же просто разбой, если посмотреть со стороны. Но люди перед государственными функционерами абсолютно бесправны. Что ж, жизнь научит. Мы держимся, и за нас не огорчайся. В Москве был настоящий бой между красно-коричневыми, которые напали на милицейский кордон, прикрывавший дорогу в Кремль. Больше сотни раненых. Это зловещий прецедент.

Кончаю. Жду письма. Нам не скучно. А это главное. Целую вас.
Коммир.

* * *

Август 1993 г.

Дорогая Мирочка! Дорогие наши друзья!

Вчера получил твоё письмо и целый ряд газет, очень интересных и нужных. Империя и религия — как раз то, над чем я работаю. Это была большая радость для нас. Но одновременно и печаль. Я всё же верю, что ты скорее найдёшь себя в США, и если уже читаешь лекции на английском, то это время не за горами. Не грусти, Мирочка, и помни, что мы всегда с тобой. Даже когда по полгода не получаем от тебя писем. Тем более, что в Виннице, где я побывал, мы знали, как у тебя идут дела. Мирочка, у тебя столько прекрасных качеств, что они не могут не раскрыться в этой свободной, хоть и в слишком практичной стране. И тебе нужно связаться с большими центрами, хотя бы с тем же «Русским словом», а может, лучше и с украинскими изданиями. Ты, безусловно, сможешь найти себя там. Почему бы тебе не связаться с американскими атеистическими организациями, или еврей обязательно должен быть верующим? Это чепуха, в общине, я думаю, это поняли. И вообще, следует установить свои гуманистические порядки, утверждать свою свободу, вносить свою оригинальность в американскую жизнь, а не только приспосабливаться к ней. Живой эмигрантский

поток всё время смывал старое и заскорузлое, не давал ей застаиваться, без него и Америка не стала бы тем, чем она есть для себя и для мира. А без США и мир был бы иным, без сомнения, значительно худшим, чем он есть.

Я не идеализирую США. И это было бы сейчас просто глупо. Тем более перед вами. Но что было, то есть. Закройте завтра доступ эмигрантам — посмотрим, какими станут США в XXI веке. Думаю, что американцы (пусть подсознательно) ждут от каждого европейского эмигранта чего-то свежего и оригинального. Олег, мне кажется, как раз этого не понимает, он слишком американизировался, во всём образе жизни стремится ничем не отличаться от аборигенов и быть католиком больше, чем папа римский. Возможно, я не прав фактически, но теоретически это именно так. Что касается тебя, то тут тоже ощущается американская традиция абстрагироваться от родителей даже до того, чтобы оставить их один на один со старостью и отправлять их в дома престарелых, чтобы глаза не мозолили. Но не все американцы такие, да и почему нужно ломать лучшие европейские традиции? Как бы Олег ни был занят, но он не должен был оставлять вас одинокими хотя бы первых два года. Мирочка, ты просто обязана наладить со своими двумя чудесными американскими внуками более тесные связи, ты же можешь дать им хорошее гуманитарное образование, сделать их мировоззрение значительно шире и глубже. Для них это просто счастье, что у них есть такая бабушка и ещё рядом с ними. Нашему Толику исполнилось пять лет. Последние две недели он был у нас, тут и отметил свой День рождения. Брали его на неделю, но он сам просил оставить его ещё. Сейчас он свободно читает, знает украинский язык, увлекается картами и географией, которую я люблю всю жизнь. Насколько я успею, дам ему историческое и философское образование, знания по научному атеизму. Света раскроет перед ним мир искусства. И, кем бы он ни стал позднее, он уже не будет обточенным со всех сторон автоматом, какими стали в XX веке немало людей. Кстати, когда пришло от вас письмо, я говорю ему: письмо из Америки, Толик отвечает: а из какой. Он знает не только все материки, но почти все страны мира и все их столицы, но главное — где всё это расположено.

Теперь о нашей жизни. Света уже не работает — на досрочной пенсии. Но занята она не меньше, чем раньше. Всё своё свободное время тратит на сбор цветов и сами картины. Последняя её картина (как и ряд предыдущих) поехала в штат Алабаму. В Италии, Японии, ФРГ и других странах — покупают, в основном, иностранцы. Зарабатывает она от одного до 3–4 долларов за картину. Это в несколько раз больше, чем платили год назад. Но это же искусство, так, по крайней мере, я думаю, иногда купят несколько картин, а иногда — ни одной. Да и продолжает, как и раньше, милиция их разгонять. Люди продают в традиционном Измайловском парке свои же произведения, но кто и что может сейчас спросить с чиновников. Ася с большим удовольствием месяц работает в детском садике, но это была подмена, и сейчас снова нужно будет искать работу. До сих пор Ася была решительно против нашего отъезда, но сегодня она всё больше склоняется на сторону Светы. Моя же точка зрения не изменилась. Мы очень рады, что Шурина семья так хорошо вошла в колею американской жизни. У нас просто отлегло от сердца. Представляю, Мирочка, насколько легче стало тебе. Шурочка, вы все трое просто молодцы, пусть развивается и расцветает твоя семья на американской земле. А вообще, я заметил, далёкая ещё вчера Америка, тем более абстрактный Техас с Хьюстоном и Бомоном, сегодня стали значительно ближе. Когда напали на вас ураганы и наводнения, мы стали внимательно следить за погодой в США и каждый раз с облегчением вздыхать: хорошо, что Техас не затронуло.

А наши бури и ураганы не стихают и нас не обходят. Но мы народ закалённый, и нас ничто не сознёт, раз есть у нас великая и искренняя идея. Независимая Украина и свободная Россия — ещё вчера это было мечтой, самой заветной, самой дорогой. И нам ли плакаться, живя среди руин старой системы? Этим и живём.

А в России идёт приватизация. Уже почти год. Одно за другим перестают быть государственными самые большие предприятия страны. Как правило, переходят они в руки трудовых коллективов, понятие вполне конкретное, потому что в каждом конкретном случае оно обозначает разные вещи. Думаю, что действительно коллективных среди них немного, в основном, это разные формы

правления старой администрации. В одних случаях она захватывает контрольный пакет акций, в других — действует через подставных лиц. Махинации каждый раз становятся известными, попадают в прессу, но я ещё ни разу не читал, чтобы хоть один из промышленной элиты попал в тюрьму. Так или иначе, а государственная собственность быстро уменьшается. Я думаю, что такой путь неминуем. В России власть народа что-то значила лишь в момент революции и ещё немного после неё. А до и после она всегда была близка к нулю. Веками вся полнота власти принадлежала государству. Сейчас впервые в истории оно теряет её. Ясно, что за собственность и власть идёт упорная борьба. Пока народ активно не вмешается, те, кто хватается, и те, кто держит, будут буквально рвать страну на куски.

И так будет до тех пор, пока не вмешается народ, так, чтобы его начали бояться. История свидетельствует: как только правительство каждый свой шаг начинает согласовывать с настроением народа, так в стране всё начинает меняться к лучшему. Но для этого нужно народ подтолкнуть. Это, с одной стороны, — глубокое разочарование во всей системе власти, а с другой — политическое просвещение народа. Для этого я сижу тут.

К сожалению, пока что мне удаётся сделать очень мало. Печататься пока что очень тяжело. Прессе подавай горячие события, а их глубокое осмысление всё откладывается на потом. Философия истории — вещь сама по себе чрезвычайно интересная, но неактуальная, так кажется нашим левым. По телевизору передают прогнозы уже не только астрологов, но и колдунов, ведьм и вообще любых проходимцев. Вместо того, чтобы своими руками создавать будущее, ожидают какого-то чуда. Играть роль, конечно, и престиж имени. Если бы мне удалось напечатать что-нибудь за границей, меня бы сразу начали публиковать и тут. А пока что два моих труда, которые с удовольствием были приняты (слово «восторг» я не употребляю лишь из скромности) и первый был сразу набран для печати, так вот, обе статьи я забрал после того, как они пять месяцев пролежали в «Новом времени». В Киеве взяли две моих статьи, не знаю, пошли они в печать или лежат до сих пор. В журнале «Украина» выходит моя статья, звони-

ли из редакции, но там добрая треть написана в юмористическом ключе, потому её сразу взяли в печать. Не могу же я всю философию истории подавать в тональности шуток. Кстати, в Киеве меня пригласили на семинар учёных историков и философов по национально-государственным проблемам, а фактически круг был значительно шире. Выступал я там несколько раз, и мои идеи произвели там сильное впечатление, мне было легко опровергнуть идеалистические или метафизические утверждения, потому что я этим занимаюсь фактически половину жизни. Пригласили меня на все последующие семинары (обещали даже за их счёт), но наука в бывшем Союзе бедна, как церковная мышь, тем более, науки гуманитарные (институт РАН, где работает Женя, в отпуске за свой счёт), так что надежд на такую щедрость у меня нет.

Ещё несколько слов о наших делах. Ася к нам очень внимательна, частично ведёт хозяйство, и совсем неплохо. Это письмо было бы написано значительно раньше, если бы не вышла из строя моя правая рука, которую сильно покусала собака, потому я и печатаю это письмо, но сейчас всё зажило. Извините за ошибки. Собака приблудная: кто-то бросил, а мы пожалели, она же — пока мы её поняли, а она нас — покусала нас всех троих: Свету дважды, а меня — трижды, последний раз так сильно (мы её стригли), что у меня развилась флегмона до локтя. Но мы её любим, а она нас. Новая собака похожа на Бима (недавно умер), но больше размером. Совсем молодая. Мы называли её Джеком.

Целую всех вас. Привет Олегу.

Коммир.

* * *

Октябрь 1993 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Здравствуй, Мирочка!

Мы все живы и здоровы. Эта серия писем всё больше напоминает летопись. Но даже если завтра начнется вооруженное восстание по всей неделимой, я письмо закончу и отправлю. Но сначала про мэра Дворкиса. Итак, собрался «митинг» человек 200, не

больше, от мэрии (горсовета) его попросили, и часть разошлась, а остальные вечером пошли к театру. Я видел, как милиция заняла улицу и тротуар напротив театра, а потом на стороне театра начала хватать то одного, то другого. При мне одного провели метров 20, а потом положили на землю возле меня и начали бить. Он кричит, а все молчат. Хорошо побили и провели в милицию напротив. Впервые в жизни я видел, как милиция бьёт правых. И хоть бы один из толпы молодёжи пошевелился и подал голос. Когда нас разгонял и бил ОМОН в Москве в 1989 году, мы кричали: «Фашисты!» и «Позор» и т.п., но те, кого били в этот момент, молчали. Так что всё было наоборот. На другой день мэр выступил с решительной речью по телевидению и заявил, что его для того и избрали, чтобы в городе был порядок, чистота, вода, и всё это будет. Что же до его дач и квартир в Нью-Йорке, то он сказал: «Вот сволочи! Они же хорошо знают, что я живу в обычной квартире и что дачи у меня нет, и все фото — это фото чужих квартир и дач. Это же сволочи, лгут ради провокации. Но из этого ничего не выйдет, потому что народ их не поддержит». На этом всё и закончилось. Народ весь на стороне мэра. Одна женщина мне говорит: их не бить, а убивать надо. Винница вся на стороне Дворкиса. Где сейчас в России такое увидишь?

А на Украине сейчас очень тяжело. И хорошо, что у меня голова не болит за вас. Россия каждый раз отключает свет и газ, а продает их фактически выше мировых цен. Америка же до сих пор видит в лесу одного волка и с ним то строит, то разрушает. А партократия, как и раньше, в железных клещах держит всю экономику и разваливает её до конца. И всё же давление народа привело к тому, что решено провести досрочные выборы парламента весной. В этом году необычный урожай всего, базары забиты, но ещё больше осталось на полях, потому что вывезти просто не было чем.

Силы, которые тянут Украину назад в имперское иго, действуют всё более нагло и уверенно. Но сейчас они все в состоянии испуга. События в Москве резко нарушили их планы. Попасть под гребень российских реформ они совсем не хотят. Все надежды были на победу в парламенте. Шовинисты в Севастополе даже

собирались поднять на это Черноморский флот (российский). Но из этого ничего не вышло. Всё же Россия поставила на колени Грузию, Армению, Азербайджан, Таджикистан. Идёт процесс реставрации империи, и ничего хорошего ни России, ни республикам это не принесёт. Со времён вторжения в Грузию 200 лет назад дикого персидского шаха Грузия ничего подобного не знала. Сотни тысяч беженцев из Абхазии, часть из них замёрзла на перевалах Сванетии, дотла разрушен бомбардированием абхазов Сухуми, те, кто не успел убежать, вырезаны, дома полностью разграблены. Зверствуют российские казаки, чеченцы и другие, а также абхазы. И это всё сделала Россия: обеспечила их оружием (ракеты, самолёты, танки) — откуда это всё у абхазов, которых всего 100 тысяч было? Словом, когда-нибудь раскроют, что это была война России с Грузией. Теперь Шеварднадзе дал согласие войти в СНГ. Армения и Азербайджан тоже. На очереди Украина? А мир делает вид, что он ничего не видит, а когда это становится невозможно, говорит: «мы беспокоимся», и это всё. Никаких санкций к России за эту бойню, за интервенцию, по сути.

Но вернёмся к Москве. Когда я был возле Белого дома накануне, там было несколько тысяч человек — раз в 10 меньше, чем нас утром 20 августа 1991 года. В основном, люди средних лет, много майоров и подполковников (почему-то именно эти звания), казаки, немало женщин. Рядом имперские, красные и фашистские флаги. Кричат: «Прочь, фашизм!» — и тут же стоят в фашистской форме со свастикой ряды молодчиков. Развалы антисемитской литературы. Словом, всё, что против Ельцина: монархисты, фашисты, партократы и просто рядовые люди. Часть из них уже поделена на сотни. Горят огни, греются. Вдруг из мегафона (военная установка на колёсах с 4 мегафонами) голос: «Все собирайтесь и идите на штурм здания штаба СНГ». Тут же колонна двинулась. Всё это за доли минуты. А сверху продолжают выступать депутаты. Внизу их перекрикивает мегафон: «На СНГ!» И тут один из депутатов сверху: «Не слушайте их, это провокаторы, группируйтесь вокруг Белого дома и защищайте его!» И пошло: «Там вас ждут! На СНГ!» — и: «Это негодяи, провокаторы, не слушайте их!» И движение на СНГ остановилось, но уже

было поздно, потому что они всё-таки захватили штаб, были первые жертвы.

Что ещё отметить? Сначала была милиция, она ни во что не вмешивалась. Потом появился вокруг Белого дома ОМОН и никого туда не пускал. Вдруг появилась огромная толпа со стороны Ленинского проспекта и буквально снесла все заграждения милиции и ОМОНа и также разогнала их и возле Белого дома. Наступил момент, когда вся милиция в Москве исчезла, исчез ОМОН, внутренних войск вообще не было. Улицы были голые, всё можно было захватить. Но чем? Я сам видел, как люди просили оружие, но депутаты его не давали. Толпа, которая прорвалась к Белому дому, была почти безоружная: заточенные палки, колья из оград, просто камни в руках. И милиция оказалась бессильной? Словом, повторилась картина 91-го года по сути: заговорщики хотели взять власть тогда в белых перчатках, а сейчас — по возможности, без стрельбы. Они надеялись, что области и республики их поддержат, армия не вмешается — и Ельцин сам пойдёт в отставку.

Но бои всё же произошли. Положение спасла армия — а в Кремле уже было что-то вроде паники. Интересно, почему исчезло всё: ОМОН, внутренние войска, просто милиция? Вечером третьего, весь день четвёртого и пятого Москва была без них. Мы со Светой прошли почти до танков, где шла стрельба с обеих сторон, нас несколько раз обстреляли черёмухой (газом), снарядами, а улица была голой, без милиции. А зачем ей лезть под пули? Впечатления последних часов осады были очень яркие, но невесёлые. На наших глазах расстреливали из танков дом Парламента. Какой бы он ни был, но этих людей выбирали, и это прецедент. Армия впервые открыла артиллерийский огонь по Москве, и это какой-то рубеж, который мы перешли. Следующий раз его переступят легко. Так всегда бывает в истории. Сотни людей погибли в Белом доме. Сам он от последних уже снарядов на наших глазах вспыхнул. Теперь нижняя его половина снежно-белая, а верхняя — саже-чёрная. Дом в тридцать этажей, СЭВ — вы же знаете? Там была мэрия, её захватили, низ тоже весь чёрный от огня. Я думаю, что четвёртого числа достаточно было заговорщикам иметь один полк, чтобы захватить всю Москву. Но его у них не было... Ясно, что не было и какого-то

чёткого плана, этому я был свидетелем, не хватило решительности. Но в третий раз, возможно, это всё будет. И наступят для демократов, евреев и кавказцев плохие времена. Если это будет в третий раз, получится уже настоящая война.

Коммир.

* * *

3–15.12.1993 г.

Здравствуйте, мои дорогие друзья!

Это уже будет, надеюсь, последнее письмо из этой серии. Дальше думаю писать чаще и короче. Сейчас у нас конец первого этапа восстановления монархии в России. Когда вы получите письма, уже давно будет известно, что на выборах победил Ельцин и блок «Выбор России», хоть и с небольшим перевесом и имея на руках лишь треть депутатских мест. Вы уже будете знать, что новая Конституция принята, хоть большинство граждан её и в глаза не видели. Я же ещё ничего не знаю. Удивительная всё-таки вещь революция. Ещё весной я простоял целый день до глубокой ночи на ногах, без воды и уж никак не в тепле, чтобы только не допустить импичмента Ельцину, но сейчас я даже не хочу голосовать за правительственный блок. Такая она капризная, революция. Потому что вчера я должен был удерживать наступление реакции, а сегодня, когда противовеса Ельцину нет и он и его группа рвутся к ничем не ограниченной власти, я пытаюсь остановить сползание вниз. Это явление типичное для всех революций, но, скажем, США удержали все позиции, завоёванные в революции, а Франция сползла до самого дна, до Наполеона и Бурбонов. То же происходит сейчас и в России.

Я написал статью ещё до новой Конституции, но скорее, для себя, потому что кто же из левых её напечатает, а правым я и сам не хочу её давать. Тем более, что власть официально запретила критику проекта, а Шумейко даже пожелал не допустить к выборам партии, которые осмелились критиковать будущую Конституцию. Правда, ему в этом отказали, но ведь ясно, что никто не хочет ставить себя под удар.

Так мы и живём. Вчерашние демократы быстро строят тоталитарный режим. Вы, наверное, мало что знаете про Конституцию, я вам кое-что расскажу, хоть не уверен, интересуется ли это сейчас вас. Опубликовали её за месяц до референдума, а в связи с тем, что одновременно происходят и выборы, мало кто сначала обратил на неё внимание. А когда наконец кто-то прочитал и схватился за голову — было уже поздно. Ельцин сурово предупредил, что ждёт всех критиков: такие партии к выборам не допустят. Главой законодательной, исполнительной, судебной и военной власти фактически является президент. Он всех назначает и распускает, а вот его нельзя снять ни за бездарное руководство, ни за финансовые преступления, ни, скажем, даже за пьянство — лишь за «измену Родине». Иначе говоря, за измену самому себе.

Конкретно это выглядит так. Президент назначает главу Совета Министров, а если парламент его трижды не утвердит — он разгоняет его и назначает новые выборы. Разгонять парламент можно и за другие грехи. Все законы Думы утверждает президент и Совет Федерации, который наполовину складывается из чиновников исполнительной власти, наполовину избирается. Указы же президента не утверждает никто. Он назначает министров, генералов, судей высших инстанций (даже Конституционного суда), дипломатов и вообще всех. Он награждает, карает и милует тоже, кого захочет, ни перед кем ни за что не отвечая.

Наша Конституция — это ничем не контролируемая диктатура президента. Это ещё не диктатура, но мы вплотную подошли к ней. Но я не думаю, что парламент будет мириться с этим. Начнётся борьба как внутри парламента, так и с президентом. И, как только появится такая возможность, парламент будет распущен.

И вот выборы прошли. Никто, и я в том числе, не ожидал такого успеха Жириновского, хоть я и думал, что коммунисты и Жириновский выйдут на 2–3 места. Но Жириновский занял первое место — 23% голосов, а сколько правых сил просто не прошло 5% барьер. Так что фактически крайне правых у нас гораздо больше. Часть тех, кто голосовал бы за Жириновского, избрали другой способ протеста — не пришли на выборы. Как и моя

семья, хоть у нас взгляды диаметрально противоположные. 15% «Выбора России» — столько получил правительственный блок. Правительство полностью утратило свой авторитет. Но не было ни одной партии, которой можно было бы поверить. Ни одна не имеет развёрнутой и взвешенной программы.

Интересно, что единственным, кто что-то конкретно и сразу же обещал, был Жириновский. А вообще, все его программные заявления, да и само грубое и наглое поведение списаны у Гитлера. Еврейская газета пишет, что он приходил в синагогу, но его оттуда выгнали, и тогда он подался в политику. «Лучше быть сыном скрипача, чем сыном юриста», — так под смех зала, слушавшего оркестр, которым дирижировал знаменитый Коган, сказал его сын. Правда, в отличие от Гитлера, полностью лишённого чувства юмора, Жириновский им наделён в полную меру, что тоже привлекает зрителей и слушателей.

Коммир.

* * *

Декабрь 1993 г.

Мои дорогие!

Поздравляю всех вас с Новым годом!

Пусть сбудется всё, что я вам желаю. А главное — чтобы вы были в хорошем настроении. Не забывайте и наш юмор. И скажу тебе откровенно, Мирочка: я значительно больше переживал за тебя тут, чем сейчас в США. Наоборот, то, что ты там, а не здесь, меня успокаивает.

Перед Новым годом я был на Украине. Положение ещё тяжелее, чем тут. Килограмм масла — 79 тысяч купонов, колбаса — 50–100 тысяч, пенсия только в несколько раз выше этих цифр. Курс доллара — 32–37 тысяч, а рубля — 25–28 (в мой приезд курс доллара и рубля внезапно упал на 10–15%). После Нового года будет новое повышение. Правда, на Украине значительно ниже цены на овощи и фрукты, чем у нас. В конце марта там выборы (досрочные, после ряда забастовок с требованием отставки правительства), и меня пригласили (Михаил Горынь и Левко Лукьяненко),

когда я был в Киеве, помочь им в предвыборной кампании, поехать по Украине, да и в теоретическом плане что-то сделать. Так что я был в Виннице и сразу же наткнулся на фашистов украинских — УНСА. Два часа диспута, как когда-то с сектантами. Не следует думать, что фашисты имеют большое влияние, но сегодня они выступают против мэра-еврея, обвиняют его во взятках. Во время митинга кое-кого из них побили, кое-кто немного отсидел, так что настроение их целиком понятно. Но для меня всё кончилось нормально, хоть я и не очень церемонился с ними, в отличие от дискуссий с верующими. Интересно, что руководит ими женщина средних лет. Всё это я пишу вам, но Свете про это не говорил, чтобы она не переживала. Она решительно против моей поездки, но я твёрдо стою на своём.

Мне предлагали баллотироваться в депутаты и предлагали округ, но я — не гражданин Украины, так что это отпадает. Я не тешу себя иллюзиями, что к власти придут честные люди и добрые политики. Но выбора нет. Нужно брать что есть, главное — вырвать власть у партократии и начать реформы, а там — сами условия будут очищать власть и активизируют народ. Нужно это сделать нам, пока это не сделали фашисты или сторонники империи. И то, и другое неминуемо приведёт Украину к гражданской войне. Лидер фашистов мне прямо заявила: да, нам нужна кровь, хватит терпеть. Так что три месяца, если я не вернусь раньше, потому что моя независимая позиция может вызвать недовольство как крайних, так и очень умеренных, я буду на Украине. Иногда буду возвращаться в Москву. Мне заказали для украинских газет статью в газетную страницу и ещё одну. Так что работы много. А работа о фашизме отложена за отсутствием времени, но я теоретически разрабатываю её.

Целую вас всех. Кончаю. У нас всё без изменений. Жаль, мой английский... А Света осталась. Пишите про всю вашу жизнь детально и про США как страну.

Коммир.

* * *

Январь 1994 г.

Дорогие мои! Дорогая Мирочка!

Где бы я ни был и куда бы меня ни занесла судьба, я думаю о вас. Times change, and we change with them. Мне кажется, что это не про меня. Я словно не меняюсь, а только развиваюсь. И чем дальше, тем всё глубже и быстрее познаю мир. Удивительное дело, когда после раздумий где-нибудь в метро (а именно там я, как правило, работаю, а лучше всего — в электричке) или на прогулке с собакой мне открывается истина. Она прекрасна. Я уже чувствую, что это именно она, но я не верю ни ей, ни себе, а стараюсь её оспорить. Одновременно я пытаюсь использовать её: если ты существуешь — твори, как инструмент. И когда критика, как волны, разбивается о гранит, а истина начинает действительно что-то развивать, я ощущаю настоящую тихую, но глубокую радость. Как я хотел бы поделиться ею с вами! Я ощущаю вас всегда рядом с собой. И вот быт, а теперь ещё и английский язык (он, как зверь, кинулся на меня и отбирает самое лучшее время, но главное, этот негодник заставляет себя всё больше любить! Подумать только!) забирает у меня 90% времени. Заказанные статьи обсели меня со всех сторон, а времени нет...

И вот сейчас я покинул семью: Свету, которая уже три недели мучается от радикулита, Асю, которая сдаёт сессию, и даже английский язык накануне экзамена за семестр и поехал на Украину.

Всё кажется меньшим злом рядом с трагедией Украины. Она такой аппетитный кусочек для России, что мало кто (из активных деятелей) может удержать себя на позициях здравого смысла. «Новое время» пока что крепко держится на антиимперской почве. А вот «Известия» в последние месяцы не только становятся слабее, но всё чаще позволяют себе печатать откровенно шовинистические, антиукраинские статьи. И тем более такая популярная «Независимая газета». Я знаю, что мог бы многим помочь своей родине, но я знаю также, что я буду в роли Кассандры, которую не слушали, пока не пала Троя. Я просто ощущаю, что люди, которые даже с большой тревогой говорят, в душе, подсознательно надеются, что всё обойдётся. Не обойдётся. Беда всё бли-

же, и вижу, как Украина сползает в пропасть. Кравчук похож на Нарцисса; Верховный Совет, который, вместо того, чтобы организовать тушение пожара, обсуждает, в какой форме пожарные выйдут на улицу; правительство, которое действует по принципу — а пусть оно горит... так кто же будет Украину спасать? А руководители партий, наконец, собираются, набираются чрезвычайной смелости и ...идут к Кравчуку, конечно, требовать, чтобы он что-нибудь сделал. Разве не стоит, чтобы история смела и тех, и тех? Но кто придёт им на смену? Жириновский или всё та же партократия в России, фашисты (не думаю, тут они ещё слишком слабы, другое дело завтра) или эта мафия, которая разбила поезд, чтобы ограбить его на Украине. Так что я должен, просто заставляю себя, помогать демократическим партиям, просто потому, что это меньшее зло. Я знаю из опыта, что мне будут стараться не давать слово, а когда я его возьму, с интересом выслушают и... ничего не делают. Люди не хотят, не желают видеть будущее и прокладывать тропу прямо к нему. Они, как и раньше, смотрят под ноги, идут окольными путями, падают, карабкаясь на гору, которую можно было обойти. Я знаю, что наконец мы придём к свободной, демократической, реформированной Украине, но страшно становится, когда подумаешь, какие невероятные беды ждут её на этом пути. Так что сидеть в Москве и смотреть на это просто невозможно. Сейчас Украина, одну за другой, повторяет все ошибки России, но не делая и шагу к реформам. Так что Россия приносит гекатомбы жертв — а их могло бы быть неизмеримо меньше, но на алтарь реформ. Какие бы они ни были, но уже 70% промышленности приватизировано. На Украине же народ лишён не только хлеба, но и надежды. Он уже не задаёт себе вопрос: а зачем всё это, а отвечает на него.

Я пишу вам письмо в гостинице г. Сумы, уже скоро час, в восемь я поеду в Харьков, а оттуда — в Полтаву. Сегодня тут было большое совещание с участием демократических партий и организаций. Рассматривали кандидатов в депутаты, программы. Нужно стремиться выдвинуть одного депутата, а это не так просто. Очень много людей хочет стать за штурвал. В целом, я доволен результатами совещания, которое заняло почти целый день.

А в Полтаве вообще раскол, да и очень слабые демократические силы. Не знаю, что удастся там сделать. Целый день я провёл без еды и без воды. Потому что ни чая, ни кофе (кроме ресторана) нет. Город в темноте. Электроплитки запрещают включать. Но нашлась семейная пара, у которой был кипятильник, у меня — чашка и сахар. Так что мы вволю напились чая, а еда у меня в портфеле есть. Продукты в магазинах в основном есть, были бы деньги. Казалось, хочешь победить на выборах — имей хорошее оружие: хорошую программу. Но таких я не встречал. Даже программа у Левко на столе, разработанная каким-то известным учёным, полна таких грубых ошибок, да ещё и написана языком часто просто непонятным. Вот, например, что пишет этот экономист: «...превратить в товар промышленность, землю, жильё». А кто же сможет купить этот товар? Таких «советов» там больше, чем достаточно. Я Левко написал критику и доказал устно, как это опасно. Я говорю: давайте я вам разработаю это всё.

Кончаю. Не грустите. Надеемся на лучшее и у себя, и у нас. Пишите про всё. Целую.

Коммир.

P.S. Сегодня опубликовано огромное постановление президента «О государственной службе». 15 разрядов, 45 дней отпуска и больше, оклады должны увеличиваться от инфляции и другие льготы. Вот чем они заняты!

* * *

31.01.1994 г.

Дорогие друзья! Дорогая Мирочка!

Нужно знать, в какой стране живёшь, прежде чем давать обещания. В Сумах и в Полтаве на почте не было конвертов для иностранной корреспонденции. В Киеве на вокзале — тоже, на одном из почтамтов — та же история. Тем временем жизнь меня закрутила, и я отложил поиски на несколько дней. Вчера нашёл один такой почтамт, но денег не хватило. Сегодня же отправлю. Живу я сейчас один вот уже три недели. Должен был ехать в Ровно, но

нужно было сделать обращение нашего объединения 41 партии, листовку и т.д. Так что я пока никуда не еду, целый день — в Доме учителя. Там нам дали целых две комнаты и большой зал, точнее, очень большую комнату. Стало работать легче, потому что всё время полно людей. Я написал несколько обращений, одно из них уже пошло по всей Украине, другие пойдут, наверное, через день-два. Пишу сейчас сразу две статьи для газет. Одновременно — и я думаю, что это не менее важно, — не даю выпустить теоретическую муру или даже вредные для демократов вещи. Кажется, и без меня тут достаточно грамотных людей. Но проходят в печать вещи теоретически неглубокие, ошибочные и даже фактически враждебные. Вот сегодня я смотрю: принесли из печати пачки с размноженной работой одного учёного. Я думаю: дай почитаю, хоть уже и поздно. У меня в глазах потемнело. Сплошной идеализм: сначала давайте будем пропагандировать хорошую мораль, а с ней всё придёт. Причина всех бед — большевики разрушили мораль и церковь. С полной серьёзностью автор пропагандирует моральный кодекс строителя коммунизма — фактически, потому что прямо оттуда взяты эти принципы, правда, он выдаёт это за божественную мораль. Но и это ещё не всё. Фактически оспаривает педагогику, потому что, мол, до 6 лет у человека уже складывается моральный облик, и потом уже ничего не сделаешь. И, наконец, взялся хвалить Пиночета, пропагандировать его программу, потому что он против государственной собственности. Если бы не я, это всё пошло бы по Украине. Всё-таки добился, чтобы эта уже напечатанная вещь была снята. А дальше вроде твёрдо договорились, что без моего согласия ничего издаваться не будет. А у нас тиражи большие. Так, сегодня утвердили листовку, и она пойдёт тиражом 1 млн. экземпляров. Я сейчас договорился, что в четверг поеду в Москву до понедельника. А дальше меня ждёт Донецк и Луганск.

Жалко, что работа по фашизму стоит. Но я тут купил на украинском языке учебник английского — небольшой, и сейчас в свободные минуты в него заглядываю. Чем ближе язык, тем он всё больше нравится. Но это всё урывками. Не сумел отправить письмо вчера, потому что Центральный почтамт «по техническим причинам»

закрыли. Никак не отправлю письмо. Может, наконец, сегодня повезёт? Продолжаю письмо, раз не могу его отправить. В Сумах не было заграничного конверта, на Харьковском вокзале, где у почты своё здание, — то же самое. Теперь вся надежда на Полтаву. В Сумах мне повезло — я переночевал в комнате отдыха на вокзале. Взяли с меня всего 15 тыс. купонов за место в 4-х спальном номере. В Харькове я был два часа и поехал в Полтаву. Удивительный вид у города. Улицы совсем (в Сумах половина на одной стороне) не освещены. Ещё нет 7 по киевскому времени, темно, одинокие фигуры на совсем пустых улицах. Такого я не видел со времён войны. Все магазины уже закрыты. Милиции, конечно, нигде не видно. Делай с человеком что хочешь, никто и не увидит.

В Полтаву я приехал в 11 вечера. Беспокоить людей в это время не хотелось. Так что я пошёл в гостиницу в центр города. Полтава тоже тёмная, но не настолько. ...Когда я приехал в Сумы, на совещании на меня просто набросились: центр ничего не делает, ничем не помогает, даже не хочет организовать какое-то давление на правительство, вообще ничем не проявляет себя. Всё это было направлено в первую очередь против Левко как руководителя центра, но досталось и другим руководителям партий. Всё, что я увидел и почувствовал, я знал ещё в Москве. И временами становилось тоскливо: ради кого я буду работать, разве я не вижу, кто, в случае прихода демократов, придёт к власти. Масса самовлюблённых неучей, чиновников, нуворишей, нерешительных людей. Собственно, я вам писал про это. Но я себя резко обрывал. Разве я не для себя работаю? Разве Украина не моя, а их? И разве не мучаются сейчас миллионы людей в тысячу раз больше, чем придётся выдерживать мне? И то скорее — морально. Да, придут к власти совсем не те. Но они силой обстоятельств должны будут провести реформы. И не только экономические. А как только этот процесс пойдёт, он потянет за собой всё и буквально заставит изменить Украину. Да, и сегодня, и завтра будет идти процесс деградации — и людей тоже. Но как только пойдёт процесс развития глобально, он опередит процесс деградации. Ради этого — всё мелочи. Жаль тех видимых возможностей, которые так и не переходят в действительность.

За меня не беспокойтесь — я выдержу всё. А как вы там? Пишите.

Коммир.

* * *

23.02.1994 г.

Здравствуй, дорогая Мирочка!

Здравствуйте, мои дорогие!

Конечно, плохо, что до сих пор письмо не отправлено, и я собираюсь снова что-то закончить в поезде. А тут здорово трясёт. Но, с другой стороны, вы получите не одно письмо. Дело очень простое: один друг случайно захватил с собой в Москву мой блокнот с вашим адресом. И я надолго остался без него и только по дороге, собственно уже около почты, вспомнил, что я могу написать только так: USA — Mirra Barskaya. А я же в Киеве, и связи со Светой нет никакой. Мало того. Прихожу на работу, а там мой Левко Лукьяненко просит меня немедленно выехать в Запорожскую область, а перед этим была им же запланированная поездка в Донецк и Луганск. Я согласился и предложил объединить все три поездки в одну. Я 12 дней был в Запорожской области, Донецке и Луганске. Проверил всю работу и все финансовые отчёты трёх областных комитетов. Одновременно читал лекции, давал советы, директивы и т.п. Написал несколько листовок. Пришлось поговорить с одним типом, лидером Руха, который присвоил там 200 долларов (19–40 тыс. купонов) и не хотел никому отдавать, даже в Киеве. Мало того, хотел стать главой избирательного областного комитета и по-деловому подготовил 6 подписей под заявлением с требованием снять главу комитета. Так оно и было бы, если бы я не приехал. Действовал крайне решительно, но с определённой тактикой. Важно то, что деньги он отдал, а его заявление на собрании так и не рассмотрели. Но зато не рассмотрели и его поведение. Деньги я отдал организации, и там смогли выдать зарплату и выпустить готовую листовку. Зарплата — 20 долларов в месяц — у них, 30–35 — у других. В Донецке снова пришлось иметь дело с руководителем, который попытался командо-

вать мной. Пришлось поставить его на место, и очень решительно. После этого у нас были очень хорошие отношения. Всюду для актива избирателей я читал теоретически-практические лекции, по содержанию — теория развития: откуда, как, почему и куда мы идём; про тактику предвыборной борьбы. Всё это записывалось, и слушали меня очень внимательно и очень благодарили. А в Луганске, прослушав мою лекцию, один из редакторов областного радио попросил у меня интервью. И записали целый час для передачи по Луганскому областному радио через три дня. В Донецке я был на шахте, в рабочем автобусе мне все пуговицы оборвали (а кто мне компенсирует это в Киеве — никто), в том числе портфель совсем вышел из строя. То же самое было и в других поездках. Потому что количество автобусов резко уменьшилось, а в рабочее время почти невозможно сесть. Администрация отказалась разрешить мою лекцию, и один из них сказал мне прямо: вот если бы вы от коммунистов пришли, а не от демократов, мы бы вам дали слово. Я им прямо говорю, что они играют с огнём. Лекцию прочитал с помощью руководителей независимого профсоюза. Выступал на «Запорожстали», где рабочим два месяца не платят зарплату, потому что «не можем разменять доллары», которые они получили за экспорт. И во всём винят демократов, хоть те нигде и не занимают правительственных должностей.

Я продолжаю письмо через несколько дней уже в Киеве. Итак, я вернулся в Киев, оттуда — в Москву (где получил свой блокнот), а прямо оттуда на поезд — и в Киев. Тут работа принимает всё больший размах, действительно, всеукраинский. Начали не только писать, но и сами печатать листовки. Первые 600 тысяч — уже готовы. А я снова еду в Запорожье, оттуда — в Донецк.

Нужно довести до конца дело выпуска нашей газеты в Гуляй-Поле для Запорожской области, да есть и организационные вопросы. Одновременно и лекции читаю, конечно же, бесплатно. Помогу и своими идеями. Работы хватает, но и тут нужно было бы важные вещи сделать. Хоть разорвись. Ничего, ещё месяц темп будет нарастать. Теперь главное — агитация за наших кандидатов. Шансов у нас на юге и востоке мало, но там ведь живёт процентов сорок населения. В Крыму с выбором президента Крыма на-

чался новый этап вакханалии. Теперь там требуют от украинского населения, чтобы оно покинуло полуостров. Разворачиваются уже не только кампания запугивания, увольнений с работы, обысков, избиений, но и акты прямого террора. А Кравчук делает вид, что он ничего не видит. На все обращения к нему не отвечает. Дождётся? А может, и не успеет, потому что отказался баллотироваться на пост президента на второй срок. Так или иначе, а Крым — прецедент и пример для всех восточных и южных областей. Центробежные силы нарастают. И одновременно нарастает социальное напряжение. Всё ближе становится красная революция — и не просто красная как революция снизу, её сейчас почти и нет, а как красная по крови — насильственная. Все надежды на выбор парламента, а потом в июне — местных органов власти и нового президента. Но в условиях, когда у нас до смешного мало денег, транспортных средств, прессы и телевидения, государственных связей, создать сильную группу демократов в Верховном Совете будет очень трудно. Остаётся бороться до конца.

Кончаю. У нас всё по-старому. А муж Женин уже два месяца в Шотландии, и сейчас его оставили ещё на два месяца (это фирма, в которой он сейчас работает). Одновременно повысили ему зарплату. Так что Женя наконец вышла из нужды. Но какой ценой... Толик растёт чудесным мальчиком. Ася учится и, думаю, через год закончит педуниверситет. Света делает картинки всё лучше, художники уже считают её за свою коллегу. А я только удивляюсь — у неё настоящий талант. Пишите обо всём. За искреннее письмо, от которого повеяло родным теплом, — спасибо. Но напиши про всё и детально. Привет тёплый от Светы и Аси. Посылаю одну из моих листовок. И ещё одну — от имени объединения «Украина». Я не успел, и отправляю уже в Донецке. Наконец! Чтобы и вам было хорошо.

Коммир.

**ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ
К.П.КРИЖАНОВСКИМ
И И.Г.ХУСИДОМ**

Хусид — Крижановскому

02.08.1971 г.

Дорогой Коммир, привет!

Ты, как обычно, дипломатически молчишь. И всё-таки я тебе пишу. Надеюсь, что моя навязчивость тебе не очень в тягость.

Направляю тебе письмо (вернее, копию) в «Правду». Все остальное ты поймёшь из самой копии и статьи в «Правде», которой она касается. Буду рад твоему отклику на всё это.

Есть некоторые данные, указывающие на то, что я почти нашёл количественное (в виде формулы) выражение для закона, которому подчиняются люди в своём развитии. Однако все эти данные, как и мои предположения, естественно, требуют тщательной проверки на официальном статистическом материале. До настоящего времени мои основные предположения успешно проходили такую проверку, но её всё равно нужно проводить каждый раз. Для меня это стало правилом. Впрочем, это давно известный научный принцип.

Если мои предположения подтвердятся, то появится объективный критерий оценки развития любой совокупности людей вне зависимости от того, что эта совокупность сама о себе говорит или думает. Сам понимаешь, чем это всё пахнет, если так можно выразиться.

Добавлю только, что всё говорит пока о том, что форма этого закона удивительно проста, что и требовалось ожидать. Надеюсь, что такое парадоксальное суждение тебе не покажется странным.

Привет семье. Предполагаю пойти в отпуск с Наташей с двадцатых чисел августа. Решили поехать куда-нибудь в Прибалтику. Место определим через 5–8 дней. Пиши.

Крижановский– Хусиду

12.06.1973 г.

Здравствуй, Сашуня!

Читать твои письма для меня — одно удовольствие. Красота мысли для тех, кто её чувствует (именно чувствует, а не только констатирует её правоту), значит не меньше, чем красота са-

мых лучших произведений искусства. Правда, для этого надо, наверное, не только уметь чувствовать эту красоту, но и мыслить в том же направлении. Ты был бы отличным социологом, историком или философом. Но тебя угораздило удариться в технику. Тяготение же осталось, а оно сильнее самого человека. И тебя всегда будет тянуть в глубины социологии и в океанский простор истории, как моряка тянет к морю.

А теперь о содержании. Оценка раба как отличной «машины», годной на тысячелетия, разумеется, верна. Анализ интересный. Но дело ещё и в том, что на Востоке, начиная с Ирана и кончая Китаем, рабство никогда не было господствующим в формации. Земля принадлежала государству, и царь раздавал или продавал её верхушке. Крестьяне тысячи лет работали в качестве полукрепостных или крепостных. Не было необходимости в непрерывных войнах, как у Рима, где главной целью была добыча рабов. Государства сохраняли устойчивость и неподвижность на протяжении тысячелетий, и даже завоевание приводило к тому, что завоеватели становились частью господствующего класса, а система оставалась все такой же.

Итак, эта система держалась сначала на Востоке, а затем и во всём мире, в качестве феодализма, несколько тысяч лет, или не меньше, чем рабство в Египте или Вавилонии. Причиной же гибели рабства стало появление новых производственных отношений, которые оказались лучше старых. В Риме это был колонат, развившийся ещё с I века до нашей эры, особенно после восстания Спартака. Панический страх охватил тогда рабовладельцев и заставил превращать рабов в крепостных-колонов, которые имели уже семью, кусок земли и крышу над головой. Но почему тогда рабство не уступило место феодализму постепенно, ведь колонат всё рос? Почему Римская империя рухнула, а Византия осталась? Именно потому, что на Востоке рабство не играло такой доминирующей роли в системе хозяйства, как в Риме. Кроме того, я думаю, большую роль сыграл субъективный фактор, который у нас в прошлом недооценивался, а сейчас — наоборот. Панический страх после взятия Рима восставшими рабами и германскими племенами в 409 году тоже, наверное, имел место в Византии и, на-

верное, не меньше, чем после восстания Спартака в прошлом. Кроме того, через столетие Константинополь был охвачен таким восстанием рабов и бедняков, что царь уже собрался бежать в другую страну, и лишь его жена, предпочитая умереть, чем потерять престол, убедила царя в том, что лучше погибнуть в бою с восставшими. Отчаяние придало силы, и в последнем бою восставшие были побеждены. Десятки тысяч их были убиты прямо в городе. А ведь речь идёт о могущественном прославленном императоре Юстиниане!

Сашуня, пока я собрался это написать, прибыли новые интересные письма, которые я получаю от тебя. Спасибо за внимание, постараюсь ответить, соответственно, быстрее. Но, разумеется, не всё сразу.

Вот ещё вопрос к этому. Мы говорим, что средние века — застой, медленное развитие, «тёмная ночь» и т.п. А ведь средние века, феодализм в Европе не сравним со средними веками на Востоке. Что изменилось в Китае в системе управления и подчинения, в базисе и надстройке с XV века до нашей эры до XV века нашей эры — за три тысячи лет? А в Индии? Централизованное государство, чиновники, законы, а с другой стороны — родовитые группы богачей (в основном, рабовладельцев — нечто вроде феодалов с зависимыми крестьянами), армия, духовенство — всё это лишь усовершенствовалось, но не пережило коренных ломов и изменений за несколько тысяч лет! Всё это уже было и в структуре общества занимало всё то же место. А в Европе с VI века — с конца Римской империи до XVI века — нидерландской революции, за 1000 лет — огромные изменения, а главное, за это время новое успело родиться, состариться и стоять накануне гибели (а частично и погибнуть, как крепостное право в Англии в средние века). Эпоха Возрождения — и огромный подъём новой литературы, нового искусства, новой морали и т.п., а ведь XVI век — это уже третья стадия, позднее Возрождение.

Итак, Европа развивается в средние века в несколько раз быстрее, чем старые азиатские страны — Персия, Индия, Китай. Коренные изменения в этих странах наступают лишь в XIX–XX в.в., опять-таки под влиянием Европы. А Россия представля-

ет собой нечто среднее между Европой и Азией. Здесь почти не было рабства, зато крепостной строй стал господствующим лишь в XVIII веке при Петре, Елизавете и Екатерине. Первого уже называют в литературе «гениальным», вторую и третью «мудрыми», «великодушными».

Если тебе это последнее кажется преувеличением с моей стороны, можешь взять журнал «Знание-сила» (номер, кажется, 4, статья о египетской царице Хатшепсут, где эта «мудрая» правительница сравнивается с русскими бабами). Эти мудрые правители миллионы свободных крестьян сделали крепостными, а крепостных превратили в настоящих полурабов, и когда — в годы крушения последних остатков феодализма в Западной Европе.

Мы ещё сейчас отчётливо чувствуем от структуры внизу до надстройки вверх результат этого страшного броска назад страны в XVIII веке. Кстати, нигде в азиатских странах подобного в XVIII веке не было. У нас в литературе этот вопрос не занимает того места, которое заслуживает. Ведь средневековый указ о вольности дворянства был принят Екатериной II в 1762 году. У нас видят построенные крепостными города и мануфактуры, развитие культуры в отсталой Средней России, но забывают, как подрывало всё развитие промышленности, развитие культуры и науки это установление самых диких феодальных порядков. Вспомним середину XIX века и слова Шевченко: «у нас ...продают або у карти програють людей, не негрів, а таких, таки хрещених, но простих». А установление диких традиций, а покорность, рабский дух, неспособность видеть в себе людей, а не часть чего-то «целого», культ начальства — всё это идёт от тех времён установления неограниченной власти абсолютного монарха наверху и такой же неограниченной власти помещика внизу.

Ладно, пока, кончаю. Скоро снова напишу. Ася и Женя закончили школу с похвальными грамотами, и обе сейчас в пионерском лагере под Винницей. Я, наконец, в основном освободился от занятий. Берусь за работу. Привет жене.

Коммир.

Крижановский — Хусиду

27.06.1977 г.

Здравствуй, Саша!

Я очень рад, что ты рядом и мы можем увидеться. Правда, ехать в Одессу я не могу — и не только по материальным соображениям. Но ты можешь заехать на обратном пути с семьёй ко мне на денёк. Я буду очень доволен, и все мои тоже. Непонятно, что это за аспирантура: где, на сколько лет, стационар или заочная, какая специальность — узнай. Но я очень рад за тебя. Реферат можешь сразу прислать мне — я проверю, если, конечно, моё мнение что-то стоит. Словом, Сашуня, я тебе, конечно, и сейчас, и в будущем помогу. Жаль, что мы не виделись вот уже несколько лет. Очень хотелось бы увидеть тебя.

В журналах появляются интересные статьи. Вот, например, «Дружба народов» №6 — А.Стреляный, «Модель урожая». Очень умная и глубокая статья по экономике сельского хозяйства. Вообще, это интересный журнал. Ну и ладно, увидимся — поговорим. А пока жму руку тебе и твоей жене.

Коммир.

Крижановский —Хусиду

28.03.1978 г.

Саша, дорогой!

То, что я тебе не пишу так долго, совсем не говорит о том, что я тебя забываю. Наоборот, тебя мне очень не хватает, и я постоянно думаю, как бы я высказал ту или иную мысль тебе. Я всё время собирался в Москву, но обстоятельства мешали. Первое — это финансовый кризис, второе — рассмотрение моего дела застряло в Киеве ещё с ноября месяца. В Киеве я был дважды в ЦК, беседовал в приёмной Щербицкого, в Верховном суде и в парткомиссии. Юристы мне прямо сказали, что это грубое беззаконие, но что против партийных боссов они пойти не могут. Затем я написал письмо в ЦК КПУ, где показал весь «разбор» дела, кстати, сопровождаемый самым обыкновенным антисемитизмом. Спустя два (!) месяца приехала комиссия ЦК КПУ, которая подняла все документы,

на которые я указал; через день после её приезда мне дали работу в вечерней школе — 21 час, 160 рублей зарплаты со всем моим стажем. Я преподаю историю в 9–10 классах и обществоведение. Ещё через месяц мне сообщили, что дело вернули в Винницу для дополнительного рассмотрения. Так или иначе, но Киев до сих пор решения обкома не утвердил.

Сашуня, я очень благодарен тебе за письма, пиши и дальше, я их читаю и перечитываю. Об экономике напишу тебе отдельно. То, что творится сейчас в народном хозяйстве и в образовании, — это ужасный хаос, нежелание работать вообще и работать качественно тем более, это текучесть кадров, достигающая на наших крупных предприятиях 30% и выше, это забота об одном, как говорил Галушка, «щоб цифра була справна», это борьба за форму, а часто за форму формы, последнее всё больше доминирует.

Пока, Сашуля, жму твою руку и желаю успеха. В тебя я всегда верил, а твой экономический метод, безусловно, перспективен.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

20.12.1978 г.

Здравствуй, дорогой Коммир!

Как видишь, я не могу тебя забыть. Моё последнее письмо к тебе было выдержано в довольно резких тонах. Не сердись: ведь я занимаюсь исследованием таких вопросов, которые затрагивают интересы некоторых людей. Это не может не вызвать их реакции в ответ на результаты таких исследований. Но, оставаясь честным прежде всего перед самим собой, я уже не могу изменить общее направление, стиль и главное, метод моих исследований.

Короче, я буду очень рад всё-таки наладить с тобой регулярную переписку. И пусть все мои предположения относительно причин твоего упорного молчания в конце концов окажутся неверными, ошибочными. Я буду только рад этому.

Немного о себе. И дома, и на работе особых изменений нет. Всё на том же уровне. Что касается моих собственных исследований, то здесь изменений гораздо больше. Писать о них нет смыс-

ла, пока я не имею от тебя твоих собственных известий. Но всё-таки мне хотелось бы обратить твоё внимание на два момента из К. Маркса.

Итак, К.Маркс, том 46, часть I⁴¹. На стр. 108–117 есть очень интересный раздел. А на стр. 117 этого раздела рассматривается экономия времени в условиях коллективного (то есть неперсонифицированного по отношению к собственности) производства. И тут он замечает, что в этих условиях экономия времени уже не сводится к экономии рабочего времени! «Однако это существенно отличается от измерения меновых стоимостей (работ или продуктов труда) рабочим временем». (Кстати, именно на этом предложении обрывают свои цитаты все нынешние «экономисты», приводя «закон экономии времени по Марксу»!) Итак, мне представляется, что здесь именно и есть тот предел, до которого смог дойти К.Маркс, не имея перед собой достаточно развитую систему коллективного (в вышеприведенном смысле) ведения хозяйства. Если так (в чём я лично несколько не сомневаюсь), то это ещё один довод, что развиваемая мной теория есть просто-напросто дальнейшее развитие теории К.Маркса.

На этом кончаю. Пиши. На всякий случай поздравляю тебя и всю твою семью с Новым годом. Желаю Здоровья и счастья!

Твой Саша.

Имея собственную машинку, грех не тренироваться в работе на ней. Извини за возможные ошибки и огрехи.

Крижановский — Хусиду

31.12.1978 г.

Дорогой Саша!

Даже немилосердный Саваоф прощает в конце концов самые лютые грехи за любовь к себе. Надеюсь, что ты у Адоная заимствуешь лишь лучшие черты его характера, я... Итак, я раскаиваюсь, проклиная все те минуты — от первой до последней! — когда я не

---

⁴¹ Здесь и далее К.Маркс, Ф.Энгельс. Полное собрание сочинений в 50 томах. М.: Госполитиздат. 1962.

писал тебе писем, а только мысленно созерцал твой образ, и я клянусь всем — от потребительской до меновой стоимости, что мои чувства к тебе не изменились. Ты согласен со мной? Но ведь именно этим я сейчас и занимаюсь. А на часах — 21–35...

Начнём с меня. Хорошо? Итак, Сашуня, ты меня знаешь и можешь поверить: я ни в чём не раскаивался и ни у кого не просил ничего — я только требовал, опираясь на полное отсутствие доказательств. И вот, уже в этом году, после того, как дело дважды рассматривал ЦК Украины, в связи с полным отсутствием доказательств меня в партии скрепя сердце восстановили. Ещё раньше, как только у нас побывала комиссия из ЦК (она перевернула, между прочим, все документы нашей кафедры, напугав изрядно наших чиновников — искала то, что я требовал найти), мне предложили работу в вечерней школе историком, до сих пор я работаю там, кроме того, подрабатываю в вечерней и дневной школах. Очень трудно. Не остаётся ни минуты времени. Ведь я хочу уроки проводить на высоте. И философию я им даю, как и политэкономии (по курсу обществоведения) гораздо шире и глубже программы. Но понимают в обеих школах хорошо.

Ася уже в 9 классе, Света работает всё там же, Софья Яковлевна всё так же живёт и помогает нам в жизни. Сейчас у нас ремонт, и всё перевернуто вверх дном, живём, как во времена эвакуации. Очень плохо с продуктами: почти нет мяса (разбирают за 10 минут то немного, что привезут, а ждут с утра в огромной очереди), масло теперь бывает с 5 вечера — и только по 3 рубля и т.д., а ведь урожай и в прошлом году, и в особенности в этом, исключительно хороший (в этом году погода была просто как на заказ). Где это всё?

Саша, в отношении труда персонифицированного и коллективного думаю вот что. Вся история человечества до капитализма — это труд коллективный, в основном, разве что ремесло уже самостоятельное. Смотри: весь первобытнообщинный строй, почти весь труд в рабовладельческом обществе, барщина в феодальном обществе, крупные феодальные имения и т.д. Так что Маркс хорошо был знаком с трудом коллективным, но должен был верить, что новый тип коллективного труда будет иным по

качеству. Иначе зачем было огород городить? Аналогично можно было найти в первобытно-общинном обществе и, пользуясь законом отрицания отрицаний, вывести гипотезу о том, что коллективные производительные силы породят и новый коллективный труд. Впрочем, Маркс нигде, насколько я читал его, не конкретизирует этот вопрос, не выводит гипотезу за пределы самых общих положений. Что Маркс — учёный, это ясно, но вся его теория с начала и до конца построена ради доказательства одной идеи, причём сама эта идея присутствовала в его трудах (см. «Святое семейство» и т.д.) ещё за 25 лет до написания первого тома «Капитала». Итак, все факты не рождали идею, а подводились под неё. Конечно, картезианский дедуктивизм так же правомерен (и, пожалуй, в науке даже больше), как и бэконовский индуктивизм. Но пристрастие — это как бы масло, которым смазывается доска. Потом по ней можешь катиться, куда тебе заблагорассудится. «Капитал» — монолитен, как цемент, но это не только потому, что Маркс — гений, но и потому, что всё подводилось под идею. Наоборот, все факты, выходящие за её пределы, просто отбрасывались — или о них говорилось, как о чём-то не заслуживающем внимания. Если бы Маркс рассматривал государство, нацию, силу традиций как важнейшие факторы, а не как тень производственных отношений, как надстройку, которая легко рухнет с изменением производственных отношений — то есть, своего базиса, то, конечно, его теория имела бы совсем другой вид. Но Марксу важно было построить под свою идею прочный фундамент, что он и сделал. Идея: капитализм создал неразрешимое противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения, и оно должно его погубить в самом ближайшем будущем. Общественный труд обязательно должен породить как общественную форму распределения, так и общественную форму управления. Но вот уже ровно 110 лет с момента выхода «Капитала», а капитализм, как он ни далёк от идеала, но существует и по сей день во всех тех развитых странах, которые имел в виду Маркс в смысле ближайшего крушения. Что же касается остальной территории, то «общественное» и «государственное» управление — это совершенно различные слова и

различные, даже противоречивые вещи. Далее Маркс упорно пытается доказать в «Капитале», что машинное производство приносит капиталисту большую прибыль, а рабочему не даёт ничего. Можно ли сейчас согласиться с этим? Думаю, что если бы Маркс родился вторично — уже в XX веке, его «Капитал» имел бы совершенно иной вид. Да и вряд ли как учёный он мог бы отмахнуться от таких категорий, как «традиционное», «биологическое», «эстетическое», «государство», «личность» и т.д. Нет, конечно же, всё это не сводимо к экономике, хотя среди других, в конечном счёте, экономический фактор — самый сильный.

Ладно, пока хватит. Жму твою руку и желаю тебе и твоей жене самых лучших успехов в жизни. Как твоя диссертация? Публикации? Жду писем. Привет от всей нашей семьи.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

01.01.1979 г.

Здравствуй, Петрович!

Спасибо за поздравление и особенно за «Саш, пиши!».

Некоторые мои письма являются письмами-откликами на статьи печатных органов. Я в своих откликах не стесняюсь в выражениях и забочусь только о том, чтобы последовательно выдерживать диалектический взгляд на всё сущее, особенно на историю (в широком смысле слова). При этом я себе представляю в качестве отправной точки этого взгляда следующее положение: вся известная нам до настоящего времени история представляет собой развёртывание во времени и в пространстве борьбу человека за своё существование. (Замечу, что расширение границ того и другого и есть, по существу, действительная человеческая история). Специфичность этой борьбы для человека заключается в том, что в качестве необходимого компонента условий, обеспечивающих его существование, выступает сам человек. Разумность (или разум) человека проявляется в той степени, в которой уменьшается именно эта необходимость как таковая. То есть, в той степени, в которой человек перестаёт быть рабом самого себя. А, как тебе из-

вестно, не может быть свободным тот, кто поработает кого-то, в том числе самого себя!

На сегодняшний день я считаю своей заслугой то, что мне удалось выразить в численном виде эту степень разумности. Тем самым отброшено возражение против диалектико-материалистического понимания истории, заключающееся, по существу, в обвинении его в «неконструктивизме», в кажущемся неумении расчитать ход исторического процесса.

Итак, отвечай.

Привет всем твоим. Первое письмо-отклик, которое я направляю тебе, адресовано в редакцию «Литературной газеты».

Твой Саша.

Хусид — Крижановскому

09–10.01.1979 г.

Дорогой Коммир, здравствуй!

Сегодня получил твоё письмо и был несказанно рад этому. Уверять тебя в этом не собираюсь, так как ты, по-моему, не имел ещё оснований сомневаться. Твоё письмо, начатое в самом конце того года, вышло из Винницы 5 января, пришло в Москву 8-го, а поступило ко мне 9-го. И ещё жаль, что ты не нумеруешь страницы. Но всё это ерунда. В конце концов, у меня опять есть твоё письмо. И это главное.

Сначала попробую ответить на твои вопросы. Моя диссертация, как говорят, никак. Идеи, которые я предлагаю, как и их решение, развитие и обоснование, оказываются слишком радикальными для огромного большинства наших современных мужей от экономики. Поэтому ни на защиту диссертации, ни на публикации мне пока надеяться не приходится. Но это не останавливает моих исследований: я знаю, что моё время не очень далеко, в пределах отведённого мне срока жизни.

Дома у меня тоже всё в норме. Жена работает в больнице, очень устаёт, но интересно. Воспитываю Боба, который уже в V классе. Имею в этом деле успехи и неудачи. Надеюсь, что когда он станет взрослым, первые скажутся в большей степени, чем вторые.

Теперь немного о проблемах труда. Тебе известен двойственный характер товара (буду, по возможности, лаконичным). Научная политическая экономия до настоящего времени не различает понятий «труд» и «работа». Это различие я считаю своей заслугой, так как мне неизвестны предшественники.

Так вот, я называю трудом такой процесс расходования человеческих сил, результатом которого является только потребительная стоимость. Соответственно, результат работы — только меновая стоимость. Это не схоластика и не игра в терминологию, в чём я постараюсь тебя убедить. В далёкие времена чтобы выжить (как вид), человек нашел специфический способ борьбы за существование: он начал сам принимать участие в формировании условий этого существования. В зародышевой форме это можно наблюдать у всех видов, но для вида *homo sapiens* в какой-то момент это участие перешло границы, обусловленные механизмом наследственности именно этого вида. С этой позиции мы имеем полное право утверждать, что человек как вид должен был вымереть, если бы указанное количество (его участия в формировании условий его же существования) не перешло в новое качество, перекрывшее «некачественность» биологических механизмов в новых условиях бытия.

Итак, *homo sapiens*, ставший таковым, когда перешагнул указанные границы, выжил. Прошло ещё много-много времени, прежде чем простое, но уже обязательное участие в формировании условий своего бытия, то есть труд (в моём понимании), начал разделяться между отдельными особями. И происходило это чисто стихийно, методом проб и ошибок, нецеленаправленно в современном смысле этого слова. Просто это был самый адекватный способ сохранения вида. И вот с этого начинается первый шаг к несвободе (и первый шаг к абсолютной свободе) во всех её последующих формах — от классического рабства в древности до современного капитализма.

Продолжаю. Возникшее стихийно разделение труда проявило его отдельные составляющие, расчленило его. Единство труда не перестало быть таковым, но если прежде это единство было по существу и по форме, то теперь оно осталось таковым только по су-

щество. Изменилась форма труда. Он всё более принимал форму суммы отдельных составляющих. Но единство сущности постоянно требовало суммирования этих составляющих, то есть постоянной возможности их взаимного превращения. А самое главное — сохранение вида по-прежнему требовало труда, а не какого-то набора его составляющих. Вот эти-то составляющие я и называю работами.

Возникновение работы было вначале, естественно, потребностью вида в борьбе за своё существование, за своё сохранение. Но форма, не изменяя сущности, обязательно оказывает на неё своё обратное воздействие. Следствие начинает выступать в качестве квазипричины, которая при поверхностном исследовании может представиться истинной «причиной» наблюдаемых явлений.

Суммирование работ (конечно, это не суммирование типа $2+2=4$, а суммирование того типа, которое рассматривается в высших разделах математики. Но ты отлично понимаешь и без высшей математики, что речь идёт скорее не о суммировании, а как бы о сосложении) необходимо, ибо, как уже говорилось, виду необходим труд. А в наличии уже имеются работы. Как же может всё-таки получиться труд? Практика решила этот вопрос очень просто: возникло, по необходимости, то, что называется сейчас обменом.

Условия существования привели к разделению труда. Разделение труда на работы необходимо требует обмена, ибо обществу для существования необходим труд. Но результат обмена работами заведомо не эквивалентен результату прежнего труда, хотя как тенденция они всегда должны совпадать, иначе вид давно бы вымер!

Почему результат суммирования работ (вследствие обмена) совпадает с трудом в исключительно редких случаях? Аналогия — не доказательство, но в данном случае она является самым коротким способом изложения ответа: по той же причине, по которой даже самые строгие целенаправленные действия человека приводят его точно к намеченной цели — и только к ней — только как исключение. Кроме того, обмен работ не совершается сам по себе, в отличие от труда, которому нет смысла (да и невозможно прин-

ципиально) меняться с чем-то, так как этого «чего-то» просто не существует. Обмен требует персонификации, которая не обязательно совпадает с персонификацией работников. Обмениваясь работами, люди тем самым обмениваются самими собой для поддержания существования друг друга. Но в такой форме существования людей уже есть в потенции все формы рабства, что теперь становится совершенно понятно. Убеждён, что всё это или почти всё ты знал и понимал без моих построений. Обмен людьми подчинил их друг другу совершенно иным образом, чем прежде, когда они подчинялись только окружающей их природе. Вместе с указанным несовпадением результата обмена и труда это привело людей к форме их существования в условиях уже человеческого неравенства.

Возникает ещё один вопрос: а могло ли возникнуть вместе с возникновением разделения труда общество равных и свободных людей? Нет! Все формы, в которых существовало разделение труда на работы, были принципиально бедны для того, чтобы люди были равными и свободными. Принципиальная возможность освобождения людей могла появиться вместе с появлением условий их освобождения от необходимости работать. И, кстати, К. Маркс совершенно верно увидел эту возможность в машине.

Вообще говоря, развитие производительных сил общества всё время высвобождало людей от участия их в обеспечении своих условий существования как жестокой необходимости, а не как проявления своих физических и духовных сил. Но принципиальная основа производительных сил оставалась всё-таки чисто человеческой. Поэтому указанное высвобождение выливалось не в освобождение от работы для занятия трудом, а именно в высвобождение для занятия новыми работами. Эффект действия закона освобождения перекрывался эффектом закономерности высвобождения для работы.

С появлением машины закон освобождения человека от звериного закона борьбы за существование стал проявлять себя с такой силой, так явно, что открытие необходимости уничтожения эксплуатации буквально повисло в воздухе. Однако понадобились усилия Маркса, чтобы сделать это открытие, так как над человече-

ством довлекла его тысячелетняя рабская история. А то, что было до этой истории, осталось в красивых легендах, сказках и, вероятно, в различных религиозных сказаниях и обрядах. Но последнее требует особого исследования.

С появлением машины закон, требующий того, чтобы форма жизни, претендующая на *sapiens*, была свободна во всех своих проявлениях от звериного закона борьбы за существование, получил своё материальное основание. Человек уже — не только в идее, но и на деле получил возможность трудиться не работая, имея при этом всё необходимое, как и должно быть, когда люди трудятся.

Остановившись, однако, на первом шаге на пути к свободе, общество неизбежно скатится назад, к рабству, хотя и уже на более развитой машинной основе, т.е., опять к системе периодических крахов, во время одного из которых оно неизбежно уничтожит самоё себя.

Общество удерживается в своей переходной фазе до тех пор, пока в нём проводится единственный принцип: рабочая сила не есть товар. Однако даже этот принцип не может гарантировать переходному обществу развитие без кризисов, протекающих, правда, в виде, обратном тому виду, в котором они протекали в прежней его (общества) формации.

Но общество не может долго ехать в двух направлениях, то есть, находиться в переходном периоде. Всадник не может ехать назад и вперёд одновременно. А если он попытается это сделать, то неизбежно начнёт крутиться на одном месте со всеми вытекающими последствиями.

Будем надеяться, что наш всадник хорошо тренирован, а история даст ему время. И он на том же коне всё-таки поедет вперёд.

Итак, пиши. Я отлично понимаю твоё нынешнее положение, отягощённое таким стихийным бедствием, как ремонт. Но ведь я не прошу тебя направлять мне послания, подобные моим. Просто извещай меня о получении моих писем. А если ты при этом будешь мне сообщать ещё что-нибудь, то я просто буду очень рад.

Большой привет всем-всем твоим. Я надеюсь, что никто из них не обижен на меня, даже Свечка. Честное слово, я вас всех очень люблю.

Ты, конечно, не сомневаешься, что это письмо потребовало от меня значительных затрат сил и времени. Но ты пиши, ибо я всегда буду рад необходимости в таких затратах.

Саша.

Хусид — Крижановскому

10.02.1979 г.

Дорогой Коммир!

Убедительно прошу тебя подтвердить получение моего заказного письма от 13.01.1979 г. (по почтовому штемпелю). Я обнаружил, что не всегда письма (даже заказные) доходят по адресу. А письмо, получение которого я тебя прошу подтвердить, представляет для меня особый интерес, так как я очень хотел бы знать твоё мнение по целому ряду вопросов, которые в нём зацепил. Надеюсь, что ты это сделаешь в самом ближайшем времени. Со своей стороны, обещаю тебя не беспокоить до тех пор, пока ты сам того не пожелаешь.

На этом закругляюсь. Привет всей твоей семье. Я сейчас затеял переписку с издательством «Мысль» по поводу возможной публикации моей работы по теоретической истории, где целый ряд понятий получает точное количественное выражение и доступны для вычисления любым грамотным человеком. Короче, выводы касаются социального управления. Исчезает необходимость в некоторой ведущей и управляющей силе, и организующей. Всё приобретает вполне объективную форму.

Ещё раз с приветом.

Саша.

Крижановский — Хусиду

1979 г.

Сашуня, дорогой!

Жду очень твоих писем, таких редких теперь и небольших. Думаю, что дальше они будут чаще и полнее. Сашуня, снова повторяю и буду снова повторять, что твоя работа очень важна, ве-

роятно, надо идти своим путём, не обращая внимания на официальный тон или настроения и мысли всех тех, кто мало что понимает. Я тоже пытаюсь проникнуть дальше сегодняшнего дня и той поверхности, по которой мы ходим. В чём сущность явлений, которые нас окружают? И каков завтрашний день? Сущность, по моему, в том, что наша система создана с самого начала как диктатура и такой осталась по сегодняшний день, только обросла за это время огромным бюрократическим аппаратом. Рассмотрим этот вопрос с точки зрения экономического и внеэкономического принуждения.

Система, которая у нас возникла после революции, возникла как временное явление, но осталась на 62 года. Это внеэкономическое принуждение по существу, государственный феодализм по форме. Такая система была характерной для рабовладельческого периода и безраздельно господствовала в нём где-то до II века нашей эры, когда начинается массовое распространение колоната, когда раба уже нельзя было убить, это считалось преступлением, и когда раб получал землю, хибару и семью, если становился колоном. Но Рим не успел мирно перейти к новой системе. Слишком сильны были старые традиции солдатчины и культа силы, слишком глупыми были эти маньяки власти — последние римские императоры, которые требовали, чтобы к ним уже не подходили, а подползали (начиная с императора Диоклетиана, бывшего солдата — 2-я половина III века). Впрочем, все они правили недолго, и почти всех преторианцы убивали, чтобы выбрать следующего дурака. В Византии переход под гром ряда восстаний — переход к феодализму совершился, однако, без революции. Её заменили серии реформ. Впрочем, земля здесь принадлежала императору, как позже в России — царю. Но всё же это был феодализм, то есть, соединение вне- и экономического принуждения. Панщина, говоря по-украински, — это голое принуждение, но крестьянин, вместе с тем, имел участок земли и был заинтересован в результатах труда на нём. Крушение феодализма было крушением и внеэкономического принуждения. Переход к экономическому принуждению совершенно изменил как структуру, так и функцию всего общества. Разумеется, создание общества, в котором одним принад-

лежало всё, кроме собственности на людей, а другим — ничего, кроме свободы, должно было вызвать острейшую борьбу в самый момент его возникновения. Так оно и было. И чем дальше, тем мощнее и организованнее были неимущие. Казалось (и это уже казалось Марксу), что ещё немного — и неимущие захватят власть, заберут себе все богатства и построят рай на земле. Рай, ибо полностью исчезнет всякое принуждение — и экономическое, и внеэкономическое. (...).

Коммир.

Хусид — Крижановскому

08–10.05.1979 г.

Дорогой Коммир, здравствуй!

Начал это письмо тебе 8 мая, а кончу, вероятно, сегодня, 10-го. Поэтому в письме будет некоторый сумбур, связанный с теми событиями, которые должны произойти за эти дни. Начну о теории.

Как ты уже знаешь, мне удалось напасть на след теории, которая является конструктивным ключом к истории, конструктивным в том смысле, что позволяет считать историю в самом прямом смысле этого слова.

Под конструктивизмом теории я понимаю возможность выражать в численном виде взаимоотношения между частями объекта исследования. Поскольку объект моего исследования человек, то поговорим о его «измерении».

Каждый человек является таковым постольку, поскольку он существует в обществе. Человека вне общества не существует. Процесс очеловечивания каждого человека начинается одновременно с его появлением на свет и продолжается до самой смерти, т.е. всю его жизнь. Этот процесс, материализующийся в длящейся жизни человека как такового, двуединый: с одной стороны, человек определённым образом относится к обществу, с другой — общество к человеку. Как только мы попытаемся разорвать это двуединство, мы немедленно начнём путаться. В теории эта путаница приводит к идеализму, на практике эта путаница возникает с того момента, когда производство средств существования ста-

ло обуславливаться не внутренней потребностью человека, а некими внешними силами, составным элементом которых стал тоже человек, но уже не как потребитель своих собственных потенций. Наиболее полно это разорванное единство человека нашло свое выражение в философии Гегеля. Наиболее полное выражение в исторической практике этот разрыв человека нашёл в обществе, основанном на производстве всех потребительных стоимостей только в виде товаров.

Теперь вернёмся к тому, с чего я начал изложение теории. Итак, в каждый момент своего бытия человек является таковым через посредство обмена самоё себя с обществом. Заметь: в каждый момент своего бытия в качестве человека. Но в каждый момент реального времени существования человека как такового он измеряется своим возрастом. В любой момент существования человека как такового указанный обмен его с обществом, порождающий и человека, и общество, кристаллизуется в его (человека) длящемся существовании, в его возрасте. Короче говоря, возраст человека в любой момент его жизни есть та абстрактная временная характеристика, с которой постоянно начинается и кончается обмен человека с обществом, обмен, делающий человека человеком, а общество — обществом. Этот обмен есть имманентная характеристика человека и общества. Насколько мне это представляется, такие рассуждения применимы, вообще говоря, не только к человеку. Этот момент применимости указанного соображения к любому живому существу сам по себе интересен. Возникает вопрос: на каком этапе развития теории станет возможным отделить человека от остального известного нам живого мира? На каком этапе теоретического исследования мы сможем найти характеристики живого, позволяющие приписать человеку качество, которое мы называем разумом? Для этого пойдём дальше.

Итак, мы представили, что возраст человека есть имманентная обществу и человеку характеристика, зависящая исключительно от самого человека, обусловленная им и обуславливающая его. А раз так, то нет ничего противоестественного в том, чтобы ввести определение возраста человека как численного выражения его стоимости. Заметь, не меновой стоимости и не потребительской стои-

мости, которые возникают с момента раздвоения единства человеческой личности сначала на практике, а затем и в теории, которая до Маркса сделала много безуспешных попыток найти этому раздвоению рациональное объяснение с помощью этих понятий. Речь идёт именно о стоимости, внутренне присущей обществу и его индивидам как таковым.

Введя новую абстракцию (стоимость человека), я, естественно, должен позаботиться о том, чтобы она не осталась только голый, нереальной абстракцией, от которой необходимо будет отступать всякий раз при описании действительной истории как практики существования людей. А действительная история заключается пока в существовании раздвоенного человека. Эта раздвоенность постоянно выступает наружу в виде указанных его меновой и потребительской стоимостей. Первая реализуется в виде цены, а вторая — через потребление необходимых средств существования.

Две стороны, на которые человек оказался разбитым в силу определённых условий своего существования (и следовательно, для обеспечения своего существования на определённом этапе своего бытия, обусловленного наличием этих условий), постоянно сталкиваются между собой. Эти стороны постоянно находятся друг к другу в непримиримом антагонистическом противоречии. Снять это противоречие можно только путём уничтожения этих двух сторон, т.е., приведением условий существования человека в такое состояние, при котором указанное противоречие — раздвоенность человека становится невозможным.

Первая необходимая предпосылка снятия указанного противоречия была известна давно. Это — уничтожение частной собственности на орудия и на средства производства необходимых человеку благ. Маркс детальнейшим образом анатомировал высшую форму частной собственности — капитал. Маркс и Энгельс увидели, что действительная свобода человека находится за пределами собственно материального производства. Но теоретическое решение этого вопроса они оставили потомкам, а их практические шаги в этом направлении при всей их значительности не привели к желанным результатам.

Встаёт, таким образом, ещё один вопрос: даёт ли та теория, которую я нашёл, введя новую абстракцию (стоимость человека), понимание того, как должно развиваться общество? Но поставленный в такой форме вопрос может вызвать вполне заслуженные возражения, сводящиеся к тому, что исследователь (в данном случае я сам) пытается навязать выдуманные им законы и правила поведения обществу. Поэтому указанный вопрос следует сформулировать так: имеются ли объективные законы развития общества, познание которых (и следовательно, осознанное следование которым) даёт возможность обществу сколь угодно длительного существования в условиях отсутствия катаклизмов между отдельными его (общества) частями? То есть, имеются ли объективные законы общественного развития, подобные, например, законам Ньютона? Ответ на этот вопрос должен быть подкреплён на примере достаточно репрезентативного (представительного) материала из действительной истории.

Итак, я ввёл понятие «стоимость человека» (определяется численным значением его возраста). На основе этого понятия я пытаюсь ответить на два вопроса:

- 1) существуют ли объективные законы общественного развития?
- 2) являются ли эти законы присущими именно человеку как существу разумному, то есть, обладающему некоторым качеством, отличающим его от всего остального живого мира?

До этого момента все мои рассуждения были, в общем-то, философского характера. Однако сейчас я вынужден буду привлекать математику. Несколько мне представляется, твои познания в математике не очень обширные, я постараюсь обойтись минимумом. Однако я буду очень рад, если такая «минимизация» вызовет с твоей стороны законные вопросы, ибо попытки оправдания недостатков теории примитивизмом используемых в ней технических средств не могут приниматься никогда в расчёт. Если теория верна, то всегда можно найти форму изложения её результатов, доступную пониманию любого грамотного и здравомыслящего человека.

Итак, начну. Определим меновую стоимость, т.е. меновую стоимость потребительской стоимости. Короче говоря, определим ту абстракцию, которая свойственна всем потребительным стоимостям в условиях их производства с целью купли-продажи. Поскольку таковой обладают только те потребительские стоимости, которые для своего возникновения потребовали затрат живого труда (думаю, что это положение не вызывает у тебя сомнений), мерой которого является стоимость самого человека, то естественно определить её следующим образом.

Пусть к моменту реального времени t_2 потребительская стоимость уже создана, т.е., может выполнять свои функции в качестве таковой: удовлетворять определённую потребность, обусловившую целевые затраты живого труда на её создание. Пусть в начальный момент времени t_1 началось создание этой потребительской стоимости (т.е., t_1 есть момент возникновения в чьей-либо голове образа этой потребительской стоимости). Короче, весь процесс создания потребительской стоимости длится от момента времени t_1 до момента времени t_2 . Заметь, что меня здесь абсолютно не интересует наличие каких-то перерывов в период времени от t_1 до t_2 , вызванных самыми различными причинами (от физиологических до технических или природных). Например, какую-то потребительскую стоимость начали создавать (с точностью до целого дня) 5 марта 1976 г. (это момент t_1), а кончили — 30 июля 1978 г. (момент времени t_2). За это время непосредственно и сознательно (т.е., именно с целью создания данной потребительной стоимости) в работе принимали участие, например, 1500 человек. Каждый из них к моменту окончания своего участия в работе (т.е., в один из моментов реального времени, лежащего между моментами t_1 и t_2) имел вполне определённый возраст, который мы обозначим через τ_k , где k — порядковый номер участника работы (поскольку от этого k ничего не зависит для целей нашего исследования, то нумерация работников совершенно произвольна). Например, 25-ый участник рассматриваемого процесса закончил это своё участие 20 февраля 1977 г., имея возраст (с точностью до ближайшего целого года) полных 32 года. Тогда $k = 25$, а $\tau = 32$ годам.

По принятой мной абстракции, меновая стоимость взятой для примера потребительной стоимости равна сумме всех τ_k , где $k = 1, 2, 3, \dots, 1500$. На языке математики это записывается так:

$$S = \sum_{k=1}^{1500} \tau_k, \quad (1)$$

где S — стоимость потребительной стоимости.

Но из указанной суммы (1) необходимо, естественно, вычесть (т.е., просто-напросто не вводить в эту сумму) стоимость тех людей-участников работы, которые к моменту окончания работы t_2 успели умереть. Их абстрактный живой труд на создание потребительной стоимости уже (после их смерти) выступает как сила природы, которая стоимости, естественно, не имеет. Короче говоря, для получения численного значения меновой стоимости созданной потребительной стоимости необходимо просуммировать возрасты всех участников её создания, которые они имели на момент t_2 окончания этого процесса создания и которые остались в живых к этому моменту.

После окончания создания потребительной стоимости (и ни мгновением раньше!) она способна выполнять те функции, ради которых создавалась (но это, безусловно, не мешает ей выполнять и массу других функций даже до момента оказания её создания). Естественно, что эти свои функции она способна выполнять для определённого количества людей.

Пусть в момент реального времени t_3 (ясно, что этот момент времени может только превышать момент окончания создания потребительной стоимости, т.е., момент t_3 позже момента t_2 , или $t_3 \geq t_2$) таких людей 10000 человек. Пусть каждый из них имеет в этот момент времени t_3 стоимость (возраст!) τ_n , где $n = 1, 2, 3, \dots, 10000$ (порядок номеров n потребителей, естественно, также не имеет никакого значения, как и номер производителей). Тогда потребительная стоимость Z измеряется в этот момент времени t_3 суммой всех t_n стоимостей всех её потребителей (речь идёт, естественно, о потенциальных потребителях, ибо для фактических по-

требителей меновой стоимости уже не существует, вещь для них выступает уже в своём естественном образе, без всяких оболочек). На математическом языке это записывается уже известным тебе образом:

$$Z_{t_3} = \sum_1^{10000} t_n \quad (2)$$

С помощью индекса t_3 у потребительной стоимости Z я указал, что речь идёт о величине потребительной стоимости именно в момент времени t_3 . Как ты, вероятно, заметил, меновая стоимость не зависит от реального времени, начиная с момента t_2 окончания её создания. Однако потребительная стоимость, вообще говоря, зависит от рассматриваемого момента времени t_3 .

Поскольку цена есть отношение потребности к затратам, то цена потребительной стоимости U_{t_3} в момент времени t_3 равна отношению чисел S и Z_{t_3} , т.е., цена вычисляется по формуле:

$$U_{t_3} = S/Z_{t_3} \quad (3)$$

Если вещь создана человеком, то она имеет стоимость и следовательно, меновую стоимость. Но если она никому не нужна, то $S = 0$, т.е., её цена равна нулю. Если вещь «создана» силами природы, то $Z_t = 0$. Но тогда её «цена» равна бесконечности. В математике такой случай деления (см. формулу 3) оговаривается очень просто и категорично: на ноль делить нельзя! Говорить о цене природных потребительных стоимостей бессмысленно. Они могут иметь только потребительную стоимость, но не меновую. Рассмотренное содержание понятий «стоимость человека», «меновая стоимость», «потребительная стоимость» и «цена» — только часть созданной мной теории, хотя и довольно интересная. Сейчас я попытаюсь описать (и только!) тебе её квинтэссенцию.

С понятием суммы возрастов людей ты уже знаком. Выделим из всех людей, проживающих на данной территории, тех, которые заняты в производстве необходимых людям благ. Пусть всех живущих людей будет M человек, а всех занятых — N . Пусть в

какой-то момент времени средний возраст всех M людей равен $\bar{\tau}$, а средний возраст всех занятых N людей — $\bar{\theta}$. Средний возраст для какого-то количества людей я вычисляю очень просто. Например, рассмотрим группу из трёх человек. Если в данный момент один из них имеет возраст 20 лет, второй — 30, а третий — 40, то их средний возраст в этот момент времени равен 30 годам: $\bar{\tau} = (20+30+40)/3 = 30$.

Так вот, теория показывает, что развитие общества характеризуется изменением двух величин ε («эпсилон») и δ («дельта»). Величину ε я назвал мерой эффективности общественного хозяйства, а вычисляется она так:

$$\varepsilon = 1 - (N \bar{\theta}) / (M \bar{\tau}) \quad (4)$$

Ясно, что $N \bar{\theta}$ — сумма возрастов всех занятых в общественном хозяйстве, $M \bar{\tau}$ — сумма возрастов всех живущих на той же территории. (Вспомним, что в нашем примере из трёх человек: $20+30+40 = 3 \times 30$).

Величину δ я назвал мерой абсолютной свободы членов общества и вычисляю её следующим образом:

$$\delta = \bar{\theta} - \bar{\tau} \quad (5)$$

Значение δ показывает, сколько лет (в среднем!) человек является действительно свободным от необходимости (обусловленной состоянием производительных сил и производственных отношений, а не внутренней потребностью самого человека) стать винтиком механизма общественного хозяйства по достижении своего среднего возраста $\bar{\tau}$.

Изменение ε и δ во времени может быть, вообще говоря, произвольным. Но совершенно ясно, что если ε и δ растут, то это однозначно говорит о прогрессе общества. Если же их изменение не прогрессивно (в указанном смысле), то это говорит о каких-то катаклизмах в обществе.

Буду закругляться, т.к. боюсь, что сильно тебя утомил. Для США показатели ε и δ с 1910 года изменялись циклически с пери-

одом в среднем около десяти лет. Для СССР с 1926 по 1970 год показатель ε рос, а δ падал.

Теперь можно ответить на поставленные выше вопросы.

- 1) Объективным законом общественного развития является закон изменения величин ε и δ .
- 2) Разумность человека проявляется в той мере, в которой он способен увеличивать одновременно обе эти величины.

Я на этом кончу. Получилось длинно и несколько нескладно. Для событий не осталось места. Но я надеюсь, что ты мне ответишь, и тогда в последующих письмах я тебе отвечу на возникшие у тебя вопросы и опишу события.

К сожалению (огромному!) приехать к тебе в обозримом (сегодня) будущем не смогу. Но при первой же возможности я сделаю это с несказанным удовольствием. Что же до тебя, то ты (и все твои) — всегда желанный гость для меня.

С приветом самым сердечным.

Твой Саша.

Хусид — Крижановскому

Май 1979 г.

Здравствуй, Петрович!

Как видишь, времена меняются, на сей раз тебе приходится долго ждать от меня ответного письма. Дело в том, что я искал своё последнее письмо тебе, но так и не нашёл. Кажется, я тебе там писал о том, что вроде бы нашёл возможность буквально посчитать историю. Постараюсь тебе объяснить хотя бы в принципе всю эту свою затею.

Я исхожу из того реального факта, что общественное хозяйство всегда функционировало только при обязательном участии в нём личностного элемента. Это положение верно также сейчас и будет справедливо на обозримую перспективу. Короче говоря, общество для обеспечения своего существования обязано выделять часть своих членов в качестве составной части своего общественного хозяйства. Часть людей, таким образом, должна становиться (в той или иной форме) подобной, например, рабочему ско-

ту, тракторам, части кинопроектора и так далее, и тому подобное. Причём желание людей становиться составной частью общественного хозяйства практически не принимается в расчет. Такое состояние части людей просто необходимо для обеспечения существования всех людей.

Пусть масса людей, которая в данный момент реального времени t занята в механизме общественного хозяйства, равна T . Пусть, далее, масса людей, которая должна быть занята в этом же механизме, равна T^* . Заметь две вещи:

- 1) я говорю о массе людей, а не об их количестве, поскольку подвергая серьёзному сомнению утвердившийся способ счёта людей по головам, как скот;
- 2) я разделяю массу людей, которая действительно действует в общественном хозяйстве, и массу людей, которая должна в нём действовать, чтобы обеспечить всё общество всем необходимым, всем тем, что считается необходимым на момент реального времени его существования.

Поскольку участие людей в общественном хозяйстве принято как необходимое и достаточное условие его функционирования, обеспечивающее само существование общества, то условие

$$T=T^* \tag{1}$$

я называю критерием функционирования общественного хозяйства.

Однако (1) статично в двух отношениях. Во-первых, это условие должно выполняться, но между «должно» и «есть» дистанция огромного размера. Во-вторых, (1) записано для фиксированного момента времени t . Чтобы снять указанную двойственную статичность, я должен, во-первых, рассмотреть все возможные соотношения между T и T^* (таких вариантов всего три: $T > T^*$, $T = T^*$, $T < T^*$) и, во-вторых, рассмотреть все возможные динамики левой и правой частей (1). Таким образом, я прихожу к тому, что назвал «матрицей критериев». Простой перебор покажет тебе, что может быть всего 9 пар неравенств типа:

$$\begin{cases} dT/dt > (<, =) 0 \\ dT^*/dt > (<, =) 0 \end{cases} \quad (2)$$

Матрица получается, если все 9 возможных пар (2) расположить в три ряда по три пары в каждом. Получается матрица 3×3 .

То, что надо рассматривать именно пару динамических условий, ясно из того, что исходным является соотношение между T и T^* . Поэтому рядом с каждой возможной динамикой T (например, возрастание T , которое формально записывается как $dT/dt > 0$) должна обязательно стоять возможная динамика T^* (например, падение T^* , записываемое как $dT^*/dt < 0$).

До этого момента я нарисовал перед тобой полную абстрактную схему формальных возможностей изменения и взаимоотношений двух абстрактных величин T (то, что есть) и T^* (то, что должно быть). Дальше начинаются трудности перехода от понятий абстрактной массы людей к возможности её вычисления.

Но это не всё. Если относительно T ещё что-то можно сказать, то относительно T^* всякий разговор кажется лишённым смысла. Мне, однако, удалось обойти эти трудности. Но очень хочется, чтобы ты попробовал сделать то же самое. Поскольку мне желательно увидеть твои результаты в моём же направлении (но, естественно, не только в моём, если таковое окажется возможным), то я «подскажу» начало своего пути.

Если у живого человека отнять все его потребительные качества, то останется только два: пол и возраст. Эти качества достаточно независимы от самого человека (при естественном ходе его развития). Но пол — величина фиксированная. Образно выражаясь, пол каждого человека принимает значения 0 или 1 от его рождения и остаётся таковым всю его жизнь. А вот с возрастом дело другое. Возраст — величина переменная, положительная и строго аддитивная. Я принял возраст человека в качестве его «веса». Все числа, измеряющие любые качества людей, или того, что людьми произведено, я измеряю в живом человеко-времени.

Вторая «подсказка» касается того, что нам нужно научиться измерять динамику T и T^* . Поэтому вполне может быть, что мы,

не зная, например, как измерять T или T^* , сможем научиться измерять их изменение во времени.

На этом я пока кончу свои «подсказки». Если вышеизложенный подход заинтересует тебя, то я попытаюсь сам развивать его в письмах к тебе: мне нужна твоя критика. Если же нет, то в своих редких письмах будем обмениваться другими новостями.

У меня ничего особенного не произошло. Через 9 месяцев некурения я опять закурил. Правда, я успел хорошо прочувствовать все прелести чистых лёгких. Однако привычка оказалась сильнее меня. А объяснение возврату к курению всегда можно найти.

Я переполз во второй класс вечерней средней музыкальной школы. Попал в неё совершенно случайно во II полугодии учебного года, но экзамен всё-таки сдал, хотя и на «три». За лето решил кое-что подогнать, и если я выполню намеченное, то постараюсь «перепрыгнуть» через класс. Вообще же заниматься музыкой — моя старая мечта, и пока мне очень нравятся занятия. Учиться в школе надо 5 лет. Занимаюсь я по классу аккордеона. Инструмент взял у своей дальнеюродной сестры, которую в детстве безуспешно пытались научить на нём играть. Обзавёлся литературой.

Что касается современных мировых проблем, то на сегодня мои прогнозы их развития неутешительны. Я считаю, что мир идёт к большой войне, что виноваты в этой тенденции только мы. Но действительное развитие состоит в том, чтобы, прежде всего, постоянно ликвидировать исключительность отдельных людей или групп людей.

Парадоксально, но это так: бескризисное развитие общества возможно только тогда, когда оно идет по пути полного уничтожения исключительности одних людей по сравнению с другими. А такое положение достижимо только в том случае, если механизм общественного хозяйства требует всё меньшей массы живого труда для своего функционирования, т.е., всё меньше ему требуется личностного элемента. Если же развитие общества идёт таким образом, что исключительность одних не только не уничтожается, но даже поддерживается, то кризисы в таком обществе неизбежны. Война — один из видов кризиса, в сильнейшей степени способствующий указанной исключительности. А в нынешнем мире

вполне вероятен такой кризис-война, который способен уничтожить всё человечество.

Что касается Л.И.[Брежнева], то в моих расчетах личности не фигурируют. Я думаю, что поведение личности в области политики не есть предмет изучения науки истории. Поэтому вполне допускаю отклонения от объективного хода истории, вызванного субъективными факторами. Такие отклонения практически непредсказуемы. Но в долговременной перспективе с ними нельзя считаться как с решающим фактором. А вот на ближайший отрезок времени такие отклонения, конечно, стоит учитывать.

Дома всё в порядке. Только Боб несколько съехал в 4-й четверти. Мы в три семьи сняли на три месяца дачу в Подмосковье. Жена работает в больнице. Очень устаёт, т.к. больные очень тяжёлые. Мама тоже работает. Сейчас они обе в отпуске.

Вот, кажется, и все мои последние известия. Поскольку у нас начался дачный сезон, то я теперь редко бываю дома. Это ещё одна причина, из-за которой я начал писать тебе письмо 1 июня, а кончил только сегодня, то есть 8 июня.

Надеюсь, что твоё следующее письмо придёт несколько быстрее предыдущего. О своей работе на работе постараюсь написать в другой раз. Привет Изе.

Твой Саша.

Хусид — Крижановскому

23.09.1979 г.

Дорогой Коммир!

10 мая сего года я отправил тебе заказное письмо на 7 страницах, но ответа не получил. Сегодня мне позвонила тётя Роза, передаёт от тебя живой привет. Я знаю, что вслед ей ты посылаешь мне письмо. Я же, не дожидаясь его, шлю тебе своё. На твое письмо отвечу немедленно по его получении. Делать это мне всегда приятно.

О своих личных и рабочих делах здесь не буду распространяться: они в норме. Подробности в следующих письмах. А здесь я хочу тебе сказать главное.

Только вчера я наконец-то закончил очередной этап своей теории. Кажется, он пока самый главный, как и все последние достигнутые этапы любой работы. Мне удалось доказать способ определения необходимого рабочего времени.

Определив способ, я немедленно вычислил необходимые числа для СССР. Так вот, по данным 1970 г., каждый занятый в общественном хозяйстве должен был работать примерно по 4,5 часа в день, чтобы полностью удовлетворять все свои потребности на тот же период. Кстати, в 1959 г. это время было на 0,5 часа меньше. Таков у нас действительный прогресс. Если взять наш восьмичасовой рабочий день, то прибавочное время нашего занятого в среднем по стране составляет $8 - 4,5 = 3,5$ часа в день. А норма прибавочной стоимости (по К.Марксу — норма эксплуатации), то есть отношение прибавочного времени к необходимому ($M:V$), равна $3,5:4,5 = 80\%$. И при такой норме прибавочной стоимости мы не можем обеспечить себе наши же потребности. Выводы делай сам.

Кончаю. С нетерпением ожидаю твоего письма, ответа на это письмо, твоих вопросов и твоей беспощадной критики. Кстати, напоминаю тебе, что все свои вычисления я делаю, как всегда, на основании только официальных открытых (пока) данных о переписях населения.

Привет большой всем твоим.

Твой Исай.

Крижановский — Хусиду

9.08.1980 г.

Дорогой Саша!

Я очень рад был получить от тебя очередное послание. Тебе не надо задавать мне такие вопросы. Мой дом — твой дом. Приезжай, когда хочешь, и живи, сколько хочешь. Кстати, я тебя не раз приглашал, но ты так и не смог приехать за эти годы. Я буду очень рад твоему приезду. Жду тебя.

У меня умер отец. Последний год я всё свободное время посвящал ему, а последние недели вообще почти не спал и до предела устал. Очень тяжело было всё это переживать, и ещё долго не-

истовая, как зверь, совесть будет мучить меня. Но это не значит, что я изменился и потерял интерес к жизни или мои гражданские чувства притупились. Пожалуй, даже наоборот. Но до сих пор я был просто придавлен этим страшным грузом и такой физической и нервной усталостью, что временами мне казалось — я просто не выдержу. А теперь я вспоминаю те дни — и завидую самому себе, ведь отец тогда был жив, и я мог видеть его, видеть и на что-то надеяться. После смерти родного человека образуется такая огромная пустота, как будто исчезла часть мира. Удивляешься: человек, тяжело больной склерозом, заполнял собой такую значительную часть твоего мира, что после его смерти образовалась огромная зияющая пустота. Вот почему это так нестерпимо тяжело. А тут ещё совесть скрупулёзно перебирает каждый твой поступок, оценивает его и всё, что нельзя сопоставить с мерилom человечности на самом высоком уровне, ставит тебе в вину, увы, уже неисправимую. Снова и снова возвращает память тебя к каждому такому факту, и ты прикасаешься к нему, как грешник к раскалённым камням в аду. Я начинаю понимать леди Макбет, которая не выдержала подобных мучений совести, хотя она и считала себя сделанной из железа.

Сашуня, извини за всё это, просто ты мне человек близкий, и я впервые тебе раскрываю свою душу. Сейчас уже прошло три недели, стало немного легче. Вспоминая Шекспира и леди Макбет, я думаю, какая это глупость, что подобные чувства может испытывать лишь «гнилая интеллигенция». Наверное, человек просто не подозревает о том, что заложено у него внутри и до поры до времени допускает определённую свободу в обращении с людьми, даже не подозревая, что его в будущем ожидает.

Саша, я очень хотел бы тебя видеть, и думаю, что мы увидимся в сентябре. Нам есть о чем поговорить. Жму твою руку. Привет и приглашение приехать передаёт тебе и моя жена.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

4.03.1981 г.

Привет, дорогой Коммир!

Ты, как принято, продолжаешь молчать. Впрочем, это делаешь не только ты... А вот я решил написать тебе небольшое письмо. В надежде на то, что ты ответишь хотя бы несколько слов. У меня особых новостей нет. Работаю там же. Занимаюсь на курсах патентоведения, куда меня направили по моему согласию (заочные двухгодичные курсы). Правда, я по болезни пропустил в общей сложности чуть более двух месяцев (установочные лекции проводятся по субботам), но меня пока не выгнали, и я занимаюсь. Потребность в курсах вызвана моим нынешним характером работы.

Проживаем мы сейчас втроём по новому адресу. На всякий случай сообщаю его тебе...

По мере сил и возможностей занимаюсь своими исследованиями. Они идут в том же русле, т.е., в основе всех рассуждений лежит по-прежнему жизнь человека как его длящееся существование.

Не знаю, обратил ли ты внимание на статью Аганбегяна в недавнем номере «Правды». Я обратил, не выдержал и разразился довольно резким письмом в адрес нашей экономической теории и практики. Думаю, что вразумительного ответа по существу я не дождусь, но в процессе написания я кое-что для себя выяснил.

Рассуждения мои довольно просты. Будем исходить из того, что человек произошёл от какого-то животного предка. Этот предок жил в условиях борьбы за существование. Нет сомнения, что его ближайшие потомки тоже исходили из этого закона (если так можно выразиться). Труд, т.е. целесообразная деятельность, направленная на поддержание и создание условий жизни, есть не что иное, как способ борьбы за жизнь. Фокус в том, что, начав трудиться, человек как бы начал замыкать всю окружающую природу сам на себя. «Даров» природы стало не хватать для того, чтобы обеспечить предчеловеку его длительность жизни. Чтобы не вымереть, ему нужно было найти способ дополнения недостатка этих «даров». Этот способ мы сейчас называем трудом.

Первобытные наши предки жили в среднем 12–20 лет (у разных исследователей разные числа, но они, в общем-то, должны быть близкими к возрасту, в котором человекообразные обезьяны способны к воспроизводству, что и есть в действительности). Следовательно, тяжёлые условия для них означали меньшую продолжительность жизни. Эту разницу и надо было восполнить так называемым трудом (правильнее такую деятельность называть работой, но об этом в другом месте). Т.е., труд должен был обеспечить от силы 10–15 лет существования. Но, с другой стороны, этот срок практически совпадает со всей тогдашней длительностью жизни тех людей. Отметим этот факт. Ибо из этого факта следует объяснение того, что вся жизнь раба принадлежала рабовладельцу, то есть, при рабстве не было такого понятия, как рабочий день.

Но тот первобытный дух не только поддерживал, так сказать, природную продолжительность жизни наших предков, но и способствовал увеличению её длительности. Иначе и не могло быть: энергия человека в целесообразной форме превращалась опять-таки в его жизнь, вместо того чтобы рассеяться беспорядочно в окружающей природе.

Эффект увеличения продолжительности жизни был, конечно, очень слабым. Он выражался, возможно, в днях, в течение многих поколений. На сегодняшний день он составляет в развитых странах около 50 лет по сравнению с теми временами. Но его (эффекта) наличие бесспорно. Более того, наличие этого эффекта является законом развития любого общества. Исчезновение этого эффекта является необходимым и достаточным признаком того, что форма общества себя изжила: организация общественного производства в таком обществе становится неэффективной абсолютно, так как не способствует увеличению длительности жизни его членов. Это объективный закон общественного развития, подтверждающийся всей историей.

Вернусь к рабочему дню. Его зачатки возникли ещё в рабстве, когда рабов начали не только завоёвывать, но и «разводить» у себя. То есть, уже не всю жизнь раб работал. Рост средней продолжительности жизни, обусловленный развитием производительных сил, привёл к современному понятию и длительности ра-

бочего дня. Сама по себе длительность рабочего дня говорит не о многом. Её надо рассматривать только в контексте со всей длительностью жизни человека и её распределением на рабочую и нерабочую части.

Дальнейшие рассуждения довольно длинны, хотя и представляют определённый интерес. Главный вывод заключается в следующем. Вся предшествующая история представляется нагромождением случайностей до тех пор, пока мы не имеем «сквозной» отправной точки зрения на неё как изменяющуюся форму борьбы человека за жизнь. И до тех пор, пока развитие общества не будет полностью подчинено самой человеческой жизни, катаклизмы в нём неизбежны. Все плановые показатели должны исходить из роста человеческой жизни. Если этого нет, то всем таким планам грош цена.

На этом кончаю. Большой привет семье. Будь здоров. Пописывай.

Саша.

Хусид — Крижановскому

07.04.1982 г.

Дорогой Петрович! Привет!

Это письмо тебе я начал писать ещё в марте. Написал, но мне не понравилось. Поэтому я решил писать по-новому. Письмо будет носить разноплановый характер. Не взыщи, если между отдельными частями письма не будет просматриваться видимой связи. Не так-то просто писать о том, что ещё не связалось...

Перечитывая Плеханова⁴² (у меня есть четыре тома из пяти-томного издания его избранных философских произведений), я набрёл на несколько интересных мест. «Правильное отношение к предмету требует от нас, чтобы мы взглянули на него не с точки зрения того, что должно было бы быть, а с точки зрения того, что было и что есть» (том V, стр. 691). Второе место более интересное: «Это — старая, но вечно новая история. Когда данный класс

---

⁴² Г.В.Плеханов. Избранные философские произведения в пяти томах. М.: Госполитиздат. 1956.

живёт эксплуатацией другого класса, ниже его стоящего на экономической лестнице, и когда он достиг полного господства в обществе, тогда идти вперёд значит для этого класса опускаться вниз. В этом и заключается разгадка того, на первый взгляд, непонятного и даже, пожалуй, невероятного явления, что в странах, экономически отсталых, идеология господствующего класса нередко оказывается более высокой, нежели в передовых» (том V, стр. 716). Оба отрывка приведены из работы «Искусство и общественная жизнь», написанной в 1912 году.

Теперь о другом. Вся наша прошлая и настоящая история есть борьба за жизнь. Последнее означает не только воспроизводство новых особей, но и продление жизни уже живущих. Первое означает, по существу, идеальное продление жизни, а второе — действительное, материальное. Думаю, что к этому тезису нам с тобой было бы вообще интересно вернуться. А пока отмечу следующее. В количественном отношении победа человека вполне ощутима: количество людей растёт, и только недавно в некоторых странах стали отмечать падение количества населения (например, в ФРГ). А вот удлинение жизни человека стало ощутимо только в последние десятки лет. Вернее, заметно. Для того, чтобы это заметить, необходимо наличие регулярных переписей и такой уровень производительных сил, чтобы этот эффект стал заметен в пределах жизни исследователя.

Однако человеческая жизнь ничем бы не отличалась от звериной, если бы в борьбе за жизнь люди ограничивались только двумя указанными эффектами: ростом количества людей и продолжительности их жизни. Человеку надо — и он объективно идёт по этому пути — не просто жить, а жить свободно, то есть, независимо от орудий существования. То есть, надо довести орудия до такой степени совершенства, чтобы человек мог всю свою жизнь проявлять себя в соответствии со своими собственными потребностями, будучи обеспеченным всем тем, что ему необходимо в соответствии с историческими условиями. Исходя из всего вышеназванного, целью планомерного развития общества должно быть уничтожение разделения труда — то есть уничтожение работ. Вся история показывает, что общество следует по этому пути, но стихийно.

Объективность высказанного заключается в возможности его объективной проверки. Таковой проверкой служит итог переписи населения с обязательным выяснением возрастных структур населения. При этом каждая перепись является объективной проверкой соответствия пройденного этапа научным требованиям и предпосылкой для научной разработки следующего этапа развития. Если же в итогах переписи населения отсутствуют возрастные структуры населения (всего и занятого в общественном хозяйстве), то такой переписи грош цена. Кажется, заканчиваю, у меня масса вопросов. Как оформить все изложенные взгляды в широко доступной форме? Как подтвердить высказанные тезисы достаточным количеством исторических примеров. И обычные вопросы. Что делать? Как делать? Зачем делать? Когда делать? И т.д., и т.п.

Напоминаю тебе о книге Урланиса «Эволюция продолжительности жизни»⁴³. Есть в русском переводе (не так давно вышла) книга поляка Россета⁴⁴ на ту же тему.

С нетерпением ожидаю твоих писем. Ты должен понять, что они являются для меня источником знаний и стимулом к исследованиям. Ведь ты философ и историк-профессионал! А я во всём дилетант.

На этом заканчиваю. Большой привет всем твоим, особенно Свете. С нетерпением ожидаю твоих писем.

Твой Саша.

Хусид — Крижановскому

15.05.1983 г.

Уважаемый Коммир Петрович!

Благодарю за приглашение. Правда, не могу даже себе представить, когда смогу им воспользоваться.

Поздравляю тебя и всю твою семью со всеми прошедшими и будущими праздниками. Желаю только здоровья!

Не удивляйтесь, что пишу на таком бланке: наш институт был организатором конференции, а оставшиеся бланки пускаются по усмотрению тех, кому они достались...

---

⁴³ Б.Ц.Урланис. Эволюция продолжительности жизни. М., Статистика, 1978. — 310 с.

⁴⁴ Э.Россет. Продолжительность человеческой жизни. М., Прогресс, 1981. — 380с.

...У меня есть неоспоримые доказательства того, что мои письма перлюстрируются. Правда, это только мои доказательства, но этого достаточно, я ведь не подаю в суд на нарушение Конституции. Полагаю, что на письма моих корреспондентов распространяется та же благодать всевышнего. В таких условиях переписка особенно небезопасна. Первое требование — регулярность. Об остальных договариваются лично.

Привет Асе и Свете. Об остальных, вероятно, можно помнить. Буду рад читать ваши письма и не задерживать на них ответы.

С наилучшими пожеланиями.

Саша.

Хусид — Крижановскому

28.03.84 г.

Коммир, привет!

Наш с женой отпуск намечается на сентябрь. Как ты смотришь на возможность нашего приезда к тебе на неделю, например? Если положительно, то, во-первых, ответь, а во-вторых, как ты себе этот наш приезд представляешь со всех сторон?

На этом буду закругляться. Поскольку ты вообще не пишешь, то мне надо быть тоже кратким. Впрочем, я не так давно выяснил, что не только мои письма пропадают, но пропадают и письма ко мне. Поэтому я и пишу тебе это письмо заказным образом. И ещё. У меня изменился домашний телефон. (...)

Будь здоров. Привет всем твоим.

Саша.

Крижановский — Хусиду

3.05.1984 г.

Дорогой Саша!

Письмо твоё вовремя получил. Очень рад за тебя и рад, что у тебя всё хорошо. Что же касается твоей просьбы, то думаю, что мы вполне сможем её удовлетворить. Правда, лучше было бы приехать в августе, а не в сентябре, ибо в сентябре я буду це-

лый день на уроках, а Света — на работе. Но это уже наше пожелание, а ты поступай, как тебе будет удобнее. Мы предоставим твоё распоряжение Асину комнату, и вы сможете вдвоём отдыхать, сколько вы захотите. Вопрос этот уже согласован с моими домашними, и все будут рады тебя видеть у нас. Обо мне и говорить не приходится.

Сашуня, дорогой! Я задержался с этим письмом, хотел тебе многое написать, да вот живу, как в горячке: работа в школе забирает, по сути, полностью всё время. Очень хочу тебя видеть. И ещё раз повторяю: приезжай обязательно, если не можешь раньше, приезжай в сентябре, мы все тебе и твоей жене будем очень рады.

У нас всё по-старому. Ася закончила училище и работает художником на заводе. Ну, а я вкалываю в школе, как шахтёр в забое. Но и ему, наверное, легче — ведь он приходит домой свободным, а я лишь начинаю готовиться к урокам, посещать родителей.

Все говорят о реформе, но она вызывает разочарование. Уже полуофициально объявили, что зарплата будет повышена на 60%, а теперь — лишь на 30%. Классы переполнены до того, что ученики часто сидят по трое за партами. Но школ почти не строят. У нас ряд школ имеет в два раза и больше учащихся, чем положено по норме для такой школы. Есть уже школы, где учатся более трёх тысяч детей, хоть здание самое обыкновенное. Собираются уменьшить «наполняемость» (ну и термин!) классов, но рассчитано это на 11 лет и лишь с 1986 года. В школе совершенно нет свободных помещений (в любой школе), негде заниматься кружкам, ведь одна смена идёт за другой, до позднего вечера. У школы такой мизерный бюджет, что она всё, даже краску для парт, должна выпрашивать у шефов. А процесс выпрашивания и длительный, и унижительный, и часто напрасный. Даже из беднейшего магазина наглядных пособий школа не всегда и не всё может купить. Кстати, у нас такой магазин — один на целую область. Очень плохо с литературой. По истории древнего мира, средних веков детям практически нечего читать. Нет и наглядностей. В результате идёт только зубрёжка учебника — а разве это учёба? Даже в школьной и центральной городской библиотеках ниче-

го нет. Если что-то и выпускают, то оно мгновенно исчезает, не дойдя до учителя. Ладно, это всё и так известно. Крепко жму тебе руку. Привет тебе и жене от всех нас.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

09.05.1984 г.

Дорогой Коммир! Привет!

Наконец-то получил вполне осязаемую причину для того, чтобы написать тебе письмо. Сразу оговорюсь, что и это своё письмо посылаю заказным образом, так как это является хотя бы какой-то гарантией того, что оно до тебя дойдёт. К сожалению, я не имею возможности предоставить себе такие же гарантии того, что ты ответишь...

Далее буду писать, главным образом, о себе для тебя. Начну с личной жизни. В ней всё так, как должно быть. Тамара на высоте, а я стараюсь от неё не отставать. На работе у меня без всяких изменений. По-прежнему меня используют, в основном, на подхвате, т. е. на разовых работах, да и то не на всех, если я сам не проявляю инициативы. Я же стараюсь использовать предоставленные мне возможности свободного распределения времени в интересах получения новых знаний, ибо считаю, что такое времяпровождение — единственно достойное человека и даже более, о чём, вероятно, ещё скажу несколько слов ниже.

О нашей возможной поездке в Винницу. Прежде всего, у нас с Тамарой отпуск по графику в сентябре. Так что нас можно ожидать в сентябре-октябре. Далее, моя мать весьма нездорова. Сейчас ко всем её болячкам добавились практически полная слепота. Она и без этого была во многом беспомощна, а сейчас обстоятельства могут сложиться весьма плачевно для нас в смысле проведения отпуска вне дома. Впрочем, может получиться так, что на несколько дней мы сможем вырваться и сделаем это в направлении Винницы. Конечно, мы заранее вас поставим в известность о точной дате приезда, когда она станет известна нам самим. Во всяком случае, спасибо!

О моих исследованиях в той области, которая может представить интерес и для тебя, Коммир. Меня в последнее время заняли

три периода нашей истории: Иван Грозный, Пётр I и тот, который начался в 1917 году. Буду говорить только о первых двух.

Из каких сторон предыдущей истории России Иван вытекал как логическое следствие? Какие стороны он не затронул, а какие задавил, предоставив им возможность проявиться позже? Что явилось причиной разгрома Грозным Новгорода? Чем ему мешал этот город? Добился ли Грозный своих целей разгромом Новгорода и до какой степени?

В деятельности Петра меня интересует перенесение им столицы в Петербург. Чем он сам обосновывал необходимость такого шага? Опять-таки, из каких сторон русской истории вытекала необходимость перенесения столицы?

Со своей стороны, я делаю и буду делать всё возможное, чтобы найти ответы на интересующие меня вопросы путём самостоятельной проработки специальной литературы. Но мне бы хотелось, чтобы ты подготовился к лекции передо мной на указанные темы. Надеюсь, что такая лекция доставит удовольствие лектору и слушателям. Сделаю всё возможное, чтобы лектор и слушатели собрались в одной аудитории в указанное выше время...

Теперь пару слов о новых знаниях. Знаниями называю совокупность фактов и систему, позволяющую их все объяснить. Новые знания — это новые факты и, по возможности, старая система их объяснения. Познавая, человек углубляется в природу, которая существовала до него. Следовательно, познавая, человек идёт вспять во времени. Результатом такого попятного движения является замедление хода времени для познающего человека. А следствием замедления течения времени является удлинение самой человеческой жизни. Именно этим объясняется тот феномен, что учёным требуется совсем немного средств к жизни для того, чтобы жить дольше средней величины жизни в их эпоху. Поскольку я считаю, что увеличение продолжительности жизни есть закон, имманентный человеку (а история всем своим течением подтверждает этот закон!), то становится понятным, почему я придаю познанию указанное значение.

И наконец, как говорят, поэтическая рубрика. Недавно я купил книгу, для меня несколько необычную: «Мысль, вооружён-

ная рифмами»⁴⁵. Посмотрев в оглавлении, я нашёл стихотворение Саши Чёрного «Жёлтый дом», написанное им в 1908 году. Открыв книгу на месте этого стиха, я без колебаний купил её. Вот это стихотворение:

Семья — ералаш, а знакомые — нытики,
Смешной карнавал мелюзги,
От службы, от дружбы, от прелой политики
Безмерно устали мозги.
Возьмёшь ли книжку — муть и мразь:
Один кота хоронит,
Другой слюнит, разводит грязь
И сладострастно стонет...

Пётр Великий, Пётр Великий!
Ты один виноватей всех:
Для чего на Север дикий
Понесло тебя на грех?
Восемь месяцев зима, вместо фиников — морошка.
Холод, слизь, дожди и тьма — так и тянет из окошка
Брякнуть вниз о мостовую одичалой головой...
Негодую, негодую... Что же дальше, боже мой?!

Каждый день по ложке керосина
Пьём отраву тусклых мелочей...
Под разврат бессмысленных речей
Человек тупеет, как скотина...

Есть парламент, нет? Бог весть,
Я не знаю. Черти знают.
Вот тоска — я знаю — есть,
И бессилье гнева есть...
Люди ноют, разлагаются, дичают,
А постылых дней не счесть.

---

⁴⁵ В.Е.Холшевников. Мысль, вооружённая рифмами. Л., 1983. — 448 с.

Где наше — близкое, милое, кровное?
Где наше — своё, бесконечно любовное?
Гучковы, дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
Об мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

Как видишь, вопрос о переносе столиц волновал не только меня... Возможно, это и послужило истинной причиной того, что я купил книгу. Впрочем, там ещё есть множество отличных стихотворений. Надеюсь со временем прочесть не только их, но и комментарии к ним.

На этом буду кончать. Привет всем твоим. Пиши. Кстати, во вчерашних «Известиях» была статья, в которой о школе говорилось примерно то, что ты мне писал.

Твой Исай.

Хусид — Крижановскому

29.11.1985 г.

Дорогой Коммир! Здравствуй!

Рад был услышать твой голос. Он по-прежнему бодр. Это внушает мне надежду, что в оставшиеся 40–60 лет своей жизни ты будешь мне писать несколько чаще, чем за предыдущий период. Быстрота и объём твоего ответа на это моё письмо поможет мне утвердиться или разочароваться в своей уверенности. Поэтому буду краток.

Этот год для меня был годом сироты, так как летом скоропостижно умерла мама. Но, кажется, внешние силы относятся ко мне благосклонно, ибо успели послать мне Тамару. Вот так...

Теперь несколько слов о себе. Был в отпуске с Тамарой. Заехали на сутки в Киев для захоронения маминого праха. Затем отдыхали под Москвой 2 недели, я съездил в Калугу на чтения, посвящённые Циолковскому — на 3 дня, а остальное время были дома.

Работаю там же и в том же качестве. Мой новый институт, как и три предыдущих, никому не нужен, хотя он и Физтех! Но я уже

к этому привык и стараюсь сам поддерживать себя в форме. Благо, ищущая голова всегда найдёт предмет для размышлений.

Будь здоров и счастлив. Привет семье. Не собираешься ли в Москву? Было бы удивительно здорово!

Саша.

Хусид — Крижановскому

18.12.1985 г.

Дорогой Коммир, привет!

После сегодняшнего разговора с тобой решил тебе написать ещё несколько слов. Я охотно верю тому, что у тебя дома моей жене и мне будет обеспечен отличный приём. Но, кроме того, что я тебе уже сказал по телефону, добавлю следующее соображение.

Мы с тобой знакомы достаточно много времени. Думаю, что не очень ошибусь, если скажу, что для нас с тобой главным в общении является обсуждение проблем, отнюдь не погодного содержания. Но ты не будешь отрицать, что по этим проблемам мы с тобой думаем во многом по-разному, хотя отношение ко многим вещам у нас одинаковое. Следовательно, при встрече мы должны будем потратить массу времени не столько на обсуждение интересующих нас обеих проблем, сколько на то, чтобы, как говорят, договориться и о терминологии, и о самих задачах, которые мы бы хотели обсудить.

Таким образом, наша не очень продолжительная встреча (ведь даже если мы и приедем, то не более чем на неделю) будет посвящена техническим, а не принципиальным вопросам. Опыт показывает, что наши встречи — редкое явление. Думаю, что ты уж знаешь, к чему я веду. И всё-таки не побоюсь повторить то, о чём ты догадываешься. Да, да, если бы у нас к моменту желанной встречи были письма, то нам было бы гораздо легче перейти к обсуждению самых существенных вопросов. Это принесло бы очень много пользы не только мне, но, по-моему, и тебе.

Я неплохо изучил существующую систему не только теоретически, но и на собственной шкуре. И всё-таки остался таким же непримиримым. Мне понятна твоя осторожность, когда ты находил-

ся на государственной службе. Но сейчас-то чего тебе опасаться? Кроме того, тайна переписки охраняется Законом, на основании писем тебе никто ничего официально пришить не может, а самое главное в том, что мы ничем противозаконным не занимаемся, обусуждая пороки нашей же системы.

Итак, не боясь повториться, скажу тебе, что от того, как будет налажена наша переписка сейчас, во многом зависит наш возможный приезд, которого, поверь мне, и у меня есть тому достаточно доказательств, я жажду не менее твоего. Можно было бы ещё много распинаться на эту тему — о нашей переписке, но я убеждён, что ты сам мне сможешь показать — письмами или молчанием, как ты меня понял.

Итак, все-таки до встречи! Привет всем твоим.

Саша.

Крижановский — Хусиду

30.12 1985 г.

Дорогой Саша!

Очень трогательно для меня получить от тебя поздравление в такой день. Внимание от тебя особенно дорого. Ну, ты это знаешь. Я отвечу на твои вопросы где-то позже. А сейчас расскажу о себе. С 30 ноября я стал пенсионером. Но одновременно, ещё с 30 августа работаю в сельской школе на полставки. Времени это отнимает два дня, иногда три, и ещё 70 рублей. Вместе — 190. Чистыми это столько, сколько я получал, работая на полторы ставки (это каторжный труд, работа на износ почти при полном отсутствии свободного времени!). А из дневной школы я ушёл с минуты выхода на пенсию. До 30.XI у меня было в обеих школах 33 часа (!). В-основном, восьмые неуправляемые классы в самой разболтанной школе города. Я совершенно серьёзно думал, что всё поставлено на кон: или пан, или пропал — до пенсии просто не дотянешь... Нервная и физическая усталость всё время на пределе. Не думаю, чтобы даже в космическом полёте испытывали нечто подобное. Но я всё-таки выжил! И 30 ноября сказал себе с удивлением и радостью: а я жив! И буду жить! Первые дни радость была

просто безграничной. Я свободен. Чувство непередаваемое. Я ни от кого не завишу. Я могу читать любую книгу. И я взялся за те, которые «на потом» годами откладывал. Читаю, думаю, развиваюсь. Но заболел воспалением лёгких, и вот уже 10 дней всё время дома. Чувствую себя неплохо, только лекарства донимают меня своими последствиями. Света и Ася работают. Ася — художником. Уже 22 года, а у неё только книги в голове.

Ну ладно, кончаю. Поздравляю с наступающим Новым годом тебя и твою жену. Будьте счастливы. И мы вас ждём. Крепко жму твою руку.

Коммир.

Приложение **О новой Программе КПСС⁴⁶**

Рассмотрение Программы следует начать с аналога. Прошлая Программа: «партия торжественно обещает, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме». Если говорить о партийной верхушке (в том числе военной и т.п.), то они ещё со времён Хрущёва живут лучше, чем при коммунизме. Если же это касалось народа, то это был наглый обман. Ибо ничего, совершенно ничего не было сделано для её воплощения в жизнь. Зато на добрый десяток лет это была база — и притом неисчерпаемая — для пропаганды. Хорошо, ну а потом что? Полный провал. Крах. Кого к ответу? Что народы Востока, тысячелетия живущие под игом тирании, уже давно раскусили, что всё при тиране носит временный характер, видно из известной тебе притчи о Ходже Насреддине и султане с ослом. Она мне сразу же вспомнилась, как только заговорили о «новой редакции» (хотя здесь совсем иной текст). Ты её помнишь? Султан вызвал Ходжу и обещал ему щедрую награду, если тот научит осла говорить. Но в случае неудачи его вместо награды ждёт смертная казнь. Султан также обещал его щедро поить и кормить на всё время учёбы. Ходжа согла-

---

⁴⁶ Проект новой редакции Программы КПСС был представлен М.С.Горбачёвым 15.10.1985 на пленуме ЦК КПСС (Принята единогласно 01.03.1986 г. на XXVII съезде КПСС).

сил, но выбрал срок в 20 лет. (Очевидно, он читал Программу). Когда друзья испуганно спросили его, как он мог согласиться на это, Ходжа ответил: за 20 лет или осёл сдохнет, или султан умрёт, или я умру.

Не знаю, слышал ли Хрущёв эту притчу, но что Программа была точно по ней построена, — это факт. Итак, это была грандиозная мистификация, на которую не пожалели ни времени, ни средств. Школьники, студенты, солдаты — все два десятилетия зубрили её и ею же оправдывали любую мерзость: ведь ради каких грандиозных целей они делают! Разве — тут уж точно — цель не оправдывает любых средств? Итак, оба султана, жившие на капитал с Программы, ушли в небытие. И с кого же спросить? Но ведь обещания делались от имени партии. С партии и надо спросить. Точнее говоря, с её верхушки. За грандиозный обман народа в течение 20 лет. Но нет ещё организованной силы, которая могла бы это сделать. А заодно и навести порядок в своей собственной стране. Пока нет. Но будет. И тогда спросят с номенклатуры за всё. И за это тоже. Однако спрос несоизмерим с грандиозностью преступлений. Второе в миллиарды раз превышает первое. Поэтому любая наша тирания до самого конца, до своего последнего дня будет идти по этому пути. Каждый ничтожный тиранчик — неограниченный абсолютный монарх в своей вотчине. Каждый из этих человекоподобных клопов сосёт кровь народа, оставляя на всём своём жизненном пути грязь и кровь. Уж слишком ничтожна плата — лёгкий страх, что когда-нибудь этому может прийти конец. Но ведь бояться народа нечего: где-то в туманном будущем что-то, может быть, и произойдёт. Но зато сегодняшний день мой. А если и могут в видимом будущем произойти фатальные для клопа изменения, то ведь только сверху. Ну что ж, умей крутиться. Размах подхалимства, самоуничтожения перед начальством достиг высот времён Ивана Грозного, когда знатнейшие вельможи в письмах к царю именовали себя не иначе как «грязный и ничтожнейший червь». Итак, главное в жизни мундирного клопа — ловить взгляд начальства. 20 лет прошло — клопы немножко засуетились и вытащили на свет божий новую Программу. Ещё лет на 15–20 народ обязан верить в её богом начертанные святые бук-

вы. А потом что? А потом — смотри вначале. Спокойная жизнь клопиному роду в мундирчиках обеспечена.

Но жизнь неумолимо идёт вперёд. Миллионы людей (хоть и далеко не все) поверили в прошлую Программу. Уж очень конкретно и по часам всё было расписано. Как в рецепте врача. В новой Программе уже не могло быть этой конкретности, не могло быть грандиозности, она сера и ничтожна, как всё, что нас окружает. Тогда зачем она? Ведь ни уму, ни сердцу она ничего не даёт. Даже поверить, если захочешь, то не во что. Наоборот, она убеждает, что и через 20 лет (если, конечно, народ не раздавит мундирных клопов) жизнь будет такой же серой, бесправной, бедной и ничтожной, как сейчас. Тогда ещё раз спрашивается, зачем же новая Программа? Представим себе на мгновение, что старая Программа — такая же общая, серая и ничтожная, как эта. Была бы необходимость принимать новую Программу? Да нет, конечно. Подменили бы старые цифры новыми планами, да и всё. Значит, дело не в новой Программе. Главное, надо из памяти народ полностью вывести эти 20 лет грандиозной мистификации. Старая Программа, уверен, скоро будет не только изъята, но и повсеместно запрещена. Ещё одно историческое событие канет в лету по воле клопов. А отсюда: стоит ли внимательно читать, изучать и запоминать части новой Программы? Она ведь до ужаса ничтожна. Думаю, что не стоит. Старая Программа открывала на бумаге грандиозные и прекрасные картины самого ближайшего будущего. Ради такой великой цели стоило потрудиться. Даже если не всё удастся в этот срок выполнить, и, может быть, далеко не всё увидеть при жизни. Но ведь увидеть осуществлёнными хотя бы даже наполовину проекты Программы — это уже увидеть очень и очень много. Ради этого стоило жить. Ну, а к чему зовёт новая Программа? Ни к чему. Что она обещает? Ничтожно мало. А мы по опыту знаем, что все эти проекты, даже ничтожные, так и останутся, в основном, на бумаге. Эта Программа не стоит бумаги, на которой её печатают. Интересно подумать над соотношением социальной структуры и функции.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

30.12.1985 г.

Дорогой Коммир, привет!

Прежде, чем отвечать на твоё письмо, я перепечатаваю его, чтобы ты хоть как-то себе представил, каких трудов мне стоило прочесть твой почерк после столь большого перерыва. Вот теперь мне будет легче тебе отвечать. Только, ради бога, не думай, что я буду посылать тебе копии всех твоих писем. Правда, если бы это гарантировало аккуратные ответы, я бы пошёл на эту жертву своего рабского времени...

Начну с того, что посылаю тебе в этом письме копию тех изданий, на которые я подписался на будущий год. Обрати внимание на «Вопросы экономики». Опыт показал, что к каждому съезду в такого рода журналах печатают массу критических статей о нашей экономике, сопровождая критику уверениями, что решения предстоящего (или только что прошедшего) съезда решат все эти проблемы (именно решения решат!). А сейчас, когда между съездами поменялось четыре генсека и почти всё политбюро, можно ждать Ниагары критики. (Перейду на один интервал между строчками, чтобы письмо заняло меньше страниц).

Несколько слов опять о тебе. Твои чувства по поводу свободы лично мне не знакомы. А то, что ты заболел, — это чепуха. Ты выдержал главное: длительное испытание рабством и не потерял чувства свободы. Значит, должен и будешь жить. Только очень тебя прошу: читая, думая и развиваясь, не забывай меня и хотя бы в слабой степени приобщай к тому миру, который будет открываться перед тобой!

За приглашение большое спасибо. Я надеюсь, что твои письма своим только появлением у меня будут это приглашение подтверждать...

А теперь о своих делах. Вот уже два месяца, как я начал изучать немецкий язык. Купил для этого самоучитель, изданный в ГДР для иностранцев. Пока довольно интересно, хотя твои слова об обратных переводах меня несколько охладили. И всё-таки интерес не пропал, и, кто знает, при каких обстоятельствах мне может ещё понадобится немецкий язык?

Вот уже более двух месяцев занят разбором известного тебе документа. Критическую часть, состоящую из двух разделов, написал уже даже начисто. А вот краткое изложение своей модели истории пока что-то не клеится. Дело в том, что в письме возможно только краткое изложение, без критического анализа подходящей литературы. И чтобы это краткое изложение было понятно, нужно чертовски серьезно трудиться. Я, конечно, понимаю, что надеяться на порядочного читателя моих писаний, например, в журнале «Коммунист», куда я собираюсь направить своё письмо, не приходится. Но ясность изложения поможет мне самому лучше себя понять. Это подтверждается моим собственным опытом, как и тем, что лучшее понимание самого себя обычно сопровождается возникновением новых мыслей о предмете исследования, то есть, помогает проникнуть в его сущность ещё глубже. Поэтому не взыщи, если я постараюсь хотя бы как-то изложить эту часть своего письма в этом послании. Твоё понимание, твои вопросы, критика и суждения (да ещё с примерами, которых ты знаешь бездну) для меня особенно ценны.

Мы можем судить о прошлом наших далёких предков только по материалам археологии. На основе этих материалов мы пытаемся восстановить путь, который пройден нашими предками и который привёл к тому, что существуем мы сами. Последнее я считаю тоже достоверным. При этом мы стараемся восстановить этот путь, так сказать, методом обратного анализа и притом так, чтобы он вёл к нашему сегодняшнему существованию единственным логическим образом. Кроме того, мы стараемся, чтобы наша логика как можно чаще подтверждалась материалами археологии, а с того времени, как имеются и другие материальные следы, — и ими тоже. Самое лучшее — это когда логический путь не имеет исключения среди действительных фактов. Тогда мы можем предполагать, что исследуем историю на уровне её законов.

Итак, на сегодня вершиной человеческого развития можно считать обмен, доведённый до его самодовлеющей формы — денег. Движущей силой этого обмена является прибавочная стоимость. Следовательно, мы должны предположить, что на заре своего существования, когда люди ещё не стали таковыми, но уже

отделились от животных, у них был какой-то прообраз этой прибавочной стоимости, который тоже двигал людьми. Для тех, кто становился людьми, такой прообраз составляли дети.

В самом деле, известно, что человек, так сказать, необратимо становится таковым к шести годам. Это самый большой из известных сроков приобретения видовых признаков для всех известных видов высших животных. Запомним: 6 лет. Далее, женщины (особенно в жарких странах, где, по-видимому, находится родина наших далёких предков) начинают рожать в десять-двенадцать лет. Ясно, что для этого в тех же условиях будущей матери может подойти мужчина уже в 12–14 лет. Таким образом, для простого воспроизводства своего рода, включая время, минимально необходимое для передачи необходимого опыта создания собственных условий жизни, человеку того времени достаточно было жить в среднем около двадцати лет, что и подтверждается данными палеодемографии.

После столь полуфантастических построений у тебя возникнет вполне законный вопрос: где же тот прототип прибавочной стоимости, который упоминался? Кажется, сейчас самое время перейти к нему.

Итак, первые 6 лет жизни родители передают детям навыки, необходимые для сохранения рода (между прочим, одна из основных животных естественных потребностей). В отличие от всех остальных животных, детям которых многие из этих навыков передаются по наследству (что вполне понятно, ибо все животные пользуются тем, что им «заготовила» природа), человек должен передавать обязательно своим детям навыки пользования какими-то предметами. Эти навыки обязательны, и умение пользования ими не передаётся наследственным механизмом. Здесь-то и зарыто главное противоречие человека. Мы должны предположить рассогласование механизма наследственности человека и тех природных условий, в которых существовали его предки. В противном случае пользование предметами для обеспечения необходимых условий продления рода (включая и защиту от врагов) не может стать обязательным. Становление этих предметов орудиями есть более поздний этап развития наших предков.

Передача навыков пользования предметами (подчёркиваю ещё раз: навыки эти обязательны) могла производиться только способом наглядной демонстрации и насильственного закрепления. Передача навыков считалась законченной, когда результаты пользования навыками могли удовлетворять потребности «учителей». Это удовлетворение было чисто натуральным, то есть, часть своих потребностей «учителя» действительно удовлетворяли результатами действий «детей». Если теперь вспомнить продолжительность жизни родителей («учителей»), то легко сообразить, что такой «паразитизм» родителей за счёт детей длился исключительно короткое время: передав необходимые навыки детям, родители умирали (от самых разных причин, включая насильственные со стороны хищников).

Подведем некоторые итоги. Одним из возможных ключей к нашей истории оказывается такое вполне естественное явление, как средняя продолжительность жизни наших предков (подтверждается данными науки) и период жизни, необходимый для стойкого очеловечивания человека (тоже подтверждается данными науки). Конечно, только в сочетании с предметом, который наши предки обязательно должны были помещать между собой и веществом природы для придания последнему свойств, удовлетворяющих потребности организма. В тот период «прибавочным» был продукт, получаемый детьми в процессе их обучения. Получение этого продукта было необходимым условием существования вида. «Рабовладельцы»-родители умирали, как только их «рабы» становились способными существовать самостоятельно.

Однако даже незначительное (и необходимое) удовлетворение потребностей родителей за счёт детей давало эффект: продолжительность жизни медленно, но неуклонно росла. Согласно новейшим данным, в эпоху неолита средняя продолжительность жизни людей перешагнула 30 лет. Бывшие потенциальные рабовладельцы становились таковыми в действительности. Однако чрезвычайная длительность, естественные основания делали рабство тоже вполне естественным состоянием. По существу, такое «родственное» рабство не было таковым и превратилось в классическое только тогда, когда появилась возможность замены своих

детей чужими. Формирование моногамной семьи способствовало разделению детей на своих и чужих, ибо во всех предыдущих формах семьи все дети были «своими».

Дорогой Коммир! На этом буду закругляться. Судя по редкости твоих писем, я вряд ли дождусь твоей критики до того момента, когда закончу свой вариант, пригодный, по моему мнению, для тех, кому будет он отослан. Но прошу тебя учесть, что твоя критика мне будет чрезвычайно полезна, когда я буду писать нечто большее, чем критика всяких... Со своей стороны, постараюсь выслать тебе (опять-таки для критики) этот раздел своего письма (в «Коммунист») в том виде, в котором он будет послан.

Ещё раз с наступившим Новым годом! Здоровья! Привет семье.
Саша.

Хусид — Крижановскому

10.11.1986 г.

Здравствуй, Коммир!

Откровенно говоря, не ожидал от тебя писем даже в открыточной форме. Но, видимо, и на тебя этот «праздник» ещё производит некоторое чарующее впечатление...

Дома всё отлично. Даже не могу представить, где бы я был, если бы это было не так (хотя я против рассуждений типа: «что было бы, если бы...»). Изучаю немецкий. Даже сам ощущаю успехи в чтении текстов для языковых вузов. Занялся более активно физикой: есть идеи, а знаний, как всегда, мало. Политику и экономику практически забросил, всё и так ясно: войны не будет (СОИ не даст), а остальное развалится в самом ближайшем будущем.

Приехать не смог, а теперь даже не знаю, стоит ли? Ведь если мы переписываемся раз в году (по таким праздникам), то при личной встрече у нас почти всё время уйдёт на нащупывание обоюдодоинтересных тем для бесед. А неприезд в этом году объясняется многими причинами, включая даже Чернобыль: как раз на отпуск к нам приехали из Киева две мамы с малыми детьми в качестве моих родственников, о существовании которых я даже не знал, хотя и подозревал. Кроме того, мы с Тamarой именно в это время

сами делали ремонт. Всё сдвинулось, включая отпуск, предназначенный всё-таки для отдыха. Вот так.

На этом буду кончать. Остальное — в следующих моих ответах на твои поздравительные открытки. Привет всем-всем и наилучшие пожелания! Прежде всего — здоровья!

Саша.

Крижановский — Хусиду

20.12.1986 г.

Дорогой Саша!

Я был несказанно рад, получив от тебя письмо. Не было дня, чтобы я о тебе не думал. А почему же не писал? Вот плохая такая привычка развилась — всё откладывать письмо. Потом мучит совесть. И всё ждёшь от тебя весточки. А её всё нет... Сашуня, как бы нам увидаться? Одна комната всё время тебя ждёт. Приезжай сам или с женой — как тебе удобнее. А я всё не могу вырваться в Москву. Но если это удастся...

Расскажу о себе. Я работаю уже год в сельской школе. Пять лет я отработал, как на шахте. Может быть, и тяжелее — в городской школе, правда, самой трудной в городе. Дисциплина: ученики понимают только дикий крик, а вслед за ним — самые тяжёлые кары. Сам понимаешь, что я так работать не мог. Ладно, что вспоминать прошлое. У меня волосы поседели, да и здоровье пошатнулось за эти 5 лет. Учителя же работают, как каторжники, привязанные к галерам. Теперь мне легче, хоть я работаю в школе с очень низкой для сельской школы дисциплиной, грубостью, потрясающим невежеством. Стараюсь хоть что-то дать детям и смягчить их очень жёсткие души. Но теперь у меня появилось — в декабре — свободное время. Теперь я только два раза в неделю (раньше я заменял больную учительницу) бываю в школе. Но готовиться приходится очень много. Перечитываю Ключевского. Великий учёный, жаль, что ни до, ни после ничего похожего не было. Наши же учебники — на уровне «до Карамзина». Правда, они осуждают русских царей за их отношение к крестьянам, но на этом исторический подход кончается. Всё остальное они, оказывается, де-

ляли «точно по Марксу». Внешняя политика от Ивана Калиты до наших дней — идеальная. Она шла на благо русскому народу и всем, кого Россия душила в своих объятиях. Жаль только, что революция помешала царям захватить и облагодетельствовать весь мир. Но, кажется, кое-кто даже сейчас не прочь осуществить эту заветную мечту. А централизация государственной власти! Ведь это именно то, что нужно было России. Самодержавие... Ну, это, как говорится, издержки производства. Ну и так далее. Позже напишу тебе подробнее, если это тебя заинтересует. Меня волнует, как у тебя с работой. С такой головой, как у тебя... Я думаю, ты должен найти хорошую работу. Напиши. Крепко жму твою руку. Привет от Светы и Аси тебе и жене.

Коммир.

Крижановский — Хусиду

26.12.1986 г.

Дорогой Саша!

Мы все поздравляем тебя с Новым годом и желаем крепкого здоровья, творческих удач и счастья в семье. И пусть у тебя до пенсии решится вопрос с работой. Приезжай к нам, когда сможешь, я был бы рад. Жду твоих писем. Что у нас нового? Ничего. Света что-то интересное строит и вся увлечена этим. Ася, ох эта Ася... Всё свободное время читает, да ещё учит английский. А где же молодые люди? Молодость проходит без них. Я работаю на полставки. Уже месяц я теперь очень раскован и свободен. Внимательно слежу за переменами. Так что, идём к НЭПу? Я думаю, что из той ямы, в которой мы находимся, любой путь ведёт наверх, любой вперёд. Думаю, что если этот процесс начнётся, он вскоре станет необратимым, ибо иначе работать просто никто не захочет. Очень интересна, но и чувствительна критика. Короля раздевают почти догола. Надолго ли это? Интересно, но мне кажется, что молодёжь довольно пассивно всё это воспринимает, не чувствуя уникальность явления. Но экономические изменения её вскоре заденут, и она сможет сравнить. Но пока быт совсем не изменился. Крепко жму твою руку. Пиши.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

28.12.1986 г.

Здравствуй, дорогой Коммир!

Ты меня решил побаловать своим столь частым вниманием. Что ж, я не против такого баловства и впредь, хотя опыт показывает, что тебя хватает ненадолго.

Насчёт «увидеться». Даже не знаю, что тебе сказать: и хочется, и колется. В феврале у нас с Тамарой отпуск. Уж так мы решили в этом году провести отпуск зимой. Недели две надеемся побыть под Москвой в доме отдыха. Тамара, вероятно, сможет получить у себя на работе путёвку. Рассчитываем неделю до дома отдыха побыть дома и отдохнуть от работы, а неделю после тоже побыть дома: отдохнуть от дома отдыха.

Наше нынешнее финансовое положение тоже не располагает к дальним переездам: с некоторых пор я сижу на ставке инженера с окладом 120 р. Борьба с властью имущими продолжается, но в несколько более стеснённых условиях. Тамара, методу прочим, в этой борьбе целиком на моей стороне. Без всяких «но». И это просто отлично! А ведь ей достаётся более всего, ибо дома я только и есть сам собой. Это, конечно, не означает, что на неё падает всё моё раздражение. Наоборот, раздражения дома-то как раз и нет. Но ей я могу полностью и без оглядки выговариваться. А это само по себе огромное благо.

Несколько слов о твоей работе учителем. Думаю, что многое из того, что я напишу по этому, да и по другим поводам, для тебя не будет откровением. Так вот, атмосфера в школе есть отражение, правда, подсознательное, того, что творится вне её стен. А главным вне стен в теперешний момент следует, бесспорно, считать полную неуверенность общества относительно собственного будущего. Если ты примешь такую точку зрения, то сразу же поймёшь, что вся «борьба за мир» есть не более чем мышьяная возня перед огромными массами людей. Цель возни: держать эти массы в страхе и повиновении. Цель не оригинальная.

Несколько слов относительно истории России. Я знаком с работами Ключевского. Не столь давно я интересовался особо вопросом о причинах возникновения Петербурга. Кстати, пришёл

к выводу, что Питер оказался как бы продолжением Новгорода. Вспомни, как уничтожался этот исконный центр русской торговли и свободомыслия. Питер выстоял. И даже Сталин с помощью Гитлера не смог уничтожить вольнолюбивый дух Питера.

Вообще же поговаривают, что Ключевского собираются переиздавать. Но слухи самые противоречивые относительно якобы готовящегося его переиздания: кто говорит, что будут подписывать только специалистов, имеющих отношение к истории, а кто говорит, что выпустят неограниченным тиражом. При теперешней «демократии» не знаешь, какому из слухов отдать предпочтение, т.е., что предпринять, чтобы оказаться в числе счастливиц-обладателей Ключевского, или ничего не предпринимать...

Несколько слов о разном. Вчера я просматривал свои архивы. Оказалось, что это далеко небесполезное занятие. Я выяснил, что при Андропове был прецедент, когда очередной Пленум ЦК проводился в самые последние дни года. Это означает, что тот пленум по кадровым вопросам, который обещал Горбачёв, ещё может состояться, тем более, что среди членов Политбюро, возможно, уже не будет Крючкова. На эту возможность указывают разного рода совещания в ЦК, которых что-то стало подозрительно много: таким способом легче всего объяснять сбор всех членов ЦК в Москву. Кстати, в своё время мы под прикрытием поднятия целины стягивали массу техники в Казахстан для срочного строительства там Байконура (это я вычислил, прочитав воспоминания Брежнева).

На этой кончаю. Поздравляю с Новым Годом! Желаю здоровья — всем-всем!

Пиши. Отвечать буду регулярно.

Саша

Крижановский — Хусиду

10.04.1987 г.

Здравствуй, Саша!

Жду от тебя обещанного письма. Очень рад был, что ты позвонил, и я хотя бы услышал твой голос. А вот как нам увидеть-

ся? Тебе надо, разумеется, менять работу. Может быть, на новой работе ты сможешь бывать в командировках и приедешь к нам (!) или в Киев. Как тебе нравится такой эгоистический подход? Но уж очень я тебя хотел бы повидать.

Меня очень огорчили твои трудности на работе. Неужели в Москве и не очень далеко от дома нельзя инженеру найти работу? А если бы найти что-нибудь связанное с гуманитарной работой или близкой к ней? Очень обидно, что так всё происходит. Сашуня, может быть, и тебе надо быть более сдержанным, более терпимым? Я понимаю тебя — ведь все эти котлы очень далеки от того, над чем ты всё время думаешь.

Интересные события происходят в нашей стране. Что такая реформа может быть осуществлена сверху, трудно было предполагать. Но, с другой стороны, ведь всё дошло уже почти до ручки. В экономике надо прилагать огромные усилия, чтобы добиться самых малых результатов. И эти усилия ежегодно возрастают. Но ведь так долго продолжаться не может. Исксякнет любая энергия. И что же тогда? Крах. И в самом ближайшем будущем.

Вот почему верхи (и, разумеется, далеко не все) решились на реформу. Разумеется, хотелось бы реформировать экономику, не задевая политики, иначе говоря, всю власть нерушимо оставить за собой. Но сейчас это уже совершенно невозможно. Никто не будет работать на давно отчуждённую в сознании экономику.

Тем более, что людей за последние 30 лет столько раз обманывали и грандиозными планами, и — гораздо чаще — просто соблазнительными, но «твёрдыми» обещаниями. Всё это подкреплялось съездами, пленумами, политучёбой и убедительными цифрами, разбитыми по годам. И люди настолько отвыкли верить, что даже сейчас, когда уже что-то конкретно делается, почти никто всерьёз не верит в перестройку.

В таких условиях реформа возможна лишь в условиях непрерывных шагов вперёд. Иначе говоря, нужно немало сделать таких шагов, чтобы люди, наконец, поверили и начали работать на перестройку.

С другой стороны, что может народу предложить правительство, ведущее войну в ряде стран, обуреваемое старой фантастической (безумной) идеей иметь больше вооружения, чем все разви-

тые страны мира, вместе взятые, и владеющее, хотя и гигантскими, но уже развалинами экономики. Повысить в 1,5–2 раза зарплату? А где взять деньги, не меняя политику? Обеспечить людей хотя бы качественным ширпотребом и едой — но откуда? Работать же за нищенскую «зарплату», которую получает большинство трудящихся, работать ни за что и без всяких политических перспектив уже давно никто не хочет. Вот почему и появились эти смелые идеи экономического и даже политического переустройства.

Но при этом молчаливо предполагается, что власть так и останется в руках партверхушки. А вот это уже совершенно невозможно. Если реформа пойдёт вперёд всерьёз, если в экономике появится хотя бы относительная самостоятельность, а в политических вопросах явные уступки либерализму (его у нас никогда не было, не было и в годы Хрущёва), то процесс этот станет необратимым.

Поднятые и воодушевлённые идеей свободы массы начнут оказывать всё возрастающее давление на правительство, а если оно не внемлет — свергнут его и поставят левых, а потом ещё более левых. Вот чего кое-кто боится.

Кончаю. Привет Тамаре Сергеевне. А жить стало гораздо интереснее, хотя в материальном отношении ещё хуже. Пиши.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

28.06.1987 г.

Привет, Молчальник!

Посылаю тебе копию ещё одного письма. Надеюсь, что ты и его прочтёшь и, возможно, напишешь своё мнение как о нём, так и о документе, о котором идёт речь. Если я не матерился, то только потому, что и это письмо чревато само по себе.

Кстати, то письмо в ЦК, которое я тебе послал ранее, по какой-то причине переправили в МГК. Я так и не нахожу этому объяснения...

С 10.06.1987 года ухожу из моего института. Рад безмерно, что более не надо будет ходить в эту клоаку, хотя и понимаю, что попаду в другую...

Не исключено, что в конце того месяца меня покажут в одной из передач Московского телевидения: я толкаю одну из своих экономических идей, которая их уж очень заинтересовала.

Съёмки проходили 18.06.1987 года. Я-то сам себя уже смотрел на экране, но пойдёт ли в эфир? Если пойдёт, то будет сильный удар! Это я знаю точно! Но не исключено, что и их куриные мозги это поймут. Мне сообщат за неделю до показа, так сказали (если показ, конечно, будет). А пока надо ждать. Для меня в настоящее время эфир — самое главное в жизни, ты это отлично понимаешь.

Идея такова: самое слабое звено в производстве — то, где заняты самые молодые работники. Как ты понял мою идею в таком её изложении?

На этом закругляюсь. Привет всем твоим.

Исай.

Хусид — Крижановскому

17.07.1987 г.

Привет, Молчальник!

Буду краток. У меня есть для этого основания, ибо ты мне вообще не пишешь.

Два последних года я самостоятельно изучал немецкий, чтобы иметь возможность в оригинале читать Маркса и Энгельса. И вот теперь я купил несколько их произведений и получаю удовлетворение, что с помощью своих знаний и нашего официального перевода убеждаюсь, что из русских переводчиков их никто не понял. Если я и далее буду так же настойчив, то года через два смогу читать их сам, без нашего перевода. В связи с этим убедительно прошу тебя перечитать работу Маркса «Наёмный труд и капитал» (том 6 второго издания) и обязательно вместе с этим «Введение» к ней, написанное Энгельсом в 1891 году (том 22). Особое внимание удели Энгельсу, который «исправляет» Маркса в соответствии с открытиями последнего времени, сделанными уже после выхода в свет «Наёмного труда». Если ты сделаешь эту работу, то у нас с тобой будет много тем для писем, а для меня это послужит дальней-

шим стимулом в написании того курса политической экономии, о котором я давно мечтаю.

На этом буду закругляться.

Работу я ищу и, как и Тамара, не теряю надежды, что найду. Но, как ты понимаешь, других дел тоже хватает. Страна быстро приближается ко дну. Это, кажется, единственное, что она делает с ускорением и даже без перестройки.

Кстати, недавно я прочёл бред о совершенствовании хозяйственного механизма и материалы последнего совещания с печатью. Кошмар! Особое место о «больше социализма, больше демократии». Куда уж более, чем за прошедшие 70 лет!

Будь здоров. Привет всем твоим! Всё-таки можешь писать чаще!

Исай.

Хусид — Крижановскому

09.08.1987 г.

Здравствуй, Коммир!

Ты, как обычно, молчишь подолгу и всерьёз, а у меня, между тем, идут разговоры даже по телевидению. Пока, правда, только по московской программе, но я надеюсь, что смогу в недалёком будущем говорить и для более широкой аудитории. В подтверждение первой части утверждения посылаю тебе вырезку из еженедельной программы. Вчера обещанная в ней передача состоялась, и мы с Тамарой лицеизрели меня со стороны.

Если говорить очень коротко, то идея, которую я «продавал», заключалась в следующем: прогрессивным в абсолютном смысле будет такое развитие общества, которое приводит к постарению его рабочей силы, а в предельном случае вообще исключает рабочую силу из производительных сил общества. В I томе «Капитала» Маркс обращает внимание на то, что капиталисту выгоднее молодые работники, но последующие экономисты пропустили этот момент, хотя именно он раскрывает сущность прибавочной стоимости.

В самом деле, прибавочная стоимость капиталиста есть не некая абстракция, а та жизнь, которую капиталист забирает у рабо-

чего, заставляя последнего работать более общественно необходимым времени. Очевидно, что чем моложе работник, тем более у него можно забрать жизни с тем, чтобы, присоединив её к своей, жить дольше среднестатистического уровня продолжительности жизни. Вот тебе и вся сущность политической экономии.

Мне выделили всего лишь 7,5 минут, а вся съёмка (передача была непрямая) длилась тоже не более 15–18 минут. Теперь остаётся только ждать реакцию зрителей и слушателей...

На этом закругляюсь. Передача будет повторена 16.08 по той же программе и в то же время. К сожалению, не смог найти общих с тобой знакомых-москвичей с тем, чтобы ты получил впечатления от третьих, знакомых тебе, лиц. Будь здоров. Привет всем твоим.

Саша.

Хусид — С.Г.Крижановской

3–4.10.87 г.

Привет, Свечка!

Это письмо, так ты догадываешься, касается пребывания Комы в Москве. В течение всего нашего почти тридцатилетнего знакомства мы с ним никогда так близко и долго не общались. Конечно, это было не совсем свободное и равное общение: Тамара и я работали, а Кома мог трудиться. (Полагаю, что он объяснит тебе, в каком смысле я употребляю понятия труд и работа). Обо мне тебе лучше расскажет сам Коммир, а о нас двоих и о нём я постараюсь рассказать сам.

Прежде всего, о том, что у нас общего: мы оба страстно желаем уничтожения нынешнего состояния нашего общества. Но на этом всё общее кончается.

Я считаю, т.е. полагаю, что необходимо уничтожить внешнее состояние всего мира, а он считает, что достаточно уничтожить «империю зла»; я основываюсь на том, что история человечества вполне строго логически объяснима. Я изложил ему чёткие исходные пункты, на которых я основываю своё объяснение истории. Кома с ними согласился. Но из этого согласия отнюдь не получилось объяснения ни одному историческо-

му факту, из чего я сделал вывод, что согласия, в сущности, не было.

В последний день его пребывания у меня я показал ему статью в «Известиях» о Венгрии, которая ввела у себя самостоятельность предприятий. Результаты такой самостоятельности были весьма печальными, но даже этот опыт не смог убедить Кому в химеричности его предложений по исправлению дефектов нашего хозяйственного механизма.

Я принципиальный противник революционных преобразований общества. Он — сторонник. Но в этой части наших разногласий положение вообще парадоксальное. Я, эволюционист, полагаю, что обществу потребуется 15–20 лет для преобразований, чтобы достичь требуемого своего состояния, если отсчёт времени вести от первого практического шага. Он считает, что мир будет преобразовываться по своим законам спустя ещё многие годы после нашей смерти. А ведь логично предположить, что революционное преобразование является таковым только в том случае, если оно ускоряет развитие. Однако Кому такой парадокс не смутил.

Не знаю, смог ли я донести до тебя то, что у нас с Комой различного. Мне это твоё понимание важно, потому что я очень хочу, чтобы у меня с Коммиром было больше общего во взглядах на человечество, на его прошлое и будущее.

Кома обещал мне писать. Наша с ним переписка вполне могла бы дать практический опыт письменного изложения своих мыслей ему и во многом помогла бы мне. Правда, на это письмо я надеюсь всё-таки получить письмо от тебя лично хотя бы в виде приписки к письму Коммира.

Буду заканчивать. Ещё раз выражаю сожаление по поводу твоего непосещения нас во время пребывания в Москве. Когда-то теперь мы сможем собраться? Но надежды, конечно, не теряю...

Будь здорова и счастлива. Привет всем твоим. С наилучшими пожеланиями.

Саша.

Крижановский — Хусиду

21.10.87 г.

Здравствуй, Саша!

Ещё раз спасибо тебе и твоей жене за возможность поработать у вас и так немало успеть и ещё раз извините меня за все неудобства, которые я вам причинил. Дома, конечно, такой идеальной обстановки нет, да и нет такой подборки экономической литературы, но вот я освобожусь от текущих дел, которые отнимают почти всё время, и буду работать, наверное, в библиотеке. Хочу написать три статьи — одну для себя и друзей, две другие — историческую и экономическую — для печати.

Пока я сделал выписки, а они заняли уже, к сожалению, 50 страниц только из первого тома «Голосов из России» (приложение к «Полярной звезде»). И я ещё не кончил первый том. Как ни стараешься выбирать только самое нужное, но каждый раз не можешь удержаться. Сейчас кончаю последнее письмо с анализом аристократии русской и западноевропейской в историческом плане. Чичерин и Кавелин — авторы всех писем первого тома, только Чичериных два брата.

Я уже говорил тебе, что без глубокого изучения прошлого нечего и думать, чтобы понять глубоко настоящее и предвидеть будущее. Настоящее, а потом и то, что сегодня было будущим, выкидывают такие коленца — люди только руками разводят. А ведь эти коленца уже выкидывались не раз, только в прошлом. Изучая историю, можно многое понять и многое предвидеть. Вот и сейчас я вижу поразительное сходство между периодом смерти Николая I и реформой 1855–1861 и периодом нашим. И там тупой бюрократический аппарат, душащий всё живое, и там требование покончить с бюрократией. И там ничем неограниченная власть от царя до последнего начальника, и там требование эту власть оградить хотя бы законами. И там полное фактическое бесправие всех перед начальством и требование демократизации общества. И там коррупция на всех уровнях, и там пьянство и требование покончить с этим.

Даже слово «гласность» встречается на каждом шагу и, как сейчас, с одной стороны — экономические подсчёты, что она даст,

с другой — её романтическое воспевание. Почитаешь это всё и подумаешь, как впал народ в детство (или ещё не вышел из него) в первые столетия самодержавно-рабовладельческой системы, так до сих пор в оном и пребывает. Все уповают на начальство, разумеется, знающее и справедливое, которое возьмёт его за руку и поведёт по ровной дороге — нет, теперь уже не в рай, в это никто не верит, а так, хотя бы в более-менее человеческие условия жизни.

А начальство, как на грех, всё попадаетеся или глупое, или подлое, а чаще и то, и другое, а он всё уповает... Но это нормальное детство. Когда же оно затягивается на столетия, то принимает такой вот образ — внешне вроде человек, а внутри — весь Шариков. Положительное всё больше улетучивается, тут человек взрослеет, а отрицательное — всё остаётся и приобретает всё более гипертрофированные формы. У ребёнка — капризность, неумение управлять собой, надежда на помощь старших, обвинение вещей и явлений в своих неудачах, жестокость и необузданность, переход от одной крайности к другой: то слезливая сентиментальность, то глобальная беспомощность; мстительность и издевательство над более слабыми — и культ силы; культ личности, авторитарность, беспомощность перед лицом социальных бедствий. Всё это черты ребёнка, и всё это наши черты. Ты читал статью А.Ваксберга «Чувства добрые» — «Литературная Газета» за 14 октября? Цитирую: «Кандидат исторических наук (тоже гуманитарий), обращаясь к примерам из античной, средневековой и новейшей истории, доказывал пользу публичной казни воров, мошенников, хулиганов, прилагая схему компактных виселиц на основных магистралях культурных центров. Большая группа артистов — заслуженных и народных (я с ужасом увидел в списке знакомые имена), потрясённая действительно чудовищным избиением подростками беззащитного щенка, требовала для них расстрела, а может быть, и четвертования. И ещё одно письмо «ведущего научного сотрудника»: «В наши суровые дни нужны не размагниченные интеллигенты, а безжалостные борцы, у которых не дрогнет рука, чтобы уничтожить — именно уничтожить — всех алчно жаждущих обогащения, включая сюда и домочадцев, причём не играя в судебную комедию (она лишь разоряет государство), а доверяя чу-

тью народа». Узнаёшь мысли, чувства, выражения? В нашей стране надо изменить всё. И начать надо с отрицания всего, что нас окружает — жизни рабов и господ, палачей на деле и в мечтах. Работа колоссальная. И очень жаль, что таких, как мы с тобой, — единицы. Но всё в истории начиналось с них.

Саша, выполняя твою просьбу, пишу о письме — том 1, стр. 418, Пушкину 17 лет. В примечании: «Пушкин написал этот гимн ...первой строфой он взял гимн Жуковского «Молитва русских». Вот он.

Строфа Жуковского:

Боже, царя храни.
Славному долги дни
Дай на Земли.
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли.

Далее гимн продолжает Пушкин:

Там громкою славою,
Сильной державою
Мир он покрыл.
Сенью надёжною,
Благостью нежною
Нас осенил.

Брани в ужасный час
Мощно хранила нас
Верная длань.
Глас умиления,
Благодарения,
Сердца стремления —
Вот наша дань.

До этого им написано 400 стр. стихов. Так что это не проба пера. Монархистом он был всегда. А вот цитата помещика Пушкина управляющему имением Пеньковскому 20.11.1834. Из Петербурга в Болдино: «При том имеет Вы наблюдать, чтобы казённые повинности и подати были в своё время сполна уплачены, положенный же с оброчных крестьян оброк получать без недоимок и ко мне высылать; буде окажутся дурного поведения и вредные вотчине крестьяне и дворовые люди, таковых отдавать во всякое время в зачёт будущего рекрутства (*на 25 лет — К.К.*); если окажутся неспособными, то отдавать без зачёту, предварительно меня о том уведомив»⁴⁷. (Т. 10, стр. 355).

Саша, получил твоё письмо. Написано очень хорошо, но опять никаких доказательных фактов нет, поэтому конец слабее.

Привет Тамаре. Крепко жму руку. К.

Далее в письмах, если я подчёркиваю сплошной чертой, то это моё, а если прерывисто, то это — автора или редакции.

В следующем письме разберу более подробно твоё письмо. У нас в квартире начался генеральный ремонт.

Саша, а зачем посылка, да ещё с добавлением. Правда, всё это очень нужно, ибо всего этого у нас нет, но ... ты и так всё понимаешь. Даром этот номер не пройдёт.

Хусид — Крижановскому

22.10.1987 г.

Дорогой Коммир, привет!

Надеюсь, что твоё обещанное письмо где-то на подходе ко мне. А пока я пользуюсь письмом к тебе, чтобы изложить свои очередные измышлизмы.

В «Правде» за 19.10.1987 года была большая статья некоего Анатолия Мартынова из Донецка «Ухабы на дороге трезвости». Надеюсь, что ты обратил на неё внимание. Написана она весьма деликатно, но в ней явно просматривается камень в огород Горбачёва, который пошёл на поводу у своих фантазий по пово-

---

⁴⁷ А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Л., Наука. 1977–1979.

ду искоренения пьянства патриотическими и административными методами. Не знаю, какой будет реакция его собственная и других власть имущих, но что-то должно измениться, ибо борьба с пьянством плюс некоторые другие его поползновения могут породить вообще неконтролируемые последствия.

Кстати, в апреле и мае 1985 года я послал в «Правду» два письма, в которых касался проблемы алкоголизма. В обоих письмах были эпиграфы, хотя объём каждого по страничке. В первой эпиграфом были слова Ключевского: «Не начинайте дела, конец которого не в ваших руках» (цитата по журналу «История и социология», Б.Н. Миронов, Ленинград, Наука, 1984, стр. 38). Во втором слова самого Горбачёва: «Система, не имеющая будущего, не имеет ни прошлого, ни настоящего». Оба письма, как ты догадываешься, остались безответными, а во втором были слова такие: «... хорошенько подумать, прежде чем вводить какие-то законодательные меры борьбы с алкоголизмом, и думать до тех пор, пока точные расчёты не покажут, что осуществление предполагаемых мер приведёт к увеличению продолжительности жизни советских людей». Как эти слова созвучны со словами Мартынова в конце его опуса!

В газете «Московские новости» №43 от 25.10.1987 г., но выходит она раньше даты, напечатана заметка некоего Дмитрия Казутина. Он вообще довольно часто печатается на стр. 3 («страница трёх авторов», она так и называется). Я полагаю, что ты её всю прочтёшь с большим интересом, а потому не сочту за труд перепечатать.

Итак, название: «Первый год из трёх самых трудных». И сама статья: «Нет ничего необычного в том, что Верховный Совет СССР собрался на очередную сессию, чтобы обсудить государственный план и бюджет страны на будущий год. Традиционная повестка дня, традиционные докладчики и содокладчики — председатель Госплана, министр финансов, представители планово-бюджетных комиссий палат Верховного Совета. В недавние годы мало кто читал эти пространные доклады. Газеты в дни сессий прежде раскупались вяло и толстыми кипами лежали в киосках.

К нынешней сессии интерес, несомненно, много крат острее. Ведь от точности, смелости её решений зависит во многом, каким

будет для нас 1988-й. Год предстоит необычный. Можно даже сказать так: предстоит критический год. С первого января вступает в силу Закон о государственном предприятии. Две трети предприятий переходят на самофинансирование, включаются в совершенно новую для них систему хозяйственных связей. Смелая предпринимчивость и неизбежно связанный с ней экономический риск становятся существенным условием и обстоятельствам повседневной жизни трудовых коллективов.

Но дело не только в этом, хотя и это само по себе достаточно серьёзно. Сложность ситуации в том, что демонтаж старого административно-хозяйственного механизма совпадает во времени и, если хотите, в пространстве с монтажом механизма нового, в основе которого лежат экономические стимулы. Каждый сбой, каждый просчёт при его внедрении даст повод противникам перестройки дискредитировать её.

Психологию этих людей очень удачной, на мой взгляд, метафорой выразил недавно один наш экономист. Сравнивая прежний хозяйственный механизм с театром марионеток, в котором кукловоды-администраторы при помощи ниток манипулировали куклами-предприятиями, он сказал, что теперь нити перерезали и куклы упали, а кукловоды подняли крик: «Смотрите, куклы упали! Мы предупреждали, что они упадут!»

Кукла-марионетка не может, разумеется, сама встать на ноги. Предприятие, получившее самостоятельность, может и должно. Не без труда, конечно. Не без решительного отказа одних — от «комплекса марионетки», от «кукольных» привычек, от «кукольной» психологии, других — от привычек и психологии «кукловодов».

Есть, между тем, достаточное число людей, которые не хотят ни от чего отказываться. Они надеются и ждут. Надеются, что в конце концов всё закончится так же, как закончились экономические реформы 1985 года. Они ждут, когда некий горнист протрубит отбой перестройке. Есть достаточно веские основания предполагать, что именно на переходе от старой системы хозяйствования к новой инерционные силы окажут наибольшее сопротивление. Предупреждение этим надеющимся и выжидающим прозвучало

в ленинградской речи Михаила Горбачёва. «Мы, — сказал он, — были терпеливы, демократичны, и если кто хотел перестроиться, он уже включился. Но от тех, кто продолжает выжидать, толку не будет».

Люди, поверившие в перестройку, активно ей способствующие, отдают себе полный отчёт в том, что оставшиеся три года до конца пятилетки будут самыми трудными, самым сложными. Сейчас как никогда нужна предельно широкая и глубокая интеграция всех передовых творческих сил нашего общества. Партия — инициатор перестройки, способна эти силы интегрировать. Этому, несомненно, будет способствовать и подготовка к XIX Всесоюзной партийной конференции, которая состоится в июне будущего года.

Такой предстоит нам год — первый из трёх самых трудных, самых сложных, когда политика обновления общества из области идеи переходит в область практических дел».

Думаю, что комментарии излишни: ты и сам сможешь их дать. От себя добавлю следующее. В Ленинграде Горбачёв сказал, что надо сократить аппарат в 1,5–2 раза. Следовательно, в предстоящем году он практически займётся этим «урезанием». А это около 9 миллионов столов и кресел, не считая прихлебателей разного рода и звеньев, которые связывали их с системой жизнеобеспечения. Можно только гадать, на какие ухищрения пустятся эти столы и кресла для сохранения статус-кво. Во всяком случае, у нас разные годы разных пятилеток носили разные названия, но я не помню, чтобы три из них сразу были названы критическими. Вспомни, что я говорил, что мы ещё не дошли до дна. Теперь есть тому довольно веское подтверждение...

Постарайся достать газетку «Аргументы и факты» №42–43 (сдвоенный номер). Проработай его, и мы обменяемся, как говорят, мыслями по поводу. Я тоже постараюсь достать хотя бы во временное пользование, так как с таким материалом лучше работать в спокойной домашней обстановке.

На этом закругляюсь. Привет семье и от Тамары!

Саша

Хусид — Крижановскому

13.11.1987 г.

Дорогой Коммир!

Прежде всего, прошу у тебя прощения. Заматываюсь всякой мелочёвкой донельзя и потому молчу. Правда, накануне праздников отправил тебе открытку, которую ты, надеюсь, уже получил. Сейчас утро, спешу на работу, но совесть мучает, и потому решил написать тебе несколько слов. Но готовлю тебе грандиозное послание (и по объёму тоже). Так что жди...

О «деле» с Ельциным ты знаешь. До меня дошли слухи дня за три до того. Потом уже начали говорить, что это «дело» тянется чуть не два месяца.

Почти забросил (из-за той же текучки) чтение «Капитала». Я всё более прихожу к выводу, что различие понятий труд и работа — не игра ума, а нечто, отражающее существо явления. Хотя бы потому, что в противном случае становится непонятным существование людей вне формы обмена результатами их деятельности. Совершенно непонятными становятся истоки движения рабских форм (вплоть до капитализма) и наша форма, определить которую через посредство уже известных форм я весьма затрудняюсь...

Прочти статью в «Комсомолке» от 11.11.1987 г. «Закрытая тема» о злоупотреблениях нашей медициной (психиатрией). Страшно...

Из «Нового мира» получил ответ зам. главного редактора о том, что они открытых писем не публикуют. Вот так. Но я пойду дальше в обосновании написанного. Из ТВ пока нет известий, хотя редактор передачи обещает всё-таки связать меня с тем райисполкомом. На работе и дома всё в порядке. Кончаю. Пиши. Привет от Тамары и всем твоим. Не обижайся...

Саша.

Хусид — Крижановскому

16.11.1987 г.

Дорогой Коммир!

Неверно заложил бумагу с копиркой и получил брак. Однако сил перепечатывать уже не было. Поэтому посылаю тебе два экземпляра письма, один из которых вполне читабелен. Вообще я убедился, что отвечать на письма нужно сразу: всякое откладывание просто затягивает ответ и даже делает его бессмысленным. Письмо есть произведение для двоих: автора и читателя (кроме открытых, например, писем).

Себе оставляю копию этого письма и тезисы письма-брака, а именно:

- 1) о Ельцине как о новом «левом»;
- 2) об истории как науке и истории — сборище фактов, расположенных хронологически;
- 3) о серии статей по истории СССР в «Новом мире» (начиная с №11, 1987 г.);
- 4) несколько личных слов.

На этом закругляюсь. Ты всё-таки не ожидай от меня ответа именно на то своё письмо.

Отвечай на эти. И вообще пиши.

Привет всем твоим.

Саша.

P. S. Поскольку письмо бракованное, то я даже не исправляю весьма возможные в нём ошибки.

Хусид — Крижановскому

22.11.1987 г.

Дорогой Коммир!

Как видишь, я не жду милостей от природы, а дарю ей их...

Прежде всего, в этом письме посылаю тебе распечатку из некоторых официальных изданий. Дам короткий комментарий: Телюков (и вся наша камарилья) сознательно разрывают продолжительность жизни и экономику. Но их соединение в одном интервью очень показательно. Последний абзац вообще является верхом цинизма.

Теперь об Аганбегяне. Судя по его ответу, наши банки готовятся к выпуску акций. «Просто нельзя всё сразу». Как это многообещающе звучит... Последние два факта просто являются косвенным подтверждением моих воззрений на суть прогресса.

Надеюсь, что ты внимательно прочитал материалы о совещании в ЦК, извещение о котором было помещено в «Правде» от 21.11.1987 г. Странно, что не сообщена дата совещания. После прочтения у меня сложилось впечатление, что Горбачев готовится к смерти... Партия в лице её аппарата и всех, кто с ним кровно связан, не потерпит никаких покушений на свой образ жизни. И никакая демократия не поможет Горбачёву в осуществлении его идей. Когда внимательно прочтёшь, обменяемся большим количеством впечатлений.

А теперь ещё об одном опусе. Вчера купил философический труд Горбачёва: «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира». Само название пахнет «Моей борьбой». Первую часть я уже успел заглотнуть. Она ужасна и показывает, что автор не имеет никакого представления об истории. Приведу несколько цитат. Стр.46. «Новые задачи приходится решать без «готовых рецептов». Нет таких рецептов и сегодня. Обществоведы не предложили пока ничего цельного. Политэкономия социализма застряла на привычных понятиях, оказалась не в ладу с диалектикой жизни. Отстают от потребностей общественной практики философия и социология. Основательная перестройка предстоит исторической науке». И в таких условиях автор не стесняется безапелляционно утверждать: «нам надо всем, начиная с Генерального секретаря и до рабочего менять это (то есть своё — И.Х.) мышление» (стр. 62). Можно только представить себе, на что оно будет заменено... Правда, исходные позиции автора затем развиваются вполне логично. Если наука ничего не дала, то каждый руководитель страны должен и может воплощать своё видение социализма (а в книге речь постоянно крутится именно вокруг социализма и его совершенствования и улучшения): «Социализм и лежащая в его основе общественная собственность заключают в себе, по сути дела, неограниченные возможности для прогрессивных экономических процессов. Но для этого надо каждый раз (обрати внимание: каждый

раз, то есть, система заведомо признаётся не самовосстанавливаемой — И.Х.) находить наиболее эффективные формы социалистической собственности и организации хозяйства» (стр. 81).

На этом закругляюсь. Привет всем твоим! Пиши! Кажется, я искупил свою вину в том, что задержал ответ на твоё предыдущее письмо.

Привет от Тамары. С наилучшими пожеланиями.

Саша.

Хусид — Крижановскому

03.12.1987 г.

Дорогой Коммир! Привет!

Посылаю тебе кусочек моей лаборатории: черновики письма, копию которого посылаю тоже. Как видишь, для написания двух предложений потрачено 12 страниц рукописи и несколько дней. Зато мне удалось высказаться по поводу книги и интервью Горбачёва. Как ты понимаешь, с материалом ты волен делать то, что найдёшь нужным, но перед этим мне бы хотелось, чтобы ты его прочитал...

Обрати внимание на журнал «Экономика и организация промышленного производства» (сокращённо ЭКО), №11 за этот год. В нём опубликована передовая известного тебе Аганбегяна. Вот когда разворачивается вся его капиталистическая суть! Аж жуть. Обрати также внимание на интервью Миттерана, помещённое во вчерашнем номере «Известий»: какой контраст с интервью Горбачёва! И ещё. В 8, 9 и 10 номерах журнала «Химия и жизнь» помещено отличное произведение братьев Стругацких. Почитай, пожалуйста, и поделись впечатлениями. Когда наша фантастика поднимается до таких предсказаний, то это что-то означает.

Надеюсь, что обо всех моих отправлениях тебе ты меня поставишь в известность.

Мы реабилитировали Бухарина. Остаётся воздать должное Троцкому (именно должное, а не реабилитацию), и тогда во всей оголённости встанет вопрос о том, зачем же Ленин брал власть, если Россия до такой формы существования не доросла?

Кончаю. Привет от Тамары и всем твоим. С наилучшими пожеланиями.

Саша.

Крижановский — Хусиду

24.12.87 г.

Здравствуй, Саша!

Извини за моё долгое молчание. Ремонт подходит к концу, и мне станет легче. В нашей комнате три раза красили, а потом сдирали краску, ибо она осыпалась. Лишь после того, как я одну стену ободрал до штукатурки, а вторую — до бетона (и всё это сыпалось на меня сверху), лишь тогда краска закрепилась, и можно было перейти к покраске пола (до этого три дня отмывали комнату от краски). Сегодня уже, вроде, можно будет переселяться туда. Но ещё прихожая, где тоже стены я ободрал до бетона. Теперь они покрыты алебастром. Ася и Света их хотят ультрамодно завернуть в ситец и покрыть оригинальным трафаретом. Надеюсь, что всё это к Новому году кончится и начнётся нормальная жизнь, от которой мы все давно отвыкли. Даже письмо тебе я пишу на коленях. Поэтому почерк, может быть, не такой красивый, как обычно. А вообще я тебе написал месяц назад громадное письмо с цитатами из «Голосов из России» Герцена, но куда-то оно в хаосе исчезло и появится на поверхности не раньше, чем все завалы будут разобраны.

Только сейчас чувствуешь, какая огромная масса вещей окружает человека, а ведь мы никогда не стремились, да и не могли накапливать вещи. Словом, ты сначала прочитаешь это, а может быть, и не только это, а потом и предыдущее моё письмо.

Все твои письма и пакеты я получил. За что большое спасибо. Может быть, тебе и не стоило посылать твои черновики один за другим, достаточно было первого для представления о стиле и масштабах твоей работы. А почему ты пишешь, а не печатаешь? Вроде, последнее быстрее? Я бы тоже хотел приобрести машинку и ещё месяца четыре тому назад дал Жене такое поручение, она купила себе тогда румынскую машинку за 220 руб. Разумеется, и

у нас можно было бы купить машинку. Но зачем мне отечественное барахло? Я хочу купить безотказную и удобную в работе. Тем более, что я в них пока не разбираюсь. Видно, придётся тебе ещё долго изучать мой почерк.

И ещё одно. Как всегда, ты точно выполняешь обещания, хотя бы ты и взял на себя их сам. Моё письмо — за что спасибо — всё это у меня хранится вместе с твоими письмами. И для будущей работы пригодится. Но зачем же перепечатывать всё письмо? Достаточно только его теоретическую часть.

Дома у меня не всё в порядке. Ибо я и бабушка (87 лет) здоровы. А молодёжь — и Ася, и Света — не очень. Света себя на работе по-прежнему не жалеет, работает на износ, да ещё остаётся по временам после работы. Мучают головные боли. А к врачу её почти невозможно завести. Зато когда на работе она написала заявление о переходе на завод, куда её весь год буквально умоляли вернуться, на её нынешней работе сбежалось всё начальство и полтора часа умоляло её этого не делать, засыпая обещаниями. Таких, как она, осталось, конечно, мало. Ведь она работает, материально ничего не получая и за количество, и за качество, и за быстроту. Она старается ради самой работы.

Вчера я читал лекцию для коммунистов нашей партийной организации об экстенсивном и интенсивном путях развития в историческом аспекте. Выложил кое-что из своей теории. Слушало меня человек 50 очень внимательно, засыпали вопросами и аплодисментами. Это говорит о том, как люди стосковались по живому, правдивому и понятному слову. Если бы можно было по всему городу прочитать такой цикл лекций, но это утопия — не позволят.

Вообще у нас перестройка где-то в зачаточном состоянии: верхи крайне консервативны и панически боятся окрика из Москвы. Маслом каши не испортишь, вот они и стараются быть большими католиками в глазах начальства, чем папа римский. Вероятно, так в большинстве национальных районов. Но всё равно жить интересно. Лавина информации, а ведь ещё вчера мы её добывали по капле. Вот интересная цифра: у нас по официальным данным 300 млрд. рублей запасов на предприятиях плюс 200 млрд. рублей в сберкассах — вот тебе и товарооборот.

Ладно, кончаю. Дальше письма от меня пойдут чаще, я буду посвободнее. Желаю вам хорошо встретить Новый год.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

05.01.1988 г.

Привет, дорогой Коммир!

Получил от тебя письмо позавчера, вчера перепечатал его, посылаю тебе первый экземпляр и сегодня попытаюсь ответить. Печатать буду весьма густо, так как хочу многое поместить в малом объеме. Благо, машинка позволяет такую плотность.

Итак, сначала попытаюсь ответить на твоё письмо, а уж затем буду писать своё. Года полтора назад мы сами делали ремонт. Потолки при этом покрывали эмульсионной краской. В кабинете я начал впервые в жизни: пришлось несколько раз переделывать, так как краска всё время отставала. Наконец, кто-то посоветовал мне перед покраской покрыть поверхность олифой. После этого практически всё пошло как по маслу — в прямом и переносном смысле. В последующем я делал только так. Стены мы оклеивали обоями. Это было уже легче. До остального — столярки руки так пока и не дошли.

Печатаю я сразу (да и то не всегда) только письма. Остальные свои опусы я пишу сначала от руки, иногда по несколько раз, а уж затем печатаю. Но бывает, что и напечатанное правится, и даже не один раз. Мне кажется, что, держа ручку в руке, лучше ощущаешь написанное, а перепечатывать уже отделанную вещь — работа почти механическая.

О наших сберкассах. По данным В.Селюнина (с которым я установил ещё в прошлом году телефонный контакт, но так и не могу пока встретиться лично), опубликованным в «Социалистической индустрии» за 5.01.1988 год («Темпы роста на весах потребления»), вклады в сберкассах перевалили за 260 млрд. руб., а «сколько хранится в чулках, мы не знаем, но, несомненно, общая сумма сбережений близка уже к годовому денежному доходу населения, если не превысила его». Кстати,

вслед за этой цитатой идёт такое предложение: «Это буквально подрезает крылья перестройке».

А теперь от себя. Обращаю твоё внимание на такие материалы. Журнал «Коммунист» №18, 1987 г., стр.1–88. Статья О.Лациса «Проблема темпов в социалистическом строительстве. К 60-летию XV съезда партии. Размышления экономиста». Статья интересна не столько своей теоретической частью, хотя это и размышления, а фактологической. В том же номере пробежись по статьям В.Баранова и О.Остроумовой. Полагаю, что не пожалеешь.

Из «Известий» узнал, что в каком-то номере «Нового времени» будет помещён текст интервью Н.Рыжкова шведской журналистке. В связи с этим купил «Новое время» (№52, 1987 г.) Интервью пока не обнаружил, но обнаружил другие интересные материалы: Генрих Белль в №52, там же о Каспарове. В №1 «Личное свидетельство» (стр.2–3), взгляд обозревателя (стр.28), «Что почём» (стр.29–31), О премии Б.Пастернаку (далее). В одном из этих журналов (кажется, ибо читаю сейчас довольно много периодики) сообщалось мельком, что США приняли решение понижать курс доллара ещё в 1985 году. Я надеюсь, что ты найдёшь это место сам и укажешь его мне.

В связи с последним замечанием относительно нашей политической экономии обращаю твоё внимание на две статьи: «Политическая экономия и перестройка» («Правда», 18.12.1987 г) и «Новая концепция централизма» («Экономическая газета», №50, 1987 г.). Первая статья ещё интересна тем, что за неделю до её выхода в свет я отправил в газету «Правда» короткое письмо о ничтожестве нашей политической экономии. Если я тебе ещё не послал копию этого письма, то в следующем вышлю (конечно, напомни).

Советую прочитать Р.Гамзатова и И.Зотикова в «Дружбе народов» №12 1987 г. И от того, и от другого получишь удовольствие. Впечатлениями поделись...

На этом закругляюсь. Новый год мы встречали дома. Была ещё одна пара, с которой мы познакомились на отдыхе в прошлом году под Гродно. Весело и непринуждённо провели всю ночь. Телевизора практически не слушали и не смотрели. Слушали друг друга и магнитофон, который они принесли с собой. Разошлись

около 12 дня 1 января. Было всем интересно, и никто даже не думал о сне.

Да, вот что. Недавно имел личный часовой контакт с внуком Гайдара. Он — кандидат экономических наук, служит в редакции «Коммуниста». Имеет весьма смутное представление о политэкономии. Вспомнил меня, хотя видел и слышал мельком на семинаре Шаталина (избран недавно академиком от экономики) во время моего обучения в Физтехе. Я его так и не вспомнил. Договорились, что он прочитает мою работу об измерениях в истории и обсудит её со мной. В ближайшее время мне надо будет несколько переработать вариант этой работы 1980 года. Жаль, что не смогу привлечь новейшие данные, которые стали для меня сейчас менее доступными — мы практически перестали приобретать итоги американских переписей, ибо за них сейчас надо платить, а мы скупимся, хотя данные остались открытыми, но их размножение поставлено на коммерческую основу. Зато теоретическую часть работы постараюсь сделать более доступной и логичной. Для меня же будет полезной такая работа.

Если получится, вышлю тебе для критики один экземпляр. Но не могу сказать, когда закончу это дело, ибо слишком много приходится думать и читать, а на работе такого рода вещами заниматься невозможно из-за режима. Вполне возможно, что займусь поисками работы, дающей больше возможностей для моего труда.

Дома всё без изменений, то есть, всё в порядке. Кончаю. Пиши всё-таки чаще.

Будь здоров. Привет и наилучшие пожелания семье. С наилучшими пожеланиями.

Исай.

Крижановский — Хусиду

08.01.1988 г.

Дорогой Саша!

У меня всё ещё ремонт, но надеюсь, что к концу месяца он закончится. Твою бандероль получил, прочитал все газеты, точнее, то, что стоило, спасибо большое. У меня всё без изменений.

Ужасно надоели пустые полки продовольственных магазинов и бегодня за всем самым необходимым. Даже картошки — наш главный продукт питания — почти не бывает, зато цена её выросла с 9 копеек до 15 копеек, а качество ещё больше упало.

С Украины вывозится всё, и это один из главных факторов поддержки экстенсивного способа развития. Винничина даёт 10% сахара всего Союза, но сахара в магазинах почти не бывает, а когда появляется, стоят огромные очереди за 1 кг. Только побывав на Украине, можно почувствовать, до чего, до какой степени это колония России.

Вчера слушали и смотрели, как наш Генсек, буквально как змея на сковородке, извивался под вопросами американского корреспондента. Он вынужден был всё время говорить, повторяясь, разводя море воды, но не давая тому задавать всё новые вопросы. Горбачёв среди элиты выглядит если не гением, то уж, во всяком случае, великим человеком. И как он ничтожен перед — всего лишь — западным корреспондентом. Он говорит, говорит, говорит, а корреспондент всё больше улыбается. Этот весь напыжен, работает из последних сил, наверное, взмок, а тот спокойно, с улыбкой, одной фразой разбивает всю его длинную и выстраданную речь. Да, это был как бы диалог двух систем. И как же ничтожна наша!

Ладно, Саша, я кое-что процитирую тебе из своих новых конспектов. «Голоса из России», выпуск первый, Москва, 1974 год.

Кавелин — либерал, автор нескольких первых писем. Он монархист и надеется на лучшего царя. Тем ценнее его анализ. «Но этого мало, под сенью сорокалетнего террора успела возникнуть у нас, утвердиться и опутать всю Россию в свои сети алчная, развратная и невежественная бюрократия». «Это тирания нового типа, неизвестная ни древнему, ни новому миру» (стр.13). Словно написано сегодня. И как бьёт по тем, кто считает, что до 1917 года у нас была святая, славная и великая Русь, а вот жида-марксисты её разрушили.

Прочитай «Советскую культуру» от 24 ноября 1987 года. Там статья о «семинаре», вроде о советской литературе. Но на самом деле ни одного писателя из Сибири там не было, зато собралась

масса ленинградской «интеллигенции» спасти Россию от евреев и других. Выступления русских фашистов сопровождалось аплодисментами.

Так вот, Кавелин писал это о России ещё в 1855 году — 130 лет назад. Да и другие статьи написаны годом-двумя позже. «В настоящее время неудовольствия выражаются в словах, и это остаётся без последствий. Написавший сам или прочитавший статью тем самым уже удовлетворил своё оппозиционное стремление и дальше уже ничего не предпринимает, ибо высказанное неудовольствие теряет половину силы. Но уничтожьте этот, в сущности, безвредный способ выражать свою оппозицию — и вы дадите ей другое, более опасное направление». Как будто читает мысли наших теперешних левых «революционеров», стоящих у власти. У нас давно и Райкин, и Высоцкий были как бы клапанами, через которые выходил лишний пар.

И дальше: «Для всякого, кто сколько-нибудь знаком с русским обществом, ясно, что письменная литература произошла от потребности политической жизни, у нас не существующей» (стр.51). И это пишет не Герцен и т.п., а монархист. Как ему не поверить? Но ведь и у нас лет так 60 политическая жизнь не существует. После разгрома троцкистской и других оппозиций к 1927 году и лишения Троцкого всех постов в пример другим у нас тоже кончилась политическая жизнь даже в партийных верхах. «...Выбор между двумя путями: между жестокостью и гласностью...» (стр.60). «Сила — уму могила» (стр.64). Лучше не скажешь, верно?

Про А.С.Норова, смещённого в 1858 году министра просвещения, Герцен писал в том же году: «...Оригинально понимал отец Авраамий министерство просвещения, он, верно, думал, что оно, как пожарное депо, назначено не для увеличения просвещения, а для предупреждения и прекращения его, где оно (чего боже сохрани) нечаянно случится» (выпуск 4, стр.58). Как и наше министерство просвещения, готовящее тупых солдат и послушных работников, невежественных, но верноподданных.

Сашуня, я продолжаю, как видишь, мои надежды оправдались: к концу ремонта нашлись странички. Но конца работы над домом ещё нет, хотя уже три комнаты готовы. Как у мастера, ра-

зобравшего машину, остаются детали после её сборки, так у меня появились четыре ящика книг, которые девать некуда. Два-три можно было бы сдать в магазин, но наши букинисты теперь принимают только дефицит, чтобы на нём хорошо подзаработать. А сдавать в макулатуру жалко. И ведь кому-то они нужны, но где его найти? И тут между человеком и народом стоит государство. «И сам не съем, и тебе не дам!» Ладно, пойдём дальше.

В Германской империи (*это, разумеется, Австрийская империя — К.К.*) германский элемент составляет едва ли десятую часть народонаселения. В Российской империи русский элемент (*разумеется, если включить в число русских украинцев и белорусов — К.К.*) составляет почти девять десятых всего числа жителей (стр. 66). В «Аргументах и фактах» (я уже получил 1-й номер) есть интересная подборка прироста населения в городах-миллионерах СССР. Самая низкая рождаемость и самый малый прирост в русских городах, самый высокий — в Средней Азии, Закавказье (наивысший — в Баку) и немалый в других национальных районах. Разница между Москвой (2,7) и Баку (17) — во много раз. Сейчас уже не только сельское, но и городское население национальных районов растёт в несколько раз быстрее, чем в русских районах. И сейчас, я считаю, нужно говорить «национальное большинство». И никакая русификация и оккупационные войска, марширующие во всех национальных городах, не смогут остановить процесса распада последней империи на земле...

В «Комсомольской правде» я читал вторую статью Лесото о «Памяти». Не знаю, читал ли ты, это в 20-х числах декабря (у меня её нет, в нашей библиотеке тоже нет — по дороге исчезла, но знакомые разыскали и дали прочитать).

Крупная фашистская организация, создана уже в Свердловске и расползается, видно, по Уралу. Одна женщина, приехавшая в Ленинград, слушала оратора на митинге, где его поддерживали аплодисментами интеллигенты, обратилась к милиционеру, но тот ответил: «У нас гласность и демократия». А ты ещё упрекаешь меня в аналогиях. Жизнь — спираль, и упорно, хотя и в новой форме, повторяет старую сущность. Ведь точно так же отвечала полиция, когда от неё требовали после «Манифеста» октября 1905 г

призвать к порядку распоясавшуюся чёрную сотню. Даже лозунги этой мрази были те же, что и сейчас. Оказывается, даже в коллективизации виноваты жида. Ранее группа сибирских академиков научно доказала, что они же и спаивали бедных русских последние 60 лет, чтобы изничтожить русский народ, снизив ему рождаемость и повысив смертность.

Интересно, что есть тут и существенные различия. В октябре 1905 г. были разрешены все политические партии и допущены любые лозунги. Нельзя было только прямо призывать: долой самодержавие! и резко критиковать царя. Всё остальное было можно. Но сатира и эту последнюю преграду обошла. В сатирических журналах несколько лет не сходил с полос рисунок шишки в самых разных видах, шишки самой вельможной, которая делает глупость одну за другой, а уж до того подлая... Придаться было не к чему, и этого было достаточно. Достаточно в годы самодержавного правления юридической буквы... Поразительно, верно? Но ведь эта свобода не сверху сошла, «милость» была вырвана силой, вырвана революционным народом.

Но причём здесь шишка? Я, может быть, тебе рассказывал, тогда извини за повторение. А дело было так. Молодой царевич, будущий царь Николка II, побывал в Японии со свитой. Как-то они так разгулялись на улицах Токио, что один полицейский не выдержал и трахнул вельможного хулигана дубинкой по голове. В неподцензурной печати, что ходила по рукам, появилось стихотворение: «Цесаревич Николай! Если царствовать придётся, никогда не забывай, что полиция дерётся!» Вот так навсегда образ Николая слился с образом шишки.

Вот так обстояло дело со свободами в октябре 1905 года. И тогда же начала действовать под предлогами демократии и свободы чёрная сотня. Ну а сейчас ещё интересней: единственная официально разрешённая общественная организация — фашистская. Фактически создаётся фашистская партия, но под руководством нынешних партийных аппаратчиков. Возможно, в будущем, когда придёт неизбежный конец нынешней партии, её должна будет заменить махровая, откровенно шовинистическая, а значит, фашистская партия. Но ведь неограниченная диктатура одной партии над наро-

дом — это и есть фашистский режим. Какая же разница? В том-то и дело, что система стремится, чтобы ничего по существу не изменилось. Вместо одной изжившей себя многонациональной партии к власти придёт истинно русская фашистская партия. Сущность не изменится, но, скорее всего, будет ещё более жестокое гонение всех «инородцев», особенно, как всегда, евреев. Ну, а сейчас это играет ещё одну роль: натравливание русских на все остальные народы страны, сплочение их вокруг «истинно-русских» в правительственном аппарате и, во-вторых, сбрасывание на козла отпущения всех грехов нынешней системы за 60, а позже и за все 70 лет её правления. Дойдёт ли дело до изгнания козла отпущения в пустыню, как это делали древние евреи? Не думаю. Козёл нужен будет и потом. Да и в международном плане это невозможно. Но создать обстановку нетерпимости вокруг евреев — это, разумеется, надо.

Думаю, что такого разгула шовинизма, как сейчас, и такой откровенной поддержки его со стороны всей пропагандистской машины, литературы и искусства не было никогда ещё за все 70 лет. Могут возразить, что в 1948–53 гг. было гораздо худшее — массовые аресты и убийства национальной интеллигенции по обвинению в космополитизме, а главное, в национализме — и что травля евреев достигла такого уровня, когда на порядок дня было вынесено «окончательное решение еврейского вопроса» в виде высылки в Сибирь.

Всё это верно. Но, вместе с тем, тогда на Украине в большинстве городов большинство школ было украинских, радио вело передачи только на украинском языке, все названия в городах — тоже и т.п. Сейчас всё наоборот, и за последние два года наступление на национальные права значительно усилилось. Украинское телевидение практически полностью перешло на русский язык, исчезли даже украинские пьесы, кинокартины, и даже артисты почти все из России; совсем исчезла украинская история в передачах радио и телевидения, уже года полтора в продаже не бывает почти пластинок с украинскими песнями, которые делают в ... Ленинграде. Даже пишущих машинок Украина не имеет, Кировоградский завод выпускает русские и сербские машинки, все выступления партийных и государственных чиновников на всех собраниях идут

только на русском языке и т.д. Вот такова «национальная перестройка».

А «Память», открыто призывающая к расправе с евреями и требующая восстановления дореволюционных национальных порядков, т.е. лишения инородцев всех прав, — эта бандитская организация действует фактически под защитой и при поддержке руководящих кругов партии. Думаю, что не случайно совпадение этого и такое трогательное внимание к «афганцам», которое сейчас проявляют и официальная пресса, радио, телевидение. Они стали официальными героями нашего времени.

Произошло и то, что я прогнозировал 8 лет назад: создаётся организация «афганцев», из них, безусловно, планируют создать в будущем отряды штурмовиков для подавления народных движений. Итак, партийные бонзы, чтобы удержать власть в своих руках, создают в открытую две фашистские организации — одну из «истинно русских» маньяков, вторую — многонациональную. Одну из тех, кто жаждет крови, другую из тех, кто вволю выкупался в ней. Одну — из «интеллигентов» и, вроде бы, рабочих (нашли даже общий язык на почве спасения империи), вторую — из всех слоёв общества.

Так, обещая демократию и полную гласность, правительство вместе с тем готовит вооружённую расправу с народом руками самого же «народа». Разумеется, не сейчас, а в будущем, когда народ снова убедится, что его в очередной раз обманули.

Пока всё. Спасибо за все твои письма и внимание. Жду писем с нетерпением. Будь здоров сам, и того же желаю Тамаре. Ей — самый братский привет.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

17.01.1988 г.

Дорогой Коммир, привет!

(...) Я часто задумывался над тем, как же всё-таки назвать нашу систему. И недавно пришёл к выводу, что, в отличие от монархизма, её следует называть полиархизмом. От поли (много)

и архи (главенство). Причём воплощением полиархизма служит партия с её демократическим централизмом, или, по Плеханову, бонапартизмом. Надеюсь, что ты выскажешь своё мнение относительно полиархии, имеющейся у нас в стране. Тебе — как историку — и все карты в руки по поводу этого нового термина.

От деятеля из райисполкома пока ничего нет. Я ему звонил несколько дней назад. Он ссылался на сильную занятость, чему можно поверить, если учесть, что фактически на носу XIX конференция, на которой, как я недавно где-то вычитал, будет идти серьёзный разговор о тех, кто до сих пор «не перестроился». Интересно, что при этом имелось в виду?

Закругляюсь. Привет от Тamarы. Пиши. С наилучшими пожеланиями.

Саша.

Крижановский — Хусиду

19.02.1988 г.

Здравствуй, Саша!

Пишу тебе короткое письмо, позже напишу подробнее. Внезапно мне дали путёвку (заявление моё в собесе лежало больше года, и я их не тревожил), и я уже несколько дней в Закарпатье, севернее Мукачева, в горах. Тут водой я лечу желудок. Масса анализов, да и разные процедуры — уйма времени уходит. Ладно, всё это чепуха. Главное — успеть хоть что-то сделать в жизни. Сашуня, не трогай ты этих бугаёв из ЦК. Вы же люди из разного мира, если бы они видели, что ты имеешь какую-то конкретную выгоду из этих идей, они могли бы тебя (но не идеи) понять. А так и идеи, и образ жизни (бескорыстно работать всю жизнь ради социальной идеи) кажутся этим динозаврам просто блажью. Твои письма Горбачёв не читал и читать не будет. Писать можно, это какое-то давление, но выяснять, почему вождь не читал твоих мудрых советов, не стоит. Лучше тратить время на разработку самих идей. Я очень много сделал. Условия были у вас идеальные, общение с тобой вдохновляет, зажигает энергией, даёт возможность в споре проверить свою мысль. И я многое успел.

Десятилетия я думал, сейчас впервые я имею время, хоть и немного, изложить всё это в виде какой-то теории. Неужели, проработав 42 года и вырастив взрослую дочь, я всё ещё не имею на это права? Сейчас я кончил конспектировать «Голоса из России», все три тома, и имею богатейший материал по истории. Но, прочитав в «Науке и жизни» статью Симонова и отклики на неё, не выдержал и, не приступая к своей главной работе, взялся за письмо в редакцию с изложением своего взгляда философско-историко-психологического на причины наших поражений в 1941–42 г.г. Письмо почти готово, надо лишь отпечатать и отредактировать. Тут я буду до 2 марта. Можешь писать сюда или домой. Сашуня, письмо не печатай. Печатай только теоретическую часть, а её здесь нет. Крепко жму руку. Привет Тамаре.

Коммир.

Крижановский — Хусиду

22.02.1988 г.

Здравстуй, Саша!

Я уже 10 дней на курорте. Чувствую себя хорошо во всех отношениях. Кормят тут, правда, ужасно однообразно, и всё или почти всё лишено вкуса, да ещё малокалорийно. Но что ещё можно требовать от обыкновенного санатория. Главное — лечение, а остальное можно и не замечать. Через день хожу на ванны, через день мои колени греют озокеритом (они у меня месяца четыре назад стали болеть с нарастающей силой), озокерит — это чёрный горячий воск; через день — ультразвук на колени, перед едой за полчаса — 100 г. тёплой воды из крана. Последнее — главное, и ради этого сюда и едут, водичка действительно чудодейственная. Прошёл массу анализов, удовлетворил всё любопытство врачей, это меня просто замучило в первую неделю. Сейчас уже всё вошло в колею. Вот только коленям ничего не помогает, но ведь это не тот курорт. Ладно, хоть сейчас боли не растут. Когда ходишь, то ничего, но подниматься по ступеням или присесть очень трудно. Это всё соли. Не помогла мне моя физкультура. Ну да ведь я уже год как не приседаю по утрам 100 раз, может, это и отрази-

лось. Вот такие мои лечебные дела. Живу вдвоём, и мой сосед — человек хороший, с украинским юмором и очень критичен, хотя ему и 72 года. Бывший врач, в войну потерял руку. Ему не мешает, когда я с 5–6 часов утра сажусь за стол при свете настольной лампы и работаю до 8 часов, урывками работаю и позже. Ведь мне ещё в 12 часов на физкультуру, ежедневно ингаляции и т.д. Но всё это не может помешать мне работать. Урывками я работаю за счёт прогулок на свежем воздухе. Даже когда у нас пять дней стояло яркое солнце и температура поднялась до 15 °С.

Я почти не бывал на воздухе. А ведь тут очаровательная природа, даже зимой. Кольцо гор, похожих на громадные тёмные волны, окружают долину, но санаторий на окраине гор, выше долины. Горы мягко переходят друг в друга, темные, серые, серовато-рыжие. Смотришь на эту красоту, особенно если подняться на одну из гор метров на 70, открывается удивительный, совершенно непохожий на Кавказ пейзаж, где нет ни одной прямой линии или острой вершины, да и вершин нет. Есть мягкие волны, плавность линий, какая-то человечность, смотришь — и не можешь оторваться, так жаль, что времени не хватает побыть наедине с природой подольше.

Сейчас резко похолодало: -1 °С, выпал снег. Все чёрные горы разукрасили себя островками чистого белого снега. А долины, где одно село переходит в другое, — всё это сверху в солнечный день такое аккуратно белое. По утрам смотришь и думаешь, что не случайно эта природа родила таких людей, такую музыку и такие прекрасные песни. Помнишь:

«На долину туман,

На долину туман упав...».

Как видишь, я от процедур перешёл прямо к лирике. А ведь есть ещё и работа. Я почти закончил статью, которую думаю отправить в журнал «Наука и жизнь». Дело в том, что они напечатали статью Симонова (я тебе писал об этом, надеюсь, ты получил моё письмо), по-новому взялись за военную тему. Я хотел написать краткое письмо, чтобы морально поддержать их в этом, но получилась настоящая статья, над которой я начал работать ещё дома, но сделал, в основном, здесь. Статья эта посвящена вопросу, почему и как мы попали в критическое положение в 41–42 г.г., а глав-

ное — анализ предшествующего периода. Получится страниц 50–60 вот такого формата, может быть, немного меньше. Это 15–20 печатных страниц. Я написал уже 41 страницу, работаю над каждой фразой, кое-что на ходу переписываю. Я хотел её здесь напечатать, хотя и не хочется давать в чужие руки такой материал. Но с меня заломили такую цену, что вопрос сразу отпал — 2 рубля за страницу, но не ниже 1 рубля. Но 1 рубль — это уже по знакомству и под сомнением. А это значит, что вопрос отпадает. Сашуня, не можешь ли ты потихоньку напечатать эту статью и отдать её в журнал, если не возьмут, я отправлю в другой. Не знаю, хватит ли у них духу взять эту статью, но если напечатают, будет польза, расшатает некоторые устои. Если возьмут, можешь поставить и свою подпись, ведь мы с тобой работаем не ради славы или денег, а ради великой цели. Саша, если не можешь, если ты очень занят, а ты сейчас ещё и в рабочие пошёл (зачем тебе такая нагрузка?), то сообщи мне домой (сюда письма из Винницы идут 9 (!) дней), я просто перепишу и отправлю так. Надо бы решиться и купить машинку, и я даже собрал на эту цель 200 рублей, но хороших у нас в Виннице нет, а на плохую денег не хочется тратить. Женя же пока мне ничего не нашла, впрочем, в Москве она бывает раз в неделю. Сашуня, извини за такое дерзкое предложение, но пока у меня другого выхода нет. Не сможешь — забудь о нём. Мои письма не печатай. Кроме теоретического материала, который я укажу. Пока его нет. Береги своё здоровье, особенно в качестве токаря, будь осторожен. Привет Тамаре. А Лигачёв — потрясающий болтун, не доклад, а сплошная вода; школа же лежит в руинах. Крепко жму руку.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

23.02.1988 г.

Дорогой Коммир, привет!

Получил от тебя письмо вчера, а сегодня пишу ответ в твой санаторий, ибо не уверен, во-первых, что письмо тебя застанет (твое шло ко мне 8 дней), а во-вторых, что вообще дойдёт. Поэтому обратный адрес пишу твой: если будет возврат, то к тебе.

Буду краток. Ты прав: не стоит размениваться на разных «специалистов», надо писать, что я сейчас и делаю. Правда, я всё-таки не пропускаю возможности встречаться с докторами экономических наук: надо им переворачивать мозги. Вчера у меня была такая встреча. Доктор, далеко не самый глупый. Он меня отлично понял. Он убеждён, что преподавать политэкономии по-старому он уже физически не сможет, а уж первый том «Капитала» наверняка просмотрит хотя бы. В беседе со мной он показал слабое знание тома, хотя докторскую (я читал её реферат) защищал по Марксу.

Достали мне на время последнюю пьесу Шатрова. Считаю, что он описал правильно суть нашей истории, хотя до конца ещё не дочитал. А вся критика его (в «Правде» недавно выступили три доктора сразу) не стоит ломаного гроша. Я достаточно знаю первоисточники, чтобы выносить такое суждение.

Продолжаю изучать токарное дело. Идёт, но медленнее, чем хотелось бы: работаю на станке только после работы, да и то не каждый день, ибо устаю. Но, повторяю, дело движется. Во всяком случае, книги по машиностроению я читаю уже с гораздо большим пониманием, чем буквально полгода тому. Правда, на работе обстановка обострилась: сплошная ложь, чего я не могу терпеть. Руководство ведёт себя, как временщики: после нас хоть потоп. Я реагирую на это по-своему, что никому не нравилось никогда...

На этом кончаю. Надеюсь, что из Винницы напишешь, как обещал. Привет от Тамары тебе и всем твоим от меня. С наилучшими пожеланиями.

Исай.

Хусид — Крижановскому

26.02.1988 г.

Здравствуй, дорогой Коммир!

Прежде всего, постараюсь ответить тебе на один из твоих главных, по-моему, вопросов: о печатании твоей статьи в журнал. Я, конечно, напечатаю тебе статью. Но должен сказать тебе следующее.

Статьи в разные издания (именно статьи, а не заметки) принимаются в печать, как правило, после предварительной договоренности. Поэтому нет никакой гарантии, что твой труд увидит свет, даже если он будет великолепно написан и на самую актуальную тему. Далее. Я, как ты правильно замечаешь, очень занят, и отнюдь не только токарным делом, хотя оно забирает много энергии (кстати, уже есть некоторые успехи, чем не могу не похвастаться). Следовательно, времени на напечатание статьи у меня будет очень мало. А это значит, что печатание растянется на один-полтора месяца. Устроят ли тебя такие темпы? Далее. Печатать надо будет не менее чем в четырёх экземплярах: три тебе, один мне, ибо я не смогу оставить самого себя без твоей работы, как ты понимаешь, чтобы иметь возможность критиковать обоснованно. Делай из всего написанного выводы. Но, повторяю, я готов взяться за работу.

А теперь о другом. По Москве ходит шутка о том, что Б.Н.Ельцин работает в МХАТе над постановкой «Егор Лигачёв и другие».

Обрати внимание на статью внука Гайдара во 2-м номере «Коммунист» за сей год.

О здоровье (надо было бы, вообще говоря, с этого начать). Когда-то я читал книжку о народовольце Н.Морозове, который провёл 30 лет в одиночке. Так вот, у него началось что-то с ногами. И он решил «выгнать» болезнь интересным способом: он начал регулярно отбивать чечётку. Боли при этом испытывал ужасные, но недели через две-три болезнь выгнал, и более она к нему не возвращалась. У меня недавно был аналогичный случай. Работая на станке, я слегка зацепил крутящийся шпиндель (часть станка, в которой закрепляется заготовка). Скорость — более тысячи оборотов в минуту. И получил сильнейший удар по указательному пальцу левой руки (ноготь). Так вот, несколько дней я регулярно постукивал этим ногтём по любому твёрдому предмету. Зажило буквально на глазах! Быть может, и тебе заняться «ударотерапией» своих больных мест? Например, какой-нибудь палочкой или киянкой (деревянный молоток)? Я уверен, что вреда не будет никакого, а это главное в любом лечении. А вообще, мне совсем не

понравилось, что ты мало бываешь на свежем воздухе, даже находясь на курорте.

Закончил читать Шатрова. Мнение не изменил. Он прав абсолютно в описании (художественном) тех событий. Но всё-таки не понял того, что произошло. А коротко суть в следующем. Группа людей решила поставить эксперимент. Главная надежда их была даже не на то, что они сами проведут его до конца, а на то, что эксперимент даст материал последующим поколениям людей для теории, продолжающей теорию Карла Маркса до получения положительных выводов в области истории. Возможно, в таком моём толковании виновато то обстоятельство, что я себя и считаю такого рода исследователем? Но в том, что эта группа людей совершенно не знала, что и как делать, я убеждён безотносительно к своим результатам.

Недавно на работе удалось достать с нагрузкой билеты в сборный концерт, посвященный 23 февраля. Взял исключительно из-за того, что обещали участие А.Пугачёвой. И надо тебе сказать, что она была и произвела огромное впечатление. Молодец! Ей действительно нет равных в нашем современном эстрадном искусстве. Да и песни у неё с философским содержанием, заставляют думать.

На этом закругляюсь. Пиши. Привет всем твоим женщинам. Привет от Тамары. С наилучшими пожеланиями.

Исай.

Крижановский — Хусиду

Конец февраля 1988 г.

Здравствуй, Саша!

Прочитал сегодня статью в «Литературной газете» о Хрущёве и сразу решил тебе написать. Наконец-то, после 20 лет молчания, о нём вспомнили добрым словом за выступление против культа, правда, старый уже умер, а новый ещё не родился. Умер ли? Ничего подобного. Умерла персона, но культ её «хозяина» живёт и сейчас в сердцах и мыслях многих миллионов людей. Так что выступать против слепой веры, даже если она не государственная и её объект уже исчез из жизни, — опасно.

Процесс крушения не одного, а целой системы стереотипов, и не только мышления, но и чувств, и даже поведения — такой процесс очень труден. Часть народа просто по типу темперамента очень тяжело привыкает, но так же тяжело и расстаётся со стереотипом. А всё это произошло для многих страшно быстро. И они были возмущены: такое ничтожество замахнулось на Хозяина. Кем бы мы были без него? Кто, как не он, организовал и провёл индустриализацию и коллективизацию. А без этого нас бы сломали ещё до войны враги народа. А в войну без него мы бы и вовсе погибли. Он был наш отец, и мы теперь сироты. Никто не знает, что дальше будет, но будет плохо. Такого Хозяина нам уже не видать. Здесь уже не один темперамент. Сама направленность мыслей говорит об извечной, от Ивана Грозного, рабской, холуйской душе даже трудового человека. Сотни лет ему вбивали в голову, что без Хозяина он просто пропадёт, и он в это поверил. Не потому, что поверил слову, а потому, что так учила жизнь: маленький ли, большой ли — Хозяин всегда прав, ибо всегда безгранична его власть. А «покірне теля двох маток ссе» [Покорный телёнок двух маток сосёт]. Лучше покориться, непокорного сотрут в порошок, да и никто тебя не поддержит. Наоборот, ещё и помогут Хозяину, чтобы заработать хоть тень его расположения.

Если бы сотни лет самодержавие и крепостной строй, превратившийся в XVII веке в рабство, не растаптывали человеческое достоинство, не превращали каждого в отдельности, нет, не только по форме собственности, но и внутри, со всем набором моральных стереотипов, — в раба, если бы не это, Сталин был бы свергнут и, скорее всего, убит ещё в начале 30-х годов. Наоборот, начало террора было бы началом его конца. Я уже говорил, что массовый террор невозможен сколько-нибудь длительное время без массовой слепой веры. Массовая вера создаёт возможность для массового террора. Ибо она одно оправдывает, а второго просто не хочет видеть. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

— Разве могут наши ребята убивать в Афганистане женщин и детей? Наш Ванюша разве на это способен? Этого не может быть. Никогда в это не поверю.

— Значит, больше миллиона афганцев, среди которых значительную часть составляют женщины и дети, сами себя постреляли? Да ведь по телевизору вы видели разбитые, разрушенные города, кто это сделал, разве не понятно? Добавьте к ним тысячи сожжённых напалмом или разрушенных гусеницами танков, или взорванных минами деревень. Да ведь весь мир обошли эти страшные фотографии, сняты даже документальные фильмы. Очевидцы, прошедшие партизанские тропы, об этом написали книги. Неужели вы не верите всему этому? Тогда не надо верить любым документам о зверствах гитлеровского фашизма. Кстати, между тем, что делали немцы у нас и наши — да, да, Ванюши, Саши, Коли — в Афганистане, нет никакой разницы.

— Нет, этого не может быть, я в это никогда не поверю, — говорит верующий в нашу внешнюю политику, а таких большинство. Не будь этого, разве в состоянии было бы наше правительство девятый год посылать на смерть молодых людей...

Начало 30-х годов ознаменовалось массовым слепым опьянением миллионов молодых людей нашими небывалыми в истории революционными переворотами. Октябрь, Гражданская война, индустриализация, коллективизация — да мы вскоре перестроим весь мир. Да разве такие задачи не требуют жертв? Более старые сами участвовали в этих легендарных походах против Антанты. Мало того, им удалось увидеть бурный подъём сельского хозяйства и благосостояния людей в годы НЭПа — особенно в 1923–27 г.г. Внешне всё это объяснимо. Успехи породили веру, вера — стереотипы, когда началось попятное движение — его не хотели замечать. Но вся эта логическая цепочка слишком тонка, чтобы на ней удержалось всё то, что произошло в 30-е годы. Рабство, прочно засевшее в душах людей, — вот что сыграло главную роль в поразительной пассивности народа в годы самых тяжёлых за всю историю событий. Три революции за двенадцать лет — это слишком мало, чтобы очистить кровь народа от социального яда, а поведение — от вековых стереотипов. А террор лишь уничтожил всех тех, кто уже освободился от этого дурмана или тех, кто мог стать чистым. Террор лишь усилил и веру, и страх и утвердил рабство в душах людей.

Люди молились в храме своей души, где разливался необычайным светом образ великого Хозяина, творца и благодетеля, жестокого, но справедливого. И вдруг пришло это ничтожество и заняло его трон. Да разве этот карлик может заменить в душах образ творца? У Хрущёва был один выход: одним страшным ударом разбить этот образ. Сразу сделать это было совершенно невозможно. Да, правящая элита совсем не желала иметь второго Сталина и вечно дрожать. Она хотела зажить наконец в своё удовольствие, вкусив и власть, и богатство. Поэтому она поддерживала Хрущёва, да и он был её частью, несмотря на всю его внешнюю простоту. Но элита хотела, чтобы священный образ, пусть не такой сияющий — чтобы и ей нашлось там местечко, — чтобы этот образ сохранялся в душах людей, дабы они всегда оставались слепыми и покорными.

А Хрущёв жаждал власти и популярности, ни первого, ни второго он не мог достичь, не сокрушив священный образ. Но начал он не с образа, а с некоторых стереотипов. Можно ли жить без КГБ? Наверно, нельзя, враги нас задавят, — так думало большинство. Удар по Берии, затем по самым видным серым кардиналам ведь нанёс не Сталин — Хозяину всё можно, и КГБ ему верно служит: сменит одного другим — и ничего не изменится. Нет, удар по КГБ нанёс этот Хрущёв с Маленковым. КГБ ушёл в глубокую тень.

Дышать сразу стало легче. Второй удар — освобождение политических заключённых. Почти всех. Сколько их осталось в живых? Сотни тысяч, миллионы? До сих пор неизвестно. Но ведь эти люди вернулись и рассказали страшную правду, о которой только догадывались. Прекратились (почти совсем) политические аресты. И, оказывается, никто ни внутри, ни вне страны нас не задавил. В 1955 году начали бросать лёгкую тень на деятельность вождя народов. Как бы набросили вуаль на его сияющий образ. Значительно улучшилась жизнь беднейшей части народа, а это было подавляющее число его. За три года оказалось, что можно жить без террора, без внешних войн (закончились войны во Вьетнаме и Корее) и даже без нового Хозяина. Теперь можно было нанести окончательный удар прямо по сияющему образу и сделать его тусклым, как старая икона. Доклад Хрущёва на XX съезде произвёл ошеломляющее впечатление даже на тех, у кого от образа вождя ничего не

осталось. Это был всеобщий плач по миллионам ни за что погибших людей. Впервые народ увидел размах почти 25-летнего террора. И его изощрённую садистскую жестокость. С этого момента для большинства образ вождя совсем потускнел или окончательно погас. И Хрущёв укрепил не только власть, но и приобрёл громадный политический авторитет. Но он сам был частью элиты и совсем не собирался демократизировать общество. Наоборот, он теперь почувствовал, что может быть новым вождём или вождём по-новому. Он стал создавать свой собственный культ, не понимая того, что культ не столько создаётся, сколько естественно возникает. А где эта гигантская ломка старого в виде коллективизации? Где эти тысячи заводов и превращение страны в индустриальную? Он хотел занять место Сталина в сердцах людей, думая, что свято место пусто не бывает. Это была вторая ошибка. Культ теперь вызывал отвращение и стыд. Стыд за себя — как я мог в такое верить. Попытки воссоздать его ничего, кроме смеха и анекдотов, породить не могли.

В таких условиях создание новой Программы, которая должна была затмить все страны и эпохи и поднять нового вождя на небывалую высоту, стало неизбежным. Но без конкретности это была бы ещё одна пустая бумажка, а люди уже быстро научились не верить. Надо было дать яркую, красивую и в то же время достаточно убедительную картину прекрасного будущего.

Отсюда появились ступени развития, и на каждой — конкретные цифры и конкретные переходы к распределению по потребностям. Вот это уже ошибкой не было. Программа снова подняла сильно пошатнувшийся авторитет кандидата в вожди. Тем более, что она была рассчитана на 20 лет, а Хрущёву уже без трёх было семьдесят. Может, Хрущёв позаимствовал у Ходжи Насреддина не только мысль, но и цифру. Ведь тот именно за такой срок обещал шаху научить осла говорить, рискуя в случае неуспеха потерять голову. «Но за это время, — объяснил Ходжа друзьям, — либо я, либо шах, либо осёл умрёт».

Да, программа была великолепной по красоте и именно поэтому грандиозной по демагогии. А когда начал падать авторитет Хрущёва? Да уже осенью 1956 года, когда он отдал приказ пода-

вить уже победившее восстание в Венгрии. Не остановило и то, что пришлось для штурма Будапешта применить танки и артиллерию. Но в Союзе тогда лишь немногие поняли, что это такое. Почти все верили в победу над контрреволюцией. Однако уже тогда часть народа покоробили методы подавления, а затем расправы. За границей же это послужило решительным шагом к укреплению только что созданного НАТО. Весь мир вторжение советских войск с негодованием заклеил. В 1957 году Хрущёв уже резко осудил тех, кто слишком критиковал Сталина, как будто это возможно по отношению к палачу, да ещё такого масштаба. А там последовала расправа с Пастернаком, далее — угрозы применить все меры для подавления движения в национальных районах... И пошло-поехало. Главным врагом Хрущёва был народ, а не бюрократическая система. Её он не тронул, мало того — при нём она разрослась ещё больше, а главное — коррупция снизу доверху и подачки сверху донизу приняли наглый и почти открытый характер. Партийные бюрократы стали регулярно получать в конвертах ещё одну-две-три зарплаты. А за всякие хозяйственные «достижения» их ждали ещё и громадные премии, да и повышение в карьере.

И «достижения» посыпались как из рога изобилия, вплоть до массовой в ряде областей и из года в год «сдачи» в счёт госпоставок... продуктов из магазинов: мяса, масла, молока. Обман принял в хозяйственной сфере ещё небывалый до того характер. Зато в печати и выступлениях Хрущёва всё громче гремели фанфары в честь великих побед.

Как при Сталине в самый разгар резни в 1937–38 годах не пожалели ни денег, ни, тем более, фанфар на СП-1 и перелёты в Америку, так и при Хрущёве взялись за немедленные успехи в небесах. И в первом, и во втором случае это было средством как отвлечения от земных провалов — функция компенсаторная, так и для поднятия авторитета системы и её вождей — функция культа. Фотография Хрущёва рядом с Гагариным обошла весь мир. Те же функции должны были задействовать и при освоении целинных земель. И здесь в первые два года Хрущёва ждал успех. Он был раздут до невероятности. Межу тем, если бы те же деньги были с толком использованы, скажем, на Украине, эффект был бы куда

больше, а главное, постоянным. А на целинных землях, несмотря на непрерывное вливание денег, доходящее до миллиардов рублей, с третьего года началось резкое падение урожайности, а затем урожай был очень низким, неустойчивым, значительная часть его гнила, не доходя до потребителя. Но каждое лето огромное количество техники и людей отправлялось на уборку урожая на целину. И никто не считал, какова истинная стоимость каждого килограмма целинного зерна. Но Хрущёву, как и Сталину до него и Брежневу после него, нужны были фанфары.

Успех немедленно и любой ценой. Волюнтаристским путём качественный скачок не сделаешь. А вот экстенсивная количественная сторона — до поры до времени в руках подобных вождей с неограниченной властью. При этом, употребив эту власть, легко довести такое развитие до полного абсурда. Так, при Хрущёве стали быстро исчезать пастбища — всё шло под посевы зерна. Кукуруза — хорошая культура, но не в районах Севера. Развивать общественное стадо в колхозах надо, но не за счёт личного. И так во всём. Погоня за эффектом заставляла бросаться из стороны в сторону. В начале 60-х годов она вообще приняла во всём доминирующий характер. Отсюда пренебрежение реальными возможностями, и окружение вождя всё больше напоминает сброд авантюристов. Он выдохся. Всё, что он мог сделать, или, как раньше сказали бы, всё, к чему он был предназначен, он выполнил в первые несколько лет своего шумного правления. А дальше пошли авантюры за авантюрами, одна другой грандиознее, лишь бы шорох был. В душах людей. Уж очень ему хотелось занять там место Хозяина. И чем быстрее иссякал шумовой эффект одной авантюры, тем быстрее он хватался за другую.

Денежная реформа 1961 года сразу привела к постепенному, с годами всё нарастающему падению курса рубля при стабилизации или даже снижении зарплаты (у шахтёров и др.). И это стало заметно сразу. Создание совнархозов было хорошей идеей, но они непрерывно перекраивались территориально (так, Винницкий совнархоз уменьшился с 7 областей до 2), а над ними уже вырастала новая бюрократическая надстройка в виде ВСНХ и т.д. Удерживал Хрущёв трон ещё на несколько лет, и от реальной власти у сов-

нархозов остались бы одни воспоминания, если бы их и вовсе не ликвидировали. Он любил играть роль простого человека, ведь он жаждал стать своим, родным и влезть в сердце людям.

Но народ он, как и Сталин, боялся и презирал. Когда вот так просто выступал перед народом, когда он льстил — за спиной у слушавших его людей стоял на путях полк или дивизия личной охраны. И когда вместо того, чтобы аплодировать, в диктатора, но, увы, не вождя, начинали бросать вопросы, а затем даже песок и мелкие камешки, эта масса войск мгновенно кидалась на толпу, не желавшую быть стадом, и мгновенно разгоняла её. И расстреливала демонстрации. Караганда, Ростов-на-Дону... Где ещё?

Многие утверждают, что он не дурак был выпить не только после каждой душевной встречи с народом, но иногда и перед ней. Он мог нахамить или просто грубо оборвать тех, кто задавал ему острые вопросы. Он был плохо воспитан? Но ведь хамство — свойство слишком многих русских царей, чтобы считать его следствием неограниченной власти над людьми, а не дурного воспитания. Даже такие прекраснодушные мечтатели, как Александр I, или умные и практичные, как Екатерина II в момент своего вступления на трон, очень скоро превращались во взбалмошных деспотов и заурядных тиранов.

И Хрущёв был дитя той эпохи, которая началась во времена Ивана Грозного и начало конца которой мы наблюдаем сегодня.

Коммир.

Крижановский — Хусиду

02.03.1988 г.

Здравствуй, Сашуня, ещё раз!

Заканчиваю письмо уже в Ужгороде. Вчера уехал из санатория до вечера, а вот уже день следующего дня, теперь, думаю, до вечера вернусь. Жаль терять все процедуры и водичку, но надо же:

- а) посмотреть Закарпатье,
- б) купить и отправить воду «Поляна Квасова» домой.

Она и Асе пригодится. Очень хорошая вода.

Все мытарства, которые я пережил, просто не уложатся в письме. В конце концов воду я достал: из санатория для этого поехал в Сваляву (это железнодорожная станция и районный центр южнее, где-то в 30 км), оттуда — в Мукачево, посмотрел город и поехал уже с водой (20 бутылок), обрывая себе руки, с железнодорожной станции на автобусную и снова на железнодорожную, затем — в Ужгород. А тут оказалось, что поезда вечером нет. Справочная в Мукачево попросту не работала, а кассиры не знали. Пришлось посидеть ночь, перебирая листочки, дописывая тебе ещё две страницы и перечитывая «думы» и Омара Хайяма. Сплошная романтика внутри и снаружи.

А в Ужгороде я достал ещё 10 бутылок и всё это отправил, нет, не через проводников — они с таким презрением заявили: будем мы возить воду! Это москвичи. Слышал наш разговор один человек и вызвался довезти. И я ему доверился. Вот так всегда, когда надо прикоснуться к государственному обслуживанию. Бегал сегодня по Ужгороду в поисках обыкновенной сеточки за 40, 70, 90 копеек — любой. Но только в универмаге, а он закрыт до 10 часов. А через город идёт поток туристов. Тут, по моему, ещё больший бардак, чем везде, хотя люди и вежливые, сдержанные, чувствуется внутренняя культура, но тем более нет желания работать.

Ладно, в 10 часов я всё же отправил и только что дозвонился до родственников, ибо у Светы вот уже две недели телефон не работает — меняют номер. Уже 12 часов, а я всё ещё не знаю, когда поем — нет времени.

Я хочу посмотреть город и часика в 3–4 поеду в санаторий. А 3-го уеду, опять ночью. Сначала во Львов, а оттуда — домой. Чувствую себя в целом хорошо. Думаю, что когда приеду, найду от тебя что-нибудь. С нетерпением жду этой минуты. Привет Тамаре.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

09.03.1988 г.

Привет, дорогой Коммир!

Получил твоё последнее письмо с «фронта отдыха». Очень рад, что ты снял с меня слово печатать тебе твои письма. Дело в том, что у меня абсолютно нет оснований оспаривать твои рассуждения относительно Хрущёва и ему подобных, и было бы очень жаль терять время на перепечатку истин, с которыми я согласен. Кстати, советую тебе беречь своё время тоже...

У меня сейчас появилось две работы общим объемом в 22 страницы. Это очень хорошо, ибо я давно не писал практически не в форме писем. Опять могу засвидетельствовать, что писание — лучшая форма оттачивания проходящих в голову мыслей. Особенно я это почувствовал, когда писал вторые 11 страниц.

Как тебе понравился Февральский Пленум? Не кажется ли тебе странным выступление Горбачева, не относящееся к повестке дня? Оно даже не вошло в книжечку с материалами Пленума, я расцениваю это как демонстрацию с его стороны своей силы.

Буду закругляться. За праздники ужасно устал, так всё-таки хотелось кончить политэкономия: в другое время не скоро будет три дня подряд моих, а время не ждёт. Пиши. Если представится возможность, вышлю тебе по экземпляру двух моих последних работ. Твоё мнение для меня особенно важно.

Привет всем твоим. Будь здоров!

Исай.

Хусид — Крижановскому

13.03.1988 г.

Дорогой Коммир, привет!

Буду краток, ибо недавно отправил тебе письмо с изложением практически всех новостей, о которых принято писать в письмах. За прошедшее время к ним ничего не добавилось.

Большое тебе спасибо за сердечное поздравление Тамаре. Поверь мне, что ей было очень приятно получить столь лириче-

ское поздравление. Откровенно говоря, я не ожидал от тебя такого проявления теплоты... Спасибо!

В последней периодике появилось много материала о Вернадском. Всё-таки голова могучая. Поинтересуйся. Кстати, судя по всему, он не считал крамольной мыслью о бессмертии души, хотя и не связывал эту мысль с богом. Над этим тоже стоит подумать: всё-таки один из крупнейших естествоиспытателей!

В «Социалистической индустрии» за 8 декабря 1987 года откопал статью некоего Дзаросова, которая может и для тебя представить интерес. Я постараюсь в ближайшее время с ним встретиться лично как с политэкономом. Говорят, он организовал нечто вроде неформальной кафедры по политэкономии. Это меня к нему и привлекло.

К нашумевшему делу о Симеонах из Сибири, которые хотели угнать самолёт в Лондон. Оказывается, в «Советской России» за 3.01.1988 г. была заметка: «Покажите, что у вас в мешке» о практическом отсутствии контроля за содержимым багажа отлетающих пассажиров в аэропортах Сибири. Не правда ли, интересные возможные результаты гласности?

На этом закругляюсь. Будь здоров. Привет всем твоим.

Саша.

Хусид — Крижановскому

23.03.1988 г.

Дорогой Коммир!

Ты молчишь, и потому я буду кратким. Мои контакты с ЦК продолжаются. Благодаря им я получил стимул и написал за короткое время две работы, имеющие практически самостоятельное значение и объёмом по 11 страниц каждая, что для меня, как ты понимаешь, довольно много.

Кроме того, я написал тезисы сообщения, с которым предполагаю выступить в МГУ на кафедре демографии. Один экземпляр этих тезисов я и посылаю тебе в этом письме. Надеюсь, что ты его сможешь прочитать, а с помощью Светы, имеющей больше твоего знакомство с математикой и её символикой, и освоишь.

На этом закругляюсь. Надеюсь, что твоё молчание, как обычно, прекратится так же, как и началось. Привет всем твоим.

С наилучшими пожеланиями.

Исай.

Крижановский — Хусиду

Июнь 1988 г.

Здравствуй, Саша!

Извини за молчание. Я всё собирался закончить работу и ремонт и написать тебе подробное письмо. Наконец-то ремонт закончен. Приедешь, примешь, дашь оценку. Забрал столько сил и времени. Всё это делалось с большими перерывами и нервотрёпкой. В результате я мало что успел сделать. Дома всё по-старому, ничего не изменилось. С Асей и с ещё одной девочкой я с апреля занимаюсь через день-два историей по несколько часов. Тоже уйма времени уходит.

Теперь о тебе. Ты молчишь, и я начинаю волноваться. Я тебе отправил телеграмму с телефоном, но и после этого ты молчишь. Я пытался к тебе дозвониться, но, в конце концов, вышел на какую-то гражданку, которая заявила, что этот номер её и район совсем иной. Тогда я снова начал пробиваться, уже через справку. После немалой волокиты дали телефон, но по этому номеру никто не отвечает.

Итак, я не имею писем, не могу дозвониться. Сашуня, пожалуйста, напиши мне, каюсь, теперь буду писать тебе аккуратно. Лишь бы у тебя было всё хорошо. Напиши и сообщи свой телефон. И сообщи, покупать ли тебе путёвки. Они есть, надо съездить в Немиров. И напиши о своих планах. Я ещё раз от имени моей семьи приглашаю вас ко мне.

Мы в этом году выписали 10 журналов, не успеваем всё прочитать, но главное всё-таки читаем всё. В каждом журнале время от времени попадаетесь очень интересный материал, даже в журналах «Знание-сила» или «Сельская молодёжь». Первый — по истории, второй — по экологии и социальному положению крестьянства. Ушла целая зарплата на подписку, а государство дотаций не

даёт. Прочитал «Доктор Живаго», «Печальный детектив», рассказы Трифонова, «Котлован» Платонова и т.д. Пастернак написал вещь философски целиком против системы, особенно при описании Гражданской войны и страха после неё. Но доктор — персонаж общественно пассивный, он лишь не даёт ломать себя. А художественно, по-моему, не очень обработана — в одних местах растянуто, в других — сжало до скороговорки.

Повесть Платонова потрясает, это несравненно сильнее. Каждая фраза — афоризм или глубокая ирония, или и то, и другое. И всё бьёт в одну точку. Люди превратились в верующих зверей, человеческая жизнь — ничто, слова — или осуждение, или призыв, деятельность — фактически бессмысленна, ибо она не столько создаёт (да и то во имя абстрактной идеи), сколько разрушает. Сама повесть очень правдива, люди были именно такими. Удивляюсь, как он выжил, если учесть, что написано это в 1930 году. Думаю, что это лишь потому, что чиновники от литературы ничего не поняли. Ведь там есть лишь сомнения и их партийное преодоление, внутреннее или внешнее. Это на поверхности. А раз формально в порядке, значит, вообще нормально. Но под внешней, фактически иронической формой лежит страшное содержание: деградация и общества, и личности. Никто из известных мне писателей, даже Булгаков, так глубоко не проник в содержание эпохи и не смог её так мощно в образах раскрыть. Мы, разумеется, ещё не всё читали. Но думаю, что Платонова будут изучать в школах. Кроме всего прочего, здесь глубокое сострадание, а не холодный скептицизм или беспощадная сатира. Вот так мы открываем себе совершенно новые взгляды, которым уже под 60 лет. «Огонёк» даёт наибольшую информацию. Публицистика его вообще ни с чем не сравнима. Великолепен язык и сатира. Кстати, в №23 он написал о «Нашем современнике», в №4 которого начал печататься русский шовинистический, антисемитский роман. А в №25 дал статью об антисемитизме. А вообще, времени на чтение не хватает. И многое проходит мимо.

Конференция должна была бы над многим поставить точки, например ликвидировать министерства, лишить партийную бюрократию её инфраструктуры, поставить как важнейшую и не-

отложную проблему национальный вопрос. Но слишком слабы радикальные силы в верхах и слишком слабо и неорганизованно ещё давление снизу, чтобы это произошло. А, как свидетельствует история, ничто без сильнейшего давления снизу не делается в радикальном плане. Так, Кромвель и его сторонники были против полного разрыва с королём и предания его суду после победы. Но он пошёл на это под давлением революционной армии и народа. Якобинцы пошли на свои реформы, покончившие целиком с феодализмом, и на создание самой передовой до конца XIX века конституции под сильнейшим давлением левых, с которыми они вели ожесточённую борьбу и, в конце концов, в сентябре 1793 года их разгромили, а руководителей бросили в тюрьму. Но программу левых выполнили целиком, тем самым обессмертив себя. Правда, Конституция 1793 года так и не была введена в действие. Вместо неё наступило царство террора. Но и террор был требованием левых. И так далее. Даже провозглашение республики в начале марта 1793 года было по требованию вооружённого народа. Так что всё кончится компромиссом, и будет выработана центристская программа, которая устареет раньше, чем её начнут проводить в жизнь. Думаю, что нам надо всю экономику передать в руки кооперативов, а всю политическую власть — Советам. Независимые общественные организации, независимый суд и независимая пресса и создадут необходимое давление на власть. Плюрализм во всём — это и должно стать нормой жизни.

Крепко жму руку. Мой привет Тамаре.

Твой Коммир.

P.S. А телеграмма к месту?

Хусид — Крижановскому

29.06.1988 г.

Дорогой Коммир! Привет!

Только сегодня наконец заставил себя сесть за письмо к тебе. Приехали мы, как ты знаешь, 20 июня, но меня захлестнули текущие дела, включая хозяйственные мелочи. Ответил я на ряд других писем. Но тебе не хотел писать в спешке, кроме того, хотелось

поделиться тобой мыслями о докладе Горбачёва на партконференции. Сегодня прочитал его и поведу о нём речь.

Он произвёл на меня самое тягостное впечатление. Такого процента болтовни я давно не встречал. Самым ценным мне показалась идея о рекомендуемом совмещении высших партийных и советских постов. Действительно, после такого «преобразования» можно будет говорить о завершении строительства «общенародного» государства. И тогда не надо будет усиливать роль Советов, ибо её уже просто не будет — ни роли, ни Советов...

Всё посвящено стремлению увековечить социализм. На это нацелена главная мысль: создание «правового социалистического государства». УРА! Почти в самом конце доклада стыдливо упоминается понятие «коммунизм». Остальные моменты доклада ввиду их полной водянистости комментировать нечего. Я так расстроился, что решил забросить всякие занятия социальными науками и отдаться естественным, благо, их предмет исследования бесконечен. Не знаю, надолго ли меня хватит в моём решении, но что-то в этом направлении я определённо сделаю. Например, все непроработанные газеты (а их у меня накопилось аж с начала года) сдам в утиль!

Теперь несколько слов о другом. С завтрашнего дня иду на работу. Ужасно не хочется и хочется в одно и то же время. Меня перевели на должность инженера по БРИЗу. Я согласился только с сохранением оклада, на что администрация пошла. Правда, я не уверен, что мафия, сложившаяся до меня, так просто отдаст в мои руки такое доходное дело. Так что борьба ещё предстоит. Буду писать, по мере поступления твоих писем, конечно.

К вопросу о культе Сталина и вообще о культах после Маркса. Он (Маркс) создал всестороннюю критику капитала. Его теория, следовательно, носила отрицательный, отрицающий характер. Представь себе, что должен был делать властитель, убеждённый в законченности такой теории. Он должен был, будучи вполне последовательным, полагать, что, отрицая, уничтожая всё, что хотя бы в чём-то способствует возрождению прошлого, он строит новое общество, так сказать, автоматически. Вера в воплощаемую теорию есть не что иное, как вера в автоматический результат

столь же автоматического следования положениям теории, возведённым в догмат.

Журналы читаю, правда, не так полно, как ты. И некогда, да и не хочется: надоело!

Пока партия не прекратит приём в свои ряды, серьёзность её намерений относительно общества нуждается в проверке. Это относится ко всякой партии, а к коммунистической в первую очередь.

Будь здоров. Привет семье и от Тамары.

Исай.

Крижановский — Хусиду

Июль 1988 г.

Здравствуй, Саша!

Вчера получил твоё письмо. Ты мне наносишь запрещённые удары, это уже второй. Я полгода готовился к твоему приезду, даже ремонт затеял в какой-то степени из-за этого. И вот всё рухнуло в один момент. Насчёт Немирова тоже было договорено. Сейчас ты бы уже отдыхал там. А может, ты ещё приедешь? Так надо было бы поговорить обо всём. И у меня уже набрался материал — теоретический и фактический. Может, мы бы всё-таки объединились? Я бы тут разрабатывал, а ты бы дорабатывал и отдавал в печать. И две подписи. А второе — это ты брось, как сказал когда-то Хрущёв, цапнув портфель Берии. В гуманитарные науки ты влез с головой, а естественные — есть кому разрабатывать, да и тебе нужны многие годы труда, чтобы всё осмыслить и пойти дальше.

У меня уже раскрыт, разумеется, не до конца, но это колоссальный труд, генезис этой системы, её экономические корни, политические, культурные и т.д. А видя линию развития, можно и будущее предвидеть. Кстати, вопрос этот никем пока не разработан, и, по-моему, о нём есть самое смутное представление. Кроме всего прочего, мешает русский шовинизм. Россия никогда не была великим государством, если «великость» обозначается ведущим в мире развитием экономики. Россия всегда была дубиной для всех народов, своих и чужих. Даже культура в XIX веке

была дворянской, в основном, а позже — купеческо-чиновничьей, но она не была народной. И сейчас мы ищем нравственность по Достоевскому, а стойкость и героизм — по «Войне и миру». И это после Шиллера, Гёте, Гейне, Шевченко, Байрона, Бальзака, Гюго, Петефи. Разумеется, может сейчас ещё невозможно назвать вещи своими именами, но написать так, чтобы читатель сам сделал вывод, думаю, что можно. Но пока осознать эту видимость никто не хочет. И на конференции, и в кулуарах не раз слышал это дурацкое слово: «была бы держава сильной». Так что польза была бы немалой. Ладно.

Всё, что ты мне пишешь, — верно. Это правильный анализ. И он же свидетельствует о том, что коммунизма нам не видать ни сейчас, ни даже в обозримом будущем. И на коммунизм кивают сейчас «истинно-русские» и все консерваторы. И их красный цвет — это не цвет будущего, а цвет крови, по которой мы бредли 60 лет то по горло, то по щиколотку. Что у тебя общего с ними? Разумеется, ничего. Мало того, это твои и мои злейшие враги. Они все мечтают о хозяине, только уже с русским лицом.

Путь в будущее — это путь через перестройку всей экономики, политики, культуры на буржуазных началах. История показывает, что ни одна страна не может обогнуть этот строй. Когда делается такая попытка, то вскоре оказывается, что это был бег назад — в феодализм, да ещё и ранний. Вот из этой стадии раннего феодализма нам и приходится сейчас выбираться. А для этого нужно разрушить ту стену, которая окружает яму, иначе мы не поднимемся. И тут хорошо всё, что её разрушает и одновременно создаёт новых людей: подряд, аренда, самостоятельность предприятий, гласность.

То, что происходит у нас, — это безусловная перестройка. Хотя и не так глубоко и широко, да и не так быстро, как нам хотелось бы, но идёт. И дело не в том, что Горбачёв чем далее, тем всё менее конкретен и всё более болтлив. Важно, что у нас делается, а не что об этом говорят верхи. Его выступления больше для успокоения мафии, которая его окружает. Чем далее, тем отчётливее она начинает понимать, куда её ведут не на словах, а на деле. И всё ожесточеннее её сопротивление, всё наглее её поведение. Сейчас

дело дошло до первого кульминационного момента: Горбачёва уже пытались снять и фактически сняли, статья Андреевой — это лишь видимость, а не сущность; сейчас на конференции тоже были бы не прочь поставить вместо него Лигачёва, но уж слишком сильным было давление снизу, да и Горбачёв бросил им кость. Может, они и подавятся ею, но сейчас мафия весьма довольна, все секретари получили власть — и какую. Пока это носит абстрактный характер, и народ лишь слегка возбуждён. Но когда они увидят, что конкретного Ивана, которого они отлично знают, снова сажают им на шею, да ещё и Советами он же будет управлять, да ещё и за него надо будет голосовать, — думаю, что многие выйдут из состояния 60-летнего оцепенения.

Что означает этот возврат к выборной диктатуре? С одной стороны, для мафии это очень выгодно. Сам пан, сам хозяин. Он теперь вроде ни за что не отвечает, экономика ведь становится прерогативой Советов. Но с другой стороны... Советами ведь руководит он, и, в конечном счёте, ему придётся за всё отвечать. Да ещё выборы. И только на один срок (кстати, как это совместить с двумя сроками партийными). Словом, это — хотя и жирная, но всё-таки кость. За 5–10 лет вся нынешняя мафия лишится власти. Разумеется, многим что-то дадут. Но это что-то уже не будет политической властью. На смену одной генерации придёт другая. В условиях нарастающей активности масс я не думаю, что это будет аналогичная. Хотя и далеко не то, что массы хотели бы. Это будет вторая кульминация, когда мафия попытается всё повернуть назад. Борьба обострится до того, что у нас будут и митинги, и демонстрации, и забастовки, и новые левые политические объединения. В этих условиях партия может вообще потерять власть. Тем более, что до крайности обострятся национальные отношения. Пока Россия остаётся тюрьмой народов. И терпеть люди в условиях нарастающих изменений не захотят. Отсюда разжигание вражды между нерусскими народами, отсюда антисемитизм. Но это не поможет. Мы уже имеем великолепный прецедент — пятимесячную забастовку в Степанакерте. А правительство, понимая, что это прецедент, никак не решится удовлетворить законное желание народа. И это не территориаль-

ный спор за какую-то гору, а единодушное требование народа автономной республики. Затягивая и тем самым обостряя до накала всё, власти сами же подрывают свой авторитет. Кстати, ты видел по телевизору передачу о Карабахе? Громадные, до горизонта, массы людей, девушка-дирижёр, и все дружно скандируют. И это ежедневно. До сих пор у нас думали, что такое возможно только в развитых странах Запада. Есть прецедент! А дальше пойдёт ещё веселее. Неужели времена Караганды навсегда минули? Да, гласность, хоть ещё и очень урезанная, наносит ежедневно Системе непоправимый вред.

А о сионских мудрецах читал в «Огоньке»? (№26, статья «Противостояние»). Упоминали и поставили Коротича на ковёр, думали, он испугается или начнёт оправдываться. А он им врезал перед всем миром: среди вас есть преступники, да ещё такие, что у правовых органов руки коротки.

Резолюция о гласности, скорее, против неё: нельзя, например, «манипулировать гласностью». А что это такое? Сюда всё можно втиснуть. Кончаю. Это лишь малая толика того, что я хотел тебе сказать.

Очень понравилось выступление Лигачёва. Разделся до трусиков и начал себя демонстрировать всему миру. Вот болван! Были бы все консерваторы такими. Бакланов, как всегда, великолепен. Мафия трижды пыталась сорвать его выступление.

Привет Тамаре и тебе от нас всех. Крепко жму руку.

Коммир.

Хусид — Крижановскому

07.07.1988 г.

Дорогой Коммир, привет!

...Рискую повториться, но мне партконференция не понравилась именно своим отрицательным характером. Ничего созидательного, кроме очередной политической перетряски, не было предложено. И в этом смысле должны последовать опять-таки отрицательные события. То есть, всякого рода запретительные меры усилятся...

Случайно узнал, что готовится к выпуску книга Бухарина в количестве 50 тысяч экземпляров. Это, конечно, капля в море. Интересно, что собой будет представлять «массовый» тираж стенограммы конференции? Я, конечно, постараюсь купить.

На этом кончаю. С нетерпением ожидаю твоих писем. Да, надеюсь, что ты читал интервью с Немцовой в Огоньке № 27. Как видишь, люди, делавшие революцию, не понимали, что и для чего они делают. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Вот они в него и попали. А вместе с собою до сих пор хватают совершенно посторонних людей.

Будь здоров. Привет семье. С наилучшими пожеланиями.

Исай.

Хусид — Крижановскому

12.07.88 г.

Дорогой Коммир! Привет!

Получил твоё письмо пару дней тому и сегодня решил написать. Буду писать густо, ибо мне представляется, что письмо выйдет длинным, а перезаряжать машинку не хочется.

Выступление Г.Бакланова прочитал с твоей подачи, ибо в первом чтении не обратил на него внимания. Очень хорошо! Со своей стороны, обращаю твоё внимание на выступление Е.М.Примакова и не могу его не процитировать: «Следующий вопрос. О научной проработке этапности в осуществлении основных задач перестройки, об этом много говорят. Но чёткой концепции поэтапного развития экономики и общества в целом у нас до сих пор нет. Вина за это ложится и на учёных, и на практиков. Между тем, можно надёжно идти вперёд, лишь последовательно решая задачи в полном соответствии с реальными возможностями на каждом этапе. В противном случае самые благородные и прогрессивные идеи подвержены дискредитации».

Итак, официально признано — специалистом, что нынешние власть имущие не знают, что творят. Важно, однако, не то, что у них нет научной стратегии. Я не вижу её и у тебя, мы с тобой об этом много говорили, но так и не пришли к чёткой формулиров-

ке обоюдодоприемлемых положений. Именно исходных. И полагаю, что истоки наших разногласий — при всей общей ненависти к существующему порядку вещей — в следующем. Ты исходишь из того, что социальные противоречия, так же, как и противоречия между обществом и природой, вечны. На историческом этапе задача заключается только в том, чтобы найти форму первых и продолжать разрешать вторые. Только так можно понять твоё утверждение о том, что нельзя перескочить через капитализм.

Я же стою на том, что противоречия первого рода конечны во времени и полностью преодолимы, после чего и начинается существование человека как такового. Общество может начать преодолевать это противоречие с любой исторической точки. Которая совсем не обязательно может быть капитализмом.

Ты пишешь, что почти раскрыл линию развития этой системы, которая поможет тебе, в том числе, дать прогнозы на будущее. Опять возможность предвидения будущего вместо того, чтобы знать, *как* его делать таким, каким оно должно быть. Конечно, речь идёт о социально-экономических формах этого будущего, а не об уровне наших, например, знаний об окружающем мире или, опять-таки, например, о конкретных потребностях людей в этом будущем.

На этом буду закругляться. Да, у меня появилось факсимильное издание «Пятикнижия Моисеева». Нью-Йорк издал факсимиле Вильны (с дословным переводом Виленского евр. Учительского ин-та Штейнберга). Что ты можешь сказать об этой книге?

Кончаю. Не могу не повторить, что мы живём в удивительное время! Привет всем твоим. Пиши. Только, пожалуйста, разборчивее.

Исай.

Крижановский — Хусиду

24.11.1988 г.

Здравствуй, Саша!

Совсем юный опыт ещё не позволяет по достоинству оценить свои успехи. Мешает и скромность, так присущая в первые дни работы всем юным машинисткам. Когда они ещё не знают, на ком

остановить свой взор. Но я уже давно сделал выбор. Несколько слов о своей биографии. Как «машинистка», я «родился» 4 сентября 1988 года прямо на курсах (как человек — несколько раньше). Было до невозможности трудно, но вера в свои силы, а также в терпение моих друзей, перебороли всё. И теперь я жду ответного признания. Как и подобает — скромно, потупив глазки. Конечно, есть такие, которые печатают быстрее и лучше, чем я. Но зато я переносу на бумагу только то, что... словом, свои чувства, а не чужие. И всеми десятью пальцами. Пока очень медленно, кое-где бывают отдельные ошибки. Но вслепую. И легче читать это первое письмо. Однако перейдём от чувств к мыслям. Это письмо я отправил в три редакции. Предупредив об аналогах. Первые страницы под копирку.

Сашуня, у меня, вроде, намечается крутой поворот: переезд — ну куда ты думаешь — в Подмоскovie. Поближе к Москве и к Жене. Как ты на это смотришь? Обмен равноценный. Ася просто рвётся в Москву. Она уже смотрела, сейчас поглядит Света. Уже начали оформлять документы. Наша квартира понравилась.

Мне очень тяжело покидать Украину. Я с ней просто сросся, и отрываться будет очень больно, я просто не представляю себе, как я буду жить вне Украины. Видно, эти раны будут затягиваться годами. Одна из причин моего согласия — возможность видеть тебя. У нас все здоровы и передают тебе привет.

Все твои письма, как и последующее молчание, я получил. Сейчас времени стало больше, а до сих пор я был три месяца, как в чаду: домашнее хозяйство, курсы, домашняя работа... Но теперь я достиг желаемого: печатаю тебе письмо. А почти законченное (так мне казалось) теоретическое письмо тебе я так и не отправил. Кстати, извини за ошибки, я их не исправляю намеренно, чтобы ты видел, на каком уровне я печатаю, особенно, если побыстрее.

В одном из твоих писем ты уже заявляешь о необходимости революционных изменений, как о предпосылке всего дальнейшего развития. Я рад, что наши точки зрения так сблизились. А так много хотелось бы сказать... Но печатание пока занимает в несколько раз больше времени, чем труд авторучкой. И я буду кончать. Лишь два слова.

Массы быстро левеют, а власть правее, это обычное явление для периода крупных реформ. Год назад я тебе говорил, да и писал в работе, что в такой стране, как наша, вопросом номер один является национальный вопрос. Тогда почти никто в это не верил, сейчас многие поняли. Но это только начало. А конец наступит, когда поднимется Украина. Пока здесь довольно глухо. Растёт направляемый антисемитизм, и всё больше евреев уезжает. Полностью смолкли голоса в печати о китайской стене партийных привилегий, как и о необходимости ликвидации министерств. В «Огоньке» появилось интервью о том, что для России всегда была типичной революция сверху (!). А в «Литературной газете» о поколениях, которые должны пройти, чтобы у нас существенно изменилась система, об опасностях революционных и преимуществе эволюционных изменений (я задел в письме этот вопрос).

Вот так свободная пресса пытается обмануть невежественный народ. О направляемом антисемитизме я написал в резкой форме в «Молодь України», но пока ответа не получил. А с другой стороны, то, что печатают о кровавом терроре в прошлом и о надвигающейся экологической катастрофе сейчас, вызывает у людей чувство ужаса и объединяет их не только на базе антисемитизма.

Кончаю. Привет Тамаре. Пиши.

Коммир.

Приложение

О проекте Конституции

Уважаемая редакция!

Три недели обсуждения проектов обоих конституционных законов показали, что процесс подготовки, публикации да и самого обсуждения у нас совершенно не подготовлен. И поэтому носит довольно сумбурный характер, в котором трудно разобраться. Оно, конечно, можно и сослаться на то, что подобным раньше не занимались. Так что же, будем действовать методом проб и ошибок? Пока в итоге не получим социальный Чернобыль?

Разумеется, подобная система власть имущим выгодна. Таким образом, можно растянуть эволюционные изменения на целое столетие, обеспечив элитной жизнью себя, своих детей и внуков. Увы, это лишь номенклатурные мечты. Ибо если политическая система не будет в ближайшие годы полностью очеловечена на основе свободы, плюрализма и демократии, то станет наша земля «безвидна и пуста» в результате экологической катастрофы. Думаю, что, не дожидаясь этого, массы народа сами произведут социальную и национальную революцию.

Что этот взрыв неминуем, свидетельствует не только исторический опыт других стран, но и наш собственный: быстро нарастающая общественная активность и растущее недовольство до крайности медленными, буквально микроскопическими изменениями в форме правления страной. Вся власть как была, так и осталась в руках элиты. А народу, словно в прошлые времена, сохранили право лишь писать в газету или жаловаться в вышестоящие инстанции.

Эту же тенденцию отражают оба проекта. Что очень хорошо видно из опубликованных откликов. Как и то, что народу смертельно надоела эта очередная игра в демократию. Видно, если он сам не устроит свою судьбу, манна небесная ему не дожидаться. Кстати, сами проекты сделаны как будто по рецепту Наполеона, который сказал подобранным им сочинителям новой конституции: пишите коротко, но неясно.

Итак, перед нами стоит задача: прежде всего выработать механизм подготовки и принятия конституционных изменений. Я предлагаю для обсуждения такой проект. Прежде всего, сама концепция таких изменений никак не может родиться в тиши партийных кабинетов. Значит, сначала должна быть создана независимая от элиты конституционная комиссия. Такая комиссия создаётся всенародным обсуждением на страницах газет, через радио и телевидение. При этом следует объяснить всем, что выбрать надо писателей, учёных, других интеллигентов, а также рабочих и крестьян из числа наиболее разумных и смелых, радикально настроенных и социально активных. Чтобы покончить с практикой весьма удобного для элиты смешения своих представителей с увешанными

орденами «представителями» народа, физически активными, но политически пассивными. Лучше всего такую комиссию избрать всенародным голосованием из числа выдвинутых письмами читателей кандидатов.

После избрания члены комиссии на несколько месяцев освобождаются от работы. Подготовив проект, комиссия публикует его, разумеется, без всякого согласования с властью имущими. Проект проходит трёхмесячное всенародное обсуждение. Все предложения комиссией суммируются, все отклики, отражающие наиболее глубоко типы изменений, публикуются в газетах «Правда», «Известия», а также республиканских газетах на национальных языках. Каждому письму соответствует перечень тех изменений, которые были предложены другими авторами, но в письмо не вошли, они публикуются рядом. Все фамилии авторов обязательно сообщаются читателям.

На основе народных предложений и создаются два варианта конституционных изменений. Один — из наиболее радикальных предложений, другой — из более умеренных. Оба варианта снова проходят, теперь уже в течение двух месяцев, всенародное обсуждение, публикуются в виде окончательных вариантов и выносятся на референдум. По своему усмотрению комиссия может свой первоначальный проект выдвинуть в качестве третьего варианта. Получивший наибольшее количество голосов, но не менее половины участвовавших в выборах, становится конституционным законом без утверждения Верховным Советом СССР. Изменение Конституции — слишком серьёзное дело, чтобы ставить судьбу страны в зависимость от группы депутатов, на которых пока власть имущие имеют возможность оказывать достаточно мощный нажим.

Такая система не только создаёт гарантии достаточно быстрого и эффективного изменения политической системы СССР и не только поднимает на необходимую высоту Конституцию (её политический и моральный авторитет находится сейчас в районе нуля, а что же это за общество, что это за страна без Конституции?), но и вовлекает широчайшие слои народа в активную политическую деятельность. А это не менее важно, чем принятие самых нужных законов.

Вот в связи с этим и хочется добавить следующее. Некоторые граждане уже спешат официально предупредить: демократия и гласность — это опасно, быстрый переход к ним принесёт больше вреда, чем пользы. Да и у нас в крови жажда менять всё. И наш, и мировой опыт показывает, что до добра это не доведёт.

И хоть тема эта выходит за рамки поднятых вопросов и требует отдельного обстоятельного разговора, нельзя не ответить на столь откровенный вызов, брошенный революционным идеям. Излишков демократии и гласности в природе не существует. Если же они у нас впервые в истории появятся, то можно будет экспортировать их в обделённые ими страны, например в Англию или США. Как не угрожают нам и чрезмерно быстрые темпы демократизации страны. Гласность у нас уже есть, хоть и в младенческом состоянии: сверху ей до сих пор твердят — этого совсем нельзя, а этого ещё нельзя. Ну, а граждане Союза имеют почти всюду пока не больше реальных прав, чем четыре года тому назад.

Мировой опыт? Но он говорит только об одном: быстрая демократизация никогда и нигде не шла обществу во вред, она вдохновляла и спланивала массы и давала возможность сделать за годы то, что не удавалось добиться за столетия. И наоборот, демократизация по принципу «в год по чайной ложке» приводила, чаще всего, или к революционному взрыву, или к глубокому разочарованию народных масс, отходу их от активной поддержки социальных преобразований и резкой активизации правых.

Что же касается нашей крови, то в ней слишком много накопленного столетиями яда, вызывающего социальную покорность, опьянение от одного благосклонного взгляда начальства и собачьей тоску по сильной руке хозяина.

Я предлагаю созданные анонимными авторами в неизвестных кабинетах под неведомо чью диктовку оба проекта отложить в сторону. И создать сначала подлинно демократическое устройство подготовки обсуждения и принятия конституционных реформ.

Прошу вас моё письмо опубликовать.

Крижановский К.П.

Крижановский — Хусиду

1.01.1989 г.

Здравствуйте, дорогие!

Поздравляю вас с Новым годом! Мы все желаем вам самых лучших успехов в жизни, в отдыхе, в борьбе за перестройку. А самое главное — чтобы вы были весь год здоровы и в добром настроении. Увидимся ли мы скоро? Не знаю, ибо до конца вопрос ещё не решён.

Мы ещё окончательно не решили. Хотя в остальном всё идёт нормально. Вероятно, в начале года всё окончательно решится.

У нас всё без изменений. Все относительно здоровы. Я уже написал 110 страниц — почти всё за декабрь. Кончаю. Это уже третий вариант. Но, наверное, окончательный — пока, разумеется, его кто-нибудь не прочтает. А вообще, наверное, легче было бы писать книгу, выбирать из многого лишь часть трудно, а ещё надо всё связать в единое целое. А книгу, если бы у меня были условия, я бы написал, наверное, за полгода. Но, скорее всего, мою работу не напечатают — слишком она левая даже для нынешних времён. Читал её мой брат позавчера, зная его всегда скептические высказывания и желание дать ряд замечаний, я был доволен, услышав: написано хорошо, но никто не напечатает. Володя приехал на день. У него всё по-старому, работает, как чёрный вол, ещё и вечерами. Увы, не в кооперативе, а на своей же работе.

Тяжело на душе до сих пор по поводу Армении. Мы себе немножко облегчили душу, собрав хорошие вещи, в том числе две шубы, набили до отказа два мешка и отправили в Ереван. Слышали ли вы о работе нашей украинской ученой, которая предвидела это землетрясение и выступала с доказательствами ещё в марте этого года на совещании в Томске, позже в Киеве. Она открыла, что землетрясение будет в период с 25.XI по 10.XII, с кульминацией 7.XII. Она писала и доказывала, и те же данные получили на Дагестанской сейсмической станции. Но никто её не слушал, хотя она говорила, что землетрясение в Газли было до минуты точно предсказано Киевским институтом, тогда к ним прислушались, и люди не погибли. Это передавала «Свобода» и дала интервью с ней. На Западе напечатана её статья. Словом, как строили, так и

слушали. Это глухая дегенеративная система. Целуем вас. Будьте здоровы. А тебе, Саша — публикаций.

Коммир, Света, Ася, Софья Яковлевна.

Хусид — Крижановскому

05.01.1989 г.

Дорогой Коммир! Привет!

Конечно, поздравляю тебя и всех твоих с наступающим Новым годом! Желаю здоровья в этом и во многих последующих годах!

Постараюсь быть кратким, но информативным. Спасибо за письмо. У меня всё-таки сложилось убеждение, что землетрясение — дело рук человеческих. Русский учёный М.Филиппов ещё в начале века сделал 12 успешных опытов по передаче взрыва под землёй и погиб при таинственных обстоятельствах на тринадцатом. Что касается предупреждений, то и тут не всё однозначно, в конце концов, можно «поспособствовать» естественному явлению.

Читал ли №№ 11, 12 «Науки и жизни» за 1988 год по поводу истоков сталинизма? Я встретился с автором. Страшный пессимист, хотя и говорят, что он — референт Яковлева. Он взял для лучшего ознакомления мою последнюю работу объемом в 6 страниц. Не исключено, что в данный момент работа изучается в ЦК КПСС, работником которого он является.

На работе битва за кресло директора вступила фактически в новую фазу с тех пор, как директора официально уволили «по собственному желанию» пару дней тому. Меня уже без смешков величают одним из кандидатов. А предвыборную борьбу я вступил с месяц тому, предвидя ход событий. Моё заявление в партбюро тебе известно.

На этом кончаю. В «Известиях» за 3.01.1989 г. была заметка о фонде социальных изобретений. Думаю с ними связаться. О результатах сообщу.

На этом закругляюсь. Привет всем твоим! С наилучшими пожеланиями.

P.S. Почему не печатаешь?

Исай.

Хусид — Крижановскому

26.08.1989 г.

Дорогой Коммир! Привет!

Посылаю тебе вырезку из «Московской Правды». Кажется, в ней описывается тот митинг, на который ты меня приглашал. Ты знаешь моё отношение к нынешним властям, однако я уверен, что, в принципе, всё описанное — верно. Не знаю, как в других странах, но митинги в нашей стране произвели на меня тягостное впечатление. Несомненно, среди их участников есть и неглупые люди, но я в настоящее время полагаю, что участие в наших митингах есть пустая трата времени, да ещё и небезопасная.

Кончаю. Привет всем твоим! Кажется, ты своевременно вставил стекло. Привет от Тамары. С наилучшими пожеланиями.

Саша.

Хусид — Крижановскому

04.10.1990 г.

Дорогой Коммир! Привет!

Буду краток, ибо недавно виделись. Дело в следующем. Твоя Ася обещала дать мне какие-то телефоны РОУ. А я ушёл и забыл их записать. Очень прошу тебя или её при случае мне эти телефоны передать. Если такого случая не видно в течение ближайшей недели, то уж лучше написать телефоны на открытке, чтобы скорее дошли по почте.

В этом же письме посылаю тебе вырезку из «Московской правды» вместе с копией того текста, который должен был появиться по договоренности с корреспондентом. Полагаю, что тебе не трудно будет провести сравнение и увидеть эту «Московскую правду». Я же не «возникаю» по целому ряду причин. Во-первых, нет юридической бумаги, устанавливающей обязательства газеты по отношению того, что пойдёт под моим именем. Следовательно, формально газета тоже имеет какие-то права на редакцию. Во-вторых, этот корреспондент, который работал со мной и, видимо, над моим текстом, обещал, что после Пленума МГК продолжит работу. И уж тут я стараюсь оговорить свои права. Парадокс в том, что явно правоцен-

тристская, если не правая, «Московская правда» находит место для меня на своих страницах, а левые меня и слушать не хотят...

На этом закругляюсь. Будь здоров. Привет всем твоим. Надеюсь, что Ася уже вполне здорова.

Исай.

Хусид — Крижановскому

09.10.1990 г.

Дорогой Коммир! Привет!

Буквально несколько дней назад написал тебе коротенькое письмо, а сейчас решил написать побольше. Причина весьма уважительная — есть идея совместной работы.

Существование некоего переходного периода между возникновением человека и рабством, кажется, никем не оспаривается. При этом под рабством я подразумеваю первую форму порабощения человека человеком с целью удовлетворения потребностей одних людей за счёт других. Конечно, наиболее точно будет рабство классическое. Но что касается логического объяснения рабства, то тут, насколько мне известно, удовлетворительного объяснения нет. Именно логического объяснения, а не описаний того, как это в действительности происходило в разных странах и у разных народов.

Между тем, ты вряд ли будешь отрицать, что логика происхождения рабства есть логика возникновения всякого социального неравенства между людьми. А посему такого рода объяснения было бы неплохо «выдать на-гора». В связи с этим предлагаю написать такую совместную работу. При этом для начала распределим обязанности. Я беру на себя просмотреть всё, что есть о рабстве у классиков, а также написать то, что думаю сам о генезисе рабства. Ты же берёшь на себя анализ теорий происхождения рабства, особенно новейших и зарубежных, включая общий обзор того, как фактически становилось рабство в тех или иных формах у разных народов. Конечно, мы оба при этом не забываем и библиографическую сторону вопроса. Объём будет ограничен только сроками, которые мы сами себе отведём на такого рода работу.

Я полагаю, что для начала следует поработать месяца два, например, до Нового года. Во второй половине декабря надо будет встретиться и обменяться написанным. Желательно, чтобы оно было в печатном виде, чтобы не «ломать себе глаза». После обмена содеянным каждый работает уже только над полученным материалом, дорабатывая его по своему разумению в течение, например, одного месяца. А затем уже совместная работа для получения единой работы. Думаю, что это может занять ещё месяц.

Конечно, никому не возбраняется, кроме отведённого куска, заниматься исследованиями и на чужой территории. Кроме того, мне кажется, что тебе параллельно имеет смысл (именно тебе, поскольку ты — профессиональный историк), ездить в разные издания периодического типа, начиная, например, с «Вопросов истории», и предлагать такого рода работу, вплоть до возможного заключения договора. Список изданий можно составить в Ленинке.

Вот такая идея. Остаётся только получить твоё согласие — и в путь.

Заканчиваю. У меня пока всё нормально. Привет всем твоим от меня и Тамары! Будь здоров!

Исай.

Хусид — С.Г.Крижановской

10.12.1990 г.

Дорогая Свечка, привет!

Сейчас утро. Тамара спит. Однако я решил написать тебе пару слов даже без машинки, т.е. своим ужасным почерком. Надеюсь, что сможешь прочесть.

В середине той недели ночью Тамаре стало плохо с сердцем. Я проснулся часа в 4 ночи, больше не спал. Сама понимаешь, что и она, и я были выбиты из колеи. И до сего дня она полностью не пришла в себя. Да и я беспокоюсь. Это всё я к тому, что при всём моём желании не смог оставить её на целый день в воскресенье.

Кроме того, ты, вероятно, знаешь, какое значение я придаю таким праздникам, как день рождения. Эта привычка глядеть на них искося укоренилась во мне, видимо, потому, что мой день рожде-

ния летом, то есть, я никогда не отмечал его в кругу сверстников. Так было в детстве, когда формируется человек. Так и осталось. Но, конечно, не всё детское сохранилось во мне неизменным.

Надеюсь, ты меня уже простила. И потому я всё-таки тебя поздравляю (коль я ещё не забыл, что у тебя отмечался очередной день рождения) и желаю здоровья тебе и всем близким тебе людям, к коим, надеюсь, относимся и мы с Тamarой (как видишь, себя я тоже стараюсь не забыть).

В остальном у нас изменений нет. Я постепенно вживаюсь в новое место. Очень доволен, что получил в распоряжение персональную ЭВМ. Надеюсь освоить её за три-четыре недели с помощью тех знаний, которые когда-то приобрёл в Физтехе, но кои ещё ни разу не мог использовать на практике, а также с помощью друзей-профессионалов. Если освою, освоюсь и приживусь, то постараюсь передать хотя бы кое-какие сведения по ПЭВМ тебе и Коммиру (конечно, по вашему желанию).

Отвык ездить на работу далеко, а сейчас в один конец приходится добираться час двадцать минут. Да, остались три занятия по быстрому чтению. Надеюсь закончить. Успехи уже есть, но надо их закрепить. Думаю, что Коммир уже на курорте. Привет всем твоим. Обнимаю, целую, ещё раз поздравляю и прошу прощения.

Исай.

Хусид — Крижановскому

01.07.91 г.

Дорогой Коммир!

...Свечка мне вчера звонила, и я в курсе твоих дел. Очень рад. Надеюсь, что это и моим идеям поможет. Что касается моего визита к вам, то всё может быть, особенно если завтра мне, наконец, оборудуют компьютерный класс, и я смогу получить полигон для практического освоения информатики, которую, надеюсь, буду преподавать в новом учебном году. Теорию я, кажется, уже начал понимать.

Будь здоров. Всем огромный привет и наилучшие пожелания.

Исай.

Хусид — Крижановскому

15.07.1991 г.

Дорогой Коммир, привет!

Сегодня утром ездил в АОН при ЦК КПСС (на м. Юго-Западная). Там беседовал почти полтора часа с неким профессором этой академии Дульщиковым Юрием Сергеевичем. Как я на него вышел — отдельный разговор. Здесь же важнее написать о другом.

Наша беседа кончилась тем, что он предложил мне в начале сентября сего года устроить нечто вроде диспута. С одной стороны, я буду излагать свои теоретические взгляды на те проблемы, которые полагаю основными, а с другой — будут аспиранты этой академии второго года обучения, не ниже, как он сказал.

Мне будет дано не более десяти минут, так сказать, для заправки. А на весь диспут предполагается отвести около часа.

В качестве тезисов своего будущего выступления я оставил профессору экземпляр своей последней работы «Деньги или жизнь?». Кажется, я тебе её показывал. Он обещал перед диспутом размножить работу и ознакомить с ней всех участников. Конечно, так будет гораздо интереснее.

Пишу тебе это всё вот для чего. Я постараюсь приехать к тебе в субботу 27.07., прямо с утра. Привезу с собой эти тезисы, чтобы ты их проработал и навёл критику. Если ты до того побываешь у меня, то я тебе дам экземпляр, чтобы ты заранее смог ознакомиться и продумать. Если мы с тобой проведём такую репетицию, то я постараюсь, чтобы и ты со мной попал на этот диспут. Не ради выступления, а только для того, чтобы всё слушать и наблюдать со стороны, ибо я многого могу не заметить. Надеюсь, что ты меня понял и не откажешь.

Исай.

Кончаю. Привет всем и от моих всех. Я сейчас ужасно замотан этой ЭВМ. Время бежит, а терять информатику не хочется, даже если её придется преподавать на самой паршивой советской машине... Все остальные подробности при личной встрече.

30.05.1991 г.

Приложение Деньги или жизнь?

Экономическая теория нынче не в моде. Всех интересует практика. Пустые полки магазинов не располагают к теоретическим построениям. И всё-таки рискну привлечь внимание к некоторым вопросам политической экономии в надежде, что это поможет практике.

Экономика предполагает наличие в ней работников, т.е. людей, занятых производством всего того, что необходимо обществу для его существования в соответствии с имеющимся уровнем потребностей. Последнее понятие сразу же вызывает множество вопросов: что это за уровень? Чем и как его измерять? Является ли этот уровень неизменным, а если изменяется, то как необходимо регулировать экономику, чтобы поддерживать нужный уровень? А что такое регулирование экономики? Может быть, она сама должна настраиваться на каждый новый уровень? И т.д., и т.п. На все такие вопросы ответы должна давать, конечно, теория.

До настоящего времени наиболее универсальным измерителем в экономике являлись деньги. Их универсальность обуславливалась абстрактной формой и ни у кого не вызывала сомнений. Капитал, основа той мировой экономики, к которой мы в последние годы повернулись лицом и в которую желаем вернуться, есть, как известно, деньги, делающие деньги. Известная формула Деньги-Товар- Деньги, при всех нападках на её создателя и интерпретатора, до сих пор, кажется, никем не отвергается. Между тем, погоня капиталиста за прибылью дополняется чем-то аномальным. В самом деле, бессмысленной кажется деятельность, деньги на которую затрачиваются для того, чтобы получить лишь большее их количество.

Однако если человечество в своём развитии, то есть со времени выделения себя из остального живого мира, дошло всё-таки до капитализма с его универсальностью денег, то за их абстрактностью, наверное, кроется некое сущностное свойство человека. А так как речь идёт о капитале, то это свойство и должно порождать

необходимость того приращения денег, которое делает их капиталом. Следовательно, нам хотя бы на самое короткое время придётся заглянуть в начало нашего бытия.

Для своего выживания человек должен активно, то есть, с помощью орудий воздействовать на окружающую среду. Орудийная деятельность как необходимое условие присуща только человеку, который не имеет экологической ниши. Навыки орудийной деятельности не передаются наследственным механизмом, и потому каждый человек после появления на свет должен осваивать их заново. Таково условие выживания рода человеческого. Освоение это должно начинаться чуть ли не от рождения и заканчиваться в определённом возрасте с тем, чтобы затем началась самостоятельная жизнь. В конце этого возраста неизбежно наступает период, когда новый человек уже овладел орудиями в достаточной степени, чтобы производить средства жизни и, следовательно, производит их; однако его «наставники» продолжают производить средства жизни, достаточные для себя и потомства. В этот период, который, подчёркиваю, является необходимым этапом воспроизводства человека как такового, и возникает некоторый избыток средств жизни, прообраз того самого прибавочного продукта, который при капитализме принял абстрактную форму приращения денег.

Поскольку речь идёт о средствах жизни, то вполне естественно считать их всеобщей мерой длительности жизни, которую они обеспечивают. Как мы только что выяснили, в процессе воспроизводства своего рода человек неизбежно проходит через периоды наличия избытка средств жизни. И каков бы ни был этот избыток, он, в конце концов, должен привести к удлинению самой продолжительности жизни. Но именно этот факт и наблюдается в действительной истории. Более того, увеличение средней продолжительности жизни стало особенно заметным в последнее столетие и в наши дни наиболее заметно именно в странах наиболее развитого капитализма. Тенденцией увеличения продолжительности жизни не обладает ни одно живое существо, кроме человека. Судя по всему, эта тенденция и выделяет человека из мира животных, делая его именно *sapiens*. Появление че-

ловека знаменовало собой качественно новую форму борьбы за жизнь — борьбу за её продление.

Опустив множество теоретических рассуждений и вернувшись из нашего далёкого прошлого в сегодняшний день, можно сказать, что именно борьба за увеличение продолжительности жизни, начавшаяся, естественно, на определённом этапе человеческого развития, и привела общество к капитализму. Бессмысленное, на первый взгляд, стремление к увеличению массы денег есть с указанной точки зрения естественное стремление человека реализовать заложенную в нём природой способность жить дольше своих предков. Деньги становятся капиталом только в том случае, если их увеличение действительно приводит их владельца к указанному результату. Таков первый практический вывод из теоретических рассуждений о «жизни вообще».

С того времени, как увеличение продолжительности жизни человека, вызываемое самой его жизнью, превратилось из естественного процесса в цель самой жизни, возникла потребность в увеличении периода производства избыточных средств жизни. А это не могло происходить без насилия. То есть, насилие в истории является её закономерным этапом. Раз возникнув, оно привело к тому, что увеличение продолжительности жизни всех людей потребовало их дифференциации по этому показателю. Потенциал жизни одних людей мог и должен был реализовываться за счёт потенциала других, то есть, работники всегда предпочтительнее молодые, с большим потенциалом жизни.

Воспроизводство молодых работников имеет естественную верхнюю границу. С другой стороны, действительные возможности потребления избыточных жизненных средств также ограничены. В этих условиях стихийность процесса получения прибыли приводит к цикличному развитию экономики: объём прибыли лишь в порядке исключения может совпадать с объёмом потребности в ней, то есть, с действительно реализуемым потенциалом жизни. Естественно, не только капиталистов, но и всех членов общества.

Техника, возникающая на определённом этапе стихийной погони за прибылью, достаточно быстро создаёт условия для реализации

всеми людьми их жизненного потенциала. Это приводит как к совершенствованию техники в нужном направлении (например, создание техники, требующей молодых работников для своего функционирования), так и к усиленному экспорту капитала в страны с более подходящими для капитала условиями. К таковым, опять таки, относятся страны с меньшей, а ещё лучше, с уменьшающейся продолжительностью жизни. Следовательно, в настоящее время наша страна объективно является одним из наилучших мест в мире для приложения капитала, причём в огромных масштабах, обусловленных масштабами страны. И это, вероятно, самый важный из приведенных практических выводов.

Коснувшись нашей страны, нельзя не сказать хотя бы несколько слов о её новейшей истории. Провозгласив в ноябре 1917 года уничтожение эксплуатации человека человеком, мы тем самым прервали естественное развитие того процесса, который стихийно порождал формы человеческого бытия, в целом соответствующие его сущности. Не поняв существа процесса, мы уничтожили стихию истории, поставив на её место стихию отдельных личностей. Однако из этого совершенно не вытекает необходимость полного разрушения всего созданного нами за прошедшие годы. Новейшая история показала, что стихийное развитие привело общество к необходимости регулирования своей экономики. То есть, в настоящее время необходим поиск оптимума в сочетании регулируемой и саморегулируемой сфер экономики. А из сказанного вытекает, что этот оптимум уже нельзя искать посредством денежных расчётов. Не говоря уже о том, что в нашей нынешней экономике практически отсутствуют все предпосылки для такого способа счёта. Остаётся только один способ счёта, учитывающий возрастные структуры работников и, конечно, всего населения. В частности, максимизация прибыли требует первоочередного вложения капиталов в «молодые» сферы экономики или специального создания таких сфер.

«Возрастной» подход к экономическим расчётам, однако, вполне применим к странам капитала. А это даёт возможность сопоставления всех параметров распределяемых средств — как собственных, так и привлекаемых из-за рубежа. Мы так долго и мно-

го экспериментировали, что более не можем себе позволить такой роскоши без риска самоуничтожения. Предлагаемая теория даёт не только ответ на поставленный вопрос, но и возможность конструктивного выбора из указанной альтернативы.

Хусид — Крижановскому

24.08.91 г.

Дорогой Коммир!

Прошу прощения за качество напечатанного, ибо твоя машинка обладает, вероятно, множеством мне неизвестных свойств.

Добросовестно прождав тебя более трёх часов, я решил поехать домой. А то, что я ждал добросовестно, доказывается тем, что я успел поест и даже долго побеседовать с Асей о мировых проблемах.

Несколько слов об этих проблемах. Надеюсь, что тебе не надо объяснять истинные причины происшедших событий. Более того, я убежден, что о роли в них самого Горбачёва историкам ещё придётся некоторое время гадать, хотя на его встрече с депутатами России один из них спросил его об этом прямо. Впрочем, подловатость Горбачёва, кажется, уже мало у кого вызывает сомнения.

Вчера вечером мы с Тamarой смогли побывать уже около опечатанного ЦК. Попутно мы видели, как надевают веревочную петлю на шею памятника Свердлову. Зрелище оказалось весьма неприятным, и мы ушли.

Вот мой тактический прогноз, вытекавший из последних событий. Во-первых, после смерти ГКЧП будет введено узаконенное чрезвычайное положение. Во-вторых, Горбачёву не место на посту генсека ЦК КПСС, в-третьих, подписание нового Союзного договора вряд ли состоится по формуле 9+1, если вообще состоится по любой формуле, и наконец, в четвёртых, почти неотвратим распад КПСС на множество групп и группок, каждая из которых будет величать себя партией, а одна даже будет называть себя КПСС, дабы формально претендовать на наследование имущества нынешней КПСС. Прошедшие с тех пор события пока не внесли изменений в эти прогнозы.

А вообще, как видишь, мое «счастье» и на сей раз меня не подвело: в свете последних событий трудно рассчитывать, что состоится обсуждение моей известной тебе работы в АОН при ЦК КПСС.

На этом буду закругляться. Об остальном при следующих встречах, ближайшая из которых, к сожалению, состоится у тебя дома не так скоро: начинается учебный год.

Ваша Ася меня очень хорошо приняла.

Будьте здоровы. С наилучшими пожеланиями и прошу прощения за допущенные и пропущенные ошибки.

Саша.

Хусид — Крижановскому

06.12.1991 г.

Дорогой Коммир, привет!

Как видишь, я стараюсь первым выполнять своё обещание. Напоминаю тебе условия передачи тебе машинки с украинским шрифтом.

1. Машинка возвращается мне по первому моему требованию без всяких вопросов о его причинах.
2. В случае поломки машинка ремонтируется только через меня.
3. В течение десяти дней после получения машинки ты направляешь мне письмо на украинском языке (можешь даже привезти лично).

Любые нарушения этих условий чреваты непредсказуемыми последствиями. К нарушениям относятся, например, разные подношения в виде денег или продуктов.

А теперь, отбросим шутки, — о некоторых делах. Напоминаю, что Шеварднадзе рвётся занять пост Президента несуществующего Союза.

В самом деле, чем плохо быть начальником несуществующего государства, но иметь реальные выгоды такого положения? Синекура натуральная.

Далее. Я связался в тот же день нашей встречи с «твоей» Зульфией, атеисткой и коммунисткой. Мы с ней очень мило пого-

ворили по телефону. Она мимоходом спросила о моём возрасте и раскрыла свой (ей — 59). Обещала сводить меня к новым коммунистам в очередной четверг. Это сборище из регулярных где-то в районе Таганки.

Надеюсь, что в самое ближайшее время смогу воочию почувствовать не только Жириновского и демократов из Демроссии, но и коммунистов. И у меня будет весь спектр современных политических движений именно на данный момент, ибо они все меняются с калейдоскопической скоростью.

Кстати, о демократах. Та встреча, на которую я пошёл вместе с тобой, не состоялась. В последний момент этого человека вызвал к себе Ельцин. В связи с этим этот «экономист» наплевал на всех собравшихся (коих собралось от силы человек 50 в зале, рассчитанном не менее чем на 600 человек). На сём и разошлись.

На этом закругляюсь. Привет всем твоим. Ты уж меня извини: я в школе ужасно устаю. Сегодня пришёл домой после пяти уроков, попил чай и отключился на два часа. Усталость даёт себя знать. Привет всем твоим. С наилучшими пожеланиями.

Саша.

Хусид — Крижановскому

11.12.1991 г.

Коммир, привет!

Ты остаёшься в своём стиле, т.е. полностью безответным. Прошло уже почти десять дней после нашей последней встречи, а от тебя ни слуху ни духу. Я даже не знаю, как ты добрался домой в тот вечер, когда начало подмерзать. Однако я почему-то полагаю, что ты добрался благополучно. Что ж, дело, как говорят, хозяйское, хотя до хорошего такое поведение никогда не доводит. Пишу же я тебе только для того, чтобы хотя бы как-то зафиксировать некоторые мысли, которые пришли мне в голову под влиянием событий последних дней. Иными словами, я более пишу для себя, чем для тебя.

То, что сейчас творится, вполне вписывается в те предчувствия, о которых я, кажется, говорил и тебе: в последние недели

уходящего года история подарит нам множество неожиданностей. Три господина собрались экспромтом в Минске (или рядом) и подписали тройственное соглашение.

Воистину, ещё раз подтвердилось известное положение о повторении в истории трагедии и фарса. В 1922 году те же (по имени) стороны подписали договор о Союзе ССР, а теперь те же, опять-таки по названию, три страны ликвидируют тот Союз и учреждают новый. И в тот далёкий год Союз был организован как политическая реакция на ужасное экономическое положение. Правящая тогда клика не знала, что делать в экономике и своим политическим шагом — созданием Союза поставила телегу впереди лошади — политику впереди экономики, надеясь таким образом отдалить свою гибель. И цель была достигнута: история подарила тем структурам более 70 лет. Но эти-то нынешние — пигмеи по сравнению с теми. Неужели они полагают, что история им подарит хотя бы 70 дней! Какая наивность! И при этом они имеют наглость сравнивать своё объединение с объединением западноевропейских стран, которые приходят к необходимости такого объединения под действием подпирającego экономического развития.

У тех экономика достигла такого уровня, что без политического и финансового единства рухнет сама система, в которой движущей силой является прибыль. У нас же экономика достигла такого краха, что только политический союз имеет шанс оставить нынешних «факиров на час» у власти, к которой они дорвались, но с которой они не знают, что делать. А о социальной ситуации в Москве, да и в других регионах бывшего Союза тебе рассказывать, вероятно, не надо.

Немного об Украине. Там парламент почти единодушно одобрил новый Союз. Не знаю, что этому больше содействовало: не Минск ли в качестве новой столицы? Какая ирония судьбы: 1 декабря Украина голосовала за независимость, а 8 декабря она вступает в новый союз с той самой Россией, от которой всеми силами стремилась уйти.

Завтра я иду на встречу с теми, кто называет себя коммунистами. Делаю это я с твоей подачи. Зульфия А-на дала мне адрес. Это действительно недалеко от метро Таганская. Итак, завтра в 18.30.

А в воскресенье утром я побываю на собрании, посвящённом обсуждению вопросов, связанных с бытием Бога, видишь, какой диапазон интересов? А может быть это тот случай, о котором говорят: крайности сходятся?

Что касается Горбачёва, то я почти убеждён, что он постарается в создавшейся ситуации уйти в отставку. Благо, предлог весьма уважительный. И тем самым уйти от ответственности за всё содеянное, о чём я говорил тебе неоднократно.

На этом буду закругляться, извини, если письмо вышло сумбурным. Но, повторяю, я пишу его не столько для тебя, сколько для себя.

Привет всем твоим.

С наилучшими пожеланиями.

Исай.

Крижановский — Хусиду

31.12.1991 г.

Здравствуй, Саша!

Поздравляю тебя с Новым годом! Желаю тебе удачи во всём, крепкого здоровья и творческих успехов. Жду тебя в гости, точнее, просто ко мне, очень хочу тебя видеть. У меня всё без изменений, вот только начал учиться печатать. Сам видишь, как хорошо получается. Некоторые буквы приходится пробивать по два раза. И пока очень медленно. И с ошибками. Не зато нет страха, что машинка через секунду выйдет из строя. От ударов пальцы болят, непривычно. Пока вся работа моя стоит. Ладно. Научусь, в конце концов.

Как тебе нравится такая организация повышения цен? В магазинах нет ни товаров, ни ценников, кроме хлеба и молока ничего не продают. Живем запасами. Народ ругается, но пока тихо и словами. Конечно, всё делается вовсе не для приватизации, тем более, что её до сих пор не начали. Главная цель всех этих мероприятий — превратить рубль в бумажку, чтобы легче было провести денежную реформу. А ведь об этом ничего не пишут. Государство, как всегда в истории, совершенно не считается с ценой, поступает так, как ему наиболее удобно.

Но сейчас впервые времена такие, революционные, что народ терпение теряет очень быстро. Терпение кончится: работать по-настоящему, а зарплату получать фиктивную. Падение и без того низкой производительности труда неизбежно. А чем меньше человек работает головой или руками, тем сильнее закипают эмоции. Через три месяца, когда у многих запасы и сбережения подойдут к концу, если обстановка радикально не изменится сверху, её попытаются изменить снизу, и жизнь станет ещё интереснее. Скучать нам не придётся.

А Украина стала по-настоящему независимой. Своя армия — это уже конец всем мечтам об империи. Я очень рад за нашу родину. Но и России это не менее важно. Без Украины придётся серьёз взяться за развитие собственной страны. Впрочем, ей ещё предстоит освободиться и от ряда других колониальных владений, Чечня — это лишь начало. Да и Дальний Восток захочет того же, а за ним и другие потянутся.

В конце концов Россия станет, в лучшем случае, федерацией земель. Конец империи — только и может стать началом развития. Но этого никто понимать не хочет. Пытаются уцепиться хоть за эфемерные остатки империи или её атрибуты и символы. Вроде двуглавого орла. У него перьев не осталось еще до революции — так усердно их выщипывали все, кому не лень. А сегодня его поднимают из крови и грязи, будто нельзя придумать ничего иного. Нет, это не случайно. Ведь пытаются не построить новую, а восстановить старую Россию. Уже и гимн «Боже, царя храни» пытаются сделать своим родным.

Извини за ошибки. А почему вдруг одна строка полезла на другую? Какой-то волнистый шрифт.

Коммир.

Крижановский — Хусиду

4.05.1992 г.

Здравствуй, Саша! С первомайским приветом!

Я отложил все свои самые срочные дела, бросил уже почти написанную статью, сел за машинку и задумался. Так много надо сказать — и так мало места. Всё же попробую. Извини, Сашуня, за

молчание, но у меня, как у человека идеального (иначе как я мог бы стать твоим другом), должен быть хоть один серьёзный недостаток, иначе это будет уже не человек, а ходячий пример для всех. Это ужасно. Поэтому я старательно берегу свой единственный недостаток и никому не пишу писем. Выдержать характер тут очень трудно, давление я испытываю огромное, мне даже угрожают, но я держусь, в чём ты сам мог убедиться. Но перейдём к делу.

Дома у меня все без изменений, вот только Асю сократили, да нам с бабусей пенсию повысили. А Света ушла, точнее, уйдёт с мая на новую работу в Москве в районе метро Пролетарская. Я и Ася предлагаем ей до пенсии разорвать её 30-ти летнюю связь с государством, но вчера она одной фразой не только раскрыла наши тайные замыслы, но и всю глубину женского вопроса в СНГ. Она заявила, что мы пытаемся превратить её из общественного в домашнее животное.

А пока она безуспешно пытается приучить себя вообще не спать и работать круглосуточно. Иногда признаётся мне, что она безмерно устала, но дать себе хотя бы передышку и не собирается. А тут еще и я уже второй месяц не выхожу за порог квартиры. К тому же, меня недавно скрутил такой радикулит, что пришлось вызывать скорую, но сейчас уже прошло.

Я взял на просмотр в журнале подготовленную к печати статью и до сих пор её не вернул. Правда, я её доработал и написал к ней продолжение в виде новой статьи. Обе статьи полностью готовы к печати, и я надеюсь вскоре вырваться в Москву и отдать их в журнал. Ещё одна почти готова, но думаю её ещё раз переписать, и она тоже пойдет на машинку. Но зато четыре другие статьи стареют, а я никак не могу их закончить, одна из них на украинском языке. В газете «Украинский курьер», в трёх первых номерах напечатаны мои подборки из журнала «Украинская жизнь» за 1914 г. Мне говорят, что они очень нравятся читателям. Всё это крайне мало, мне хотелось бы принять более активное участие в общественной жизни, особенно сейчас. Я давно считаю, что нам нужна сильная демократическая оппозиция, чьё давление правительство должно было бы постоянно ощущать. А у нас в оппозиции только правые, поэтому Ельцин и чувствует себя так свободно.

Кончаю. Самое главное — будь мне здоров. Привет Тамаре. Жду к себе.

Крепко жму руку.

Твой Коммир.

Хусид — Крижановскому

24.10.1992 г.

Дорогой Коммир! Здравствуй!

Вчера к обеду я уже был дома. В понедельник надо быть в районной поликлинике. Но вчера же я отдал твою машинку. Сговорились за 1200 рублей и со сроком выполнения к концу будущей недели. Так что в самых первых числа ноября (вот тебе будет подарок к Октябрьским праздникам) я жду тебя с указанной суммой и сумкой для машинки. Деньги я найду, но, сам понимаешь, на очень короткое время.

Обо всём остальном — при личной встрече. Привет всем твоим.

С наилучшими пожеланиями.

Исай.

Хусид — С.Г. и А.К. Крижановским

08.05.1995 г.

Дорогие мои Света и Ася!

Несколько часов тому я узнал о том, что Коммира не стало. Ужасно! Я соболезную, сожалею, ужасаюсь тому, что не стало такого Человека! Лично у меня другого такого не было и не будет. Все остальные — не того качества, не того уровня знаний общеполитического и конкретноисторического свойства. Не то, и всё тут.

Извини за почерк и вообще за то, что пишу от руки. Но ведь это Коммир, а от машинки всё-таки тянет формальностью.

И всё-таки я очень надеюсь, что мы будем встречаться. На всякий случай, вот график работы Тамары. График непрерывный. Я один не смогу вас так принять, как с Тамарой, но в любой день буду рад видеть вас, особенно тебя, Свечка!

Бог мой. Что творится в этом мире? Скольким людям принесли горе эти идиотские игры так называемых верхов! Неужели кто-либо из нас не доживёт до расплаты! Надежда на это у меня теплится.

Ладно. Буду заканчивать. Завтра Тамара с утра на работу, а я схожу на почту и опущу это скорбное письмо. Крепко вас обеих обнимаю и целую.

Ваш Саша.

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЕЛА
К.П. КРИЖАНОВСКОГО**

---

28 июля 1977 г.

Первому секретарю Винницкого
обкома партии тов. Таратуте В.М.
от Крижановского К.П.

ЗАЯВЛЕНИЕ

5 апреля на партбюро физико-математического факультета Винницкого педагогического института мне было предъявлено грубо провокационное клеветническое заявление ассистента кафедры истории партии нашего института Шведа, в котором он писал, что я высказывал ему разные взгляды по вопросам системы государственного управления СССР.

О безосновательности и бездоказательности этой грязной бумаги я делал письменные и устные заявления неоднократно.

Вместо того, чтобы объективно разобраться в этой ситуации, партком и администрация института решили принять суровые и срочные меры: исключить меня из партии и лишить работы.

25 апреля партком уже утвердил исключение из партии, 29 апреля меня уволили с работы. Узнав о том, что дело будет рассматривать народный суд, администрация решила восстановить меня на работе. Но, как выяснилось, совсем не для того, чтобы восстановить попранную справедливость и наказать клеветников, а только с той целью, чтобы, создав формальный повод, снова уволить меня с работы.

Уже через пять дней после выхода на работу прошло заседание кафедры философии с заранее подготовленным предложением об увольнении с работы.

4 июня мне вынесли выговор «за систематическое опоздание на работу», хотя я в апреле-июне ни разу не опоздал и приходил всегда за 5–15 минут до начала рабочего дня. Этот выговор был таким же безосновательным, как и предыдущий (первый за 9 лет), вынесенный 14 апреля «за самовольно оставленную работу 9 апреля», хотя я в этот день был на работе до 14⁰⁰, а потом — на приёме у первого секретаря горкома партии.

14 июня в присутствии ректора Шунды Н.М. прошло заседание месткома, где должны были рассматривать три моих заявле-

ния (одно из них находилось там два месяца) по поводу абсолютно беспочвенных выговоров. Но вместо этого рассматривали только одно — только что поданное заявление о моём увольнении.

Сорок минут выступал заведующий кафедрой философии Черненко С.Н., мне же выделили «регламент» 5 минут, но говорил я не больше 2-х минут. Дальше говорить мне просто не дали.

22 июня я был повторно уволен с работы «по служебному несоответствию». Таким образом, после восстановления моя работа продолжалась меньше месяца. Такое грубое нарушение самых элементарных прав человека, сотрудника, коммуниста по всем трём линиям — административной, партийной и профсоюзной — показывает, что вся эта позорная история была подготовлена, организована и проведена соответствующими людьми.

Для достижения цели они не остановились перед использованием самых омерзительных средств: провокации, доноса и самой чёрной клеветы на честного человека. Я был фактически лишён возможности защищаться. Остановлюсь только на некоторых фактах.

В институте была создана отвратительная атмосфера страха и запугивания. Преподавателя-почасовика, которая попробовала защитить меня, немедленно лишили работы.

Все заявления, которые я подавал, административным, партийным и профсоюзным руководством не рассматривались. Так, в партийные организации английского и исторического факультетов, членами которых являются, соответственно, Швед и Черненко, мной были поданы заявления с просьбой рассмотреть их доносы на меня и наказать как коммунистов. Заявления подавались мной дважды — в апреле и в июне, но оба раза даже не принимались по указанию секретаря парткома Андрушко А.И.

На протяжении 3-х месяцев я просил создать комиссию, которая объективно и без предвзятости, всесторонне проверила бы мою работу, так и мои доказательства, которые опровергают отвратительные доносы. Но такая комиссия так и не появилась.

20 апреля на партийных собраниях физмат факультета я с помощью книг, документов и логики строку за строкой опроверг характеристику, которую дал мне Черненко, и доказал, что она пред-

ставляет собой один сплошной донос. Больше к ней не возвращались ни на собраниях, ни на заседаниях парткома. Но в июне, в заметно изменённом виде, эта характеристика снова появилась на заседании кафедры философии и месткома и фигурировала там как критерий истины. Таким же образом мной было доказано, что писанина Шведа противоречит не только внешней логике фактов, но и внутренне сама себе. Далее: она абсолютно бездоказательна, и её нужно принимать только на веру. И наконец: можно ли верить тому, кто полтора года всё время просил у меня консультации по философии и истории, а потом поступил так, как Иуда с Христом. Причём вместо тридцати сребреников этот мерзавец получил направление в трёхлетнюю аспирантуру при кафедре научного коммунизма Киевского университета.

Сказанного достаточно, чтобы сделать один, но неопровержимый вывод: и тени объективности не было в «рассмотрении» этого дела. С одной стороны, бралось на веру любое, пусть и самое невероятное враньё. С другой — не принимались к сведению даже самые неопровержимые документы.

Дело было решено ещё до того, как мне были предъявлены какие-либо обвинения. Вот почему те, кто вёл его, больше всего боялись, чтобы настоящее положение вещей не раскрылось. Поэтому три месяца никто ничего не проверял. И не принимались к сведению мои заявления. Поэтому мне только один раз, 30.04.1977 г., на собрании физмат факультета удалось выступить, имея достаточный регламент. И тогда я напрочь разбил выдвинутые против меня доносы. Но после этого мне или крайне ограничивали регламент, или вообще не давали говорить. И поэтому сфальсифицированы все протоколы, которые имеют отношение к делу: в частности, моих выступлений совсем нет или они сведены к двум-тремя фразам.

Администрация и партком института пытались оправдать своё поведение тем, что, мол, не первый раз меня рассматривают. Но разве это даёт право на необъективный подход? Наоборот, если бы те, кто вёл дело, были убеждены в том, что факты на их стороне, они пытались бы во всём раскрыть истину, а не закапывать её как можно глубже.

Действительно, впервые это грязное дело было сфабриковано в 1973 году. И имело оно такой же провокационный характер, как и сейчас. У четырёх доносчиков, каждый из которых жил в четырёх разных городах страны, были взяты «свидетельства», которые состояли буквально из нескольких фраз и были такими же эклектичными, противоречивыми и безосновательными, как и теперешние. Сразу возникает вопрос, зачем надо было обращаться в Москву, Киев, Хмельницкий, когда в Виннице меня знают тысячи людей: здесь я прожил почти всю свою жизнь. Но это легко объяснить, исходя из опыта сегодняшнего дня: нужны были необъективные, заранее заданные материалы.

Вот почему из сотен преподавателей института и тысяч студентов, с которыми я работал, было выделено двое таких, которые никак не могли дать объективные свидетельства, — Полищук и Дучал. Лекции обоих преподавателей я неоднократно рецензировал и резко критиковал за крайне низкий теоретический уровень, грубые ошибки и примитивную форму изложения.

Отношения с обоими преподавателями много лет носили сугубо официальный характер, а Дучал не скрывала своей ненависти ко мне. Весной 1973 года, после того, как я по поручению кафедры посещал лекцию Дучал А.С. и потом анализировал её на заседании кафедры, Дучал заявила мне: «Я Вам этого никогда не забуду. Вы меня ещё вспомните». А в августе того же года мне предъявили, в числе других, её донос.

Она же была и единственным «свидетелем», приглашённым на заседание парткома. Но перед неопровержимыми доказательствами вынуждена была заявить: «Я не помню, может, он этого и не говорил». «Свидетельство» полностью провалилось. Думаю, что именно поэтому, приняв к сведению этот горький для себя опыт, администрация и партком института не пригласили на этот раз ни Шведа, ни Черненко ни в одну из инстанций рассмотрения дела. Вместо сурового наказания развенчанного клеветника, руководство института щедро отметило деятельность Дучал на этой позорной ниве: несколько лет после этого её фотография не сходила с Доски почёта.

Все «свидетельства» относились к периоду трёх-шестилетней давности. По моему требованию наконец была создана комиссия,

но она так и не приступила к работе. Как тогда, так и сейчас протоколы были соответствующим образом отредактированы. В частности, два разных заседания парткома, на которых рассматривался мой вопрос, были сведены в одно, мои выступления, по сути, исчезли и т.п. Наконец, дело закончилось тем, что мне был вынесен простой выговор, он был снят с меня решением партсобраний физмат факультета в феврале 1976 года. Только при условии, что через полгода меня восстановят на работе преподавателем, я временно перешёл на работу зав. кабинетом философии.

Прошёл 1974 год, наступил 1975 год, а мне даже на почасовых началах не давали в институте часов. Я начал напоминать о данном обещании, но, кроме новых обещаний, ничего не получил. Тем временем, преподавателя научного атеизма в институте не было. Никаких, даже формальных причин не возвращать мне эту работу не существовало.

В апреле 1975 года на научно-студенческой конференции работа, подготовкой которой я руководил — «Библия против Библии» — была подвергнута абсолютно необоснованным нападкам Черненко, которые выявили его полную теоретическую несостоятельность в вопросах научного атеизма. Неправильность позиции Черненко была мной доказана, и работу признали хорошей. Тем дело и кончилось, но такой ход событий, по-видимому, кое-кого совсем не устраивал.

Через два с половиной месяца, в конце июня, срочно собирается кафедра, где ставится на обсуждение мой отчёт о работе кабинета философии, но фактически в центре внимания — рассмотрение всё той же студенческой работы.

Черненко снова повторил свои примитивные до наивности взгляды. Меня обвиняют в апологетике, отсюда — и в пропаганде Библии, а значит, и религии. Я выступил, ссылаясь на произведения Маркса и Энгельса о Библии, на работу выдающегося советского учёного в области истории и религии И.А. Крывелёва⁴⁸, на научные статьи и выступления во время атеистических конференций; обратил внимание, что небольшая студенческая работа рас-

⁴⁸ И.А.Крывелёв. Книга о Библии. Киев, 1965.

считана на 15 минут выступления на конференции, это даже не работа, а сообщение. И что в работе ясно сказано: рассматриваются отдельные три книги Библии: Экклезиаст, Иова, Песнь песней. Все три книги носят или нерелигиозный, или даже антирелигиозный характер и являют собой очень хороший материал для доказательства земного, а не божественного происхождения Библии.

Вот что пишет Кривёлев о Песни песней: «Абсолютно ничего религиозного Песнь песней в себе не содержит: ...этот псалм является собой выдающееся художественное произведение». (Кривелёв, стр.72). Песнь песней недавно вышла в издательстве художественной литературы.

Об Экклезиасте: «А основной дух книги — дух атеистического философствования, который противоречит всему смыслу как христианской, так и иудейской религии» (там же, стр.74). Кстати, Экклезиаст доказывает, что никакого потустороннего мира не существует. Но Черненко, как тогда, так и сейчас, ничего не понял в моём объяснении. «Кривелёв не прав», — заявил он.

И теперь в характеристике и в выступлении на месткоме и на кафедре он большое место уделит своим взглядам на Библию и другим вопросам научного атеизма. Он заявил: «Библия — это система, и нельзя вырвать руку у системы». Не говоря уже о философском примитивизме и непонимании Черненко самого понятия «система», он стоит на позициях старого вульгарного социологизма, давно получившего осуждение. А утверждение Черненко о религиозном единстве Библии просто повторяет религиозную концепцию христианства...

Но Библия — это не система, а соединение, в ряде случаев механическое, религиозных, мифологических, исторических, литературных, фольклорных и других текстов, разделов и целых книг.

На протяжении тысячелетий Библия является оружием в руках церковников, но это оружие может быть повернуто против религии, что и делают грамотные атеисты со времён Спинозы. Уже 20 лет я успешно использую библию в атеистической работе, в частности, в работе с верующими — как индивидуальной, так и групповой. Достаточно вспомнить хотя бы трёхчасовое выступление в клубе села Велика Вулыга по вопросам Библии. В селе —

одна из самых больших адвентистских общин в области, но на диспуте она потерпела полное поражение на глазах у жителей, которые заполнили клуб.

Таковыми же теоретически ошибочными и методически вредными являются и другие концепции Черненко. Не думаю, правда, что вредность эта носит умышленный характер, скорее, она связана с поверхностным, часто эклектическим знанием Черненко философии, истории и научного атеизма.

Заседание кафедры закончилось тем, что мне сделали предупреждение. О чём? Чтобы я не занимался атеистической работой? Но зато ещё на полгода было отложено решение вопроса о снятии с меня выговора и предоставлении учебных часов по научному атеизму.

Как выяснилось сейчас из документов, которые есть в деле, студента А.Зинченко несколько раз вызывали и требовали от него дать «свидетельство», которое сейчас дал Швед. В этом году его снова вызывали, и снова он давал объяснение по поводу встреч и разговоров со мной. Но ни в 1975, ни в 1977 году Зинченко не пошёл против правды. Его, повидимому, не соблазнила даже должность преподавателя кафедры истории СССР, которая давно была обещана этому способному студенту с немалым стажем учителя. В результате, в институте оставили его однокурсника Шведа.

В этой связи сразу возникает вопрос, сколько же студентов (и, наверное, не только студентов) было опрошено подобным образом. Не говоря уже о том, что в результате была получена только жалкая писанина Шведа, сам стиль подобной деятельности достаточно красноречиво свидетельствует о том, чего стоит всё это «дело».

Партийная комиссия Замостянского РК КПУ на протяжении почти двух месяцев держала у себя переданные из института материалы дела. Сначала мне было обещано, что со мной детально рассмотрят документы и аргументацию, которая опровергает доносы: что будут опрошены студенты, которым я читал лекции, осмотрен кабинет философии. Ничего из обещанного сделано не было. Зато глава комиссии И.Лентюгов добыл эти «свидетельства» от всё той же Дучал.

Правда, организована была, наконец, встреча со Шведом, но на неё пригласили весь партком и ещё ряд людей. Перебивая друг друга, все они засыпали меня вопросами или выступали сами. Ни выступить, ни полностью ответить хотя бы на один вопрос я не мог. Это продолжалось два часа, и только после этого дали слово Шведу, который просто повторил своё заявление. Но мне выступить снова не дали. На два вопроса, которые я успел задать Шведу, он ответить не смог, зато высказал свой восторг от роли провокатора-клеветника, после чего его поспешили отправить за дверь. По поводу этой «встречи» я написал протест в парткомиссию, но И.Лентюгов его не принял.

Новая мерзкая инсинуация Дучал теперь касалась моей семьи и семьи моего отца. Видно, те, кто стоит за спиной у исполнителей, потеряли всякое чувство меры.

Мой отец, Крижановский П.М., старый коммунист, участник ещё Гражданской и Отечественной войн, вынужден был написать письмо в партийную комиссию и указать, какими грязными руками касаются самого святого в жизни человека. Через несколько дней он получил анонимку такого же характера, что и новый донос Дучал. Мало того. Отцу угрожали, что если он не перестанет защищать меня, то это очень плохо окончится для него и его жены Крижановской М.З. Эта грубая угроза жизни двух старых людей, одна из которых в результате всего пережитого уже месяц лежала в больнице, заканчивалась требованием к отцу отречься от сына.

Вот до какой мерзости дошли те, кто организовал против меня всю эту грязную кампанию. Видно, кое-кому в Виннице кажется, что им разрешено всё.

Парткомиссия и Замостянский райком партии тоже послушно исполнили свою роль, даже не сделав попытки хоть что-то проверить. Я не только остался без работы, но и без какой-либо возможности устроиться на работу по специальности даже в нашем институте. И моя семья из четырёх человек осталась, по сути, без средств к существованию. Одна капля отравленных чернил перевесила 35 лет труда.

Я — 27 лет в партии. В 17 лет пошёл в армию, участник войны. Окончил исторический факультет Винницкого пединститута и

философский Московского университета, а также годичную аспирантуру по научному атеизму.

За двадцать лет атеистической работы прочитал тысячи лекций, опубликовал свыше 40 научных и публицистических статей, подготовил к печати две брошюры, написал диссертацию.

В 1959–63 годах район за районом объехал по заданию обкома партии почти всю область, помогая в организации атеистической работы во всех её формах. Был руководителем дома атеистов, организовал в Виннице один из первых на Украине лекторий для верующих адвентистов седьмого дня, который они посещали в течение года. В пединституте члены студенческого атеистического кружка занимались не только теоретическими проблемами научного атеизма, но и практической работой с верующими.

В 1975 году в пединституте организовал атеистический Совет из представителей пяти факультетов, основной целью которого было введение элементов атеизма в процесс изучения студентами профилирующих дисциплин. В 70-х годах было проведено демографическое и социологическое исследование среди верующих адвентистов седьмого дня на территории Черновицкой и Винницкой областей. Некоторые итоги исследований опубликованы в научной прессе.

На моих лекциях по научному атеизму неоднократно присутствовали преподаватели, зав. кафедрами, деканы, проректоры. И всегда все лекции оценивались положительно.

Студенты занимались научным атеизмом охотно и хорошо. Процент успеваемости был самым высоким на кафедре, хоть требования на экзаменах предъявлялись самые строгие.

Кабинет философии вёл большую и многогранную работу. На протяжении года около тысячи студентов получали консультации, многим из них предоставлялась помощь в подборе литературы и работе над ней. Многие преподаватели и лица, которые готовились к сдаче кандидатских экзаменов, получали консультации по философии и научному атеизму. Ежемесячно перечитывалась или пересматривалась вся литература по философии, научному атеизму, этике и эстетике, которая поступала в библиотеку; в каталог литературы кабинета только в прошлом году было внесе-

но 150 новых названий книг и статей, лучшие работы аннотировались и вносились в специальный журнал.

Уже перечислено достаточно, чтобы сделать должный вывод о работе кабинета. Но это ещё далеко не всё. Именно кабинетом философии ежегодно организовывались философские и атеистические вечера в институте и в студенческих общежитиях, причём во всех вечерах я принимал участие.

Именно кабинетом философии было организовано в этом году приобретение кинооборудования и монтаж его в 357 аудитории. Теперь институт имеет собственное широкоплёночное кино. Именно кабинетом философии были подобраны близкие к философской тематике фильмы и организованы киносреды, на которых в прошлом учебном году побывало пять с половиной тысяч студентов, а в этом году до апреля месяца продемонстрировано 14 киносансов.

Не останавливаясь на иных аспектах работы, нужно отметить, что зав. кабинетом философии в Винницком пединституте ведёт всю документацию кафедры, расчёт часов преподавателей и даже подменяет их, когда они по каким-то причинам не приходят на занятия. Лаборанта на кафедре нет.

Во всех отчётах кафедры с 1973 года нет ни единого слова о плохой работе кабинета философии. В этом году вся работа кабинета была тщательно проверена министерской комиссией и получила только положительные отзывы. Так на каком же основании можно делать вывод, что кабинет работал неудовлетворительно?

И действительно ли стремится Черненко улучшить работу кафедры и кабинета? Достаточно двух фактов, чтобы увидеть, как поставлена на кафедре работа с кадрами.

В прошлом году на вакантную должность преподавателя философии Черненко подобрал отставника без специального образования, без стажа работы в вузе и даже без сданных кандидатских экзаменов. Это было сделано, несмотря на строгий запрет Министерства. В этом году на моё место был принят учитель русского языка.

Но сказанного уже достаточно, чтобы воссоздать реальную картину дела. На основе всего изложенного выше прошу Вас вос-

становить меня в партии и в должности преподавателя научного атеизма в институте, а также строго наказать клеветников.

К.П.Крижановский.

* * *

1977 г.

31 марта Швед совершил самый омерзительный с библейских времён и по сегодняшний день поступок. Он сполна отблагодарил меня за всё. Ведь Швед советовался со мной даже по вопросам своей личной жизни. Но разве можно верить писульке современного Иуды Искарота? Разве человек, опустившись до уровня самого позорного, самого подлого поступка в глазах людей, не теряет тем самым права на доверие? Всё клеветническое заявление Шведа списано из книг по критике антикоммунизма, с которыми он хорошо знаком как преподаватель научного коммунизма. Его лживость сразу бросается в глаза. Почему Швед не перестал ходить ко мне сразу, как только услышал указанные им разговоры? Почему, если ему давались советы в отношении семинарских занятий ещё с сентября 1975 года, он продолжал как ни в чём не бывало посещать мой дом, пользоваться советами и консультациями? Почему ему для этой грязной затеи понадобилось ещё полтора года? Если «окончательное убеждение» у него наступило перед съездом, иначе говоря, в январе 1976 г, то почему он ещё 14 месяцев продолжал всё так же посещать мою квартиру и по-прежнему пользоваться всеми нужными для себя благами? Так же убого выглядит и попытка представить себе его «правоверным», который прямо на квартире грешника бросает в него тяжёлые камни и требует покаяния. А грешник покорно принимает побои, мало того, всё так же душевно рассказывает о своих самых сокровенных грешных мыслях. Неужели так трудно было понять, что если бы ко мне приходил человек, который стал навешивать на меня ярлыки троцкиста, ревизиониста, оппортуниста, я немедленно выгнал бы его из дома и перестал бы даже здороваться с таким типом? Швед пишет, что в то время, когда он ругал меня последними словами, я откровенно рассказывал ему, какой я ежедневно

вред наношу как философии, так и атеизму. Совершенно невероятная картина, но Швед и не старается малевать хоть немного убедительнее. Он уверен, что этот сумбур будет принят и в таком виде. Швед сохраняет со мной нормальные отношения все полтора года, отлично зная, как я «по-своему оформил стенды, составлял планы семинарских занятий, проводил атеистическую работу». И даже стремление «написать, отпечатать и распространить листовку» не вывело его из олимпийского спокойствия. Одно из двух. Если вся эта невероятная чепуха, которая рассыпается при первом же прикосновении к ней инструмента логики, — правда, то тогда от партбюро до парткома должны были рассматривать дело Крижановского-Шведа. Ибо такое поведение можно объяснить только одним — полным совпадением взглядов. А если это злостная клевета, то тогда должны были заняться делом клеветника Шведа. Но ни первое, ни второе сделано не было. Не потому ли, что партийные руководители института сразу решили, что ретивость в данном случае лучше, чем вдумчивый подход. И что битьё лежачего и лучше, и выгоднее, чем проявление элементарной человечности. Ведь возникает такая рельефная картина: все видят, кого мы убиваем. Может быть, кто-то и в заслугу поставит наше усердие...

Когда я говорил, что нужно не спеша разобраться, сопоставив все «за» и «против», мне отвечали: нам надо быстро отреагировать. Когда я заявлял, что такой подход просто бесчеловечен, мне говорили, что это партийный подход, как будто второе подразумевает первое. Когда я говорил, что сомнение трактуется в пользу обвиняемого, мне отвечали: одно дело правовой, а другое дело партийный подход. До сих пор я думал, что партийный подход — более внимательный и чуткий, а мне в институте пытаются внушить совершенно противоположный взгляд. Это магическое слово «партийный подход», как считается ими, избавляет от всякого труда, забот и ответственности. Достаточно бросить даже беглый взгляд на ход рассмотрения этого дела в институте, чтобы убедиться в этом.

**Воспоминания К.П.Крижановского
о деле 1977 г.**

Начнём с конца. Это было вчера, 26 октября. Долгое ожидание в коридорах. Люди часами ходят, потому что сесть негде. А бюро идёт. С 14⁰⁰. Наконец, 18 часов, и меня вызывают. Небольшой зал. Но это всё-таки зал, а не комната. Ряды свежих, совсем светлых стульев. Видно, что руки людей почти не касаются их. Пусто. Только я, Трофименко — член и Березовский — глава парткомиссии. Сидим почему-то довольно далеко от бюро. Но это место мы получили. Правда, не по билету. Я сел себе отдельно. Ну, а прямо перед нами — сцена. На ней амфитеатром стулья. Там сидят хорошо откормленные люди. Некоторые из них такие полные, словно день и ночь они только и делают, что едят. А может, у них диабет?

А вообще, впечатление такое, словно сейчас начнётся спектакль. Есть партер, есть сцена, на ней артисты, правда, немного тяжеловесные для движений. Но зато сколько в них надменности, словно у римских патрициев. Кажется, словно я перенёсся на тысячелетие назад, и это форум. Прямо передо мной, с огромными плечами, животом и грудью, неподвижный, как на портрете, с глазами, слегка прикрытыми веками, Таратута. Замечаю, что он всё-таки дышит. Значит, это всё-таки живое творение. Вот даже наклоняет голову к менее полному человеку, что-то говорит ему. Но видно, каких усилий стоит ему даже этот поворот головы. Если он слегка открывает рот и что-то говорит, то делает это медленно, редкие слова, словно нехотя, падают из его уст, и, едва пролетев несколько метров, тут же падают в первых рядах партера. Он сидит в самом центре и ведёт бюро. Первым выступил Трофименко. Теперь, безусловно получив соответствующие указания, этот длиннолицый, с опущенной головой человек говорил только плохое обо мне. А ещё шесть дней назад он расхвалил меня так, что мне неудобно было на парткомиссии: и, мол, очень начитанный, и умный, и образованный, и прекрасный атеист, и т.д. Для чего это? Чтобы я растаял и ...раскаялся. То есть, перешёл на их сторону. Не думаю, что это смелость и честность, потому что на всех девяти этапах я их практически не видел, хоть теоретически не исклю-

чаю, что отдельные из них иногда, если это не вредит их интересам, могут быть честными.

Прошёл год, сейчас — декабрь 1978. Итак, подведём некоторые итоги. 25 марта Швед написал на меня донос, кажется, даже 31 марта, да, именно в этот день. 5 апреля 1977 года меня вызвали на факультетское бюро физмата — на 4 часа. Было два часа дня, когда мне прочитали донос Шведа. А уже в 4 часа дня бюро в составе В-ского — декана, Д-ко Ольги, преподавателя кафедры философии, Дж-ы Д.М., тоже преподавателя той же кафедры, и секретаря парторганизации, преподавателя математического факультета института, обсуждали, что со мной делать. Дж-а, сославшись, что ему надо срочно уйти, покинул заседание, несмотря на протесты секретаря. Итак, осталось их трое, двое из них — с моей кафедры (но один ушёл). И эти трое — секретарь парторганизации, декан и Д-ко настаивали на исключении меня из партии и рекомендовали уволить. Никогда этим людям я плохого не делал. Ничего личного у них против меня не было. С двумя — деканом и секретарём — отношения были неплохими, а с двумя преподавателями — даже хорошими. Это и есть самое страшное. Не субъективное, в узком понимании этого слова, а объективное будто сильно толкало их в спину и заставляло делать то, что они не хотели. Позднее оба они пытались как-то оправдать своё поведение тем, что у них не было другого выхода, а я им не помог. Действительно, я полностью всё отрицал, но одновременно совсем не собирался доказывать свою преданность, что-то просить, переубеждать и т.д. Наоборот, я сразу перешёл в наступление и вёл себя так, как должен вести каждый порядочный человек. Я им сказал: как вы можете с помощью одной грязной бумажки перечёркивать всю жизнь человека. Как вы можете доверять человеку, который ради своей карьеры пошёл и предал своего друга, по крайней мере, таким он пытается себя представить в доносе. Почему вы не выбросили эту грязную бумагу в урну и не привлечёте к ответственности её автора? Возможно, кто-нибудь и надеялся, что они меня сломают, это же уже второй, ещё более страшный удар за три с половиной года. А возможно, зная меня, они и не надеялись на это. Всё же человек судит о людях так, как поступает он сам. Поэтому

им тогда моё поведение совсем не импонировало, оно показывало, что они — рабы, лакеи, не способные и слова сказать против начальства, а тут — против целой системы, и ещё — такая гордость и сила. Во всех инстанциях я называл вещи своими именами, а Шведа — грязным доносчиком и типом, который осуществил самое страшное с точки зрения человечества преступление — предательство, донос ради карьеры. Я говорил, что он из тех, кто готов на трупах строить себе карьеру.

Декабрь 1978 г.

**Воспоминания М.И.Барской
о деле К.П.Крижановского 1977 г.**

А было всё так. Я шла на свои лекции и в холле института увидела объявление о том, что сегодня партком института будет разбирать персональное дело К.П.Крижановского. Хорошо зная Коммира Петровича, понимая, что ничего предосудительного он не мог совершить, я была поражена этим объявлением. Расспросив сотрудников, я узнала, что «дело» затеяно после подачи в деканат заявления Шведа, аспиранта. Подумав, что это просто недоразумение, я отправилась к этому В.Шведу, полагая, что он, по-видимому, тёмный и невежественный сельский парень, и надеясь переубедить его. Оказалось всё не так. Я поговорила в нескольких словах с ним, сказав, что так этого не оставлю, что Коммир Петрович — порядочный и честнейший человек, специалист в своей области, и что я буду писать в самые высокие инстанции, но добьюсь решения этого дела в пользу Крижановского. На это он мне заявил, что я его шантажирую, и он не будет со мной разговаривать. Я поняла, что разговаривать с ним действительно не о чём. На заседание парткома меня как беспартийную не пустили. Но Швед успел «настучать» туда об этом разговоре. На следующий же день я узнала, что часы, которые у меня были в институте, забрали, и была вынуждена уволиться. В институте я больше не работала.

(Вот так эта история прошла ещё по одному человеку. В дальнейшем Коммир Петрович попросил М.И.Барскую в эту исто-

рию больше не вмешиваться, сказав, что обязательно будет продолжаться борьбу. И действительно, спустя год с небольшим добился, пусть частичной, маленькой, но победы — преподавания в вечерней школе. Доносчик же — Швед Вячеслав Александрович — получил в качестве поощрения место в аспирантуре Киевского университета. Впоследствии он работал в аппарате президента Кучмы — ред.)

ЛЕВКО ГРИГОРЬЕВИЧ ЛУКЬЯНЕНКО

Воспоминания

о Комморе Петровице Крижановском

Начало 1989 года. Исполнительный комитет УХС⁴⁹ создаёт три пресс-центра: Киевский, Львовский, Московский. Власть, вроде, не запрещает распространять информацию, хоть и не хочет распространения негативных сведений о себе. Так что разрешено, но КГБ подслушивает международные телефонные переговоры и отключает телефоны. Разрешено посылать за границу письма, но КГБ проверяет их и более содержательные крадёт.

Для УХС крайне важно давать регулярную информацию о своей деятельности и преследовании со стороны КГБ и милиции — это был метод локтями расширять реальные границы разрешённого, свободы.

Львовским пресс-центром руководил непосредственно Черновол. Он же наиболее подошёл и Киевской, и Московской организации. Киевским руководил Сергей Набока (в марте 1989 года Всеукраинский Координационный совет (ВКС) УХС назначил его ответственным за выпуск газеты «Відродження»⁵⁰). Московским руководил Анатолий Доценко, энтузиаст, который быстро стал нашим основным международным рупором. (В то время прямого выхода за границу из Львова и Киева ещё не было. Поэтому собранную нами информацию пресс-центры передавали Доценко, а он уже передавал их в мир).

Время от времени на него нападал КГБ, забирал кассеты с записями новостей, завозил его в КГБ или милицию и задерживал, портил технику, угрожал тюрьмой и т.д.

---

⁴⁹ Украинский Хельсинкский союз.

⁵⁰ «Возрождение».

К счастью, Доценко не боялся и, как решительный борец, с азартом продолжал совершенствоваться и расширять информирование мира о борьбе на Украине. Однако балансирование на грани «арестуют — не арестуют» было опасным, потому что поток информации в мир мог оборваться в любую минуту. Необходимо было создать что-то надёжное, а именно: завести параллельного корреспондента. Им стал Николай Муратов. Со временем они распределили между собой сферы информирования.

Кроме того, в Москве много украинцев, и мы задумали создать московское отделение УХС, которое было бы более широкой базой для нашей деятельности и гарантировало бы от срывов. Муратов вступил в УХС и провёл начальную организационную работу. Я полетел в Москву на инспекцию деятельности пресс-центра и на первичное собрание отделения. Муратов представил мне каждого. На собрание пришло около десяти человек. Среди них один высокого роста, худощавый, немолодой человек, который представился: «Коммир Крижановский». Я задержался, так как, казалось, не расслышал имени. Он догадался о моём затруднении и выразительно повторил: «Коммир Петрович Крижановский».

Познакомившись со всеми, провёл организационное собрание, и избрали главу отделения. Потом рассказал о положении дел на Украине и в УХС и предложил обсудить план деятельности отделения.

В течение всего собрания г-н Крижановский был активным, обсуждал чужие предложения и предлагал свои. Он проявлял при этом высокий уровень теоретической подготовки. Жил он под Москвой давно, и не удивительно было бы, если бы в его украинском языке случались русизмы, но их не было.

Знакомство с ним положило начало немалому периоду совместной работы для блага Украины. Где-то во второй половине лета он приехал в Киев. Я познакомил его с некоторыми активистами УХС и попросил поехать в область. Он согласился поехать куда угодно, только чтобы билет оплатил УХС. Г-н Крижановский родом из Винничины, и я послал его туда. Он познакомился с местным отделением УХС, созвал собрание винницкой интелли-

генции и выступил перед ними, потом побывал на каком-то заводе, принял участие в митинге. Выступал, как профессор перед студентами.

Потом он поехал домой в Москву и скоро снова вернулся в Киев. Я попросил его написать листовку и подготовить проект решения ВКС. Он написал листовку хорошо и вовремя. Проект решения был длинным, но вполне хорошим как основа, которую можно было совершенствовать.

Я отправил его в Донбасс для помощи нашему отделению УХС. Он сумел войти в официальные круги, в промышленные коллективы, в учебные заведения.

С течением времени выявлялись всё полнее и полнее его широченная идеологическая подготовка, умение входить в контакт и с большими, и с малыми коллективами, с учёными людьми и простыми тружениками. В любой среде он умел завязать нужный разговор и навязать людям демократические идеалы.

Хоть жизнь и оторвала его от Украины, он любил её и помогал ей двигаться к независимости.

В ноябре 1989 года на совещании Всеукраинского Координационного совета в г. Буче под Киевом я предложил К.П. Крижановского в Исполнительный Комитет УХС. УХС ввёл его в состав Исполнительного Комитета (ИК).

Неприхотливый в бытовом отношении, он ничего не требовал для себя от УХС, а только помогал ему и Украине.

30 апреля 1990 года прошёл первый съезд УХС, который переименовал его в Украинскую Республиканскую партию. Г-н Крижановский как член ИК был за столом президиума. *(В 1990 году К.П. Крижановский разработал Устав и Программу Украинской Республиканской партии, был одним из основателей партии — ред.).*

Прошло немало времени. Я ушёл с должности главы УРП, работал послом Украины в Канаде, вернулся на Украину, возглавил предвыборное объединение «Украина», которое было основано в конце 1993 года для проведения выборов 1994 года.

И вдруг снова вижу перед собой Коммира Петровича Крижановского. Поехали ко мне под Киев. Жена поставила ужин,

а я спросил, надолго ли он приехал на Украину, куда думает ехать и что делать?

— Приехал, — говорит, — на Украину, чтобы помочь демократическим силам на выборах. Нужно как можно меньше пропустить в парламент коммунистов. Они теперь маскируются под демократов, но это волк в овечьей шкуре.

— Я знаю Вашу универсальную способность к политической деятельности и с удовольствием буду работать с Вами, но что Вам предложить? Что бы Вы хотели делать? При этом хочу отметить, что выборы — временная акция, а строительство УРП — постоянная задача. Вы, кажется, давно отошли от партийных дел?

— Да, отошёл. Считал за большую пользу для Украины писать проукраинские статьи в московских журналах. Тут я привёз несколько. Почитаете.

— Хорошо, почитаю.

— Я готов ехать куда угодно и помогать нашим кандидатам.

Вот так. Уже старый человек, скромно одетый, голод утоляет самой простой едой, но готов ехать в любое место, спать в поезде на твёрдой плацкарте или на чём положат чужие люди и учить, учить, учить свой народ любить себя, свою родину, Украину, свою национальную свободу.

Я включил г-на Крижановского в теоретическую группу, которую вёл литератор Владимир Ковтун, и он с большой пользой работал до конца избирательной кампании.

Потом мы разошлись. Коммир Петрович вернулся к своей жене в Подмоскowie. А я время от времени всё вспоминаю его светлые искренние глаза и думаю: почему так мало на земле таких бескорыстных самоотверженных людей, как г-н Крижановский?

На земле меньше было бы бед и больше людской теплоты.

Земля ему пухом.

27.06.1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	3
Статьи, размышления, очерки.	13
Пути развития общества.	15
Походное бытие формирует палаточное сознание	91
Диагноз — империя	103
Раб неделим	110
Знаем ли мы нашу старую, добрую российскую армию?	116
Куда марширует армия.	122
Конверсия — или...?	125
Империю — в музей древностей (I)	134
Каков цвет у фашизма?	152
Фашизм.	159
Что такое растворение в государстве	163
Фашизм. Германия	168
Размышления о книге «Германский фашизм и западноевропейский неонацизм 1919–1969 гг.» (А.С.Бланк. Материалы к спецкурсу для студентов исторического факультета. Вологда, 1961) (из рабочей тетради).	170
Размышления о книге «Утро магов» (Луи Повель, Жак Бержье. Утро магов. М., 1991) (из рабочей тетради).	172
Разница между Германией и СССР.	175
Лица и маски	180
Крымская кампания	203
Теория и её роль	207
Философия философии истории	208
Философия истории. Необходимость и её роль в истории	210
Необходимость	220
Ещё раз о социальной необходимости	224

Компенсаторный фактор в истории.	226
Доктрины Хайека и Фридмана.	231
Чередование.	234
Экстенсивное — в ширину, а интенсивное — в глубину.	236
Трансформация или революция?	238
История и теория её развития. Становление демократии.	240
В царстве мифов.	243
Мечты о будущем: утопия и реальность.	248
Россия: между Европой и Азией.	251
Причины установления диктатуры (Читая «Новый мир», №8, 1991 г.)	254
Центр и диктатура.	256
Размышления о революции.	260
История революций.	264
Революция социальная.	275
Почему нам трудно.	277
О вступлении советских войск в Чехословакию в 1968 г.	285
От Брежнева к Андропову.	289
Почему наступает застой, упадок и даже развал экономики и всей жизни.	310
Почему наша страна дошла до критического уровня развития? . . .	311
Экономическое и внеэкономическое принуждение.	316
Партия на пути к будущему.	323
Дефицит прагматизма.	326
Советы демократам.	328
Закон о президентской власти.	332
Почему мы победили.	338
Письмо к Б.Н.Ельцину и Г.Х.Попову.	342
Россия, Украина и США.	345
Почему красные и чёрные объединились?	349
Россия: деградация или развитие?	351
Народ и правительство.	353
Национальный вопрос.	355
Украина.	359
АЭС.	364
Письмо к Л.Г.Лукияненко.	368
Речь перед депутатами.	381

Обращение УХС по поводу событий в Таджикистане	384
Проект резолюции съезда Республиканской партии по поводу событий в Литве	387
Отрывок из стенограммы конференции «Тоталитаризм, национальные конфликты и пути национального освобождения»	389
Статья в журнал «Украина»	405
Тезисы для выступления перед избирателями	407
Урок независимости	409
О Кюстине	412
О книге М.К.Касвинова «Двадцать три ступеньки вниз»	413
Столыпин	419
О выступлении А.И.Солженицына в Думе.	421
О фильме С.Говорухина	423
Новый Азеф	425
КГБ в действии	428
Белинский о Шевченко	432
«Бесы»	434
Вселенная	440
Михоэлс	442
Шаламов	445
Левко Лукьяненко	449
Михаил Горынь	452
Интервью на украинском радио. 1994 г.	453
Письма в редакции	469
«Молодь України». Октябрь 1988 г.	471
Письмо в редакцию. 1989 г.	474
Письмо в редакцию. Май 1989 г.	476
Письмо в редакцию журнала «Огонёк». 1990 г.	478
Письмо в редакцию. 1990 г.	479
Письмо к А.В.Есаулову. 1991 г.	480
Письмо к Владимиру Викторовичу. Август 1991 г.	482
Письмо в редакцию. 1993 г.	485
Религия	490

Переписка с членами Союза свободомыслящих	493
Надежде Алексеевне. 1991 г.	495
Борису. 1991 г.	496
Александрю. 1991 г.	499
Владимиру Александровичу. 1991 г.	500
Быстрицкому. 1991 г.	502
Петропавловскому. 1991 г.	505
Зимину. 1991 г.	506

Письмо В.П.Крижановскому. 1-я половина 1991 г.	508
---	-----

Письма к М.И.Барской	513
Крижановский – Барской. Ноябрь 1988 г.	515
Крижановский – Барской. 1992 г.	517
Крижановский – Барской. 8 августа 1992 г.	519
Крижановский – Барской. 13 августа 1992 г.	523
Крижановский – Барской. 29 августа 1992 г.	524
Крижановский – Барской. 10 сентября 1992 г.	528
Крижановский – Барской. 20 сентября 1992 г.	530
Крижановский – Барской. 31 октября 1992 г.	533
Крижановский – Барской. 14 ноября 1992 г.	536
Крижановский – Барской. Март 1993 г.	537
Крижановский – Барской. 31 марта 1993 г.	541
Крижановский – Барской. 6 мая 1993 г.	543
Крижановский – Барской. Август 1993 г.	544
Крижановский – Барской. Октябрь 1993 г.	548
Крижановский – Барской. 3-15 декабря 1993 г.	552
Крижановский – Барской. Декабрь 1993 г.	554
Крижановский – Барской. Январь 1994 г.	556
Крижановский – Барской. 31 января 1994 г.	558
Крижановский – Барской. 23 февраля 1994 г.	561

Переписка между К.П.Крижановским и И.Г.Хусидом	565
Хусид – Крижановскому. 2 августа 1971 г.	567
Крижановский – Хусиду. 12 июня 1973 г.	567

Крижановский – Хусиду. 27 июня 1977 г.	571
Крижановский – Хусиду. 28 марта 1978 г.	571
Хусид – Крижановскому. 20 декабря 1978 г.	572
Крижановский – Хусиду. 31 декабря 1978 г.	573
Хусид – Крижановскому. 1 января 1979 г.	576
Хусид – Крижановскому. 9-10 января 1979 г.	577
Хусид – Крижановскому. 10 февраля 1979 г.	582
Крижановский – Хусиду. 1979 г.	582
Хусид – Крижановскому. 8-10 мая 1979 г.	584
Хусид – Крижановскому. Май 1979 г.	592
Хусид – Крижановскому. 23 сентября 1979 г.	596
Крижановский – Хусиду. 9 августа 1980 г.	597
Хусид – Крижановскому. 4 марта 1981 г.	599
Хусид – Крижановскому. 7 апреля 1982 г.	601
Хусид – Крижановскому. 15 мая 1983 г.	603
Хусид – Крижановскому. 28 марта 1984 г.	604
Крижановский – Хусиду. 3 мая 1984 г.	604
Хусид – Крижановскому. 9 мая 1984 г.	606
Хусид – Крижановскому. 29 ноября 1985 г.	609
Хусид – Крижановскому. 18 декабря 1985 г.	610
Крижановский – Хусиду. 30 декабря 1985 г.	611
Приложение. О новой Программе.	612
Хусид – Крижановскому. 30 декабря 1985 г.	615
Хусид – Крижановскому. 10 ноября 1986 г.	619
Крижановский – Хусиду. 20 декабря 1986 г.	620
Крижановский – Хусиду. 26 декабря 1986 г.	621
Хусид – Крижановскому. 28 декабря 1986 г.	622
Крижановский – Хусиду. 10 апреля 1987 г.	623
Хусид – Крижановскому. 28 июня 1987 г.	625
Хусид – Крижановскому. 17 июля 1987 г.	626
Хусид – Крижановскому. 9 августа 1987 г.	627
Хусид – С.Г.Крижановской. 3-4 октября 1987 г.	628
Крижановский – Хусиду. 21 октября 1987 г.	630
Хусид – Крижановскому. 22 октября 1987 г.	633
Хусид – Крижановскому. 13 ноября 1987 г.	637
Хусид – Крижановскому. 16 ноября 1987 г.	638
Хусид – Крижановскому. 22 ноября 1987 г.	638

Хусид – Крижановскому. 3 декабря 1987 г.	640
Крижановский – Хусиду. 24 декабря 1987 г.	641
Хусид – Крижановскому. 5 января 1988 г.	643
Крижановский – Хусиду. 8 января 1988 г.	645
Хусид – Крижановскому. 17 января 1988 г.	651
Крижановский – Хусиду. 19 февраля 1988 г.	652
Крижановский – Хусиду. 22 февраля 1988 г.	653
Хусид – Крижановскому. 23 февраля 1988 г.	655
Хусид – Крижановскому. 26 февраля 1988 г.	656
Крижановский – Хусиду. Конец февраля 1988 г. О Н.С.Хрущёве. .	658
Крижановский – Хусиду. 2 марта 1988 г.	665
Хусид – Крижановскому. 9 марта 1988 г.	667
Хусид – Крижановскому. 13 марта 1988 г.	667
Хусид – Крижановскому. 23 марта 1988 г.	668
Крижановский – Хусиду. Июнь 1988 г.	669
Хусид – Крижановскому. 29 июня 1988 г.	671
Крижановский – Хусиду. Июль 1988 г.	673
Хусид – Крижановскому. 7 июля 1988 г.	676
Хусид – Крижановскому. 12 июля 1988 г.	677
Крижановский – Хусиду. 24 ноября 1988 г.	678
Приложение. О проекте Конституции	680
Крижановский – Хусиду. 1 января 1989 г.	684
Хусид – Крижановскому. 5 января 1989 г.	685
Хусид – Крижановскому. 26 августа 1989 г.	686
Хусид – Крижановскому. 4 октября 1990 г.	686
Хусид – Крижановскому. 9 октября 1990 г.	687
Хусид – С.Г.Крижановской. 10 декабря 1990 г.	688
Хусид – Крижановскому. 1 июля 1991 г.	689
Хусид – Крижановскому. 15 июля 1991 г.	690
Приложение. (И.Г.Хусид). Деньги или жизнь?.....	691
Хусид – Крижановскому. 24 августа 1991 г.	695
Хусид – Крижановскому. 6 декабря 1991 г.	696
Хусид – Крижановскому. 11 декабря 1991 г.	697
Крижановский – Хусиду. 31 декабря 1991 г.	699
Крижановский – Хусиду. 4 мая 1992 г.	700
Хусид – Крижановскому. 24 октября 1992 г.	702
Хусид – С.Г. и А.К.Крижановским. 8 мая 1995 г.	702

Книжку складають статті та нариси видатного історика і філософа Комміра Петровича Крижанівського. Головна тема збірки – філософія історії. К.П.Крижанівський зумів виснувати закономірності історичного розвитку суспільства залежно від співвідношення інтенсивних і екстенсивних факторів і на цьому підґрунті проаналізувати особливості розвитку Росії (від зародження імперії і до сьогодні), України та інших країн, пояснити причини виникнення сталінізму і фашизму. Автор аналізує події Другої світової війни та перебудовних часів.

К. П. Крижановский

ДИАГНОЗ-ИМПЕРИЯ

Статьи. Письма.

(Російською мовою)

Підписано до друку 10.09.2014. Формат 60х84/16.
Умов. друк. арк. 42,78. Папір офсетний. Друк офсетний.

Видавництво «К.І.С.»
04080 Київ—80, а/с 1, тел. (044) 462 5269
<http://kis.kiev.ua>

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єктів видавничої справи ДК №677 від 19.11.2001 р.

Надруковано ТОВ «Дорадо-Друк»
09000, м. Сквиря, вул. Щорса, 7
(044) 501–75–69
www.doradoalliance.com

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДК № 2600 від 01.09.2006 р.